

Владимир Бороденко

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ

1995

МОИ
ВОСПОМИНАНИЯ
1995 г.

Разрешаю тиражировать без изменения
и сокращения текста.

Автор - Владимир Бороденко.

Vladimir Borodenko
175 S. La Cumbre Ln. Apt #27
Santa Barbara CA. 93105
Tel. (805)683-6693

www.nashevremya.com/borodenko/

ОТКЛИК

Авто-биографическая повесть Владимира Бороденко поражает свежестью памяти автора.

Он помнит и приводит всё от раннего детства до юности, зрелости и старости. Хотя эту вещь нельзя в полном смысле назвать литературным произведением, она являет собой, тем не менее, уникальный труд человека, пожелавшего, чтобы его потомки знали о своих корнях, а также и о Божиих путях в жизни их отца и деда.

Не каждый возьмётся за такое дело, да и не каждый берётся. Многие не помнят своего прошлого в таких подробностях, какие мы находим у брата Бороденко, другие не видят ничего особенного, а если и видят, не знают как это изложить на бумаге без повторений и нагромождений из лишних фраз, могущих легко усыпить читателя.

Не смотря на некоторые литературные слабости, произведение Владимира Бороденко читается с интригой и впечатляет отдельными эпизодами и событиями. У каждого из нас свой путь и свой взгляд на жизнь, и заглянуть в жизнь другого человека бывает интересно и часто даже полезно. Ведь на опыте других учатся жить начинающие свой земной путь потомки.

Возможно, что для молодого поколения не всё будет приемлемо и понятно, но история всегда полезна и интересна, а я бы назвала это произведение отчасти документальным, отражающим определённую эпоху, насыщенную великими и важными событиями.

Вера Кушнир

«Помни весь путь, которым вел тебя Господь Бог твой...» (Втр. 8:2)

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА.

Люди, которым пришлось много пережить, стараются особые моменты своей жизни записать в книгу воспоминаний и оставить на память своим детям, внукам, правнукам – всему поколению, а также всем тем, кто пожелает узнать, как люди жили раньше.

И мне неоднократно приходила такая мысль на сердце: вспомнить свой жизненный путь, и хотя вкратце, в простоте сердца, изложить все на бумаге для своих потомков

Понимаю и вполне сознаю, что для меня, в возрасте 71 года, начинать такую, быть может и непосильную мне работу, очень трудно, но, уповая на Божью милость, на Его помощь и ожидая от Него благословения на этот труд, я с молитвой желаю приступить к осуществлению своей мечты.

Пусть этот труд будет во славу нашего Господа, ведь в этом Его святая воля, ибо Он Сам через Моисея, повелевает Своему народу: « помни весь путь, которым вел тебя Господь Бог твой...» (Втр.8:2).

Это повеление Божие обращено и к моему сердцу, а также к каждому, кто готов слушать и исполнять Его Повеления, вполне сознавая, что жизнь христианина, Его земной путь – в руках Господа и Он ведет нас к желанной цели.

Народ Израильский Господь вел 40 лет особым путем по пустыне, чтобы смирить, чтобы испытать Свой народ. Он томил их голодом, питал их манною, желая узнать, как они будут исполнять заповеди Его в трудных обстоятельствах.

Подобное и в нашей жизни посылает Господь, чтобы испытать нашу преданность Ему и научить принимать от Него не только доброе и приятное, но и жизненные бури, вихры, скорби, голод, холод, опасности, угрожающие нашей жизни и многое другое.

Бывает, что дети Божии на своем пути не испытывают особенных трудностей. Все у них в жизни проходит благополучно, во всем сопутствует удача, все хорошо. А другим приходится многие годы, а может быть и всю свою жизнь идти путем испытаний, путем скорбей.

Апостол Павел, желая утешить идущих таким путем, говорит: «...любящим Бога, призванным по Его изволению, все содействует ко благу» (Рим.8:28).

Наша жизнь на этой земле очень краткая и быстро проходящая и Апостол Иаков пришел к такому заключению: «...ибо, что такое жизнь ваша? пар, являющийся на малое время, а потом исчезающий»

(Иак.4:14). А Иов характеризует ее еще короче, он говорит, что это «дуновение» (Иов.7:7). И, хотя жизнь наша так коротка, но все же за прожитые годы у некоторых людей собирается очень много таких моментов, которые хотелось бы передать своему поколению, чтобы читая, они могли извлечь для себя жизненные уроки и в своей жизни не повторять ошибок своих предков.

Чтобы рассказать о пройденном жизненном пути, для этого необходимо много времени, да всего и не вспомнить. Основное, на что хочется обратить внимание, читающего эти строки, это милость и любовь, проявленные Господом к грешнику.

Господь через псалмопевца Асафа, Духом Святым, Обращается к народу Божьему, который Бог мощною

Мышцею вывел из египетского рабства, такими словами: Что слышали мы, и узнали, и отцы наши рассказали нам, не скроем от детей их, возвещая роду грядущему славу Господа и силу Его, и чудеса Его, которые Он сотворил. Чтобы знал грядущий род, дети, которые родятся, и чтобы они в свое время возвещали своим детям, возлагать надежду свою на Бога и не забывать дел Божиих, и хранить заповеди Его”(Пс.77:3-4, 6-7).

Слава Богу за то, что Он и мое сердце побуждает возвестить моему роду о том, как Он вел меня многие годы, как хранил, оберегал в опасностях, миловал и прощал. Хочется пожелать, чтобы читающие эти строки свои надежды возлагали на Бога.

Да благословит Господь этот скромный труд во имя Его и да поможет моему поколению, если Он продлит жизнь на земле, искать спасение и утешение только в Господе нашем Иисусе Христе.

Апрель, 1994 год г.Аубурн, С Ш А.

Владимир Бороденко

ДЕТСТВО, ОТРОЧЕСТВО, ЮНОСТЬ.

Свои воспоминания хочу начать с самого раннего детства, с тех пор как я себя помню. Очень хорошо помню: было мне года четыре, как однажды вечером мама готовилась уложить меня спать и перед сном решила меня покормить. Я тогда еще сосал грудь. И вот, я залез на стул у окна возле стола, а мама подошла ко мне. Расстегнул пуговицы блузки, забрался к маме в пазуху и приложился к сисе. В это время открылась дверь и вошел человек в военной форме, которого я еще никогда не видел. Мне стало страшно и я заплакал. Мама начала успокаивать меня:

- Не бійся, це жолнеж (солдат), він твій дядько, його звать дядько Сидор.

Я плотнее прижался к маме и продолжал сосать сисю

Дядя сразу не понял, почему я стою на стуле и крепко прижимаюсь к маминой груди. Он подошел к нам ближе, стал оттащить меня от груди и смеяться:

- Такий великий, а ще ссеш ціцю, як тобі не соромно?

Но я не обращал внимания и продолжал свое дело.

Мама потом не однократно говорила мне, смотря на мою упитанность: “ Це тому ти такий опецьок, що до чотирьох років тягнув ціцю, завжди бігав за мною і не давав спокою : мама, ціцю !”

Рассказывали, как подобно мне, один мальчик сосал сисю и когда в хату зашел сосед, то он, оторвавшись от сиси, спросил соседа: “ Дядьку, а що дали за воли?” Наверное и я задавал подобные деловые вопросы, но я этого уже не помню. Еще помню, как я стоял около стола. Мне очень хотелось заглянуть на стол и никак не мог дотянуться. И вот, ухватился рученками за край стола, встал на пальчики и тогда только немного смог посмотреть, что стояло на столе. Сколько тогда мне было, не знаю, наверное меньше четырех лет. С самого детства татко приучал нас к посильному труду, а в хозяйстве было множество всякой работы для любого возраста.

Первым делом поручили мне пасти целое стадо поросят. Это для меня была непосильная работа и часто сопровождалась слезами. Мне тогда было лет шесть, в школу я еще не ходил, считать не умел и в этом заключалась вся трагедия. Поросята разбегутся по огородам и их никак не соберешь. А когда приходит время загонять их в сарай, мама, обычно, выходила, чтобы помочь мне и замечала, что поросят нехватает. Тогда она строго выговаривала мне и заставляла искать их. Мне приходилось обходить все огороды, чтобы найти потерявшихся. И так, кажется собрал все стадо, но мама опять бранит меня:

- Ще не всі, нема рябенького, куцорилого, давай, іди шукай і дивись, якщо не знайдеш – получиш!

С плачем іду шукати втрату.

У нашого дедушки Павла був великий старий сад .

Купив його ще прадедушка, а може і дедушка. В ньому були дуже великі яблони і груші і залезти на дерево було неможливо, щоб нарвати плодів. Ждали сильного вітру, після якого вся трава навкруг була усыпана прекрасними яблуками і грушами. І тоді я і мій старший братик Ананій, а іноді сестренка Вера бігали в сад збирати фрукти. Особливо багато фруктів осипалося після нічної бурі. Потрібно було раннім утром, ніж пораньше, вставати, щоб першими прибігти в сад. Соперником нашим був сусід дядя Остап, він був чоловіком нашої теті Татяни. І, коли, бувало, заспим – марно йти в сад, Остап уже все збереть ! І так обидно було повертатися додому з порожньою кошиком.

Ще пам'ятаю, як батьки, їдучи на город, брали з собою і нас всіх. Наймолодшій сестренці Лені було тоді близько двох років, вона молодше мене на 6 років.

Пам'ятаю, посадили її в кінці огорода, біля грядки, щоб там гралася і не топтала грядки, а мені показали як полоти, як відрізняти свеклу від бур'яну, як бур'ян потрібно випалювати, а свеклу залишати. Я так усердно працював, так поспішав, щоб не відстати від старших.

Мені здавалося, що у мене дуже якісно отримується прополка, але, коли підійшла мама, то з невдоволенням сказала мені:

- Нащо ж ти повірив бур'яни, а зрештою позалишив? !

Ось, глянь: один, другий, третій, та ще такі гарні, а ти їх повірив !

Я ще раз вислухав мамино пояснення, як потрібно відрізняти бур'ян від свекли і продовжував працювати. І раптом чую: « Ледя ! Ледя ! » Це Леночка кричить мені і кличе до себе. Я йду до неї і вона, з страхом і здивуванням, показує на кошик, з якого виліз жук, говорить: « дивись – вовк, вовк ! ». Ми посміялися, Що в Леночкину кошичку потрапив вовк.

Одного разу теплим, літнім вечором до дедушки во двор, на навантажених возах їздили якісь-то чужі, незнайомі мені люди. Ми побігли подивитися, хто це такі і дізнатися, що вони привезли. Коней запрягли і завели в сарай, а потім почали вивантажувати ящики і заносити в хату і складувати їх в коридорі.

Після того, як привели все в порядок, бабушка принесла їм воду, мило, рушник, вони помислили і зашли в хату. Зашел і я прослухати їх розмову. З їхньої розмови мені стало ясно, що це бідні люди, онуки

/заготівельники утиль-сировини/. Вони їздять по селах і міняють стакани, шпильки, булавки і проч. на старі, негідні речі. Я здогадався, що в ящиках стакани і, виходячи з кімнати, вирішив заглянути в ящик. Дивлюся – в ящику повно стаканів, закритих солом'яною кришкою. Я тихо витягнув один стакан, побіг додому, сховав його і нікому нічого не кажу. Лег спати, але заснути не можу: якась-то тягар жмет серце, совість осуджає мене,

жмет всередині. Я думаю: це бідні люди, збирають собі гроші, щоб прогодувати свої родини, а що я зробив? Украду стакан, обідів бідних дітей!

Після такого мучительного стану і розчарування совістю я твердо вирішив: завтра встану і занесу стакан на місце, звідки взяв. Тільки подумав так – і на серці стало легше, трохи заспокоївся і заснув. Утром встав і, в першу чергу, навіть не позавтракавши, поспішив принести украдену річ. Ідея, думаю, хоча б ніхто не побачив, щоб мені встигнути поставити стакан, поки господар не виявить пропажу. Він же зразу здогадається, що це моя робота,

скажет отцу и будут мне неприятности. Но все обошлось благополучно. И только таким образом я полностью освободился от угрызений совести.

В нашем селе не только мой дедушка имел большой фруктовый сад, но и у других односельчан тоже были старые, хорошие сады, поэтому и село наше называли Великие Сады. Моего дедушку по-уличному называли Новосад, потому что давным-давно, наверное еще прадедушка купил новый молодой сад. И таким образом в селе появился род Новосада. Нас тоже называли этим прозвищем.

У дедушки было двенадцать душ детей – трое умерли, а девять прожили до старости. Фамилия наша Бороденко осталась по сей день и будет продолжаться, а Новосады отжили свое время и только старожилы села иногда вспоминают, что когда-то жили такие люди. Самый старший из них был Онуфрий. Он помогал дедушке руководить хозяйством и присматривать за порядком. Онуфрий был очень строгим и его все боялись. Бывало, когда все садились обедать и кто-то с грязными руками сел к столу – сразу же получал от Онуфрия ложкой по лбу. В то время обеды не так, как теперь – все было проще: большую посудину с пищей ставили на стол и каждый, друг перед другом, старались ложками чем побольше извлечь из макитры, чтобы не остаться голодным.

Однажды татко нам рассказывал, как дедушка управлял своим домом. Если кто-либо заболел в семье и не выходит на работу, то дедушка спрашивает бабушку:

- А де це той ледар, чому не на роботі?

Бабушка с жалостью отвечает: он же больной, с температурой, пусть полежит, он не может работать. Но дедушка не очень беспокоился здоровьем больного, а ставил вопрос ребром:

- Їв?!

- Да, - отвечает бабушка.

- Раз їв – марш до роботи! – приказывал дедушка.

Болезнь было некогда, хозяйство было большое, около пятнадцати гектаров пахотной земли, разбросанных во всех концах села. У дедушки была большая хата, половина для жилья – одна большая комната, а в другой, маленькой, иногда держали квартирантов, а сами все жили, в основном, в большой. В углу комнаты – большая русская печь, рядом дощатый настил, на котором спали дети. Но самым привлекательным для нас местом была печь, на ней тепло и уютно. На печи постилали паклю, или насыпали просо, пшеницу и это служило нам постелью, вместо матраса, а на дощатый настил вечером приносили и настилали солому, а утром выносили. Рядом стояла деревянная кровать для дедушки и бабушки, у окна – большой стол, а за столом, вдоль стены стояла длинная лавка, пол был земляной.

Зимой в сильные морозы новорожденных животных брали в дом, спасая от холода. Вторая половина дома служила зернохранилищем и кладовой для хранения различных вещей и продуктов. Там стояла бочка (бодня) с салом, боченок соленого сыра, бочки с огурцами, сушеные фрукты и многое другое. Эта половина дома была не оштукатурена, стены дощатые, пол был деревянный, под полом было свободное пространство так, что снаружи можно было свободно залазить в подпол. И были случаи, рассказывал татко, когда под такие кладовые и зернохранилища залазили воры под полом, просверливали дырки в том месте, где было насыпано зерно, подставляли мешки и зерно само свободно сыпалось в мешки и, таким образом, воровали зерно.

Было у дедушки два амбара (клуни), один большой с двумя большими дверями, туда заезжали повозки со снопами, выгружались, а потом задним ходом выкатывали пустую повозку обратно. Другой амбар был поменьше, с сараем для скота и вышками, а на вышках полно душистого сена, туда мы любили залезть и поспать в мягком, душистом сене. Двери в сарай были без петель; в нижнем и верхнем бруске были выдолблены два круглых гнезда, а в дверном бруске – два закругленных шипа, которые вставлялись в эти гнезда и на этих шипах двери со

скрипом открывались и закрывались, а потом защелкивались деревянной задвижкой. Вот это краткое описание дедушкиного хозяйства.

Любил я с дедушкой пасти скот. Я помогал ему, так как он часто болел желудком. Когда боли приступали к нему, он ложился животом на землю и долго лежал, пока боль не утихала, а мне в это время приходилось пасти все стадо. А за это дедушка угощал меня вкусными душистыми яблоками и грушами. Рассчет производил сразу, а иногда дома. Твердые фрукты дедушка не мог кушать из-за болезни желудка. Для этого у него в клуне, между снопами, или в клевере были места, куда он ложил яблоки и груши. Там они долго лежали, пока становились мягкими и очень вкусными; и вот из этих запасов он и награждал меня.

Дедушка был добр, но в то же время и строг. Татко рассказывал, что если ему нужно было куда-либо ехать, он давал команду сыновьям смазать мазью оси повозки, все приготовить, почистить лошадей, запретить и тогда выходил, садился в повозку и уезжал. А когда возвращался, особенно с города, всегда был слегка выпивши и, заезжая во двор мимо дома, сообщал о своем приезде ударом кнута по окнам. Тут же, немедленно, нужно было быстро выскакать во двор и выпрягать лошадей.

Все сыновья поженились, дочери повыходили замуж, каждый имел свое хозяйство, свою семью, были независимыми от отца, но все равно слушались дедушку во всем и это ему было очень приятно. Он чувствовал себя в роли барона, управителя всеми хозяйствами.

Мой отец Поликарп и мама Мария жили рядом с дедушкой. Построили себе новую, хорошую хату на три комнаты с кухней и кладовой, конюшню, пристроенную к дому, сарай для коров. Все постройки были крыты цинковым железом, но земли было совсем мало, всего два гектара.

У мамы не было никакого приданого. Хлеба свозили в общую большую клуню, а когда урожай не вмещался, то заполняли и меньшую. Там было место и для скота, Потом дедушка передал ее нам.

До раздела земли между детьми все работали в общий котел, под руководством дедушки, несмотря на то, что каждый из детей имел свою семью. Больше всех работать в общий котел пришлось татку, поскольку мы жили рядом. За такое повиновение дедушка добавил нам пол – гектара земли, но зато и требования родителей были больше, чем к другим детям.

Хорошо помню, как однажды в нашем дворе появился с криком очень сердитый дедушка. Я стоял и смотрел на растерянную и напуганную маму и не мог понять, в чем дело. А дедушка в бешенстве начал хлестать маму кнутом. Будучи малышом, я не мог защитить маму. Потом стало известно, что причиной была наша корова, зашедшая в его огород. Когда татко вернулся с поля домой, мама со слезами начала рассказывать и жаловаться ему, говоря, как побил ее дедушка. Татко внимательно выслушал а потом спросил:

- А чим він тебе бив? Мама ответила: кнутом. – Ну, якщо кнутом то нічого страшного, пройде.

Сказав это, он не выразил никакой злобы или негодования на дедушку.

Татко знал, что идти в защиту мамы, значит вызвать недовольство дедушки, вызвать семейный скандал; лучше сохранить мир и спокойствие в доме, а время залечит все обиды. Мне никогда не приходилось слышать, чтобы татко когда-либо спорил с дедушкой,

Или противоречил ему в чем-то, наоборот, он был всегда обходителен с ним и послушен, почитал его, как хорошего отца, несмотря на все его недостатки.

Дедушка и бабушка были православными христианами, в почете в церковном приходе, все его уважали за его мудрость и умение рачительно вести хозяйство и управлять семьей. Бабушку звали Пелагеей.

Она была хорошей хозяйкой, доброй ласкавой к людям.

Помню какую вкусную квашу она умела готовить из гречневой муки. Для нас это было лакомство и я всегда бегал к ней с кастрюлькой за этой вкусной, кисленькой пищей.

Я любил ходить к бабушке, но не всегда мог попасть к ней, так как во дворе были очень злые индюки и как только увидят меня – сразу нападают. Начнешь отгонять, а они еще хуже злятся, поднимают крик, налетают и клювами больно бьют. Я тоже начинаю кричать и тогда выбегает бабушка и отгоняет их. А иногда приходилось возвращаться домой, не проведая бабушку.

Возле дома были очень высокие старые черешни и вишни, некому было обрывать ягоды, все были заняты и бабушке самой приходилось приставлять лестницу, забираться на самую верхушку и обрывать черешни. Для этой цели она имела длинную деревянную клюку, которой старалась притянуть к себе самую удаленную ветку. А где не могла достать – ударяла клюкой по веткам и черешни осыпались на землю. Сидя на верхушке дерева, она звала индюков. Они ее голос хорошо знали и, как только услышат: «буль-буль-буль» – сразу же бегут собирать черешни.

Бывало, она звала и меня и просила:

- Заліз, дитино, на черешню, обірви зверху, дивись які там гарні ягоди, я дам тобі за це двадцять грошей /копеек/ на цукерки.

Я рад был сделать доброе дело и получить плату.

Работу я сделал, но к сожалению, вознаграждать меня за услугу бабушка не успела. Прошло немного времени и она умерла.

Дедушка после ее смерти прожил еще лет шесть, или семь. Еще я вспоминаю, у бабушки за сараем был большой огород, где она сеяла много мака и, когда он созрел, мы лазили в огород, обламывали маки и убежали, прятались где –нибудь и лакомились вкусным, сладким маком. Мы тогда не знали, что в маке содержится наркотик, но всегда, после употребления, чувствовали себя бодрыми и довольными. Вообще-то в огороде было много различных приманок: там была клубника, огурцы, подсолнухи и все это, как магнитом тянуло нас на «преступления». Но, в основном, мы всегда драпали. Иной раз на помощь бабушке гнался за нами дядя Сыдор, он был самым младшим сыном дедушки и жил со своей семьей вместе с ними, от него труднее было спастись.

Родителям моим трудновато было хозяйничать на двух с половиной гектарах земли, это было мало, поэтому мама старалась выкармливать свиней на продажу, чтобы прикупить еще немного земли, ведь нас было четверо: два сына и две дочери и каждому, по бедности, нужно было дать, хотя бы по гектару, а то и по два гектара земли при разделе. Вот и приходилось родителям сушить голову, как бы обзавестись лишним гектаром.

В то время Англия заключила с Польшей договор на поставку в Англию хмеля и татко решил воспользоваться предстоящей возможностью «разбогатеть». Закупил проволоку разной толщины, столбы и все необходимое для постройки хмельяри. Закупил саженцы, посадил и только через пару лет собрали хмель для отправки (тогда Англия платила за хмель хорошую цену) и, вдруг, цена резко упала и вообще, наверное, договор был расторгнут. Одним словом – продать хмель стало некому, татко ждал года два, думая, что цена подыметься, но не дождался и пришлось весь хмель высыпать в ров. Затраты понесли колоссальные, а пользы никакой.

Вспоминаю еще один момент детства: отец пригласил однажды соседок помочь сортировать хмель. Этим они занимались в клуне на току, а на улице шел сильный ливень. Женщины занимались своим делом, а мама в доме готовила обед.

В нашем селе речки не было, только после дождя на соседнем лугу образовывались лужицы, вода на солнце хорошо прогревалась и мы, дети, там барахтались. У богатого соседа Теренька была глубокая большая яма, которую когда-то, при постройке дома, выкопал его тесть для сбора в ней дождевой воды. В этой яме купались только взрослые хлопцы. У меня появилась мысль, как бы и мне покупаться в большой воде, как будто-бы в речке. У нас, после каждого дождя, с бугров собирается очень много воды, которая с шумом и с большей скоростью мчитесь, неся с собой все, что попадет на ее пути. В это время никто не рисковал переходить улицу, вдоль которой во рву с бешеной скоростью мчится бурлящий поток. И вот

как раз подошло удобное время осуществить мне свои мечты. Я зашел в малую клуню, разделся, выбежал голый во двор под сильный холодный дождь и только намерился бежать вниз к бушующей воде, как вдруг меня заметили, отчитали хорошенько, но не били. Я быстренько оделся и ушел в дом к маме. И так постигла меня «неудача», а если бы случилась «удача» – страшно себе представить последствия, меня давно уже не было бы в живых!

Спустя лет пять-шесть после того мы шли со школы во время небольшого дождя и вот одной девочке нужно было перейти через ров на другую сторону. Только вошла она в воду, как вода подхватила ее и понесла. Но Бог послал для спасения ее жизни дядю Гаврила, который заметил тонущую девочку, быстро подбежал, ухватил ее за одежду и вытащил из воды на берег. Так, по милости Божией была спасена девочка Верочка.

Многие годы у нас на квартире жили польские учителя. Они были очень довольны, потому что могли с мамой говорить на польском языке (мама тоже была полька), и еще им было удобно то, что школа была недалеко. Когда им нужно было зарезать курицу, они всегда приглашали меня и за услугу давали мне тридцать грошей (копеек). Эта работа была довольно неприятной; пользовался не ножом, а топориком: положу связанную курицу на пень, оттяну головку и топориком – раз и готово. Зарубленная курица еще подпрыгивает, брызгает кровью, а я в это время убегаю подальше.

Помню однажды мне поручили передать записку учительнице той школы, где я учился. В нашем селе не было построенной специально школы и занятия проводились в двух-трех домах. И вот мне нужно было отнести записку. Это дело было весной, солнышко пригревало так ласково, было так тепло и мне неохота было ходить в школу. В те годы (это был 1933 год) польские власти решили сделать комиссацию села: переселить людей на хутора и люди начали переселяться. По соседству с нашим домом жила одинокая старушка. Она оставила свое жилье и переселилась временно пожить у своих родственников и со временем должна была перевозить свою хижину на хутор. И вот в эту-то хижину я со своими одноклассниками забрался на чердак и взялись за дело: начали разбирать дымовую трубу, которая была сделана из лещиновых прутьев; они нам понадобились на палки для игры в шпака. Палки получились очень хорошие, легкие, без сучков, а с кусков сделали шпаки. Каждый наделал себе, сколько хотел, с запасом на весь сезон. Как раз начинался сезон весенних игр. Мы были уже готовы возвращаться домой, но было еще рановато, нам нужно было прийти в то время, когда кончались в школе занятия. Крыша была покрыта снопами соломы и мы сделали в крыше дыру для наблюдения, чтобы вместе со всеми школьниками возвращаться домой. Я не знаю, кому как прошел этот номер, узнали ли родители моих друзей, где мы были, чем занимались, но мне – не прошел. Подходя к дому я спрятал в кустах свои палки и шпаки, зашел во двор, учительница встретила меня и спрашивает, передал ли я записку. А я о ней совершенно забыл. Неприятность! Казалось, все шло хорошо, а конец оказался таким неприятным: пришлось объясняться перед учительницей и родителями. Было очень стыдно за такой проступок. Родители не наказывали меня физически, а старались повлиять морально, пришлось выслушать внушение, перед всеми извиниться и дать обещание, что впредь буду послушным и подобное больше не повторится.

Еще помню, как я пошел в школу – первый раз в первый класс и как осваивал науку. Учительница спрашивает меня по-польски:

- Владзимеж, иле бендзе два разы два? (Владимир, сколько будет дважды два?) Я отвечаю: «два разы два то бендзе... то бендзе и еще раз то бендзе». «То иле ж бендзе?» (Так сколько же будет?) Учительница, теряя терпение, пока я думаю «иле ж то бендзе два разы два», подходит ко мне с длинной линейкой и говорит: «давай твое лапэ!» Неохотно, со страхом я протягивал ей не лапу, а детскую рученку. Она выжимает ладонь, чтобы лучше приставала линейка и, приговаривая, ловко и крепко, несколько раз, бьет линейкой по ладошке. Иной раз обходилось без линейки, более гуманно: не можешь ответить на заданный вопрос, садись! – недовольно приказывает учительница, - «Сядай, туман едынасты!» (садись недоумок). А бывало

и похуже: кроме ударов по лапе, ставила в угол на колени. В царское время, рассказывал нам татко, учителя требовали приносить с собой гречку для того, чтобы провинившегося ученика ставить на колени на гречку. У нас такого метода воспитания уже не было.

Помню, как интересно было нам, и детям и взрослым, когда учитель, наш квартирант, пригласил нас послушать радио. Он сам собрал этот примитивный аппарат и хотел удивить нас своей новинкой техники.

Он поставил приемник на окно, а нам подал наушники чрез окно и мы, малые и старые, толпясь под окном, впервые слушали радио, передавая друг другу наушники; для нас это было большим чудом. Благодаря нашим квартирантам, мы увидели еще одно чудо, тоже впервые в жизни. К нам приехали на машине какие-то польские паны, их друзья. Пока они угощались и беседовали, мы имели возможность осмотреть машину. Каждый старался подойти поближе, прикоснуться, погладить, заглянуть вовнутрь. И так мы стояли вокруг машины, любуясь ею. Уже стало темно, давно пора идти домой, но мы терпеливо ожидали, когда выйдут гости, чтобы посмотреть, как они сядут в машину; интересно, как она тронется с места, как далеко светят фары. Но самое интересное, как она взберется на гору Пешачу (это название гора получила от того, что всегда нужно было с повозки и идти пешком, чтобы легче было лошадям). Мы стояли, смотрели и удивлялись, что на такую крутую гору, с такой скоростью выехала машина. Еще немного постояли, высказывая каждый свое удивление и восхищение от увиденного и потом разошлись по домам, а на следующий день многие школьники с удивлением слушали наш рассказ.

Наши квартиранты машины не имели, на машину нужны были большие деньги. Если за велосипед нужно было заплатить 120-160 злотых (это, примерно, стоимость двух коров), то сколько же тогда стоила машина?) В те годы велосипед тоже был чудом: как это так, что человек едет на двух колесах и не падает? На все наше село был один велосипед и то трофейный, немецкий, но, со временем, появилось их больше и люди с завистью смотрели на обладателей велосипедов, ведь это было предметом роскоши. А когда нашим учителям нужно было ехать в Дубно, или на железнодорожный вокзал, они обращались к татку. Лошади у нас были очень хороше, татко любил лошадей, ухаживал прилежно за ними, чистил, всегда они были сыты, даже тогда, когда однажды град уничтожил посевы и у нас был маленький запас зерна, то для нас мама пекла из гречневой муки гречаники, а лошадям отдавали последнее зерно. Но зато, когда выезжаешь со двора, то держись! Все время нужно было сдерживать вожжи и держать внатяжку. Татко никогда не применял кнута, а на полном ходу, на всей скорости пускал под гору, подъезжая домой. Вот на таких лошадях паны-учителя любили прокатиться на вокзал, или в город Дубно. За услугу они щедро вознаграждали – 5 злотых за один рейс; это, примерно, двух-трехдневный заработок среднего рабочего.

Татко всегда любил иметь хороших лошадей самых лучших пород и случались с лошадьми различные приключения. Однажды он приехал с и рассказал, как ему чуть-ли не приключилась беда. В поле на хуторе он сеял пшеницу и посеянное нужно было заборонить. У нас тогда был племенной жеребец. И вот, во время боронования, вдруг жеребец вскочил кобылу и лошади начали кружиться. Бороны перевернулись зубьями вверх и лошади вот-вот упадут на бороны. Отцу все время пришлось оттащить бороны в сторону, а в поле никого не было, чтобы позвать на помощь.

Второе приключение случилось около дома. Татко пахал огород, прошел последний раз в конец поля, а обратно возвращался впустую. Лошади почувствовали холостой ход, что им легко без нагрузки и шли свободно. Татко, когда пахал, имел привычку всегда держать вожжи на шее, чтобы когда понадобится, было удобно схватить вожжи и удержать лошадей. Вдруг жеребец увидел невдалеке пасущихся соседских лошадей и рванул к ним. Татко не успел ухватить за вожжи, и лошади потянули его по борозде. Слава Богу, что лошади остановились перед оградой! Если бы протянули дальше, то могли бы задушить татка за шею.

Самое страшное приключение было, когда однажды татко пахал поле у соседа Семена, а я рядом пас коров. У соседа Гаврила тоже был племенной жеребец, а жеребец жеребца очень не любит. Сарай, где стояли лошади был открыт. Жеребец почувствовал рядом врага, оторвался с уздечкой и прёт прямо на наших лошадей, а они были в конце поля у дороги. Дорога была выше поля и вдоль поля была посажена молодая живая изгородь из граба, а перед изгородью натянута колючая проволока. Когда прибежал разъяренный жеребец, остановился на дороге – татко увидел, что дело плохо, нужно спасать своих лошадей. Он кликнул меня на помощь, я прибежал, он дал мне вожжи, чтобы удерживать лошадей, а сам кнутом начал отгонять жеребца. Но что можно было сделать кнутом? Он только раздражил жеребца, когда хлестал его кнутом по голове. И вот, разъяренный жеребец поднялся на задние ноги и так, на задних ногах, через это ограждение, потянул за собой проволоку и мы оказались в кольце. Когда татко увидел, что мы ничего не сможем сделать, командовал мне: « пускай Коні !» И я отпустил. Кони с плугом, галопом через ров, и в этот момент, когда лошади прыгнули через ров, плуг острием ударил кобылу по ноге, выше мычки, над пяткой и она побежала на трех ногах, а жеребец за ними. Не знаю, сколько они бежали бы, если бы не налетели на дерево – одна лошадь с одной стороны, а другая с другой. Жеребец налетел на них и начал кусать их зубами. Мы еще не успели добежать, как хозяин жеребца схватил кол, выбежал и начал отгонять его. Тут еще прибежали люди и еле-еле отогнали, поймали его и завели в сарай.

В то время, когда люди отгоняли жеребца, татко прибежал и быстро начал освобождать лошадей: выпряг кобылу, пустил и она, спотыкаясь, побежала на трех ногах. Больше года покалеченная кобыла стояла в хлеву. Гаврило был ветеринаром, все время приходил и лечил рану на ноге, но безрезультатно: были перерезаны сухожилия, держать ее было бессмысленно. Для нас это была большая утрата, за нашу кобылу можно было на ярмарке взять 300- 350 злотых. За такие деньги можно было купить пол-гектара земли, или три хороших коровы. Я хорошо помню, что мы покупали гектар поля за 800 злотых. Можно было избежать этой беды. Перед тем, как пускать лошадей, нужно было отцепить плуг, но мы не догадались, да и опасно было лезть между лошадей.

Дядько Гаврыло заплатил нам 150 злотых, кобылу завели в клуню, пригласили дядька Гилька, чтобы он убил кобылу, а он по этой части был специалистом. В селе ходили разговоры, что Гилько одним ударом кулака в лоб, убивал лошадь. В связи с этим, улицу, где жил дядько Гилько называли « Конобойня ». Не знаю, как он справился с нашей кобылой, но когда я открыл дверь в клуню, то увидел лежащую тушу кобылы, уже без кожи. Мясом кобылы всю зиму кормили собак.

В тридцатых годах в Польше и особенно в Западных областях оккупированной Украины, появилось много конокрадов. Они воровали лошадей и переправляли их за границу. Поскольку татко всегда имел хороших лошадей и, чтобы быть в безопасности от воров, пришлось ему к хате пристраивать специально стайню. Все замки для сарая были ненадежные, нужно было из спальни в стенке пробить дыру, чтобы через эту дыру задвигать металлическую штабу. Это был надежный запор. Кроме того, дядя Федор, родной брат татка, сделал в стене окошко с дверкой и, когда, бывало, лошади дерутся между собой ночью, татко открывал окошко и кричал на лошадей, успокаивая их. Зимой нужно было выводить лошадей на прогулку и для этого к оброти татко привязывал длинную веревку и крепко держал ее, а лошадь бегала вокруг. Интересно и страшно было смотреть, как жеребец бежит, бежит вокруг, а потом поднимается на задние ноги и бежит прямо на татка. К нам часто приходил молодой сосед Гнат и татко предлагал ему вывести жеребца на прогулку, чтобы испытать его храбрость и было смешно смотреть, как он с перепугу убежал и больше не брался за это дело. Однажды с Гнатом произошла неприятная история. Татко в клуне делал кули (это большие снопы из чистой, крупной соломы), у него в руках была бьюрка /кусок палки, чурки/, при помощи которой увязывал снопы, он вдруг увидел через щелку в двери, что к нам направляется Гнат. Татко

решил подшутить над ним, стал у двери и ждет. Гнат открывает дверь, в этот момент татко изо всей силы хотел ударить по двери, чтобы напугать Гната, но бьюрка попала не по двери, а по зубам Гната и выбила ему все передние зубы. Об этом мы, дети, долго не знали, пока однажды я подслушал, как татко говорил маме:

- Треба гроші, щоб вставити Гнатові золоті зуби.

Я спросил маму:

- Чому таткові необхідно Гнатові вставляти золоті зуби?

И тут мама вынуждена была рассказать всю эту историю.

Татку было стыдно и неудобно за такую шутку. Через некоторое время я увидел Гната с золотыми зубами и он мне более подробно рассказал, как он приобрел золотые зубы. Говорят: наука деньги стоит... Дорого татку обошлась наука шутки шутить!

Еще хочется рассказать один забавный случай.

Мой старший брат Ананий однажды рассказал мне сон, который снился ему три ночи подряд. Сон был вещий и заманчивой. Снилось ему, что у дедушки в саду на бугорке, в расстоянии двух шагов от сливы, закопано золото. Этот сон сильно повлиял на Анания, увиденное не давало ему покоя до того, что он не мог спать – в голову постоянно лезет мысль о закопаном кладе. Если бы один раз приснилось – можно было бы сомневаться, но ведь приснилось три раза подряд, три ночи, значит это был вещий сон!

Посоветовались мы и решили, не мешкая, взяться за дело. Но искать клад нужно было тайно, чтобы никто не видел. Особенно мы боялись дядю Сидора, ведь ему дедушка отдал свой сад и теперь он был его хозяином. И вот мы выбрали удобное время, когда дяди не было дома, взяли лопаты и пошли в сад. Ананий отсчитал от сливы два шага и начали копать. Моей обязанностью было посматривать вокруг, чтобы кто не заметил. Я поглядывал по сторонам, но особенно внимательно я смотрел в яму за лопатой выброшенной земли. А золота все нет и нет... Уже брат устал копать, вспотел. Думаем, что же дальше делать: копать еще глубже, или бросать – может быть не точно определили место, нужно еще раз проверить. Во сне было указано, что от сливы два шага в сторону дедушкиного дома, мы же так точно и копаем. Решили еще немного углубиться, но, к сожалению и нашему разочарованию ничего мы не нашли, зарыли и заравняли яму и пошли домой. По некотором времени дедушка пас в саду коров и наткнулся на это место. С удивлением смотрит на меня и спрашивает:

- Хто це ж тут копав, перепсував усю траву?

Мне пришлось сознаться и объяснить дедушке, что это мы с Ананием искали здесь золото, что ему приснилось во сне и мы копали, надеялись найти его.

- Ну й що ж, знайшли?

- Та ні, не знайшли, - со стыдом признался я дедушке.

Дедушка посмеялся, что его внуки уже с детства стремятся к приобретению богатства. Так бесславно закончилась наша операция «поиски золота»!

1930 год, я был еще небольшим мальчишкой, всего 7 лет, но очень хорошо помню день, когда Господь посетил наше село. Была летняя пора, воскресный день, на улице солнечно и тепло. В дедушкином саду начали собираться люди, все чужие, незнакомые. Постепенно весь сад наполнился людьми. Я сразу не мог понять, почему эти люди пришли в чужой сад, но увидев среди собравшихся татка и маму, а также и дядю Федора с женой, сразу успокоился и продолжал присматриваться: что же будет дальше? И вот один молодой человек стал посреди и начал говорить. Все присутствующие притихли. Он открыл какую-то Божественную Книгу и начал читать. Потом долго и громко говорил, объясняя прочитанное. После все склонились на колени и молились, но не крестились, т.е. не осеяли себя крестом. Я тоже стал на колени. После молитвы все встали и дружно начали петь песни, мне это очень понравилось, я еще никогда не слышал такого пения. После пения опять кто-то читал и рассказывал и так продолжалось долго, а в конце опять молились и все веселые и радостные разошлись по домам.

Прошло года два с того дня, я вспомнил этот день и попросил татка, чтобы он объяснил мне, что это было за собрание и татко рассказал мне следующее: дядя Федор и его жена Ганька – верующие, евангелисты и они пригласили таких же верующих из села Хорупань, чтобы они провели богослужение в нашем селе Великие Сады, чтобы люди послушали Слово Божие, Евангелие. Это было первое евангельское собрание в нашем селе. В те годы началась интенсивная евангелизация Западных областей Украины. После того еще некоторое время продолжались богослужебные собрания в нашем селе, люди интересовались Словом Божиим, но, к сожалению, только несколько односельчан отдали свои сердца Господу и приняли святое водное крещение. Они стали членами церкви в селе Хорупань, это село находится в 12 км. от нашего села. В нашем селе Великих Садах не было евангельской церкви, а православная церковь была в соседнем селе Мильча. В конце существования польской власти в Западной Украине, т.е. к 1939 г. была построена небольшая православная церковь и в нашем селе.

Наше село Великие Сады расположено на бугристой местности. Земли бедные – чернозема мало, в основном земля серая, местами глинистая. Люди жили бедно, за исключением некоторых селян, которые были богаты, но таких было мало. Самым богатым в селе был наш сосед, он имел 25 гектаров хорошей земли, много скота и некоторые сельскохозяйственные машины, большой кирпичный дом и другие добротные постройки. Бедные люди шли к нему наниматься, чтобы подзаработать, особенно во время жатвы и на другие работы. Рассчитывался он зерном: пуд пшеницы за день, это 16 килограммов.

Село было густо заселено: дом около дома, поля были далеко, разбросаны во всех концах села, людям трудно было их обрабатывать. Татко рассказывал нам, что в селе был только один колодец, выкопанный на общественном месте, на выгоне. Сюда с бочками съезжались за водой со всех концов села и даже приезжали и из соседних сел. Потом почти каждый хозяин копал во дворе свой колодец, несмотря на то, что докопаться до воды было очень трудно, в некоторых местах нужно было копать до шестидесяти метров в глубину. У нас вода была на глубине 40 метров.

Помню я еще, как во время православного праздника Юрия люди приводили на выгон коров и батюшка совершал служение: молился и скот кропил священной водой. Еще татко рассказывал, что на этом выгоне был построен склад для запасов зерна. И когда бедному хозяину не хватало своего хлеба до нового урожая, то таким семьям оказывали помощь с этого запаса. Также и в случае градобития, пожара и других стихийных бедствий. Каждую осень зернохранилище пополняли зерном из нового урожая.

В 1933 году Польские власти решили провести перепланировку села, чтобы каждому хозяину наделить землю в одном месте. До этого сельские наделы были разбросаны в разных местах и это затрудняло обработку земли. Планировали так, чтобы каждый хозяин получил землю по категории и качеству той, которую он имел: если был чернозем, давали чернозем; если поля были на южном склоне бугра – давали на южных склонах и наоборот. Люди смотрели не только на качество земли и на какой улице участка, но также обращали внимание, кто будет их соседом, с кем придется рядом жить. Очень трудно было всем угодить и для того, чтобы не было обид, избрали специальную комиссию по распределению земли. В эту комиссию вошли наиболее грамотные и всеми уважаемые люди, в том числе и наш татко. Комиссию возглавил чиновник из района, а также староста села. Помню, как собрались жители села у дедушки в саду, на яблоню повесили новую карту-схему села. Каждый подходил, рассматривал, а начальник вычитывал фамилии и предлагал на схеме хутор каждому в отдельности. Много было шума, недовольства, но деваться некуда: хочешь-не-хочешь, а покоряться власти необходимо. Нам выделили участок на 4 гектара на месте, за счет соседских огородов, так что переселяться нам не понадобилось.

На нашем участке было восемь хозяйств, предназначенных для переселения на хутора, в том числе и дяди Сидора, жившего вместе с дедушкой. Но дедушка пожелал доживать до

смерти в своем старом доме и татко выделил им один гектар земли, а взамен взял у них гектар на хуторе, в расстоянии одного километра от нашего дома.

Очень много пришлось нам потрудиться, чтобы расчистить и убрать весь груз и хлам, оставшийся от разобранных домов. Дороги проложили новые, а старые ликвидировали. Через дедушкин сад тоже проходила дорога, сад разделили пополам, все стало по-новому. Нам тоже пришлось засыпать глубокую дорогу, которая проходила мимо нашего дома, также нужно было выкорчевать много деревьев, ведь у всех соседей, которых отселили были сады. Молодые яблони, груши люди пересаживали на хутора, переселение было трудным; машин не было, все перевозили повозками. Несмотря на трудности люди постепенно обустроились, образовались новые улицы, напротив каждого дома свои поля; понемножку привыкли к новой местности, к соседям, да и в противопожарном отношении было более безопасно, чем было в селе, в итоге – все остались довольны.

Хочется еще вспомнить о наших зимах. Это были зимы не такие, как теперь: время зимнее, а температура осенняя – дожди, слякоть, ни снега, ни мороза. Тогда же, в годы моего детства, зимы были настоящие. Зима начиналась уже с ноября и продолжалась до марта, а то и до апреля; температура удерживалась настоящая, зимняя – мороз тридцатиградусный, а иногда и больше. Бывало задует снегом так, что невозможно выйти со двора, а выехать и подавно невозможно. В нашем дворе местами было навалено снега до полутора метров. И выезжать со двора все-таки было необходимо, ибо того требовала жизнь. Нужно было поехать в город что-то продать, что-то купить; нужно было поехать на мельницу в соседнее село, чтобы намолотить муки, хлеб тогда пекли хозяйки сами, в магазинах, как теперь у нас хлеб не продавался, а дома семья, дети, нужно кормить, а что дашь кушать без хлеба? Иногда приходилось занимать муку у соседей, пока проторят дорогу и можно будет поехать на мельницу. Чтобы выехать со двора, необходимо было в снегу прокапывать туннель, такой высоты был слой снега! Но для нас такая работа была удовольствием, мороз щиплет щеки, сверху порошок снежок, мороз еще и уши прихватывает, так что стоять без дела было невозможно, а за работой согреешься до пота. Мы с братом наловчились выбрасывать снег большими кубиками. Это удавалось, когда снег хорошо уляжется, спрессуется. Но было и так, что снежный покров настолько замерзал, что мы водили скот к колодцу прямо по снегу и он не проваливался. Катались мы, детвора, в основном на санках, которые мастерили сами, а коньков настоящих мы даже никогда и не видели. Сами, правда, делали что-то наподобие коньков, даже двух образцов: один образец – узкий, на одной проволоке, толщиной в три миллиметра, или серп соответственно выпрямленный и зарезанный в деревянную чурку по длине ступни, соструган на конус, просверлены две дырки – одна дырка впереди конька, а другая возле каблука. В дырки просовывали два шнурка и потом палкой, длиной в пятнадцать-двадцать сантиметров стягивались до тех пор, пока почувствуешь, что конек хорошо притянут к обуви. Вторая модель была на двух проволоках, широкая, на всю ступню. На них было легче кататься, они были более устойчивы. Все это мы, пацаны, делали сами. Льда природного у нас не было, т.к. в нашем селе не было никакого водоема, или речки. Только под весну, когда таял снег и образовывались большие лужи и замерзали, вот на них мы и катались. Еще катались с горки по обледеневшей тропинке. Кататься так, как катаются на настоящих коньках, мы не умели, да и не имели понятия, что это такое – настоящие коньки. Еще брали длинную палку, конец скрепляли проволокой, вбивали большой гвоздь, обрезали на соответствующую длину, затачивали, чтобы гвоздь был острый, брали палку между ног, отталкивались и – поехали! Скорость зависела от силы в руках и как часто будешь отталкиваться. Лыж настоящих мы тоже не видели, но когда сосед рассказал нам, что есть такие лыжи и на них можно хорошо кататься, рассказал, как их сделать, мы взялись за производство лыж. Брат мой Ананий был старше меня на четыре года, он был первым мастером по лыжам: оторвал от забора две осиновых, тесаных доски длиной по метру и давай конструировать лыжи (первую модель). Долго тесал, стругал, шлифовал и в итоге получились две отшлифованные

доски, немного широковатые, сантиметров десять-двенадцать. Решили, что они не будут застревать в снегу, но как загибать – этой техники мы еще не знали; немного приподняли носки, прибили ремешки и – лыжи готовы!

Попробовали кататься, хорошо скользят, понравилось, тогда начали усовершенствовать модель: сделали подлиннее, немного уже и из клена. Распарили носки в кипятке, загнули и получились замечательные лыжи! Потом по нашему примеру и образцу начали делать лыжи и другие пацаны и таким образом у нас образовалась команда лыжников. Целыми вечерами, при лунном свете, не обращая внимания на сильный мороз, мы катались допоздна, а снега у нас на горах было предостаточно.

Однажды в нашем селе появились на лыжах польские солдаты и мы впервые увидели настоящие лыжи. Поляки приехали к нам тренироваться, по горам они не ездили, а только по ровной местности. Не знаю, к какому роду войск они принадлежали, наверное к пехоте, но с ними были и кавалеристы на хороших лошадях. Они подавали лыжникам вожжи и лошадь на полном ходу тянула их. Некоторые не справлялись и падали, выпуская вожжи из рук.

Очень приятные воспоминания оставили в моей памяти празднования в селе праздников Рождества Христова и Пасхи – Воскресения Иисуса Христа. Семья наша считалась православной, хотя мама, будучи полькой по национальности, принадлежала к католической церкви. Нам, малым детям, о Боге говорили мало, только тогда, когда кто-либо непослушный провинится, то мама всегда указывала на икону Николая-угодника, на его поднятый перст и говорила:

- Дивись, Бозя свариться на тебе пальчиком і коли ти будеш напослушним, то Він покарає тебе, бо Він все бачить, що ти робиш. Будь слухняним, добрим хлопчиком.

Вот таким методом воспитывали нас, не прививая веру к послушанию и любовь к живому Богу, а страшили мертвой иконой. Только тогда, когда мы пошли в школу, то там батюшка раз в неделю преподавал нам Закон Божий.

Вот почему, будучи уже отроками, мы интересовались больше обрядами, чем самой сутью праздника. Это-то и привело меня в дальнейшем на безбожный путь, на полное отрицание Бога.

К Рождественским праздникам готовились все: и стар и мал. Родители старались запастись мукой, салом, мясом и разными продуктами. Почти каждый хозяин перед праздником колол кабана, покупал водку, или некоторые сами гнали самогон, приготавливали много различной вкусной пищи, чтобы весело провести праздник. Дети постарше делали Вифлиемскую звезду и ходили из дома в дом колядовать. Еще брали старое сито, в обечайке прорезали дыру, над дырами делали роги, обклеивали цветной, прозрачной бумагой, прикрепляли ее на палку, через окошко во внутрь ставили свечу, зажигали и шли гурьбой по селу от дома к дому. Подойдя под окно, громким голосом спрашивали:

-Пане господарю, чи можна заколядувати?

Хозяин радушно разрешал, отказа нигде не было, и мы громко пели так, что слышно было на другом конце села.

Таких групп колядников было много, все село оглашалось чудным рождественским пением. Хлопцы постарше и посмысленнее делали вертеп (маленький домик), а в нем маленькие фигурки Марии, Иосифа и Младенца в яслях, волхвов, пришедших поклониться Христу. В днище были прорезаны дырки-дорожки и один из ребят, сидя под вертепом, приговаривая, двигал эти фигурки по дорожкам. Дети с огромным интересом смотрели и радовались. Колядки сопровождалась и другими представлениями, например кого-нибудь одного из группы одевали в козюх (шубу) из овечьей шкуры, вверх шерстью, он входил в дом на четвереньках, как животное, это тоже доставляло детям много радости и восхищения, а некоторые, поменьше, от испуга забирались чем повыше: кто на стул, а кто на печку.

С колядками до поздней ночи ходил также и церковный хор, с колоколом, звоня у каждого дома и пробуждая уснувших хозяев. Таким образом хористы собирали средства на

храм (церковь), а часть использовали себе на угощение. Молодежь и дети, получая вознаграждение за пение, потом делили все между собой, а делить было что: пироги, яблоки, орехи, конфеты, колбаса, сало и даже деньги. Каждому коляднику было поручено особое дело – кому носить звезду, или вертеп, кому деньги собирать, а мне поручали носить кош (корзину) с продуктами.

На новый год дети тоже ходили поздравлять хозяев щедришками. Набирали в сумку зерна и, придя в хату и рассеивая зерно по хате, поздравляли, приговаривая: «сію, вію, посіваю, з новим роком поздоровляю». Молодежь тоже ходила по домам с поздравлениями и пением различных песен-щедришек. В этих песнях высказывались хозяевам хорошие пожелания богатого урожая в поле, многих лет жизни и т.д. За поздравления детям давали гостинцы.

Перед праздником Пасхи тоже было множество приготовлений, суеты. Хозяйки старались привести в порядок дом, сделать побелку внутри и снаружи, все помыть, почистить. Мужчины наводили порядок во дворе, заготавливали продукты, а хлопцы заблаговременно заготавливали дрова – пни, различные чурки, все, что попадало под руки, все на предпасхальный костер. В основном мы снабжались с хозяйских дворов, некоторые соседи сами предлагали дрова, но большей частью мы сами, загодя, присматривали, что у кого можно “подобрать”, а вечером уносили, увозили на тележках, прятали, укрывая соломой. В пасхальную субботу вечером подбирали подходящее место для костра, сносили все дрова и зажигали костер, который называли «удыняные». Приносили много соломы, расстилали вокруг костра, ложились и грелись. У костра собиралось много людей, особенно детей, подростков, даже и взрослые любили посидеть у костра, поговорить. Любили и подшутить над тем, кто уснет у костра: подожгут под ним солому, он вскакивает с перепугу и начинает кричать и ругаться, а все смеются. И так всю ночь до рассвета. К сожалению, за всю ночь никто никогда не вспоминал и не рассказывал о страданиях и Воскресении Господа Иисуса Христа. Когда-то, правда, один кто-то сказал, что костер жгут в память того вечера, в который судили Иисуса, а во дворе воины жгли костер и грелись. Так, не рассуждая, люди делают то, что сами не знают, своими обрядами уподобляя себя воинам, сидящим у костра, врагам Иисуса.

Пожилые ехали в соседнее село в церковь на всенощную, служение проходило всю ночь. В двенадцать часов ночи батюшка поздравлял народ с праздником Пасхи, трижды произнесенными словами – Христос Воскресе! И все в один голос отвечали – Воистину Воскресе! После двенадцати ночи начинали святить «пасху» – куличи, яички, колбасу, масло – все, что было принесено каждым прихожанином. Во время освящения совершали крестный ход вокруг храма и те, кто не мог за многолюдством войти в храм, расставляли свои корзинки для освящения у входа в храм и после всего разъезжались по домам, садились всей семьей за стол и освященной пасхальной трапезой все «разговлялись», т.е. разрезали все свяченое на кусочки и каждый съедал кусочек свяченого, а потом уже наедались досыта и ложились спать, а молодежь продолжала праздновать.

К нам домой часто собиралась молодежь. Моя сестра Вера играла на балалайке. И вот однажды помню, как мама спешила приготовить ужин, зовет меня и говорит: «Валоцька, лепи вареники, а ты, Вера, играй на балалайце». Я любил помогать на кухне, особенно возиться с тестом и при надобности всегда спешил помочь маме. В мои обязанности входило: помыть посуду, подмести полы, нарубить дров и принести их на кухню, занести картошки с погреба, насечь свеклы для свиней, помять сваренную картошку, намешать корма для скота и помочь занести в хлев, подстелить подстилку для коров, принести сена. Зимой я должен почистить от снега дорожки, а летом подметать двор. Эти обязанности распространялись и на других, но больше всего выпадало их на мою долю.

Мой брат Ананий, кроме хозяйственных дел, увлекался музыкой. Инструментов тогда было мало и они очень дорого стоили, а денег у нас не было, потому он сам делал мандолины, балалайки. Потом заинтересовались этим и другие ребята, наделали

инструментов, начали учиться играть и со временем организовался струнный оркестр; устраивали музыкальные вечера, весело проводя время. Молодежь создала группу самодеятельности, выступали со спектаклями «Наталка Полтавка». «Сватання на Гончарівці», «Назар Стодоля» и другие, а также танцы. Дома Культуры у нас не было, поэтому ставили спектакли в школе, или просто в большом амбаре.

Весной, когда пригревало солнышко, село оглашалось веселым детским пеньем «Десь тут була подоляночка», играли в различные игры. Несмотря на бедность людей, на материальные недостатки, жизнь в селе проходила довольно весело. Люди находили удовольствие в труде, старались использовать полезно время. Даже в зимние вечера люди всегда были заняты работой. Мама до поздней ночи сидела за прялкой, или за веретеном, татко сматывал нитки в клубок, или ремонтировал сбрую, одежду (это у него очень хорошо получалось), а нас, после приготовления уроков заставляли лущить фасоль, кукурузу. Но самой нудной и противной работой было – драть перья для изготовления подушек и перин. Старшая сестра, кроме этих работ, занималась еще вышиванием, и изредка – играла на балалайке. Самая младшая из детей была Лена, ее меньше загружали работой, давали ей возможность поиграться самодельными куклами.

Всю пряжу сдавали тете, а она ткала на ткацком станке полотно для белья, а также грубое полотно – на мешки и прекрасные разноцветные покрывала (рядна). Верстак стоял в дедушкиной хате, я часто бегал туда, присматривался и удивлялся, как получаются такие красивые рядна. Каждый раз тета поручала мне наматывать нитки, что я исполнял охотно.

Так проходили зимние дни и вечера. Татко за зиму старался отремонтировать сельскохозяйственные орудия: телегу, плуг, бороны. Для этого необходимо было ехать к кузнецу, он жил по-соседски и я любил иногда забежать и посмотреть, как искрится раскаленное железо и как кузнец ловко изготавливал различные инструменты: молотки, топоры и другое. Бывало, упадет на землю кусочек отрубленного, раскаленного металла и, кажется, уже совсем застывший, почерневший; схватишь – и обжег пальцы!

Однажды в нашем селе появился какой-то молодой мужчина, назвался кузнецом и попросился к дяде Сидору на квартиру, а с татком договорился за сарай для кузницы, и так у нас стал свой кузнец. Бывало, собирались в кузницу хлопцы и отвлекали его от работы. Старшим он давал кувалду, чтобы вместе с ним оттягивать (отклёпывать) металл, стараясь больше давать ударять молотобойцу, а сам раз-два ударит по железу, а десять раз – холостую, только призванивает молотком по наковальне. Если кто с подростков заходил в кузницу, и ему находил работу: ложит кончиком тяжелую ось на наковальню, а другой конец оси дает держать пацану, сам же в это время занимается каким-либо другим делом. Мальчик держит и держит до изнеможения и не знает, можно ли покинуть, или дальше держать. И только, спустя пятнадцать—двадцать минут кузнец подходит, забирает у мальчика ось и ставит в угол, а мальчик, поняв, что над ним пошутили, молча уходит. После таких «шутки» мало кто заходил в кузницу. Кузнец был хорошим специалистом, но очень был ленивым. Он любил рыбачить. Речка от нас была километров за восемь, так что нужно было идти на целый день. Однажды, чтобы ему не было скучно, он пригласил и меня. Накопали червей, дал мне удочку, мама снабдила меня продуктами на дорогу – положила в сумку кусок сала, хлеба так, чтобы хватило для двоих и, чуть свет, мы пешком направились на рыбную ловлю.

Придя на речку, Цыфко (так звали кузнеца) нашел где-то лодку, мы сели в нее и поплыли подальше от берега. Остановились в зарослях камыша, и он показал мне, как цеплять на крючок приманку, как закидывать удочку. Теорию я понял хорошо, но на практике никак не получалось. Почти каждый раз, закидывая удочку, я ударял удилищем по воде и рыба уходила; не получалось у меня рыбачить. Пришлось Цыфке высадить меня на мосту, а сам он отправился на прежнее место. Здесь мне больше сопутствовала удача, ловля шла хорошо, рыбы полно, вся сверху. Только забрасывая удочку, смотришь, поплавок уже тянет в воду. Но почему-то вся

рыбка была маленькая, величиной в палец. Наведался ко мне дядя Цыфко, посмотрел на мой улов и спрашивает: «а почему она у тебя вся такая маленькая?» Я отвечаю: « Не знаю, велика не ловиться». « А ну-ка покажи, на какую глубину ты поставил поплавок? Да, вот в чем дело! Разве ты не знаешь, что большая рыба плавает на глубине и поплавок нужно передвинуть дальше, понял?»

Да, теперь- то я понял, но было уже поздно, время собираться домой.. Мы хорошо, с аппетитом пообедали и решили еще часик порыбачить. Цыфко отправился на лодке, а я опять ловил с берега и как ни старался, но большая рыба так и не поймалась. Кузнец возвратился, поймал много рыбы, а мне что делать? Выбросить свою мелюзгу – жалко, а с пустыми руками возвращаться домой – стыдно, решил забрать. Пришли домой, и я показал маме свой улов.

-Ну, куда ж її жарить? - говорит мама, - викинь, нехай кури поклюють.

Так я и сделал. Видно, понравилась курам рыбка, всю склевали, на другой день только скелеты рыбы валялись по двору. Вот такая история у меня вышла с ловлей рыбы.

Татко часто ездил в Дубно, нужно было продать что-либо из продуктов и купить что-либо для дома, Почти каждый раз татко брал меня с собой. Когда мы были поменьше, нам очень хотелось поехать с татком в город и мы, плача, бежали за подводой аж до горы Пешачей, но с обидой, что нас не взяли, приходилось возвращаться домой. Однажды мы с татком повезли продать кабана. Когда продали, татко купил четвертушку /250 граммов/ горилки и предложил мне отпить немного с бутылки, говоря:

- На, дурню, випий, не буде холодно. Это было зимой, морозно, холодно. Я приложился к бутылке, а татко посматривает и, наверное, думает: останется ли ему, хоть немного?

Тут мне вспомнилось, как татко кому-то рассказывал и очень хвалил своего брата дядю Онуфрия, что он выпьет литр водки и не пьянеет. Я подумал: вот теперь момент, чтобы доказать, что и я могу много выпить и не буду пьяным. Татко протянул руку и отнял у меня бутылку, а в бутылке осталось меньше половины.

Когда мы приехали домой, татко рассказал все маме, начали смеяться, называя меня пьяницей, Рынькавыком.(это был польский учитель, которого за пьянку уволили с работы). Тогда я заявил родителям, что больше никогда не притронусь к водке и слово свое я сдержал по сей день. В 1940 году моя сестра Вера выходила замуж, мне тогда было 17 лет, я был уже членом комсомола, но сколько друзья ни приглашали меня выпить, по случаю свадьбы, я не выпил, слова своего не нарушил. Может быть в дальнейшем было бы трудно сдержаться от соблазнов и искушений, но Господь пришел мне на помощь, коснулся моего сердца, я покался в своих грехах, Он принял меня Своим сыном, а с Ним я все могу. Впервые меня татко «угостил» рюмкой водки, когда мне было лет 6-7, тоже по случаю продажи кабанчика. Они хотели посмотреть, как воздействует на меня алкоголь. Я выпил, зашатался и татко сказал маме: «положи його спати», и она завела меня в другую комнату и уложила спать.

В детстве мне мама рассказывала, что есть поезд, которым можно ехать. Он состоит из домиков, сцепленных между собой, а к ним прицеплен паровоз – машина, которая тянет их по железной дороге.И как ни старалась мама объяснить мне, что это такое – паровоз, вагоны, железная дорога, я не мог себе вообразить и понять, что это такое и только, спустя 6-7 лет мне впервые пришлось не только увидеть, но и ехать поездом. Я был тогда в четвертом классе и учительница решила поехать с нами на экскурсию в город Кременец, Тернопольской области, в расстоянии сорока километров от города Дубно. Это была первая поездка поездом не только моя, но наверное и всей группы. В Кременце мы поднимались на самую высокую гору Бону, там осматривали стены разрушенного замка, с высоты смотрели на город, потом ходили по городу, знакомились с историческими достопримечательностями города, были в польском костеле (церковь), покупали мороженое (лёды). Эта поездка была для нас очень интересной и увлекательной. Потом, уставшие, но полные самых приятных впечатлений, вернулись на

станцию Каменица Волынская, откуда выезжали, а от станции возвращались домой 8 километров пешком.

После переселения людей, наших соседей, на хутора, на нашем поле осталась очень хорошая груша и, как только начинают груши созревать, необходимо грушу охранять, иначе хлопцы оборвут прежде, чем груши созреют. Утром приходишь, а под грушей полно листьев и зеленых груш. Что же делать? И мы с братом решили охранять. Вокруг груши были посажены конопли. Мы забили колья в коноплях, натянули колючую проволоку. А сами с кольями засели рядом в соседнем дворе, а на улице темень, хоть глаз выколи! И вдруг слышно шорох – трясут нашу грушу! Груши сыпанулись на землю. Мы выскочили, я побежал с одной стороны, Ананий с другой, а хлопцы – шур с груши и ходу через конопли, а там заграждение. Налетели на проволоку, но быстро выпутались и убежали. Мы же, хотя и не поймали никого, но напугали их сильно, так что больше уже никто не пытался воровать наши груши. На другой день татко пришел к груше, смотрит, а на земле полно груш, в коноплях колья, колючая проволока, все конопли истоптаны. Пришел татко домой и рассказал маме, какой вред нанесли хлопцы. Не жалко груш, но жаль конопли. Через некоторое время ребята сознались в воровстве груш, они со смехом рассказали, как они попали в ловушку, как с кольями вырвали проволоку. Это были хлопцы постарше, смеясь, они говорили:

- Ми думали, що сам хазяїн гониться за нами, тому ми так драпали, коли б ми знали, що то були пацани!

Общение молодежи проходило, в основном, у кого-нибудь на дому, собиралось душ десять-пятнадцать, пели песни, устраивали различные игры, шутили – дом наполнялся веселым смехом, но, к сожалению ни слова на духовную тему, люди не интересовались Словом Божиим, спасением души. В то время не было ни радио, ни телевизоров, ни кино. Никто в селе еще не имел понятия об этом. Это в наше время имеется множество всевозможной радио и видео-техники, отвлекающей и малого и старого от полезного дела, отнимая драгоценное время у людей, от которой, кроме вреда никакой пользы. И, несмотря на отсутствие соблазнительной современной аппаратуры, на молодежных вечерах все равно люди проводили время в пустых разговорах, шутках, смехотворстве и – ничего полезного для души. Некому было заботиться о духовном воспитании молодежи, люди далеко отошли от Бога, хотя и назывались христианами и посещали православную церковь. А когда пришло время атеизма и безбожия – молодое поколение сразу же было увлечено в эту дьявольскую сеть, некоторые стали явными врагами Господа и первым из таковых стал я.

Весной и летом, во время посевной и уборки мало было свободного времени и в эту пору, обычно мало устраивали таких развлекательных вечеринок, а после жатвы собирались на улице, или где-нибудь во дворе и долго сидели, пели, разговаривали. Девушки первыми расходились по домам, а ребята еще долго сидели. Сочиняли и придумывали разные истории, а потом проявляли свое «мастерство» на деле, показывая, что и мы кое-что можем, не хуже других. Помню, на дороге лежал большой цементный круг, предназначенный для строительства моста. Мы посмотрели, походили вокруг него, даже попробовали катать его и думали, куда бы его закатить? Рядом у соседа росли прекрасные конопли и вот нам пришла «оригинальная» мысль: закатить этот тяжелый круг к дяде Игнату в огород на конопли. Решили – нужно выполнять. Игнат уже давно спит, а днем, если и увидит, все равно не узнает, кто этот сделал. Попробовали катить. Сразу, немножко под уклон, стало тяжеловато, но мы все дружно поднажали и дальше круг пошел совсем легко, пока оказался в коноплях. Хватит, - скомандовал самый старший, - нужно поддержать, чтобы дальше не катился, но кто-то еще подтолкнул и круг оказался на середине коноплей.

Утром хозяин вышел, посмотрел, что круг в коноплях и все конопли лежат примятые и укатанные в землю и конечно, очень огорчился. Он сразу догадался, чья это работа. Было очень много неприятностей от родителей, но исправить положение было уже невозможно. С тех пор

прошло лет сорок пять и мне как-то пришлось побывать в родном селе. Я решил проведать и деда Игната, уже совсем дряхлого старика. Сидя под его хатенкой мы начали вспоминать прошлое – доброе и плохое. И вдруг он спрашивает меня: «А ти пам’ятаєш, як ти з хлопцями закотили мені круга в коноплі?» Да, доброе скоро забывается, а плохое никогда,- подумал я.

Брат мой недовольствовал на соседа Остапа за то, что он плохо смотрел за своим скотом. Выпустит, бывало в сад и оставляет без присмотра и одна телка всегда забегала в наш огород. Брат бежит, выгоняет и кричит соседям: «Як ще раз побачу, то зажену вашу телицю в Казьонщину» (государственный лес). Но все оставалось по-прежнему, все же соседи стали опасаться, что Ананий и в самом деле может угнать телку в лес и стали присматривать. Однажды осенним вечером я со своим другом Яковом ходили-бродили по улицам и вдруг мне пришла в голову мысль сделать Остапу что-нибудь недоброе, напакостить чем-то. Я говорю другу, что видел, как Остап корчевал пень, а он такой хозяин, что где работал, там и оставлял свой инструмент. Знаешь,-говорю,- у Остапа очень хороший топор, он же плотник, давай пойдем посмотрим, если топор там, то заберем его себе.

Идем мы по свежевспаханному полю, земля сырая после дождя, еле ноги переставляем и, подходя оглянулись. Смотрим, а дядько Остап следует за нами. Я не успел опомниться, как он меня стукнул каким-то корневищем так, что я свалился, кричу, а он глухой, не слышит. Оставил меня и погнался за Яковом, я сорвался и ходу! Яков выбежал на дорогу и Остап отстал от нас. Подходит ко мне Яков и говорит:

- Дивись, у мене відірвалась підошва,- и показывает мне свой сапог.
- Нічого, тобі не попало так, як мені.

Долго потом я чувствовал то место, где был ушиб. Почему так получилось,- думал я,- ведь мы еще не успели сделать ему никакого вреда и он не знал нашего намерения украсть топор. Но потом понял, что он наверное, подумал, что мы хотим угнать его телку и так отомстил нам. Вот так я пострадал ни за что.

Кроме домашних работ нас еще заставляли работать в огороде и в поле. Огород у нас был большой, нужно было и для себя и для скота выращивать овощи, мама выкармливала свиней, чтобы и себе было сало и еще продать. Собирали все деньги на землю, ведь нужно было выделять наделы детям, которые начинали самостоятельно хозяйничать. В огороде работы было очень много: сажать, сеять, а потом полоть. По малолетству и неопытности иной раз случалось вырывать вместе с бурьянами и посеянное. Полоть необходимо было два раза, а осенью все выращенное нужно было убирать. Очень нудная это была для нас работа- выбирать лен, коноплю. Особенно в жаркий день конопля издает одурманивающий аромат. Мы тогда не знали, что пыльца конопли – наркотик. Полевые работы, входившие в нашу обязанность, это, в основном жатва, уборка хлеба.Весной, еще до цветения зерновых нас посылали полоть пшеницу и ячмень от сорняков. Для этого делали острые металлические рожки, прибивали их на палку и этими рожками у самого корня срезали будяки, а потом стаскивали их в кучу и сухими сжигали. Они были страшно колючие, без рукавиц их не возьмешь. Некоторый бурьян несли домой на корм скоту.Самая тяжелая работа – это жатва. Дни жаркие, температура доходит до 30 градусов Цельсия, а то и выше, на небе ни облачка, ни ветерка, зной ужасный! Только слышно, как сверчок ведет свою мелодию, да жаворонок с песней поднимается ввысь. Пшеницу и рожь жали серпами, вручную, все время в согнутом положении. Духота и спина болит невыносимо, глянешь, а солнышко еще высоко-высоко! Сил нет, брошу все, лягу на землю поперек снопа, выправляю спину. Ананий с Верой сразу до татка:

- А чому Володя не жне, а лежить?
- Нехай полежить, відпочине, в нього спина болить, він ще маленький,- отвечает татко.

Поднимаюсь и дальше жну, чтобы не отставать,ведь каждый считает свои снопы, чтобы потом похвастать друг перед другом, у кого больше. Как посмотришь с горки, кажется что все люди в поле, все жнут. На некоторых полях, у кого

большие семьи, там много жнецов, а на поле пана Теренька, самого богатого хозяина, работают жатки, косилки и наемные жнецы – одни зарабатывают по 16 кг. в день, а другие отработывают долг. Жнешь и посматриваешь на небо: хотя бы появилась тучка, прошел бы дождик, чтобы передохнуть, посидеть под копной, а еще лучше было бы совсем уйти домой. И так целый день на жаре и только под вечер жара спадает. Во время жатвы нужно было чуть свет подниматься (я в летнюю пору спал в амбаре на сене, т.к. с вечера охота подольше погулять, а утром так хочется поспать!) Но мама на зорьке подходит к дверям и зовет:

Вставай, вже сонце на небі, дядько Остап вже давно пасе,- приговаривает и не унимается. А я сквозь сон думаю: дала бы ты мне еще хоть немножечко поспать! Через сон отвечаю: встаю, встаю, а сам продолжаю спать. Слышу, опять зовет и я уже вынужден вставать окончательно, быстро одеваться. Пока роса, нужно было попасть к коров, мама должна была их подоить, приготовить завтрак и обед. Завтракали и все вместе отправлялись в поле, а обед брали с собой. Мама уходила с поля пораньше, чтобы покормить свиней, подоить коров и выпустить на пастбище. После обеда коров пасла меньшая сестренка Лена. Мама оставалась дома, шла в огород, приготавливала свиньям на ночь корм и готовила ужин. Под вечер Ананий складывал снопы в копны по пятнадцать снопов, а пшеницу – по тридцать, у него это ловко получалось. Как сложит, бывало, копну, никогда не затечет и ветер не опрокинет, а мое дело было стягивать к нему снопы. Иной раз он мог увильнуть от жатвы:

- Мені потрібно робити вулики, бо скоро буде виходити молодий рій.

Он сделал себе станок для изготовления соломенных ульев и целыми днями в амбаре в тени занимался своим делом, или в саду занимался чем-либо. Ананий посадил большой молодой сад и имел питомник молодых саженцев, он никогда не проводил времени напрасно. Отец не препятствовал ему, но наоборот поощрял.

Ячмень, овес, гречку, иногда ярую пшеницу косили грабками (коса с двумя-тремя зубами по длине косы, прикрепленными над косой к косью), ровненько клали на покос, граблями скатывали в снопы, плотно связывали соломенным перевеслом и складывали по тридцать штук в копну. Это считалось полкопы, а копа – 60 снопов. Весь хлеб свозили в амбар и осенью молотили машиной. Рожь немного оставляли и молотили цепами (две толстые палки: одна короткая, прикрепленная кожаной муфтой к концу длинной), цепами ударяли по снопам, выколачивая зерно. Это для того, чтобы иметь длинную солому на перевесла для увязки снопов и для покрытия крыши сарая, амбара, делая из этой соломы небольшие снопики.

Помню, однажды у нас пролежали не обмолоченные снопы с зерном до весны и когда начали молотить, то под снопами завелось столько мышей, что я ни до этого, ни после этого не видел столько мышей! Их били, топтали, выбрасывали лопатой на улицу для курей.

У нас было много больших старых черешен, вишен. В урожайный год ветки гнулись от ягод. В субботу и в воскресенье всей семьей заготавливали черешни и вишни: кто с высокой лестницы обрывал, а мы молодые старались залезть повыше, оттуда далеко видно вокруг. Кругом тебя ветки с ягодами и под впечатлением такой красоты хочется петь. И я, сидя на ветке, пою во весь голос: «Не ходи козаче понад берегами, не суши серденька чорними бровами», «Копав, копав криниченьку», «Роспрягайте хлопці коні» и другие знакомые песни. Слышно далеко-далеко, мама выходит с хаты и говорит:

- Володю, тихше співай, бо аж до Дубна чути!

Сосед Бережный, лесник, жил у дяди Сидора. Он привык к моему пению, ведь я только выхожу с хаты и начинаю петь, а когда он не слышит моего пения, то кричит мне: «Володя, спой песню!»

Когда хорошее настроение, то и работа спорится, Тем более, если татко пообещает мне за хорошую работу взять меня с собой в Дубно. Нарывали ягод по пять-шесть ведер, высыпали в большие корзины, на ночь ставили в погреб, а утром в понедельник базарный день и мы везли свою продукцию в город на базар. Мне иногда приходилось подменять татка, если ему нужно

было пойти в магазин, я тогда сам продавал вишни, цена – пять грошей (копеек) за стакан. Все, что нужно было продать, купить татко справлялся с этим сам, мама иногда только ездила в город в воскресенье до костела (католическая церковь).

Татко иногда любил заниматься коммерцией. Когда он увидел, сколько нужно было приложить труда, чтобы соткать полотно на белье, то он прослышал, что можно сдавать паклю и за нее получать готовую ткань «дачку», которая была гораздо лучше домотканной. И вот, собрав всю паклю свою, а также соседи принесли свою, он отвез подводой на фабрику в г. Золочев, Львовской области, в расстоянии больше сотни километров, оттуда татко привозил много полотна; в результате была довольна и мама и соседи – не нужно было прясть и ткать, без затрат получали хорошую ткань.

Более двух лет татко работал заготовителем яиц. При приемке их просветляли, как на рентгене. Для этого делали картонный колпак, туда ставили керосиновую лампу (электрического света тогда еще в селе не было), в боку прорезали дырку и, прикладывая яйцо к дырке, определяли, свежее ли яйцо, или давнее, засиженное. Этой работой в основном занимался брат. Распределяли по сортам, грязное чистили специальной ватой. Мыть не разрешалось. Цена яиц была от трех горошей до пяти за штуку. Часто приходилось ездить с татком в город сдавать на базу яйца, в этом я испытывал огромное удовольствие.

Нравилось мне очень ездить с татком и в лес на заготовку дров. Не далеко от нашего села есть три участка старого леса, в них выделяли делянки для чистки. Нужно было среди больших деревьев удалять тонкие, молодые деревья. Лесник метил то, что рубить. Оставлять деревья, которые потолще. Но, когда лесник уходил подальше на другие участки, то мы пользовались моментом, сваливали одно-два дерева потолще, быстро его разрезали и прятали в середину кучи, а по бокам прикрывали тонким хмызом. Потом забивали четыре кола по метровой ширине – два впереди и два в хвосте и плотно складывали, чтобы побольше вошло, а потом приезжал старший лесник, замерял кучу, подсчитывал, выписывал квитанцию для оплаты. Тяжело было стаскивать хворост между деревьями, ветки путаются, участок длинный, до кучи далеко. Нароботаешься до усталости, но зато появляется хороший аппетит. Как присядем пообедать, смотришь, незаметно и сумка пустая, а есть еще хочется. Ну, думаешь, на следующий день нужно брать сала побольше. Очень приятно было посидеть у костра, пообедать, отдохнуть и – опять за работу: рубить, валить, складывать. Весь лес наполняется треском, шумом, далеко слышен стук топоров. Людей в лесу много, каждый спешит побольше заготовить на зиму дров, да и вся жизнь человека проходит в заботе, в суете и некогда спокойно посмотреть на красоту окружающей природы, созданной Богом для человека. Были участки старого леса. Мы с татком тоже ходили на эту работу, на заготовку дров, и каждый из нас старался выкорчевать за день, хотя бы одно дерево. В основном лес был дубовый, дубы большие, старые, по сотне лет не меньше. Очень тяжело было за день вывалить дуба, мне тогда было лет шестнадцать, отставать от брата не хотелось, было стыдно. Целый день работаешь до усталости, кажется обрубил все корни, толкаешь, а дуб стоит. Уже и день кончается, нужно идти домой, отец свой дуб свалил, брат тоже, а я не смог и как-то обидно, что не выполнил запланированного и дома не смогу похвалиться маме. На другой день, подходим к лесу, видим, что моего дуба нет. Что такое? Потом догадались, что ночью поднялся ветер и свалил дуб. То, что не осилил я – сделал ветер. Я был доволен, что смогу приступить к новой работе – обрезать, обрубывать ветки и складывать в кучу. Подумал я: слава Богу, что в то время не было в лесу людей и никто не посрадал, а ведь это могло бы случиться!

Очень хотелось узнать об маминых родителях, а также о бабушке, дедушке, братьях, сестрах, которых мы никогда не видели, и не только мы, но и сам татко никого не видел из маминого родства. Все то, что мы могли узнать о маминой семье – это из ее рассказа. Много раз она нам рассказывала и, каждый раз, слушая, сердце наполнялось жалостью, а глаза – слезами. Жили они на Украине, в Житомирской области, тогда губернии, и перед первой мировой войной

дедушка прислушиваясь к разговорам в народе, присматриваясь к событиям, пришел к заключению, что может поменяться власть, а он был богатым человеком. И он решил эмигрировать в Америку. У него было большое хозяйство – 105 десятин земли (десятина больше гектара), много леса. Как он приобрел это большое хозяйство, неизвестно, но из истории Украины известно, что когда-то, во время захвата поляками Правобережной Украины, польские власти наделяли своих офицеров большими хозяйствами – самыми лучшими землями. И, хотя занятая поляками территория потом была захвачена Россией, поляки продолжали жить на месте в своих хозяйствах, а дедушка с бабушкой были поляки, так что мои предположения могут быть вполне реальными. И вот когда стало беспокойно, запахло порохом, дедушка продал хозяйство, оставил часть денег бабушке, а сам уехал в Америку. Уехал сперва сам, как-бы в разведку, а потом пообещал вызвать всю семью. Он сдержал свое слово: прислал вызов, это было как раз перед революцией. Бабушка собрала все нужное для переселения и отправилась в путь. Прибыли в Польшу, в портовый город Гдыню, там нужно было пройти комиссию. И тут-то возникла непредвиденная задержка: одна из маминых сестер, по состоянию здоровья, не прошла комиссию – у нее были больные глаза. Ехать без нее, оставив ее одну, не решились и пришлось всем возвращаться домой, а дома-то, как такового, нет – все продано. Как раз вспыхнула революция и им пришлось скитаться: определялся каждый, куда кто мог. Неизвестно, где и кто приютил бабушку, куда разбрелись остальные члены семьи. Как я понял из рассказа мамы, никаких связей между ними не было. Мама моя поехала в город Житомир и там у каких-то богатых людей была служанкой. Хозяин ее был офицер. Там она работала некоторое время, а потом переехала в г. Новоград-Волынский, нанялась горничной в семью офицера и там жила до знакомства с моим будущим татком, он в это время там служил и охранял какие-то военные склады. Это было где-то в конце 1918 года, или в начале 19-го. Они познакомились, полюбили друг друга и решили объединить свои жизни в одну: Ковальская Мария Владиславовна и Бороденко Поликарп Павлович. Никто их не считывал ни в православной, ни в католической церкви, жили, как говорится в народе, на веру, жили мирно, дружно, я никогда не слышал, чтобы они спорили, или ругались. Нас, детей, за непослушание родители наказывали: татко применял розгу, ставил в угол на колени, а мама шлепала чем попало, что попадет под руку – мокрой тряпкой, или просто шлепала рукой, но иногда когда мы крепко провинимся, она снимала с гвоздя розгу; или когда бьет нас мокрой тряпкой, а мы смеемся, потому что не больно, тогда дополняла розгой.

Татко старался воздействовать на нас моралью, чтобы не бить. Для этого, во время обеда, когда мы все садимся за стол, татко спокойно, помаленьку, начинает нам читать мораль и говорит:

- Мій татко, а ваш дідунько, мав велику сім'ю і за непослух дуже крепко нас карав. І я вирішив у своєму серці: якщо я оженюсь і буду мати таких баранів, як ви, то я бити не буду, а буду навчати словами, але бачу, що ви не розумієте і проситесь, щоб до вас примінити різочку.

И тогда мы опускали низко головы от стыда, а старший брат начинал плакать, поскольку эти слова, в основном, были обращены в его адрес, как старшего из детей и с него и спрос был больше. Бывало так: отпросимся на часик на улицу погулять, или покататься на лыжах и забудем, а часов в то время ни у кого не было и вместо часа прогуляешь два-три часа, а тогда думаю: что же делать? Знаю, что наказания не избежать. И вот в таких случаях, я не захожу сразу в хату; сначала подойду и посмотрю, нет ли кого во дворе? А тогда быстро заскакиваю в сарай и начинаю рубить дрова, делаю вид, как будто я уже давным-давно нахожусь в сарае и занимаюсь полезным делом. Стараюсь работать до тех пор, пока за работой не застанут меня мама, или татко и тогда спокойно иду в хату. А иной раз начинаю подметать двор, или откидывать снег. Это лишало родителей злости, они прощали меня и даже, бывало, похвалят меня за мою работу. Причиной каждого непослушания был какой-либо соблазн: вот, например,

напечет мама пирогов, выдаст всем по одному, а остальные сложит в корзинку и закроет в коморе (кладовой), а нам накажет:

- Пирогів не розтягуйте, щоб хватило на тиждень.

А пирожки с вишнями, с сыром, такие вкусные, душистые и как не удержишься от соблазна, а все равно тянет, как магнитом: идешь и изподтишка, когда мамы нет в хате – по пирожку, по два. Мама заходит в комору и сразу замечает, что пирожки убавились, что мы не проявили послушания и делает нам выговор, но не наказывала.

Корзину с пирожками вешали на гвоздь, вбитый в потолок, в балку, туда нам было уже не добраться. Такая же история была и с сахаром: куда бы мама ни прятала, мы все равно найдем. Нам так хотелось сосать сладенького. Конфеты нам покупали очень редко. Сахар приходилось экономить, он был очень дорогой. Татко купил специальные щипцы, чтобы дробить кусковой сахар, он учил нас употреблять по его методу: кусочек сахара он раскалывал на четыре части и с каждой долькой выпивал стакан чая. Хлеб пекли сами, в основном, из ржаной муки, пшеницу продавали и только немного оставляли себе муки для пирожков, булок на воскресные дни и праздники. Было у нас в хозяйстве и много разной домашней птицы, держали ее, в основном, для продажи, сами лакомились очень изредка, татко, обычно, говорил:

- Мужик з'їсть курку тільки тоді, коли курка здихає, або коли сам умирає.

Сала, мяса и молочных продуктов у нас было вдоволь. До образования хуторской системы некоторые наши поля были очень далеко от дома, коров нужно было водить на пастбище за 1-3 километра. Но однажды мне разрешили пасти в саду возле дома. В нем были вишневые кустики и я сел на кустик и покачиваюсь, коровы паслись рядом. И вдруг я почувствовал неожиданно удар в спину. Не успел я опомниться, как очутился у коровы на рогах, она, наверное, наблюдала за мной, как я катаюсь, поняла, что это нравится и решила покатать меня. Покатала, а потом бросила на землю. Я очень испугался, закричал, она, видимо, тоже испугалась моего крика, оставила меня и помаленьку ушла в сторону. Полежал я немного, потом потихонько поднялся и подумал: слава Богу, что все обошлось благополучно, могло быть и хуже. С этого пастбища, на другой, или на третий день после такого неожиданного происшествия мне впервые в жизни пришлось увидеть самолет. Это для меня было большим удивлением – увидеть летающую стальную птицу! Все это мне запечатлилось в памяти на всю мою жизнь.

А вот еще кое – что вспоминается мне из моих отроческих дней. Мой друг Яков, он жил по – соседству, пригласил меня на черешни, а черешня была высокая. Залезли мы на дерево, он выше, а я – ниже, наелись ягод, Яков опустился ниже и решил спугнуть меня: как треханет мою ветку, на которой я сидел! От неожиданности я упал на землю и здорово ушибся. Яков перепугался, соскочил с черешни, поднял меня и я потихоньку, постанывая пошел домой. Вторая неприятность приключилась со мной по инициативе татка. У нас пропала кобыла, я уже раньше вспоминал об этом, и мы вынуждены были просить лошадь для подпряжки у соседа Теренька. И вот однажды татко договорился с соседом и послал меня к нему за лошадью. Я побежал, но навстречу мне во двор вышел его сын Полько, он собрался на пастбище отнести пастухам еду, и я пошел с ним. Заигрались, заговорились и я совсем забыл, зачем послал меня татко. А татко ждал-ждал, когда же я приведу коня и, не дождавшись, пошел к соседу узнать, что же случилось. Нужно было идти пахать поле, а я, как в воду канул. Он не искал меня, а только спросил Теренька:

- А де Володя, я його послав до вас за конем.

Хозяин ответил, что не видел меня, возможно я пошел с Польком. Татко взял лошадь и повел домой, но, отходя, сказал соседу:

- Коли він прийде, то ви добре провчіть його за непослух.

Спустя больше получаса я прихожу к дяде Тереньку и говорю, что татко послал меня к вам за лошадью.

(Я не знал, что татко уже увел лошадь). Теренько в это время ремонтировал и смазывал маслом молотилку и руки у него были все в мазуте. И вот он подходит ко мне и говорит:

- Якщо тебе татко послав за конем, то ти не гляди Полька!

И вдруг хватает меня за ухо и как треснет по щеке, а потом по другой, у меня и искры из глаз посыпались.

- На другой раз будеш знати, як слухати татка, марш до дому!

Придя домой, я не смел глаз поднять от боли и обиды, а также и от стыда. Татко посмотрел на мое «размалеванное» лицо – все красное и в мазуте – и говорит:

- Ну, що, попало від дядька Теренька? Нічого, це тобі наука, а наука, вона в ліс не йде, а з лісу.

Долго надо мной смеялись, потому что татко рассказал подробно всем мою “историю”, как дядя Теренько преподавал мне урок послушания.

Еще хочется вспомнить о нашем отношении к полякам, которые жили в соседнем селе Витасувка. Нам, детям, не раз приходилось слышать от бабушки и татка историю нашего края, что территория, на которой мы живем принадлежит Украине, а поляки захватили ее себе. Рассказывали за сражения между поляками и украинцами, а особенно много мы слышали о героической битве украинских козаков под Берестечком в 1651 году.

Слушая эти рассказы, наши сердца переполнялись жалостью к нашему бедному, поработанному народу, под наплывом патриотических чувств к своей родной Украине. И вот однажды мы решили отомстить ненавистным полякам: устроить «наступление» на польскую школу. Собралось нас более десятка и самый старший между нами был мой родственник Андрей, крепкий парень лет пятнадцати, он и был нашим командиром. Нам необходимо было как-то вооружиться и для этого мы зашли в лес. Каждый вырезал себе крепкую палку и с таким «оружием» мы направились к школе. Дорогой мы еще насобирали в карманы камней и, подойдя к школе, остановились и ожидаем, когда учащиеся выйдут на перемену. Недолго пришлось нам ожидать, зазвонил звонок и все дружно выбежали на улицу. Они сразу же обратили на нас внимание, видимо поняли, что мы пришли не с добрыми намерениями. Мы решили найти какую-нибудь зацепку, чтобы их раздражить, заманить подальше в поле и там устроить битву. И мы начали швырять в них камни. Они пошли в наступление, мы потихонечку отступали. Они вызвали на подмогу старшеклассников и тут мы поняли, что силы неравны, тем более, что у нас закончился запас камней и мы – вноги, а они за нами! Только наш командир храбро сражался в одиночку, а мы выбежали на бугор и наблюдали, как Андрей отбивался от поляков. Они окружили его со всех сторон, а он посередине, как крутанет палкой вокруг – они убегают. Могло крепко попасть Андрею, но на счастье драку заметил хозяин дома, украинец, около которого все это происходило. Он разогнал нападающих и это спасло положение. Стыдно было признавать перед друзьями свое поражение, но факт остается фактом: мы не устояли перед поляками, драпанули.

Приближался 1939 год. Все больше начали распространяться слухи о предстоящей войне Германии с Польшей. Сначала немцы претендовали на небольшую польскую территорию, где были немецкие поселения на запад от города Кракова, так называемый Слёнск Заользанский и в 1939 году немцы заняли его. Учителя в школе нам подробно рассказывали о всех развивающихся военных действиях в стране, о возможном дальнейшем вторжении немцев в Польшу. Они рассказывали нам, что немцы в войне могут применять газы и к этому необходимо готовиться, так как противогазов в достаточном количестве у нас нет. Необходимо готовить противогазовые комнаты, так называемые по-польски «ущельнёнэ мешканя». И вот я занялся подготовкой к самообороне от газа. В нашем доме была свободна одна маленькая комнатка. Я осмотрел ее вокруг и решил, что она вполне подходит под убежище от газа. Медлить нельзя, время поджимает, необходимо действовать! Я заявил о своем намерении родителям, они согласились с моим планом и я приступил к работе. Прежде всего нужно было проверить все

стены комнаты внутри и снаружи, а также потолок. Для этого я приготовил в ведре раствор из глины и стал заделывать все щели в стенах. Потом полез на чердак и там зашпаклевал щели в перекрытии.

Татко, смотря на мое усердие в работе, посмеиваясь, говорит:

- От молодець! Тепер, як висипемо зерно на горищі, то воно не буде просипатись у щілини і, разом з тим, буде тепліше.

Из сказанного татком я понял, что моя работа не даст никакой защиты от газа, а просто будет теплее в комнате. Осталось еще уплотнить двери и окно и убежище было бы готово, но этого я так и не успел сделать, подоспели более срочные работы по подготовке к войне. Когда люди сами увидели, что может вспыхнуть война, то тоже начали к ней готовиться, заготавливали все необходимое: одежду, обувь, продукты, соль, керосин и т.д. Мы тоже решили поехать в город, чтобы кое-что продать и купить необходимое для семьи. Расторговались и пошли делать необходимые покупки. Зашли в один магазин, в другой, потом зашли в магазин готовой одежды, татко хотел купить мне жупан (зимний пиджак). И только я одел на себя жупан, стали примерать – вдруг, как загудит сирена, все – кто куда! Я быстро снял пиджак и ходу! Забежали мы с татком в один дом на лестничную клетку, а там уже полно людей, перепуганные все, дрожат от страха: кто кричит, а кто плачет. Мы с татком решили бежать в более безопасное место, ведь мы тоже не герои. Выбежали на улицу, а люди, в страшной панике мечутся во все стороны и кричат, что появились немецкие самолеты и сейчас будут бомбить город. Многие, посматривая на небо, старались быстрее выбраться из города. Потом кто-то рассказывал, как один мужик на повозке так «драпал», что развалилась повозка надвое: баба осталась на задке, а он на передке мчался, не замечая, что потерял жену. Не берусь утверждать, что это правда, может быть кто-то придумал анекдот, но в такой ситуации подобное вполне могло случиться. Наверное, мы в глазах людей, тоже не лучше выглядели – такие же, как и другие - перепуганные паникёры, потому что убегая, мы нисколько не отставали от других, а некоторых даже обогнали. Усталые, запыхавшиеся, прибежали за город, где стояла наша подвода, быстро отвязали лошадей, поправили на лошадях упряж и галопом помчались домой в Великие Сады. Только за городом мы почувствовали себя в безопасности. Вдруг слышим, что за нами едет машина, обогнала нас и остановилась. Открывается задняя дверь, в машине видно, что полно людей, все в военной форме, с винтовками в руках. Поняв что они хотят что-то спросить у нас, мы тоже приостановились и первый, кто обратился к нам с вопросом: «чы не видзелісте тутай немецкі самолёт?»/не видели ли вы здесь немецкий самолет/- это был польский учитель из нашего села, пан Збигнев Дуковски. Мы ответили, что не видели и разъехались. Потом те, кто видели самолет, рассказывали, что это был единственный разведывательный самолет немецкий и он приземлился за городом на Шибельной горе (название горы «Шибельная» произошло от того, что в древние времена на этой горе казнили людей через повешение. Виселица по-украински называется шибеница). Солдаты поехали по той дороге, которая вела в другом направлении от места, где приземлился немецкий самолет, видимо не желая вступать с немцами в перестрелку, подальше от смерти. По приезде домой мы все подробно рассказали и вздохнули с облегчением, что все обошлось благополучно и только в конце татко добавил:

- Шкода, що ти скинув в лавці жупана, треба було втікати одягненим.

Это он сказал шутя к тому, что в подобных обстоятельствах люди теряются, не зная, за что хвататься и не обращают внимания на свои материальные ценности, лишь бы спасти жизнь, но нечестные люди пользуются подобными случаями для собственной наживы.

Однажды к нам в село приехал из Дубна к солтысу /староста села/ какой-то начальник , собрал людей и приказал, на бывшем выгоне, копать окопы зигзагообразной формы. Только люди успели закончить окоп, как началась война с немцами, в течение почти двух недель заняли

большую часть Польши. Районное начальство дало на село разнарядку: сколько нужно было ежедневно выделять людей в город рыть противотанковый ров.

Рассказывали старшие хлопцы, как тяжело, трудно и опасно было им копать. Только начнут копать – сразу налетают немецкие разведывательные самолеты, видят скопление народа и начинают обстреливать. Люди бросают работу и разбегаются врассыпную, прячась кто куда. Люди поняли, что это дело опасное и перестали ходить в город на эту работу, но власти еще больше начали принуждать, а особенно тех, кто отслужил в армии, угрожая, в случае отказа мобилизовать их в армию, хотя потом многие были мобилизованы. Немцы, стараясь помешать и не допустить укрепления города, не только обстреливали людей, но даже сбросили бомбу. Она попала в новый двухэтажный жилой дом, в котором жил врач. Не знаю, сколько погибло людей от этой бомбы, но ясно, что без жертв не обошлось. Для обороны делали из бревен противотанковые заграждения, их просто ставили, закапывали в землю под соответствующим углом.

Немцы быстро продвигались вперед и за две-три недели прошли почти всю Польшу и к концу августа дошли до Бреста, до реки Буг. Дальше они не пошли потому, что на территорию бывшей Западной Украины вторглись советские войска, с целью освободить Западные области Украины из-под польского ига и в честь этого день 17-го сентября праздновался, как день освобождения Украины в 1939 году. Советские войска дошли аж до Варшавы и слышно было, что там произошла стычка с немецкими войсками, но Сталин и Гитлер заключили договор и границу установили по реке Буг.

Еще до прихода советской армии в Западную Украину, вернее перед концом польского правления, когда поляки почувствовали, что отступить дальше некуда – Польша под немцем – остался один выход и им воспользовалось польское правительство во главе с президентом Риц Смиглым. Министр обороны и другие чиновники и офицеры польской армии, переодевшись в гражданскую форму, драпанули в Румынию через Дубно на Львов и дальше. Когда они проезжали через Дубно, почти уже на выезде города, налетели немецкие самолеты и начали бомбить их колонну, но бомбы не попали в цель, разорвались невдалеке от дороги, так что через Дубно все они проскочили благополучно, а дальше неизвестно, доехали ли они в Румынию, или погибли в пути. Многие люди, опасаясь войны, разъезжались к знакомым по окрестным селам. К нам тоже приезжали татковы друзья из Дубно, они прожили у нас несколько дней, пока город успокоился и наладилась нормальная жизнь. Это была очень хорошая, воспитанная и интеллигентная семья по фамилии Цернецки. Мне, помню, было очень интересно слушать их беседы, хотя я не все мог понимать из услышанного, но помню, что они говорили о советской армии, что, якобы советы пойдут полякам на помощь; говорили о советской власти, о порядках в их Союзе. В разговоре чувствовалась какая-то тревога: они опасались, что будет, если Западную Украину займут Советы? Ведь в Восточной Украине беднота, нищета, там в 1932-33 годах прошел страшный голод, специально устроенный Сталиным, чтобы загнать людей в колхозы. Миллионы людей погибли от голода; все эти страшные вести доходили к нам в Западную Украину и поэтому люди были встревожены и напуганы. Так оно и случилось: советские войска захватили Западную Украину, установили свою власть, поставили у власти своих коммунистов, присланных провозглашать свой коммунистический «рай» и устанавливать свои порядки. Были и у нас местные коммунисты-подпольщики: Снасть, Бескопильный и другие. Польские власти преследовали и судили коммунистов, слышно было, что в самом Дубно посадили в тюрьму 12 человек. Временно они находились в старой Дубновской тюрьме, а потом их должны были отправить в Белоруссию, в Картузскую Березу, в более строгую тюрьму. Дубновская тюрьма находилась в таком месте, где через дорогу был крутой склон в овраг. И вот однажды, заключенные коммунисты в своей камере оторвали в полу доски, сделали подкоп под дорогой с выходом в тот овраг. Куда они девали землю, я не знаю, наверное сразу они ее высыпали под полы, а потом возможно они наткнулись на старые подземные ходы и туда

ссыпали землю. Под Дубном в древности было множество подземных ходов, местами они проваливались, это случилось даже на площади в Дубно, недалеко от нашего дома, где мы жили в 1955 году. Эти ходы проходили с крепости до Униатской церкви, они были построены одновременно где-то в 1280 году. Видимо кому-то из заключенных были известны эти подземные ходы и они воспользовались этим. Не знаю, но факт остается фактом: в одну прекрасную ночь все заключенные коммунисты сбежали из тюрьмы через подкоп.

Советы заняли Западную Украину без сопротивления, без боя. В Дубно, помню, вошли без единого выстрела, польская армия где-то сражалась с немцами, а в нашей области не было с кем сражаться, поэтому и думали люди, что Советы идут им на помощь, но к сожалению глубоко ошиблись. Наши беженцы вернулись в Дубно, в свой дом. Наши односельчане, побывавшие в городе рассказывали, что они видели советские войска – танки, артиллерию, пехоту, обоз красной армии и видели, как их встречали горожане. Мы, несколько хлопцев, решили пойти в город, чтобы все увидеть своими глазами. Расстояние от нас до города было 12 километров, прошли мы быстро. Подходя к городу мы увидели на дороге оставленную поляками военную спецмашину с большой катушкой какого-то кабеля. Постояли, посмотрели и пошли дальше. Дошли до противотанкового рва, до заграждения из бревен и думаем, как мы будем перебираться через ров? Но тут увидели, что недалеко ров был засыпан и можно было идти в центр города. Вдруг мы увидели приближающиеся советские танки и остановились, чтобы посмотреть, как они проедут через ров. Танки свободно проехали через ров и остановились. Солдаты соскочили с танка, люди подбежали и с радостью окружили их, расспрашивая о жизни в Союзе, о законах, о колхозах. Этими вопросами и разговорами особенно интересовались евреи, потому что в Польше их начали немного ущемлять, ненавидеть и даже писали в городе лозунги, обращенные к людям: «Не покупайте у жидув» (не покупайте у евреев). А евреев в Дубно было очень много – были и богатые, были и бедные, была большая синагога. Поэтому они хотели знать, какая жизнь их ожидает при новой власти.

Прошла неделя с тех пор, как у нас была новая власть. Однажды мы поехали с татком в Дубно по делам купли-продажи. За это время люди уже многое узнали о жизни, быте и нравах Советов, но все равно еще многие расспрашивали у советских солдат и офицеров, как там в Союзе. Мы с татком подошли к группе людей и увидели: посредине стоял стол, на столе стоял офицер и, размахивая руками, громко рассказывал о прекрасной жизни в Советском Союзе.

- О, у нас люди живут в полном изобилии, все у нас есть, у нас большие, богатые колхозы. Кто-то прервал лектора: «Прошу вас, скажіть, що то таке колхози?»

- Колхозы - это большие крестьянские хозяйства.

Люди объединили свои мелкие хозяйства в кооператив, потому что самим трудно было хозяйничать, нечем было обрабатывать землю, а тепер у нас большие трактора, комбайны и этой техникой обрабатывают поля и люди довольны. Люди охотно идут на работу в поле, потому что это все – наше, народное.

Опять последовал вопрос:” Будьте добрі, скажіть, скільки вони заробляють”?

- О, много, у людей некуда девать зерна. Осенью, как привезут полную машину – куда хочешь девай!

У нас не так, как было у вас в Польше: поля узенькими полосками, урожаи были слабые и многим не хватало хлеба до нового урожая.

Люди засыпали офицера своими различными вопросами и он всем давал исчерпывающие ответы в радужных красках, не стыдясь не краснея. А вот еще волнующий вопрос:

- Скажіть, як у вас відносно віри в Бога?

- Наша советская Конституция даёт народу полнейшую свободу: кто хочет веровать – верит, а кто не хочет – не верит и никто не имеет права заставить кого-то верить, или не верить в Бога. Пожалуйста, верьте, молитесь, как кому угодно. У нас открыты храмы, синагоги,

костёлы, пожалуйста! Но у нас люди сами не хотят ходить в церковь, они идут в кино, театры, а в селе молодежь в клуб, играют, поют, танцуют, словом – жизнь веселая!

- А как у вас живут старики, чи мають вони пенсію?

- О, да, старики у нас пользуются пожизненной пенсией. Молодежи у нас везде открыта дорога, а старикам – почет и уважение.

Народ слушал его убедительную речь и, опустив головы, начали помаленько расходиться. Некоторые, которые не торопятся домой, отанавливаются, отойдя в сторону, комментируют все услышанное. Время уже было послеобеденное, нужно было торопиться домой, скоро пора скот выгонять на пастбище. Все, что нужно было продать и купить – мы справились и направились на стоянку, где стояла наша повозка. Идя по улице, мы увидели около промтоварного магазина толпу людей и остановились посмотреть, что там произошло, что все толпятся у двери. И вот, из магазина вываливает офицер и над головой держит целый тюк светлого сукна в клетку. Пошли дальше по улице – та же картина: у каждого магазина промтоварного полно людей и среди них офицеры, которые проходили в магазин без очереди, таща все, что попадало под руку. И тут люди поняли, что если бы было все так, как говорили офицеры, о всем изобилии, которое у них там, то они не тащили бы все, что только можно из здешних магазинов и не сеяли бы панику среди людей. Эти действия позволили людям понять действительный жизненный уровень людей в Советском Союзе. Даже те, которые не могли побывать в городе и увидеть все это, через несколько дней убедились, когда в село, в кооператив привезли ситец и другие товары: спички, соль и прочее, люди толпились в очереди, чтобы достать хотя пару метров ситца детям на платица, или просто положить про запас. Крестьяне поняли, что в город за продуктами ехать нечего – советы подобрали все, магазины опустели.

Товарные поезда начали курсировать один за другим с Союза в Западную Украину и обратно, рабочие на станции прислушивались к работе паровоза и определяли, когда идет поезд – с Союза на Львов, тогда слышно было, что поезд везет легкий груз, колеса выстукивали: «журишки, сирники, куришки, сирники», потому что оттуда больше нечего было везти, кроме «курышков» (мелко нарезанные листья табака) и спичек. Но когда возвращался обратно в Союз, слышно было, что был тяжело нагруженный и колеса тоже выстукивали: «сало, мясо, сало, мясо». Люди во всех обстоятельствах и всегда придумывают какой-либо юмор, стараясь тем самым развеять гнетущую мысль о будущем. В общем, Советы освободили нас не только от польских панов, но также и от мяса, колбасы и всех благ единоличной жизни.

Сразу же, как только советская власть утвердилась, начали посылать по селам своих уполномоченных агитировать людей вступать в колхозы, сдавать в общественные хозяйства своих лошадей, коров, телеги, плуги и прочий сельхозреманент. Каждый хозяин должен был подать заявление, как бы добровольно, что он вступает в этот колхоз. Кто сопротивлялся добровольно вступать в колхоз, того до полуночи агитировали, а если это не помогало, то угрожали им вывозом в Сибирь, на белые медведи, это касалось более зажиточных людей. Сельское население они разделили на три категории: бедняки – те, у кого было два-три гектара земли. А имеющие четыре гекта и больше, да еще хорошие постройки, покрытые цинковым железом – это были середняки (к этой категории принадлежали и мы). Самых богатых, имеющих восемь гектаров и больше называли кулаками. Людям жаль было расставаться со всем нажитым за многие годы тяжелым трудом и они, как могли, сопротивлялись, не желая добровольно вступать в коллективное хозяйство, тем более зная из рассказов очевидцев, как бедно живут колхозники в Восточной Украине; все это настораживало людей. Но бесконечные наезды районных начальников и агитаторов, выступающих с угрозами, вынуждали людей подчиниться власти. Родилась среди людей поговорка: «заплакав дядько і добровільно записався в колгосп». Были хозяева, которые долго не сдавались и на них воздействовали другими методами: накладывали на них большие поставки зерна, мяса, картошки, яиц и – можешь ты, или нет, а должен сдать государству, а если не сдавал кто, то таких судили. Кроме

того, заставляли вывезти из леса на железнодорожную станцию определенное количество кубометров леса. Это была тяжелая, непосильная работа: бревна очень тяжелые, по пару кубометров в каждом, в основном дуб. Нужно было погрузить на повозку и везти на станцию за 8-10 километров. Возы не выдерживали – колеса ломались. Вот и попробуй, выживи! Что остается делать? Только в колхоз. Работать нужно было целыми днями в колхозе; лето проработаешь, а получать нечего. Не нужно было искать транспорт, чтобы отвезти домой заработанное зерно, а просто бери мешок на плечи и носи заработанное за все лето. Когда подсчитаешь, сколько же причитается килограммов на трудодень, то получаются не килограммы, а всего лишь граммы! Просто не верится, как люди могли работать за такую плату, но факт остается фактом: так было в действительности. Вот только что рассказал мне Иван, бывший колхозник с Восточной Украины, как ему, семилетнему мальчишке, приходилось идти с мамой в поле на обработку свеклы, чтобы там в обед похлебать порцию горохового супа с червями, которые точили горох, но и того не давали вдоволь, было, пойдешь за добавкой, просишь повара: «дядю, дайте ще», а тот в ответ: «Іди звідси, а то як дам цим черпаком, то не захочеш більше!» Обидно было, но что поделаешь? А когда приходили домой с поля, то нужно было еще дома сушить «кураки». Я спрашиваю его, а что такое «кураки»? Он говорит, что это куриный помет, его нужно было сушить в печке. Сушеный помет мололи на порошок, заливали водой и делали удобрение для свеклы. Продолжая свой рассказ, Иван говорит, какая это была противная работа: при сушке помета помещение наполняется невыносимым смрадом, нечем дышать, приходится открывать двери и окна, а самому уходить на улицу. Да, там на Восточной Украине людям пришлось хлебнуть горя немало от безбожной власти. Нам на Западной Украине было легче, у нас голода не было, а там миллионы людей умерли голодной смертью и все за то, что советы хотели построить колхозы, дать людям «хорошую жизнь», а люди не желали сдавать свои хозяйства и пришлось Сталину уморить голодом миллионы людей, не пожелавших добровольно вступать в колхозы. В нашем селе только начали организовывать колхоз: ломать хозяйские амбары, сараи и строить на колхозных дворах скотофермы, свозить сельскохозяйственный инвентарь, сгонять скот и вдруг 22 июня 1941 года вспыхнула Вторая мировая война – Германия напала на Советский Союз. Колхозники забрали обратно все, что сдали, люди вновь занялись своим хозяйством, немного легче вздохнули – пришло освобождение! Но не надолго.

А теперь хочу немножко вернуться и вспомнить школьные годы. Я уже вспоминал свое посещение школы в своем родном селе. Но в связи с тем, что у нас в селе не было семилетней школы, а была начальная школа, всего четыре класса, а по закону, существующему в Польше, каждый должен был ходить в школу до четырнадцати лет, начиная с семилетнего возраста. Было два третьих и три четвертых класса – А, Б, В. Я закончил два третьих класса, а потом три четвертых и решил поступить в пятый класс в соседнем селе Повча, в расстоянии 8 км. от нашего села. Были дни, когда было сильно холодно, метель, тогда татко был свободен от работы и подвозил меня километров пять-шесть, где было особенно трудно идти по сильно заснеженной дороге. Потом он возвращался домой, а я шел дальше. Тут я встречал других учеников и мы все вместе направлялись в школу. За всю зиму татко раза три-четыре подвозил меня. Несколько раз я ездил на лыжах, а в основном ходил пешком, утешая себя тем, что еще немного и придет весна, тогда буду ездить на велосипеде. Когда бывает грязь, приходится пару километров тянуть велосипед по грязи через село Малые Сады, а дальше по шоссе, пусть на 5 километров дальше, но зато на велосипеде. Это была очень трудная учеба, не в смысле школьной программы, а в том, что трудно было добираться в школу. Утречком нужно было подниматься, а зимой еще затемно и идти пешком такую даль. Пока приедешь, устанешь, хочется отдохнуть, а тут пять-шесть часов уроки. Зимой в темноте уходил в школу и в темноте возвращался домой, готовить уроки приходилось при керосиновой лампе. Все ложатся спать, а я должен делать уроки. Утром мама будит, завтракаю, мама дает с собой бутерброд в школу и –

опять на занятия. Идешь дорогой, мороз подгоняет, а из подворотен выбегают собаки и нападают, приходится отбиваться. Хочется пройти тихо, чтобы собаки не слышали, но мороз такой, что снег скрипит под ногами, этот скрип слышно далеко, слышат его и собаки и начинают лаять и выбегать навстречу. Иной раз трудно было обогнаться, но я уже знал в каком дворе самые злые собаки и проходя там, я всегда имел с собой палку и тогда шел смело. В те годы зимы у нас были суровые: сильные морозы, много снега, но несмотря на все это, я всегда старался быть в школе. Первый год я жил у своего дальнего родственника дяди Якова, от него до школы было километра два. Мне у них было очень хорошо: у них было четверо взрослых детей и мне было с кем поиграть в прятки. У них был хороший сад, полно яблок, они долго, до поздней осени лежали на куче в саду прикрытые соломой, бери и ешь, сколько душе угодно. На другой год, когда была сухая погода, я ездил на братовом велосипеде в школу, но больше приходилось ходить пешком. Когда я был у дяди на квартире, татко мне привез раскладушку, на которой я спал и шкафчик, в котором я хранил в нижней части продукты, в верхней – книги, а на нем делал уроки. Каждую субботу я навещался домой за продуктами. Когда закончился учебный год, я забрал книги домой, а шкафчик закрыл на замок до следующего учебного года. Я рассчитывал, что в следующем году буду жить на квартире у дяди Якова. Но, когда я пришел, открыл калитку и зашел во двор, то сразу заметил, что что-то произошло: Мой шкафчик стоит во дворе. Я не мог понять, в чем дело, подумал: наверное, делают побелку. Зашел в хату смотрю – ничего подобного. Думаю, скорее всего хозяева выставили шкафчик, чтобы этим показать мне, что у нас тебе нет места. В чем дело? Ведь я перед ними ни в чем не виноват: вел себя, как следует. Может быть потому, что мы ничего им не платили, но ведь они наши родственники, а если нужно платить, то будем платить. А может быть потому, что я без спроса ел яблоки, но это тоже не могло быть причиной, ведь их было такое изобилие, что ими кормили свиней. Почему меня не предупредили раньше, я бы нашел себе квартиру у чужих людей. Так сидя, я долго размышлял, недоумевая, что бы это все значило? Жду, когда кто-нибудь появится во дворе. Хата открыта – значит неподалеку кто-то должен быть. И вот вижу, идет с огорода хозяйка и несет в рядне гичку (свекловичная ботва) свиньям. Я побежал ей навстречу, чтобы помочь ей нести, поздоровался с ней. Войдя во двор, мы сели на скамейку под яблоней в тени и тетя начала расспрашивать меня, как там татко, мама, дедушка, как я провел каникулы. Слава Богу, - отвечаю я, - все живы, здоровы, у нас все в порядке. Сразу после ответа задаю ей вопрос:

- Тьотю, а чога це ви мого шкафчика виставили у двір?

- Підійди ближче до шкафчика та понюхай, - відповідає тетя, - і будеш знати. Що ти в ньому залишив, що засмородив нам усю хату? Ми не хотіли ламати замка і винесли шкафчика на двір.

Подхожу, наклонился к дверке, а оттуда такое вонище! Когда я открыл дверки то сразу понял, в чем дело. Уезжая на каникулы, я оставил в стакане разбитое яйцо и оно так завонялось. Вонь наполнила всю хату и хозяева вынуждены были вынести его во двор. Вот и разгадка причины, почему шкафчик оказался во дворе. Мне было довольно неприятно за то, что так получилось, я извинился за свой проступок и возможно дядя Яков принял бы меня опять на квартиру, но я решил попросить брата, чтобы он разрешил мне ездить в школу на его велосипеде. И он разрешил, потому что он очень хотел, чтобы я продолжал учиться. Я обрадовался его расположению ко мне и подумал: вот теперь-то хоть покатаюсь на велосипеде! А за зиму и дождевые дни я не подумал.

На третий учебный год я должен был заниматься в седьмом классе народно-образовательной польской школы “Школа повшехна”. Но положение изменилось: Советы заняли нашу местность, освободили нас от польских панов, пришли товарищи. Товарищами были все: рабочие, крестьяне, служащие, начальники и даже сам правитель страны И.В.Сталин оказался нам товарищем. Наш народ этому очень обрадовался, что мы имеем такого товарища, ведь мало-ли что в жизни может случиться? Хотя бы взять для примера: посадили дядька Ивана

Ковальчука на год в тюрьму и тут жена, дети могут обращаться к своему товарищу Сталину о помиловании. Для этого нужно описать все подробно, как товарищу, чтобы он мог разобраться в деле и кто такой Иван. Вот они и написали, что они сдали все свое хозяйство в колхоз: 15 гектаров земли, много скота, что им отмерили для огорода с садом всего 50 сотых, а у нас большая семья – четырнадцать душ и очень трудно нам, оставили нам одну корову и ту негде пасти. И вот беда заставила старика пойти на свое поле, не на чужое, а на свое, которым пользовались наши деды, отцы и мы, накопить немного клевера для коровки и тут-то старика засек уполномоченный, как он нес на спине клевер. Уполномоченный передал дело прокурору и за это дали старику год. Проявите, пожалуйста, гуманность, освободите нам отца. Примерно вот такого содержания была жалоба. И что же вы думаете, повлияла ли эта жалоба на товарища Сталина? Никак нет. В секретариате товарищи-чиновники разобрались, что осужденный был кулаком и что он протянул руку на колхозное добро – значит, осудили правильно, приговор утвердили. Пришлось старику за вязанку сена отсидеть год. Вот тебе и товарищи! Их целью было, как можно покрепче прижать кулаков, чтобы они почувствовали крепкую руку товарища Сталина. Не дай Бог было попасть в руки таких товарищей! Наш народ не просил их освобождать от панов, но они сами пришли и освободили от всего. Люди остались без ничего: опустели сараи, дворы, кладовые. И вдруг, к таким оборванным людям, работающим целыми днями за килограмм, а бывало и за граммы зерна, присылают посыльного: немедленно явиться в контору сельсовета. Раз вызывают, мужик обязан идти, а там уже полно народа, шум, гам, все возбуждены, громко разговаривают, с чем-то не соглашаются. Подзывают вновь пришедшего: “Как твоя фамилия?” Ищут в списках и, найдя, дают мужику ручку и говорят: “Ты должен дать государству заем на 500 рублей для развития народного хозяйства, вот, расписывайся”. Дядько стонет, не соглашается, ссылаясь на то, что у него нет денег, что все отдал в колхоз, но Москва слезам не верит и хошь-не-хошь – приходится “выручать” государство из беды, раз оно так обеднело. А кто не подписывал, сопротивлялся, то таких по несколько раз вызывали, держали до полуночи, доводили до того, что человек, измучившись, почесав лоб, “добровольно” подписывал заем. Советы говорили: “У нас все добровольно”. Но в народе возникла поговорка: “ Не умеешь – научим; не хочешь – заставим”, по такому лозунгу во всех мероприятиях действовали советские власти.

Мы, молодые, тогда еще толком не знали и вообще мало кто знал, но прошло немного времени – узнали и испытали на себе. Всяким новшествам люди радуются, а особенно молодежь. Я тоже радовался, что теперь являюсь учеником городской школы. Только записался в седьмой класс, прошло всего две недели, а ребята говорят:

- Давайте, пойдем в первую гимназию, туда можно поступать даже с шестого класса и причем – без экзаменов.

Вот я и оказался студентом первого класса гимназии: попал в учебное заведение, куда при Польше мог попасть только поляк. Могли попасть украинцы и русские, с условием, что они принимали католическую веру, и кто имел средства для оплаты, потому что за учебу необходимо было платить дорого. И если кому-либо удавалось получить высшее образование и приобрести профессию то, не приняв католической веры, на работу устроиться было практически невозможно. Было так: если твоя фамилия была с окончанием “ски”, “цки” – таких они считали превращенцами, которые когда-то при Петре-1, или другом каком-то царе поменяли свою веру с католической на православную и стали писаться украинцами, или русскими. Людей с такими фамилиями вызывали польские власти и старались убедить, что они поляки и должны возвратиться в католическую веру, в противном случае их всячески ущемляли: детям таких родителей трудно было поступить в училище, а если приобрел какую-либо специальность, то работы все равно не найдешь. Вот поэтому люди и ждали перемены власти, с надеждой на лучшее, но получилось наоборот: лучше стало только в отношении бесплатного обучения в учебных заведениях, бесплатная медицина и не было национального

различия – все были одинаковы перед законом и пользовались одними и теми же советскими правами. Особенно хорошо это выглядело на бумаге, но на деле русские были “старшими братьями”, которым все было более доступно, чем младшему брату.

Поскольку советская школьная программа считалась выше польской, то нас с первого класса гимназии перевели в шестой класс начальной школы, а вечернюю школу для старших людей с пятого класса перевели в четвертый. Для того, чтобы получить среднее образование в польской школе, нужно было ходить в школу 12 лет: семь классов Повшехней школы (неполносредняя) и пять лет гимназии, а по советской программе – всего 10 лет. В Дубно нам, учащимся дали общежитие, где мы жили и питались, но в основном продуктами снабжались из дому. Проблема была с отоплением: не хватало дров и нам приходилось самим снабжаться топливом. Мы искали топливо не на топливных складах, а в соседнем дворе у евреев. У них были какие-то клетчатые ящики, мы их таскали и топили, чтобы согреться. Но еврей заявил в милицию и мы имели неприятность. Однажды, в парке перед нашим общежитием, хлопцы срывали скамейки на топливо и вот наскочила милиция, погнались за хлопцами, заскочили в общежитие, ища виновных – вот еще одна неприятность. А третья неприятность была лично со мной. Около школы я заметил кусок забора, метра три, который был почти оторван от столбов и вечером, идя со школы, я решил “прихватить” его на дрова. Необходимо было проходить возле милиции, учреждение их было рядом с общежитием, и я, с забором на плечах, наткнулся на двух милиционеров, они скомандовали мне отнести забор в милицию. Ну, что же пришлось подчиниться. Пройдя к дверям, спрашиваю, куда поставить забор и ставлю на улице, но милиционер говорит: “неси в коридор”, и мой забор еле уместился в коридоре. Завели меня к дежурному, он посмотрел на меня и говорит: “Что, решил заборы ломать, вас что, так в школе учат”? Я начал оправдываться, что забор был поломанный, старый

- Ну так что же? У нас много старых построек, значит, по-твоему, тоже можно ломать? Подержали меня до полуночи и отпустили. Пришел я в общежитие, хлопцы спрашивают: «где ты был?» Я рассказал им, они посмеялись, а куда милиция девала мой забор, я так и не знаю, но думаю, что скорее всего они сожгли в своей печке.

Закончил я шестой класс, а седьмой не закончил до конца. Короче – просидел я за школьной скамьей

одиннадцать лет и закончил неполных семь классов; лет семь в Великих Садах, два года в селе Повча и два года в городе Дубно. Когда я был в седьмом классе, то в общежитии не жил, а ездил в школу на братовом велосипеде. Однажды решил я заехать в горсовет, чтобы попросить предоставить мне квартиру в городе, так как ездить домой мне было далеко. Прошел через ворота проходной (горсовет был расположен в здании Дубновского замка), на проходной дежурили солдаты. Велосипед оставил под стеной горсовета, а сам поднялся на второй этаж к председателю. Чтобы попасть к председателю, необходимо было записаться у секретаря на очередь. Народа было много, очередь длинная. Стою в очереди и все время думаю: как там мой велосипед, хотя бы кто не украл. Выйти посмотреть – боюсь потерять очередь, а я еще не знал, что можно предупредить стоящего за мной, что мне на минутку нужно отлучиться, ведь я в очереди стоял первый раз в жизни. Кажется вот-вот подойдет очередь, жаль уходить, уже столько простоял, ведь здесь будет решаться серьезный вопрос – вопрос квартиры. Они должны дать мне квартиру, ведь я учусь и остро нуждаюсь в жилье а в городе много свободных квартир, некоторые люди побросали свои квартиры и куда-то драпанули, спасаясь от советской власти. Стоя, я рассуждал так, стараясь подавить беспокойство внутри себя за велосипед. Но в то же время и сам себя успокаивал: ну, какой вор пройдет сюда через проходную? Если кто-то и захочет украсть, то часовой ведь видел меня, как я ставил велосипед и не отдаст его никому другому, это же его обязанность, присматривать и охранять.

Наконец подошла и моя очередь. Я зашел, подал заявление, изложил свою просьбу.

Председатель

внимательно меня выслушал и ответил:

- У нас нема стільки квартир, щоб ми могли всіх забезпечити, дивись, скільки людей просять квартири, а вам дадуть гуртожиток.

Так я и ушел, как говорится, “не солоно хлебавши”.

Выхожу, смотрю на место, где я ставил свой велосипед, а велосипеда нет. Думаю, может быть кто-то пошутил, спрятал. Подошел к часовому, спрашиваю, а он руками разводит, говорит: «не знаю, здесь много людей проходит с велосипедами». Я начал описывать ему свой велосипед, как он выглядел, как назывался, что он был совсем новый – но все было напрасно, он ничем не мог мне помочь.

Вышел я с этой крепости и пешком направился в Сады. На сердце тяжело, грустно, иду и думаю: сюда ехал, а обратно иду пешком. Что мне скажет брат? Ведь он с таким трудом приобрел его, он же заплатил за него 160 злотых, а это стоимость двух коров! А как среагируют на такую новость татко,мама? Все это тяжелым камнем давило мою грудь. Дорогой догнали меня хлопцы из нашего села, они были старше меня, посмотрели на меня и заметили мое переживание. Глядя на меня, спрашивают, что случилось? Пришлось мне объяснить им все подробно, но они не верят мне и говорят:

- Та коли б у тебе вкрали ровера, то ти плакав би, хто зна як!

Но в конце-концов они поверили. “А що ж тобі скаже Ананько, татко?” Подходя домой, я издали заметил татка. Он тоже увидел, что я иду пешком. Когда я вошел во двор, татко спрашивает:

- А де ж твій ровер, що ти йдеш пішки?

- Нема,- кажу,- вкрали.

- Бач, дурню, я тобі казав, що відбіжиш ровера, про

Це я тобі говорив ще тоді, коли ти їздив у Вишневець поступати в механічну школу, а тепер що, будеш пішки ходити до школи?

Опустил голову и смиренно выслушал всю таткову нотацию. Тут подошел и Ананий, увидел, что я без велосипеда и чуть не заплакал. Начал подробно меня расспрашивать, как это случилось. Я рассказал, еще раз вздохнули, развели руками и разошлись. Потом долго мы присматривались в городе к проезжавшим на велосипедах, но все напрасно – велосипед пропал, как в воду канул.

С приходом советской власти в нашу местность, сразу начали направлять к нам из Союза различных специалистов, начальников, уполномоченных, способных быстро организовывать колхозы, деятелей культуры и учителей. В наше село прислали двух молодых учителей, недавно закончивших среднюю школу, холостяков. Одного звали Тюрин Иван Сергеевич, а другой математик, еврей, Нох Розен, они жили в нашем доме. В то время я уже учился в Дубно, а брата забрали в армию. Ваня был очень веселым парнем, совсем не похожим на учителя, ведь ему было всего 19-20 лет. Но, поскольку в Западной Украине учителей не хватало, то его и направили, чтобы он преподавал украинский и русский языки.

Бывало приеду я из Дубна и говорю ему: “давай пойдем на вечеринку погуляем, только куда? Он отвечает: “Пойдем к Марусе, а там еще кто-нибудь подойдет, поиграем, попоем”. Он очень любил петь и играть на балалайке. И так мы проводили свободное время с его же шестиклассниками. Маруся была всего на два года моложе своего учителя, она года два перед войной не ходила в школу, а потом решила продолжить учебу. Как придем с вечеринки, родители давно уже спят через стенку в своей спальне, а Ване после хороших вечеринки вдруг захотелось плясать гопака и как пойдет вприсядку гопака, да еще и напевает: "ох яблочко, куда котисься? Попадешь ко мне в рот – не воротишься!" От такой пляски пол гудит и хата ходуном ходит. Я тоже старался показать себя, что и я могу, но у меня никак не получалось, все валюсь назад. Слышу, проснулись родители и татко с мамой стучат в стенку, чтобы мы прекращали ночные танцы. А Розен в другой комнате через коридор уже давно спал, он был более

скромным, выдержанным и вел себя более серьезно, видно было, что он был из бедной семьи. В школьных классах мы с Ваней устраивали вечера танцев, кино, организовывали танцы под гармошку и бубен и танцевали не до двенадцати, а до самого утра и с таким азартом, что рубаха была мокрая.

Мне, наверное, приходилось хуже всех, потому что я только что начал учиться танцевать. Подойдешь бывало к партнерше, поклонись, пригласишь на танец, она выходит и вот тут и начинается: танцевать у меня никак не получается, сюда-туда крутанул, охота притопнуть ногой, как делают другие, топнул и вместо того, чтобы по полу, умудрился девушке по ноге. Стыдно! Приходится извиняться. А то ноги запутываются, не туда ставишь, но — наука в лес не идет — при таком усердии к утру я уже танцевал, как и все, а после танцев бывало, идешь домой, как пьяный, но зато доволен своими достижениями.

Помню, как первый раз в январе 1940 года провожали наших ребят в советскую армию, в том числе и моего брата. Брала юношей 1919-20 г. рождения. Устраивали гучные проводы с выпивкой и гуляньем до самого утра; песни были для нас новые, советские, как, например: “Последний нонешний денечек гуляю с вами я друзья, а завтра рано, чуть светочек заплачет вся моя семья”. А утром, полупьяные, садятся в сани и с песнями, с ветерком на Дубно. Там собиралось много призывников, со всего района, быстро оформляли документы и на железнодорожный вокзал. Ребята поют, родственники прощаются, плачут, особенно матери. Кто знал тогда, что со многими это прощание было раз и навсегда! Началась война с Германией и многие из них погибли на фронте и только некоторые после войны, покалеченные, инвалиды вернулись домой.

Мой брат Ананий служил в авиации, ремонтировал самолеты. Он находился в тылу, ему повезло, он здоровым вернулся домой. Нашу семью Бог так чудесно сохранил, что никто не погиб. В наше село часто приезжал уполномоченный из района, товарищ Кушко, он вместе со старостой села руководил всеми делами сельской жизни, в его функцию входило не только организовать колхоз, но и помочь создать в селе комсомольскую организацию. Для этой работы нужен был хороший организатор и тогда т. Кушко познакомился с молодежью села и узнал, что я учусь в Дубно, он сразу узрел во мне организаторскую способность и поручил мне провести среди молодежи агитационную работу по вступлению в комсомол. Я тут же поговорил со своей соседкой, двоюродной сестрой Ольгой, дочерью дядька Остапа, потом с ее двоюродным братом Анатолием (он был из семьи верующих, сын дяди Федора, который мне еще в четвертом классе давал различные духовные трактаты и Евангелие), дальше заинтересовал и других ребят и так помалу родилась в селе небольшая комсомольская организация. Довольный своим успехом, я поделился сделанным с уполномоченным т. Кушко и он тут же провел с нами разъяснительную беседу, что собой представляет комсомольская организация, которую мы должны создать в селе. Потом раздал нам в виде блокнотика Устав комсомола, чтобы мы его хорошо выучили и назначил день, в который приедут еще представители из райкома комсомола и будет торжественный прием в “Ленінську Комуністичну Спілку Молоді”. Недели две мы усиленно изучали Устав, готовились к экзамену. Изучая Устав, приходилось согласиться, что в нем все было положительным: комсомолец должен хорошо учиться, активно участвовать в общественной жизни, быть готовым на выполнение всякого поручения, во всем быть примером для других. Но среди всех этих требований было то, что нас немного смущало, а именно: комсомолец не должен верить в Бога, а наоборот, активно бороться со всякими религиозными предрассудками. Когда я изучал Устав и подошло время конкретно решить вопрос: подавать заявление в комсомол, или нет. Я решил посоветоваться об этом с родителями и, хотя они были против, но запретить мне поступать в безбожную организацию побоялись. Ведь я мог пожаловаться начальству, что родители мне запрещают и это было бы для них большой неприятностью, этим они поставили бы себя в число неблагоденных, нелояльных к советской власти и препятствующих коммунистическому воспитанию молодежи.

Я прекрасно понимал своих родителей, мне было неприятно и неудобно, что я дожил до того, что родители боялись дать мне свой совет, или просто запретить поступать своевольно. Но вся причина заключалась в том, что родители мои не были возрожденными христианами, чтобы указать сыну правильный путь, они просто назывались этим именем, а тем более я, смело шагающий в ногу с жизнью! Хотя при польской власти нас учили религии, закону Божьему, один раз в неделю приходил к православным детям батюшка, а к католикам – ксёндз и преподавали нам уроки, но не с целью привести школьника к живой вере в Бога, а просто, как историю. И так, не думая, к чему приведет меня безбожный путь, подавляя свою совесть, которая немного беспокоила меня и как бы шептала мне: «остановись, не делай этого!» – я самоуверенно шел вперед к неведомой цели. Прошло еще некоторое время, приехал Кушко и с ним представитель райкома комсомола, собрали нас в школу и предложили подать заявления для вступления в ВЛКСМ (Всесоюзный ленинский союз молодежи). Задали несколько вопросов из Устава и объявили нас принятыми в члены комсомола, поздравили, пожали нам руки, торжественно вручили комсомольские билеты и на этом вся церемония закончилась. Тут же избрали секретаря организации, это почетное и ответственное дело единогласно было поручено мне, как проявившему себя активным организатором в создании комсомольской организации. Всякий раз, когда я возвращался из города домой, я заходил на почту и там мне выдавали бесплатно целую кипу газет, плакатов, лозунгов. Принеся все это домой, я раздавал людям газеты, а плакаты и лозунги прибывал на видных местах в селе. Этой работе я уделял много времени, а особенно, когда приезжал из школы домой. Я был заинтересован, чтобы комсомольская организация увеличивалась численно, для этого нужно было искать встречи с молодежью, беседовать, агитировать в комсомол; устраивать вечера танцев, спортивные игры и т.д. В связи с этим я начал пропускать уроки в школе, а перед концом учебного года я вообще оставил школу и занимался только общественной работой в комсомольской организации. Об этом татко сообщил Ананию в армию и брат был сильно расстроен и огорчен моими действиями. Для своего оправдания я ссылался на занятость в комсомольской организации, т.к. меня избрали в Садах секретарем комсомола и ради этой работы я оставил школу.

Еще вспоминается мне один неприятный случай из нашей жизни. Однажды помню, я пришел из школы домой, зашел на кухню и сел отдыхать. Татко подошел и показывает мне на дырку в стене, под самым потолком и спрашивает:

- Що ти думаєш, що то за дирка?

Я не мог, конечно, ответить на его вопрос и тогда он начал объяснять мне подробно.

- Ми з мамою пішли спати, Лена також вже спала, бо було вже пізно, десь біля одинадцятої години, а Вера стояла біля дзеркала і приводила в себе в порядок. Дзеркало висить біля самого вікна. І раптом пролунав постріл. Куля пролетіла біля Веринної голови і застряла ось тут під стелею. Перелякана Вера відскочила від вікна. Ми з мамою зірвались з ліжка від несподіванки, перестрашені. Опам’ятавшись, я вискочив з хати на двір і зауважив, як якась темна постать погналась через город.

Долго мы думали, кто же мог посягнуть на жизнь

моей сестры Веры? Расспрашивали Веру, с кем у нее могли быть ссоры, или враждебные, натянутые отношения и только после ее объяснения мы все пришли к выводу, что это коварное дело ничье иное, как хулигана Дёма. Вера ему нравилась, он начал навязывать ей свою дружбу и сделал ей предложение выйти за него замуж, а она не хотела с ним дружить и сказала, чтобы он больше не появлялся в наш двор. Дёма был великим драчуном в селе, небольшого роста, шустрый, как только в селе где-нибудь музыка, танцы и если на танцах появились хлопцы с другого села, то он обязательно затевал драки и не только с чужими, но и со своими ребятами. У него были специальные зубчатые металлические перчатки (кастеты) на руку и он ими ловко наносил сильный, кровавый удар и ножевые раны. Все боялись этого замухрышку-драчуна. И

выйти Вере за такого бандита-драчуна – это был бы позор на все село, хотя он и был из зажиточной семьи.

На другой день после моего приезда из Дубна, для расследования этого дела прибыл участковый милиционер, т.к. он побывал и сразу после происшествия. На сей раз он прихватил с собой Дёмины сапоги, чтобы определить по следам через вспаханный огород, были ли эти следы отпечатками Дёминых сапог. Татко еще раньше все подробно объяснил милиционеру и сейчас занимался своими хозяйственными делами во дворе, а я с милиционером пошел по следам и обнаружили, что на следу был четко отпечатан согнутый и не вбитый гвоздь на каблуке правого сапога. Мы убедились, что в Веру стрелял Дёма и это должно было быть вещественным доказательством на суде. Преступник не знал, убил ли он Веру, или только ранил и боясь ответа за содеянное, скрылся. Говорили, что у него был обрез, при помощи которого он и решил «отомстить» Вере. Все это случилось перед самой войной. Вскорости вспыхнула война с немцами и было не до разбора этого преступления, мы его больше не возбуждали и Дёма остался ненаказанным.

Моя работа в комсомольской организации не вполне меня удовлетворяла, я понял, что это напрасная потеря времени, а мне необходимо было приобрести какую-либо профессию. Все лето я провел дома, помогая в хозяйстве, потому что мы еще в колхоз не вступили, а хозяйничали единолично. Работы было очень много. Вечерами, несмотря на усталость, проводил время с молодежью на улице, устраивали вечеринки, некоторые приносили с собой махорку и мы начали понемногу покуривать. Мне было известно, что татко прячет свой тютюн (табак) в столике, который был всегда закрыт. Но однажды он забыл закрыть и я воспользовался моментом: открыл столик и из татковых запасов выделил немного себе, чтобы на улице не попрошайничать у других. Корешки (грубо насеченные стебли табака) мы заворачивали в газетную бумагу и курили. Без привычки такое курево до того горькое и противное. Потянешь раз-два, закашляешься, аж слезы выступают из глаз. Если бы я так и дальше продолжал курить, то наверное, привык бы, как и все курцы, но к моему благу татко обнаружил, что у него убывает курево, заподозрил меня в этом и я получил выговор за то, что приучаюсь курить, да еще и корешки ворую. Объяснил мне, какой вред приносит курево, я извинился и дал слово, что курить никогда не буду и это слово я честно сдержал, хотя и был я тогда еще неверующим юношей. Брат мой долгое время не курил и не пил спиртного, он был при польской власти членом украинской националистической организации “Відродження” /Возрождение/ и по ихнему уставу они не только сами не пили и не курили, но должны были также вести борьбу против никотина и алкоголя. Но пришло время, власть переменилась и он желая замаскировать свое прошлое, начал понемногу курить, выпивать, а потом – больше и больше и дошло до того, что повредил своему здоровью и в 62 года умер.

Кроме курева я начал подражать компании и в сквернословии. Хотелось показать себя взрослым, героем и это у меня хорошо получалось. Однажды мою «речь» подслушал дядя Гаврило, он рассказал родителям и татко опять провел со мной спокойную воспитательную беседу. Не ругал меня, а просто говорил к моему сердцу:

- Я посилаю тебе до школи і хотів би, щоб ти чомусь там навчився, щоб ти відрізнявся від вуличних хлопців, а ти, на жаль, такий самий, мені соромно, що сусіди мені про тебе таке доносять.

После таткового увещания, больше никто, нигде не слышал, чтобы я сквернословил. Может быть в дальнейшем и трудно было бы удержать себя от скверных слов, но прошло года два и Господь Бог коснулся моего сердца и я стал новым человеком. Он помог мне побеждать все дьявольские искушения.

Прошло лето, наступил опять учебный год и у меня появилось желание продолжать учебу, но уже по профессии. В газете я увидел объявление, в котором объявлялся набор юношей в школу Ф.З.О. Условия приема: обеспечение учащихся жильем, бесплатным питанием и

одеждой. Условия прекрасные, кроме всего перечисленного обещали давать стипендию, а по окончании школы должны были выдать документ третьего-четвертого разряда мостовщика, или мастера по строительству железных дорог, а срок обучения – один год. Вот я и пошел в эту школу, а со мной двоюродный брат Анатолий, сын дяди Федора и наш друг- однофамилец Андрей. Жили мы в товарном железнодорожном составе, который стоял на станции Переспа, недалеко от г. Ковель, Волынской области. Сразу же, первым делом руководство школы организовало при школе комсомольскую организацию. Опять меня, уже как опытного в этом деле избрали секретарем и поручили агитационную работу среди учащихся, писать различные лозунги и прочее, согласно уставу. А на занятия определили меня в группу мостовщиков. Практические занятия проходили на привокзальной площади – укладывали мостовую. Эту работу я быстро усвоил и меня перевели в железнодорожники, моим делом было – проверять специальным шаблоном «Цупа» ширину железнодорожного полотна – тупика, который мы строили. Ребята таскали шпалы, тягали рельсы, забивали костыли, делали щебеночную подсыпку под шпалы, а я только замерял ширину пути, говорил, где нужно расширить, а где сузить. Поработаю немного, устану ходить по жаре, иду в вагончик писать лозунги, заниматься секретарской работой. И я чувствовал себя маленьким начальником. Иногда нужно было ехать в Ровно на областной съезд комсомола, выступать перед съездом о работе нашей комсомольской организации. Каждый из нас мечтал после окончания учебы получить соответствующий документ, устроиться на работу, зарабатывать деньги и вести самостоятельную жизнь, не быть зависимым от родителей, а наоборот – помогать им. Но вот, вдруг, под утро 22 июля 1941 года, в четыре часа ночи, когда мы после дневного труда крепко спали сладким сном, раздались страшные взрывы и наши вагоны закачались, как от сильного землетрясения. Мы в ужасе выскочили на улицу, слышим страшный гул самолетов, а над Луцком увидели зарево пожара и темные тучи дыма. Прибежал к нам наш директор, растерянный, в панике, говорит, что по радио передали из Москвы, что на нас вероломно напала Германия и генералиссимус тов. Сталин призывает весь народ на защиту Отечества. Мастер раздал всем инструменты, хотел нас вывести на работу, но когда сообщили ему, что уже танки пошли с Ковеля на Луцк, он дал команду сдать инструменты в кладовую, а самим драпать в любом направлении.

Медлить было нельзя, мы быстро переоделись в праздничную форму, получили скудный паек на дорогу, книгу комсомольского учета я положил на дно чемодачика и – в ноги! Одни хлопцы пошли на Ковель, чтобы быстрее встретиться с немцами, другие пошли по трассе на Луцк, а нам, жителям села, посоветовали полевыми дорогами идти на станцию Рожище, Киверцы, и Олык, а там на Дубно. Долго я протаскал книгу учета комсомола, как верный и безбоязненный секретарь комсомола. Неся ее, я рассуждал: если выбросить, а вдруг победят Советы немцев, опять установится советская власть и меня спросят, где моя книга комсомола, где мой комсомольский билет. Стыдно будет показать себя трусом, да и могут строго наказать за уничтожение документов. Идя дорогой, я долго думал: а что будет, если я попадусь немцам с этой книгой? Они могут сразу расправиться со мной, как с комсомольцем, да еще с секретарем комсомольской организации, советским активистом и такая беда может случиться при первой встрече с немцами. А отвечать перед обкомом комсомола вряд ли придется скоро, да и придется ли вообще? Так рассуждая, я открыл чемоданчик и вытащил книгу. На сердце стало спокойно.

Дорога наша была длинная и трудная, расстояние мы прошли более сотни километров, шли через незнакомые села. В одном месте зашли в тупик к речке, моста не было и пришлось просить людей, чтобы переправили нас на другой берег на лодке, чтобы пройти, по совету людей, более кратким путем. Прошли за день Рожище, Киверцы и было все благополучно. Когда проходили дорогой через лес к Олык, то встретили советские войска. Шли танки, тягачи тянули пушки, шли машины, груженные боеприпасами. Вся эта длинная и бесконечная колонна войск направлялась из Ровно в сторону Луцка, возможно для того, чтобы преградить путь немцам. А некоторые части, по каким-то неизвестным причинам, остановились в лесу, потому

что вдоль дороги тянулся большой старый, дремучий лес, который был хорошей маскировкой, казалось бы, безопасным местом. Но только мы успели пробраться между машинами через дорогу, мы наткнулись на лужу и тут почувствовали, что очень хочется пить. Вода в луже была вся красная от каких-то насекомых, но другой воды поблизости не было, а жажда мучит. Очистили немного и начали пить, но вода была до того противная, что пить ее было невозможно. Пройдя немного ржаными полями, мы услышали гул самолетов и сразу поняли, что это немецкие самолеты. Забрались в ров и стали наблюдать. Не прошло и несколько минут, как самолеты налетели на этот лес, в котором остановилась часть колонны и начали бомбить. Страх и ужас! Мы еще плотнее прижались к земле, чтобы не ранил осколок, потому что лес был совсем недалеко от нас. Лежали и смотрели, как бомбы, одна за другой, падали на лес. Когда закончилась бомбежка, мы сорвались с этого поля и ходу, пока добежали до одного дома на хуторе. Солнце уже опускалось на запад. Дальше идти мы не решились, спросили хозяина разрешения заночевать, он разрешил, но предупредил, что у него ночевать опасно. Но нам некуда было деваться и мы, уставшие от дальнего дневного пути, легли под стогом сена и долго не могли уснуть. Всю ночь слышно было, как проходили наши войска: гул машин, танков, лязг гусениц. Где-то издали доносились глухие пушечные выстрелы и взрыв снарядов, изредка были слышны одиночные ружейные выстрелы. Хозяин тоже долго не спал, раза два выходил во двор, прислушивался к бесконечному гулу техники подходил к нам и расспрашивал, откуда мы и куда идем. Наконец убедился, что мы порядочные люди и никакого вреда ему не причиним. После полуночи мы уснули, но сон был беспокойный: спали и прислушивались к каждому шороху. Утром очень хотелось еще поспать, но хозяин, выгоняя скот на пастбище, разбудил нас. Солнышко своими утренними чистыми лучами ослепило наши заспанные глаза. Мы встали, потянулись, не умывшись, протерли глаза и собирались было отправиться в путь, но хозяин задержал нас. У нас сразу появилась мысль: наверное пригласит нас позавтракать, или даст на дорогу что-нибудь, потому что у нас уже ничего не было, последний кусок хлеба мы съели вчера вечером. Но, к сожалению, этого не произошло. Он рассказал нам, через какие села нужно идти, чтобы сократить путь на Дубно. Мы поблагодарили его за совет, за ночлег, простились с ним и пошли дальше, а впереди еще километров шестьдесят дороги. Дошли мы до хутора Писуля и вспомнили, что на этом хуторе живет двоюродный брат нашего покойного дедушки Павла. Начали расспрашивать людей и они нам указали на дом дедушки Гаврила Бороденко, его богатые постройки были видны издали. Подошли к воротам дедушкиного двора, он сам был как раз во дворе, смотрит на нас, недоумевая, что это за хлопцы в каких-то черных формах идут к нему во двор и сразу же насторожился. Но, когда мы подошли ближе, поздоровались с ним и рассказали, чьи мы сыновья, откуда идем и что направляемся в Сады, дедушка пригласил нас в хату, представил бабушке. Бабушка пригласила нас к столу, покормила, мы отдохнули и хотели было отправиться дальше. А время было под вечер, нам оставалось пройти еще около двадцати километров и мы будем дома, так мы рассуждали между собой. Дедушка прислушался к нашему разговору и говорит:

-Нічого у вас не вийде з ваших планів. Цією дорогою, якою ви хочете йти – ви не пройдете. Вам потрібно йти на село Івання, через греблю, а там місток зірваний, німці там стоять і нікого не пускають. Переночуйте, а завтра, можливо, часові підуть і ви свobodно пройдете, а якщо через міст трудно буде пройтись, то зайдете у сусідню хату і вони перевезуть вас лодкою.

Мы согласились, хотя очень хотелось, чем скорее попасть домой, но – трудно, другого выхода не было. Поблагодарили дедушку за добрый совет и спросили: а где вы предложите нам переночевать? Думал, думал дедушка: взять нас в хату – опасно, вдруг ночью будет какая-нибудь проверка немцами домов, может быть неприятность: придется объясняться, что это за парни ночуют, да и как объяснишь, речь непонятная. В сарае, или в амбаре тоже немцы могут найти, одним словом – дедушка оказался в затруднении. Мы, видя его растерянность, решили ночевать на улице, под амбаром. Положили соломы и легли спать. Мы были вдвоем с

двоюродным братом Анатолием. Андрей, наш друг и однофамилец, пройдя Киверцы, направился с другой компанией на Ровно. Вот мы лежим вдвоем под амбаром, обсуждаем пройденный путь и рассуждаем, как нам пройти на Сады и как произойдет наша встреча с немцами, ведь они могут принять нас за солдат какого-нибудь подразделения советских войск. Дедушка перед сном вышел подышать свежим воздухом, обошел свое хозяйство, увидел, что мы еще не спим, подошел к нам с каким-то волнением и спрашивает:

- Хлопці, а ви, часом не комсомольці? Мы ответили, что нет, « можете бути спокійні: спіть спокійно ». Нам стало ясно, что это его волновало, когда он не мог определить нам места для ночлега и мы не ошиблись: заданный вопрос говорил о том, что он боялся принять нас и не доверял нам. Анатолий свой комсомольский билет выбросил, когда мы прошлой ночью ночевали на хуторе, под стогом сена, а я свой билет положил в ботинок и так шел, надеясь благополучно донести его домой, а вдруг он мне еще понадобится? И только здесь у дедушки, видя его переживание, я и сам встревожился, чтобы этот документ меня не подвел. Возможно, что и сам дедушка хотел предупредить нас, чтобы мы уничтожили все компрометирующие нас документы. Своим ответом мы успокоили дедушку, что мы не комсомольцы и он ушел отдыхать, так как время было позднее. Тогда я поднялся, снял ботинки, вынул билет, встал и украдкой пошел за сарай, чтобы там где-нибудь его спрятать. Думал, куда же его положить? Ведь положить нужно в надежное место, сухое место, чтобы не сгнил и чтобы его никто не нашел, и если мне когда-либо он понадобится – я приду и заберу. Из всех мест, куда я предполагал спрятать, самым лучшим местом оказалось место под крышей. Приподнялся я нацыпочки, ухватился за стропилу, оттянул на обрешетке (на лате), и задвинул туда свой билет. Пришел, лег и рассказал Анатолию, что надежно спрятал, но место не указал, где именно, решил засекретить от брата, чтобы он где-нибудь не проболтался.

После дневного путешествия и после такой усталости мы быстро уснули. Утром, когда солнышко поднялось и начало нас обогревать своими лучами и травка уже давно высохла от ночной, серебристой росы, мы, протирая кулаками заспанные глаза, направились к корыту с водой, откуда поили скот и решили помыться первый раз за два дня. Дедушка уже пригнал с пастбища коров, мы поздоровались с ним, он спросил, как нам спалось, видно было, что у него хорошее настроение. Вышла с хаты их дочь, наша тетя, и позвала нас завтракать. После завтрака мы поблагодарили за все, простились и взяли курс на Сады. Через час мы уже были на гребле в селе Иванье, недалеко от Дубна. На плотине у моста немцев не было, но перебраться через взорванный мост было невозможно, пришлось зайти к знакомым здесь же рядом и попросить, чтобы они на лодке переправили нас на другой берег Иквы. Переправившись через реку, дальше пошли на село Хорупань и выходя из села, мы впервые встретились с двумя немецкими патрулями. Немножко боязно было, но не подавая вида мы смело пошагали навстречу и, подходя ближе к ним, приветствовали их словами: "Гутен таг" (добрый день). Они остановили нас, проверили, нет ли у нас оружия и начали расспрашивать, указывая на нашу форму, кто мы. Но мы ничего не поняли и сказали, что мы идем домой («вир геген нах гауз»), указывая рукой на Сады. На наше объяснение они дважды повторили «гут, гут» ипустили нас. Мы зашагали быстрее, сердце бьется от радости: еще немного и мы будем дома, осталось пройти через гору и будут Малые Сады, потом еще одна гора «Пишача» и – Великие Сады. Вся тяжесть пути осталась позади, последняя гора, перед нами родное село и мы дома. На противоположной стороне горы, в зарослях сада, виднеется родной дом, в котором я прожил восемнадцать лет и, хотя разлука была недолгой, но в такое тревожное время хотелось быстрее домой, увидеть родных и быть всем вместе. Когда я вошел во двор, время было обеднее, мама как раз подоила коров и несла в ведре молоко. Как увидела меня, оставила молоко, бросилась ко мне в объятия, утирая слезы радости. Потом пришел татко, радостно поприветствовались и пошли все в хату. Мама и Лена готовили обед, а татко сидел и все слушал мой рассказ о войне и о нашем пути домой. Все слушали меня вздыхая: ведь все могло случиться в дороге.

В селе было спокойно, но не надолго: прошло несколько дней и появились на больших машинах немецкие солдаты, было видно, что они приехали собрать у людей продукты для их нужд. Как я уже вспоминал, у нас жили советские учителя. Ваня уехал домой на каникулы в Ворошиловградскую область на станцию Штеровка, там жили его родители, а Розен оставался у нас, видно ему некуда было ехать, возможно он убежал с польской территории, которую заняли немцы. Находясь у нас, он очень переживал, был в великом страхе, ведь он прекрасно знал, как немцы поступали с евреями. Татко, видя его волнение, говорит ему:

- Розен, ти коли бачиш, що появились німці у дворі, то бери вила, йди у хлів і викидай гній, роби вигляд, що ти свій, наш син і все буде добре.

Не знаю, как он отреагировал на совет татка, наверное понял, что подобная «маскировка» ничего не даст, если люди донесут немцам о его пребывании в нашем доме. Я ни разу не видел, чтобы он работал вилами, или занимался другим каким-либо хозяйственным делом. Но вот однажды, неожиданно, к нам во двор зашел немец. Сердце мое сразу ощутило тревогу, а Розена – тем более. Розен в этот момент был во дворе, прятаться от немца, или куда-либо бежать было уже поздно. Оказывается, немцу нужен был переводчик, чтобы объяснить нашему соседу, на каких условиях он хочет забрать у соседа кабана, т.е. немец выдает соседу справку, по которой он сможет получить за кабана деньги. Немец подошел к Розену, сказал, что ему нужен переводчик и предложил идти с ним. Мы наблюдали, куда он его поведет. Шли они рядом друг с другом, не под конвоем, а просто так, как будто Розену ничего не угрожало. Повел он его к дядьке Карпу, мужу татковой сестры, кабана они забрали, дали справку, но никаких денег за кабана он так и не получил. А для бедного Розена возврата к нам больше не было, это наверное, был последний день его пребывания в Садах, больше мы его никогда не видели. Остался у нас его керзовый чемоданчик с барахлишком, книги, школьные программы. Каждый раз, когда, бывало, смотрим на его вещи, больно защемило сердце, - ведь все это нам напоминало о молодом, культурном учителе, судьбою заброшенном в наше село. Мои родители и все мы очень жалели о нем, ибо привыкли к нему и любили, как родного. Он никогда никому не сделал никакого зла, а только добро – учил детей. И все же нашелся злой человек, если вообще такого можно назвать человеком, предал его немцам, а те, наверное, отправили его в Дубно в гетто для евреев, которые все были уничтожены.

Это было началом злодейств в нашем селе немецких солдат, которые обещали народу принести счастье и хорошую жизнь, потому что у них на ремнях было написано: «Гот мыт унз» (Бог с нами), а раз с человеком Бог – значит такие люди должны быть миротворцами, но оказалось наоборот: принесли горе, слезы и нищету. Трудности для крестьян, вызванные немецкими властями были в том, что для жителей села запрещалось забивать скот для себя на мясо, или для продажи на рынке, если хозяин не сдал государству назначенное ему количество мяса, а кто сдал, тому выдавали соответствующую справку и он имел право колоть свинью. А выкормить и себе и государству не каждый мог и нужно сказать, что некоторые не хотели сдавать и бедному приходилось колоть тайком, в сарае, щетину смалили паяльной лампой, или ошпаривали кипятком, а не так, как раньше смалили соломой во дворе. Немцы видно научились от советов, бывших прежде них. Советы тоже заставляли колоть свиней тайком, т.к. нужно было обязательно сдавать свиную кожу государству для изготовления сапог. Подобный закон существовал как у советских, так и у немцев. То же самое было и в отношении зерна: сдал поставку зерна государству – мельник имеет право молотить тебе зерно на муку, а если нет документа о сдаче – молотить не будет. Особенно немцы преследовали за нарушение этого закона, поэтому люди делали себе жернова и на жерновах мололи муку. Это была очень тяжелая работа, действительно, в буквальном смысле приходилось в поте лица добывать себе хлеб и эту работу обычно выполняли всей семьей, чтобы каждый взрослый член семьи мог знать цену хлеба.

Была проблема и с растительным маслом. Чтобы выдавить масло из льна, с семян конопля или репака (подсолнуха у нас на масло не выращивали), необходимо было предьявлять такую

же справку. Это положение заставляло некоторых богатых хозяев идти на нарушение закона и, рискуя своей свободой, люди старались найти выход – делали у себя в амбаре маслобойни. Это было не только рискованно, но и дорогостояще. Жители села старались держать в тайне такие маслобойни, каждый был заинтересован пользоваться ими и немцам трудно было обнаружить такие производства. В нашем селе маслобойня была в конце села на хуторе, место безопасное. Обычно людей здесь собиралось много: одни работали, а другие стояли на страже и, когда в селе появлялись немцы, стража сразу же сообщала об опасности. Жернова были почти у каждого хозяина и некоторые люди, читающие Евангелие, на основании 41 стиха 24 главы Евангелия от Матфея, где говорится: «Две мелющие в жерновах: одна берется, а другая оставляется», говорили: вот это время теперь настало, значит второе пришествие Иисуса Христа близко. Немцы приходили в ярость от того, что люди не сдавали поставок зерна, мяса, что нашли выход с положения – обходились без мельницы, мололи на жерновах. Такое неподчинение власти разозлило их до того, что они приезжали на машинах, делали обыски у людей и если находили жернова – грузили и увозили, или уничтожали. Со временем, когда была организована Степаном Бендерой Украинская Повстанческая Армия «УПА», то бендеровцы запретили крестьянам сдавать поставки немцам и если кто-либо вез, то таких встречали, били и возвращали домой. Такие трудности в жизни крестьян побудили написать в районной газете лозунг: «Народе, допомагай собі сам!» Чего-либо другого они предложить не могли, потому что украинские чиновники были в полном подчинении у немцев и вступаться за свой народ было опасно. В селе был избран староста, была назначена немцами сельская полиция, был и начальник полиции. Нам, бывшим комсомольцам, дали приказ: из дому никуда не отлучаться и в любой момент, когда вызовут - немедленно являться к старосте, или, если понадобится, в район. Мы почувствовали, что нам угрожает расправа, хотя ничего плохого мы никому не сделали, но многие односельчане не любили нас, как не любили и советскую власть, а на нас смотрели, как на будущий костяк советской власти в селе. И тут-то сельская полиция, чувствуя свою власть, решила поиздеваться над нами. Трудно было при такой слежке навязать какие-либо связи между собой, не было возможности и собраться, чтобы посоветоваться, что делать дальше в этих угрожающих нам обстоятельствах. У меня была возможность видеться с соседкой, двоюродной сестрой Ольгой, дочерью Остапа. И изредка, по меже, где полусогнутым, а где и ползком, по-пластунски, я пробирался ближе к дому двоюродного брата Анатолия, вызывал его, он выходил ко мне в поле на межу. Посидим, поговорим, погорюем и опять расползаемся по домам. Немцы, по доносам некоторых недоброжелателей о том, что в селе есть коммунисты, начали все чаще вызывать людей на допросы - то одного вызовут, то другого. О чем их допрашивали, нам было неизвестно. Начальником сельской полиции был друг моего татка Максим Гутюк и он кое-что передавал моим родителям. Родители видели, что для меня поставлена ловушка и сельская полиция, по указанию немцев, готовила над комсомольцами расправу. Это тревожило не только родителей, но и самого начальника Максима. Он сказал татку:

- Знаєш, Карпо, до чого у нас погані люди! Вони без кінця їздять в Дубно до німців в комендатуру і заявляють, що у нас в селі є комуністи і кажуть: їдьте, робіть що з ними. І тому тягають мене до міста та до старости і не дають спокою. Я їм кажу: то ж діти, де ті комуністи? У нас нема таких людей. А вони требують: видавай своїх комуністів! От і роби, що хочеш. Ось по-сусідськи у селі Александрівка, там також була совецька влада, був колгосп, були в селі комуністи і комсомольці, але ніхто нікого не видає, бо це чехи, розумні люди, захищають один одного, а наш народ заскаржує і, якби міг, то втопив би один одного у ложці води.

Вот такой вывод сделал начальник полиции дядько Максим. Идти с родителями работать в поле убирать хлеб нам не разрешали. За работой как будто немного отвлекаешься от тревожных мыслей, стараешься забывать о предстоящей расправе. Утешаешь себя мыслью, что это ведь свои хлопцы, с которыми провел детство, юношеские годы, вместе вечеринки справляли, танцы,

неужели они способны издеваться над нами? Такого не может быть! А если кто-то и найдется ненормальный и проявит себя героем, желая показать свое рвение перед властями и начнет избивать меня, то начальник полиции, дядько Максим защитит, ведь он имеет на это право и даже обязан пойти в защиту. Такие мысли немного успокаивали меня, но вдруг раздались выстрелы: один, второй, третий - сердце невольно екнуло, тревожно застучало. Татко посмотрел на меня, заметил мой испуг, но ничего не сказал. Я успокоился и продолжал работать. Надеяться мне было не на кого: брат был в советской армии, старшая сестра Вера замужем, а младшая Лена осталась с мамой дома. День склонился к вечеру, снопы сложили в копны по пятнадцать штук и направились домой. Прошли некоторое расстояние и слышим – опять в селе прозвучали выстрелы. Кто стрелял, прибывшие немцы, или сельская полиция – неизвестно. Мысли появлялись разные: хорошо, если это просто упражнения в стрельбе, а может быть вызвали кого-нибудь из комсомольцев, или других неблагонадежных людей и начали над ними расправу, что тогда? А вдруг, как только мы придем домой, вызовут и меня? Прятаться некуда, а если и спрячешься и, вдруг найдут, тогда помилования никакого не будет, а будут издеваться, как захотят, скажут начальнику, что я не подчинился их приказу, тогда и начальник ничего не поможет. Убежать куда-нибудь в лес – тоже не выход из положения, там не выживешь в одиночку, а партизан тогда еще не было. С такими размышлениями я пришел домой.

В этот же вечер, часов в одиннадцать, пришел к нам с винтовкой бывший мой одноклассник Рашко Полько и заявил:

- Тебе нехайно викликають до солтиса (старости).

Я спрашиваю его, а кто меня вызывает?

- Там дізнаєшся, побачиш.

Пришлось подчиниться и как пришел с поля босой, грязный, так и пошел, начальство ждать не любит, нельзя раздражать их своей медлительностью. Татко сразу понял, в чем дело. Уходя, я сказал, что вызывают к солтысу. Дорогой Полько на мои вопросы не отвечал, старался молчать, как будто он здесь ни при чем и ничего не знает: сказали приведи Володю, вот и веду, а там сам узнает.

Долго ждать и добиваться ответа не пришлось, путь был короткий, метров триста-четырееста и мы оказались во дворе солтыса дядька Сянька Ковальчука (он был мужем моей тети Зиньки). Под открытыми окнами дома, с оружием стояло до десятка сельских полицаев и я понял, что расправы не избежать, будут издеваться, но деваться было некуда. Подальше во дворе, около колодца стояли и разговаривали между собой солтыс и начальник полиции. Когда я, проходя мимо полицейских, направлялся к дверям, они начали подставлять мне ноги, толкать меня и говорить:

- Иди, там тебе жде Кушко, він приїхав і буде проводити комсомольські збори.

В доме я увидел : за столом сидели два полица, которые с криком и угрозами допрашивали сидящего напротив Васю Макарука. Я сел на длинную лавку, стоящую вдоль окон у стены. Сидел и прислушивался к каждому слову допрашивающих. Основные их обвинения были за нарушение приказа – не отлучаться из дома. Они неоднократно задавали Васе вопрос:

- Де ти був, коли ми приходили за тобою? Чому ти втік з дому?

Вася отвечал:

- Я нікуди не втік, я спав у хліві на вишках.

- А чому твоя мати не сказала, де ти, коли ми її питали? Чому вона не сказала, що ти спиш на вишках, а сказала, що не знає, де ти?

Конечно, мама не хотела сказать им, где сын, она знала, что они хотели увести его для издевательств над ним. Когда Васю отпустили и он вышел во двор, его свалили и начали бить. Слышны были шум, толчки, крик, стон «преступника», а я сидел и ждал своей очереди. Васю еще долго колотили. Рядом со мной на лавке сидела Ольга, ее позвали на допрос к столу, а меня

так еще и не допрашивали. И в этот момент в хату вбежал Дёма, покушавшийся на жизнь моей сестры Веры. Настал удобный случай для него, теперь он постарается отомстить мне за мои показания против него, когда я свидетельствовал, что это именно он стрелял в Веру, желая убить ее.

Он сразу подскочил ко мне и приказал выйти на улицу. Я отказался, сказал, что не выйду, пока не позовет меня начальник. Он выбежал на улицу к начальнику, или только к полицаям доложить, что я не подчинился его приказанию. А через несколько минут опять вбежал, требуя сейчас же выйти. Я опять ответил ему, что выйду только по приказу начальника. Тогда он замахнулся ударить меня. Я только приподнялся и он ударил меня изо всей силы по шее, толкнул меня и я полетел в дверь. Дверь открылась, я упал в коридоре на какие-то мешки. Тут подбежали другие полицая и потащили меня на улицу. Одни продолжали бить Васю, он сильно кричал, а другие тащили на смену меня. Васю отпустили, а меня бросили в этот круг и начали колотить со всех сторон: кто прикладом по ногам, а кто каким-то поленом по рукам. Я упал и начал кричать на всю улицу. Собаки в соседних дворах, услышав такой вопль, тоже встревожились, подняли лай и завывали. Этот крик и вой был слышен далеко, его слышали и мои родители. Меня подняли и опять продолжали бить. Начальник, видя такое издевательство, начал просить: «Хлопці, залиште, досить вже!» Староста стоял и молчал. Они боялись защищать нас, чтобы полицая не обвинили их в защите комсомольцев и не доложили немцам. Несколько раз я пытался вырваться из их рук, но бесполезно, кольцо вокруг было плотным. Бывший мой друг Полько, который привел меня сюда к солтысу тоже четко охранял, чтобы я не сбежал. Особенно зверски в избиении изощрялся какой-то полицай из села Смордва по имени Павлик. Потом стало известно, что это он организовал это побоище, он был каким-то старшиной.

Начальник полиции дядько Максим, смотря на это издевательство, еще раз повышенным тоном сказал: «Хлопці, досить, залиште!» Тогда я вырвался – и ходу под гору домой. Один из них погнался за мной, хотел еще добавить. Он посчитал, что я еще недостаточно получил, если мог так бежать, но догнать ему меня не удалось.

Ольгу не били, пожалели и отпустили домой. Посчитали, что она просто поддалась моей агитации и поэтому мне, как агитатору и пришлось пострадать больше всех.

Когда я прибежал домой, еще никто не спал, все ждали меня. Тогда у нас как раз были беженцы из Дубно, семья Чернецких, которые жили у нас во время немецко-польской войны в 1939 году, они тоже все это слышали.

- Ну, що, били? – спросил татко. Я ответил, что да, били.

Видя мое состояние, больше меня ни о чем не спрашивали, татко сказал маме:

- Постели йому розкладушку у малій кімнаті і заведи його спати.

Мама молча быстро постелила и я лег спать, но еще долго не мог уснуть от боли. Было уже далеко полночь, как я уснул, но от боли часто просыпался. Все мои косточки разболелись до такой степени, что невозможно было повернуться и так я промучился до самого утра. Утром, чувствуя боль во всем теле, трудно было подняться, так хотелось лежать весь день, чтобы набраться сил, но вдруг забегают ко мне соседский парень Яков. Был ли он полицаем, участвовал ли в избиении, не знаю, но ему было поручено передать мне распоряжение полиции немедленно выйти на ремонт дороги. Стараюсь объяснить ему свое состояние, что я не могу идти, у меня все болит: и тело, и кости, показываю ему свою распухшую руку, говорю, что ночью, когда мне нужно было встать, я не мог и шага сделать, пришлось придерживаться за стену. «Пойми меня,- говорю,- не могу.

- Володя,- говорит Яков,- я розумію тебе, що ти не можеш, але якщо ти не підеш, то вони придуть і знову будуть бити. Зберись з останніми силами, піди, яка там робота, трохи поштирхаеш лопатою, для них основне – щоб ти вийшов.

Вижу, что безвыходное положение и собираюсь идти. Говорю маме, что заставляют идти на шарварок (обязательная отработка каждой семьи на ремонте дорог). Мама предложила мне позавтракать, но Яков поторопил меня, не дал и позавтракать. Вышли мы во двор, я взял лопату и спрашиваю, куда идти, на какую дорогу? Он говорит: «Он там, на долині, коло Семена Тишкевича, там вже працюють люди». Помаленьку, с ноги на ногу, опираясь на лопату, направился на работу. Пришел туда, а там друзья по несчастью, со смехом издали встречают меня, говоря:

- Ще й секретар комсомолу іде нам на поміч!

Конечно, они могли шутить, смеяться, их кости не болели так, как мои, им не попало так, как мне. Помаленьку ковыряли землю, засыпали канавы, рвы. Смотрим, через поле, с лопатой на плечах шагает к нам мой однофамилец Андрей, бывший комсомолец и ученик ФЗО. Кто-то спросил его:

- А ти чого сюди прийшов, що, дома роботи немає?

И Андрей начал нам рассказывать, как он куда-то шел и на него налетел с нагайкой в руках дядько Олекса и давай хлестать его по спине, по голове. Я убегаю,- говорит Андрей,- кричу, а он бьет и вот пригнал меня домой, приказал брать лопату и идти к вам ремонтировать дорогу.

Самым старшим среди нас был Иосиф Рашко, бывший секретарь сельсовета. Продолжая шутить, он говорит:

- Тут зібрались не прості люди, а самі активісти: секретар один, секретар другий, тракторист Костя Бучик, комсомольці.

Здесь мы помаленьку шевелились, ковыряли землю, шутили и не знали, что происходит в другом конце села. Сообщили нам, не помню кто, что в хату Хаима (она была пуста, Хаима с семьей немцы расстреляли) привели полицаи Горощука Мирона, бывшего председателя сельского Совета и так его избил, что кровь пошла ртом. Подвергли страшному избиению также бывшего председателя колхоза нашего села Бучика Онуфрия, отца Кости. Все это побоище организовано было нашими же людьми, людьми, носящими название "христиане", да еще и православные. Это произвело на жителей села гнетущее впечатление: люди, с детства жившие в одном селе, ходившие в одну школу, в одну церковь и вдруг воспылали такой яростью, такой ненавистью друг ко другу, что готовы были убить своего соседа, своего брата по вере. Может быть сельская полиция действовала по указанию немцев, но я не думаю, скорее всего люди сами решили проявить свою инициативу и совершить самосуд.

С тех пор прошло пятьдесят три года, все осталось далеко позади, но каждый раз, вспоминая о далеком прошлом, я думаю, что эти дни были самыми страшными и темными днями не только в моей жизни, но, наверное и во всей истории нашего села.

Перетерпевши такие издевательства и побои, мое сердце преисполнилось ненависти, появилось желание отомстить своим врагам и особенно Дёме, ведь он больше всех издевался надо мной. Появлялись мысли: подойду вечером под окно его дома так, как он подходил к нашему окну, чтобы застрелить Веру, вот так захотелось и мне подойти к его окну, только не с обрезом винтовки, а с гранатой и бросить ее к нему в дом. Долго преследовала меня такая мысль, пока однажды, возвращаясь с поля, я проходил через сад одного человека по имени Юхим. Проходя, я увидел, что он лежал под деревом и читал какую-то книгу. Я подошел к нему и спросил: "«Что ты читаешь?» Он ответил: «Читаю Библию». Я присел рядом и он начал объяснять мне Священное Писание о втором пришествии Иисуса Христа на землю, о том, что будет голод слышания Слова Божьего и что Оно будет взято с земли.

Я слушал и думал: как много знает этот, можно сказать, почти неграмотный, забытый человек. Ведь Юхим ни одного дня не был в школе, учиться читать он начал только тогда, когда уверовал в Бога и стал евангельским христианином. Он приобрел себе украинскую Библию и по слогам читал эту Священную Книгу и, читая ее ежедневно, приобретал навык к чтению и вместе с тем познавал Истину Божию. Эта Святая Книга указала ему путь к спасению. Материально

Юхим был очень бедным человеком, одиноким (не женатым), но никогда не роптал, а всем был доволен и Господь обогатил его духовным богатством – дал ему жизнь вечную и он всегда в летнюю пору, за двенадцать километров, ходил в Дом молитвы слушать проповедь Слова Божия.

Под конец нашей беседы, чтобы подкрепить сказанные им слова, он открыл мне 24 главу Евангелия от Матфея и предложил прочитать некоторые стихи, а потом еще из книги пророка Амоса. Подобных слов я никогда еще не читал и не слышал и эти места Писания заставили меня призадуматься. Когда я уходил, Юхим еще раз предупредил меня, говоря:

- Володя, читай Євангелію, бо скоро прийде час, що Слово Боже буде забрано з землі, а зараз ти маєш можливість читати, я бачив у твого батька Біблію. Скоро буде прихід Христа, бачиш, як написано: будуть війни, голод, цей час вже прийшов, тобі потрібно покаятись за свій комсомол, прийняти Ісуса Христа і тоді ти будеш готовий до зустрічі з Ним.

Под впечатлением этих слов, придя домой, я долго размышлял и у меня появилось желание читать Евангелие, но где достать эту Книгу? И тут я вспомнил, как однажды обнаружил у татка на полке две книги, припавшие пылью. Я взял, стряхнул пыль с обложек, открыл и начал читать. На обложке написано: Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. А другая толстая книга была Библия. Посмотрел я эти книги и опять положил на старое место.

На другой день я опять был с татком в поле на жатве и начал высказывать ему свои мысли, свое намерение покаяться перед Богом, потому что отвергал Его. Спросил татка, что он скажет, как он смотрит на мое желание? Он подумал и ответил:

- Твої наміри покаяться дуже добрі, але знай, що коли каються, то вже раз і назавжди, а не так: сьогодні покаюся, а завтра знову вертатися назад. Про це записано в Євангелії, що така людина подібна до собаки, який вертається до своєї блевотини, або до вимитої свині, яка вертається знову до калюжі. Краще не пізнавати правду Божу, ніж пізнати її і не виконувати.

Я выслушал его наставления и сказал:

- Татку, я бачу, що ти так багато знаєш з Євангелії, ти ж вже пізнав Правду, а чому ж ти не хочеш бути євангельським християнином, щоб виконувати Правду Божу?

- Я перевірів свої сили і розумію, яку відповідальність бере на себе людина, стаючи на цей шлях. Я побачив, що не зможу виконати всього написаного у Слові Божому. Я люблю курити, часом випити і тому не стаю на цю дорогу. А ти, як хочеш, я не перечу, це добре діло, тільки зваж добре, чи ти зможеш все це виконати?

После всех этих слов, после таткового высказывания о своем бессилии исполнить Слово Божие, я сказал ему:

- Ти повинен надіятись на силу Божу, в Ньому наша сила, а не на своє безсилля і тоді ти зможеш встояти на християнському шляху.

В ответ на мои слова татко сказал:

- Ти рiшаєш йти таким шляхом – йди, а я не можу.

Мое намерение покаяться очень удивило родителей: ведь я был ярым безбожником, атеистом, боролся с Богом и увлекал других на безбожный путь, даже влиял на детей верующих родителей. Так, я увлек с пути истинного моего двоюродного брата Анатолия, сына верующих родителей и некоторых других. Когда я снимал со стен в своей комнате иконы святых и выбрасывал их, татко молчал, боялся мне перечить, чтобы я не пожаловался начальству, и чтобы ему не было неприятностей. Много раз приходил, бывало, к нам Юхим с Библией, старался что-нибудь прочитать. Пока он читает, татко цитирует читаемое наизусть, тем самым показывая, что все это он давно знает. А когда Юхим заставлял меня дома и хотел со мной говорить, убеждать, я всегда старался побыстрее увильнуть от беседы. Я считал для себя унижительным разговаривать с малограмотным мужиком: в чем он может меня убедить? Ведь я знаю гораздо больше его. Все это было до поры до времени, пока Дух Святой не начал стучать в мое сердце. Расспросил я у татка, куда делось наше Евангелие? Он сказал, что одолжил его

соседу, сосед делал памятники на могилы и ему нужны были слова из Евангелия, чтобы писать на памятниках. Я взял у соседа обратно наше Евангелие и начал читать основательно и постепенно применять прочитанное в жизнь. Бывало, погонишь пасти скот, станешь стреножить корову, а она, отмахиваясь от мух, зацепит тебя рогом, ты с досады выругаешься, но на полуслове останавливаешься – вспомнил, что ругатели Царствия Божия не наследуют. Когда выгонял коров в поле, всегда брал с собой балалайку поиграть любимые песенки: “І шумить, і гуде дрібний дощик іде”, спеть под балалайку. Брал также и Евангелие, читал, играл, пел; но однажды татко заметил, что я беру одно, и другое и говорит мне:

- Синок, ти вже бери у поле щось одне: або Євангелію, або балалайку, а одне і друге не можна брати, віруючі не грають на балалайках.

У меня было твердое решение: брать только Евангелие и я продолжал ежедневно читать. Тогда я почувствовал такую жажду к Источнику живой воды, подобно заблудившемуся в пустыне путнику, умирающему от жажды; мне хотелось читать и читать, чтобы больше узнать о любви Бога к несчастному грешнику, а это значит - лично ко мне, заблудившемуся в этой жизненной пустыне и в дебрях греха. Перечитывая по несколько раз о страданиях Иисуса Христа я плакал, сокрушался и думал: ведь Ты – Бог, Ты мог поразить всех врагов Своих, освободиться от крестной смерти, почему же, Господи, так произошло? Мне было совсем непонятно, я долго не мог ответить на этот вопрос. Но, возобновляя в памяти прочитанные главы и прочитывая последующие, я нашел, что все мы согрешили, в том числе и я, и лишены славы Божией, и я лишен, что Иисус призывает грешников прийти к Нему, значит и меня тоже, покаяться и тогда Христос простит и кровь Его очистит от всякого греха. Мне стала понятна Божья любовь, ведь Он так возлюбил человека, что отдал Сына Своего, чтобы всякий покаявшийся грешник не погиб, но имел жизнь вечную. Значит, нужны были страдания Сына Божия, Его раны, пролитая кровь для омытия наших грехов, чтобы сделать нас Своими детьми. При свете Слова Божия я увидел себя великим грешником, достойным вечного осуждения, вечного наказания, но Господь, по Своей любви и милости не захотел моей смерти, Он начал стучать в мое сердце, указывая на путь к спасению и я понял, что и для меня есть надежда на спасение. Господь Духом Святым коснулся моего сердца и я вошел в свою комнату, закрыл дверь, упал на колени со слезами и в глубоком раскаянии просил у Бога прощения. Встал с колен, отер слезы, а на сердце стало так легко, радостно, как будто нашел великое сокровище. Да, это сокровище больше всех сокровищ мира: я нашел Спасителя, Господа Иисуса Христа, а Он нашел меня, как несчастного блудного сына, стоящего на краю гибели. Господь воскресил меня для новой жизни, дал мне новое сердце, новые чувства, мысли. Желание отомстить своим врагам далеко улетело от меня, Господь сказал мне в Своем Слове: " не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию... Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь" /Рим.12:19/. Бог верен Своим Словам, Он совершил Свое отмщение над теми, которые так бесчеловечно издевались над невинными ни в чем людьми; почти все они – погибли в расцвете своей жизни. Только один Полько отался в живых, он был забран немцами, вместе со мной, в Германию на работы и, когда приехали обратно домой, то он, чувствуя свою вину перед нами, бывшими комсомольцами, всячески заискивал и подхалимничал перед нами, боясь, что мы донесем на него советским властям и его накажут. Были некоторые комсомольцы и их родители, желающие заявить, но я призывал их прощать врагам, основываясь на выше упомянутом стихе и на словах, сказанных Иисусом в Нагорной проповеди: «...любите врагов ваших» /Мтф.5:44/. Но все же и над ним Господь свершил Свой суд, ему пришлось пройти и испытать пять лет советских лагерей заключения. А дело было так: однажды он, с председателем колхоза, ездили на охоту. После охоты заехали к одному колхознику на выпивку, машина на которой они приехали, стояла во дворе. С вокзала шел солдат, приехавший в отпуск, он прошел восемь километров, устал, а идти было еще далеко. Он увидел машину и решил подождать хозяев попроситься, чтобы его подвезли ближе к дому. Он стоял возле машины и ждал. Когда охотники, изрядно

«подкрепились», вышли, солдат подошел к ним и попросился подвезти с ними. Они начали заводить машину, но она никак не заводилась, тогда они начали придирались к нему, что это он что-то сделал, навредил. Долго заводили, нервничали, пока наконец, она завелась. Солдат заскочил в кузов и поехали. Проезжая мимо дороги, по которой ему нужно было пройти домой, он начал стучать, чтобы они остановились. Но напрасно, машина не останавливаясь, ехала дальше. Солдат решил, что они хотят отвезти его куда нибудь подальше и отомстить ему за, якобы, нанесенный им вред. Он прыгнул с машины и стал убежать, а Полько схватился за ружье и открыл по нем стрельбу и ранил его в ноги. Состоялся суд и за посягательство на жизнь советского солдата Полько получил пять лет лагерей. После отбытия заключения, вернулся домой и продолжал пьянствовать. Мне пришлось несколько раз встречаться с ним во время моего посещения родного села. Выглядел он довольно жалким: болезненный, изможденный, безвременно состарившийся. А недавно мне сообщили, что Полько умер в своих грехах так и не раскаявшись и не примирившись с Богом.

Дёма поступил при немцах в немецкую полицию. Однажды, изрядно хлебнув хмельного, он пошел купаться и так пьяным и утонул. Судьба остальных полицеев мне не известна. Одно известно, что в живых никого не осталось. Апостол Павел писал в послании к Галатам 6 гл. 7 ст. «Что посеет человек, то и пожнет». Да, это истина, на которую люди часто не обращают внимания, пока у них все благополучно в жизни, но проходит время и приходят такие дни, когда приходится пожинать посеянное и плоды бывают очень горькими!

После моего обращения к Господу, жизнь моя пошла совсем по-другому: если я раньше среди людей, а особенно среди молодежи насаждал атеизм, старался разрушить и ту маленькую веру, которая еще теплилась в людях и разрушал дело Божие, то теперь начал созидать, призывать людей к покаянию. Жизнь моя изменилась, подобно как у апостола Павла. Я шел к соседям, рассказывал им о Божией любви, о Его милости, которую Он проявил ко мне. Они смотрели на меня, недоумевая, что это произошло со мной? У меня не стало никаких врагов, сердце мое преисполнилось любовью ко всем. Я был готов всех обнимать, мир и радость наполняли мое сердце. С ужасом смотрел я на свою безбожную жизнь. Если бы не Господь, я мог бы навсегда погибнуть телом и душой и как было не ликовать, не торжествовать о таком чудесном избавлении из дьявольских оков. Такое мое состояние души трудно передать, а еще труднее понять, его может понять только тот, кто пережил подобное.

Господь употребил меня для пробуждения среди некоторых, остывших в вере семей, я начал собирать взрослых, их детей. Родители, видя, что образовалась группа молодежи, предложили собираться для богослужений, изучать псалмы. Брат Яков, руководящий собранием, начал приглашать меня проповедовать Евангелие. Два раза на неделе, вечерами, мы собирались у моей тети Анны и проводили собрания, а в воскресенье ходили на собрание за десять километров в село Хорупань. Пройдем дорогой километра два, а там к нам присоединяются другие верующие, идем дальше – еще выходят и пока дойдем до молитвенного дома, собирается большая группа молодежи, все несут с собой Евангелия, песенники. Половина дороги до собрания проходила вдоль старого, дремучего леса. Вокруг прекрасная, очаровательная природа, особенно весной и летом – солнышко, теплынь; идешь, вдыхаешь свежий воздух, напоенный ароматом полей и леса, любуешься пением птиц, которых было великое множество и разнообразие, но все они, единым хором, славили своего Творца.

И от этой всей красоты сердце трепетно радуется, ликует, ведь это - творение рук Творца, Господа Бога нашего и все это создано Им для нас, чтобы мы могли благодарить Его за всю красоту Его творений, сознавая Его власть, могущество и силу. Невольно приходят на память слова из Псалма 103:24 – «Как многочисленны дела Твои, Господи! Все соделал Ты премудро; земля полна произведений Твоих».

Если оставалось у нас время до собрания, то мы останавливались в лесу, делали привал, отдыхали, пели псалмы. Особенно это мы любили делать на обратном пути из собрания, а в собрание приходили раньше всех, несмотря на то, что жили дальше всех от собрания. Но недолго мне пришлось иметь эти сладосные общения с друзьями. Уверовал я в Августе 1941 года, а 1 мая 1942 года, спустя восемь месяцев, мне и моим друзьям Анатолию и Андрею предстояла дальняя дорога. Это был день, в который из нашей местности отправляли молодежь на тяжелые работы в Германию. Они это делали насильно: на каждое село, на каждый город выдавали разрядку, сколько человек, - определенное число, нужно отправить в Германию. Были люди, которые усматривали приближение предстоящих кровопролитий, в связи с возникновением различных партизанских групп и возможного голода и других трудностей и таковые решались на добровольный выезд в Германию. Одним из таких предусмотрительных были и мы, бывшие комсомольцы. Испытав на себе издевательства, побои, которые пришлось перенести от своих людей, у нас появилось желание: чем скорее и чем дальше от таких «своих». Лучше будем выполнять самую тяжелую работу, кушать скудную пищу, голодать и, если придется, получать побои, но будем знать, что это делают наши поработители, а не «свои».

С такими рассуждениями мы втроем пошли в Дубно в определенное учреждение и добровольно записались на выезд в Германию. К тому же, в селе провозглашали во всеуслышание: «Бейте комсомольцев и колхозников!» И мы не знали, что с нами будет дальше. Но основная причина моего выезда заключалась в том, что после моего уверования у меня появилось большое желание свидетельствовать людям о Боге, проповедовать Евангелие и я решил ради проповеди ехать в Германию. Об этом я молился и верю, что это побуждение было от Господа. Мне хотелось попасть в среду советских людей, в среду такой молодежи, которая ничего не знала о Боге; мне хотелось рассказать им о великой любви Господа нашего Иисуса Христа.

И вот пришел этот памятный день – 1 мая 1942 года, день проводов нашей молодежи в Германию. Провожать вышли все жители села, ведь некоторые провожали в последний путь своих сыновей и дочерей. И для многих действительно эта разлука была навсегда.

Для отправки собралось тридцать три души молодежи. Староста села выделил десяток подвод для отправки в Дубно на вокзал. Сельская полиция в полном сборе, все вооруженные, тоже прибыли на проводы. Поднялся плач, рыдания; звучали слова напутствия и пожелания, затем прозвучало дружное пение гимна «Ще не вмерла Україна».

Прощаясь с родными, я просил их молиться обо мне и надеяться только на Бога. Жаль было смотреть на маму, на ее слезы, она долго не могла успокоиться. Я крепко прижал ее к груди, поцеловал, и тут последовала команда: «По повозкам!» Все со своими вещами быстро заняли места. После пения гимна полиция стала в полукруг и в честь нашего отъезда дала салют, желая нам счастливого пути и благополучного возвращения. Татко сам, на своей повозке, отвез меня с моими друзьями, бывшими комсомольцами, а теперь братьями во Христе, на станцию, там еще раз распрощались, немцы погрузили нас в товарные вагоны и отправили в Германию через Львов, Перемышль, Краков и дальше.

Я ехал в чужую страну для определенной цели – для евангелизации нашего народа. Обстоятельства, в которых нам пришлось жить, давали возможность для благовестия, Дух Святой, через скорби и страдания приготовил хорошую почву людских сердец для принятия семени Его Святого Слова, Господь чудно благословил меня в этом труде: я многим засвидетельствовал, некоторые уверовали, приняли Господа своим личным Спасителем.

Везли нас несколько суток. Все железнодорожные станции были забиты различными составами: одни направлялись на Восток, а другие обратно в Германию. Мы имели возможность через маленькие окошки и чуть приоткрытую дверь вагона, смотреть на проезжаемую

местность, на города и села, и это мы делали до поздна, а потом погружались в глубокий сон. В дороге много раз останавливались в некоторых городах, нас водили в баню, и пока доехали до пункта назначения, несколько раз делали пересадку. По схеме железных дорог, вывешенных в вагонах, мы могли ориентироваться, куда нас везут. Думали, что будем проезжать Берлин, но, смотря по схеме, видим, что проехали мимо и направляемся на Бремен. И вот, наконец, под вечер мы приехали под Голландскую границу в город Леер. Всю дорогу питались тем, что взяли из дому. В Леере нас пересчитали, сделали переключку и на ночь поместили в какое-то складское помещение и для безопасности надежно закрыли двери. Здесь не готовы были принимать дальних «гостей» – не приготовили ни коек, ни матрасов и нам пришлось спать просто на цементном полу. Кое-как переночевали: кто лежа, а кто сидя, дождались утра. Утром привели нас в какое-то учреждение, опять начали вызывать по фамилиям, переписывать фамилии, имена, все расспрашивали при помощи переводчика, кто откуда: кто с Галичины, а кто из других областей Западной Украины. Расспрашивали и другие подробности о каждом и, наконец, взяли отпечатки пальцев. Затем прибыли сельские начальники и распределили нас по селам, по усмотрению начальства, где больше и где меньше. Нас, четырнадцать человек, направили километров за 15-20 от Леера в село Колингорст. Мы все, за исключением одного военнотружашего, были из Великих и Малых Садов. Мой двоюродный брат Анатолий попал в соседнее село. Поселили нас тоже в складском помещении, но здесь уже было все приготовлено: были устроены двухъярусные стеллажи, каждый имел постель. Рядом возле нар была дверь в сторожевую комнату, на ночь двери закрывались на замок. Утром приходили бауэры (хозяева) и брали нас в свое хозяйство на работу, а вечером приводили обратно. Каждый хозяин отвечал за прикрепленного к нему работника. На всех хозяев рабочих не хватало, жены-солдатки, мужья которых были на фронте, во время сенокоса и уборки урожая были вынуждены обращаться к начальнику нашего общежития с просьбой выделить им рабочего для срочных работ. Каждый из нас хотел попасть к ним на работу, несмотря на то, что у них приходилось крепко работать, но зато такие хозяйки старались хорошо накормить рабочего.

Мой хозяин по фамилии Голяндэр был по натуре добрым человеком, а особенно его жена. У них было большое хозяйство, большой дом, примерно метров пятьдесят длиной и тридцать шириной. Под одной крышей размещались жилые помещения, кухня, сарай для скота, амбар для урожая, помещение для сельскохозяйственного инвентаря и кладовые. В первой части здания размещались жилые помещения. Спальные комнаты у них были встроенные в стену, в виде спального шкафа, маленькие конурки без окон и дневного света. Кухня была расположена рядом с жилым помещением в передней части сарая. Кроме этой кухни, во дворе, была еще маленькая летняя кухня. Коровы все лето находились на пастбище.

Первый день, когда я вышел на работу, мне поручили копать огород. Только я начал копать, слышу зовут: «Владимир, ком эссэн!» (Владимир, иди кушать). Только поел, вышел – опять зовут: «Ком купкэ тей тринкен» (иди кружку чая выпить). Обижаться не было причины, кормили понемножку, но пять раз в день. А если поработаешь на торфозаготовке, то все эти порции свободно можно было «приходовать» за один присест. А вот солдатки кормили вдоволь: ешь, сколько хочешь, иной раз еще и гостинец с собой дадут в барак. В обед хозяин всегда часика два отдыхал. А я, бывало, только прилягу на травку, полежу минут двадцать, он уже присылает ко мне своего сына Йоганна, чтобы поручить мне какое-нибудь дело. Особенно противная работа была – чистить выгребную яму и туалет, а потом в бочке развозить «явхэ» (сеч) по полю.

Во время дождя, когда нельзя было работать в поле на уборке урожая, хозяин посылал на пастбище разбивать вилами корови й кизяк, или рассевать удобрение. Много дней приходилось работать на заготовке торфа – топлива на зиму. Это была тяжелая работа, выбрасывать торф из карьера, или развозить на тачке по мягкой площадке и расставлять для сушки. Когда у хозяина не было своей работы, то он помогал своему другу на стройке дома,

только не сам, не своими руками, а посылал меня, своего работягу, остербайтера (восточного рабочего) подвозить кирпич, подносить раствор. В воскресные дни мы отдыхали: были на природе, читали изредка Библию, а также посещали богослужения в лютеранском доме молитвы.

Прошло месяца два-три и хлопцы начали симулировать, придумывать различные болезни, чтобы попасть домой. Самой эффективной была «венерическая» болезнь. Хлопцы умели так ловко подделывать, что врачи признавали их больными и отправляли домой. Таких «больных», которых отпустили домой было пять душ. Человек, оказавшись в трудных условиях, не знает как поступить, не зная воли Божией, часто поступает по своим соображениям, допускает ошибки и терпит урон. Так получилось и с нашими хлопцами: возвратившись домой, они пошли в «бендеровцы» и все погибли.

Мы в Германии со дня на день ожидали прекращения войны и нашего освобождения. Мы были отрезаны от внешнего мира, не знали, как обстоят дела на фронте, кто кого побеждает, на каких направлениях и как продвигается фронт. Правда, кое-что мы узнавали из писем от родных и с листовок, которые ночью разбрасывали самолеты. Утром, бывало, идешь на работу, смотришь – кругом море листовок разбросанных, но поднять, почитать нужно было очень осторожно, чтобы не увидел кто-либо из немцев.

В свободное от работы время, находясь в кругу хлопцев, я старался и в бараке и на природе, читать им Библию, рассказывать о Божией любви к человеку, призывал на евангельский путь. Но очень трудно воспринималось ими Слово Божие, только двое заинтересовались Библией: Андрей, который уже из дому был приближенный к Богу и Онуфрий, бывший православный. Я начал размышлять: ведь цель моего приезда в Германию – проповедовать Евангелие среди восточных людей, среди многих, не знающих Господа, а я оказался среди такой маленькой группки своих односельчан, которые совсем не интересуются Словом Божиим. Такое положение меня не удовлетворяло и мне пришла мысль, что нужно как-то попасть на работу на завод, там народа много и поле для евангельского труда обширно. С наступлением осени, когда работы в селе стало меньше, из района поступило распоряжение отправить некоторых рабочих куда-то на завод, а куда именно, на какой завод, нам было неизвестно. Нам это объявили не как принудительно, но добровольно и я решил воспользоваться такой возможностью и изъявил свое желание ехать на завод. Конечно, работать в селе у хозяина гораздо лучше, чем на заводе: все время находишься на свежем воздухе, питаешься вдоволь хорошей пищей и живешь в более безопасной зоне.

К нам доходили слухи, в каких трудных условиях находились наши люди, работающие на заводах и особенно в больших промышленных городах. Частые налеты самолетов, бомбежки, очень скудная и некалорийная пища, люди полуголодные, а рабочий день длился 12-14 часов, работа тяжелая – все это мне было хорошо известно, но я добровольно решил ехать на работу с такими условиями, потому что я должен был прежде всего искать возможности для духовной работы, на которую побудил меня Господь – проповедовать Евангелие.

И так, проработал я в сельском хозяйстве семь месяцев, а потом осенью отправили меня в г. Леер, там собралось нас человек двести, а оттуда увезли под Голландскую границу в город Вейнер-Эмс. Там был построен новый завод по изготовлению различных авиачастей. Хозяин завода был немец по фамилии Кляттэ.

Завод был построен на окраине города, около большой реки Эмс. Рядом проходила железная дорога на Голландию, через реку был сооружен полукилометровый подъемный мост, а возле моста стояли две зенитные установки для охраны от налетов вражеских самолетов моста и завода. Вдоль железнодорожного полотна тянулись жилые бараки. Расстояние до Голландской границы было шесть-восемь километров.

Когда наш поезд проехал железнодорожный мост через реку Эмс и приближался к Голландской границе, я подумал, что нас повезут в Голландию, но поезд остановился на станции

Вейнер-Эмс. Мы вышли и пешком направились в лагерь, это как раз было время ужина. Первым делом нас распределили по комнатам в мужском бараке, а потом повели нас на ужин. Подходя к столовой, мы ощутили довольно неприятный запах брюквы. Зашли в коридор, стали в очередь за ужином. Некоторые ребята не захотели ужинать, пошли в барак ужинать тем, что привезли с собой от хозяев. Трудно было привыкать к такой пище, но другого выхода не было и я решил с первого дня кушать все то, что дают, ведь у меня никаких продуктов от хозяина не было. На ужин был какой-то суп из брюквы, кружка чая и два тоненьких ломтика хлеба, пропитанных патокой. Я ел и наблюдал, как ели другие. Многие поболтали ложкой в миске, Попробовали, сделали кислую мину, попили чая и ушли спать. Прошло несколько дней – люди ощутили недоедание, почувствовали, что организм истощается и те запасы пищи, которые кое-кто имел, пришли к концу.

Вскоре люди привыкли к лагерной пище и ели все подряд, что им давали. Вечером после раздачи хлеба приходилось наблюдать, с какой жадностью люди смотрели на крошки, оставшиеся на доске для резки хлеба, стремился каждый первым собрать их. Многие думали: придет ли в жизни еще такое время, чтобы вдоволь насытиться хлебом. Уже не было тех, кто сначала пренебрегал тем, что подавали, но наоборот, каждый старался, как бы заполучить хоть немного добавки.

За получасовой обеденный перерыв не все успевали поесть и для быстрого обслуживания пищу разносили официантки. И тут некоторые ухитрялись запрятать свою порцию за ставни, стоящие на столе, или просто между колен, и требовали себе еду, вроде бы он еще не получал. Во время обеда начальник лагеря «Цу-Цук» (так его прозвали в лагере за то, что он не мог свободно высказать свою мысль, пока не произнесет несколько раз «цу-цу»), всегда прохаживался между рядами столов и тщательно присматривался. И если заметит, что кто-то припрятал миску баланды, то сразу отнимал и законную порцию и выгонял такого нарушителя на работу без обеда. Некоторые ребята, раньше работавшие у хороших бауэров (хозяев) могли по разрешению начальника поехать в село и кое-что привезти из продуктов, но таких были единицы, большинство людей голодали.

Появились в нашей среде хорошие «разведчики», которые на лугу, недалеко от лагеря, обнаружили в овраге молоко в бидонах, опущенных в воду. Вот тут-то некоторые и повадились вечерком на угощение. Отольют молока, а чтобы не было видно, доливают водой. Но потом хозяин обнаружил низкую жирность молока и понял, в чем причина, почему так резко упала жирность и уже больше не оставлял на ночь вечернего удоя, чтобы дополнить утренним молоком, а увозил на ночь домой.

Были и такие, которые рылись в мусорных ящиках, ища что-нибудь для утоления голода. Вечером, после ужина многие старались сохранить полученную на ужин пайку хлеба на завтрак следующего дня, и особенно тогда, когда удавалось схитрить и съесть две порции баланды. Принесешь, бывало, хлеб в барак, спрячешь подальше от глаз, ляжешь спать, но никак не спится, все время мысленно видишь спрятанный хлеб, а до утра ждать еще так далеко... И не хватает силы воли побороть эти мысли, невольно приходит мысль: а вдруг ночью налетят самолеты, разбомбят все и не успеешь воспользоваться своим хлебом. А может быть кто-нибудь украдет? И до тех пор не имеешь покоя, пока не встанешь и не съешь весь свой запас.

При такой жизни я дошел до полного истощения так, что однажды на работе почувствовал бессилие и головокружение. Я был вынужден идти на проходную в медпункт. Там работала наша медсестра харьковчанка Женя. Она очень внимательно обследовала меня: прослушала работу сердца, проверила давление, измерила температуру и предложила мне принять какие-то таблетки. Я принял таблетки, вышел и пройдя от проходной метров пятьдесят, почувствовал сильное головокружение и упал, потеряв сознание. Женя, наверное, видела, что со мной произошло, позвала двух отдыхающих рабочих с ночной смены, (об этом она мне потом рассказала), положили меня на носилки и понесли в барак. Не знаю, сколько времени я был без

сознания, но очнулся, когда положили меня на носилки. Мне было неудобно, что меня хотят нести и я отказывался, хотел идти сам, но меня убедили, что самому мне не одолеть этот путь. Все-таки по пути к лагерю я поднялся и хотел сойти с носилок. Я знал, что с кухни все выбегают и смотрят, кого понесли, начинают сочувствовать и обсуждать, а мне этого не хотелось. Женя опять начала меня уговаривать лечь, говоря: «Володя, лежи, на пару дней получишь освобождение от работы, а если увидит тебя Цу-Цук, то завтра же погонит на работу». Я говорю ей: «Тогда накройте меня простыней, а то увидят меня и будут смеяться: понесли богомольного Володю» (такое прозвище дали мне в связи с моей активной проповедью Евангелия и организацией богослужений).

И вот слышу, пронесли меня по коридору через один барак, через другой и занесли в нашу комнату. Положили меня на мою нижнюю кровать, сняли обувь, расстегнули ремень, пуговицы – стоят и смотрят на меня. С кухни прибежали женщины, прибежала тетя Аня с прачечной (она заведовала прачечной) – все они собрались под окном и рассуждали обо мне. А я лежу и все слышу. Одна пожилая женщина говорит: «Я ему говорила, чтобы меньше читал Библию и духовные книги, ведь при таком питании и тяжелой работе нужно больше отдыхать, а он, подумайте, до полуночи читает и вот результат". Стоят и ахают: «Ведь нас в чужой стране никто не пожалеет, если мы сами себя не будем жалеть».

Слушая их разговоры, мне было приятно сознавать, что и здесь, далеко от родных, среди нашего народа, люди, а особенно женщины, по-матерински могут посочувствовать, посоветовать и готовы разделить с тобой горе и помочь тебе в трудный час.

После работы пришли ко мне мои друзья – сестры во Христе. Мы все были приближенными, еще не принявшими крещения, но я называл их сестрами и мы жили между собой дружно, как единая семья. Продолжая лежать, я беседовал с ними, рассказал о случившемся, давал наставления из Слова Божия. Вместе молились. Я старался показаться здоровым, утешая их, чтобы они чрезмерно не печалились обо мне. Итак, утешая друг друга, поздним вечером, разошлись на отдых. Через пару дней я вышел на работу и вдруг, начальник лагеря мне сообщает, что меня вызывают в Леер на врачебную комиссию.

Я надеялся, что это к лучшему, возможно комиссуют по состоянию здоровья, но некоторые ребята сказали, что ходят слухи, что немцы всех «доходяг» не лечат, а отправляют в лагерь смертников. Это сообщение меня сильно встревожило, но положение безвыходное: я целиком и полностью положился на Господа, веря, что Бог меня не оставит.

В Леер меня сопровождала медсестра Женя, она уже не первый раз возила больных на комиссию и хорошо знала, как добраться до поликлиники. В поликлинике меня тщательно обследовали: сделали рентген легких, измерили рост – 175 см., взвесили, оказалось 57 кг. Потом проверили давление, температуру, прослушали грудь. После всего врач посмотрел на меня, потом на свои записи и спрашивает: «Быст ду гунгер?» (Ты голоден?) «Ных генух эссэн?» (Нехватает кушанья?) Я отвечаю: «Да, я голоден, пищи нехватает». Он написал какую-то бумажку, чтобы передать начальнику лагеря, дал указание медсестре и мы уехали обратно домой.

После комиссии я продолжал работать, но на обед мне выдавали диетическое блюдо – молочный макаронный суп. Пища хорошая, более калорийная, но мало. Когда давали баланду, то иной раз можно было попросить добавку, а теперь только одна порция. Прибежал на обед, проглотил и голодным идешь с обеда на работу. Хотя после баланды, даже после двух порций, живот полный, но чувство голода не исчезает.

Диетическое блюдо было для меня временным, до улучшения моего физического состояния.

Почему мы суп называли «баландой»? Потому, что он был сварен почти без жира, только давали немножко какого-то растительного сала. Варили его, в основном, из брюквы. Весной варили борщ из крапивы и свекольных листьев, осенью – суп из репы: секли лист репы и заливали картофельным крахмалом. Когда зачерпнешь ложкой этого супа, за ложкой тянется

весь лист. Картошку, если когда и ложили в суп, то очень мало. Вечером и утром иногда давали пшеничную, или перловую кашу, а иногда овсянку. Хлеба на день давали всего двести граммов. Даже, имея деньги, хлеба не купишь, необходимо было иметь специальные талоны на хлеб, а их выдавали только немцам и то ограниченное количество.

В лагере до нашего приезда было около двухсот женщин, в основном молодежь. Когда моим верующим девушкам приходилось работать на кухне, то они старались сэкономить свой хлеб, чтобы угостить меня. Они видели мое слабое физическое состояние и старались поддержать меня. Я видел их доброе христианское сердце, меня радовало то, что они начали не деле применять Слово Божие в своей жизни. Посмотрю на них, а они такие бледные, худенькие и совесть мне не позволяла пользоваться их добротой, я благодарил и наотрез отказывался принимать сэкономленный ими хлеб, говоря: «Вам самим нужно больше кушать и поправляться». Но они настойчиво упрашивали меня:

- Нет, мы наелись супа, а это тебе, брат, бери, кушай, а если не хочешь, то мы сами затолкаем тебе в карман.

Но вот пришло время, когда начальник Цу-Цук ближе познакомился со мной, вернее, я с ним. Он узнал, что я верующий и иногда разрешал мне пойти в город погулять. Основная моя цель была – найти в городе молитвенный дом баптистов, познакомиться с верующими и иметь духовное подкрепление, а где духовное, там близко и материальное. Наше положение заставляло меня искать и одно и другое.

Дом молитвы я нашел и начал посещать богослужения, иногда приглашал с собой и сестер. Мы мало понимали проповедь на немецком языке, но мы брали с собой Евангелие и прочитывали упомянутое место Писания на русском языке и таким образом могли знать, о чем идет речь. Но нас удивляло то, что верующие молятся сидя и проповедует только один пастор, поют общим пением, а выйдя из молитвенного дома на улицу – закуривают трубки, сигареты, а кто просто жует табак. Как-то неприятно было смотреть на таких «курящих братьев». Потом приходилось много беседовать с ними на эту тему. Этим положением никто не соблазняется: хочешь курить – кури, не хочешь – не кури, это твое дело, у них так принято.

Цель моя – найти Дом молитвы – была достигнута, знакомство произошло с первого посещения. Больше того, я оказался гостем в одной верующей семье, они пригласили меня на чай. Старушка-хозяйка, обратившись ко мне сказала:

- Владимир, ком бай унз купке тэй тринкен (Володя, пойдем к нам на чашку чая)

Приглашение я принял сходу, того ждал и надеялся, отказываться не посмел, а вдруг второй раз не пригласят! Сердечно поблагодарил и вместе пошли на чай. На следующее воскресенье у меня круг друзей увеличился: на сей раз меня пригласила другая семья, по фамилии Тэгазэборг, они были родственниками той семьи, у которой я гостил в прошлое воскресенье, тогда они тоже присутствовали там. С первого раза, находясь в такой среде, не зная немецкого языка, я чувствовал себя как-то неловко, но со временем больше познакомился, привязался и мои дальнейшие посещения их семьи были, как посещение родного дома.

Жили они вдвоем: мать-старушка, лет шестидесятипяти и дочь вдова, около тридцати лет. У них жили на квартире двое молодых людей из Голландии, верующие, брат и сестра. Сестра-старушка расспрашивала меня о нашей семье на Украине, о лагерной жизни. И когда они узнала, что в лагере так плохо кормят, то предложила мне, хоть раз в неделю, после работы приходиться к ним покушать.

Каждую субботу, после короткого рабочего дня, я приходил к ним на обед. Она старалась больше приготовить, чтобы было достаточно пищи. На вечернее посещение мы приходили целой группой и устраивали совместные вечера пения. Это были вечера интернационального духовного пения: немцы пели по-немецки, голландцы по-голландски, а мы – на украинском, или на русском. Но такие встречи были редкими, а со временем и совсем прекратились. Причиной этому послужили препятствия со стороны властей.

Однажды, когда я шел на работу через проходную, меня задержал дежурный и сказал, что СС интересуется, кто из русских ходит на немецкие богослужения и посещает немецкие семьи. Он ответил, что никто не ходит, но они возразили ему: «Нам известно, что ходят!» Предостерегая меня, дежурный сказал:

- Я знаю, что ты ходишь в город в собрание и посещаешь немецкую семью, будь осторожен, я тебя предупреждаю, иначе попадешься и будешь наказан.

Это предупреждение меня насторожило: что же делать, как быть? Решил еще раз, может быть последний, сходить к семье Тэгазэборг и передать им мой разговор с дежурным по проходной, сказать, что за моим посещением молитвенного дома и их семьи следят СС и что нам всем грозит опасность. Хотелось сердечно поблагодарить их за всю любовь и доброту, проявленную ко мне и сказать, что впредь, во избежание неприятностей, я больше не приду.

Когда старушка услышала, что я больше не смогу приходить к ним, она начала упрашивать меня, чтобы я приходил по-прежнему и не смотрел, не обращал внимания на их слезку и угрозы. Она посоветовала, как приходить, чтобы меньше было заметно. Когда я буду приближаться к их дому, следует оглянуться по сторонам, нет ли полицаев, если нет, то быстро открыть калитку и заходить. Если никого нет и дом будет закрыт, то ключ лежит на окошке туалета – бери, открывай, заходи и жди, пока кто придет.

Я так и делал, но приходить стал реже. Видя, что я опасаясь и редко прихожу к ним, она начала искать другой выход из этого затруднительного положения. Пришлось ей попросить своего квартиранта голландца, чтобы он доставлял мне продукты в лагерь. Почти каждый вечер он приносил нам бутерброды в лагерь. Подойдет, бывало, с корзинкой к воротам и просит, чтобы вызвали меня. Я прошу у начальника разрешения, выхожу за ворота получить передачу. Посидим с братом на травке, побеседуем, пообщаемся, даже споем пару псалмов, а потом я освобождаю его сумку от бутербродов и на этом кончается наше краткое свидание – «Ауф видерзейн быс нейсте маль» (до свидания, до следующего раза).

Принеся бутерброды в барак я каждый раз старался поочередно угостить своих сестер. Они, подобно, как и я, когда они угощали своим сэкономленным хлебом, отказывались, не хотели ущемлять меня, мол, кушай сам, ведь мы быстрее можем достать что-нибудь с кухни. Но я настаивал и они вынуждены были угощаться. Слава Богу, что у Него есть много путей для того, чтобы поддержать жизнь Своих детей. Пророку Илии в трудный момент его жизни, Бог посылал дважды в день пищу – хлеб и мясо – через ворона, а вода была рядом, поскольку он сидел у потока Хорафа и пил из этого потока. А когда поток высох, Бог послал Илию в Сарепту Сидонскую и там повелел женщине-вдове кормить его (3 Цар.17: 6-9). Чудная милость Божья была проявлена и ко мне, только у меня было наоборот: сперва кормила вдова, а потом хлеб с салом приносил «ворон» в лице брата-голландца. Дал бы Бог жить так, как поем в одном из псалмов: Милости Господни вспоминай, считай, все их до единой в сердце повторяй!

Хотя описание добрых воспоминаний о сестре-старушке Тэгазэборг и о ее дочери Сюзанне далеко не закончено и в дальнейшем я еще буду продолжать вспоминать о их добродетели, но сейчас хочу перейти к описанию моей работы. С первого дня работы на заводе нас распределили по цехам, по бригадам: одних поставили работать на токарных станках, других на штамповочных станках, а третьих – слесарями, а меня определили на газосварку. Выбора не было, что поручено - исполняй безоговорочно. Неделю пришлось работать в ночную смену. Первые три ночи с восьми вечера и до восьми утра я учился сваривать на газосварке кусочки жести. Мастер подходил, проверял, показывал как добиться качественной работы. На третью ночь давал варить детали: различные трубочки к двигателям. И все это приносили к мастеру-контролеру, он тщательно проверял, нет ли где дырки, хорошо ли прожарен металл и, если находил некачественно выполненную работу, делал пометки и давал на исправление. Работа, как будто, не тяжелая, но высидеть двенадцать часов за сварочным столиком, дышать этими газами было тяжело и очень вредно, а спец. питания никакого не давали, выйдешь после работы

и шатаешься, как пьяный. Было так, что целыми месяцами приходилось работать в ночную смену и так устаешь, особенно под утро, что с нетерпением ждешь воздушной тревоги, чтобы хоть немного вздремнуть. Во время тревоги нас загоняли в подвал котельной, а немцы имели себе отдельное специальное железобетонное бомбоубежище. Ночные налеты делали англичане, небольшими звеньями, иной раз целую ночь гудят самолеты, тревога за тревогой, только забежим в подвал – отбой. И так неохота идти в цех! Поработали немного –опять флигеальрм /воздушная тревога/ - тушат свет и убегают. Бывало не раз и так, что не успели забежать в подвал, как раздается сигнал отбоя. Один раз днем, во время тревоги, мне удалось забежать за цех, я решил, что прятаться в поле более безопасно, чем в подвале котельной. Лег под кустиком и наблюдал за самолетами, которые большими эскадрильями летели бомбить город Бремен. Таким большим количеством самолетов днем налеты делали американцы. Только наблюдать перелет такой массы самолетов, приводило в ужас, а что говорить за жителей города, которые подвергались такой массированной бомбардировке! Несмотря на такое большое количество самолетов, мне удалось сосчитать одно звено. Они летели невысоко, а я лежал под кустиком. За ориентир я взял веточку кустика, чтобы не ошибиться в подсчете. Считал каждый самолет, который перелетел мой ориентир и таким порядком в одном звене насчитал приблизительно около 50-ти самолетов, а таких звеньев было пять: пролетает одно звено, за ним другое, третье, и т. д. Между этими звеньями, почти до самой земли, пикировали истребители, охраняющие эти звенья; впереди каждого звена летели большие черные самолеты, их называли «матка звена» и хорошо было видно, как только налетали на определенную цель, матка первая пикирует бомбить, а за ней, как с трамплина пикируют все остальные. Во время такого перелета все глохнут от сильного рева моторов. Они свободно летели: ни одного зенитного выстрела, с нами рядом стоящие зенитки тоже молчали. Наши ребята рассказывали мне, как однажды наши зенитки вынуждены были заговорить. Это было незадолго до немецкой капитуляции, когда английские одинокие самолеты среди дня, совершали разведывательные полеты. Они летели совсем низко, как дома. Прозвучал сигнал тревоги, рабочие еще не успели выбежать из цеха, как вдруг, в цех влетел зенитный снаряд! И, слава Богу, что он не взорвался! Он упал рядом с моим станком, на котором я работал, но в то время меня не было, я находился на практике в другом городе. Наши зенитки и прожекторы активно и смело действовали ночью: лишь только появится какой-то блуждающий английский самолет – сразу же осветят перекрестными прожекторами и начинают бить со всех сторон. Снаряды рвутся вокруг – то ниже, то выше, а в цель никак не попадают и самолет уходит от прожекторов. Бывало так, что прожекторы опять обхватят самолет своими лучами, зенитки бьют, слышно, как вокруг где-то шлепают осколки. А иной раз бывало, что попадали в цель, сбивали самолет и он со своим пламенным хвостом пикировал в землю.

Наблюдатели, смотря на эту трагическую картину, реагируют по-разному: одни, мягкосердечные, сожалевают, что люди погибли, а другие аплодируют, что сбили самолет. Наш городок не бомбили, в нем не было никаких промышленных объектов, подлежащих уничтожению. Вот это краткое описание нашего переживания – страхи, какие нам пришлось пережить с налетами и перелетами английских и американских самолетов.

Еще вспоминается мне один трагический момент на нашей реке Эмс. На этой реке каждые четыре часа бывают приливы из Атлантического океана и тогда вода в реке поднимается больше, чем на метр. И вот в это время с портового города Эмден приходили катера с баржами и даже речные теплоходы.

Как выше я уже упоминал, перед немецкой капитуляцией самолеты-разведчики и истребители летали очень низко. Они налетали на железнодорожные составы, на машины и обстреливали их. И вот такой налет однажды был на катер с баржей, плывущий по реке, в результате чего были убитые и раненые. Катер причалил к нашему берегу, вызвали машины скорой помощи и увезли кого куда. Война есть война, страдают и гибнут виновные и невинные.

Возвращаясь к описанию нашей работы, следует еще добавить, что кроме двенадцатичасовой ночной смены в летнюю пору заставляли по пару часов в день работать в огороде – выращивать овощи для немецкой кухни, а также во время отлива копали углубление на берегу реки для причала хозяйского катера и, кроме того, нас еще гоняли на железнодорожную станцию для разгрузки вагонов с различными материалами: кислородных баллонов, карбита, железа и т.д. Такие облавы на рабочих начальство лагеря обычно устраивало в воскресные дни. В рабочие дни была специальная бригада грузчиков, а в выходной они старались подключить и других рабочих для ускорения разгрузки и погрузки.

Бывало, узнают ребята, что на вокзал прибыл вагон с карбитом, или с чем-то другим и разбегаются, прячутся, кто куда, лишь бы не попасть начальству на глаза и не оказаться на разгрузке. А куда же прятаться? Первое время прятались в женских бараках, там было надежно, но потом начальник Цу-Цук догадался и начал отыскивать таких симулянтов и выгонять на работу. Часто девушки прятали ребят в одежные шкафы, но если начальник находил запрятанного, то тогда уже не жалел «гумы кнупель» (резиновой дубинки), нужно было пулей вылетать, чтобы меньше попало.

Со мною начальник обходился более лояльно, он знал, что я был в полном смысле слова «доходяга», знал, что целью моего посещения женских барачков были беседы на духовную тему. И тогда, когда другим ребятам строго запрещалось заходить в женские бараки, то на меня этот запрет не распространялся; я мог свободно сидеть и проводить беседы, читать духовную литературу вместе с друзьями и петь гимны во славу Господа. Это меня очень устраивало и я благодарил Господа за такое расположение ко мне начальника.

Но однажды, воскресным днем, случилось непредвиденное: начальник Цу-Цук, он же «гер Альберт» (пан Альберт), гоняясь за хлопцами, очень разозлился, что не мог никого найти для разгрузки вагона. Он забежал в женский барак искать ребят. Сестры мне сообщили об этом, но я был уверен, что меня не погонят. К сожалению, на сей раз я глубоко ошибся: рывком открылась дверь в комнату, он налетел на меня с дубинкой и с криком «Равс фон гир швайн гунт» (вон отсюда свиначий пес)! Начальник замахнулся, чтобы ударить меня дубинкой, но я сразу сориентировался и быстрее пули рванул в открытую дверь. Он, довольный тем, что его так сильно боятся, выбежал за мною в коридор. Я побежал к своему барачку и лег на травку еще с одним парнем, подальше от барака. Он улыбнулся, подошел к нам уже спокойно. Видно, уже собрал рабочих на разгрузку и меня не тронул, видно совесть осудила его за грубость.

На работу необходимо было выходить во время. Шли кратчайшим путем, минуя проходную, и заходили в цех. В цехе каждый рабочий лично должен был отметить свою карточку на специальном часовом механизме, который фиксировал день и час прихода на работу и ухода с работы.

Но было и так, что кто-либо опаздывал, или вообще не выходил на работу, а просил друга отметить карточку. Это начали замечать мастера и начальник цеха отдал распоряжение: все карточки оставлять на проходной и на работу ходить только через проходную, а там дежурный проверял, чтобы каждый брал только свою карточку.

В трехэтажном здании цеха под одной крышей были расположены служебные комнаты, кабинет хозяина завода, бухгалтерия и другие службы. Все рабочие цеха были на виду у начальства, как на ладони, симулировать, практически, не было никакой возможности, за каждым рабочим наблюдало десяток глаз. Среди нас работали голландцы. Они каждый раз приезжали из Голландии, им было совсем близко. Когда они ближе познакомились с нашими девушками, которые имели очень бледный вид – изможденные, худые – голландцы начали подкармливать девушек. Они привозили бутерброды на обед не только для себя, но и своим подопечным.

Некоторые немцы тоже изредка подкармливали наших «доходяг», как говорят «Мир не без добрых людей», во всяком народе есть богобоязненные люди, готовые прийти на помощь

нуждающемуся, а особенно накормить голодного. Но проблема заключалась в том, как дать нашему рабочему приготовленный, или просто оставшийся кусок хлеба, ведь немцами это строго запрещалось делать. Каждый из нас имел на спецовке нашивку «ОСТ» (Остарбайтер), нас легко было узнать.

Голландец привез кому-либо свой гостинец и не имел права свободно вручить ему. Казалось бы, необходимо было делать наоборот: поддерживать здоровье «доходяг». Но цель нацистов была – уничтожить нашу молодежь. За малейшее нарушение отправляли в концлагеря, т. е. в лагеря смерти. Там люди умирали от голода, или же на подобных и еще худших заводах, чем наш. Из людей выжимали все силы, доводили до полного итощения и смерти. Это я видел сам, потому и пишу, т. к. сам на себе все испытал. Постоянное недоедание приводило организм к истощению, к заболеванию. Мой рост был 175 см., а вес всего-навсего 57 килограммов-двадцать кг. не хватало до нормы. Все это приводило к тому, что рабочие теряли сознание на рабочих местах; этих «доходяг» часто на носилках выносили с завода в бараки. Наши благодетели, часто посмотрев вокруг, незаметно подходили к нашим девушкам и, указывая на свой рабочий стол, давали понять, что в столе для них кое-что приготовлено, подойди незаметно и возьми. Вот так приходилось идти на любые ухищрения, чтобы помочь нуждающемуся – распорядиться своим куском хлеба.

Больше года я проработал газосварщиком, а потом перевели меня в столярный цех, поскольку я заявил о своем желании работать столяром, т. к. эта работа мне была знакома из дому, дома я немного столярничал. Первым делом, для испытания моих знаний и способностей в столярном деле мне дали задание сделать для кухни поварскую мешалку. Первое задание я выполнил отлично. Второе, более сложное, нужно было сделать ящик для письменного стола. Такого я еще никогда не делал и не знал, как это делается. А нужно было делать ящик на шипах. Постоял я, подумал, взял приготовленные куски досок и начал делать разметку: каждый шип по два сантиметра, шипы должны были быть косые. Долго возился я с этой разметкой, а мастер стоял и наблюдал издали. Наконец он понял, что у меня ничего не получается, что я могу испортить материал, подошел ко мне, взял из моих рук пилу, закрепил досочку на верстаке и начал нарезать по-своему, не глядя на мою разметку. Я стоял, глядя на него и думал: вряд ли и у тебя что-то получится. Но он продолбил, приложил шипы к другой досочке, отметил, зарезал, продолбил вторые шипы, сколотил и – получилось отлично! Затем он показал мне, как нужно зашлифовать и сказал, что пилить нужно смело и размах должен быть на всю пилу.

Мастер был очень хороший человек, я привык к нему. Глядя на его работу, я приобрел хороший навык и потом уже делал все, что мне поручали. Мы делали конторские столы, шкафы, а также столярные изделия, такие как окна, двери и другое. Проработал я в этом цехе примерно полгода. Потом, видно по рекомендации мастера, хозяин завода отправил меня на завод в город Бремен, в модельный цех для усвоения новой профессии модельщика.

Настало время расставания с моими друзьями – сестрами во Христе, с которыми вместе собирались для общей молитвы и славы Господа и для чтения Его Святого Слова. Мое отношение к сестрам было ко всем одинаково: все мы жили, как хорошая, дружная христианская семья, не было лучших, или худших. Помогали друг другу, чем могли. У сестер была проблема с обувью. Обувь, привезенная из дому изнашивалась, на работу ходили в деревянных колодках, а по выходным нечего было обувать. Сестры носили свою обувь ремонтировать к сапожнику Грише. Он был освобожден от производственных работ, а только занимался ремонтом обуви.

Когда, бывало, сестры принесут свой заказ к нему, он, зная что девушки были верующими, начинал заводить непристойные разговоры и глупые шутки, а часто и насмехался. Я возревновал и решил, чтобы сестры не обращались к нему с заказами. Я сказал: обойдемся без Гриши, приносите вашу обувь на ремонт ко мне, я сам буду ремонтировать не хуже его.

Сапожное дело не сложное, как говорит пословица «не святые горшки обжигают». За короткое время я отремонтировал сестрам всю обувь и, кроме того, почти всем изготовил босоножки на деревянной подошве: прикрепил ремешки к подошве, сама подошва состояла из двух частей, чтобы был изгиб и между собой была скреплена ремешком и покрашена красным лаком. Этим производством я занимался, работая в столярном цеху. Заказы принимал только от своих сестер: кому на высоком каблуке, а кому на низком – это по желанию клиента. Также и себе сделал несколько пар, т.к. дерево быстро изнашивается.

Многих сестер обеспечил и чемоданами своего изготовления, а они мне стирали праздничные рубашки, гладили костюм, ну и конечно, подкармливали. В прачечную я сдавал только белье и спецодежду. Жили по-христиански, дорожили друг другом. Правда, во время богослужений приходилось больше обращаться к сестрам Полине и Вере, чтобы они избирали псалмы для пения, т.к. они были из семей верующих и знали много псалмов. Некоторые сестры ревновали и мне пришлось обстоятельно объяснить им и взять во внимание для дальнейшего руководства группой.

Мы чувствовали во всем Божии благословения, были радостны и счастливы. Но всему приходит конец, пришло время прерваться и нашему общению, в связи с моим отъездом в г. Бремен. Для сестер это был неожиданный и серьезный удар; ведь среди нас не было ни одного брата, на которого можно было бы, хотя временно, возложить заботу об этих приближенных к Богу душах. Много мне приходилось беседовать с ребятами на религиозные темы, некоторые из них читали духовную литературу, но их сердца слишком были поражены микробом безбожия и атеизма и, к сожалению, ни один из них не принял Господа в свое сердце. Мне было очень жаль оставлять сестер в такой среде, таких слабеньких, неопытных, мало утвержденных в Слове Божиим. Я помню, как мы провели последнее прощальное собрание в столовой немецких военных дезертиров, как сестры, получая от меня наставления из Евангелия, сокрушались, плакали, сознавая свое бессилие в борьбе с грехом. Ведь они оставались, в полном смысле слова, как овцы среди волков. Все это они хорошо понимали и поэтому у них была причина плакать и скорбеть.

Люди, слышавшие сквозь стену наши слезные молитвы, говорили между собой: «Смотрите, как они любят друг друга и как тяжело им расставаться». И так, мы распрощались, с надеждой на милость и охрану Божию, с пожеланием на скорое возвращение в круг своих друзей.

И вот я в Бремене. Новое место работы, новые друзья, нужно привыкать ко всему новому. Особенно трудно было привыкнуть к постоянным бомбардировкам. Жили мы в старом большом здании и во время налетов и бомбардировок здание все вздрагивало и, опасаясь его разрушения, мы выбегали на улицу. Бомбоубежища там не было, не было и никакого другого надежного укрытия. Выбегаем на улицу и смотрим, как вражеские самолеты вешают над городом свои фосфорные фонари. Они несколько минут висят в воздухе, ярко освещая весь город. Все видно, как днем. А самолеты массированно бомбят, делая по несколько заходов и выбрасывая свой многотонный смертоносный груз. Бомбили они поочередно: сегодня один участок города бомбят до такой степени, что кажется ничего живого уже не осталось, а на следующий раз бомбят друго й район.

За время моего пребывания там, я познакомился со многими бременскими верующими и начал каждое воскресенье посещать их богослужения. Руководил собранием молодой, энергичный брат из Запорожской области, села Каменское, по фамилии Петренко Алексей. Брат, переживший за веру много гонений и издевательств от советской власти, об этом он нам много рассказывал, благодарил Бога за Его милости, охрану и за чудные благословения. Крещение он принял в сороковом году тайно, ночью, в реке Днепр и после крещения начались гонения и испытания на верность Господу.

Его возраст был призывным в армию, но еще в военкомате он заявил военкому, что служить в армии он согласен, но без присяги и без оружия. Несколько раз его вызывали, старались

уговорить, убедить, но он наотрез отказался принимать присягу. Тогда его перевоспитание поручили НКВД. И вот однажды вызвали его и начали допрашивать, кто является пресвитером церкви, кто проповедует и многое другое, а потом подошли к главному вопросу. Сразу, как всегда, старались вызвать на откровенность, начали убеждать, что сейчас войны нет, мирное время, убивать тебе не придется, отслужишь два-три годика и вернешься домой. Видя, что я непреклонен в своих убеждениях, их терпение лопнуло,- продолжал дальше Алеша,- и они вызвали на помощь гипнотизера. Тот начал допрашивать, задавал различные каверзные вопросы и все время старался своим взглядом встретиться с взглядом Алеши. Алеша понял. В чем дело и в глаза ему не смотрел, а опускал свою голову.

- Смотри сюда, подними свою голову! – приказал гипнотизер,- не то сейчас тебе помогут ее поднять!

Видя, что угроза нисколько не подействовала, гипнотизер разъярился и закричал:

- Поднимите ему голову, а то она у него не держится!

Алеша сидел между двумя энкаведистами и они сразу, по команде, прижали его и ударами в подбородок, то один, то другой, начали поднимать ему голову и толкать под бока. Все больше и больше они приходили в ярость от того, что не могли добиться своей цели – получить согласие на присягу и не могли узнать о тайнах церкви. Они решили подвергнуть Алешу еще большему издевательствам.

- Подвели меня к дверям и начали дверями зажимать мои пальцы. Я почувствовал невыносимую боль и начал кричать, старался вырваться, но они прижимали все сильнее. Когда отпустили меня, я взглянул на пальцы, ногти на пальцах были все синие. Они советовали еще подумать и если это не поможет, применить еще более сильное средство, чтобы своего добиться. Еле пришел я домой и когда мама увидела меня уставшего, изможденного, посмотрела на мои пальцы, то заплакала. Я успокоил маму и рассказал ей подробно об издевательствах, применяемых энкаведистами. Она смахнула последнюю застывшую слезу с ресниц, ободрилась немного и сказала: «Слава Богу, сынок, что ты устоял, не предал братьев и не отрекся от Господа. Он больше страдал за нас и нам велел идти таким же путем. Будем и впредь доверяться Ему, Он не оставит нас». Мы поблагодарили Господа за ниспосланные силы в таких тяжелых испытаниях и дальнейший свой путь я предал Господу.

Незадолго после этого вспыхнула война, началась скоростная поголовная мобилизация. Подобрали почти всех, годных к войне, в том числе и меня. Опять возник вопрос о присяге, еще более остро, более строго, ведь война, чикаться с такими не станут, а нас, таких отказчиков от присяги было душ пятнадцать. Уговаривать и убеждать нас некогда, да и убедившись, что это бесполезно, подогнали машину, погрузили нас в машину, с нами несколько вооруженных солдат и мы направились в сторону леса. Сердце дрогнуло, наполнилось тревожным предчувствием. Мелькали разные мысли: почему везут в лес? Может быть хотят расстрелять нас, как дезертиров? Но вдруг мои тревожные мысли оборвались, навстречу к нам ехала военная машина. Остановила нас, с кабины выскочил встревоженный офицер, подбежал к нашему главному командиру и как-то растерянно, размахивая руками, начал рассказывать о случившемся, о том, что ему было поручено гнать куда-то в воинскую часть стадо лошадей. Тут налетели немецкие самолеты, обстреляли нас, лошади разбежались по полям, у меня всего пара солдат и некому собрать лошадей. Дайте, пожалуйста, команду своим людям. чтобы помогли нам, вон они там недалеко, - он указал на близлежащие поля, - иначе мне будет... Последовала команда и мы побежали ловить лошадей, выручать бедного офицера. Гонялись, бегали за лошадьми, ловили и забежали так далеко, что они больше нас не видели – ни солдаты, ни офицеры – мы спасались, кто куда мог. Бог знает, что они хотели с нами сделать, какое у них было намерение, но в сложившейся обстановке я полностью предался воле Божией, молился, просил Его защиты. Я понял, что то, что случилось с лошадьми – все это было от Бога к нашему освобождению.

Очень интересно было слушать Алешу, потому что он рассказывал не какую-нибудь придуманную историю, но свою собственную, то, что сам пережил. У него вся жизнь переплетена различными моментами, в которых явно была видна охраняющая и благословляющая рука Божия. Дальше он рассказал нам, как однажды в воскресный день у них в лагере проходило богослужение. Собралось много местных верующих, были также гости и из других лагерей. И вот, во время богослужения, вдруг завывала сирена воздушной тревоги. Через несколько минут послышался ужасный гул самолетов, последовали мощные взрывы, началась массированная бомбежка. «Что будем делать? - спросил Алеша, - прервем богослужение и будем убегать в бомбоубежище, или будем на коленях просить Божией охраной?»»Последовал общий ответ: будем оставаться на месте. Но, если кто считает, что лучше уйти из помещения – может уйти. Склонимся, братья и сестры для молитвы. Полились горячие молитвы к Богу, потом, стоя на коленях, вполголоса запели гимн «Буря, Господь, завывает», потом опять молитва, затем псалом «Ближе, Господь, к Тебе». И так, под Божьей охраной, во время бомбежки провели коленопреклоненное молитвенное служение. После бомбежки по радио передали, что разбомбили весь наш квартал, а потом мы и сами увидели, что вокруг лагеря все было разрушено, но в лагерь не попала ни одна бомба. Верующие возблагодарили Господа за услышанные молитвы, а неверующие, услышав о молитвах верующих, о Божьей защите, сказали: «Это ваши молитвы услышал Бог и спас и нас». А некоторые из них, увидев милость Божию, начали посещать собрания, покаяться и приняли Господа своим личным Спасителем. Верующие еще больше утвердились в вере и с большей силой провозглашали Слово Божие среди лагерных поселенцев.

Несмотря на постоянные бомбежки, я всегда стремился быть на богослужении. Мне особенно запомнилось одно собрание, которое проходило во время бомбежки. В таких обстоятельствах особенно хочется быть ближе к Богу и на Него полностью возложить свое упование. Все собрание сопровождалось искренними молитвами, пением тех же гимнов, как и в прошлый раз, о чем рассказывал нам Алеша. В таких случаях никто не считал себя героем, каждым овладевал страх, но, несмотря на все опасности и некоторые трудности в пути, каждый из нас в воскресный день стремился быть в собрании, пообщаться друг с другом и вместе прославить Господа.

После собрания местные братья и сестры приготавливали гостям обед, каждый по возможности уделял со своего скудного пайка для общей братской трапезы. В этом деле больше всех мог послужить брат Алеша, так как он получал особенные благословения от Господа в приобретении насущного хлеба. Он каким-то образом познакомился с хозяином хлебопекарни. Хозяин приходил вечером, после рабочего дня к вахману (охраннику) лагеря с просьбой отпустить ему, под его ответственность, на пару часов одного рабочего для работы в хлебопекарне. Вахман вызвал Алешу, как более надежного и спросил его, желает ли он пойти часа на два с этим паном подзаработать у него. Алеша согласился и пошел. Все это делалось тайно, без ведома высшего начальства. На хлебопекарне ему предложили кочегарить, подбрасывать в топку уголь, а после работы, уводя его в лагерь, хозяин награждал его буханкой свежего хлеба. Для голодного хлеб был большой ценностью. Сразу же они договорились и за следующий вечер, который оказался удачнее первого: на этот раз он поставил Алешу на выгрузку и погрузку хлеба и после такой работы оставалось много кусков хлеба, которыми он мог свободно воспользоваться. Ел, сколько хотел на месте, а также разрешалось остальные куски брать в сумку и нести в лагерь. Так Алеша частенько ходил на эту «халтуру».

Сперва хозяин приводил и отводил его, а когда Алеша вошел к нему в доверие, то ходил сам и благодаря такой работе он имел хлеб не только для себя, но мог помочь и другим голодающим. Он был благодарен Господу за такое Его благословение и радовался, что Бог посылал хлеб для братской трапезы. Он также имел возможность помогать и некоторым неверующим, в чем находил большое удовлетворение.

Когда Алеша ехал в Германию, то захватил с собой новый костюм. Поношенный одел на себя, а новый положил в чемодан. Приехали они в польский город Краков, там нужно было по каким-то причинам на некоторое время задержаться в одном из лагерей. А на улице было холодно и сыро. Он заметил среди всех одного бедного, озябшего в своих лохмотьях пожилого мужчину, подошел к нему, поговорил с ним, сжалился и предложил ему пиджак от костюма, ибо написано: «У кого две одежды, тот дай неимущему»(Лк.3:11). Тут-то постигло Алешу искушение от диавола: который же пиджак дать неимущему – новый, или старый? Один голос внутри говорит: оставь себе новый, ведь ты молодой и тебе в новом будет приличнее, ведь ты же проповедник, может быть тебе придется выступать с проповедью перед людьми, а старику сойдет и поношенный. Но другой голос внушает: наоборот, отдай лучший пиджак, больше получишь награды на небесах. И этот голос победил. Я понял, что это Бог говорит к моему сердцу. Открыл чемодан, вынул новый пиджак и отдал бедному. Мужчина смущается, отказывается от нового, говоря: оставь себе новый, а мне и старый будет хорош, но я убедил его принять мой подарок во имя Господа и он был очень тронут моим поступком, сердечно благодарил Бога и меня за пиджак.

Почему я отошел от вышезатронутой темы и поместил этот эпизод? Это потому, что история о пиджаке будет продолжаться и дальше, это только начало. У Алеши были свободные вечера, когда он не ходил на пекарню и вот в один из таких вечеров, видимо по рекомендации хозяина хлебопекарни, пришла с такой же просьбой женщина-солдатка и просит вахмана отпустить с ней Алешу, чтобы вскопал ей огородик. Вызвали его, спросили согласия и Алеша, конечно же, согласился. Женщина повела его на окраину города на огород и указала грядки, которые нужно было вскопать, а сама пошла домой. Алеша, чтобы зарекомендовать себя хорошим работником, постарался быстро и хорошо выполнить порученное дело и когда пришла хозяйка, чтобы проверить, то она удивилась, что Алеша так быстро и аккуратно справился с работой. Она позвала Алешу в дом на ужин. Алеша никогда не страдал отсутствием аппетита, как присел к столу, то тоже быстро и аккуратно управлялся с каждым поданным блюдом, как говорится в украинской поговорке: «Як робить, то аж душа радіє, а коли сів їсти, то аж серце мліє». Словом – хозяйка осталась довольна работником.

После ужина она открыла мужской гардероб, что-то там искала, а когда Алеша наелся, поблагодарил и собрался уходить в лагерь, она остановила его и в знак благодарности за отличную работу подарила ему прекрасный мужской пиджак.

Подобное вознаграждение за работу он получил еще у одной хозяйки. Приносит Алеша один пиджак в лагерь, а через некоторое время еще один. Ребята смотрят с завистью и спрашивают: а где же брюки, что ты приносишь только одни пиджаки? А Алеша с достоинством отвечает: “Що посіяв, те й збираю”. И рассказал им, как он в Кракове «посеял», т.е. подарил пиджак и добавил: «Шкода, що я штанів не посіяв, тепер збирав би пінжаки з штанами”.

Вот так Господь воздает тем, кто делится с неимущим братом своими скудными запасами: имея две одежды – одну отдай бедному, одень раздетого. И наоборот: того, кто приобрел много своим, или чужим трудом и не видит нужды бедного, не поможет нуждающемуся, Господь отнимает все и остаешься, как в сказке о золотой рыбке – у разбитого корыта. Такой печальный пример на эту тему рассказал мне тот же Алеша.

- Однажды к лагерным воротам подъехал на машине какой-то богатый человек тоже с просьбой отпустить ему на субботний свободный день одного рабочего. Опять вахман предложил мне и я согласился. Проехали километра три-четыре и остановились на окраине города перед большим шикарным домом. Это был дом моего хозяина.

Я уже не помню, какую работу Алеша там выполнял, но факт тот, что проработал он там целый день, с утра до вечера и хозяин ему ничего не заплатил, кроме одного бутерброда.

И вот однажды после сильной бомбежки пришлось Алеше проезжать вблизи дома того хозяина и глазам его представилась ужасная картина: на месте того богатого, шикарного дома

осталась большая куча мусора – все было разрушено. Может быть и вся семья была похоронена под этим мусором. Почему Господь допустил до полного уничтожения все то, что за многие годы, а может быть и за всю жизнь было нажито, а возможно и сама жизнь была там похоронена, почему все так произошло? Нам не известно, ответ на этот вопрос у Бога, но это страшно! Жизнь – это школа и иной раз за эту школу приходится дорого платить нерадивым ученикам.

За время моего пребывания в Бремене я имел возможность познакомиться с нашими верующими в городе Дельменгорсте. Это небольшой городок в расстоянии двенадцати км. от Бремена. Там была небольшая группа сестер и несколько братьев. Собрания проводили в баракке немецких поселенцев «фолькдойч» (чистокровный немец). Руководил собранием дядя нашей сестры Шивы Дины Вильгельмовны. Среди верующих активную роль в служении принимали молодые сестры Надя Ретько с Киева, Людмила Мунтян и другие, а Дина была даже организатором молодежного кружка. Иной раз бывали некоторые препятствия в проведении богослужений не властей, а просто неверующие соседи недовольствовались и служения сопровождалось тихим пением. Однажды во время моего посещения молодежь решила собраться на природе и самим тихим, подходящим местом избрали кладбище. Погода была хорошая: тепло, солнечно и соответственно тому и настроение у всех было веселое. Открыли ворота, зашли и тут же при входе сели на скамейки, беседовали, рассуждали над Словом Божиим, а потом стали петь псалмы. Неожиданно среди памятников и кустов появился мужчина, подошел к нам и с негодованием, начал что-то выкрикивать. Дина, немка по национальности, понимала что он говорил и начала объяснять ему, что мы поем псалмы, что мы верующие, но он еще сильнее стал кричать, указывая рукой на выход. Тогда все поняли, что нужно уходить и мы ушли.

Я интересовался и вникал не только в их духовную жизнь, чтобы помочь им духовной литературой и Новыми Заветами, но интересовался и их материальными проблемами. Надя рассказала мне о своем горе, как однажды она работала на фабрике и в это время налетели самолеты и разбомбили их лагерь. Сгорели все ее вещи, вся одежда, Библия и кое-какая духовная литература, осталась она только в спецовке, а главное - осталась без духовной пищи – Слова Божия. Нужно было помочь ей. Средств для покупки нужного у меня не было, а если бы даже и были, то без талонов не купишь. Пришлось мне без разрешения начальника цеха поехать в свой город Вейнер-Эмс и обратиться к своим друзьям-немцам, к старушке и ее дочери Сюзанне, которым я рассказал всю Надину нужду. Они сочувственно выслушали и, зная, что мне нужно торопиться, собрали все необходимое и благословили меня на обратный путь. Прощаясь, я сердечно поблагодарил за оказанную помощь. Потом зашел в лагерь, чтобы взять из своих запасов Евангелие и духовную литературу для Нади. Не миновал я также и своих сестер, зашел к ним. Они обрадовались, увидев меня, быстро собрались все вместе, поблагодарили Бога за Его охрану, за встречу. Я рассказал им о своей учебе, о новых друзьях, как проходят богослужения и в каких условиях. Все это им было очень интересно выслушать, они радовались, что дети Божии собираются, молятся и не унывают. Рассказал о сестре Наде, о цели моего приезда.

Это была очень приятная встреча, но, к сожалению, короткая. Опять расставание, прощание, опять звучит «Бог с тобой, доколе свидимся». Друзья проводили меня за ворота, здесь – сердечное рукопожатие с пожеланием скорого возвращения. Я все дальше и дальше удалялся от них, а они еще долго стояли, махали на прощанье платочками, пока я не скрылся под мостом, направляясь на ж.д. вокзал. Первое прощание было более печальным и тревожным, трудно было воздержаться от слез, потому что это было так неожиданно. Неизвестны были предстоящие условия, трудности, а на сей раз стало известно, что там есть друзья и Бог хранит Своих и что есть надежда на скорое возвращение к своему стаду. Поездка туда и обратно и вообще по Германии была небезопасной, немцы от малого до седовласого были проинструктированы

властями, как поступать с подозрительными, бродячими личностями, т.е. с «остарбайтерами» /восточными рабочими/ и другими, но только далеко не все выполняли эту инструкцию. Рассчитывать на людей лояльных было нельзя, не знаешь, кто как поступит. Нужно было так проходить, чтобы не выдать, что ты «русский Иван», а это значит – не вступай ни с кем в разговор, если можешь дать ответ на вопрос, отвечай четко, а не можешь – лучше промолчи. Нужно было прилично одеться, снять знак «ОСТ». Но как бы ты не маскировался, они нашего брата сразу узнавали. Прежде всего нас выдавала наша личность: ведь вся мужская немецкая молодежь была мобилизована в армию, дома оставались одни дряхлые старики и инвалиды; ни на улице, ни в поезде нигде не встретишь молодого немца. Если встречается молодой, то сразу определяли, что это иностранец: голландец, бельгиец, француз, поляк. Но среди всех легко узнавали наших людей. Второе, что выдавало иностранца – это незнание немецкого языка и другие многие причины, а ехать-то надо, кто к знакомым, к своим землякам, а кто к своему хозяину за куском хлеба или за продовольственными карточками, а точнее за хлебными, потому что в магазине иностранцу могли отпустить только хлеб, а другие продуктовые карточки могли вызвать у продавца подозрение: где мог русский получить такие карточки, наверное обворовал своего хозяина.

Но, слава Богу, я доехал до Бремена и на воскресный день поехал в Делменгорск, чтобы вручить Наде передачу. Наше свидание прошло в бомбоубежище, я только подошел к воротам лагеря и успел вызвать Надю, а тут - "флигеальрм", воздушная тревога и бегом побежали в бомбоубежище. Она увидела, что на сей раз я приехал не с пустыми руками, очень обрадовалась и, когда я вручил ей пакет, она поблагодарила Господа, меня и моих друзей за оказанную помощь и особенно за Евангелие. Мне было очень приятно, что я мог быть посредником в этом благородном деле. Я передал сердечный привет от немецкой семьи, от моих сестер, рассказал, как они живут, как встретили и как проводили меня. Такие трудные обстоятельства, и тем более в чужой стране, очень сближают друг с другом, желание помочь один другому, посочувствовать, утешить в горе. Недаром существует пословица: "друзья познаются в беде" и это действительно так.

Иной раз, когда видишь какое-то негодование, распри в семье, или среди друзей и, зачастую, за какую-нибудь мелочь, когда сразу вспыхивает гнев, обиды, а бывает доходит и до вражды, так хочется сказать: друзья, неужели нужно пережить нужду, беду, горечь одиночества, чтобы научиться любить и ценить друг друга?! Видимо такую школу Господь допускает нам: голод, недоедание, недостатки, чтобы в дни благополучия и изобилия, не забывать благодарить Господа и ценить то, чем Господь благословляет, особенно ценить каждый кусочек хлеба.

Незадолго после моего возвращения в Бремен, я получил с Вейнера, от сестры Полины тревожное письмо, в котором она сообщала, что несколько раз на завод приезжали какие-то эсэсовцы и вызывали ее в контору на допрос. Расспрашивали, кто такой Бороденко, как познакомились с ним, какие взаимоотношения между нами, ходит ли она на немецкое богослужение и с кем. Расспрашивали все подробно: есть ли у нее в Германии родной брат, а потом после всего сказали: «Веровать в Бога мы не запрещаем, но запрещаем ходить на немецкое собрание. Вам будет предоставлена в лагере комната, где вы сможете проводить свои богослужения».

О нашем посещении немецких собраний мы не скрывали и не думали, что власти этому воспротивятся. Полина даже писала своему брату Андрею о нашей духовной жизни, видимо это и послужило сигналом для СС и они заинтересовались нами.

Итак, время моего пребывания в Бремене пролетело быстро. В течение месяца я усвоил и приобрел новую профессию модельщика, эта работа пришлась мне по душе. Приехал в Вейнер и опять оказался среди своих друзей, которые также обрадовались, что мы вновь будем все вместе, опять будут продолжаться наши сладкие общения вокруг Слова Божия и прославления

Его Святого имени. Посещение немецких собраний нам пришлось оставить, но связи с ними мы все время поддерживали, в основном, через брата-голландца. Он был не только нашим связным, но также и поставщиком продуктов от наших друзей – семьи Тэгазеборг. Для собраний нам выделили в женском бараке комнатушку, где мы каждый вечер собирались для богослужений: читали Слово Божие, молились, пели гимны и просто беседовали на разные темы. Чувствовали себя очень хорошо, никому не мешали и нам также никто не мешал. До моего отъезда мы собирались в столовой немецких дезертиров, там было просторно, но оно было не наше, а здесь – свое, как дома. Зимой гер Альберт выдавал нам топливо, всегда было тепло, уютно. Сестры застелили стол, вместо скатерти, большим платком с красивыми цветами и бахромой, я написал текст «Бог есть любовь», вправил в рамку, повесил в углу комнаты. Вокруг стола и под стенами стояли табуретки. Вот и вся мебель и украшение нашей молитвенной комнаты, но основное, что влекло наши сердца к общению друг с другом – это любовь Божия, наполняющая нас. У нас были единственная цель и стремление: прославить Господа вместе и просить у Него защиты от надвигающейся военной угрозы на наш город и на наш лагерь. Нам не нужно было напоминать друг другу идти вечером в молитвенную комнату, каждый сам спешил в это скромное, уютное место, чтобы получить силу и подкрепление от Господа.

Мы приглашали на собрания неверующих, но они стеснялись, считали, что собрание нужно только верующим. А иногда бывало и так: собрание закончилось, открываем дверь, а под дверью стоят женщины и плачут. Это были дни и целые годы переживаний и страха, когда угроза смерти висела над каждым и сердечная почва людей была взрыхлена Духом Святым для принятия семени Слова Божия, но к сожалению, были молодые люди, крайне испорченные советским безбожным воспитанием, они всячески старались помешать и не допустить души к покаянию. Лично на меня их насмешки нисколько не действовали, наоборот, когда они называли меня «богомольным Володей», я тем более чувствовал себя на духовной высоте и более ответственным за свое звание и старался еще ревностнее трудиться в деле спасения душ. В лагере меня по фамилии не очень-то помнили и знали, а вот «богомольного Володю» каждый знал хорошо. Но не для той цели я трудился, чтобы быть известным; моя цель была – проповедывать спасение в Иисусе Христе, светить людям тем светом, который Господь зажег в моем сердце еще в юношеские годы. А когда люди стараются унижить христианина – Бог возвышает его. Я радовался тому, что, несмотря на такую развратную среду, нашлись молодые души, которые полюбили Господа и Его Святое Слово, которые не стыдились молиться и прославлять Его своим сердечным пением и молитвами.

С болью в душе я должен признаться, что и среди моих сестер были те, которым трудно было устоять в истине против диавольских искушений. Как больно было смотреть на эти бедные души! После стольких наставлений из Слова Божия они опять искривляли свои пути, грех манил их в свои пагубные сети. Мы все были приближенными, среди нас не было ни одного члена церкви, но мы переживали друг за друга, скорбели, дорожили каждым и, если кто-то спотыкался на пути, мы плакали, молились о них, просили Господа, чтобы Он вразумил их и наставил на путь Свой и, когда Господь останавливал заблудших овец, мы сердечно благодарили Бога и радовались, как дети.

Были некоторые женщины постарше, которые в собрание к нам не ходили, но интересовались духовной литературой, читали Евангелие и присматривались к нам, к нашим взаимоотношениям. Когда мы, верующие, приходили в столовую на обед, то старались садиться за отдельными столами, основываясь на месте из Слова Божия, где говорится: «...с такими даже и не есть вместе» (1 Кор.5:11). Хотя это место относится к тем, кто называет себя братом, но не есть таковым, но так поступая, мы желали быть отдельно, подальше от наглых ругателей. Нам было и за столом приятно сидеть всем вместе. Каждый раз, перед принятием пищи, мы стоя молились, просили у Бога благословения, а после благодарили за пищу и это также было своего рода свидетельством – люди видели, что мы верующие и не стыдимся этого.

В начале нашего приезда в лагерь девушки рассказывали мне, что они присматривались к ребятам и сразу давали каждому характеристику, определяя по внешности. Обо мне говорили, что это, наверное, бывший активный комсомолец и они, действительно, не ошиблись. Но настоящего, внутреннего моего состояния, при первой встрече они не могли определить, видя меня веселым, не унывающим и смелым. Вот по этим признакам они пришли к такому заключению. Ведь я ехал в лагерь добровольно, с определенной целью, меня не смущал неприятный запах приготовленного нам ужина, ни предстоящие трудности. Увидев столько молодых людей, ничего не знающих о Боге, я обрадовался, что смогу иметь хорошее поле деятельности, что нашел то, к чему стремился, оставляя свою семью, свою родину. Поэтому, я с первых дней решил не прятаться в тени, а смело приступать к своей миссионерской работе. Господь благословил мой труд: меня познакомили с харьковскими девушками – Полиной Обозной и Верой Рак, они были обе из верующих семей, но сами были еще далеки от Господа. Они знали много псалмов и хорошо пели и вот мы все вместе начали организовывать встречи с другими девушками, которые тоже присоединились к нам. Такие вечера пения и беседы на духовную тему были почти каждый вечер и в основном в тех комнатах, где жили наши сестры и в некоторых других, куда нас приглашали. Это было в самом начале. На праздники мы заходили в каждую комнату, приглашали на собрание, которое проводили в столовой немецких отказников от воинской службы. Во время собрания у нас не было кому проповедовать и мне приходилось начинать собрание, продолжать и оканчивать, а в молитвах и пении участвовали почти все. И так, в простоте сердца, единодушно прославляли Господа потому, что только в Нем мы находили успокоение и утешение своей душе. Много приходилось беседовать и с мужчинами о Боге и особенно хорошим помощником для бесед была духовная литература, которую я получал в большом количестве из г. Вернигороде ам Гарц с «Миссионерскавз» (миссионерского дома), из Польши, г. Лодзь и из Берлина. Нашей литературой многие интересовались, я предлагал ее всем, раздавал по комнатам и в каждой комнате были читатели нашей духовной библиотеки. Евангелия и Песенники я раздавал своим сестрам, которые особенно были заинтересованы Словом Божиим. Некоторые читатели, даже из мужчин, признавались мне, что читая некоторые наши книги, они не могли удержаться от слез, настолько эти книги влияли на испроченное грехом человеческое сердце. Никакой другой литературы на русском и украинском языках в лагере не было, а только наша, христианская. Жаль, что никто из мужчин не принял Господа, настолько люди очерствели сердцем и пропитались духом атеизма и безбожия. И только лишь в самые критические моменты своей жизни, когда угроза смерти нависала над ними, тогда они вопияли к Богу, прося о помощи и защите, но некоторым было уже слишком поздно. Вот в таких условиях наша группа богомольцев прославляла Бога, привлекая новые молодые души к Господу, а неверующие, считая нас, говорили: « Вот у богомольного Володи есть двадцать душ и, если бы добавилось еще пять душ, то власти зарегистрировали бы в лагере общину баптистов». Да, я думал о том, но прежде всего мое желание было найти служителя, который мог бы преподавать нам крещение. Это было сложно, потому что разъезжать нашим людям по стране не разрешалось, а вблизи нас, русских евангельских церквей не было. О нашем желании принять крещение знала семья Тэгазеборг и, когда однажды их церковь посетил один брат-служитель, который мог говорить на русском языке, сестра Сюзанна сообщила мне, чтобы я познакомился с этим братом и договорился с ним решить нашу проблему. Однажды, по нашему обычаю в воскресенье в теплые дни выходить к реке на природу для духовного общения, мы все были на берегу нашей большой реки Эмс: пели гимны, беседовали, наслаждались прекрасной природой, которую сотворил для людей Бог Творец. Очень приятно нам было находиться в таком спокойном месте, подальше от лагерного шума и ругани, смотреть на плещущие о берег волны, греться под ласковыми лучами летнего солнышка и под плеск воды петь песни для славы Создателя миров и окружающей нас прекрасной природы. Да, это были дорогие для нас минуты, которые Бог

даровал нам пережить в далекой чужой стране. Находясь в таком общении, как-то особенно ощущаешь близость Бога и, как бы забываешь, что где-то война, бедствие. Наше песнопение разливалось по берегу реки и к нему прислушивались зенитчики, стоящие рядом на страже у своих орудий для охраны железнодорожного моста и завода. Нас не пугало то, что в любой момент мог быть новый налет, начнется обстрел, мы надежду свою полагали на Божию охрану. Во время такого радостного общения прибежала к нам запыхавшаяся сестра Сюзи, поприветствовалась с нами, подошла ко мне и начала объяснять, что она была в лагере, искала меня и ей сказали, что я со своей группой у реки. И вот она просит, чтобы я пошел к ним на собрание для встречи с гостем. Не заходя в барак, чтобы приличней одеться, я, как был одет, так и пошел с ней в собрание. Пришли уже с опозданием, на проповеди стоял среднего роста, престарелый, седой, лысый брат. Сестра прошла вперед, а я сел на заднем ряду, прислушиваясь к проповеди. Собрание было краткое, как всегда, час и не более. После приветствий сестра Сюзи подошла ко мне с братом, поприветствовались рукопожатием и первым делом он обратил внимание на мою одежду. Я был одет в красивую шелковую рубашку, а сверху желетка. Он спросил меня на русском языке, почему я в такой одежде пришел в собрание? Мне пришлось объяснить, что был на речке и сразу оттуда поторопился в собрание. Выслушав мое оправдание, он сказал, что в такой одежде не прилично идти в собрание. Потом обратился к Сюзи, предложил ей позаботиться обо мне, и она, через некоторое время подарила мне легкий, полотняный, кирпичного цвета, пиджак, в котором и в самую сильную жару я чувствовал себя великолепно. Сюзи с мамой пригласила гостя и меня к себе на обед и мы, выйдя из молитвенного дома, направились к ним домой. Брат взял меня под руку, чтобы ему легче было идти, и так, идя дорогой, мы познакомились. Разговаривали о наших проблемах, о его возможностях помочь нам. В доме друзей поддерживалась общая беседа. Сестры приготовили вкусный обед и после обеда продолжалось наше сердечное общение и рассуждение о деле Божием, о нашей лагерной жизни и о духовных нуждах.

Еще до приезда брата, сестры много мне рассказывали о нем, они очень желали, чтобы наша встреча состоялась. Они говорили, что ждут приезда в церковь одного из видных духовных тружеников – брата К. Фильбранта, который жил в Одессе и восемь лет тому назад он вернулся из Советского Союза в Германию. Живя в Одессе, он, в 1913 году, написал книгу «Ди блете фон лебенс баум» (Листья дерева жизни). Потом она была переведена на русский язык. В настоящее время, - говорила мама Сюзанны, - он живет в городе Вернигородэ ам Гарц и работает в «Миссионс гавз» (Миссионерском доме) профессором. И вот, пришла та долгожданная пора, когда мы встретились с дорогим братом-гостем. Мне эта встреча была особенно дорога, потому что я, за три года лагерной жизни, впервые мог встретиться со служителем нашего евангельского братства, изложить ему все наши проблемы и получить от него добрые советы и наставления для дальнейшего духовного труда в лагерных условиях. В беседе затронули вопрос крещения и я очень просил его провести в нашем лагере богослужение и совершить крещение. Он ответил, что ему приходилось в некоторых русских лагерях проводить собрания и крестить, но СС запретили заниматься такой работой и, к сожалению, помочь нам в этом он не может.

Продолжая нашу беседу, он сказал: « Единственно, чем я могу вам помочь, это литературой». Заранее поблагодарив его за доброе намерение, я был рад тому, что со временем наша библиотека пополнится новыми книгами. Однажды в беседе с сестрами Тэгазеборг еще далеко до приезда брата, я рассказал о нашей семье и о том, что мой отец и дядя тоже угнаны в Германию и живут в таком-то городе (уже не помню названия), что они православные и я очень хотел бы, чтобы кто-то из братьев познакомился с ними и позаботился о спасении их душ, чтобы указал им путь к спасению. Сюзи еще раз переспросила меня название города и с восторгом сказала, что в этом городе живет родной брат профессора Фильбранта, который тоже может немного говорить по-русски, он является пастором церкви того города. Вот они и могут с ним встретиться, только нужно узнать точный адрес. Пользуясь встречей с братом-гостем в

такой дружеской обстановке, я решил подробно изложить свое желание и просьбу помочь мне в осуществлении моих добрых намерений: указать отцу и дяде путь к знакомству не только с пастором церкви, но и с самим Господом Иисусом Христом, как с добрым Пастырем, ибо Он Сам сказал: « Я есмь Пастырь добрый» /Иоан. 10;11/. Брат Фильбрант с удовольствием предложил мне свой адрес и адрес своего брата, чтобы я в письме передал его отцу, чтобы отец и дядя посетили брата пастора по указанному адресу для знакомства и дальнейших полезных встреч. А он пообещал от себя написать брату, чтобы оказал гостеприимство двум пожилым мужчинам, с которыми нужно провести беседу на духовную тему и дать необходимые советы для приобретения спасения и живой веры в Бога. Время встречи пролетело очень быстро, хозяйка предложила еще бутерброд с чаем; после всего я сердечно поблагодарил хозяйку за вкусный обед, а брата за добрые советы и наставления и простившись с ними, я ушел, переполненный радостью. Они еще пожелали мне дальнейшего успешного труда для Бога. Прошло примерно месяц времени, как мне пришло извещение с почты на получение посылки. Это была очень большая посылка от брата Фильбранта, я еле притащил ее домой в лагерь, а люди, увидев меня с таким большим ящиком на плечах, удивлялись, задаваясь вопросом: откуда эта посылка и что ему присылают? Таким образом через заботу миссий наш лагерь был насыщен духовной литературой, Новыми Заветами и я верю, что посеянное в лагере зерно Слова Божия даст свои всходы, оно произрастет и принесет плод свой, если не во сто крат, то в тридцать. Радовало мое сердце, что Бог и меня употребил для этого святого дела - распространения евангельской вести и было, куда ни зайдешь в комнату, везде читались наши книги.

Хочется еще вспомнить о нашем посещении моих приближенных братьев в селе Колингорст, где я прожил семь месяцев, проводил беседы и призывал к покаянию и, слава Богу, что там не напрасен был мой труд. Поехали мы целой группой, братья нас встретили на вокзале и мы все направились к бараку, где они жили. Идя дорогой, мы замечали, что люди с удивлением присматривались к нам, потому что в селе не было ни русских, ни украинских девушек, а тут вдруг появились. Но никто не остановил, не задержал. Войдя в барак, я представил братьям всех своих сестер, познакомились со всеми жильцами и не теряя времени все пошли на природу, пригласив и неверующих. Находясь на природе и видя ее красоту, чувствуешь себя в особом благоговении пред Богом, ближе к Нему, ведь Господь заложил в человека такое чувство – способность, созерцая красоту природы, видеть в ней ее Творца. Вот почему каждого так манит к себе природа, потому что в ней виден Бог, чего, к сожалению, человек так часто не осознает и не желает через рассматривание творений видеть премудрость и силу Божию. Какая красота вокруг! Деревья, кусты, зелень, а травка своим зеленым, пушистым и мягким ковром расстилалась перед нашим взором и манила нас присесть в тени деревьев и стройным, звонким пением прославить нашего Господа Иисуса Христа. На все село слышно наше пение, которое прерывалось чтением Евангелия, беседами и ответами на вопросы неверующих. Это были действительно часы нашего пребывания на Фаворе, где мы отдохнули у источников Божьей воды, нашли ободрение в Господних Словах, чтоб с силою новой идти.

Так быстро пролетело время общения, пришел час расставания. Помолились, спели еще прощальный псалом «День ушел от нас в вечность, час разлуки нам бьет», распрощались и – опять мы в дороге на Вейнер. Уезжая, мы просили братьев посетить нас и однажды брат Онуфрий, мой друг, приезжал к нам, но в лагерь, к сожалению, его не пустили и мы имели только краткое общение у ворот лагеря.

Мой двоюродный брат Анатолий тоже был направлен от своего хозяина в другое село недалеко от портового города Эмдэн, к более богатому хозяину. Туда было направлено для работы в сельском хозяйстве душ тридцать. Жили они тоже в каком-то старом здании, хозяева выдавали им строго рассчитанное на каждого количество продуктов и они сами готовили себе еду. Для этого у них был свой повар, который занимался только кухней. Они жили богаче, чем мы в

лагере и брат, зная мое положение, несколько раз приглашал меня проведать их, у них тоже была группа приближенных братьев.

Идти нужно было километров пятнадцать. Однажды летом в воскресный день после завтрака, я помолился и незаметно, будто направляюсь на прогулку к речке, отправился в путь. Прошел город, а за городом снял свой знак «ОСТ» и подался по сельским и полевым дорогам в нужном направлении. Идя, старался поменьше расспрашивать людей, чтобы не вызвать подозрений. Вдали на горизонте показалось село, местность ровная, видно далеко-далеко. Приближаясь к селу, я обошел его и зашел к дому друзей со стороны поля, напрямик полевой дороге. По одну сторону дороги расстилалось бесконечное поле пшеницы, а по другую – море разноцветных тюльпанов: один участок красных, другой желтых и розовых. Красота поразительная! А ведь художником этой красоты является Сам Бог Творец. Иду и думаю: стоило пройти эти десятки километров, чтобы полюбоваться такой красотой! Вот и достиг я, при Божьей охране, желанной цели и как раз успел к ним на обед. Все сидели за столами и перед каждым стояла большая миска душистого горохового супа да еще с мясом.

Поздоровался, Анатолий представил меня своим друзьям, я пожелал всем приятного аппетита. Меня тут же усадили за стол и предложили пообедать. После такой дороги и лагерного скудного завтрака, появился волчий аппетит и, несмотря на то, что я последним приступил к обеду, закончил я обед первым. Поел, подумал и сказал:

- Хлопці, я прийшов до висновку, що у вас ще можна жити, не так, як у нас в лагері, отож дякуйте Богам.

После обеда – кто куда. Одни пошли отдыхать, а мы с друзьями пошли к голландской границе, к речке. Речка была с двух сторон ограждена большими насыпями, чтобы во время прилива не заливало поля. Эта река была границей между Германией и Голландией. На противоположной стороне реки видны голландские постройки, а с немецкой стороны, вдоль границы прохаживались пограничники. Вот здесь у реки, на этой зеленой насыпи, на виду у пограничников мы проводили богослужение. Пограничники прислушивались к пению и поняли, что мы верующие и нисколько не препятствовали нам в проведении богослужения. После краткого собрания, беседы и воспоминаний о своих родных и друзьях, совершили коленапреклоненную молитву. После молитвы я дал еще некоторые советы братьям, попросил брата Павла Богуту продолжать начатое дело и не унывать, но полагаться на охрану Божию. Друзья проводили меня на ту же полевою дорожку, попрощались, с надеждой на новую встречу. Но кто мог знать, что это была моя последняя встреча на этой земле с братом Анатолием? Никто этого не мог предвидеть.

Анатолий до выезда в Германию был худеньким, небольшого роста пареньком, а в Германии, через пару лет нашей разлуки, когда я пришел к ним в общежитие, я не мог поверить своим глазам: он превратился в стройного, высокого, упитанного, красивого мужчину; кажется - вся жизнь и счастье впереди. Но враг души, дьявол, подстерегает человека, чтобы украсть, убить и погубить (Иоан.10:10). Вот он и подошел к брату с искушением, перед которым Анатолий был бессилён устоять: он украл у своего хозяина полмешка какой-то крупы. Он протянул руку к чужому и был пойман на месте преступления, или же украденное им было найдено в общежитии, я уже точно не помню, но факт остается фактом, как мне рассказал брат Павел Богута – кражу совершил Анатолий. Хозяин крепко избил его и он сбежал в другое село, километров за 35-40, к своему первому хозяину, в расчете на то, что его не найдут. Но дело попало в полицию, его нашли и привели в село Колингорст, закрыли в штафную комнату при общежитии, в котором жили наши ребята. На следующий день его отправили в концлагерь. Я писал ему несколько писем и получил ответ, что ему дали один год и он надеялся скоро освободиться, но после войны, в одном пересыльном лагере, где я находился, ребята, которые были вместе с Анатолием рассказали, что буквально за два дня до войны он умер от голода. Из этой жизненной трагедии можно многому научиться: за каждый совершенный нами грех,

приходится расплачиваться, ибо написано:»Не обманывайтесь, Бог поругаем не бывает, что посеет человек, то и пожнет»(Гал.6:7).

Жизнь в лагере с каждым днем становилась тяжелее. Люди физически ослабели, а некоторые истощились до предела и только благодаря тому, что молодой организм был более вынослив, в нашем лагере выжили все, за исключением тех, которые погибли во время обстрела.

Не раз приходилось мне идти за пределы лагеря, проходить мимо охраны через железнодорожный мост на другой берег реки в поисках пищи, к нашим украинским девушкам, которые работали у хозяев и просить их, хотя бы молочка. Было и стыдно и унижительно, но организм требовал еды.

Собрания проходили у нас регулярно. Молились, прославляли Бога, ожидали освобождения и быстрого, благополучного возвращения домой к родным и друзьям; порядком мы устали уже от тяжелой лагерной жизни. Народ находился в каком-то напряженном ожидании. Мы были полностью изолированы от внешнего мира: ни газет, ни радио – все это было нам недоступно; мы не знали, в каком направлении продвигался фронт, что с нами сделают немцы, если проиграют войну.

В столовой был старенький радиоприемник, но он был обтянут металлической сеткой, чтобы мы не переключались на московские известия. Но все же, изредка, наши ребята немного прослушивали новости, но только с сильными помехами и то было очень рискованно. Это прослушивание проводилось организовано: одни стояли на страже, наблюдая, где находится начальник, а другие через сетку просовывали ложку к клавишам приемника и настраивали на Москву. Кое-что из новостей мы узнавали из писем от друзей. С Украины письма приходили редко, а по Германии – свободно, почта работала нормально. От отца получил ответ на мое письмо, в котором советовал ему познакомиться с пастором, отец подробно описал мне об их встрече.

Они с дядей дважды ходили в дом пастора. В первый раз его не было дома, долго ожидали, сидели, посматривали на богатую мебель и дорогое убранство дома и рассуждали: (Обоих – отца и дядю звали Карпо)

- Карпо, якщо цей пастор, бувши таким багатієм, буде у Божому Царству, то ми з тобою, такі бідаки, тим більше будемо там.

На следующий день они застали хозяина дома. Он любезно пригласил их в дом, долго беседовали. Потом хозяйка предложила пообедать и после обеда пастор еще продолжал убеждать их принять Господа в свои сердца. На прощание подарил дяде Карпу книгу своего брата «Листья дерева жизни». Когда я вернулся из Германии домой, дядя подарил мне эту книгу, но пользоваться мне ею долго так и не пришлось: я одолжил ее одному брату, у него проводили обыск и книгу мою забрали. Но прошло время и мне снова удалось приобрести эту книгу, переизданную 1991 году в США.

После окончания учебы в Бремене, я стал полноценным специалистом по модельному делу и с первых дней после моего приезда мне дали задание самостоятельно, по чертежу, сделать модель. Без малейшего колебания, уверенно, я взялся за дело. Хотя и рассчитывал на некоторую консультацию мастера и он подсказывал, что мне было не ясно, но, за недостатком знаний немецкого языка, я всего не мог понять. Прошло недельки две, как я начал делать модель, мне казалось, что я делаю все так, как нужно, по чертежу. Когда дело приближалось к концу, подошел мастер, посмотрел на мою работу и с возмущением объявил, что моя модель бракованная. Он начал объяснять и указывать на чертеж, но я так и не понял, в чем заключалась моя ошибка, мой брак. Ну, что ж, - подумал я, - буду начинать делать новую. Трудно, но не даром говорят, что первый блин всегда комом. Конечно, мне было очень неприятно слушать выговор: делал, старался, надеялся получить похвалу, а вышло наоборот – получил выговор. Пусть будет и так, лишь бы на этом конец, - подумал я.

Дело дошло до хозяина завода, он вызвал меня и мастера к себе в кабинет, сперва расспросил мастера, как это получилось, а потом набросился на меня с угрозами. Я сразу начал оправдываться, но вижу, что бесполезно, наоборот, он приходит еще в большую ярость и я замолчал. А он продолжает выкрикивать в мой адрес угрозы:

- Это ты нарочно сделал брак, модель эта нам срочно нужна, а ты две недели проработал, чтобы сделать брак; специально занимаешься вредительством, чтобы сорвать план завода. Ты не только сам занимаешься вредительством, но мне известно, что ты в туалете проводишь агитацию и призываешь других вредить нам, да, я это хорошо знаю!

Слушая эти обвинения, я подумал: дело пахнет керосином! Никакой агитацией я нигде не занимался, неужели кто-то из наших хочет выслужиться перед Кляттэ (хозяином) и сочиняет на меня такую клевету? Кляттэ продолжал кричать:

- Ты знаешь, что за это дело я могу сейчас вызвать полицию и отправить тебя в концлагерь и тогда будешь знать, как делать брак!

Прошло несколько минут молчания, он немного успокоился и приказал мастеру отправить меня в главный заводской корпус на слесарные работы. Я подумал: слава Богу, что буря ярости миновала, миновал и концлагерь. А то, что меня отправляют на другую работу, то там мне будет еще лучше —буду среди своих людей.

Две-три недельки клепал крылья к самолетам, а начальство все присматривалось к моей работе и однажды во время работы подошел ко мне мастер модельного цеха и сказал: «Завтра иди опять к хозяину завода». Пришли мы с мастером в кабинет, хозяин посмотрел на меня и сказал, что забирает меня в модельный цех, но со строгим предупреждением, чтобы не повторилось прошлое. Если повторится малейшее нарушение, или неподчинение мастеру, то без всякого предупреждения я буду отправлен в концлагерь. Потом обратился к мастеру и сказал:

- Сегодня после рабочего дня заставь его (указывает на меня) тщательно убрать весь цех и все станки.

Это было мне последнее наказание, после чего я продолжал свою работу более внимательно и уже без конфликтов.

По военным событиям, которые развивались на Западе – высадка в июне 1944 года американских и английских войск в Нормандии, открытие второго фронта и по другим факторам, можно было определять, что война должна скоро закончиться. Не знаю, почему последовало распоряжение эвакуировать с завода наш модельный цех: или из опасения наступления войск с Голландии, или по каким-то другим соображениям, но видимо причина для эвакуации была. Вот и опять разлука с сестрами, опять прощальное собрание, молитвы, слезы расставания и пожелание скорой встречи. На сей раз пришлось мне ехать за Бремен километров двадцать в какой-то небольшой городок, куда было отправлено все необходимое оборудование для изготовления моделей. Трудно мне пришлось там привыкать, я был оторван от своих людей, поселили меня в одном доме с голландцами, бельгийцами, дали мне отдельную маленькую, неотопливаемую комнатку, размером 3х1.5 метра, а потом еще подселили мне на верхнюю кровать француза, по имени Маркс. Ужин готовили на кухне каждый себе, друг друга мы не понимали. Я пытался с ними говорить по-немецки, но мой сосед говорил только по-французски, немецкого совсем не понимал. Жили, как глухонемые – общались жестами. В нашей келье было очень холодно, ляжешь спать и никак нельзя согреться, чтобы уснуть, но Маркс проявил смекалку: нагревал в кухне на плите кирпич, заворачивал в бумагу и ложил в постель. Он сразу же согревался и засыпал. Но однажды перекаленная кирпичина обожгла его и он со злостью и руганью швырнул ее на пол со своей верхней полки. Я проснулся от грохота и не пойму, в чем дело: смотрю, кирпич на полу, а он продолжает ругаться, указывая мне на кирпич. Я догадался, поднял кирпич и положил себе в постель. Это был единственно-приемлемый, хороший метод борьбы с холодом.

Духовного общения я не имел ни с кем, а это самое главное для христианина. Спустя пару месяцев я нашел одну семью адвентистов, с которыми изредка мог общаться. В отношении питания было гораздо лучше, чем в лагере. На завтрак и ужин выдавали сухой паек, из которого я старался что-либо приготовить, или просто пил чай с бутербродом, но зато на обед можно было кушать, сколько хочешь. Они не могли, или не хотели выделять меня, украинца, от других иностранцев и определять где-то отдельно, но куда шли обедать голландцы и бельгийцы, туда определили и меня. Бывало, придем в столовую, сядем за столы, а суп в большой посуде уже стоит на столе и посуда индивидуальная расставлена вокруг, только хлеба не давали на столы, ели без хлеба. Иностранцы смотрят, как я жадно накинулся на этот вкусный мясной суп: съел одну тарелку, наливаю вторую, третью и после четвертой, а иной раз и после пятой чувствую, что сыт, желудок наполнен и больше кушать некуда. Они же съедают по две тарелки и сыты, а я, отощавший, никак не мог утолить голод. Когда я, наевшись, положу ложку и чуть отвернусь, они в этот момент черпаком вылавливают из кострюли все мясо, сбросят мне в тарелку и смеются, показывая мне, что нужно съесть все, что оставлять в тарелке недоеденную пищу – не культурно. И приходится мне кушать шестую порцию, чтобы не отстать от культуры. Второго блюда нам не давали, только суп с мясом и все. Иностранцы получали продуктовые посылки из Красного креста, а мне было достаточно супа. Вот в таком обществе, среди немцев и других иностранцев мне приходилось жить и работать. Нужно было усваивать язык, чтобы можно было понять объяснения начальника, читать чертежи и, чтобы не возникло подобного конфликта, как это было в Вейнере.

Однажды мы вышли со столовой и видим: на улице полно нагруженных подвод, на подводах сидят матери с детьми и старики, старушки. Мы подошли и спрашиваем, откуда и куда. Они начали рассказывать, что едут из Восточной Пруссии, что их местность заняли советы и вот проехали почти всю Германию, очень устали и негде остановиться, никто не хочет дать приют беженцам. Потом просят нас подсказать, где можно остановиться, хотя на время. Я указал им на дом одного богатого хозяина, зная, что у него много места. Пошел один старик и ребята пошли, а я остался, чтобы узнать результат. Приходит старик и говорит: «Сказали, что у них нет места». Бедные беженцы сели на подводы и потихоньку поехали дальше искать добрых людей. Я посмотрел вслед скитальцам и подумал: какие черствые и немилосердные люди! Как можно не дать приюта своим же соотечественникам, попавшим в беду. Да, это не такие люди, о которых мне рассказывала мама, как во время Первой мировой войны им приходилось уезжать на подводах в какую-то область Украины, как их принимали там, каждый приглашал к себе, давал приют, пищу, заботились, как о своих родных. Те люди были бедными, может быть и безграмотными, но у них было широкое и богатое сердце, способное сочувствовать и помогать в беде. Такое не человеческое отношение к людям говорит нам, что мы живем в последнее время перед пришествием Иисуса Христа за Церковью, ибо написано, что перед этим великим событием «люди будут самолюбивы, сребролюбивы, недружелюбны, жестоки, не любящие добра»(2 Тим.3:1-3).

Трудна и сложна была модельная работа, но зато заработная, по сравнению с прежней. На сварке платили 3-5 марок в месяц, а на модельной – до 120 марок. За эти деньги можно было купить красивую праздничную шелковую рубашку.

Чтобы развеять разные назойливые и тревожные мысли, хлопцы во время работы шутили и особенно затрагивали меня, чтобы вовлечь в разговор и таким путем выучить кое-какие немецкие слова и целые предложения, например: «Вольдемар, быс ду фауль имер фрэсэн унд кайнэ работы махэн»(обязательно стараются вставить знакомое им русское слово «работа»). Это значит: «Владимир, ты есть лодырь, все время жрешь, а работы не делаешь». Один рабочий был из Румынии «фольксдойч»(чистокровный немец), он любил пошутить со мной, он работал рядом за соседним верстаком. Вдруг хватает молоток, поворачивается ко мне и кричит: «Вольдемар, гляйх крысту мыт дэ гамэр айн шлях ин ди авге инд быст ду фертиг» (Владимир,

сейчас получишь этим молотком один удар в глаза и тебе конец). Вот так болтали что-нибудь, лишь бы не горевать, чтобы быстрее проходило время. О военных событиях я лично ничего не знал. Бомбёжку Бремена я и здесь чувствовал, несмотря на двадцатикилометровое расстояние, а может быть и ближе где-нибудь были сброшены бомбы, но факт тот, что некоторые стекла в нашем общежитии высыпались, не выдерживали ударной волны. Нам казалось, что самым безопасным местом во время бомбёжки находиться вне дома, на улице и мы так и делали: выбегали во двор, под открытое небо. Но, когда начинали бить зенитки и вокруг нас шлепали осколки, тогда мы возвращались обратно в помещение.

Приближался праздник Пасхи и мне очень захотелось провести его в кругу своих сестер. Я решил, не спрашивая разрешения начальника, поехать в Вейнер. До Бремена я доехал благополучно. На вокзале встретил нашего вейнерского парня Мишу, он был командирован с Вейнера для усвоения какой-то профессии и жил в том же общежитии, в котором жил и я, когда приезжал учиться. Он рассказал мне, что во время бомбёжки в общежитии рухнул потолок, а сколько погибло людей – не известно. Миша тоже направлялся на праздник в Вейнер, но подойти к кассе купить билет боялся, чтобы его не «засекли», потому что немецким языком он почти не владел. Он прохаживался по перрону, ожидая удобного момента. Когда увидел меня, обрадовался, сунул мне в руку деньги и попросил взять и ему билет. Но вдруг слышу по радио объявление, что в сторону Голландии через час отправляется последний поезд, так что кому нужно возвращаться, то знайте, что поездов больше не будет. Почему перестанут ходить поезда, не объяснили, нужно было догадываться самим. Причина была ясна: ухудшилось положение на фронтах, а особенно на Западном.

Как потом стало известно, в Англию были направлены из Сибири польские военнопленные еще с войны 1939 года, во главе с генералом Рокоссовским. В Англии их сформировали, наспех переподготовили, вооружили и направили в Голландию для наступления на Западную границу Германии. Вот и вся причина прекращения движения поездов на Голландию.

- Миша, ты слышишь, что через час пойдет последний поезд в сторону Голландии? Что будем делать? Поедем, или нет?

- Поедем, а обратно будет видно, как-нибудь доберемся. Знаешь, очень хочется побыть на праздник с друзьями. Иди, бери билеты.

Подхожу к кассе, кассир посмотрела на меня и лично мне повторила объявление, а потом спрашивает: “Быст ду голяндер?” (Ты голландец?) Я отвечаю: “Я, их бин голяндер” (Дя, я голландец). Купили билеты, зашли в вагон и молча заняли свои места, не подавая вида, что мы знаем друг друга. Часа в три ночи мы приехали на станцию Вейнер и по шпалам пришли в лагерь. В комнатах свет был выключен, все спят, только в коридорах тускло светит затемненная лампочка и от дежурного пробивается свет через дверные щели. Что же мне делать? Как сообщить сестрам о моем приезде? Нужно, чтобы с самого утра все сестры знали, что я приехал и будем проводить утреннее собрание.

Зашли мы с тыльных дверей. У Миши были свои планы: он подождал, пока кто-нибудь выйдет в туалет и вынесет ему простынь, он завернулся в простынь и свободно вскочил в нужную ему комнату. Мне необходимо было пройти через весь коридор и войти в комнату рядом с дежуркой. Я подумал: у меня чистые намерения и мне нечего опасаться, если дежурный даже увидит меня, гостя, в недозволенное время. Так размышляя, потихоньку пошагал я по коридору и только зашел в комнату, слышу в дежурке шорох, а потом щелкнул выключатель и в комнате загорелся свет. Я стою. Вдруг открывается дверь и в дверях, с дубинкой, появился дежурный “гер Вилли” (пан Василий) и как закричит на меня: Вас вильс ду гир равс фон гир швайн гунт!” (Что хочешь ты здесь, проваливай отсюда свинячий пес). Я извинился и пошел в мужской барак спать.

Утром, когда в лагерь пришел гер Альберт (начальник), Вилли ему все рассказал. Он зашел в комнату, где я спал, раскричался на меня: “Равс фон гир” (Уматывай отсюда). Ну, что ж,

пришлось уйти из лагеря. А когда узнали сестры, что я приехал и Цу-Цук выгнал меня, то они вышли ко мне и мы имели краткое общение на природе. Перед уходом из лагеря я договорился с Мишей, чтобы утречком, часов в восемь, он пришел в город и в определенном месте ждал меня, я подойду и будем пешком добираться обратно домой, в дальний путь. После общения, которое прошло не так торжественно, как хотелось, я простился с друзьями и подался в город к семье Тэгазеборг. Придя к ним, я поздравил их с праздником и рассказал им о происшедшей со мной неприятности в лагере, о нашем общении, а также о моей жизни на новом месте. Они выслушали, а потом спросили: как же я буду добираться обратно домой, ведь поезда на Бремен нет. Отвечаю, что со мной есть еще один парень, он ночует в лагере, утром мы встретимся с ним и пойдем пешком. Сестра поняла, что у меня нет возможности ночевать в лагере и предложила переночевать у них. Я поблагодарил и мы дальше продолжали беседу. Сюзи приготовила ужин, герин (госпожа) Тэгазеборг прочитала из Евангелия о воскресении Иисуса Христа, попросила благословения на пищу, поужинали и пошли на отдых. Еще с вечера приготовили мне на дорогу продукты, а утречком я позавтракал, старушка совершила молитву, благословила в путь, мы распрощались и я отправился. Пришел на указанное место, а Миша, недовольствуя, говорит:

- Что же ты опаздываешь? Я уже целый час стою, нервничаю ожидая тебя. Знаешь, сколько пути мы уже могли пройти за это время?

- Извини, Миша, вечером долго беседовали, поздно лег и проспал. Знаешь, я был сильно уставший, а перед такой дальней дорогой необходимо было хорошо отдохнуть, набраться сил. Ничего, мы свое наверстаем, давай, тронули!

Перешли железнодорожный мост и взяли направление на Леер. С утра была погода, но прохладно. Миновали станцию Иргофе, потом г. Леер и почувствовали усталость: хочется передохнуть, хотя бы полчаса, а ведь прошли-то всего-навсего километров двадцать, а может двадцать пять, а впереди только до Ольденбурга не менее сорока километров, а дальше уже должны ходить поезда. Отдохнули немного и дальше в путь, ведь во вторник нужно быть на работе.

Карты у нас не было, шли по дорожным указателям. Местами приходилось спрашивать людей. И так, нога-за-ногу, спотыкаясь, продвигались вперед. К вечеру подул холодный ветер, пошел дождь, начало темнеть. Не доходя до Ольденбурга километров пять, смотрим, около пивнушки стоит трактор с груженым прицепом. Возле трактора никого не было. Дальше идти у нас уже не было сил, немного постояли, а потом зашли в бар. Людей было мало, мы взяли какой-то прохладительный напиток, сели за столик, тихонько попиваем и наблюдаем, кто же тракторист, чтобы попроситься подъехать. И когда уже нужно было выходить, а у нас ноги не слушаются, шагу нельзя ступить от усталости пройденного пути. Кое-как расшевелились, подошли к трактористу, попросились. Он посмотрел на наш бледный вид и говорит: “биттэ” (пожалуйста). Мы вскочили на прицеп, где уже сидели несколько человек. Присели поудобнее и поехали. Хотя скорость была невелика, но мы, промокшие, почувствовали холод. Я был одет теплее, чем Миша, он в одном костюмчике и начал ежиться от холода. У меня в руках был портфель, в котором была Библия, Песенник и памятный альбом с фотографиями, подаренный сестрами. Я предложил Мише подержать его и он этим портфелем заслонился от ветра. Думаю, ладно, пусть держит, раз нашел ему применение.

Проехали пару километров, Миша задремал и портфель выпал у него из рук. А когда подъехали к Оленбургу, трактор остановился, пассажиры быстро соскочили и разошлись. Потом сошел я и последним Миша. Смотрю на него и спрашиваю: а где же портфель? А он и забыл, что у него был мой портфель, говорит: не знаю. Выскочил на прицеп раз, другой, посмотрел и говорит: “Нет здесь портфеля, наверное кто-то подобрал”. “Ну, что ж,-говорю,-догонять и обыскивать людей уже поздно, они быстро разошлись кто куда, во все стороны. Жаль портфеля, это для меня большая утрата, сестер может быть я больше никогда не увижу, чтобы восстановить потерю.

Миша, слушая мои высказывания, молчал, ему было неудобно, что так получилось. Я говорю ему: “Ладно, Миша, ты, наверное, уснул и не почувствовал, как портфель выпал из рук, а я виноват, что не обратил внимания. Давай ускорим шаг, потому что мы только в пригороде, а до вокзала, наверное, еще далеко.

На улице темно, город совсем не освещается, дождик немного притих. Вдруг загудела сирена “флигэ алярм” (воздушная тревога). Люди в страшной панике бегут с вещами, женщины на колясках тащат детей, все спешат в бомбоубежище, Город для нас незнакомый, где убежище, не знаем, куда бегут люди, туда и мы за ними. Вот подошли к какому-то сооружению, спустились по ступенькам и поняли, что мы в бомбоубежище. Хорошо здесь,- подумал я,- хотя бы тревога продлилась дольше, чтобы отдохнуть, но прошло не больше пол-часа, слышим: сирена сообщает “отбой”. О, как тяжело подниматься! Помаленьку вышли, прошли немного, смотрим – рядом железнодорожный вокзал. Зашли, огляделись а народа полно. Я подошел к кассе, взял два билета на Бремен и ждем объявления на посадку. Посидели немного в зале ожидания, смотрим на расписание, скоро должен отправиться поезд, а объявления на посадку нет. Мы вышли на перрон – на перроне пусто. На первом пути стоит поезд, битком набитый людьми. Не теряя времени, мы попробовали залезть в вагон, хотя бы в тамбур и еле-еле мы пробрались, а потом протиснулись в коридор. Все места заняты, мы стоим у стенки, ждем отправления. Во время ожидания опять завывла тревожная сирена. Над городом с сильным ревом пролетают самолеты, унося дальше свой смертоносный груз, но тревога все продолжается, а люди все сидят в вагонах, никто не бежит в бомбоубежище, боясь потерять свое место.

Я стоял, упершись в стенку и все ждал, что кто-нибудь сорвется с места и убежит в убежище, но все, затаив дыхание, сидели на своих местах, ожидая отбоя. Видя такое положение, я тихонько опустился на пол, дальше стоять я уже не мог. Пассажиры обрадовались, когда услышали отбой, облегченно вздохнули и тем более, когда был дан сигнала отправления поезда. Заскрипели колеса, вагоны зашатались и электровоз тихонько начал набирать скорость. И только выехали из города в поле – опять рёв “флиге алярм”. Поезд совсем сбавил ход, протянул еще пару километров, выключил еле мерцающие затемненные лампочки и остановился. Постоял немного, самолеты пролетели и мы поехали дальше. Пока доехали до Дельменгорста, расстояние всего тридцать километров, несколько раз останавливались, в связи с воздушной тревогой. Чуть ли не всю ночь ехали от Ольденбурга до Бремена – 45 км, пути. Миша поторопился в свое общежитие, а мне еще предстояло проехать до своего городка километров двадцать.

На работу пришел с опозданием, извинился перед мастером за прогул, объяснил, куда ездил и с каким трудом добирался обратно. Он спросил меня, что нового на Западе, я рассказал ему, что английские разведывательные самолеты летают, как у себя дома, совсем низко, так что зенитчики не могут прицелиться, чтобы сбить. Рассказал о том случае, как стреляли по самолету и снаряд, не разорвавшись, упал прямо в модельный цех завода. Люди в панике, со дня на день ждут из Голландии вторжения неприятельских войск. Все это было далеко от нас и мы спокойно продолжали выполнять заказы на изготовление моделей. Та же самая столовая обслуживала нас обедами, только квартиру поменяли на более удобную, в ней мы жили все вместе в одной комнате. Верующих я так и не нашел, кроме семьи адвентистов, которую начал посещать все чаще, а для молитвенного, уединенного общения с Богом избрал место на церковном кладбище и каждый раз, идя с обеда, я мог склоняться среди могил, благодарить Бога за Его милости и просить благословения и защиты на дальнейшую жизнь.

В воскресные теплые дни я любил уединиться и проводить время на природе, уходил далеко от городского шума, куда-нибудь в поле, или на берег реки Везер и там читал Евангелие, молился и пел псалмы, после чего погружался в размышления о родном селе, о семье. После возвращался домой. Слухи о приближении конца войны начали все более распространяться и у меня появилось желание вернуться в Вейнер, чтобы быть вместе со своими сестрами и, в случае

освобождения, вместе направляться на родину. Я начал искать удобного момента, чтобы осуществить свой задуманный план.

Нас часто отрывали от основного производства и посылали, как грузчиков, на рампу разгружать различные грузы – запчасти для самолетов, изготовленные в Вейнере, оборудование, карбид, уголь и многое другое. Однажды в выходной день к нашему берегу причалил катер с баржей, груженной пшеницей и нужно было срочно разгрузить. Мастер заставил нас идти разгружать. Это была тяжелая работа: нужно было таскать мешки с зерном в склад на второй этаж. За день мы так напахались, что еле добрались домой, а на другой день нужно было идти опять, заканчивать разгрузку. Вот я и решил воспользоваться моментом и бежать под Голландию к своим друзьям. Отдохнул немного после работы и начал собирать свои вещи, паковать в чемодан. Ребята смотрят на меня и не могут понять, зачем я все укладываю в чемодан и мне пришлось объяснить им, что я намерен убежать в Вейнер. Они переглянулись между собой, улыбнулись и одобрили мое решение. Я попросил их никому не говорить об этом, хранить в тайне. Чемодан был упакован, набит битком, тяжелый, еле с места сдвинешь. Нужно будет утром во время подняться, чтобы не проспать и выйти на первый пригородный поезд на Бремен, а там пересадка на Ольденбург, а дальше – на Вейнер. Как-нибудь доберусь, может быть уже будут курсировать поезда.

С такими мыслями, помолившись, лег спать и, несмотря на то, что сильно устал и должен был быть крепкий сон, а сна не было. Друзья по несчастью давно уже спят, а я ворочаюсь с бока на бок и никак не могу уснуть, видно сказалось нервное перенапряжение, все преследуют одни и те же мысли: удастся ли мне удрать и благополучно добраться к друзьям. Долго томили меня эти назойливые мысли, но все же под утро заснул крепко И, если бы не шорох и разговор ребят, то я, наверное, проспал бы. Быстро собрался, с ребятами договорился, куда запрятать ключ. Они отправились на разгрузку. А я помолился, прося у Бога благословения на предстоящий путь. На скорую руку позавтракал, взял чемодан и – в дорогу. Прошел по окольным дорогам на вокзал, взял билет, сел в вагон и сижу. Доволен, что все получилось удачно.

Сижу в вагоне и посматриваю в окно и, вдруг на перроне появился мастер и прямо направился к моему вагону, наверное он меня заметил раньше, чем я его. Я отскочил от вагонного окна и прижался к стенке, надеясь, что он еще не заметил меня, думаю: подойдет, посмотрит и пройдет мимо. А может быть он по своим делам пришел на вокзал, или куда-то едет и ищет, в какой вагон сесть. Но нет, убеждаюсь, что он меня хорошо приметил и слышу, как поднимается по ступенькам. Зашел в вагон и увидел меня с чемоданом в руках. Спокойно машет пальцем и говорит: “Ком, ком” (иди,иди). Ну, что ж,приходится подчиняться. Лениво поднимаюсь, беру чемодан, выхожу из вагона и в сопровождении его иду в город. Пришли в цех, я поставил в сторонке чемодан. Я думал, что он скажет приступить к работе, но случилось другое, он говорит: пойдем со мной. Я не спрашиваю, куда, зачем, ведь я провинившийся и иду, как вол на убой; делаю то, что приказывает начальник, но сердце подсказывает, что дела мои плохи. Вот подошли мы к какому-то учреждению, заходим, оказывается попали в полицию. Мастер изложил на меня полицаю обвинение, а тот, не выслушав моего оправдания, повел меня еще дальше, на окраину города и привел меня в тюрьму, подобную нашему КПЗ (камера предварительного заключения). Вошел я в камеру, полицай закрыл за мной тяжелую металлическую дверь, стукнул задвижкой, щелкнул замком и ушел домой. Охранять камеру, наверное, не было надобности: все двери и замки были надежно заперты, а может быть и некому было охранять, или вообще им было не до этого. Осмотрел я камеру: под стенкой стоял металлический каркас с деревянным настилом, без матраса и подушки, в углу параша, почти под самым потолком маленькое окошко, с решёткой из толстого металла, вмурованного в косяки окна. Все стены были исписаны, и на них я нашел написи на русском языке. Большими буквами было написано: “кто здесь был, тот не забудет, а кто не был – побудет”. Каждый, кому приходилось побывать в камере, хотел после себя оставить какую-то память, оставить свой

автограф. Некоторые писали свои имена, фамилии и адреса. После осмотра я склонился для молитвы, просил у Бога, чтобы Он проявил ко мне милость и вывел меня на свободу. Эта молитва была необычная, потому что постигли меня тесные обстоятельства и в такой критический момент, который переживали немцы, они запросто могли меня уничтожить. Перед сном еще раз склонился для молитвы, вторично просил у Бога освобождения и полностью доверился Ему. Долго ворочался на деревянном щите без матраса и подушки, долго размышлял, а потом уснул. Утром только встал и успел помолиться, слышу стук. Я подумал: наверное несет завтрак, очень захотелось кушать, вчера почти ничего не ел... Со скрипом открылась дверь, в дверях появился тот же полицаи и сказал: “махма завбе унд ком раус”/сделай порядок и уходи/. Слава Богу,- подумал я, молитвы услышаны. Быстренько вынес парашу, подметать там было нечего, вышел с этого «учреждения» и пошел в цех. Вчера в городе было полно военных, а сегодня не видно ни одного, все они переправились на другой берег реки Вейзер, а в городе суматоха, паника, люди растерянно бегают, магазины закрываются и ничего нельзя понять. Когда я зашел в цех, все удивились: откуда я взялся? Начали спрашивать, где я был, ведь они знали, что я уезжал и вдруг оказался дома. Только я начал рассказывать, как один из них, перебивая меня, говорит:»Как жаль, что вчера тебя не было с нами, нам в цех привезли сапоги, одежду, какое-то обмундирование и все брали, кто сколько хотел». После краткого разговора опять приступили к работе. Мастера в цехе не было, все были заняты своим делом, я тоже продолжал изготавливать свою модель. Вдруг явился взволнованный мастер и дал команду всем идти на рампу выгружать вагоны. Несколько человек сели с ним на электрокар и поехали, а мы пошли пешком. Попутно я захватил из цеха свой чемодан, чтобы отнести его к адвентисту. Вышел, догнал своих хлопцев, идем и видим, что на главной дороге, километр-полтора перед городом сооружены из бревен, врытых в землю, противотанковые заграждения. Мы поняли, что оттуда приближаются вражеские танки.

Пока мы подошли к рампе, вагоны уже были открыты, мы начали разгружать, а мастер на мотоцикле уехал в город. Не прошло и часа, как он на большой скорости примчался обратно. Подъехал к нам и скомандовал прекратить разгрузку и быстро уезжать в город, потому что танки вон там (указал рукой) движутся прямо в город. Мы все вскочили на электрокар, отъехали немного, оглянулись на ту дорогу и увидели, что несколько танков стояли у заграждения. Мы прижали свою «кару» и въехали в город, мастер на мотоцикле первый, а мы за ним. Вдруг из какого-то переулка, навстречу нам вышли в полном боевом, обмундированные в солдатскую форму, с оружием в руках, человек десять-пятнадцать стариков, так называемых «Фолькштурм» (полный штурм). Очевидно они готовились стать грудью на защиту города и направлялись за город против приближающихся танков. Когда мастер увидел такое «ополчение» и, зная, что танки уже на подходе к городу, он скомандовал им разойтись и все они моментально разбежались, кто куда. Я соскочил с электрокара и побежал в дом адвентиста. На лестничной клетке я встретил хозяина и он направил меня в подвал, где была собрана вся его семья; туда же были снесены и некоторые дорогие вещи, среди которых хранился и мой чемодан. Все они дрожали от страха и ожидания, что вот-вот начнется танковый обстрел города и в первую очередь может пострадать их шикарный трехэтажный дом – он стоял первым при въезде в город на Т-образном перекрестке. Хозяева что-то тихонько поговорили между собой, а тогда хозяин обращается ко мне и говорит: «Пойдем со мной». Он вывел меня на третий этаж, взял белое полотенце, подвел меня к окну, выходившему на ту дорогу, откуда должны были въехать танки. Потом поспешно приоткрыл окно и, показывая мне, как зажать полотенце оконной рамой, чтобы получилось подобие капитуляционного флага. Все это было с целью сохранить свой дом от разрушения.

- Это сделай,- говорит он,- при первом появлении танков.

Сам хозяин бегом побежал в подвал, хотя и здесь никакой опасности не было, но на всякий случай лучше быть в подвале. Задание не маловажное,- подумал я,- но, почему же ты, как

хозяин, сам не хочешь спасти свой дом, тем более, что это безопасно? Не знаю, почему он поручил это мне, видимо боялся, но я тоже был беспокоен: во-первых, я мог не успеть выбежать в случае обстрела и, во-вторых, чего я опасался, в случае отступления американских войск(а ведь такое на войне бывает, что войска займут город, а через некоторое время вынуждены отступить) и тогда кто-нибудь мог бы заявить властям, или военным, что какой-то русский остербайтер выбросил американцам белый флаг и мне пришлось бы строго ответить за свой поступок, по законам военного времени.

Хозяину на его предложение я ничего не ответил, но он, видя мое смущение, видимо сразу догадался, что я не согласен и сказал:

- Если боишься, то иди в подвал, я сделаю это сам.

Слава Богу.- подумал я,- и быстрее спустился в подвал, взял свой чемодан и направился к выходу, сказав: «Данкэ, ауфвидерзеен» (спасибо, до свидания). Хозяйка посмотрела на меня с недоумением и ничего не спросила, а только ответила: «Ауфвидерзеен» и я вышел. На улице тихо, пока что не слышно ни одного выстрела. Я подумал: наверное противотанковое заграждение явилось немалым препятствием и танкисты не решились объезжать, потому что справа и слева трясина и они, по всей вероятности, танками разрушают заграждение. Так стоял я несколько минут у соседнего дома, раздумывая: что же делать и куда дальше идти? Вдруг из дома вышла хозяйка, посмотрела на меня, стоящего с чемоданом в нерешительности и пригласила зайти в дом, в более безопасное место, но я поблагодарил и направился в свое общежитие.

Людей на улице почти совсем не было, только изредка можно было кое-где увидеть поспешно перебегающих улицу одиноких жителей города. До нашего жилья нужно было пройти километра два. Шел я поспешно, чтобы не настигли меня танки. Тяжело было нести чемодан, но пришел во время. Обрадовался, что все мои работяги были дома и даже уже успели помыться, помылся и я, а потом зашли в комнату, покушали и слышим – по городу гудят танки. Что же нам делать? А лязг гусениц и гул моторов слышно все ближе и ближе. Сидеть в комнате группе мужчин в настоящее время, будет подозрительно, если нас застанут. Решили лучше выйти во двор, чтобы американцы увидели нас и они сразу поймут, что мы иностранные рабочие, которые давно ждем освобождения. Я быстренько взял пиджак, пришел знак «ОСТ», который иногда носил и мы вышли во двор к дороге, по которой двигались танки и бронемашинны, а за ними пехотинцы. Некоторые из них подошли к нам, проверили, нет ли у нас оружия. Ребята, как могли объяснялись с ними, а я, указывая на знак, давал им понять, что я – остарбайтер. Они пошли вслед за танками, а мы продолжали стоять и наблюдать, что будет дальше. Прошло не более получаса, как подошли к нам танкисты и предложили нам уходить в другое, более безопасное место, потому что здесь будут бои, а сами немного проехали и остановились, развернув свои танки, чтобы открыть стрельбу по немецким войскам, которые заняли оборону на противоположном берегу реки Вейзер. Пришлось нам подчиниться приказу американских солдат, оставить свое жилье и уйти подальше от передовой. Не знаю, куда и как далеко ушли наши ребята, но я решил бежать на старую квартиру, это было совсем близко, не более пятисот метров. Только я добежал до дома, началась перестрелка. Вошел в дом, смотрю, вся семья в страшной панике, в страхе спускаются по ступенькам в подвал, и я за ними. Постоял несколько минут и подумал: в случае, если снаряд попадет в дом, то всем нам здесь – гроб, нас задавит, или задохнемся от дыма, в случае пожара. Куда же деваться, где найти место для надежного укрытия? Выбежал я в сад и лег под деревом в какую-то борозду, прижался к земле, и слушаю, как рвутся снаряды, свистят осколки, пули. Вдруг снаряд ударил прямо в купол кирхи (церкви), стоящей рядом, и стало темно от пыли, только слышу, как осколки шарахают по веткам деревьев. Когда просветлело, я увидел в куполе большую дыру и вокруг валяющиеся кирпичи. Я сорвался с этого места и бросился в яму, где на зиму засыпали картошку. Яма была совсем мелкая, на два штыка глубины, я прижался к земле и лежу, а

стрельба продолжается, снаряды рвутся, осколки свистят. Я лежал до тех пор, пока снаряды рвались дальше, но когда снаряд разорвался в саду рядом и попал в стадо курей – только перья полетели – дальше лежать уже было опасно. Я выскочил из ямы и ходу в подвал. Стрельба продолжалась недолго, наверное менее часа, потом все утихло. Какой ущерб нанесла эта перестрелка городу, неизвестно. У моего хозяина пострадало только несколько кур, а больше никаких разрушений не было.

Сидеть в подвале нечего, я вышел и пошел в центр города посмотреть, что происходит в городе. Местные жители продолжали сидеть по домам, только изредка можно было встретить гражданского человека. По городу расхаживали американцы. Двое из них сидели у дома под стенкой и грелись на солнышке. Когда я проходил мимо них, они остановили меня, посмотрели на мою изношенную обувь и, указывая рукой на сарай, что-то говорили. Я понял, что они предлагают мне зайти в сарай. Один из них видя, что я не решаюсь идти, сам повел меня показать, что находится в сарае. Завел на чердак, а там полно всевозможных товаров: костюмы, рубашки, обувь, одеяла, военные фуражки и многое другое. Он дал мне понять, что я могу брать все, что мне понравится, а сам ушел. Когда он привел меня на чердак, то здесь я встретил своих хлопцев, которые копались в этом барахле, подбирая, что кому нужно. Приступил и я к делу: разложил одеяло и начал вскрывать коробки с костюмами и примерять то один, то другой. Тот, который подходил мне, я складывал в одеяло. А выбор большой: костюмы разного цвета и разных фасонов – двубортные, однобортные, спортивные, какие хочешь! И цвета всевозможные: зеленые, коричневые, серые – глаза разбегаются, один лучше другого и какой ни примеришь – все подходит. И так, я подобрал себе семь разных костюмов, сложил их в одеяло, потом еще один понравился, я снял свой старый и оделся в новый. Ну, думаю, костюмов хватит, давай подбирать рубашки. Но, к сожалению, на рубашки выбор был ограниченный – голубые из льняной ткани, простые, но хорошие. Тоже отсчитал себе пять штук и бросил в одеяло. Подбираю все трофеи, складываю, смотрю на голландцев, что они больше меня навалили в одеяла и еще берут тюки мануфактуры. Я подумал: значит нужно и себе что-то добавить. Еще бросил пару резиновых сапог. Может быть я и еще что-то добавил бы, ведь человеческая жадность не имеет предела, но во мне заговорила совесть: ведь ты берешь чужое, ты грабишь хозяина, который своим трудом все это приобрел, чтобы иметь, чем жить и содержать семью. Оставь это дело, ведь ты – христианин, не смотри на голландцев. А другой голос перебивает: «Не смущайся, бери, это склад не из частного магазина, это все, наверное, из государственного магазина, из военторга. Смотри, здесь военные фуражки и рубашки тоже для военных, а если даже и частный магазин – это твое, ты заработал».

Конечно, после такого «ободрения» я решил еще взять то, что мне крайне необходимо – это ботинки. Свои старые снял, обул новые и решил: хватит. А то, что на одеяле, тоже пригодится дома, ведь что-то нужно и домой привезти, не с пустыми же руками ехать. Совесть как-то успокоилась, плотно связал концы одеяла, закинул на плечи, подошел к дыре, чтобы по лестнице сойти вниз и тут возникла проблема: тюк с вещами большой, а отверстие маленькое, как же спустить ношу? Но помаленьку протолкнул «свои» вещи, вышел во двор и напрямик, по переулкам, направился к своему общежитию. Вся наша компания была уже дома, они укладывали вещи в чемоданы, плотно связывали, готовились в дорогу. Когда я спросил, как вы думаете забрать столько вещей, то они ответили, что очень просто, мы нашли трактор с прицепом, погрузим все и как-нибудь доберемся в Голландию, а там разделимся: кому в Бельгию, кому во Францию, границы там открыты и никаких проблем не будет. А у меня дело обстояло более сложно: вещей было много, а чемодан для одежды один, хотя он и большой, но даже половина вещей туда не вместились. Хорошо, что я смог достать большой кропивный мешок и туда упаковать все остальное. Кроме того, у меня был еще другой небольшой чемоданчик, набитый духовной литературой и все это как-то нужно было дотащить на вокзал, а там, возможно, пойдут поезда. Желание мое было – направляться не на восток, а на запад, к

своим сестрам, а оттуда все вместе будем как-нибудь добираться домой. Медлить было нечего, нужно осуществлять свои планы, чтобы не потерять своих друзей, впереди дальняя и сложная дорога, необходимо отправляться.

Переночевали ночь, на следующий день думал, чем пораньше отправиться в дорогу, но пока запаса продуктами, время быстро пролетело и только после обеда, около трех часов, помолился, попросил у Бога благословения на предстоящий путь. Взял свои вещи: на плечи мешок, в обе руки чемоданы, сумку с продуктами и направился на вокзал. Проходя мимо цеха, при котором была квартира нашего мастера, который предал меня полиции, я простил ему все и решил зайти попрощаться. Когда я с вещами зашел во двор цеха, он заметил, подошел ко мне и спросил, куда я направляюсь с таким грузом. Я рассказал ему, что хочу как-то добраться до Вейнера к своим друзьям, чтобы вместе отправляться на Украину. Мастер, чувствуя свою вину передо мной, хотел чем-то загладить ее, придобриться, а может быть из страха, чтобы я не пожаловался на него американцам. Но факт тот, что он предложил мне взять чей-то велосипед, который стоял во дворе цеха и на нем отправиться в путь. На мой вопрос, чей же это велосипед, что вы мне предлагаете взять и, видя мою нерешительность, ответил: “ бери велосипед и езжай”. Опять у меня появилась нечистая мысль: мастер может быть из доброты своей хочет мне помочь, а я подумал, что он боится меня, чтобы я не заявил властям, раз он хочет быстрее отправить меня в дорогу. Из каких побуждений он предложил эту услугу, не знаю, но я обрадовался тому, что буду иметь свой транспорт. Когда я присмотрелся к этому велосипеду, мне сразу стало ясно, почему он брошен здесь под стенкой. На нем не уедешь далеко: в заднем колесе была спущена камера, мастер вынес мне клей и все необходимое и я быстренько взялся клеить. Только заклеил и начал увязывать на багажник большой чемодан, смотрю – опять пустое колесо. Давай опять клеить, а солнышко садилось все ниже и ниже. На сей раз, кажется, удачно заклеил, нужно торопиться, чтобы до захождения солнца доехать, хотя бы до ближайшего селения. Увязал чемодан, другой, с книгами повесил на руль с одной стороны, а сумку с продуктами с другой, а мешок взял на плечи. Поблагодарил мастера, попрощался с ним и нажал на педали в направлении на запад. Колеса были накачаны крепко, потому что груз был тяжёлый. Сразу велосипед шел хорошо и ехать было легко, но поехал немного, почувствовал, что колесо начало постукивать по камням и ехать стало тяжело. Остановился, попробовал заднее колесо – почти совсем нет воздуха, что же делать? До ближайшего села по дорожному указателю нужно проехать восемь километров, клеить некогда, пока поклею будет ночь. Долго рассуждать некогда, сажусь на велосипед и – вперед. Очень тяжело было ехать на спущенном колесе, но все же добрался до какого-то поселка, в котором работали поляки, такие же работяги, как и я. Расспросил одного старика, где находится их общежитие, он указал дом и я заехал к ним, как к своим друзьям по несчастью. К счастью, польский язык я знаю, я рассказал им, кто я и куда направляюсь, а потом попросился к ним ночевать. Они приняли меня и так, как время было позднее, все пошли на отдых. Утром пришлось мне взяться за ремонт велосипеда и, когда было все сделано, я расспросил ребят, как мне проехать в сторону Бремена, они рассказали мне. Я поблагодарил их за ночлег и отправился в путь.

При выезде из села меня остановили американские солдаты и не разрешали дальше ехать. Я начал упрашивать их и доказывать, что мне необходимо проехать, но ни он меня не понимал, ни я его, я понял его лишь тогда, когда он направил на меня пистолет. И так, они заставили меня вернуться обратно. Насколько я мог догадаться по их объяснению, на этом месте должен произойти бой. Ну, что ж, пришлось возвращаться. Когда я приехал к полякам и рассказал им, что меня американцы не пропускают, то они меня направили на полевою дорожку, на которой военные не стоят, и я, не теряя времени, рискнул объехать военную заставу. Страшновато было рисковать, ведь здесь фронтовая полоса и за такое нарушение можна было поплатиться жизнью, но желание, чем скорее встретиться с друзьями, чтобы не опоздать,

побуждало меня рисковать, возлагая надежду на охрану Божию, и с таким упованием я продолжал свой путь. Проехал по этой полевой дорожке и благополучно миновал заставу, поселок и выехал на главную дорогу. Все было тихо, спокойно, а когда подъехал к Бремену, вдруг начались бои. Как тревожно и страшно, когда слышишь над собой, со свистом, пролетающие снаряды! Несколько раз приходилось мне бросать велосипед, а самому лечь в кювет, пока пройдет стрельба и, лежа в кювете я понял, почему меня не хотели выпустить из поселка, но схитрил: нашел безопасную дорожку, которая привела меня на более опасную фронттовую полосу.

Хотелось быстрее выбраться отсюда, для этого нужно было где-то подальше объезжать Бремен, уж слишком близко я подъехал, даже были видны танки перед городом, откуда беспрерывно обстреливают американские войска. Только поднимусь, было, с кювета, проеду немного – и опять стрельба. Недалеко от дороги жил какой-то бауэр (хозяин) и я вынужден был заехать к нему, расспросить, как мне миновать Бремен и как пробираться дальше на Запад. Хозяин, видя, что я направился к его дому, вышел во двор. Я подошел к нему ближе, поздоровался, расспросил, как ехать дальше. Он рассказал мне и посоветовал поторопиться уезжать из этого опасного места. Только я подкачал заднее колесо, еще не успел выехать на дорогу, как опять началась перестрелка, но на сей раз я не прятался в кювет, а нажимал на педали, чтобы поскорее удалиться из этой зоны.

По дороге несколько раз подкачивал колесо, а когда отъехал в более безопасное место, решил капитально отремонтировать велосипед. Эта возможность мне предоставилась у одного немца, у которого работал наш парень. Отремонтировал и мог ехать дальше, но хозяин не советовал выезжать на дорогу, так как и здесь место оказалось не менее опасным, чем под Бременом. Он рассказал мне, что недалеко в лесу стоят немецкие войска, возможно будет бой, лучше оставаться на несколько дней здесь, а потом ехать дальше, потому что в том селе, через которое мне необходимо ехать, там уже американцы. Пришлось послушать доброго совета и не рисковать жизнью. Слава Богу, -подумал я, -что есть такие хорошие люди, которые не только предупреждают об опасности, но и готовы оказать необходимую помощь.

Три дня я задержался у этого хозяина, старался помогать ему в работе, чтобы не даром есть чужой хлеб. Отдохнул после дороги и, кажется, все было бы хорошо, если бы меня не обокрали. Не было бы так обидно, если бы это сделали чужие, но это свои “остарбайтеры”, которые вечерами приходили к парню и заметили, что у меня много вещей. Они решили облегчить мою ношу. Самым привлекательным для них оказался мой маленький чемодан. Видно вор определял ценность содержимого по весу: попробовал поднять, тяжелый, значит есть что-то ценное. Да, действительно, оно ценное, но только для меня, а ему эти книги были ни к чему.

Вечерами была слышна ружейная перестрелка; и не только слышно, а даже было видно, как стреляли трассирующими пулями. Боёв сильных не было, немцы группами начали выходить из леса и сдаваться в плен. Но американцы в плен их не брали и они незаметно уходили кто куда. Мне пришла пора отправляться дальше в путь. Я поблагодарил хозяина за оказанный приют, распрощался и отправился в том же направлении на Запад. От своего места жительства я проехал около пятидесяти километров, а весь мой путь до Вейнера составлял не менее 150 км.; значит еще добрая сотня впереди. День был прекрасный: солнечный, теплый, едешь и наслаждаешься красотой окружающей природы и мысленно предвкушаешь радость встречи с друзьями. И так, проезжая села, поля – километр за километром – все ближе и ближе к намеченной цели. Велосипед после ремонта был исправный, колеса накачаны хорошо, ехать было легко, попутный ветерок поддувал в спину, груза на один чемодан стало меньше, который мне так мешал и все время оттягивал руль в сторону. Сумка с продуктами тоже опустела, так что не нужно было останавливаться где-то, чтобы покушать.

К вечеру преодолел я порядочный кусок дороги и, не имея карты и компаса, уклонился несколько от своего маршрута и оказался в каком-то селении под Голландией, но только не в

том месте, где надлежало бы быть. Таким образом, получился небольшой круг, добавились лишние километры, но я был рад, что цель близка. Несмотря на то, что здесь недавно прошли бои и территория была занята польскими войсками армии генерала Рокоссовского, продовольственные магазины уже были открыты и работали и, хотя время было позднее, но еще до закрытия я успел зайти и купить булку хлеба и полкило сливочного масла, а на что-то большее у меня уже не было денег.

Преодолев такую дальнюю дорогу, я сильно проголодался, устал и решил заночевать. На улице ночью холодновато и опасно, пришлось и здесь искать “доброе дядю”, чтобы переночевать. Нужно было торопиться, пока люди не легли спать. И я решил зайти в любой первый попавшийся дом: примут – хорошо, не примут – пойду в следующий, украинская пословица гласит: “світ не без добрих людей”, кто-нибудь окажет сострадание бедному страннику и примет. Вот вижу, что старик-хозяин вышел во двор покурить перед сном. Я подумал: хороший момент подойти к нему, в дом не нужно заходить, спрошу, а вдруг и примет. Велосипед поставил у забора, подхожу к нему, здороваюсь «гут абент» (добрый вечер). Он немного растерянно ответил. Прежде всего я рассказал ему, кто я, откуда и куда еду. Внимательно выслушав меня, ждет, что же дальше, ведь не для знакомства я к нему заехал, а по делу. Я спросил: можно ли где-нибудь переночевать? Он говорит: «биттэ»(пожалуйста) и указал мне место в сарае на сене. Предложил мне поужинать, но я поблагодарил и не стал ужинать, так как у меня было что кушать – буханка свежего хлеба и полкило масла. Велосипед с вещами затянул в сарай, залез на сено, хорошо покушал, помолился и лег спать. В дороге сильно устал и уснул быстро. Ночью проснулся от ружейной перестрелки и так до самого утра стрельба не давала возможности спокойно спать.

Поднялся после такой беспокойной ночи, когда солнышко было высоко над землей. Хозяин спросил меня, как спалось, я ответил, что было тревожно: всю ночь стрельба и он мне рассказал, что рядом за дорогой проходит канал, за каналом – немецкие солдаты, а здесь поляки, вот они и ведут между собой перестрелку. Бывает ночью немцы переплывают канал, выходят на этом берегу и расходятся по домам за продуктами, а потом возвращаются обратно. Продолжая свой рассказ, хозяин посоветовал мне пожить у него несколько дней, пока фронт продвинется дальше и тем более, что мост через канал взорван, нужно ждать, пока поляки наладят переправу. Опять тупик,-подумал я,- всю дорогу спешил, а тут вынужденная остановка. Ну, что ж, хорошо, что и здесь есть добрые люди, готовые предоставить мне ночлег и пропитание, слава Богу, буду ждать.

Очень длинными казались мне эти дни ожидания: никакой работы хозяин мне не давал; я сидел и ждал, изредка выходил на дорогу, смотрел на передвижение польских войск. Днем было спокойнее, чем ночью, но как бы ни было, а все же во фронтовой полосе чувствуешь себя не совсем комфортно и безопасно. На третий день моего пребывания в этом селении, я решил продвигаться вперед. Поблагодарил хозяев, распрощался и поехал за военными машинами в направлении на Папенбург. Вдруг вижу, на дороге лежит что-то белое, подъехал ближе, а это полбуханки белого-белого хлеба, такого белого хлеба я еще никогда нигде не видел. Обрадовался находке, положил в сумку и поехал дальше. Подъехал к каналу как раз во время: устройство понтонного моста приближалось к концу, бульдозеры раскапывали берега, чтобы можно было въезжать на мост. Военных машин собралось много – все ждут, когда можно будет переправиться и, как только все было закончено, я первый удостоился чести, со своим транспортом перейти на другой берег. Здесь я впервые за свой длинный путь увидел жертвы войны - результаты перестрелок: с правой и с левой стороны дороги лежали в кюветах трупы немецких солдат. При виде такой жуткой картины, сердце наполнилось болью, жаль челока, кто бы он ни был: немец, русский, американец ли; виноват он, или не виновен – жаль, ведь он создан Богом жить, наслаждаться счастьем семейной жизни, красотой природы и вдруг, в расцвете сил жизнь обрывается!

До сего места я ехал, хотя и под страхом, но сердце радовалось, предвкушая приятность встречи с друзьями, а теперь наоборот: какая-то тревога закрадывается в сердце за своих, находящихся в лагере, как они пережили фронт, остались ли живы? Издали на горизонте показался город Папенбург – последний город перед Вейнером. Еще немного – и я оказался в городской суматохе: в городе полнейшая анархия, репатриированные иностранцы кинулись грабить магазины, каждый что-то тащит, полнейшая свобода, делай, что хочешь. Местных жителей города на улицах мало, в основном промышляют иностранцы: бегают, суется, кричат. В городе полно военных и различной техники.

Я старался не останавливаться, чем побыстрее проехать город и вот, при выезде встретился с танками. Их было три, они направлялись в город и я подумал: наверное впереди немцы и мне еще раз придется попасть в полосу сражения. На окраине города я спросил у местных жителей, нет ли здесь у хозяев украинцев, или русских? Они указали мне на дом, в котором они видели наших людей и когда я зашел в этот дом, к моему удивлению я встретил там свою сестру Веру Рак. О, сколько радости! Хозяева, дряхлые старики, смотрели на нашу встречу недоумевая, что за родство у нас. Вера рассказала им все подробно: кто я и как мы вместе работали на заводе Кляттэ, что мы верующие и составляем одну христианскую семью. Я расспросил Веру, как она сюда попала и почему здесь, и где наши сестры? Она начала рассказывать, что когда началось наступление с Голландии и приблизился фронт, завод остановил работу и многие разбежались по селам, кто куда, спасаясь от смерти и голода. А остальные люди, -говорила она,- остались в лагере, ожидая освобождения. Полина подалась в села на ту сторону Вейнера, а я остановилась здесь у этих добрых людей, я им помогаю в хозяйстве, а они меня кормят и так мы вместе живем.

Пока мы поговорили, хозяйка приготовила кушанье, пригласила вместе покушать, а потом я пошел в город, чтобы еще раз посмотреть, зайти в промтоварный магазин подобрать себе получше обувь и еще что-нибудь. Когда я зашел в магазин,то увидел, там полно людей, каждый хватает себе, все валяется на полу под ногами. Зашел в обувной отдел и в кладовую, там такая же картина: все коробки разорваны, обувь выброшена на пол, высотой в пол метра и ни одной нужной пары не подберешь. Смотрю, тут же стоит какой-то старик, растерянный, дрожащий от страха. Я спросил его, почему он стоит и ничего не берет, он промолчал и тогда я догадался, в чем дело и задаю ему второй вопрос: «это ваш магазин?» Он с какой-то невыразимой болью ответил: « да, это все было мое, а сейчас... » Я посмотрел на такой грабеж, ничего не взял, мне стало стыдно, совесть осудила меня, зачем я зашел в этот магазин? Ведь у меня уже нечиста совесть тем, что лежит в моем чемодане, то, что, успокаивая свою совесть, я брал чужое добро там на чердаке, откуда выехал. Такой нечестный поступок мучит меня, совесть осуждает и, наверное, это будет длиться до тех пор, пока не избавлюсь от чужого, а тут вдруг я опять пошел в чужую комнату, чтобы взять то, чего не ложил. Когда я пришел домой к Вере, у меня появилось желание поехать в разведку поближе к Вейнеру, к железнодорожному мосту и посмотреть, можно ли будет по нему пробраться в город, несмотря на то, что он взорван. И, хотя день уже склонялся к вечеру, но поскольку расстояние небольшое, всего километров семь, я решил разведать, каким путем попасть на ту сторону реки Эмс в свой лагерь. Вещи оставил у Веры, а сам поехал по направлению к мосту. Этот ориентир хорошо был виден издалека. И вот въехал я в какой-то хутор, где было всего-навсего не больше десятка домов. Смотрю, площадь среди домов вся изрыта танковыми гусеницами, а на земле полно гильз. Увидев это, я сразу понял, что те танки, которые я встречал за городом были здесь, отсюда вели бой и обратно вернулись в город. Только выехал за это селение и встретил препятствие: через приток реки Эмс был взорван мост, одна сторона крепко обвисла,так, что можно перебросить велосипед, а затем самому перепрыгнуть и ехать дальше. Мост форсировал удачно, еду и любуюсь, разглядывая вокруг: на правой стороне от дороги прекрасный зеленеющий луг, а на нем бродят черно-белые упитанные коровы. Так незаметно я подъехал совсем близко к мосту и, когда приподнял голову

и присмотрелся, то у переправы возле железнодорожного моста заметил вооруженных немецких солдат, их было немного, душ десять. Что же делать? Драпать назад нельзя. Не останавливаясь, вынул из кармана белый платок и так, не показывая вида, что испугался, машу платочком, голову опустил и подъезжаю вплотную к ним. Они остановили меня, потребовали документы и только начали подробно расспрашивать, как вдруг вдоль реки по нашему берегу посыпались снаряды. Я бросил велосипед, а сам лег в кювет и лежу, а они продолжают стоять. Стрельба прошла, я поднялся и они продолжали допрашивать меня: кто я, откуда и куда еду. Объяснил им, как мог, указывая на свой «аусвайс» (документ). Говорю, что я здесь за рекой, вот там (указал рукой), работал на заводе Кляттэ, был в командировке и возвращаюсь опять в лагерь. Они поверили мне, отдали документ и подводят ближе к реке, где стояла лодка. Еще раз уточнили, куда мне нужно. Я говорю: «на ту сторону, в лагерь,- и тут же добавил, что могу остаться здесь у своих знакомых, которые работают вон там (указал на ближайший дом), в этих домах». Задали еще один вопрос, который, наверное, их особенно тревожил: сколько танков в этом маленьком селении, через которое я проезжал. Я понял, что они спрашивают меня, сколько танков в Папенбурге и ответил, что много.»Сколько штук?» Говорю: не знаю, я проехал и не считал. В этот момент допроса опять загремели взрывы снарядов по берегу реки и на сей раз мы все легли на землю, ожидая прекращения стрельбы. Когда настала тишина, солдаты что-то поговорили между собой и один из них, видимо старший, сказал мне, что через реку переправляться нельзя. Я подумал: наверное побоялись, чтобы я не оказался разведчиком и не сообщил полякам о количестве солдат, о их силах, мне было лучше оставаться на этом берегу, потому что мои вещи здесь. Потом старший, предупреждая меня, сказал: «Мы оставляем тебя здесь, но смотри, не вздумай убежать обрано, а то убьем,- и дает распоряжение отвести меня к моим знакомым. Прошло немного и я говорю солдату, что я могу пройти сам, не надо меня сопровождать.

-Да я мог бы тебя отпустить,- говорит он,- но приказ командира нужно выполнять.

Прошел со мной еще немного и вернулся обратно. Я заехал в первый двор, из дома вышли дряхлые старики, я спросил их, где ваша украинка, моя знакомая, они указали на соседний дом, что она там у подружки. Проехал к соседям, зашел в дом, а там полно наших девушек, что-то громко рассказывают, смеются. Я недоумеваю: откуда они, возможно из лагеря убежали? Застал их как раз за обедом. Пригласили и меня за стол и, когда я рассказал им, что уже две недели был под американцами, они заинтересовались, начали расспрашивать меня, как они относятся к нашим людям, когда будут отправлять нас на Украину домой и много других вопросов. После обеда мне нужно было торопиться, потому что я решил любыми путями удрать из этой опасной зоны обстрела, а время приближалось к вечеру. Мне хотелось увидеться с русскими ребятами, которые работали в этом селе, чтобы больше познакомиться с обстановкой и спросить, как отсюда выбраться. Поблагодарил за обед, пожелал девушкам благополучного и скорого возвращения домой и спросил, где находятся ребята. Они указали дом на лугу, далеко от дороги и сказали, что все ребята в том доме. Когда я приехал туда, ребята стояли во дворе и оживленно о чем-то говорили. После краткого знакомства, не теряя времени, я рассказал немного о своем странствовании, как две недели был под американцами и опять попал к немцам, а теперь хочу выбраться отсюда и не знаю, как. Они выслушали меня и сказали: «На станции Иргофе находятся польские войска, они ведут обстрел по немцам, находящимся у железнодорожного моста. Продолжая дальше, говорит мне:» тебе нужно будет поехать дорогой по набережной реки, а потом дорога сворачивает вон туда, на мост (указал рукой в сторону моста). Этот мост через речушку взорван, мы видели, как к мосту подъехали танки, танкисты вышли, посмотрели, один танкист даже перешел через мост. Но, видимо, не решились переезжать, сели в танк и вернулись обратно в Иргофе. Так, что там ты сможешь перебраться через мост, чтобы проехать на Иргофе и дальше на Папенбург». Поблагодарил я за совет, попрощался и только выехал на дорогу, как опять обстрел. Полежал в кювете, стрельба утихла,

я сорвался и – ходу! И, несмотря на продолжающийся обстрел, больше не прятался. Взрывы снарядов остались далеко позади и стало как-то спокойнее, но у меня возникла другая опасность: возле моста, через который я должен был проезжать, были дома и я боялся, что там могут быть немцы и, когда я буду перебираться через мост, они могут меня застрелить. Рассуждать было некогда, подъехал к мосту, перекинул велосипед на другую сторону, а сам разогнался, перепрыгнул – и на педали, а для безопасности вынул платок из кармана, подобно, как и тогда, когда подъезжал к железнодорожному мосту и, размахивая им, направился на станцию Иргофе.

Не успел я доехать до станции, как поляки открыли пулеметную стрельбу по немецким солдатам, находящимся у моста. Пулеметчики остановили меня, они были замаскированы в кустах, вдыхая пьяные и продолжали стрельбу. Привели меня к пулемету и предложили сесть рядом с ними, а потом начали допрашивать, откуда родом, кто по национальности и когда я сказал на польском языке, что я с Волыни, то один из них громко сказал: «То пан поляк ест?» Я отвечаю: «Натуральне, я естэм поляк». Задавали еще другие вопросы, на которые я кратко ответил, стараясь побыстрее от них отделаться, потому что солнышко уже совсем садится, а мне до Папенбурга нужно еще проехать двенадцать километров. Посмотрели на мой костюм, который я две недели, как одел, на обувь и говорят: "«Цо пан ходзи в таком старым убраню, в старых чевиках, нех пан идзе там до склепу (указал рукой на магазин) и везме себе нове убраня и чевики» (Что ты ходишь в таком старом костюме, в старых ботинках, иди вон там в магазин и возьми себе новый костюм и ботинки). Потом говорит один другому: «Отпровадзь пана, покаж, гдзе ест склеп» (проводи господина, покажи, где магазин). Я рад тому, что могу от них освободиться, попрощался с провожатым через железнодорожные пути, он показал, где магазин, я поблагодарил и поехал не к магазину, а незаметно повернул на дорогу по направлению на Папенбург.

Немного проехал и опять остановили меня два польских солдата, потребовали документы, посмотрели, спросили, откуда я родом, я отвечаю: с Волыни. Удивленно смотрят и говорят: «Значит ты бендеровец, или власовец?» «Да нет,-говорю,- я работал в Вейнере на заводе, разве я могу быть власовцем?»

Один понес мой документ на проверку в штаб, а другой остался со мной. Через несколько минут выходит, отдает мне «аусвайс» и говорит: «Маш, пан и умыкай, пуки не сцемняло, а сцемнее – достанеш в лэб» (держи, пан и проваливай отсюда, пока не стемнело, а стемнеет – получишь в лоб). Слава Богу,-подумал я,- что и здесь обошлось благополучно. Сел на велосипед и –вперед! Ведь впереди еще двенадцать километров, а на улице начало темнеть, нужно торопиться, не то, на самом деле, можно будет получить в лоб. Пока доехал до Папенбурга, совсем стемнело, на улицах патрули, часовые, никакого хождения по улицам нет, но когда мне нужно было проезжать мимо патруля, или часового, я издали поднимал руку и громким голосом приветствовал его «Чолэм, чолэм!» (привет, привет). Таким образом проехал весь город и никто меня не остановил. Только замечу, что хотят остановить, я сразу говорю им это волшебное словечко «чолэм» и все в порядке, поехал дальше.

Когда вернулся и вошел в дом, все вздохнули с облегчением, особенно сестра Вера очень беспокоилась, думала, что я где-то пропал,ведь для разведки мне необходимо было проехать всего-навсего семь километров,но чтобы удрать, нужно было сделать двадцать пять километров. И так прошел весь день и настал вечер, а меня все нет и нет. Пришлось рассказать Вере все подробно, как чудно Господь провел меня в этом дне, сохранил от смерти и возвратил опять домой. За это мы сердечно поблагодарили Господа.

Несмотря на мою первую неудачную разведку, я решил повторно поехать, но только не к железнодорожному мосту, а к временному деревянному переходному мосту, ближе к Папенбургу. Я не мог успокоиться до тех пор, пока не увижусь с сестрами и не узнаю об их судьбе. Вот это и побуждало меня не сидеть сложа руки и ожидать какого-то распоряжения от

военных властей, а рисковать, подвергаться опасности и искать своих рассеянных «овец». И вот я поехал. Перешел через переходный мост и взял направление на Вейнер. В город въехал со стороны Голландии и первая, ужасная картина, которую я увидел на улице города – два детских трупа, дети лет восьми-десяти, которые не успели вбежать в дом во время обстрела и были убиты перед порогом своего дома. Никто эти трупы не убирал, они лежали на бугорке, возможно у них не было родителей, а может быть родители еще и не знают, что их дети убиты... И эта картина, несмотря на то, что с тех пор прошло уже около пятидесяти лет, до сих пор стоит у меня перед глазами. Тут же рядом, на тротуаре, у стены сидели и грелись на солнышке, с автоматами в руках, два американских солдата. На головы надели черные, высокие немецкие цилиндры (шляпы) и весело о чем-то болтали. Проезжая мимо них, я хотел ехать дальше, но они остановили меня. Не поднимаясь со своего места, начали разговаривать со мной на чистом украинском языке. Это меня очень удивило. Оказалось, что они американцы, украинского происхождения. Поговорили немного и я уехал дальше. На улицах города только военные, местных жителей нигде не видно, все сидят по домам и по подвалам. Зашел в дом Тэгазборг, а там полно американских офицеров. Наверное здесь штаб,- подумал я. Они решили, что я хозяин и что-то спросили меня, но я ничего не понял, посмотрел, что хозяев нет и, не теряя времени, поехал в бывший свой лагерь искать сестер. И вот я в лагере. Прохожу среди бараков, нигде ни души, полнейшая тишина, как-то жутко стало от такой мертвящей тишины. Прошел через один барак, второй – везде пусто, никого нет. Зашел в столовую и смотрю через окно: рядом со столовой, во рву, лежит убитый Ваня, осколок ему попал прямо в лоб. Вышел я на улицу, подошел к нему, пригляделся и увидел на лбу рану. Невольно мне пришла в голову мысль: наверное, Бог наказал его за то, что он так много выступал против Бога, мешал много и мне в духовной работе. Быть может я ошибался, думая так, ведь только Бог знает, почему так случилось. Все же мне было жаль молодого человека, который пережил все трудности лагерной жизни и во время освобождения погиб. Прохожу дальше в мужской барак, здесь тоже живых никого нет, а когда вышел на улицу, нашел двоих, лежащих недалеко от барака, подошел к ним, но они были уже мертвые. Это были: Стасик, поляк лет двадцати восьми и бедный шестнадцатилетний курский мальчик, который всегда ковырялся в мусорных ящиках, ища пищу – какие-нибудь отбросы из кухни, чтобы чем-нибудь утолить голод. Да, жалко ребят, ведь им оставалось всего пережить обстрел этот и были бы на свободе, но жизнь каждого человека в руках Божиих, Он назначает ему время обитания его на земле (Д.Ап.17:26). Трудно нашим лагерникам пришлось пережить этот обстрел. Американцы, видимо, посчитали, что это бараки немецких солдат, поэтому подвергли их такому сильному обстрелу. Я недоумевал: где же делись люди из лагеря? Неужели все разбежались по селам? Решил проехать на завод и, когда выехал за лагерь, издали заметил возле завода, у бомбоубежища людей. Они с удивлением, издали смотрели на меня и никак не могли поверить, что это я, но когда подъехал ближе – сразу узнали меня и все закричали: « Володя едет!» Услышали и те, которые были в бомбоубежище, выбежали на улицу, приветствуемса, радуемса встрече; они меня встречали, как астронавта, побывавшего на луне. Особенно радовались сестры, вместе с ними радовался и я, что Господь в такой страшный час сохранил нас всех в живых. Начали спрашивать меня, когда меня освободили, как добирался к ним и многое другое, а потом мне рассказали о том ужасе, который им пришлось пережить при обстреле лагеря.

Когда посыпались снаряды на наш лагерь,- говорили они,- то людьми овладела паника: все это было так неожиданно, никто не мог подумать, что нас, гражданских иностранцев, подвергнут такому обстрелу. Одни бегали по двору, как оглашенные, не зная, куда деваться. Ваня был в столовой, выпрыгнул через окно на улицу и спрятался в ров, но было поздно: он уже был ранен, там он и скончался. Так же и те двое, которые погибли. Таких на улице было много, а вот этих троих, своих ребят, жаль, ну, что ж, такая их судьба.

Дальше продолжала рассказывать сестра из Харькова, Раиса Мерцалова, говоря: «Когда начался грохот от разрыва снарядов, я была в бараке и видела, как Андрей, тот храбрец, герой, который всегда ругался в Бога, вбежал перепуганный в коридор и, поднимая руки к небу кричал, повторяя раз за разом: Господи, спаси! Господи, спаси! Я всецело уповала на Бога, - продолжала говорить Рая, - но, как говорится в пословице: «береженного и Бог бережет». Мы, верующие, тоже страшно испугались, залезли под кровати и молились, а неверующие, услышав нас молящихся, приползли к нам, надеясь на то, что Бог защитит и сохранит нас, верующих, и вместе с нами и они останутся в живых. Они все время просили читать Евангелие, молиться и за них, и я подумала: вот, когда им нужен Бог, когда смерть заглянула в очи, но мы и тому были рады, что они, хотя в такой критический момент пожелали, чтобы о них молиться. И мы искренно взывали к Богу о Его защите, а они повторяли за нами каждое слово нашей молитвы и Господь услышал, проявил милость к нам и сохранил нашу жизнь.

Слушая всю эту трагическую историю, я вспомнил верную пословицу: «Пока гром не грянет, мужик не перекрестится».

Только после всего услышанного и увиденного в лагере, о всех ужасах во время обстрела, я понял, что через тех немецких солдат, которые на противоположном берегу не пропустили меня сюда через реку Эмс, Господь спас мою жизнь. Ведь как раз в то время, когда американцы били по лагерю, я был на другом берегу и просил немцев переправить меня в мой лагерь. И, если бы они послушали меня, то я мог бы здесь погибнуть.

Я спросил: а где остальные сестры? Они ответили, что те заблаговременно, за неделю до обстрела, оставили лагерь и ушли в села, а где они сейчас – сестры не знали. После краткой беседы, мне нужно было торопиться, чтобы пораньше возвращаться обратно и не попасть в неприятность. Сестры решили быстренько покормить меня из тех запасов, которые они взяли в бомбоубежище из кладовой немецкой кухни. Вместе разделили трапезу из сухих продуктов и наше краткое общение приближалось к концу. Предложили мне на дорогу кое-что из продуктов, но я не стал брать, поблагодарил за гостеприимство, попрощался, предав их в руки Бога. Уходя, предложил им быть на месте и ждать моего ближайшего следующего посещения, чтобы увезти их в какой-нибудь пересыльный лагерь.

А потом появилось у меня еще одно желание: поехать в село Колингорст и разыскать братьев Онуфрия и Андрея, чтобы и они присоединились к нашей группе и, чтобы всем вместе, направляться домой на Украину. Раз пришла такая добрая мысль, значит необходимо ее осуществить. Расспросил хозяев, через какие села нужно проехать, чтобы добраться до Колингорста, сел и поехал. Долго пришлось блуждать полевыми дорогами, хотелось сократить путь, но получилось наоборот. Слава Богу, хоть и с трудом, но все же добрался. Братья были очень рады, что, несмотря на такое большое расстояние, аж из-за Бремена, я заехал к ним, чтобы увидеться друг с другом и вместе прославить Господа. Для этого брат Онуфрий уже договорился с одной бедной сестрой-немкой, жившей на хуторе. Она была солдатка, а может быть уже и вдова, чтобы в ее избушке провести собрание и она согласилась. В такое опасное время, когда в селе стрельба, строчат пулеметы, то здесь на хуторе место казалось более безопасным, поэтому и людей собралось душ пятнадцать – верующих и неверующих, каждый спешил удалиться в безопасное место и быть ближе к Богу. Богослужение в такой обстановке проходило благоговейно: со страхом читали соответствующие места Слова Божия, искренне, сердечно молились. Все служение сопровождалось духовным пением и каждый ощущал близость Божию. Все было бы хорошо, если бы не американский солдат, который нарушил наше святое общение во имя Господа. Он вбежал в дом и начал что-то кричать и размахивать пистолетом. Хозяйка сильно испугалась, дети подняли плач, а он продолжал кричать. Мы старались его как-то успокоить, говорим, что мы люди верующие и у нас сейчас проходит богослужение. Но никакие уговоры, никакие просьбы не помогли: он, как сумасшедший,

угрожая нам пистолетом, выгнал нас на улицу. Мы еще немного сопротивлялись, особенно брат Онуфрий, но он с криком нацелил на него свой пистолет. Пришлось смириться, хотя, рассуждая по-человечески, можно было его усмирить: скрутить, отнять пистолет, а дальше что? Прикончить? На это христианин не имеет права, не этому учил наш Господь, а наоборот, Он говорит: «...любите врагов ваших»(Мф.5:44). Апостол Павел, исполненный Духом Святым, говорит: «Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию»(Рим.12:19). К сожалению и к стыду нашему, нам пришлось оставить бедную сестру с детками в ее беде и уйти. Жаль было смотреть не ее испуганный вид, на ее глаза, полные слез, на ее умоляющий взгляд, как бы говоривший: не оставляйте меня одну с детками!

Мы ушли с тревожными мыслями и долго не могли успокоиться, чувствовали себя виновными и всякий раз, при воспоминании этого случая, ощущалась на сердце горечь.. Нам неизвестно было, с какими мыслями и намерениями этот американский солдат так по-зверски действовал и поступал, но догадаться было можно, что цель его была – не ограбить, или убить, а просто удовлетворить свои животные страсти, а мы были ему помехой.

Пришли мы в село и я предложил братьям Онуфрию и Андрею отправиться со мной в Вейнер к сестрам, а потом всем вместе добираться на родину. Андрей решил задержаться в своей компании, а Онуфрий согласился ехать со мной и пока он собирался в путь, я решил проведать бывших своих хозяев. Когда я подъехал к их дому, оказалось, что через дорогу в кустах пулеметчики, готовые к дальнейшему наступлению. Потом вышел хозяин и посоветовал мне поскорее уйти подальше от этого места, так как здесь предвидится бой. Вместо того, чтобы пригласить меня в дом, покормить и отправить сытым, он побоялся за мою жизнь и поспешил отправить меня в безопасное место. Ну, что ж, задерживаться здесь нечего, нужно ехать в общежитие, поторопить Онуфрия и возвращаться обратно в Папенбург, а расстояние не меньше двадцати пяти километров. Онуфрий уже был готов к отъезду и мы двинулись в путь. Ехали не торопясь, потому что я уже порядком устал. По дороге заехали к одному хозяину купить молочка, чтобы подкрепиться и утолить жажду и так, к вечеру мы приехали к сестре Вере на нашу временную квартиру.

Следующая моя поездка была в неизвестные села, нужно было разыскать Полину. Где она и в каком селе – Вера не знала, знала только, что по другую сторону Вейнера. На сей раз я был уже не один, со мной согласился ехать и брат Онуфрий. Вдвоем всегда лучше, ведь в дороге все может случиться, а тем более в военное время, в местности, где только что прошли бои.

Хозяин Веры, как узнал о нашем намерении ехать в розыски, сразу предупредил нас, что в портовом городе Эмдене немецкие войска открыли шлюзы, сорвали дамбу и вода залила всю местность. Все луга и дома, которые были на низких местах, стоят в воде и только главными дорогами можно будет продвигаться. Вести не утешительные, а ехать необходимо. Онуфрий, слушая мои высказывания, говорит:

-Ну, що ж, потрібно їхати, не будемо чекати, доки вода стече.

Я подумал: как хорошо, что у меня такой смелый и решительный напарник. Обращаюсь к нему и спрашиваю:

- Значит, поедем?

- Поїдемо! – громко ответил Онуфрий.

Да и как не ехать, ведь сестра где-то одна, на отшибе, может быть и выбраться не может. Будет ожидать, пока спадет вода, останется одна, а мы все уедем и потом нас будет мучить совесть, что не позаботились отыскать «заблудшую овцу». На другой день пораньше встали, позавтракали, проверили велосипеды, подкачали и поехали на переходной мост, направляясь на Вейнер. Проехали город и еще несколько километров за город и начали спрашивать людей, нет ли в их селе рабочих с завода Клятте? Отвечают: «Нет»

Едем дальше, кругом вода, луга залиты водой, а на лугах, как острова, стоят в воде дома, хозяйственные постройки. Местами вода доходила почти до самого дорожного полотна. Через

каждые два-три километра останавливались и расспрашивали людей – все бесполезно. И только, когда проехали километров десять-пятнадцать один хозяин указал нам хозяйство, примерно в километре от дороги. Дом стоял немного выше, но все хозяйственные постройки были в воде. Он сказал нам, что в этом доме они видели недавно прибывшую какую-то девушку, а как звать ее – не знали. Мы поблагодарили, рассказали, откуда приехали и что ищем нашу девушку, чтобы вместе ехать домой на Украину. Но вот вопрос: как туда добраться? Хозяин понял нашу проблему и предложил нам свою лодку. Мы оставили велосипеды во дворе, а сами сели в лодку и поплыли. Гребцы из нас были неважнецкие, лодкой мы никогда не управляли, выросли в селе, где водоемов никаких не было и долго нам пришлось добираться до этого дома.

По пути, то здесь, то там лежали в воде туши убитых коров – это были следы недавно прошедшего боя. Наконец приплыли, с тревогой вошли во двор, здесь ли Полина, застанем ли ее дома? Хозяйка-старушка вышла нам навстречу, мы поздоровались с ней: «Гутэн таг» (добрый день) и спросили: живет ли у вас Полина? Она ответила: «Да, Полина у нас живет, но ее нет дома, она прошла другой стороной, где меньше воды и пошла в Вейнер, а когда придет, не знаю». «А где ее вещи? – спросили мы. Она с удивлением посмотрела на нас, почему нас интересуют ее вещи и нам пришлось объяснить ей, что мы приехали забрать Полину, она наша сестра во Христе и мы хотим вместе ехать домой на Украину.

- Если вы можете нам доверить ее вещи, то мы заберем, а в Вейнере найдем Полину, отдадим ей вещи и вместе пойдем в пересыльный лагерь.

Хозяйка вынесла нам сумку с вещами Полины и мы поплыли обратно к дороге, поблагодарили хозяина за лодку, подкачали велосипеды и направились в Вейнер. Ехали и рассуждали, как бы нам не разминуться с Полиной, ведь она должна возвращаться обратно и, вообще, где мы будем искать ее? Подъезжая к Вейнеру, смотрим: идет навстречу Полина. Остановили ее: «Пошли с нами, вот твои вещи, будем держаться своей компании, чтобы вместе ехать домой».

И так, Полина оказалась вместе с нами у сестры Веры. Мы все поблагодарили Бога, что Он благословил наш путь и даровал опять быть вместе. Нам предстояла еще одна поездка в Вейнер: проведать семью Тэгазеборг, еще раз поблагодарить их за проявленную заботу о нас, попрощаться с ними, а на обратном пути заехать на завод забрать из бомбоубежища наших сестер. Вот мы и решили, не теряя времени, на другой день, поехать, чтобы осуществить свои добрые намерения.

Приехали к нашим друзьям, а они какие-то печальные, грустные. Спрашиваем: в чем дело, что случилось, почему вы такие скучные? Они отвечают:

- У нас русские ограбили магазин, разбили витрину, выломали дверь и все забрали. Это произошло после боев, мы сидели в подвале у дяди, они нам не разрешали выходить на улицу, а сами ходили по городу и грабили.

Сильная обида была у них на наших людей, магазин для них был источником дохода, за счет него они могли жить, а что будет теперь?

- Может быть мы можем вам чем-то помочь?

- Да,- говорят,- нужно пойти в магазин заколотить двери. Возьмите с собой детскую коляску, как-то незаметно зайдите во двор, откроете сарай, в нем лежат тюки мануфактуры, грузите их и везите к нам в подвал. Езжайте сами,- сказала Сюзи,- с вами я не пойду, боюсь выходить на улицу, а вас никто не тронет, идите смело.

За несколько ходок мы перевезли все в подвал и нам было радостно на душе, что могли хоть немного помочь этим добрым людям в их беде. Оставил им резиновые сапоги, которые я прихватил с собой. И так, помаленьку, я начал освобождаться от тех вещей, которые взял на чердаке и за которые меня осуждала совесть: один костюм отдал Онуфрию, другой Андрею и с каждым разом не только чемодан становился легче, но становилось и легче на душе.

Поблагодарил еще раз хозяев за их доброту, распрощался и поехали на завод за сестрами.

Сестры очень обрадовались, что и для них пришел желанный день освобождения, когда они, раз и навсегда оставляют завод и лагерные бараки. Прощаясь, они пожелали своим друзьям, с которыми находились в бомбоубежище, благополучного и скорого возвращения на родину, а те смотрели на нас, уходящих и, наверное, думали: как хорошо богомольцам, что о них есть кому позаботиться.

За эти несколько дней после боев была налажена паромная переправа через реку рядом с железнодорожным мостом и мы повели сестер на паром, переправились на другой берег и пошли к Вере на свой сборный пункт. Некоторые наши сестры оказались за рекой в одном сборном лагере, это тоже было недалеко от Папенбурга и мы рассчитали время, что в этот же день успеем съездить в тот лагерь, чтобы и оттуда забрать сестер. На это много времени нам не понадобилось, приехали в лагерь, разыскали наших вейнерских людей. Они вызвали сестру Ольгу Ворошилову, она позвала других сестер, я предложил им уйти с нами в другой лагерь. Радостной была наша встреча, но не надолго: на улице темнело и нам нужно было торопиться, поэтому мы перешли к деловому разговору.

К сожалению, не все сестры согласились уйти с нами, некоторые решили оставаться со своими земляками. Туда мы заехали быстро, а вот обратно пришлось идти пешком и пока мы пришли к Вере, чтобы оттуда всем вместе идти в город в сборный лагерь, было поздно и по городу в такое время ходить строго запрещалось. Мы шли через центр города, проходили мимо комендатуры и здесь военные остановили нас и не позволили идти дальше, а завели в свое помещение и предложили оставаться у них до утра. Нам очень не хотелось здесь ночевать, мы рассчитывали сегодня добраться в лагерь, но ничего не поделаешь — военное положение, комендантский час, пришлось подчиниться и заночевать. Ночлег был беспокойным: спали просто на полу, без матрасов и всю ночь одному из нас, попеременно, приходилось дежурить, чтобы кто-либо из военных не сделал какой-нибудь неприятности, потому что они всю ночь прохаживались по нашей комнате и кто знает, с какими мыслями.

Утром поспешили в лагерь и когда пришли, то увидели, что там полнейшая анархия: кто что хочет, то и делает. Ребята поселяются в бараки вместе с девушками, лучшие места все заняты. Мы посмотрели, что нашим сестрам здесь не место, нужно искать другое, чтобы быть всем вместе. Искать долго нам не пришлось: из общего зала была куда-то дверь, она была заперта. Мы применили немного усилий и она открылась. Оказалось, есть подходящее место, хватит для всей нашей группы. Одно неудобство: комната тесная, нет окна, но ничего. Забронировали мы эту комнату, сестры остались, а мы с Онуфрием пошли искать кровати. Подошли к складу, посмотрели в дверную щель и увидели то, что искали, но и здесь препятствие: дверь была закрыта на замок, замок был большой, висячий. Нашли кусок арматурного железа в виде ломика, заложили, куда было нужно, потянули и без особенного усилия, скоба вылезла вместе с замком. Натаскали в комнату железных кроватей, поставили в два этажа, потом нашли пилу, вырезали в стене небольшое окошко и — все в порядке, никто нас не беспокоил.

Но появился какой-то начальник, увидел, что мы заняли это помещение, прорезали дыру и нанесли кроватей и вознегодовал, хотел нас выселить, пошумел немного и успокоился. Долго расспрашивал, кто в складе сорвал замок, но виновного не оказалось. Через несколько дней пришло распоряжение переезжать дальше в другой лагерь. Подогнали американцы свои крытые брезентом «Студебеккеры» и начали грузиться. Я с Онуфрием садились последними: нам жаль было оставлять свои велосипеды и у нас возникла проблема: как их забрать? В кузове места не было и мы ухитрились привязать их к заднему борту и так удачно довели наши велосипеды в новый лагерь с тем расчетом, что они нам еще пригодятся.

Здесь был лучший порядок: были отдельно мужские бараки и женские. По всем признакам раньше здесь был концентрационный лагерь, вокруг два ряда из колючей проволоки, наблюдательные вышки, а посередине лагеря был молитвенный дом. Однажды мы с Онуфрием зашли в этот дом и обнаружили в одном углу выброшенные со шкафа новые Евангелия на

немецком языке, наверное, около сотни штук. Жаль было оставлять Евангелия здесь и, чтобы их не уничтожили, мы решили завезти в село и отдать верующим людям для распространения. Вот тут-то и пригодились нам наши велосипеды. Упокавали все эти книги, привязали к велосипедам и повезли в ближайшее село. Заехали к одному богатому хозяину, показали свой клад, рассказали, где мы нашли эти Новые Заветы и предложили взять их и раздать людям, чтобы люди читали и жили так, как написано в этих Священных книгах. Хозяин был верующий, он с радостью взял книги, поблагодарил и, когда мы собрались уезжать, он предложил нам на минутку задержаться, а сам пошел в дом и принес нам два больших куска сала. Мы сердечно поблагодарили и поехали обратно.

Питание здесь было лучше, чем в лагере в Папенбурге, почти все продукты были американские, выдавали сухим пайком в консервах: сосиски, мясо, рыба, сгущенное молоко и многое другое, всего было вдоволь. Но, когда мы привезли сало, то все обрадовались, что смогут попробовать самой вкусной для украинца пищи и, хотя по маленькому кусочку, но досталось многим.

Здесь наша группа пополнилась новыми братьями и нам стало веселее, отраднее; стало больше проповедников, певцов. Да и я был рад, что имею возможность полностью освободиться от несправедливого богатства, от своей ноши, которая была взята мною там на чердаке и давила не только руки, но и душу. Все раздал братьям и стало так легко на сердце!

Богослужения проводили ежедневно в бараке, приходило много слушателей, некоторые заинтересовались Словом Божиим, мы проводили с ними беседы и они присоединялись к нам. Основная масса людей собиралась на площади, появились музыканты, устраивали танцы, гуляния и так проводили время. Однажды на таких забавах мы заметили молодого скрипача, который виртуозно играл. Он привлек к себе наше внимание и мы решили молиться о нем, чтобы он своим талантом прославлял Господа. Пригласили его на беседу, ближе с ним познакомимся и во время нашего пения попросили, чтобы он нам аккомпанировал и это у него получилось хорошо. Оставили пение и начали беседовать и убеждать его, чтобы он использовал свой инструмент и способности во славу Божию, а не для танцев.

Его звали Виктор Шабанский, по национальности белорусс. Долго убеждать его нам не пришлось: Дух Святой побудил его дать свое согласие служить Господу. Мы вместе с ним поблагодарили Бога, что Он коснулся его сердца и попросили благословения на его труд. Мы были очень рады, что в своей среде имели скрипача, а вся остальная уличная публика сожалела и недовольствовалась на нас, что мы сагитировали Витю и теперь у них нет скрипача. Сколько они нас ни просили, чтобы Витя поиграл им на танцах, но он после своего твердого решения служить Господу никогда не играл им.

Однажды перед собранием мы пели, а Витя подбирал на скрипке мелодию и во время перерыва он начал наигрывать мелодию духовной народной песни «Христос вышел с храма», мы прислушались и спросили, откуда знакома ему эта мелодия? Он ответил:

- Мой дедушка был верующим и он часто пел эту песню, а я слушал и вот теперь вспомнил.

С тех пор, как Витя присоединился к нашей христианской группе, пение гимнов на служении сопровождалось на скрипке. Неверующие проводили свое время распутно, некоторые особенно стремились привлечь к себе внимание и однажды одна супружеская пара поспорили между собой, муж разозлился, порезал подушки и вытряхнул на улицу все перья и на всей территории лагеря поднялась пуховая метель.

Между молодыми людьми были разные разговоры и мнения: одни хотели, чем побыстрее попасть на родину, а другие наоборот, опасались возвращаться, чтобы за измену родине не попасть в Сибирь. Этому боялись, в первую очередь бывшие военно-пленные и те, кто уклонился от мобилизации. Советские власти знали, что многие провинившиеся перед родиной будут стараться остаться на Западе и ухать в любую капиталистическую страну, лишь бы не

возвращаться в Союз. С этой целью они направляли с русские лагеря, особенно в те, которые заняли войска союзников, своих офицеров, агентов, которые агитировали людей возвращаться на родину. Помню, как и в наш лагерь приехали такие «заботливые» офицеры, собрали на площади народ и всячески убеждали людей возвращаться домой, восхваляли товарища Сталина и призывали:

- Товарищи! Вас ждет родина, ждут ваши родные, не бойтесь ехать, товарищ Сталин всех прощает, товарищ Сталин сказал: всех наших людей доставить в свою страну, даже и тех, кто без головы.

Прожили мы в этом лагере три-четыре дня и прибыла целая колонна крытых брезентом американских «Студебеккеров», несколько «Виллисов» (легковые военные машины, похожие на современных «Джипов»), на них были установлены пулеметы, предназначенные для охраны колонны. Ехали мы под такой охраной спереди и сзади из под Голландии аж под Бремен, до города Дальменгорст и там поселили нас в авиагородке, недалеко от города.

Народа свезли туда очень много, все дома были заняты, многим, в том числе и нам, пришлось жить в ангарах (гаражи для самолетов). Я очень хотел со своей группой присоединиться к бременским друзьям и чтобы нам всем вместе принять крещение. И вот мы с братом Онуфрием решили пойти в Бремен разведать, как и где они там, в своем ли лагере, или где-то в другом. Одним словом, прежде, чем вести свое «стадо», необходимо было тщательно разведать. Поскольку до Бремена было около пятнадцати километров, а добираться нужно было пешком, так как свои велосипеды мы оставили в лагере под Голландией. Вышли мы пораньше, чтобы успеть вернуться обратно. Благополучно и скоро дошли мы до Бремена и сразу направились в знакомый мне лагерь, где когда-то они жили и где мы проводили собрания. Но там наших друзей не оказалось. Нас направили в сборный лагерь и послали с нами провожатого, поскольку город нам не знаком.

Бремен мы проезжали, когда нас везли в Голландию, мы тогда смотрели и восхищались его красотой, а вот теперь, проходя, видим одни развалины, обгоревшие остовы зданий – все уничтожено! Сколько там было мостов через реку Вейзер и каких красивых – все было уничтожено, остался только один железнодорожный мост, через который мы смогли пройти в нужный нам район города. Недалеко от моста мы увидели воронку от десятитонной бомбы, радиусом более десяти метров и, когда мы подошли ближе, чтобы посмотреть ее глубину, мы увидели, что на дне воронки была вода, поэтому глубину воронки трудно было определить, но, наверное, не меньше пяти-шести метров. Немного дальше стояло большое наземное железобетонное бомбоубежище. Сброшенная бомба не попала в цель, а только отвалила угол убежища и вырыла большую воронку. Из этого можно сделать вывод, что бомбардировщики и этот железнодорожный мост хотели разбомбить, т.к. бомбы падали рядом, но не попали в цель.

Добравшись до лагеря, мы рассказали братьям, что у нас есть группа приближенных верующих, около двадцати душ, мы находимся возле Дельменгорста и хотели бы присоединиться к ним. Братья обрадовались, что их церковь пополнится таким количеством приближенных душ. Они уже давно знали из моего рассказа, что у меня есть такая группа, об этом я им говорил, когда посещал их собрание. Зашли посмотреть зал, в котором они расположились. Раньше здесь в этом помещении была столовая, а также этот зал использовали для различных мероприятий, а сейчас она не нужна, потому что продукты выдают сухим пайком и варит каждый себе. Это был большой зал, разделенный шкафами. В одной половине жили сестры, а в другой – братья. На возвышенности перед сценой стоял длинный ряд столов для братской трапезы. Высоко над столами, на фоне прекрасной картины, на сцене большими буквами был написан текст из Слова Божия: "Господня земля и что наполняет ее..."(Пс.23:1), здесь же они проводили свои богослужения.

Нам очень понравилось все это и мы еще больше загорелись желанием, как можно скорее, переселиться сюда в эту христианскую семью. Братья обещали помочь нам в переселении, они

предложили сестрам пойти с нами, чтобы забрать вещи наших сестер и, чтобы как-то незаметно их вывести из лагеря. После обеда, в три часа, мы отправились в обратный путь и с нами несколько сестер.

Под вечер мы пришли в наш лагерь, сестры наши встретили нас, радушно приняли гостей, познакомились, побеседовали, обсудили план ухода наших сестер, поскольку из лагеря уходить не разрешалось и в этом заключалась вся проблема. Не разрешали уходить из лагеря потому, что начали поступать жалобы начальству лагеря от местного населения, что русские занимаются вымогательством, требуют пищи и подобное действительно имело место, поскольку в лагере плохо кормили и люди вынуждены были искать себе пищу.

Рассказывали, что еще до нашего приезда здесь были стычки с местным населением на ближайшем хуторе. Наши парни пошли искать добычу – уводить скот, резать на мясо и, когда однажды такая охота оказалась удачной, то и на другой раз решили поохотиться. Но во второй раз их постигла неудача: хуторяне-старики организовались между собой и, когда увидели наступление наших парней, то они схватили вилы, косы, топоры – кому что попало под руку – и прогнали грабителей. Так, что плохое лагерное питание тоже было причиной ухода из лагеря, а кроме того, появились другие христианские течения, которые могли отрицательно повлиять на моих сестер.

Еще с вечера мы договорились, как будем действовать завтра. Каждое утро мы ходили к ручейку мыться и заблаговременно присмотрели место, где можно будет перейти на другой берег, чтобы там в кустах спрятать свои чемоданы. Так и сделали: вечером, под покровом темноты, мы отнесли чемоданы за ручей и спрятали в кустах с тем расчетом, чтобы утром, когда пойдем мыться, не возвращаться в ангар, а перейти ручей, взять спрятанный чемодан и незаметно пройти лугами подалее от лагеря, а потом выйти на трассу в направлении Бремена. Сестрам нужно было проходить через проходную и вынести свои чемоданы не было никакой возможности. Пришлось применить другой способ: они решили оставить чемоданы, а лучшую одежду одеть на себя, одеть на бременских сестер и, провозжая гостей, выйти за лагерь и незаметно уйти совсем.

Наш вечерний план выхода из лагеря утром был полностью осуществлен. Все мы, по нашей договоренности, встретились в городе у дяди нашей дельменгорской сестры Дины Шивы. Наша цель была не только проведать ее, сделать там привал, но и забрать с собой в лагерь, чтобы быть вместе, а потом, не разлучаясь, ехать домой. И, когда мы открыли им цель нашего посещения, тут они воспротивились: дядя всячески не соглашался отпустить Дину, мотивируя тем, что сейчас могут быть всевозможные трудности, что нужно подождать, а тогда...

Мы настаивали на своем, а бедная Дина стоит и молчит, не зная, как поступить и что сказать. Ей жаль оставлять дядю, тетю и домой хочется, а мы все стоим и ждем ответа И, в конце-концов Дина согласилась идти с нами. Быстро поели, помогли ей собрать необходимые вещи, сложили в чемодан, на прощание дядя совершил молитву, предал нас в руки Господа, простились, сдерживая слезы разлуки. Дядя с тетей немного проводили Дину и мы скрылись друг от друга.

Все бременские друзья радостно встретили нас, началось знакомство – все так ново и интересно! Только одно нас опечалило: пока мы прибыли, кто-то из лагерной администрации дал указание нашим друзьям переселиться в другое, менее удобное помещение, чтобы освободить столовую для проведения культурных мероприятий. Предоставили им две комнаты и небольшой зал, было тесновато и, поскольку добавилось людей, братьям пришлось ставить кровати в два яруса. Но, как говорится: в тесноте, но не в обиде. Итак, наша христианская семейка возросла до восьмидесяти душ. Сестры имели свою спальню, а братья свою. А, кому не хватало места, те спали в зале на столах и на полу. Продуктов хватало для всех: братья не дремали и не ленились. Когда город был освобожден, было безвластие, братья воспользовались моментом и ходили добывать продукты. Склады в городе были открыты: бери, что хочешь,

только не ленись. Не знаю, как они чувствовали себя, когда брали то, чего не ложили. Может быть они были спокойны, но лично мне пришлось горько от угрызений совести за подобный мой поступок. Конечно, без запаса костюмов можно жить, но без пищи – никак, поэтому в одном случае есть немного оправдания, а в другом только осуждение.

Продуктов братья запасли очень много. Однажды брат Алеша похвастался передо мной своим запасом, чтобы мы не беспокоились, что станем ихними нахлебниками. Он повел меня в комнату, которая служила спальней и кладовой и показал мне все: бочку с каким-то винегретом из красной свеклы, перемешанной с тюлькой, бочка повидла, масло сливочное, макароны, рис, сахар, сушеная рыба и много других продуктов – все было разложено по шкафам. Кроме того, еще американцы давали нам хороший сухой паек. И когда, через пару недель поступило распоряжение собираться к выезду, то братья раздали эти свои продукты всем, чтобы иметь запас и чтобы не пришлось голодать в дороге.

Первые дни мы были, как гости. Нас не включали в график для выполнения каких-либо работ. Но, пользуясь такими привилегиями, нам было как-то неловко и мы старались активно помогать во всех делах. Для приготовления пищи были свои повара, которые подменяли друг друга, а в помощь им назначали двух братьев. Готовили пищу прямо на улице в больших котлах: один для первого блюда, а другой – для второго, а братья снабжали водой и топливом. Каждое утро мы еще спим, а повара и дежурные уже занимаются своим делом. Только успеем подняться, умыться, спеть совместно псалом «От сна восставши», прочитать Слово Божие и совершить общую молитву, как раздается команда дежурного готовиться к завтраку. Было у нас два длинных стола и, чтобы всех обслужить, нужно было два раза, по очереди, садиться за столы. Сорок человек едят, а другие сорок в это время поют гимны, а потом – наоборот. И так, с веселием, в христианской простоте принимали пищу.

Выше я уже упоминал, что братьями было установлено ежедневно проводить богослужения, во время которых все принимали активное участие: одни служили Словом, другие читали стихотворения, рассказы, пели соло, дуэты и дружным общим пением духовных гимнов и молитвами. Руководил служением пресвитер Ликсон Эдуард Казимирович, а помогал ему Алеша Петренко. Брат пресвитер, Алеша и другие братья-члены церкви проводили библейские занятия с теми, которые желали принять крещение, а таких, кто бы не желал принять крещение в нашем обществе вообще не было, так что все готовились стать членами церкви. А неверующая публика проводила свое время праздну, но потом в их среде появились люди, которые взялись организовывать занятия по военной подготовке. Не знаю, кто их уполномочил на это, может быть они сами решили, но они давали команду всем мужчинам выходить на построение, заставляли маршировать с песнями. Мы два раза были на таких занятиях, но маршировали отдельно своей группой и пели маршевые христианские гимны, например: «Мы бодрей на жизненном пути пойдем», или «За евангельскую веру», а в дальнейшем нас оставили в покое.

Каждый из членов нашей христианской семьи желал иметь в своих альбомах памятные записи об этих прекрасных днях нашего общения. Для этой цели мы приобрели блокноты, или альбомы, чтобы каждый мог написать друг другу свои пожелания, вписать любимое стихотворение, или любимый псалом. И я думаю, что эти блокноты с памятными записями у некоторых друзей сохранились и до сего дня на протяжении пятидесяти лет.

Свободное время проводили непринужденно, кто как: одни целыми группами шли в парк гулять, плавать на лодках, пая и восхваляя своим пением Творца и эхо нашего пения разносилось на весь парк. Другие сидели в парке на скамейках, изучали Слово Божие, готовясь к крещению, а третьи просто прохаживались по аллеям парка, любовались природой. Ведь все кругом так захватывающе красиво, что не хотелось уходить. И так почти каждый день мы проводили свободное время на природе, наслаждаясь ее чарующей красотой. Это были

незабываемые дни Фавора и хотелось, чтобы они продолжались всегда, но, к сожалению, они оказались очень короткими — всего немногим более двух недель.

Основное событие для нас в этом парке, это крещение многих душ в маленькой речушке, притоке большой реки Вейзер. Две группы молодежи заключили завет с Господом, посредством водного крещения. Еще до нашего переселения сюда в пересыльный лагерь, в этом парке приняли крещение более двадцати пяти душ. Другая группа, в количестве семнадцати душ, на берегу этой речушки, в этом же парке проходили испытание из Слова Божия, а потом принимали крещение. Она состояла, в основном, из моих вейнерских приближенных сестер и мне было очень радостно и приятно, вместе со своей паствой, дать обет Господу доброй совести (1 Пет.3:21). Это было исполнением моей давней мечты: всей своей группой принять святое водное крещение, дабы с новыми сердцами, с новыми мыслями и новым стремлением и, вообще, новыми людьми возвратиться на свою родину, в свою семью. Крещение нашей второй группы было совершено в конце мая 1945 года, в последний день нашего пребывания в бременском сборно-пересыльном лагере. На другой день после крещения, с поспешностью нас всех отвезли на железнодорожный вокзал для отправки ближе к пограничной полосе, установленной между американской и советской зонами.

Привезли нас поездом в город Магдебург, на реке Эльбе. Здесь нас встретили советские офицеры. Американцы передали всех нас в их распоряжение. Когда мы со своими вещами вышли с поезда и подошли к реке, чтобы перейти на советскую сторону, вдруг слышим в рупор дружеский совет заботливого советского офицера: "Товарищи! Не оставляйте своих вещей, они вам и вашим родным очень пригодятся на нашей разрушенной войной родине». Несколько раз он повторял этот, как бы отцовский, добрый совет. И, хотя тяжело было таскать чемоданы, но услышав такой «совет», каждый из нас ободрился. И, напрягая все силы, мы тащили свои чемоданы, а в ушах все время звучали слова: «...они вам пригодятся».

Проходили мы по деревянному, временно сооруженному пешеходному мосту и только успели перейти мост, нас сразу построили на площади и последовала команда: «Все те, у кого есть золотые, серебрянные вещи, часы и другие ценности, а также фотоаппараты и оружие, выйдите со строя вперед и все сложите вот здесь»(указав рукой место). Все молчат, смотрят друг на друга и на офицера, а потом несколько голосов выкрикнули: «У нас нет никаких ценностей». Постояли еще несколько минут в ожидании, что кто-то выйдет и отдаст свои ценности, но никто не вышел, молчание продолжается. Тогда последовала следующая команда: «Все ваши вещи отнесите вон туда (указав рукой), в это большое складское помещение и оставьте их там, а себе возьмите две пары белья и верхнюю одежду, потому что мы будем отправлять вас этапом в воинскую часть».

Ну, что ж, ничего не поделаешь, они освобождают нас от лишнего груза – необходимо подчиниться. Понесли свои чемоданы в указанное место. Зашли, а там навалено кучи всякой одежды, видимо здесь уже сотни и тысячи наших работяг раздели и освободили их от чемоданов наши товарищи офицеры. По всему залу высились, вышиною в метр-полтора горы разнообразной одежды. Только теперь нам стало ясно, почему офицер советовал не оставлять нам своих вещей. Он был абсолютно прав, когда говорил, что вещи пригодятся, но только не нам, а для них самих и для солдат-стариков, которые ожидали демобилизации. Они рылись в этой одежде, подбирали, что получше, напихивали большие мешки, чтобы увезти к себе домой, там все пригодится.

Мы, конечно, не рассчитывали на то, что нас направят еще в армию. Каждый что-то приобрел, хотелось не с пустыми руками приехать домой и очень жаль было выбрасывать из чемоданов все припасенное. Сестры сочувствовали нам и пошли с нами, чтобы забрать наши вещи, перевезти их домой, а там переслать нашим родителям. Но мы на это не согласились, а просто отдали им все, что было лучшее, чтобы они отвезли это для своих родных. Одна сестра,

которая взяла мои вещи, потом писала мне и спрашивала, что делать, переслать их тебе? Но я ответил, что не надо.

В Магдебурге мы прожили целую неделю. Дни проводили на площади, здесь же устраивали богослужебные собрания, проводили духовные беседы, гуляли, некоторые ходили купаться в Эльбе и одна из наших таганрогских сестер Большенко Нина Семеновна чуть не утонула, но Господь не допустил и спас ее. А на ночь – кто куда: одни шли ночевать в то помещение, где находилось барахло, другие в стог соломы какого-то бауэра (хозяина), а в основном – просто на траве под деревьями, а кое-кто устраивал себе шалаш из веток и покрывал его одеялом. Вот так мы жили изо дня на день, ожидая команды отправляться в дальнейший путь.

Собрания проводили ежедневно два раза в день: утром и вечером, несмотря на то, что советским офицерам это очень не нравилось и они запрещали нам собираться, но братья и сестры продолжали собираться, чтобы вместе просить милости у Бога, благодарить Его и призывать грешников к покаянию. Наблюдалось среди некоторых проповедников уклонение от проповеди, считая, что во избежание неприятности нужно подчиниться распоряжению офицеров. Но в таких случаях всегда находились смелые братья, готовые поступить по примеру апостола Петра, который сказал: «...должно повиноваться больше Богу, нежели человекам» (Деян. Ап. 5:29). Здесь же брат Алеша и сестра Галя Притула заключили брачный союз. У них сложились такие обстоятельства, которые заставили их поступить так.

Дело в том, что Алеша нашел потерянную родителями маленькую девочку и решил удочерить ее и вместе с Галей воспитывать ее, как свою дочь, а для этого нужно было объявить перед начальством, что они люди семейные. Это, видимо, послужило причиной того, что Алешу миновала армия.

Вот теперь настало время разлучиться с нашими сестрами. Когда мы узнали, что на другой день нас должны отправить с этого места, мы провели прощальное собрание, старшие братья сказали нам напутственное слово, вместе помолились, попрощались друг с другом и были готовы отправиться в путь. Женщин и стариков должны были отправлять на машинах после нас на следующий день, но неизвестно куда, а нам предстояло идти пешком.

На другой день, после завтрака, мы услышали команду: с вещами на построение, чтобы отправляться дальше на восток. На дорогу нам выдали продукты на два дня. День был солнечный, теплый и мы вышли в путь. Вначале было легко идти, каждый нес свой чемодан, а когда прошли немного, начали освобождаться от груза. То один останавливается, то другой, открывает чемодан и выбрасывает лишнее. Пройдя немного, следующие делают то же, а некоторые и чемоданы побросали, но, чтобы никто не воспользовался ихними вещами, они одежду рвали, отрывали рукава, а чемоданы ломали.

По обе стороны дороги в кюветах валялись вещи наших ребят, которые старались исполнить совет того, кто кричал в рупор: «Товарищи! Не оставляйте своих вещей!» Но положение заставило подчиниться другому приказу: «Оставьте свои вещи, возьмите две пары белья». И вот, кто не оставил свои вещи там в помещении, тому пришлось выбросить их в дороге. Под вечер на следующий день, мы пришли под Берлин в город Бранденбург. В пути находились, с ночевкой, двое суток и прошли более восьмидесяти километров. В Бранденбурге нас встречали сестры, их привезли на машинах. Мы очень обрадовались, что опять будем вместе.

Поместили нас в пятиэтажных домах в каком-то военном городке. Здесь собралось очень много народа из многих городов, наверное, не менее пяти тысяч. Верующих было больше двухсот человек. Те, которые раньше переписывались между собой, те здесь встретились. Новые друзья, знакомство, обмениваемся адресами друг с другом, проводим на площади собрания, звучат призывные проповеди, далеко слышится дружное пение в сопровождении наших скрипачей Вити Шабанского и Вани Тригуба и все так торжественно, так радостно! Когда люди услышали такое красивое, громкое пение и увидели толпу народа, то потянулись к нам, чтобы

увидеть ближе, что происходит и услышать, что говорят выступающие. А говорят они о чем-то новом, чего еще никогда не слышали. Мы благодарили Бога, что наши собрания были многолюдными, что люди интересовались Словом Божиим. После собрания они задавали много вопросов, на которые мы давали ответы и с каждым собранием наш круг друзей увеличивался. Видя такую жажду людей слушать весть о Христе, мы старались проводить собрания два раза в день, чтобы как можно больше сеять Слово Божие. Все это было в начале нашего приезда, никто не препятствовал и мы свободно проводили наши богослужения.

Но со временем и здесь враг позавидовал нашему успеху в труде для Господа. Появились противники дела Божия. Во время собрания начальствующие офицеры, расталкивая людей, пробирались в круг собравшихся, требуя прекратить пение и разойтись, а руководящих братьев и сестер уводили на допрос. Но, несмотря на запреты, собрания на площади продолжались до тех пор, пока начальство усиленно не начало чинить нам препятствия разного рода, разгоняя и выкрикивая: «Разойдитесь, дома будете молиться!» – и потому нам пришлось проводить собрания по квартирам. Начальство фильтрационного пункта (пункт допроса репатриированных), спрашивали: как ты сюда попал, служил ли в армии и многие другие вопросы задавали и провинившихся перед родиной брали на заметку для привлечения к ответу. Особенно озлобились на одну нашу сестру Нину Тырсу, которая до своего уверования была увлечена в Германии в подпольную коммунистическую партию. Когда она покаялась и приняла Господа своим личным Спасителем, то отдала секретарю свой партийный билет. Их очень удивило то, что она, будучи членом подпольной компартии, не выходила из партии, а теперь, когда настала свобода и, возвратившись на родину, можно было хорошо устроиться, получить хорошую должность, она оставляет партию, теряя всю перспективу хорошей жизни на родине. И вот они здесь встретились. Секретарь уговаривал ее восстановиться в партии, получить обратно свой партбилет, но она отказалась наотрез. Тогда он обратился за помощью в этот пункт допроса. Её много раз вызывали, старались убедить и даже угрожали, чтобы она одумалась, но она отвергла все их уговоры, угрозы и осталась верна своему Господу.

Мы были очень удивлены, когда увидели в этом пересыльном лагере много инвалидов на костылях, с палочками, на колясках и, когда расспросили людей, что с ними произошло, почему они стали инвалидами, то оказалось, что они пили древесный спирт и некоторые даже поплатились жизнью, выпив большую дозу и умерли, а эти получили сильное отравление и остались калеками на всю жизнь. Вот, как калечит человека грех, предлагая ему свою страшную отраву!

Наступило время уборки урожая и тридцать наших сестер отправили на подсобное хозяйство воинской части, в село, километров за двадцать от города Бранденбурга. Жили они все вместе у одного богатого фермера, а мы оставались в лагере, пока не пришел наш черед, только не на уборку урожая, а на демонтаж завода искусственного шелка. За пару дней перед отправкой неожиданно постигло нас горе: сильно заболела одна из наших сестер Дуня, родом из Молдавии, район Унгены, село я не помню, и мне немедленно пришлось отправить ее в больницу. На следующий день мы с сестрами пошли проведать ее, но она чувствовала себя очень плохо, врач сказал, что у нее туберкулез. Очень жаль было разлучаться с нею, она знала, что нас отправляют из лагеря и надежды на встречу никакой не было. Распрощались с ней, пожелали скорого выздоровления. Она с глубокой грустью посмотрела на нас и мы, с тяжелым сердцем ушли. По возвращению домой, где-то через полгода, я подробно описал все ее родителям. Они были очень опечалены такой новостью, ведь от нее никаких весточек домой не приходило, наверное она отошла в лучший, вечный Дом, к Небесному Отцу.

На демонтаж завода отправили, примерно, сотню мужчин в том числе и нас, верующих, душ пятнадцать. Жили мы все вместе в одном большом зале, работали при воинской части, по двенадцать часов в день, а кормили нас очень плохо. Наши братья, в основном, работали по упаковке оборудования и запчастей и, когда забивали ящики, то вкладывали туда на большом

картонном листе, большими буквами написанный текст: «Покайтесь и веруйте в Евангелие»/Мак. 1:15/ и много других текстов и таким путем сеяли Слово Божие. Проработали мы там три месяца, за это время я успел многим братьям сделать хорошие фанерные чемоданы, так как имел доступ в мебельный цех. Чемоданы покрасил бейцом и покрыл лаком, получились отличные, не стыдно было ехать домой с такими чемоданами. Завод был очень большой, работы по демонтажу было очень много, для этого направили к нам пополнение из американской зоны, душ тридцать. Все эти ребята, наверное, были русскими военнопленными, их освободили американцы, обмундировали в свою военную форму. Мы сразу не могли понять, что это за люди; они проработали всего несколько дней, мы еще не успели с ними толком познакомиться, как вдруг они исчезли, неизвестно куда. Наверное, они побоялись возвращаться на родину и пробрались обратно в американскую зону, потом, возможно, попали в Америку и по сей день спокойно живут и здравствуют, а если бы они вернулись на родину, их бы судили, как изменников родины.

Нам пришлось проработать там почти три месяца – с 12.VII-1945 по 9.X.1945 г. За время работы мы несколько раз посетили наших сестер на подсобном хозяйстве, вместе проводили там собрания. Они жили от нас в расстоянии 20 км. и тоже посещали нас. Каждое воскресенье проводили на природе богослужения и у нас для этой цели было любимое место – на крыше, заросшей травой бетонного поднавеса, предназначенного для укрытия паровоза во время бомбежки. Я с братом Володей Требушным пели партию сопрана, а остальные, кто как мог. Пение, конечно, не было таким стройным, но зато сильным. Посетителей у нас не было, проповеди, молитвы – все это было для нашего личного духовного подкрепления и для славы Господа.

После работы, в свободное время, проводили между собой духовные беседы, свидетельствовали о Боге неверующим. Любители петь поднимались на возвышенность, где проводились собрания и там пели, беседовали и отдыхали. Среди наших рабочих, как и везде, были люди и хорошие, но были и нехорошие: подсматривали, у кого что плохо лежит и, хотя мой чемодан и «хорошо лежал», но нашлись такие «товарищи», которые решили его переставить, спрятать в другое место. Однажды утром я поднялся, смотрю и глазам своим не верю: нет моего чемодана! Посмотрел под нары – сюда, туда – нет. В Бранденбурге я уже кое-что прикупил, чтобы не ехать домой с пустыми руками и было жалко и обидно, что кто-то подстроил мне такую пакость. Не поднимая шума, тихонько, говорю брату Онуфрию, что стащили мой чемодан. Он отвечает:

- Здесь в зале его искать бесполезно, давай, пойдём в лес и там поищем.

Прошли немного и видим: свежевзрыхленная земля, подозрительное место. Ковырнули – и вот он, мой чемодан. Слава Богу, -подумал я. Принесли домой, открыли, посмотрели – все вещи на месте.

Однажды брат Николай Малафеев рассказал мне секрет одной бременской сестры Нины Большенко. Она открыла перед ним тайну своего сердца:

- Я имею борьбу в отношении Володи Бороденка, только ты об этом ему ничего не говори.

Она, конечно, знала, что Николай не сможет не открыть мне этой тайны, а обязательно поделится со мной. Вероятно, она и сказала ему с той целью, чтобы как-то уведомить меня о своих чувствах, затронуть мое сердце и узнать, как же я среагирую на эту приятную новость. Но для приличия, чтобы это не было нескромно с ее стороны, она и сказала: только ничего ему не говори. Когда такая серьезная волнующая весть стала мне известной, я решил пойти и конкретно выяснить дело, ведь борьба – это не шутки, а тем более сердечная борьба. Дорога была дальняя, километров двадцать, или больше, но ничего не поделаешь, нужно идти. Предложил брату Онуфрию пойти со мной в Бранденбург, рассказал ему важность дела.

- Давай, пойдём, нужно же выяснить отношения.

Он улыбнулся и безоговорочно согласился составить мне компанию. Дождались субботнего дня, после работы, в хорошем настроении отправились в путь. Идя дорогой, вспоминали наше родное село Великие Сады, старых друзей, а потом начали петь маршевые гимны, чтобы быстрее и легче было идти. Особенно нам нравился псалом «Мы бодрей на жизненном пути пойдем, если будем доверять Иисусу». И так, к вечеру мы пришли в пересыльный лагерь. Сестры встретили нас радостно, мы рассказали им о нашей жизни, о работе, потом Онуфрий беседовал с вейнерскими сестрами, а мне представилась возможность уединиться с Ниной для интимной беседы. Сделав краткое вступление, я перешел к основному вопросу. Я спросил ее:

- Сестра Нина, правда ли то, что ты переживаешь в отношении меня какую-то сердечную борьбу?

Она слегка покраснела, опустила голову и тихим голосом проговорила:

- Да, брат Володя, у меня появились к тебе особенные чувства, я не могу их побороть, и не знаю, от Господа они, или просто плотские?

Выслушав ее объяснение, я начал убеждать ее:

- Нам еще не время думать об этом, мы так далеко от родных, ведь они тоже хотели бы быть участниками в решении этого сложного жизненного вопроса, хотя это и является сугубо личным, но все же. Вот мы здесь договоримся, а приедем домой, Бог знает когда, там обстоятельства изменятся, может быть нужно будет поступать по-другому, а мы перед Богом свяжем себя словом, наверное это неправильно.

Она внимательно слушала, не перебивая, как бы ожидала, что же я еще скажу. Последовала маленькая пауза, а потом я задаю следующий вопрос:

- Что ж, сестричка Нина, будем молиться, чтобы Господь освободил твое сердце от таких мыслей и дал силы преодолеть это искушение?

Посмотрел на нее и сразу понял, что не такого ответа она ждала от меня, мое предложение ей не по душе. После нескольких минут глубокого раздумья, она подняла голову и сказала:

- Брат Володя, давай лучше будем молиться, чтобы по возвращении домой мы могли соединить наши жизни в одну. Но, если так не состоится – значит нет на это воли Божией.

Затем она еще спросила:

- Володя, скажи, а кто тебе сказал об этом, кто выдал тебе мой секрет?

- Тот, кому ты открыла тайну своего сердца,-ответил я.

- А, это Николай, я же его просила, чтобы он тебе ничего не говорил, вот он какой! Ну, ничего, хорошо, что теперь мы вдвоем будем переживать, мне теперь легче будет на сердце.

Только закончили наш разговор, подошел Онуфрий и говорит:

- Ну, що, Володя, пора спать, підем, я вже домовився з ночівлею.

- До свидания, спокойной ночи, Нина,- с взаимными пожеланиями всего хорошего мы разошлись на отдых.

В воскресный день мы решили побывать еще у сестер в селе на подсобном хозяйстве. Для этого нужно было пораньше выйти, поскольку обратный наш путь удвоится. На подсобное к сестрам пришли как раз к обеду. Пригласили и нас и это было очень приятное застолье – все в хорошем настроении – пели псалмы, беседовали. Сестры рассказали, как они по воскресным дням проводят собрания, на что начальство реагирует злобно, вплоть до того, что категорически запрещает собираться и петь. Нину Тырсу возили на допрос в Бранденбург и сюда приезжают переубеждать нас, но мы сказали: если будете запрещать нам проводить собрания, то мы не будем выходить на работу, и они немного притихли.

Нам было очень приятно и радостно слушать их рассказ о борьбе за свободу проповеди Евангелия и прославления Господа. Итак, время нашего краткого общения пришло к концу, нужно было торопиться, чтобы к вечеру попасть домой, а впереди предстоит еще дальний путь. На прощанье совершили общую молитву, поблагодарили за гостеприимство, за общение, попросили Божьего благословения для сестер и на наш путь, простились и – в путь.

Обратный путь оказался утомительным, мы сильно устали. Пробовали ободрить себя пением, чтобы прибавилось энергии, но ничего не получалось – хотелось, хоть на короткое время сделать привал, а время поджимало, нужно было идти не останавливаясь. Братья ожидали нас, чтобы услышать, как живут наши сестры; ведь их интересовали все подробности их жизни на подсобном хозяйстве, поскольку к нам уже раньше доходили слухи о преследованиях за проведение собраний. Мы рассказали все подробно и за тех, кто на подсобном, и за тех, кто в лагере. Особенно интересовался Николай, он отозвал меня в сторонку и спрашивает, как прошла беседа с Ниной, до чего договорились, как она среагировала на то, что он открыл мне этот ее секрет. И когда я рассказал ему, он был очень доволен, что явился посредником в этом деле.

Однажды в воскресный день после собрания, несколько братьев, в том числе и я, решили пойти на озеро искупаться. Озеро большое, вода тихая, ровная гладь распространяется далеко, конца-края не видно. Вот бы покататься на лодочке, если бы где достать. Мы прошли немного по берегу, смотрим, в зарослях привязана лодка и весла есть, значит – будем кататься. Кто-то первым зашел в лодку, я за ним, потом еще два брата. Отчалили от берега и поплыли на середину озера, а остальные друзья остались на берегу, ожидая своей очереди.

Когда мы оказались на середине озера, неожиданно поднялся сильный ветер и волны угрожали захлестнуть нашу лодку. Все мы страшно испугались, а я, наверное, больше всех, потому что не умел плавать и, не дай Бог, лодка перевернулась бы, я пошел бы ко дну, как топорик без топорща, так что была причина для страха. Напрягая все свои силы, мы гребли, чтобы быстрее достичь берега, где с волнением ожидали нас братья. И когда мы причалили к берегу, то все с облегчением вздохнули. Наблюдая нашу борьбу с волнами, братья тоже переживали за нас; ведь опрокинется лодка и тогда все бы мы погибли. Друзья, встретив нас, сказали: «Мы стояли и с волнением наблюдали, за волнами вас почти совсем не было видно: то появитесь, то опять исчезаете, но, Слава Богу, что все кончилось благополучно».

Ветер немного утих, мы перешли к меньшему озеру, вода здесь была потеплее и мы начали купаться. Ребята плавали, ныряли, а я барахтался у берега, упираясь руками в землю. Когда они узнали, что я не умею плавать, то решили научить меня, ухватили за руки, потянули на глубину и пустили, чтобы я плыл, но увидев, что у меня не получается и я тону, подхватили и вывели на мель. Как-то быстро пролетело время нашей, почти трехмесячной работы по демонтажу завода, никаких денег за труд нам не платили. Десятого октября пришло распоряжение доставить нас в Бранденбург для отправки на родину. Этой вести мы несказанно обрадовались, а когда приехали в лагерь, то встретили сестер с подсобного хозяйства, их тоже готовили к отправке. Вот здесь-то и пришла пора нашего последнего прощания и расставания с нашими сестрами и со многими друзьями, раз и навсегда.

Встал вопрос: как же прощаться с такими дорогими сестрами, с которыми так много пришлось пережить опасностей, делиться кусочком хлеба, вместе радоваться и вместе плакать, скорбеть и переживать друг за друга. Мы настолько сроднились в нашей христианской общинной жизни, что мы хотели бы еще надолго оставаться вместе и жить такой христианской семьей. Но, как бы мы ни хотели, а расставаться и прощаться нужно. А как, просто рукопожатием, это будет слишком сухо и официально. Братья начали листать Библию, искать основание, как правильно поступить, чтобы не нарушить Слово Божие, не согрешить и, чтобы проститься тепло, по-родственному, с любовью. Нашли подходящее нам место, где говорится, как Ап. Павел прощался со своими верующими братьями из Милита, уходя в Иерусалим: «... он преклонил колена и со всеми ими помолился. Тогда немалый плач был у всех и, падая на выю Павла, целовали его»(Деян.Ап.20:36-37).Подобная скорбь и нас посетила, мы тоже, наверное больше не увидим сестер, рассуждали братья и то, что прощаясь, нужно совершить молитву, это ясно, а вот можно ли целованием прощаться так, как прощались с Павлом, ведь ясно написано:»... падали на выю /шею/ Павла, целовали его». Некоторые братья утверждали так: « в

среде провожающих ап. Павла друзей были и сестры, без них не могло быть и, если братья целовали его то и сестры тоже, это были взаимные прощальные поцелуи». Значит, на основании этого текста и мы можем прощаться с сестрами целованием. Другие не соглашались с таким толкованием, голосовать по этому вопросу мы не стали, поэтому не было известно, сколько было «за», а сколько «против», но ради единства, чтобы не произошло у нас разделения, решили воздержаться от прощальных поцелуев.

Как-то в беседе с одним братом я рассказал ему об этом случае и спросил его мнения по данному вопросу: можно ли, прощаясь навсегда, прощаться с сестрами поцелуем? Брат ответил: «В таком случае первый поцелуй мог быть святым, а второй был бы уже греховным».

Первым пассажирским поездом должны были отправиться женщины и старики. Перед отъездом я имел возможность немного поговорить со своими вейнерскими сестрами, простился с ними и мы обещали не забывать друг друга. Потом я подошел к сестре Нине Большенко. Она, утирая слезы, стояла и ждала, пока я подойду. Сестры, зная мое отношение к Нине, вернее, ее отношение ко мне, возревновали и были недовольны, но потом успокоились. Я долго беседовал с нею, опять повторил свое мнение в отношении нашей с ней дружбы и, прощаясь, пожимая крепко друг другу руки, она еще раз напомнила, чтобы молиться о наших взаимоотношениях.

При нашем расставании сердца друзей наполнились двойным чувством: радостью, что уезжаем домой, но, вместе с тем и чувством печали, потому что разлучаемся с друзьями, с которыми сблизились и сроднились за все эти тревожные и опасные дни и вряд ли когда-нибудь еще встретимся на этой земле.

Брат Онуфрий, по состоянию здоровья, отправлялся первым составом и, прощаясь с ним, я просил его, чтобы он вышел меня встречать, поскольку на следующий день должны были отправлять и нас. Это было мое желание, мои расчеты: через день после приезда Онуфрия и я надеялся быть дома, но у Бога Свои планы относительно каждого из нас. Выехал я, как и было назначено, на следующий день, а вот домой попал только через полтора года. И в этом я видел промысел Божий и милость Его ко мне. Если бы мне удалось на полтора года раньше приехать домой, то Бог знает, остался бы я в живых, или нет. Ведь в то время в нашей местности было еще очень неспокойно, продолжались стычки Украинской Повстанческой Армии (УПА) с советскими войсками. Истребительные батальоны советских солдат преследовали и уничтожали бендеровцев и в этих стычках погибали многие невинные люди.

Начальство лагеря обещало отправить нас на родину, но получилось так, что мы очутились в запасном полку советской армии. Мы сразу поняли, что едем не домой, когда, не доезжая Варшавы наш поезд был направлен на Литву. Высадили нас с поезда на каком-то литовском вокзале и направили в сопровождении офицеров колоннами дальше, неизвестно куда. Верующих нас в одной колонне было четырнадцать человек и все мы старались быть вместе. В пути, в течение двух дней, пару раз выдали нам только по полбуханки хлеба и немного сахара и больше ничего. К вечеру третьего дня мы прибыли в запасной полк, переночевали там, кто как мог устроиться. Мы своей группой забрались в стог соломы, зарылись в солому и не ощущали ночного холода. За ночь хорошо отдохнули. В запасном полку определили нас в воинскую часть в городе Черняховске, бывшем Ильстенбурге. Целый день нам пришлось пешком добираться до этого города; в общем, за два дня мы прошли больше восьмидесяти километров. В дороге я старался поддерживать юмористическое настроение, чтобы ребятам легче было преодолевать такой длинный путь, да еще и полуголодным. Я старался ободрить и развеселить их как—нибудь: «Скоро будет родное село, ободритесь, я уже чувствую запах жареной курятины с Великих Садов – это мама готовится встречать сына».

Колонна растянулась на пару километров, все устали, шли еле-еле, нога-за-ногу. Многие побросали свои чемоданы, чтобы легче было идти, но я решил донести свой чемодан до места. Я связал вместе чемодан и ранец и нес все на плечах. Полученный нами на дорогу паек мы давно уже съели. Подойдя к г. Черняховску, мы ощутили страшную усталость, очень проголодались и

вот перед городом, у стены какого-то оставленного дома мы увидели догорающий костер и решили у костра сделать привал. Осмотревшись кругом, мы увидели картофельное поле. Братья уселись вокруг костра, я поставил возле них свои вещи – чемодан и ранец и пошел с братом Яковом Якименковым копать картошку. Только взялись за дело, как увидели двух солдат, вооруженных автоматами, которые через сад направились к костру и мне сразу стукнула мысль: нужно бежать к вещам, чтобы не утащили. Не успел я еще добежать, как один из них ухватил мой чемодан и привязанный к нему ранец и, не спеша, пошел по дороге в город, а другой пошел обратно через сад. Я побежал вдогонку за ним, он повернулся, направил на меня автомат, угрожая застрелить меня, если я побегу за ним. Ну, что ж, рисковать жизнью ради барахла не стоит; ведь это же советский солдат, он шутить не станет, ведь они привыкли «освобождать», вот и меня уже второй раз освободили от тяжести, самому жаль было бросать, а они освободили.

Вернулся к братьям и говорю:

- Что ж вы не сберегли мои вещи? Я же вам поручил, понадеялся на вас.

- Мы и не подумали, что он ухватит твои вещи, они же и стояли в сторонке,-ответили братья.

Тут уже отпала охота копать и варить картошку, все поднялись, я взял прутик и размахивая им, пошел со всеми в город, а братья, шутя, спрашивают:

- Володя, ну, как там, пахнет тебе курятина с Садов?

Я отвечаю им:

- Нет, не с той стороны ветер дует.

Проходя, заметили на площади военного городка много наших людей, зашли и мы. Оказалось, что это и есть та часть, куда нас направили. Поставили нас в строй, мы старались держаться своей компании, стоим и слушаем, как один, высший по чину офицер, громким голосом говорит: «Кто из вас служил в артиллерии, выйдите четыре шага вперед!» Вышедших тут же перепоручает другому командиру. Опять кричит: «Кто из пехотинцев – четыре шага вперед!» А потом спрашивает: «Есть ли сапожники, выйдите». Два брата вышли, а мы продолжали стоять и тихонько советоваться: куда же идти, в какую часть? Уже почти всех разобрали, а куда же нас определяют? Еще вопрос: «Есть ли здесь саперы – выйдите четыре шага вперед!» Стоим дальше, ведь мы не саперы и не сапожники. И вот, в конце последовал вопрос: «Плотники есть?» «Есть»- откликнулись мы все вместе. К нам подошел капитан и повел нас за город в свою саперную часть. До оформления документов и соответствующей записи поместили нас в одной небольшой комнате; она была совершенно пустая – ни стола, ни стульев не было. Сели под стенками на пол, достали из своих узелков Евангелия, сидели и читали, ожидая следующей команды. Вдруг заходит офицер и видит: новобранцы читают какие-то книги. Взял, посмотрел и говорит: «Такие книги в армии запрещены, будете их читать дома». Тут-то и пришлось нам заявить, что мы верующие, чтобы начальство знало, кого взяли они в свою часть.

Чтобы мы не нарушали установленного порядка, приказали сдать Евангелия для хранения в каптерку (кладовую) до дня увольнения из армии. Потом повели в казарму, где мы и жили. Каждое утро после подъема старались быстро помыться, заправить кровать, чтобы до физзарядки было время помолиться. На молитву каждый из нас склонялся у своей кровати. Вначале на это никто не обращал внимания, но это было всего пару дней, а потом кто-то донес командиру и нас начали преследовать. Старший лейтенант, когда заставлял нас на молитве, со страшным возмущением кричал: «Встать! Что вы здесь молитесь? Вы же не в храме, а в советской армии! Дома будете молиться!»

После зарядки ведут строем на завтрак. К нашему приходу в столовой дежурный уже успел расставить на столы тарелки с супом, разложить порции хлеба. Раздается команда: «Садись!» Все садятся, но нам же нужно попросить у Бога благословения на пищу. Можно было бы помолиться сидя, но мы, вопреки их запретам, решили молиться стоя. Мы все, как по команде, поднимались для молитвы. В этот момент, пока мы на молитве и у нас закрыты глаза, солдаты старались стащить у нас порции хлеба. Во время занятий по изучению винтовки, мы решили

никакого участия не принимать. Уроки слушали, но, когда нам предложили взять винтовку, разобрать затвор, объяснить, что к чему – мы категорически отказались. Нам пришлось перед всеми заявить, что мы не отказываемся служить в армии, но без оружия, оно нам не нужно, убивать людей мы не будем, потому что мы – верующие, а мосты строить будем без оружия.

Выслушав наше заявление, командиры решили все же заставить нас взять оружие. Вызвали четыре брата на середину зала, поставили двоих напротив двоих, подали им винтовки, предлагая взять их в руки. Всячески долго уговаривали: «Теперь мирное время, война кончилась и никто не будет заставлять вас убивать; за убийство, наоборот, судить будут». Не добившись своего, лейтенант приказал повесить винтовки нам на шею. Так и стояли мы несколько минут с этими винтовками, не прикасаясь к ним руками, только радуясь в душе. Поглядывали друг на друга и думали: вот и мы подвергаемся насмешкам и поношению за имя Иисуса, за верность Евангельскому учению. С таким нашим поведением начальство долго мириться не стало. Однажды, после отбоя, лейтенант решил погонять нас. Повел на луг и там командовал: «Шагом марш, бегом!» Бегали до изнеможения, но этого ему показалось мало, последовала следующая команда: «Ложись! По-пластунски, с короткими перебежками, вперед!» Проползали немного по мокрому, примороженному лугу, опять команда: «Бегом!» Долго так гонял и все спрашивал: «Ну, возьмете оружие?» Мы отвечаем: «Нет!»

А когда пришли обратно, он приказал нам бегать вокруг казармы до тех пор, пока не согласимся взять оружие. Кто согласится, пусть скажет. Мы пробежали несколько раз, приостановились, советуем: что же дальше делать? Некоторые братья уже отошли от нас и дали свое согласие. В конце-концов пришлось нам всем капитулировать. Нам трудно было сопротивляться, потому что обвиняли нас, как изменников родины, выехавших в Германию и честно работавших на немцев, а вот служить честно в советской армии, чтобы искупить свою вину перед родиной вы отказываетесь.

Командование нашего 23-го отдельного стрелкового батальона, в котором мы прослужили саперами с 8 ноября по декабрь 1945 года, решило разогнать нас по разным частям. Меня отправили в 49-й Гвардейский стрелковый полк, в этом полку я прослужил всего один месяц декабрь и решил проситься в такую часть, где бы меньше иметь дело с оружием. Командиром 49-го полка дан был приказ: 5-го декабря, на день советской конституции, представить всех к принятию присяги. Тут мы заволновались: что делать? Начали советоваться, как поступить – принимать присягу или отказаться? Я побежал в соседний полк к брату Якову Якименко спросить его, будет ли он принимать присягу, или нет? Он сказал: «Я не буду, а вы там решайте сами». Это его решение и меня вдохновило, чтобы поступить так же, но, когда пришел в свою казарму, собрал братьев, чтобы еще раз всем вместе обсудить эту проблему, вижу, что у нас разногласие. Среди нас был самый старший по возрасту и по вере, брат Петренко Павел и мы все брали ориентир на Павла, смотрели, как поступал он. Павел надеялся на скорую демобилизацию. До нового года должны были освободить солдат от 1918 по 1922 год рождения и ему не хотелось вступать в конфликт с командиром части. Он решил принять присягу, а вернее прочитать ее текст. Мы так и решили вместе с братом Павлом, что прочитать перед всеми текст присяги – это еще не значит, что мы ее принимаем, это чужие слова, принять – это значит так поступать, как написано, а мы будем поступать по своей совести. Нелегко было читать текст присяги, но, читая ее, каждый имел в виду, что так поступать не будет.

Того же дня вечером стало известно, что один солдат в соседнем полку не принял присягу и мы сразу догадались, что это был Яков. Потом он мне напомнил о нашем разговоре прошлым вечером и как мы решили, - сказал он, - так я и поступил: у меня решение было твердым. Мне стало стыдно за свой поступок: брату посоветовал, а сам принял свое решение.

Когда рота шла на стрельбище, брали с собой и Якова и, пока рота стреляет, его по команде заставляли лежать в снегу, а потом перестали издеваться и послали рабочим на кухню – чистить

картошку, кочегарить и так он прокантовался, пока не начали строить лагерь. Тогда он, вместе с другими братьями плотничал.

Нам же пришлось изучать оружие, участвовать в стрельбе на стрельбище, да и самому было интересно попробовать стрелять и при этом старался, как бы лучше попасть в мишень. Потом командир выносил благодарность и в ответ на это нужно было брать под козырек и отвечать: «Служу советскому союзу!» Однажды на полевых занятиях заставили меня обучаться с ручным пулеметом «Дегтярева» и после занятий командир хотел в ближайшее время представить меня для получения звания ефрейтора, но я подал заявление, чтобы меня перевели в другую часть и таким путем избавился от звания. Яша отказался от присяги и был спокоен, что ему поручат какое-то ответственное задание, а мне доверили охранять и сопровождать офицерских жен, которые задумали поехать в какой-то город на базар за продуктами. В тот день был сильный мороз. Они понадевали тулупы, валенки, залезли в кузов на машину и для них мороз не страшен. Лейтенант в кабине, а я только в одной шинельке и ботинках и пока проехали километров пятьдесят до города, я думал, что «концы отдам», или «дуба врежу». Приехали к вечеру, возник вопрос: куда же деваться, где ночевать? Направили нас к католическому священнику, он радушно принял нас. Мы расположились, как дома. Места было много, прислуга (три женщины) позаботились, вскипятили чаек, продукты у нас были свои, поели и готовились на отдых. Пока женщины разговаривали между собой, я решил поговорить с прислугой и так, как они разговаривали на польском языке, то и мне пришлось, из уважения к ним, говорить по-польски. Наша беседа была на духовную тему: о Божьей любви, о Его спасении грешников, о том, как человек может получить спасение. Они внимательно слушали, а потом одна из них громким голосом воскликнула: «То пан ест ксёндз?» (значит пан – священник?) На это я ответил: «Я не естесьмэм ксендзем, я естэм тылько эвангеличным кшестьянинэм» (я не есть священник, я являюсь только евангельским христианином). Потом подошел к нам ксёндз и они говорят ему, указывая на меня: «Проше пана, то ест ксёндз». И так, все они приняли меня за священника и сразу расположились ко мне. Что-то поговорили с ксёндзем и она из них поднялась на чердак и притащила мне большой кусок пожелтого сала. Для меня это был большой гостинец, которым я мог поделиться и с моими братьями. Наши женщины тоже покупали это сало и все мы были довольны, что нам так повезло.

На другой день после базара, едем домой, а я думаю: если бы какая-либо банда напала на нас, что бы я делал? Ведь мне поручено охранять этих женщин и в критический момент нужно было бы применить оружие, а я же ведь христианин... Но, слава Богу, все обошлось благополучно, домой вернулись без каких-либо происшествий.

Второй, подобный случай был, когда мне было поручено с подсобного хозяйства привести военнопленного. Шел я с винтовкой на плечах не за ним, а рядом, как с другом, разговаривали, я спрашивал его, откуда он родом. И так идя, думаю: а если бы он стукнул меня, вряд ли я утонул бы, немец был здоровым, сильным, что бы я тогда делал? Или вот еще такой пример: поставили меня часовым охранять штаб. Стою и рассуждаю: если бы кто напал на штаб, значит я должен стрелять, ведь я отвечаю за жизнь тех, которых охраняю. И вот в таких случаях, рассуждая, приходишь к выводу, что не место христианину в армии с оружием, даже и в мирное время, а тем более во время войны.

Однажды я стоял на посту у склада. Ночь была дождливая, но теплая, время было под утро. Стал под стенкой в проеме витрины, а рядом – ворота в склад. Я так «бдительно» охранял, что стоя, уснул, но не упал. Пришла смена и разводящий спрашивает: «Где ты был, когда я проверял пост, даже заходил в склад, как же ты дежурил?» И такое бывает.

Пишу об этом потому, что сам пережил: что такое угрызение совести, если поступаешь неправильно? Хочется предупредить тех, кому придется решать этот вопрос: не поступайте против своей совести, чтобы она не осуждала вас, ибо написано: «Ибо если сердце (наше)

осуждает нас, то кольми паче Бог, потому что Бог больше сердца нашего и знает все»(1 Иоан.3:20).

И Сам Иисус Христос предупреждает нас от клятвы: «А Я говорю вам, не клянитесь вовсе...»(Мтф.5:34).

В конце-концов я нашел самую спокойную службу: перешел в хозяйственную часть и был ездовым. Ездил по Литве и Восточной Пруссии, ломали брошенные немцами дома, срывали жести с крыш, срывали полы, словом – ломали все наповал, грузили на повозки и везли в лес для постройки военного летнего лагеря. Жаль было ломать такие прекрасные дома, хозяйственные постройки, ведь все в отличном состоянии: заходи и живи; вокруг огород, кустарники, сад. Но приказ есть приказ, не для обсуждения, а для исполнения.

Пришло время, когда по моей просьбе перевели меня в 26-й отдельный гвардейский батальон связи. Сразу был телефонистом, а потом изучал азбуку «Морзе» и радиостанцию «РБ» (радиостанция батальона) и был радио-телефонистом. Кроме классных занятий мы в летнее время выезжали на полевые занятия в села, на хутора, а иной раз и в лес. Во время учений по телефонной связи, или по радиостанции, залезем, бывало, в клубнику, или малину, сидим, лакомимся и держим связь с другими, находящимися в соседних огородах. Иной раз лазили по кладовым, по подвалам, ища чего-нибудь из оставшихся продуктов, но, к сожалению, ничего не находили. В некоторых домах встречали новых русских поселенцев, которые пользовались моментом послевоенной неразберихи, незаконно занимали дома и становились хозяевами, потому что коренное население, спасаясь от советских завоевателей, уехали в Германию, о чем я уже писал раньше.

Жили мы за городом на подсобном хозяйстве, кормили нас очень плохо. Подойдешь, бывало, к выдаче за добавкой, просишь, а в ответ: ничего не осталось! А тут команда: «Встать! Выходи строить!»И так, полуголодный, идешь на построение. А однажды мне повезло: наш снабженец получил на пекарне хлеб. Проходя мимо, я попросил у него буханку хлеба и он мне дал. Я запрятал хлеб под шинель и дорогой в часть, ломал по кусочку и ел. Пока дошел – «оприходовал» всю буханку.

Только на государственные праздники старались кормить лучше, а ежедневно жили впроголодь и были слухи, что один солдат покончил жизнь самоубийством. Живя на подсобном, мы пользовались маленькой свободой: никто за нами не присматривал. Неподалеку от подсобного мы нашли поле невыкопанной картошки. За зиму она вся перемерзла, остался только один крахмал. Но все же мы решили попробовать употреблять эту картошку в пищу. В воскресный день взяли свои солдатские лопатки, котелки и пошли в поле. Одни копали картошку, а другие разожгли костер. Кто-то нашел кусок ржавой жести, вместо сковороды и мы начали экспериментировать: что можно лучше сделать из этой картошки, чтобы ее можно было есть. В основном, решили жарить блины, тереть ее на терку не нужно. В крахмал влили немного воды, размешали, выкладывали на жести и жарили. Но, когда попробовали – вкус никудышный, есть ее было невозможно, эксперимент не удался. Начали варить, может быть можно будет есть вареную. Приташили в помещение, попробовали и выбросили с котелком под нары, не годилась она для еды даже и голодному. Это говорит о том, что солдаты голодали и вынуждены были искать себе пищу. Каждый с нетерпением ожидал конца службы, чтобы поскорее ехать домой.

Помню, как перед выборами в местные органы власти в 1946 году наш взвод телефонистов командировали в какой-то район Литвы строить телефонную линию. Это было в зимнее время, все ребята уходили на линию, а мне поручили готовить пищу. Повар из меня оказался неплохой, ребята были довольны моими вкусными блюдами и доверяли мне, потому что я верующий и продукты красть не буду. Кушали два раза в день: завтрак и второй раз вечером, по возвращении с работы. Нароботаются, придут домой и хочется им хорошо поесть и я старался удовлетворять их аппетит. Но прошло пару дней, я подсчитал наши запасы продуктов и сказал, что нужно убавить порции, иначе нам не хватит продуктов, пока привезут. Ребята почти все

были против моего предложения и сказали: «Не убавляй, вари, как варил, и так только два раза едим». Так я и продолжал варить. Но вот пришел день, когда приготовил последний обед, ребята поели, а на завтра ничего нет и не известно, когда привезут. Связисты остались без связи с частью, а если бы и была связь, то все равно было бы трудно доставить: сильный мороз, снежная метель, дороги замело. Что ж, сидим без еды. Связисты на работу не вышли, все приуныли. Но вот кто-то внес дельное предложение: «Пойдем на охоту, дичи за эти годы развелось много». «Пойдем!» - дружно откликнулись на такое предложение и пошли по снежным полям и лесам группами охотиться на любого зверя, что попадет под руку: заяц, дикий кабан, или косуля. Убьем, принесем, зажарим и съедем. Так рассуждая, по пояс в снегу, побрели кто куда. Одни ходили по полям, другие пошли в лес. Войдя в лес, предупредили друг друга, чтобы быть осторожными, не стрелять туда, где могут быть наши ребята.

Мы вдвоем с одним солдатом вошли в лес, сняли с плеча винтовки и, прислушиваясь к каждому шороху, ходили. Вдруг из под елки выскочили два зайца и так быстро ускакали, что мы даже не успели прицелиться, как они исчезли из нашего поля зрения. Ну, -думаем, -ладно, это мелочь, хорошо, что не стреляли, а то напугали бы дичь, а так может быть попадется что-нибудь покрупнее. Прошли немного, слышим сильный шорох. Остановились, винтовки взяли на изготовку, а шорох все усиливается. И вот из кустов, рядом с нами, выскочили две косули. Мы были готовы стрелять, но воздержались, чтобы случайно не попасть в своих охотников. Да если бы и стреляли, то вряд ли попали бы в косуль: мы стояли на узенькой дорожке и они мельком проскочили ту дорожку, куда быстрее, чем зайцы, вбежали в лес, а в лесу разве попадешь в косулю? Жаль, неудача, но ничего, может быть попадутся другим нашим охотникам.

Так рассуждая, мы пошли в другой квартал леса, ходили, ходили и ничего нам не попало. Решили немного отдохнуть, сели на пень, посидели и так неохота подниматься, но ничего не поделаешь, нужно помаленьку добираться домой. Жаль, конечно, что так вымучились и зря, идем нога-за-ногу по лесной дорожке, винтовки взяли на ремень за спину. С правой стороны елочная посадка, а слева – кустарники и дальше был вырубленный старый лес, остались только обгоревшие пни. Вдруг, совсем неожиданно, из под елок, совсем близко от нас вышел большой черный дикий кабан и спокойно, не спеша, переходил дорогу. Мы аж вдрогнули от неожиданности. Напарник мой, пока снял винтовку со спины, кабан перешел дорогу. Солдат хотел стрелять ему вдогонку, но я остановил его, говоря:

- Если ты не убьешь его, а только ранишь, он набросится на нас и может быть за ним сейчас выйдет целое стадо, тогда нам с ними не справиться.

Но, когда мы увидели, что стада нет, а он один, начали бежать за ним, искать, но к сожалению, не нашли. Вышли на сельскую дорогу, расспросили людей, как нам добраться в свое село и пошли, рассуждая, что если у нас неудача, то кому-то повезло и возможно ребята уже нажарили мяса и едят. Утешая себя такими мыслями, как будто и сил прибавилось. Мы ускорили шаг и к вечеру пришли домой. Все охотники уже были дома и каждый, друг перед другом, хвастали, как они охотились и без мала не убили зайца, а другому попала косуля, но он промахнулся и таким образом, все пришли ни с чем. Выслушав об их неудачах, уже и нам не стыдно было рассказать и о своей «охоте», но рассказами сыт не будешь: все уставшие, голодные, нужно искать выход из положения. Не теряя времени, пока пораньше, я решил пойти по-соседству к русским поселенцам, там собралась молодежь. Немного поговорили обо всем: о Боге, о Его любви, что нужно, чтобы спастись. Я рассказал им, что мы здесь в командировке, что у нас кончились продукты и мы вынуждены были идти на охоту и вернулись ни с чем домой. Уходя домой, я простился со всеми. В это время хозяйка достала из буфета буханку хлеба и дала мне. Я был очень рад, что, хотя по маленькому кусочку смогу разделить этот хлеб для всех. Ребята встретили меня радостно, когда увидели, что я принес хлеб. Разделили на всех и немножко утолили голод. Наша хозяйка спросила меня: «Почему ты ничего не готовишь на ужин?» И когда я рассказал ей о нашем положении, она сразу же взялась готовить нам ужин.

Очень вкусной показалась нам перловая каша, за что мы были ей очень благодарны. В течение двух или трех дней она нас кормила из своих запасов, пока нам не привезли продукты. В связи с тем, что мы перешли на содержание нашей хозяйки, я был освобожден от своих поварских обязанностей и мне пришлось вместе со всеми идти строить телефонную линию связи. Эта работа в зимнее время сопряжена с некоторыми трудностями: земля глубоко промерзла, чтобы вручную вырыть яму для телефонного столба, нужно, при помощи костра разморозить землю сначала, а потом рыть яму. Свеже срезанные столбы тоже промерзшие, нужно окорить их (снять кору). Но при такой работе хорошо согреваешься. Когда ставишь изоляторы, тоже не чувствуешь холода, но вот залезть когтями по мерзлому столбу и закрепить к изолятору провод – тут труднее. Бывало, озябнешь так, что не в силах хорошо когтями зацепиться за мерзлый столб, когти срывались и ты летишь, скользя по столбу, на землю. Но, как бы ни было трудно и тяжело, я был доволен тем, что поменьше приходилось иметь дело с оружием.

Отбыв одну командировку, через некоторое время пришлось ехать в другую. Но на сей раз среди нас оказались опытные охотники и, несмотря на то, что у нас были продукты, они ради интереса решили пойти поохотиться на зайцев. И вот однажды несколько солдат вышли в заснеженное поле. Через некоторое время послышались выстрелы, прошло примерно часа два, смотрим, идут наши охотники и тащат добычу. Притащили около десятка зайцев, все улыбаются, довольны, что не зря ходили, жаркого хватит на всех. Интересно было слушать их, как они друг перед другом старались высказать, что послужило их успеху.

Один из них, самый опытный в этом деле, открыл нам свой секрет:

- Если я заметил зайца, сидящего в своем логове, выстрелил и не попал в него, то вторично вдогонку я уже не стреляю, ведь винтовка – не двухстволка, с которой дробью можно попасть в зайца. Он обязательно пробежит немного, остановится и, сидя на задних лапках будет прислушиваться, ворочая своими ушами, как локаторами, вот тогда стреляй и будет удачно, попадешь в цель.

Пока они рассказывали, другие взялись обрабатывать зайцев. Прошло часа полтора, как на столах появились большие порции жареного мяса, по числу едоков. Не знаю, кто как мог одолеть такую гору мяса, но я еле-еле съел свою порцию. Это был день, в который я досыта поел и он запомнился мне на всю жизнь. Второй такой день был, когда нам пришлось дежурить на избирательном участке. Там тоже нас угощали мясными блюдами и мы ели, кто сколько мог. За всю свою полуторагодовую службу в армии было только два таких обеда, где я наелся досыта, а остальные дни все пришлось жить впроголодь.

Духовное питание мы получали из Слова Божия, из Евангелия, которые сохранились у некоторых братьев. Изредка в воскресные дни собиралось нас несколько душ для духовного общения, вместе молились, читали и вполголоса пели гимны. Письменное общение я имел со многими друзьями, адресов я имел очень много. Когда я подсчитал, оказалось, что за время службы писал письма на 120 адресов. Особенно старался иметь связь с Ниной Большенко. Она написала мне два письма на домашний адрес, отец перечитывал эти письма и давал ей ответ, называя ее «незнана доню», видимо он думал, что пишет моя жена. Потом пересылал эти письма мне, я давал ответ, но обратного ответа не получал и наша связь прервалась навсегда. Поинтересовался ее судьбой, написал в Таганрог письмо сестре Жене Медведевой, ее подружке, она ответила, что Нина вышла замуж за неверующего, что мама очень переживает. Прошли годы, я проведаль семью Жени и мы решили посетить Нину, дать ей наставление, призвать к покаянию, но к сожалению, ее не было дома. Спустя еще пару лет она начала посещать собрания и через одного брата передавала мне привет. Эта новость обрадовала меня, что «заблудшая овца» возвратилась в стадо детей Божиих.

Итак, время моего пребывания в армии приближалось к концу. На основании указа Президиума Верховного Совета СССР от 4.П.1947 г. 6 марта 1947 г. меня демобилизовали. На дорогу выдали билет, сухой паек. Приехал я домой с пустыми руками: котелок, кружка и

старенькое обмундирование. Слава Богу, что Он сохранил мою жизнь и здоровым вернул меня домой, это самое главное и самое ценное. И вот я и еще один солдат из соседнего села, ночью приехали в Дубно. На вокзале люди не советовали нам ночью вырываться в дорогу, говорили, что нас могут встретить бендеровцы, что они могут убить нас, лучше подождать до утра, а тогда более безопасно. Но нам хотелось поскорее добраться в свое родное село, встретиться со своими родными и, несмотря на предупреждение добрых людей, мы все же решили добираться домой.

Вышли в город, в городе все выглядит таким бедным, грязным по сравнению с немецкими городами. Много домов в городе разрушено, света нет, кругом темно, только изредка бледнеют в полнакала электролампочки. Жалкое впечатление произвел на нас город Дубно, как будто нет в нем живых людей, никакой жизни, все изменилось: там, где были кварталы домов – остались одни развалины, даже жутко было смотреть на такое разрушение, плачевная картина. За городом тоже полнейшая тишина, пригород спит предрассветным, крепким сном, лишь иногда где-то во дворе лениво залает пес. На улице подует теплый весенний ветерок, пахнет весной. Снег почти весь сошел, появились большие острова черных полей, слышно, как журчат весенние ручейки и на душе особенно радостно и, вместе с тем тревожно, что через пять лет пришлось встречать весну в своем родном краю.

Все кругом знакомо с детства: вот с правой стороны знакомый лес, где мы когда-то собирали землянику, прыгали через кустарники, а теперь эти кустарники уже выросли. С левой стороны дороги – весь луг залит водой. Минуя лес, мы подошли к месту, где вся дорога была залита водой, обойти негде, необходимо было пробираться по воде, держась середины дороги и поддерживая друг друга. Сразу воды было мало, потом все глубже и глубже, а потом выше колен и вода холодная, ледяная. Перебрались через воду и решили зайти к знакомой семье нашего бывшего кузнеца Цыфки, с которым я когда-то ходил на рыбалку; необходимо было переобуться, вылить воду из сапог, просушить портянки, брюки и немного согреться. Это было раннее утро, дети еще спали, хозяйка уже успела разжечь чугунный барабанчик, установленный посреди большой комнаты, чтобы обогревать всю комнату. Мы очень обрадовались, что сможем немного обсушиться, сняли сапоги, вылили воду, отжали портянки и присели у печки сушиться. Хозяйка рассказала нам о своем горе, которое ей пришлось пережить во время войны, о муже, погибшем, о трудностях, постигших ее семью и я, глубоко сочувствуя ей, подумал: сколько горя принесла эта страшная война, сколько вдов и сирот осталось!

Пока мы слушали ее рассказ и беседовали, немного просохли наши портянки, брюки. Мы обулись, уходя, поблагодарили за гостеприимство, пожелали ей искать утешения в Боге, ведь только Он является Отцом сирот и судьей вдов (Пс.67:6), только в Нем успокоение каждому, приходящему к Нему. Прошли еще пару километров вместе, а потом распрощались друг с другом: он пошел своим путем в соседнее село, а я направился в Великие Сады. Проходя через Малые Сады, я встретил знакомых людей, которые подходили ко мне, здоровались, поздравляли с благополучным возвращением, радовались встрече. Некоторые спрашивали о своих детях, родственниках, которые еще не вернулись. Каждая семья ждала дорогих своему сердцу родных и близких, но, к сожалению, не все дождалось, некоторые не перенесли тяжелых условий лагерной жизни, заболели и умерли, другие погибли во время бомбежек или обстрела. Простившись с ними, я пожелал им всего хорошего и пошел дальше. Осталось пройти гору Пешачу, а там – родной дом, семья, радостная и долгожданная встреча. А вот и родная гора, откуда перед глазами, как на картине, прекрасный сердцу вид родного села Великие Сады, где прошли мои детские и юношеские годы жизни. Прошли долгие, страшные годы разлуки и вот, по милости Божией, настала радостная встреча: мы опять все вместе. Крепко обнимая, прижимая к груди и целуя друг друга приветствовались у порога родной хаты. Но особенно обрадовалась мама, увидев наконец, дома сыночка. Сколько пришлось ей пережить горя, тоски, ожидания за эти годы разлуки! Но вот – все позади, сын дома, какая радость, хоть и со слезами.

Войдя в дом, я прежде всего предложил помолиться, поблагодарить Бога за то, что Он в эти страшные и лютые военные годы так чудно сохранил нашу семью и даровал нам благополучное возвращение домой. Пока мама с сестренкой Леной готовили обед, а татко занимался какой-то работой во дворе, брат Ананий успел познакомить меня со своей женой, с которой они недавно поженились. Рассказал, что она родом из под Дубна, из села Тараканов и что КГБ преследует ее, вызывает на допросы и угрожает посадить в тюрьму за то, что она, якобы, была связана с бендеровцами. Брат много рассказывал, как он в армии пережил войну. Военное командование не доверяло некоторым западникам участвовать в действующей армии, так что Ананий, служа в авиационных войсках, находился в глубоком тылу, ремонтировал и красил самолеты. Прожил всю войну,-говорил он,- и особенным опасностям не подвергался. Несколько раз налетали немецкие самолеты, но аэродром был пуст и особого вреда они не причинили, А потом вообще наши мастерские и ангары перевезли еще дальше, вглубь страны, в более безопасное место и за хорошую службу присвоили мне звание старшего сержанта.

Слава Богу, за всю войну он не получил ни малейшей царапины и так вся наша семья осталась целой и невредимой, кроме отца. Он получил небольшую травму, находясь в Германии, о чем я писал раньше. Наш разговор с Ананием прервало мамино приглашение:

- Обід готовий, все стоїть на столі, прошу до столу!

Все дружно уселись за стол и принялись за дело. Давно я не ел такой вкусной пищи, а мама, подходя к столу, все спрашивала: «Може кому добавити?» Ей было очень приятно, что она вновь увидела всю свою семью в сборе. Пролетело пять страшных и тревожных лет с того дня, когда со слезами она провожала меня в далекий и неизвестный путь и за время нашей разлуки произошло столько страшных событий и в нашем селе и в соседних селах. Многие дни, вечерами и в свободное время татко и мама рассказывали мне о всем происшедшем за эти годы. Говорили, что однажды ночью проснувшись, увидели на стенах комнаты сильное зарево от пожара. От страха татко вскочил с кровати, подбежал к окну и подумал, что горит наша клуня, но увидел, что пожар был далеко: горели одновременно два польских села – Витасувка и Довжок. Украинские националисты-бендеровцы загорелись ненавистью к польским поселенцам, которых польские власти специально поселяли на захваченных землях Западной Украины. Пришло время мщения, ярость ненависти вспылала и излилась на безвинных, бедных поселенцев. Бендеровцы решили изгнать поляков из украинских земель. Поляки, опасаясь расправы, оставляли свои хозяйства и кто как мог, на подводах, а кто и пешком убегали в Дубно и обратились за защитой к немецким властям.

На уборку хлебов со своих полей они приезжали под немецкой военной охраной, а на ночь опять уезжали в город. Неизвестно, насколько полякам удалось воспользоваться своим урожаем, увезти вымолоченное зерно в город, но все то, что не успели забрать, сторело вместе с их домами. Подобное чинили и поляки над нашими людьми, которые жили на их территории. Обиженные поляки, живя в городе, организовывались в вооруженные группировки и в ночное время выходили из города, нападали на жителей сел, грабили, жгли дома, а иногда и убивали.

Длинную историю своей жизни рассказал мне мой брат во Христе и друг Сергей Ковальчук. Однажды в зимнюю пору, поздним вечером они с отцом вышли из города Млынова напрямик по заснеженной луговой дорожке на свой хутор домой. Вдруг на их пути неожиданно откуда-то появилось несколько вооруженных людей. «Мы замерли от страха,-сказал Сергей,- и когда подошли к ним ближе, вооруженные остановили нас и скомандовали «руки вверх!» Обыскали нас, спросили, откуда и куда идем. Затем последовала следующая команда: «повернуться спиной и пройти три шага вперед»(команды звучали на польском языке).

Продолжая свой рассказ, Сергей сказал:

- Мы шагнули три шага вперед с поднятыми руками и слышим, как заклацали затворы. В этот момент мы попросили у них разрешения помолиться. Мы упали в снег на колени и, молясь, взывали к Богу, как никогда раньше, потому что мы считали эту свою молитву последней перед

уходом с этой земли. Молились долго, просили у Бога прощения и, если Его воля, чтобы эти люди прервали нашу жизнь, то чтобы Он принял нас в Свои обители. Не знаю, сколько мы простояли на молитве, но когда после молитвы мы открыли глаза, то никого не было, все куда-то исчезли. Я поднялся, посмотрел на отца и сказал: как ты побледнел, отец! А он ответил: ты тоже бледный. Убедившись в том, что опасность миновала, мы возблагодарили Господа за Его чудную охрану и, оглядываясь кругом, направились домой, а на другой день стало известно, что эти поляки убили несколько украинских жителей нашего села и сожгли их дома.

Тяжелое время переживали наши люди. Фронт продвинулся далеко на восток и, казалось, опасность миновала и можно было бы жить спокойно, если бы не бендеровцы, советские партизаны и различные вооруженные банды, выдававшие себя за бендеровцев, от которых пострадали многие невинные люди. Мама говорила мне, что она страшно боялась, когда украинские казаки, ставшие в помощь немцам, угнали татка в Германию и она осталась только с Леночкой. Бывало, ночью стучат в окно «Відкрийте!» Кто там?-спрашивает мама, а в ответ:» Свої, відкривайте!» А кто «свои»? Свои и бендеровцы, свои и советские партизаны. Вот и приходится открывать. Просят покормить их, расспрашивают, были ли у вас партизаны, или бендеровцы? И нужно было быть очень осторожной с ответом, чтобы не проговориться, потому что не знаешь, кто тебя спрашивает. Все они в гражданской одежде, могут прийти под видом партизан, а на самом деле могут быть бендеровцы. Об одном таком случае рассказал мне татко, он тогда был еще дома. Этот случай произошел с нашим соседом.

- Однажды под вечер,-говорил татко,-зашли к соседу во двор двое мужчин, вооруженных автоматами, одетые в армейские телогрейки с погонами и спросили его: есть ли в вашем селе бендеровцы? Сосед посчитал их за советских партизан и сказал в ответ: «О, такої непотребі у нас хватає!» Оказалось, что это как раз и были бендеровцы. Один из них пустил по нем очередь из автомата. В это время его жена подоила корову и вышла из сарая, они и ее убили, осталась в живых только одна девочка Нина, лет трех-четырёх, которую приютила моя сестра Вера и воспитывала ее до совершеннолетия.

А вот еще одна история: ночью постучали к маме в окно, потребовали открыть дверь. На вопрос мамы: кто там? Последовал ответ: «Свої, відкривайте!» У нас в то время жил на квартире православный священник. Когда мама открыла дверь, вооруженные люди зашли к священнику, о чем-то расспрашивали его, а один из них оставался в коридоре и обратил внимание на веревку, за которую открывали чердачную дверку. После краткого допроса батюшку увели и, когда мама вышла закрыть дверь, она заметила, что веревки на месте не оказалось. Мама догадалась, что веревка им понадобилась, чтобы повесить священника. Проходили дни за днями, но священник так и не вернулся домой. Кто это делал и под каким названием – под видом бендеровцев, власовцев, партизан – неизвестно, но среди виновных пострадали и многие, совсем невинные люди. Такое было страшное время.

Ходил слух среди людей, что в Малых Садах над дорогой люди увидели на большой ветке склоненного на дорогу дерева, труп повешенной женщины, которая не умела держать язык за зубами и где-то о чем-то проболталась. Ее постигла такая страшная участь! Такой способ казни не требовал особых хлопот: человека, осужденного на такую казнь, везли на повозке к соответствующему дереву, надевали на шею петлю, подтягивали к ветке, привязывали, повозка отъезжала, а жертва повисала. Возможно, что казненная женщина была полячкой, потому что обращение карателей к жертве было на польско-украинском языке, а может быть это была просто возникшая, новая поговорка, которую люди придумали в те страшные дни: «Проше пана на гилляку!» (прошу пана на ветку). Несмотря на то, что с тех пор прошло почти пятьдесят лет, люди и сейчас вспоминают это изречение.

В настоящее время люди стараются обнародовать в печати те злодеяния, совершенные над нашим народом: находят засекреченные места, захоронения безвинных жертв, производят перезахоронения, предают гласности. Подобное было и в нашем селе, разница только в том, что

были найдены захоронения не мертвых, но живых людей, связанных веревками, или проволокой. Один хозяин не имел своего колодца во дворе и пользовался водой из соседского колодца, тем более, что сосед еще перед войной переселился в другое село, а колодец оставался заброшенным. Он решил почистить его и привести в порядок. Когда он начал чистить, оказалось, что колодец завален трупами людей, повязанных проволокой. Что это были за люди, откуда они, так и осталось неизвестным. Подобных случаев по селам было множество.

Много людей погибло на фронте, под бомбежкой, в концлагерях, а много было и таких, которые оставались дома и погибли от рук различных бандитских формирований. Люди, пролившие много невинной крови, от страха возмездия за содеянное, стараются скрыться. Уезжают подальше от родных мест, в чужие края. Некоторым это удается, но скрыться от суда Божия, пред которым в свое время предстанет каждый, спастись не удастся никому и никогда. Страшная участь ждет всех убийц, об этом говорит нам Слово Божие. В Откровении Иоанна 21:8 сказано ясно, что участь таковых – озеро огненное. Многие преступники, терзаемые совестью, приходили к властям и заявляли о своих злодеяниях, готовые нести любое наказание, только бы освободиться от преследования неподкупного судьи – собственной СОВЕСТИ, но ничто и никто на земле не может освободить человека от страшной вины соделанного греха, которое тяжким бременем лежит на человеке. Только Пречистая Кровь Иисуса Христа, Сына Божьего может омыть запятнанную совесть человека. Только Он, Который взял на Себя грехи всего мира, в силе освободить каждого, приходящего к Нему, снять это страшное бремя, этот непосильный груз человеческой вины и бросить их в пучину морскую. Только Христос может подарить человеку новую жизнь, новое сердце, радость, мир и надежду и освободить от всякой вины (Иоан.1:12).

Много горя пережили наши люди за время четырехлетней Второй мировой войны. Люди были настолько объята страхом, что не знали, кого им бояться. По рассказам моей мамы было так, что днем приходят одни, с угрозами, требуя пищи. Если не даешь – применяют силу, заберут, а то еще можешь и жизни лишиться. Вечером, или ночью приходят другие и повторяется то же самое. Случалось и такое: пришли советы, кто-то заявил им, что ты кормил бендеровцев и советские власти сразу таких судили на десять лет и отправляли в Сибирь.

За короткое время, в тылу немцев, на территории нескольких районов Западной Украины, по селам полностью установилась украинская националистическая власть. Об этом рассказал мне брат Антон, который жил в таком селе, а может быть и сотрудничал с ними. Он говорил, что по селам была налажена нормальная жизнь и не только по селам, а также и в некоторых районных центрах дети занимались в школах, хозяева обрабатывали свои поля. Люди обеспечивали продуктами украинские воинские части, а если кто из боязни городских немецких властей вез им хлеб, или другие какие-либо продукты, таких останавливали, наказывали плеткой и возвращали домой. Для раненых бойцов были больницы, в которых старались оказывать медпомощь по всем правилам гигиены, насколько позволяли условия.

Продолжая свой рассказ, Антон говорил:

Каждое утро все больные вместе, по команде, молились молитвой Господней «Отче наш» на украинском языке, дружно хором пели «Ще не вмерла Україна». После уборки в палатах и завтрака, обрезали и чистили им ногти, беседовали, утешали и старались сделать все возможное, чтобы облегчить им боли и страдания. Среди украинских подразделений были ребята и из других национальностей: грузины, казахи, армяне, которые дезертировали из советской армии, или убежали из немецкого плена и им некуда было деваться. Из таких одни примыкали к бендеровцам, а другие шли в партизаны. Было так, что, если кто-либо из таких бойцов где-то гулял с девушкой и опозорил ее, то над таким парнем совершали украинцы полевой суд, выносили самый суровый приговор – «голову до пенька», и для исполнения этого приговора был специально избран кат (палач). Одет он был в красную мантию, имел соответствующий

инструмент – хорошо отточенный топор. Провинившегося ложили головой на пень и палач, без содрогания, отсекал ему голову.

Я слушал этот страшный рассказ и думал: верить рассказчику, или нет? Но, если он осмелился рассказывать мне такую страшную историю, значит он знал эти факты, все эти зверские поступки, компрометировавшие тех, кто действительно боролся за свободу Украины. Но, как говорит пословица: «Свет не без добрых людей», среди наших людей, во все времена, были, и сегодня есть, да и будут всегда по истине добрые люди, готовые на всякое доброе дело. Верующие – во имя Бога, а другие для своей собственной славы и эти люди, спасая других, подвергали свою жизнь опасности. Вот один из таких примеров, возможно я уже вспоминал об этом, но мне дорог этот факт. Об этом рассказывал мне мой друг и брат в Господе Сергей Ковальчук, как он, рискуя своей жизнью, спасал одну еврейскую семью. Его сосед работал лесником, он знал, что наша семья верующая и решил открыть мне свою тайну, - рассказывал Сергей, - и сказал, что в лесу он встретил убежавшую из гетто одну еврейскую семью, которым нужно помочь выжить, пока минует опасность. Нужно каким-то незаметным образом помочь построить им в лесу, в надежном месте землянку. Они решили, что это будет более безопасно, чем где-то у людей в доме. Прошло пару дней и «жилье» было готово. Все это делалось под страхом и большим риском. А теперь нужно было кормить их, доставлять продукты. Это было сложно: ведь доставлять пищу им необходимо было, хотя бы один раз в два дня. Но Господь чудесно благословил, евреи всецело доверились им и были очень благодарны за заботу, проявленную о них в таких трудных обстоятельствах. А когда они узнали, где живут их добродетели и стало немного спокойнее, то отец-еврей, изредка, сам тайком приходил, чтобы получить необходимые продукты. Некоторое время все было хорошо и благополучно: он приходил и уходил, унося полученное, никто не видел и не знал. Но спустя некоторое время в селе появились бандеровцы и кто-то донес им, что в дом Ковальчука наведывается еврей. Они решили проследить и поймать. И вот однажды они заметили, как еврей зашел в дом, они – бегом за ним, забежали в дом злые разъяренные, держа автоматы наизготовке, обшарили комнаты, ища еврея и, не найдя, пристали к Сергею с вопросом: «Скажи, де жид, який тільки що забіг у твою хату?» Сергей ответил: «Я не бачив ніякого жида, а ви бачили, то шукайте». Сергей боялся сказать, что у него в доме нет еврея: а вдруг найдут, и тогда непременно накажут. Долго они искали: один полез искать на чердак, другой искал по комнатам, в кладовке, но нигде не нашли, и с угрозами ушли. Сергей с отцом очень переживали, они видели, как еврей прошел через двор, слышали скрип дверей, но куда он девался – не знали. Только потом стало известно, что в тот момент, когда бандеровцы открыли дверь, вскочили в коридор и сразу кинулись в комнату, еврей спратался за открытую дверь (дверь была широкая и открывалась во внутрь) и тут же, незаметно, выскочил на улицу, забежал на другую сторону дома, пробежал через сад и скрылся в поле.

За время войны многим пришлось пережить подобное; и не только тем, которых преследовали, но и тем, которые, рискуя своей жизнью, спасали других от смерти. Но были и бессовестные люди, я уже упоминал об одном человеке, жившем в нашем селе. Одна богатая еврейская семья из г. Дубно, по старому знакомству с ним, за большие деньги пробралась к этому хозяину, убежав из гетто, чтобы найти у него убежище. Он согласился, получил хорошую плату от беглецов, которые понадеялись на своего знакомого и попали в беду. Прожили они на чердаке некоторое время, хозяин кормил и заботился о них, но, когда у евреев не стало больше чем платить, а немцы усиленно начали выискивать еврейских беглецов, угрожать и хозяевам, предоставившим им убежище, тогда этот хозяин испугался, поехал в район и заявил немцам, что у него прячутся евреи. После такого сигнала приехали немцы и увезли их на расстрел. Когда о таком позорном его поступке узнали люди, то начали презирать его, понося за предательский поступок. Эти людские презрения и укоры человеку можно как-то снести, потому что получает по заслугам. Можно немножко приглушить и совесть на какое-то время, но придет день, когда

она пробудится, будет жечь и мучить, пока человек не раскается перед Богом, или же, если не обратится к Богу за освобождением, то от страшных угрызений и терзаний собственной совести, вынужден будет наложить на себя руки, но пред Судом у Белого Престола, в Вечности, человек все равно вынужден будет отвечать за свой бесчестный поступок. А обиженным Сам Христос повелевает в Слове Своем через ап. Павла: «Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию. Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь» /Рим.12:14/. Апостол Павел предупреждает каждого из нас словами: «...страшно впасть в руки Бога живого»/Евр.10:31/.

А вот еще один эпизод, рассказанный мне братом в Господе Иваном Иващуком из его жизни. Рядом с их селом, - говорил брат, - сосновый лес, а за лесом немцы избрали место для казни евреев. Их привозили из ближайших городов и городских поселков, там была вырыта канава и над нею расстреливали немцы свои жертвы. Когда началась стрельба, я вдруг заметил, как из леса выбежала полуголая, растрепанная девушка, заметила, что я во дворе, - продолжал Иван свой рассказ, - вбежала ко мне в страхе и трепете и со слезами обратилась ко мне: «дядя, спасите меня!» Медлить было нельзя, я открыл амбар и она там спряталась. И только я успел закрыть за ней дверь и отойти, смотрю, бежит немец, вбежал во двор, запыхавшись спрашивает, наставив на меня автомат и угрожая мне, требовал сказать: где еврейка, которая только что вбежала сюда во двор. Брат Иван не растерялся и показал ему рукой: мол, она побежала через двор в том направлении. Немец побежал дальше в указанном направлении и через несколько минут возвратился безрезультатно. Девушка, прячась в амбаре, зарывшись в сено, с затаенным дыханием прислушивалась к злостному требованию немца и сташно переживала, но Бог сохранил ее невредимой. О дальнейшей судьбе ее нам неизвестно, выжила она или нет. Все эти добрые дела соделаны во имя Бога и записаны в Его памятной Книге, за которые в свое время Он щедро вознаградит каждого.

Отгремела страшная война, настало мирное время, люди с легкостью вздохнули: все опасности, кажется, миновали. Начали усердно заниматься своими хозяйскими делами. Но были и такие, которые не могли приступить к созидательному труду. Находясь в бендеровской армии, они боялись возвращаться в свои дома, в свои семьи и днем находились где-то в лесу, в укрытиях (замаскированных землянках), а ночью выходили и шли по селам добывать себе пищу. Некоторые осмеливались наведываться в свои дома, или к родственникам, прячась там на чердаках, или в домашних укрытиях. За ними охотились специально созданные для этих целей подразделения КГБ, так называемы «истребительные батальоны». Они делали облавы на бендеровцев, в основном, в ночное время. Таких охотников за украинскими повстанцами называли «Стребками», они в большинстве, жили в городах. На свой промысел, хорошо вооружившись, выезжали в села, устраивали засаду в кустах, или огородах и выслеживали свою жертву. Они не спрашивали проходящих, как это делают часовые на своем посту: «Стой, кто идет? Стрелять буду!» им это было невыгодно и даже опасно. Они действовали по указу: «Стреляй без предупреждения», и это стало результатом гибели многих невинных людей.

Пишу об этом не голосовно. Вот один из фактов, о чем рассказал мне отец погибшего таким образом Алеши, моего соседа и друга детства. Самый старший сын его строил деревянный дом и пригласил отца, братьев и некоторых соседей помочь возвести стены. Работа затянулась до позднего вечера. После работы хозяйка предложила поужинать и, как заведено в таких случаях, обязательно с выпивкой. Была летняя пора, ужинали не спеша, долго, разговаривали, выпивая рюмку за рюмкой И так время незаметно приближалось к двенадцати и нужно было расходиться по домам. Целой группой они шли и громко разговаривали, а в ночной тиши их громкий разговор был слышен далеко. Когда «Стребки» услышали шумный разговор, подумали, что идут бендеровцы, засели в огороде и стали ждать удобного момента. Вот работяги пришли домой и во дворе продолжали свой разговор. Вдруг по ним застрочил ручной пулемет. Отца ранило в руку, а Алеше пулями перерезало живот так сильно, что и кишки вывалились и он, бедняга, еще поддерживая их, введен был братьями в дом. Отец, несмотря на

ранение, при помощи сына, быстро запряг лошадей, положил Алешу на повозку и повез в Дубно в больницу. Только успели выехать на гору Пешачу и Алеша скончался, не успели довести, пришлось возвращаться домой. Вот такое горе постигло нашего соседа Романа. Он пожаловался властям, долго добивался за ранение пенсии, материальной помощи за потерю кормильца, при котором они надеялись доживать свою старость, но все было напрасно. Несколько раз я видел, как он приходил к секретарю горсовета Куликову, который и был командиром «стрелков», убивших его сына, просил помощи в ходатайстве, но так ничего не добившись, старик успокоился.

Алеша, как и многие другие, был вывезен в Германию, где проработал более двух лет, переживая многие трудности, опасности, но благополучно вернулся домой и вот, у порога своего родного дома его настигла смерть. Когда я вернулся домой и родители мне рассказали, что Алеша так трагически погиб, мне было очень жаль, что я не застал своего друга в живых. Спустя некоторое время после моего приезда, мне стало известно, почему люди на станции Дубно предупреждали нас и не советовали в ночное время идти домой, потому что была опасность попасть под пули бендеровцев, или «стрелков».

Когда после войны началась коллективизация в сельском хозяйстве, трудно было в селе найти человека, который бы согласился быть председателем колхоза, или председателем сельсовета. Каждый боялся за свою жизнь: днем приезжает из района советское начальство, избирают председателя, секретаря, а ночью приходят «лесные рыцари», т.е. бендеровцы, этих «активистов» пускают в расход – расстреливают, или вешают. Простой народ не одобрял эти действия, а наоборот осуждал за уничтожение своих, ни в чем не повинных людей и такая расправа вызывала в народе озлобление. Люди старались, чем быстрее, избавиться от таких «защитников» и выдавали властям этих хлопцев, даже и из них самих некоторые стали на предательский путь.

Вот один из таких печальных фактов. Мой одноклассник Дубновской вечерней школы Джуриченко Павел Потапович, во время войны вступил в бендеровскую армию. За героизм и активные действия ему присвоили, или он сам себе присвоил, звание «сотенного» (командира сотни), а также дали ему кличку «Чубатый», так как он имел красивый кудрявый чуб. Он подбирал себе новых бойцов и, зная наш адрес, пару раз приходил и к нам, - говорил татко, - спрашивая, где Ананий и Володя. И, если бы мы были дома, то несомненно мы попали бы в его сотню и один Бог знает, где бы мы были – остались бы в живых, или, в лучшем случае, попали бы в Сибирь, но милость Господня спасла нас.

Когда родной брат Павла вернулся из советской армии домой, бендеровцы, узнав об этом, пришли и убили его. Пока Чубатый не знал этого, он продолжал активно командовать своей сотней, посылая на задания, сам принимал в них участие, ходил добывать себе пищу: забирал у людей свиней, продукты, а жили в основном в лесах в укрытиях. Но вот он узнал, что его брата убили бендеровцы и это его сильно обозлило и разъярило. В полном боевом снаряжении он сел на свою красивую серую лошадь и поехал в Дубно сдаваться советским властям. Рассказывали очевидцы, что, когда он подъехал к зданию КГБ, они просто растерялись. Он завел во двор лошадь, а сам пришел к дежурному с автоматом, с гранатами, опоясанный патронными лентами и заявил: «Я бендеровский сотенный Чубатый прибыл с повинной и хочу видеть вашего начальника».

Неизвестно, как его пропустили, сопровождал ли его кто, или нет, но факт тот, что он попал в кабинет начальника, у которого, наверное, мурашки прошли по спине, когда он увидел перед собой в полном боевом снаряжении Чубатого, за которым они так долго охотились, а тут, к удивлению, он явился сам и добровольно сдал все свое оружие. Начальник принял его, как человека, осознавшего свою вину и решил использовать его для своих целей.

Присвоили ему звание лейтенанта и предложили ему сотрудничать с органами КГБ в разоблачении и уничтожении бендеровских групп. Благодаря такому сотруднику, который

прекрасно знал расположение многих лесных укрытий, кэзэбисты хорошо преуспевали в своем деле. Чубатый решил отомстить бендеровцам за своего брата и вместе с группой выезжал для уничтожения бывшей своей же сотни, из которой, наверное, мало осталось в живых, но он и тех предавал; указывал, где находятся укрытия, производил массовые облавы и уничтожал укрывавшихся бендеровцев. Некоторые из них отбивались до последнего патрона и, видя свое критическое положение, не сдавались, а подрывали себя гранатами, или убивали самих себя.

Когда, в основном, с укрытиями было покончено, взялись за тех людей, которые поддерживали бендеровцев: кормили, одевали, прятали в своих домах, одним словом – всех, кто в какой-то мере был связан с бендеровцами. Чубатый указывал села и фамилии таких людей, вынужденных из страха смерти, снабжать бендеровцев. Начались массовые аресты. В наше село, по донесению некоторых негодных людей, рассказывали мои родители, приехали кэзэбисты, милиция и судьи, собрали «преступников» в амбар, в основном, молодых девушек и осудили каждого на десять лет, в том числе и моих двоюродных сестер Людмилу Бороденко и Нину Стеху. В чем же заключалась их вина? Людмила получила срок за то, что она вязала бендеровцам теплые носки, варежки, а Нина – за продукты, которые приносили ей люди и она собирала их для хлопцев. Некоторых судили за то, что были бендеровскими связными, переносили секретные сведения из одной части в другую, с одного села в другое. Слушая все эти рассказы, приходишь в ужас и невольно приходит мысль: Слава Богу, что я не был в это время дома, Господь провел меня другим путем и, хотя в чужой стране тоже было немало опасностей, но Он сохранил мою жизнь и за всю войну я никого не убил, не произвел ни единого выстрела.

Однажды вечером я сидел с родителями на кухне и о чем-то беседовал с ними. В комнатухе, через коридор, жил у нас на квартире учитель, военрук (военный руководитель) с женой. Вдруг вбежала к нам испуганная и растерянная его жена и попросила татка зайти к ним. Через некоторое время из их комнаты послышался сильный удар, заставивший нас вздрогнуть от неожиданности. Мы все оставались на месте, никто не выходил. Прошло минут десять, пришел татко, выражение лица его было тревожным. Подошел ближе к нам и вполголоса рассказал, что к военруку зашли два вооруженных бендеровца и приказали ему в ближайшее время оставить наше село и уехать с женой на свою родину. На вопрос, что за удар мы слышали, татко ответил: «Це вінтовка стояла під стіною і впала». Татко немного побыл там и вышел, чтобы меньше видеть, меньше знать, тогда придется и меньше отвечать.

Военрук заявил об этом предупреждении в райОНО (районный отдел народного образования) и вскорости уехал, а татка несколько раз вызывали в КГБ на допрос: кто приходил, что говорили и т.д.

За короткое время после моего возвращения я успел поведать многих соседей и родных. Очень приятно и радостно было иметь общение со своими людьми. За пять лет разлуки многое изменилось: молодые люди возмужали и повзрослели, а старые еще больше постарели. Многие погибли на фронте, другие – дома. Было о чем вспоминать: о добром, но больше было плохого, которое запомнится на всю жизнь. Из всего нашего родства и даже во всем селе, наверное, не найдется семьи, чтобы так сильно пострадала за время войны, как пострадала семья моего дяди Федора и тети Гани.

Об этой семье и о их бедах и горе, которое выпало на их долю, я хочу частично изложить в первой части своей книги, и продолжить и закончить – во второй части. Дядя Федор был родным братом моего отца, он был прекрасным столяром, где-то простудился на работе и его постигла неизлечимая в то время болезнь (это было в 1937 году): у него на шее появилась большая опухоль и куда он ни обращался за лечением, ездил и к профессору во Львов, применял разные народные средства, но ничего и никто не смогли ему помочь. Он умер в возрасте тридцати шести лет, оставил пятеро детей. Самый старший сын Андрей, 1920 года рождения, был сыном тети Гани от первого брака. Дядя женился на вдове, которая была по

национальности чешка. Второй их сын Анатолий, 1924 года рождения, дочь Людмила 1926 года, дочь Рая 1929 года и сын Ростислав 1932 года. Беспомощная мать, оставшаяся с пятью детьми, очень переживала, ведь раньше они жили за счет заработков отца, земли у них было мало, всего три гектара, обрабатывать землю было нечем. В полевых работах помогали родственники, братья покойного дяди, но больше всех помогал брат по вере Иван Ковальчук, отец Сергея Ковальчука, так как дядя и тетя были верующими, членами евангельской церкви в селе Хорупань.

Как-то в селе появились цыгане и начали по-цыгански промышлять: что-нибудь выпросить у людей, где-то что-то украсть, кому-то поворожить на картах. Несмотря на то, что тетя была верующая, не пободрствовала и клюнула на дьявольскую приманку: цыганка навязалась тете погадать, предсказать всю ее дальнейшую судьбу, открыть всю правду. И тетя рискнула на такой грех, захотелось ей узнать свою будущность и согласилась на уговоры цыганки кинуть ей на карты. Что цыганка ей нагадала – никому не известно. Тетя старалась скрыть свой греховный поступок, но не получилось; этот грех стал известен соседям и он явился соблазном и преткновением для некоторых, а также и поношением на верующих. Даже мой татко обратил мое внимание на не христианский поступок тети, говоря:

- Хіба можна віруючим гадати на картах?

Возможно тетя посчитала свой проступок маловажным и не раскаялась в нем перед Богом. Но апостол Павел, по вдохновению Духа Святого, написал: «Ибо воля Божия есть освящение ваше...» (1Фес.4:3), а здесь произошло обратное: грех матери тяжелым бременем пал на всю ее семью, результаты нарушения воли Божией оказались плачевными.

После отступления советских войск, в наших лесах остались брошенными много танков и я, вместе с другими хлопцами, ходили в лес и разбирали эти танки: раскручивали все, что было можно раскрутить. Кому-то понадобился какой-то болт, другому – кусок железа на плуг, третий снимал приборы. Это было интересное и полезное для нас занятие – каждый из нас тащил домой сумку всевозможных железок. Каждый раз с нами ходил и Анатолий. Но однажды он пошел один, долго копался у танка, развинчивая, разбирая, что было можно и, наконец, решил заглянуть в бензобак. Открыл бак и начал заглядывать, есть ли там бензин, но ничего не видно и трудно в темноте определить, есть бензин, или нету. Он решил зажечь спичку, чтобы лучше рассмотреть. Заглядывая в бак, он поднес горящую спичку, бензиновые пары вспыхнули и пламя обожгло ему лицо и брови, но слава Богу, глаза остались невредимы. Это было первое переживание мамы за сына. Долгое время лечили ожоги и все беспокоились, будет ли видеть правый глаз.

Во время становления в нашей местности немецкой власти, Андрей решил поступить в городскую полицию. Мама долго уговаривала его не идти на такую опасную службу, но на материнские уговоры он не обращал никакого внимания, настоял на своем и стал полицейцем. По рассказам некоторых людей, сведущих о дальнейшей судьбе районной городской полиции, стало известно следующее: в одну летнюю ночь, с оружием, исчезла из города вся полиция, не осталось ни одного и не известно, куда и с какой целью они пропали. Возможно они увидели обман со стороны немецких властей, которые вместо обещанной свободы и независимости Украины, начали жестоко поработать наш народ: угонять на работы в Германию, грабить и вывозить из нашей страны все ценности. Видимо это все и возбудило национальный, патриотический взрыв не только в полиции, но и у всего нашего народа.

Как стало потом известно, по некоторым данным, полиция ушла в лес, объединилась с бендеровцами и вместе сражались за независимость Украины. Тетя сильно переживала, бросалась во все стороны, расспрашивала людей, надеясь что-нибудь узнать о своем сыне, но все ее старания были тщетными. Говорили, что, якобы кто-то видел труп Андрея где-то в лесу, другие говорили иное, но мама все никак не могла смириться с тем, что ее сына нет в живых. Проходили годы. А она все продолжала надеяться, расспрашивала и искала потерянного сына.

Находясь в таком безысходном горе, она утешала себя тем, что скоро вернется из Германии другой сын Анатолий. Когда я вернулся домой и зашел к ней, то первым вопросом ко мне было:

- Володя, а як там мій синочок Толя, коли ж він повернеться вже додому? Я так чекаю на нього, вже так багато людей повернулось, а його так довго нема.

Трудно было мне ответить ей, я боялся сказать ей правду об Анатолии ту, что я узнал в лагере, где он был; я переживал, что тетя с больным сердцем не выдержит такого тяжелого удара. Тетя заметила мое смущение и сразу догадалась, а может быть ей подсказало ее материнское чутье, что с Толей что-то неладно и она настороженно ждала моего ответа. Я сделал маленькое вступление, а потом все рассказал ей о сыне. Она уже знала, что Толя попал в концлагерь и знала, за что, ей сообщил об этом брат Богута Павел, который вместе с ним работал у фермера. Но, несмотря на все, она желала от меня услышать более подробно, как все это было, но мне уже нечего было добавить к тому, что ей уже было известно. Я только сказал, что в одном из пересыльных лагерей я встретился с ребятами, бывшими вместе с Анатолием в концлагере и они мне сказали, что Анатолий, за два дня до освобождения, умер от голода. Тетя мужественно выслушала мой печальный рассказ, тяжело вздохнула, вытерла передником слезы с глаз и опустила голову. Я пишу эти строки, а перед моими глазами, как бы вновь появляется та давняя, страшная и незабываемая картина: в слезах, с поникшей головой стоит больная, убитая тяжелым горем бедная женщина, в сердце которой доселе теплилась искорка надежды на желанную встречу, но теперь потухла навсегда...

Старшая дочь Людмила была осуждена на 10 лет за оказание услуг бендеровцам. Отбывала свой срок в г.Купянске. Тяжелые лагерные условия и постоянное недоедание привело ее к заболеванию легких и она, в полном мире с Господом (по свидетельству ее подруг по камере), воспевая Господу своим слабым, предсмертным голосом последний гимн хвалы, отошла в те прекрасные, приготовленные Богом обители, где Он Сам отрет всякую слезу с очей Своих верных детей. Все прошло: слезы, скорби и болезни. Там в небе все новое, прекрасное, там нет насилия, жестокости, но вечное блаженство и радость со всеми искупленными.

По просьбе тети я поехал в Купянск, чтобы более подробно узнать от верующих, которые посещали Людмилу в последние дни ее земной жизни и о месте захоронения. Место захоронения трудно было определить, потому что в одну яму закапывали по несколько человек. О духовном ее состоянии сестры свидетельствовали, что она в полной готовности, с молитвой и с песней на устах отошла в лучший мир.

Еще одно тяжелое горе страшными клещами сдавило мамино сердце. Я старался почаще навещать к ней, чтобы хоть немножко поддержать ее в ее переживаниях, хотя я был жалким утешителем. Только Дух Святой, как верный Утешитель (Иоан14:26) совершил эту работу в ее сердце: она покорно смирилась с волей Божией. Читая Слово Божие, молясь и прося у Бога сил, она постепенно успокоилась.

Домик их обветшал за годы войны, построен он был из старого материала и так, как некому было его во время ремонтировать – разрушился. Они соорудили себе землянку и там уютлись. Ростик под бугорком вырыл яму, сделал перекрытие, засыпал землей, поставил стеклянную дверь и так они жили и за все благодарили Бога. Тетя знала, что я занимался столярным делом и она сделала для меня ценный подарок – набор столярных инструментов, сделанный когда-то руками дяди Федора. Для меня это был ценный и нужный подарок. Ростик исполнилось в то время 15 лет, он был опорой в хозяйстве и на нем лежали все хозяйственные заботы: как полевые работы, а также и домашние. Итак, смирившись со всеми трудностями, они проводили тихую, скромную жизнь.

В собрание, как и прежде, мы ходили в село Хорупань. Жаль, что среди нашей молодежи недоставало наших друзей Анатолия и Людмилы. Родство и соседи глубоко сочувствовали тетиному горю и оказывали ей некоторую материальную помощь: кто средствами, а кто приедет

вспашет огород, засеет поле. И так, с помощью добрых людей можно бы было как-то перебиваться и мириться с трудностями и жизненными невзгодами. Но однажды, в 1947 году, в осеннюю, прохладную ночь, тетя проснулась от сильного лая собаки. Во дворе был слышен шум автомобильного мотора. В страхе тетя разбудила детей и все настороженно ожидали, что же будет дальше. Подойдя к окошку, тетя увидела стоящую посреди двора грузовую автомашину и нескольких вооруженных людей. От увиденного она, бедная, замерла от страха. Только успела она отскочить от окошка, послышался сильный стук в дверь.

- Кто там? – спросила тетя.

- Открывай!

Когда дверь открылась, последовала команда старшего:

- Ваша семья подлежит высылке, на сборы даем вам два часа!

Тетя разрыдалась и, держась за сердце, начала упрашивать их, чтобы не вывозили ее семью, но на ее просьбу никто не обращал внимания. Утирая слезы, с тяжелой обидой она спрашивала:

- За що ж ви так знущаетесь над моєю сім'єю?

- Ваша семья бендеровская, поэтому и подлежит высылке, таким здесь нет места!

Собирайтесь быстрее!

- Яка ж вона бендерівська? Доньку, яка провинилась, ви замордували в таборах, її вже давно нема в живих, а що ж ви маєте до цих безвинних дітей?

Кэгэбисты, не обращая внимания на ее причитания, начали грузить ящики на машину, потом скомандовали залезть в кузов и под строгим конвоем повезли на вокзал. Спустя несколько месяцев родственники получили письмо, в котором тетя сообщала, что их поселили в совхозе в Омской области, Горьковский район. Прошло пару лет и вдруг получаем от тети печальную весть, что умер Ростик. Он работал в совхозе. На работе он, со своим напарником переносили на плечах тяжелую траверсу. Ростик шел впереди и, когда бросали траверсу с плечей, напарник свой конец бросил раньше Ростика. Ростик получил сильный удар в плечо, после чего у него сильно заболел позвоночник и он провалялся несколько месяцев. Начальство совхоза не позаботилось о медицинской помощи для него и он скончался. Тетя, убитая очередным горем сильно скорбела и переживала, Раечка старалась утешить ее, но все было напрасно и только, спустя некоторое время она немного успокоилась.

Тяжело было ей в далекой, чужой стороне переживать такое горе. Теперь она осталась с единственной дочерью. Не было с ними и друзей, с которыми можно было бы поделиться, не было тех, кто мог бы посочувствовать и утешить. Только в Боге находили они утешение и успокоение своей душе /Пс.61:2/.

Еще при жизни сына она из тонкомерника-ольшаника построила себе мазанку и в ней ютились. Тетя с дочерью в летнюю пору ходили на полевые работы, а зимой их задействовали на других работах. Осенью, после уборки картофеля, - рассказывала было тетя, - выйду в поле, чтобы подобрать затоптанную в земле картошку, ее осталось очень много и обычно после дождя она вся была сверху и видна была издали, только подбирай, не ленись. Но это очень не понравилось бригадиру, и если он замечал такого работника в поле, подходил и прогонял плетью, говоря: «Анна Иосифовна, вы мне гадите! Начальство знает, что на этом участке уже убрана картошка и, если кто-либо из начальства увидит, что вы здесь насобирали мешок картошки, меня накажут за некачественную уборку».

Прошло с полгода времени после смерти сына, вдруг, серьезно заболела дочь. Она простудилась на работе и ослабевший организм, да и сырая хижина, в которой постоянно было холодно, привели к воспалению легких. Одно горе прошло, наступило второе: мама молилась о выздоровлении, старалась сделать все, чтобы вылечить дочь; обращалась к сельским врачам, применяла народное лечение. Посоветовали ей давать больной собачий жир и мясо – и это она применяла, но улучшения не наступало, а наоборот, состояние с каждым днем ухудшалось и вот Раечка умерла, перешла в вечное Божие жилище.

О, кто бы мог понять ее переживания, взвесить тяжесть горя и страдания бедной вдовы! Я думаю, что понять горечь страданий и сердечную скорбь ее может только тот кто пережил подобное. Ведь она лишилась последней опоры в жизни – единственной дочери, при которой надеялась доживать свою старость. Сколько нужно было иметь моральных и физических сил, чтобы пережить такую страшную боль утраты! Но, слава Богу, что верующий человек находит свое утешение в Боге, ибо Он говорит через пророка Исаию: « Я, Я Сам Утешитель ваш» /Ис.51:12/. Итак, имея двух мужей и пятерых детей она осталась на старость в чужой стране, одинокой, больной и заброшенной, никому не нужной старухой. Дальнейшее повествование о жизни тети Гани продолжу во второй части моей книги.

После моего приезда домой, я некоторое время отдыхал, набирался сил, поправлял свое здоровье, но не сидел сложа руки: посещал евангельские церкви, проповедовал, включался в духовный труд. Но жизнь заставляла приступать к работе, искать средства, чтобы приобрести необходимое: одежду, обувь, а также средства на разъезды. И я взялся столярничать. Сначала кое-что смастерил себе, а потом начал принимать заказы на изготовление дверных и оконных изделий, делал кое-какую мебель, укладывал полы, словом делал все, что попадалось под руку. Постепенно весть о том, что в Садах появился новый молодой столяр, распространилась не только в родном селе, но также и в соседних селах. Работу я старался выполнять в срок и качественно и, несмотря на то, что за свою работу я брал дороже, чем брали другие – два пуда /32кг./ пшеницы за оконный, или дверной проем с установкой, заказчиков у меня было много и в основном, верующие люди. После войны многие люди строили себе новые дома, особенно в городах. По селам начали организовывать колхозы, а в колхозах жизнь была тяжелой и многие старались вырваться из села в город. В городе получить квартиру было очень трудно и люди вынуждены были строиться. Участки под застройку городские власти выделяли бесплатно, в основном по шесть сотых гектара, платить нужно было только земельную ренту.

В Западной Украине в то время появилось много бедных приезжих людей, в основном из Брянской области и из других, граничащих с Западной областей, но откуда бы они все ни были, всех их называли «брянскими». Среди них были хорошие столяра, они носили с собой свой инструмент, ходили по селам и просились на работу, а за свой труд они брали совсем дешево. Женщины тоже искали себе какую-нибудь работу: нанимались домашними работницами, пастухами. Они, бедные, были согласны на любую работу, лишь бы заработать пуд-два зерна и увезти для своей семьи, чтобы спастись от голодной смерти. Некоторые привозили что-либо из вещей, чтобы обменять на продукты, а были и такие, которые ходили от дома к дому, прося подаяния ради Христа. Некоторые в те годы оставались жить в Западной Украине и живут по сей день.

Наши люди в те годы собирали хорошие урожаи, имели запасы продуктов и по сравнению с восточными областями жили материально богаче, но купить что-нибудь у бедных людей, или уплатить за работу старались подешевле, за граммы зерна. Но бедные, голодные люди соглашались на все, лишь бы не умереть от голода и прокормить свои семьи. Они рассказывали, с каким риском для жизни были такие поездки, а особенно на обратном пути, когда они везли домой заработанные продукты. Средств на проезд в пассажирском поезде они не имели, да и поездов пассажирских тогда было мало и все они были переполнены и люди вынуждены были ехать в товарных вагонах, а то и просто в тамбурах и на крышах вагонов. В дороге и на вокзалах на них нападали бандиты, грабили их, а если кто сопротивлялся, то таких и жизни лишали. Грабители делали себе прочные металлические когти в виде якоря, их привязывали на длинной веревке, или на проволоке к телеграфному столбу в таких местах, где поезд, выходя от вокзала, не набрал еще скорость, или там, где замедлял ход, забрасывали эти, так называемые «черные кошки» на людей, сидящих с мешками на крыше вагона и таким образом стягивали мешки, а иной раз даже вместе с мешком стягивали людей. Вот таким путем, рискуя своей жизнью, люди вынуждены были далеко ехать от родных мест добывать себе кусочек хлеба.

Мне хорошо запомнилась одна поездка в село (названия уже не помню), километров тридцать от Львова, а может и больше. Одна из моих харьковских сестер Обозная Полина сообщила мне, что она со своей сестрой Верой работает за Львовом, написала свой адрес и просила посетить их. Я решил воспользоваться этим приглашением и имея свободное время, решил съездить, тем более что и расстояние было небольшое. Мой татко, узнав о моем намерении, предупреждал меня и не советовал ехать, говоря:

- Знаєш, синок, час ще неспокійний, тепер скрізь проходять облави на бендерівців. Зловлять тебе, порохують за бендерівця і заставлять тебе у Львові чистити нужники, так що я не раджу тобі їхати.

Но сколько не убеждал меня татко, я не послушал и поехал разыскивать своих старых друзей. В дорогу взял с собой в портфель Библию, Песенник, памятные фотографии многих друзей, продукты и, на всякий случай прихватил немецкий военный плащ от дождя и холода, поскольку ехать пришлось товарняком. Приехал во Львов поздно вечером, сошел на станции Подзамче, зашел в вокзал. В вокзале народа полно, присесть негде, сидят прямо под стенками на полу, ну и я пристроился тоже возле них. А железнодорожная милиция, расхаживая по вокзалу, свысока присматривается к каждому пассажиру. Уснувших будят, дергая за шиворот, а подозрительных уводят на допрос. Я смело сидел под стенкой и наблюдал за всем происходящим, ожидая рассвета. Но вдруг милиционер остановился напротив меня, пристально всмотрелся в меня, посмотрел на мой немецкий плащ, подошел ко мне и предложил идти с ним. Прошли через дорогу на другую сторону улицы и зашли в отделение железнодорожной милиции. Дежурный записал мою фамилию, имя, отчество, домашний адрес, проверил, нет ли у меня оружия. А потом закрыли меня на лестничной клетке у входа в подвал. Оказалось, что там был еще один парень. Мы просидели под охраной дежурного до самого утра. Утром подселили к нам какую-то девушку, она была очень худенькая, бледная и, смотря на нее, я подумал, что это, наверное, бендеровка. Мне почему-то стало жаль ее. Пользуясь возможностью, я предложил ей кое-что из своих запасов, она с аппетитом поела, поблагодарила. Потом я начал беседовать с ними на духовную тему, прочитывал некоторые стихи из Библии. Они внимательно слушали, задавали вопросы, я охотно отвечал и чувствовал себя спокойно, считая себя Божиим посланником к этим бедным грешникам, чтобы и здесь засвидетельствовать им о Божией любви к падшему человеку.

Полностью довериться им я не мог, так как знал, что могут быть и подосланные, так называемые «наседки». Так называют людей, которых поселяют в камеру под видом заключенного, чтобы узнавать секреты заключенных и докладывать следователю. Такие противозаконные действия применялись в советских тюрьмах и поэтому у меня возникла проблема, как бы спрятать свой записной блокнотик с адресами, чтобы никто не заметил. Мне казалось, что я с этим справился удачно, как будто-бы никто не видел,но, когда меня привели в тюрьму, в кабинете дежурного потребовали выложить все вещи на стол. Дежурный спросил, все ли я выложил? Я ответил: да. Тогда он спрашивает меня:

- А где блокнотик? Как же ты говоришь, что все выложил, а блокнот прячешь?

Вынимаю из портфеля блокнот и говорю:

- Я считаю, что такой маленький записной блокнот вам совершенно не нужен.

- Нам все нужно,-возразил кэгэбист,-давай, снимай пояс, шнурки с ботинок и пошли со мной, а с этим мы разберемся.- указав рукой на стол, где лежали мои вещи.

Теперь мне стало ясно, что та девушка, которую я кормил, заметила, как я прятал блокнот и донесла об этом следователю, но я поступил с ней по Слову Божию: «Если враг твой голоден, накорми его»(Рим.12:20). Затем дежурный завел меня в темную, грязную подвальную камеру. В ней уже было несколько заключенных, которых часто вызывали на допросы. Это делали, в основном, в ночное время. При тусклом свете трудно было разглядеть их лица. Они молча

сидели с угрюмыми лицами и тяжело вздыхали на своих нарах и только изредка кое-кто, придя с допроса, заговорит, ища у других моральную поддержку, а потом опять – гробовая тишина.

Слышен был каждый шорох крыс, они свободно бегали по нарам в поисках пищи и пищали. В такой обстановке чувствуешь себя беспокойно, напряженно: только уснешь – опять просыпаешься от крисиного писка, а особенно, когда она лезет по тебе. Они привыкли к людям, стали ручными, как домашние животные. Когда утром я рассказал, как я работал всю ночь, гоняя крыс и не мог уснуть, один из заключенных сказал мне:

- Ничего, побудешь здесь недельку и привыкнешь.

От этих слов я, конечно, приуныл, у меня появились грустные мысли: а вдруг обвинят меня в том, что я работал на немцев, увильнул от армии, придерутся за что-нибудь, ведь советам был бы человек, а обвинение всегда найдется. Дадут порядочный срок и сиди...

Вот здесь-то, находясь в этом сыром, темном и смрадном подвале, я вспомнил татка и его добрый совет и предупреждение не ехать во Львов. Но другая мысль проскальзывала ободряюще, подобно, как и в первую ночь на лестничной клетке: ведь тебя Бог направил сюда в этот грязный подвал, к этим бедным и несчастным узникам, чтобы ты им рассказал о Божией любви и о Его спасении. Такие мысли были для меня, как бальзам на душу, давали ободрение, приток свежих сил – всецело полагаться на Господа, принимать все, как дарованное от Него и твердо верить, что в жизни христианина не бывает случайностей. Ведь верующий руководим Духом Святым и, если я оказался в таких условиях, значит – так нужно, это Божий план, чтобы засвидетельствовать этим несчастным людям, обреченным на длительный срок страданий. А может быть кому-то из них предстоит и смертная казнь.

И когда я понял, почему я здесь, я ободрился и начал свидетельствовать им о Боге, о Его милости, проявленной ко мне в эти тяжелые военные годы. Рассказал, как я познал Господа и принял Его своим личным Спасителем, рассказал о страдании Иисуса Христа, о Его воскресении и о том, что нужно грешнику, чтобы получить спасение и о многом другом. Узники в разговор не вступали, только молча слушали, поглядывая на меня в недоумении: что это за человек, что так смело говорит о Боге, не подослан ли он? О себе, кто за что попал сюда, никто не рассказывал, молчание царило и дальше. Каждый, опустив голову, погрузился в раздумье о своих собственных проблемах: что говорить, когда вызовут, когда будет суд, как там дома семья, родители, каждому было над чем призадуматься.

Охранники к таким заключенным привыкли, им не нужно было беспокоиться, что заключенные начнут дебоширить, или жаловаться начальству на антисанитарное состояние. Все сидят тихо, как кролики в клетке, разница только в том, что кроликам часто подбрасывают пищу, а здесь только два раза в день приносили какую-то, неизвестно из чего сваренную, баланду – хочешь ешь, а не хочешь, как хочешь. Самым беспокойным оказался я. Мне трудно было смириться с таким унылым состоянием, с такой гробовой тишиной, как будто над этими людьми навис «Дамоклов меч». Я их не понимал: сколько ни старался раскатать их, вовлечь в разговор, никак у меня не получалось. Потом открылась мне тайна их страданий и душевных переживаний: во-первых, возможно, что они совершили какое-то тяжкое преступление, может быть убийство, грабеж, или что-то еще и их совесть мучит и терзает. Во-вторых, что им предстоит тяжелый и длительный путь страданий. И третье, и самое главное, что у них нет раскаяния перед Богом, Который Один может снять всю тяжесть с души и послать раскаянной душе Своего Духа Утешителя, Которому нет преград для проникновения в самые тяжелые камеры смертников, чтобы наполнить страждущую душу Своим Святым, Божественным миром и радостью. Вот почему христианину, получившему дар Духа Святого и уповающему на Бога, гораздо легче переносить страдания и скорби. Кто-то сказал, что верующему с Богом и в тюрьме свобода, а неверующему без Бога – и на свободе тюрьма.

Рассуждая так, мое сердце преисполнилось радостью, что мой Спаситель и в этих обстоятельствах со мной, Он утешает меня, дарует сердцу мир и мне так захотелось петь

псалмы во славу Господу. Пришлось нарушить эту кладбищенскую тишину: я начал громко петь. Узники, слушая, поглядывали на меня с удивлением, а я продолжал петь. Мое пение услышал охранник и несколько раз прерывал его своим сильным стуком в дверь и криком: «Прекратить пение!»

Приблизилась следующая ночь, опять вызовы на допрос то одного, то другого и вот подошла и моя очередь. На допросе, как всегда в первую очередь начинают с фамилии, имени, отчества, а потом, откуда и куда едешь, зачем – рассказывай все подробно. Продержали с час и отвели опять в подвал. На следующий день после обеда вызвал какой-то старший, начал задавать те же вопросы. Отвечая на них, я объяснил, что я верующий, баптист, еду проведать своих друзей. Он спросил:

- Значит, ты считаешь себя верующим? А какое ваше отношение к советской власти?

Отвечая ему, я сказал: «Мы признаем советскую власть, подчиняемся ее законам, если они не противоречат Евангелию, Слову Божию».

- А как в отношении службы в армии?- спросил он и много других вопросов задавал. После всех моих ответов он сказал:

- Да какой ты верующий, раз ты боишься смело и откровенно отвечать. Вот у нас был один верующий, которого мы задержали, так он не боялся, а откровенно сказал: вы – хриstopродавцы, ваша власть сатанинская и мы боремся с ней! А ты боишься, какой же ты христианин?

После допроса позвал младшего офицера, дал ему указание отпустить меня. Мы вышли в другую комнату и он предложил мне расписаться за возврат моих вещей. Я сказал ему: «Распишусь после получения всего того, что вы забрали». «Не хочешь, не надо». Отдал только ремень и пустой портфель, оставил Библию, Песенник и фотографии, а также и блокнот с адресами. Обувные шнурки где-то затерялись. Обув я ботинки без шнурков и, подойдя к столу, попросил его отдать мне Библию, фотографии и, не ожидая его согласия, я подошел ближе к столу и протянул руку, чтобы взять Библию. Он ухватил меня за шиворот и изо всей силы толкнул в дверь так, что я пулей выскочил в коридор.

Вышел на улицу и направился на вокзал, радуясь, что на свободе и все же смогу проведать сестер. По пути зашел на базар, купил шнурки, зашнуровал ботинки и зашагал быстрее, чтобы к вечеру добраться до места. На вокзале пришлось немного подождать, пока подошел поезд и я уехал. Приехал в село и начал спрашивать людей, где живут приезжие рабочие. Улицы в селе не обозначены и трудно найти в чужом селе каких-то, мало кому известных квартирантов. Но вот одна старушка указала мне на хуторской дом и сказала, что она видела там чужих девушек. Я поблагодарил ее и быстро поспешил, направившись к этому дому. И вдруг, навстречу мне идет резвой походкой девушка. Я ее никогда раньше не видел, но походка ее напоминает походку Полины. Подумал я: наверное, это Вера, давай спрошу. Остановил ее, извинился и спросил:

- Вы, случайно, не сестра Полины Вера?

Она заулыбалась и как-то, немного растерянно ответила:

- Да, а вы кто такой? – спросила меня. Отвечаю:

- Я Володя из Дубно, брат и друг вашей Полины.

- Ну, тогда давайте, пойдете к нам.

Возвращается и ведет меня на свою квартиру.

Полина с хозяйкой издали увидели нас и вышли во двор, чтобы встретить дальнего гостя. О, как радостно и приятно было иметь такую встречу! Опять вместе помолиться, вспомнить о нашем тяжелом прошлом, поделиться новыми удачами и неудачами, радостями и переживаниями – все это так дорого нам, людям, на этом жизненном пути. Прошло только два года, как мы расстались и разъехались из Германии каждый в свою сторону, но и за это короткое время разлуки было о чем поговорить. Хозяйка и Вера готовили угощение, а мы с

Полиной беседовали, вспоминали всех своих друзей. Я рассказал о службе в армии наших братьев, о своей жизни, а когда стол был накрыт, пригласили к ужину.

Поблагодарили Бога за встречу, попросили благословения на пищу и сели за стол. После тюрьмы у меня аппетит был волчий, мы быстро управились с ужином и продолжили беседу. Я рассказал им о своих приключениях во Львове, о том, как татко предупреждал меня не ехать, а я не послушал и попал в такие неприятности. Они рассказали, что работают геодезистами на газопроводе «Дашава-Киев», как они сюда попали и так мы проговорили допоздна. На другой день после завтрака, мы распрощались, сестры пошли на работу, а я направился в обратный путь домой. Когда приехал домой и рассказал родителям, как мне трое суток пришлось побыть во Львовской тюрьме, то они долго смеялись и часто потом напоминали мне о результатах моего непослушания, а татко говорил:

- Шкода, що не заставили тебе чистити нужники.

Столярная работа вручную очень тяжелая и я решил поехать в Киев поискать, где бы можно было устроиться на работу модельщиком. объездил по объявлениям некоторые заводы, но нигде не смог устроиться – работа есть, а жилья нет. Заехал я к своему дяде, который долгие годы жил в Киеве и работал в каком-то солидном учреждении главным бухгалтером. И, когда я рассказал ему свою проблему и обратился за помощью, он предложил мне поехать с ним на мебельную фабрику им.Боженко. Он был в хороших отношениях с директором и надеялся, что меня примут. После краткой беседы с директором, мне предложили зайти в отдел кадров и получить справку для предъявления по месту жительства начальнику паспортного стола, где было написано примерно так: просим выдать Бороденко Владимиру Поликарповичу паспорт, он после прописки в Киеве будет работать на фабрике им.Боженко.

В Дубно мне выдали временный (на один год) паспорт. Я еще раз посоветовался с родителями, никаких препятствий не было. Собрал с собой необходимые вещи, простился с домашними и отправился в путь. Приехал на ст.Здолбунов, здесь мне предстояло ждать поезда на Киев. Тут я встретился с одним дубновским братом, который только что приехал из Киева. Он рассказал мне, что там очень трудно с питанием, за хлебом страшные очереди. Я подумал, посоветовался с ним и решил направиться в противоположном направлении в г.Броды, Львовской области. В Бродах нашел молитвенный дом баптистов, познакомился с пресвитером – Корсунем Ильей Федоровичем и другими молодыми братьями, которые жили у него на квартире. Я рассказал им о своих поисках работы и пресвитер предложил мне работу в СМУ (Строительно-монтажное управление), где он был мастером столярного цеха и большинство столяров тоже были верующие, а регент хора Василий Александрук был главным бухгалтером. Я очень обрадовался, что смогу работать в христианском коллективе, а на мой вопрос, как с жильем, Илья Федорович сказал:

- Пожалуйста, в моем доме есть специально отведенная комната для холостяков. Сейчас там их четверо, думаю, немного потеснятся и тебе будет место.

Слава Богу,-подумал я.-как хорошо все устроилось.

Ведь лучше и не придумаешь: и домой недалеко, всего 90 км., так что смогу чаще навещать к родителям.

И так, с марта 1948 г. началась моя жизнь в городе Броды. С первых дней я включился в духовную жизнь церкви: пел в хоре, проповедовал Слово Божие, ездил с хором на посещения и радовался, что могу быть полезным для Господа. Проработал столяром полгода и пришел приказ из Треста, нашей вышестоящей организации, находящейся во Львове, перевести меня во Львовское управление, с предоставлением жилья, но я не согласился переезжать и продолжал работать на старом месте.

15 августа 1948 года мне исполнилось 25 лет и тут я начал задумываться, что пора уже иметь семью, ибо верно говорит Слово Божие, что «...нехорошо быть человеку одному»(Быт2:18).и я на себе ощутил истинность этих слов Творца. Я начал просить Бога,

чтобы Он Сам указал мне спутницу жизни, которая могла бы быть для меня помощницей и другом на жизненном пути. После войны молодых мужчин было очень мало, а тем более верующих братьев, а сестер много, и каждая хотела бы выйти замуж, иметь семью – мужа, детей. Братьям был предоставлен большой выбор: внешне все красивы, одна краше другой, жизнерадостные, хорошие христианки и казалось, что любая из них была бы хорошей женой и матерью. Но это, если смотреть по-человечески, я же в страхе и трепете эту свою жизненную проблему приносил в молитве Господу, чтобы Он указал мою «половину». Я размышлял про себя: пусть невеста моя будет материально бедная и может быть не такая уж красивая, лишь бы была искренней христианкой и богатой духовно.

И вот Господь обратил мое внимание на одну нашу сестру-хористку, бедную, болезненного вида – Галю Марцин. Несмотря на ее непривлекательность, она казалась мне красивее всех сестер. Она недавно обратилась к Господу и на ее бледном лице отражалась тихая радость спасения и внутренняя красота души. Притом, Господь наделил ее даром пения, у нее был чудесный голос – сопрано. Несколько раз обращался я к Господу: «Господи! Та ли это, которую Ты предназначил быть мне женой, или это мой собственный выбор? Получив от Бога утверждение, что Галина принадлежит мне и никому другому – все сомнения, колебания и раздумья вдруг исчезли, мое решение было твердым.

И однажды вечером, после спевки, я провожал Галину и ее сестру Людмилу домой, они жили в доме принадлежащему Хмелькомбинату, от собрания километра два. Войдя во двор, Людмила, простившись со мной пошла в дом. Она заметила, что я уделяю больше внимания ее старшей сестре. А мы немного отошли в приусадебный сад, сели на скамеечке и начали беседовать. Галя много рассказывала о своей семье, о горе и страдании, которое постигло семью. Рассказала и о своей болезни, о чем, зачастую, девушки не говорят, стараются скрыть. Рассказала, как она лечилась в одном из Киевских санаториев, после чего почувствовала себя гораздо лучше и что рана на легких зарубцевалась, остался только пертификат, величиной в пять копеек. Я внимательно слушал ее рассказ и мне стало очень жаль ее, что она, рассказывая, приуныла и я решил развеять эти грустные мысли, утешить ее. Обратившись к ней, я сказал:

- Галочка, не унывай, Бог силен уврачевать тебя, только веруй и молись. Если желаешь, я открою тебе тайну.

Она улыбнулась, посмотрела на меня с любопытством и замерла в ожидании. И я начал свое признание:

- Знаешь, Галочка, я молился и не однократно просил у Господа, чтобы Он указал мне сестру, которая могла бы быть мне женой и хорошей помощницей в жизни и Господь обратил мой взор на тебя. Я верю, что в этом Его святая воля. Что же ты мне ответишь на мое предложение быть моей женой?

Она опустила голову, немного смущаясь, подумала, а потом посмотрела на меня, вытерла слезы и сказала:

- Володя, как же мне быть твоей женой? Ты же знаешь, что я серьезно больна и собираюсь умирать, а ты мне делаешь предложение. Зачем тебе связывать себя больной женой?

На этом наш разговор прервала Люся, она ждала, ждала и обеспокоенная, открыла окно в своей чердачной квартире и сердитым голосом позвала: «Галю, хватить, пора спать!» Она, конечно, не знала, что здесь решалась наша судьба - такая сложная проблема в нашей жизни. И, хотя между нами не было свидетелей – ни наших родителей, ни сватов, Но между нами был невидимый Свидетель – Сам господь, Его я не однократно умолял, чтобы Он решил эту мою проблему. Я поблагодарил Господа за согласие сестры и дальнейшие действия по этому вопросу мы возложили на Него.

После такого сладкого и очень важного свидания, с радостным сердцем, с пожеланием спокойной ночи, мы разошлись на отдых. Всю дорогу я бежал «марафонским бегом», нужно было торопиться, ведь я хорошо знал решение наших жильцов холостяцкой комнаты: в 11 часов

вечера калитку на улицу закрывали и если кто-то задержался, то нужно было стучать, беспокоить уснувших братьев, или перелазить через калитку. Как я ни старался, чтобы успеть к закрытию, но – калитка уже была закрыта. С трудом забрался на крышу над калиткой, прыгнул и тихонько зашел в комнату. Братья еще не спали и со смехом встретили меня, довольные, что заставили перелазить через калитку. Вася, улыбаясь, спросил меня:

- Ну, як там Хмількомбінат? – имея в виду мои проводы сестер. Я промолчал в ответ, но они уже догадывались, что не зря я так часто провожаю сестер.

Наш пресвитер Илья Федорович часто любил напоминать молодежи, несмотря на то, что наша молодежь не устраивала вечерних гуляний: «Порядочные девочки должны быть дома не позже десяти часов вечера, а мальчики – в одиннадцать». Он прибавлял мальчикам час времени на проводы сестер, но у нас, кроме меня, мало кто провожал. На Хмелькомбинат идти далеко, проходить нужно было через железнодорожный вокзал. Девушки боялись и я считал своим долгом провожать, а тем более после того, как мы с Галей договорились пожениться.

Помню, однажды Галя поехала во Львов. Я узнал, когда она должна была вернуться и решил ее встретить, но получилось так, что я не заметил, как она вышла из последнего вагона, перешла пути и направилась домой. Я постоял, пока прошел поезд, смотрю, а она уже далеко. Я начал догонять ее, а она заметила, что кто-то преследует ее, добавила ходу. Когда я все же догнал ее, она увидела, что это я, обрадовалась и сказала: «О, як ти мене налякав!» И такое иногда бывает: вместо приятной встречи – испуг.

О нашем договоре с Галей, первым узнал пресвитер, я рассказал ему. Он, конечно, обрадовался нашему решению, а особенно его жена Наташа обрадовалась, что мы поженимся. Она очень любила Галю и очень желала выдать ее замуж. В воскресенье, после собрания, брат пресвитер объявил нас женихом и невестой. Друзья заулыбались, все довольны, начали поздравлять нас. Для многих это было неожиданностью: наша дружба и ухаживание не тянулись так долго, как это обычно у некоторых бывает. Мы договорились, объявили и, примерно, через месяц, 11 ноября, в субботу состоялся наш брак. Мама Гали жила в селе, работала учительницей и только после приезда ее в Броды, она узнала о нашей свадьбе, когда все уже было решено. Немного не так получилось, как должно: мы не посоветовались с родителями и они, как обычно, не присутствовали при нашем сватанье. Но так уж вышло: родители были далеко, все пришлось решать самим, ведь это наше сугубо личное дело. Когда я приехал домой, показал родителям маленькую фотокарточку Гали и сказал, что это – моя невеста, а потом спросил: «Ну, как, нравится она вам?» Мама посмотрела на фото и сказала: «Гарна дівчина, але така худенька!» А татко на мой вопрос ответил: «Це твоє особисте діло, тобі з нею жити, а не мені».

До свадьбы времени оставалось мало, а хлопот было очень много. Прежде всего, и самое главное, нужно было найти квартиру. Узнав, что можно было с одним человеком незаконно договориться за чердачную комнатку, из которой он выселялся, я пошел к нему, заплатил пятьдесят рублей, братья помогли сделать ремонт, кто-то из друзей принес табуретки, поставили стол, деревянную кровать. Две подушки и домотканые рядна (простыни) я привез из дому и так – с квартирой все готово. Непростое было дело – найти невесте свадебное платье и себе костюм. С этой целью пришлось мне ехать за 100 км. в г.Здолбунов к одной сестре одолжить платье, а костюм предложил мне наш брат Вася Пасечник, так что и эта проблема была решена.

И еще одна проблема: как и где приготовить, хотя бы скромный свадебный пир? Это был довольно сложный вопрос. Мои родители дали килограмм, или полтора масла сливочного, несколько килограммов муки и больше ничего. Мама Гали тоже не имела никакого запаса. Илья Федорович, видя наше безвыходное положение, сказал нам:

- Не беспокойтесь, мы сделаем вам английскую свадьбу. Там не жених с невестой устраивают пир для гостей, а все гости делают пир для молодых: приносят свои, заранее

приготовленные блюда в зал пира и получается прекрасный пир! Вот так мы сделаем и вам. Ведь легче всем приготовить и угостить жениха с невестой, нежели двоим приготовить и накормить всех.

Мы с радостью приняли такое предложение и я подумал: Слава Богу, что англичане дали нам хороший пример, которым воспользовались наши друзья и разрешили этот трудный для нас вопрос нашего брачного пира. Так, что нам не нужно было заботиться, все сделали друзья, нашим делом было – приглашать гостей.

У меня был друг Александр Костя, он некоторое время жил с нами в нашей холостяцкой комнате, а в основном жил в селе Ивачков, за Здолбуновом. И вот мне пришлось ехать к нему приглашать его на свадьбу. Ехать с невестой – не получилось, время у Гали не позволяло, или что-то другое помешало, не помню, но помню, что пришлось ехать мне самому. И когда я приехал и пригласил его, он удивленно посмотрел на меня и спросил: «А кого ж ты берешь?» Отвечаю: «Галю». «Та що ж ти собі думаєш? Та вона ж тобі вмере!»

На эти слова я ответил ему:

- Знаешь, Костя, Господь может сделать из больного здорового и наоборот – здорового сделать больным. Я надеюсь на Бога, что Он исцелит ее, да я и не приехал к тебе советовать: брат, или не брат мне Галю, а приехал пригласить тебя на наше бракосочетание, побыть на брачном пире и вместе порадоваться, так что прошу тебя, приезжай, пожалуйста.

Он понял, что наговорил лишнего и ему стало неудобно за такие разговоры и за то, что огорчил меня. Когда я передал наш с ним разговор Гале, ей тоже это было неприятно. Костя и особенно его старший брат Вася тоже посматривали на Галю и, если бы не знали о ее болезни, то не упустили бы такую красавицу-певицу, но они побоялись туберкулеза и поэтому Костя удивился, что я женюсь на больной и бедной девушке.

Итак, прошли дни предсвадебной суеты, приготовлений и наступил день брака. Это был осенний, прохладный, дождливый субботний день – последний день моей холостяцкой жизни и день начала неведомого нам нашего совместного семейного пути. Вечером сошлись друзья в молитвенный дом на богослужение, которое было полностью посвящено нашему бракосочетанию. Служение, как и всегда началось молитвой пресвитера и общим пением молитвенного гимна. Потом было прочитано Слово Божие, приглашающее к общей молитве. Совершили коленапреклоненную молитву, после чего началось торжественное бракосочетание. Служитель предложил нам занять почетные места, для нас это было как-то непривычно – сидеть перед всеми, но ничего не поделаешь, раз в жизни каждому, вступающему в брак, приходится быть объектом общего внимания. Пастырское наставление для нас сопровождалось прекрасным хоровым пением, а в конце служения брат пресвитер совершил над нами благословляющую молитву с возложением рук. После всего начались приветствия с поздравлением и пожеланием Божиих благословений на нашу супружескую жизнь.

К сожалению, среди наших друзей не было фотографа, который бы запечатлел на фотокарточке нас в такой торжественный для нас момент, а кинокамеры в то время вообще еще не было, даже фотоаппарат тогда был большой редкостью и достать его, или даже пленку, было очень сложно.

Теперь нам предстояло еще разделить с друзьями брачную трапезу. Для этого нужно было пройти в дом брата Долганюка Володи, который предоставил нам зал в своем доме. Гости было около пятидесяти душ, в основном, из нашей поместной церкви. Мои родственники не смогли приехать на наше торжество, а из родства Гали была только мама, брат Анатолий и сестра Люся. Отец в то время находился в заключении. Вот в таком небольшом кругу друзей – братьев и сестер, в скромной обстановке мы провели этот радостный вечер брачного пира.

Здесь же, во время брачного пира, поступило приглашение нашему хору прибыть завтра, т.е. в воскресенье, на бракосочетание в соседнее село. Мы с Галей, как члены хора, тоже должны были пойти на это служение. Но у меня возникло затруднение: во что одеться? Костюм я

одолжил только на субботний вечер, его нужно отдать. Ладно.-подумал я,-поеду в своем старом костюме, а вот пальто было совсем поношенное, стыдно было в нем идти, что же делать? На дворе осень, холодно, у кого же одолжить пальто? На мою нужду откликнулся брат Петр Цеона, он предложил мне свое пальтишко с каракулевым воротником. Примерил я его, а оно было совсем не по мне – с меньшего братца – тесное, короткое. Но выбора не было, я и этому был рад и благодарен брату за выручку.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЖИЗНИ

Началась новая страница в нашей жизни: новые заботы, новые проблемы ожидали нас впереди нашей совместной жизни. Но, несмотря на все это, в наших сердцах преизобиловала радость и любовь друг ко другу. Первым нашим свадебным путешествием был пеший поход километров восемь, в село, куда пригласили нас на бракосочетание, а спустя несколько дней, мы совершили второе путешествие – в мое родное село Великие Сады к моим родителям, а на большее у нас не было ни времени, ни средств. Была еще одна вынужденная поездка в г. Здолбуново, нужно было отвезти свадебное платье. Костюм и пальто я брал у местных братьев и сразу же возвратил с благодарностью. А вот в отношении табуреток, которые еще до свадьбы мне принес один брат, чтобы обставить нашу комнату, получилось маленькое недоразумение: я посчитал, что табуретки брат принес, как свадебный подарок, поблагодарил его и считал себя полным хозяином табуреток, но получилось наоборот – свою ошибку я понял, когда брат пришел забрать табуретки. Ну, что ж, пришлось поблагодарить за бесплатный прокат и отдать его вещи, ничего не поделаешь, украинская народная поговорка гласит: “З чужого воза серед грязі злазь”.

Немного неприятно мне было перед женой, что так получилось, пару дней пришлось обходиться без табуреток, а потом я наделал столько табуреток, что можно было и гостей принимать, было на чем посадить. Не успели друзья мои посетить нас в нашей комнатухе, посмотреть, как мы устроились и посидеть на новых табуретках за чашкой чая, вдруг, неожиданно получаем из Горсовета распоряжение: немедленно освободить незаконно занятую квартиру. Опять возникла серьезная проблема: куда же деваться? Время зимнее, выбросить на улицу зимой не имеют права. Попробовал добиваться, чтобы узаконить, т.е. получить ордер, но ничего не получилось, назначили срок и – будь добр, освобождай. Пришлось искать новое место для жительства. И вот одна сестра-старушка откликнулась на нашу нужду и предоставила нам свою одну комнату, а сама жила в темной кухне с большим окном в нашу комнату, через которое поступал к ней солнечный свет.

Квартира очень скромная, но выгодна тем, что была в конце базарной площади, рядом был базар, за считанные минуты можно было приобрести все необходимое для приготовления пищи. Собрание было рядом, магазины и, казалось, что можно было бы жить, пока попадет что-то лучшее. Но прожили мы два-три месяца и пришлось нам овобождать и эту квартиру. Нас выжили крысы, они были там старыми жильцами: питались с базарных мусорных ящиков и их расплодилось под полом столько, что не давали нам спать. Очень жутко и противно было:

только потушим свет – они выползают, бегают по комнате и хозяйничают. А однажды дошли до такой наглости, что терпеть дальше было уже некуда. Только мы уснули и, вдруг моя Галочка как закричит. Я вскочил и спрашиваю, в чем дело, что случилось? “Да по мне пробежала крыса!” Ничего, нужно привыкать, - ответил я. Но сколько мы ни привыкали, так и не привыкли, пришлось переходить на квартиру к другому хозяину, который жил в другом конце базара. Здесь была у нас большая комната, кухонный очаг, русская печь, большое окно, а на нем металлическая решетка, а за окном – прилавок с молочными продуктами. Хозяин выделил нам сарай, в котором мы держали кабанчика. Словом, начали заниматься хозяйством всерьез: хлеб пекли сами, имели хороший огород, картошки было вдоволь.

Помню, как однажды вечером зашел к нам какой-то бедный мужчина, лет тридцати и подал мне записку, в которой написал, что является глухонемым и просит разрешения у нас переночевать. Мы, чувствуя свой христианский долг, проявили к нему милость, приняли беднягу, накормили его, а потом, помолившись, легли спать. Утром мы поднялись раньше, а он продолжал спать. Потом проснулся и четко произнес: “Проспал я”. После этого смутился, замялся и больше ничего не сказал. Мы были ошарашены: глухонемой заговорил! Для нас было загадкой, что же он проспал, какие были у него намерения, с какой целью он обманул нас, притворившись глухонемым. А потом решили, что у него были плохие намерения, но Бог сохранил нас.

Галочка продолжала работать бухгалтером на лесопильном заводе, а я столярничал. Приносил с работы разные детали для изготовления табуреток, детских кроваток. Дома собирал их и на рынке продавал, это служило хорошим подспорьем к нашему скромному семейному бюджету. А когда этого приработка было мало, то я, со своим другом Володей Гарбузюком, брали с собой соответствующий инструмент и шли на развалины домов, добывали кирпич, здесь же складывали, подсчитывали количество, надеясь, что когда продадим, наш труд будет щедро вознагражден. На такую халтуру, или калым мы ходили несколько вечеров, работали в поте лица и за каждым разом количество столбиков очищенного и сложенного кирпича возрастало. Поздним вечером, уставшие до предела, мы возвращались домой. Регент хора, брат Вася начал нам делать замечания, что мы оставляем спевки и ходим на калым. Он предупреждал нас, ссылаясь на Слово Божие и говорил: “Смотрите, чтобы ваша работа не была для дырявого кошелька”/Аг.1:6/.

На его предупреждения мы мало обращали внимание и продолжали свое занятие. Кирпича у нас уже было пару тысяч и нужно было искать покупателя. Застройщиков было много и, чтобы продать кирпич, проблемы не составляло, - так рассуждали мы, возвращаясь с работы. Уже и женам нашим надоело, мы это замечали, они ожидали, когда же будет конец этой работе, чтобы можно было, вместе с мужьями, пойти на спевку, погулять вместе, или кого-нибудь посетить. И вот мы решили: пойдем еще один вечер, чтобы дополнить количество, а тогда будем искать клиента. И когда мы, в последний раз шли на работу и подошли к назначенному месту – мы не поверили своим глазам – издали заметили отсутствие некоторых столбиков кирпича, а подойдя еще ближе, увидели, что не осталось ни единого кирпичика, за одну ночь пропал весь наш труд! И только здесь мы поняли, что Вася был прав, предупреждая нас местом Священного Писания из пр. Аггея, что, если посвященное нами время для Господа мы будем употреблять для своих целей, то весь наш труд и весь заработок не принесет нам никакой пользы, а пойдет в дырявый кошелек. В этом мы полностью убедились и хорошо усвоили этот жизненный урок: он слишком дорого нам обошелся. Недаром говорят, что «наука дорого стоит».

Тяжелая жизнь была в послевоенные годы, приходилось искать выход из этих трудностей. Выкормили мы кабанчика, пришлось продать, нужны были деньги. Я узнал, что в Хмельницкой области можно по дешевке достать сахар. Поехал, привез полмешка, вышел на базар, продал на стаканы и немного подзаработал. Появилась в Бродах в магазине вата: набрал пару тюков, завез в Дубно, продал и – осталось немного «навара». А вот со стеклом мне не

повезло. Когда продавал вату, я узнал, что в Дубно нет оконного стекла и, хотя это тяжелый груз для транспортировки, но все же решил и на стекле подзаработать. Купил несколько листов стекла, Илья Федорович порезал его по размеру большого чемодана, положил плотно в чемодан, опоясал ремнем, попробовал поднять на плечи – тяжеловато, но как-нибудь справлюсь и с таким грузом. Вынес чемодан на улицу, остановил попутную грузовую машину, погрузился и поехал в Дубно. Подъезжая к городу, остановил машину, сошел и направился напрямик через села в Сады, с тем расчетом, что в сельском магазине нет стекла и татко сможет его там продать. Идти было километров восемь. Чемодан взял на ремень, закинул за спину и помаленьку пошел.

Сперва казалось, что не так уж и тяжело, но когда я прошел пару километров, то чемодан мой становился все тяжелее и так, с каждым километром я чувствовал, что тяжесть увеличивается. Дорогой часто останавливался, переключал чемодан с одного плеча на другое, весь вспотел, рубаха вся мокрая, но все же, хотя и медленно, но продолжал идти. Иду, а чемодан все трет и трет спину – то на одну сторону перевалится, то на другую. Я не обращал внимания до тех пор, пока не почувствовал, что спину жжет. Что же делать? Нести невозможно и бросать жалко. С большим трудом я все-таки донес свой груз домой. Когда родители увидели меня, что я весь вспотевший и несу на спине тяжелый чемодан, наверное подумали, что сынок тащит что-то ценное. Поставил чемодан на пол. Отец подошел, попробовал поднять и спросил:

- А що ти туди наклав, що він такий важкий?

Я ответил:

- Ты мне говорил, что у вас в селе нет стекла, в кооператив не привозят; разбилось стекло – и негде взять, чтобы заменить. Вот я купил и привез, застеклишь свое окно, а остальное продашь.

Отец посмотрел на меня с удивлением и говорит:

- У нас повно скла, вчора в коперативу привезли пару ящиків, бери, скільки хочеш.

Ну, что ж, жаль труда, пусть Ананий использует его на парники. После ужина посидели, поговорили, а потом, отходя на отдых, я снял рубаху и говорю маме: “Посмотри, мама, что там у меня на спине?” Мама взглянула и испугалась:

- А що то ти наробив? Вся спина розтерта аж до крові!

Отвечаю, что это чемодан так растер спину, ничего, заживет. Вот такой неудачный бизнес получился со стеклом, но ведь в бизнесе все бывает – и удачи и неудачи.

Положение на работе ухудшилось, заработки снизились, а Львовское начальство продолжало настаивать, чтобы перевести меня во Львов. Я проработал год в той организации и решил уволиться.

Чтобы не проводить напрасно свое свободное время, я, с моим другом Володей, поступили в бухгалтерскую школу промышленных предприятий. Школа была годичная, но мы всю программу прошли досрочно. Мне повезло: все сдал на «отлично». Во время учебы подзарабатывали на выгрузке вагонов. Помню, однажды пришлось нам работать в воскресный день. На работу должна была выйти вся бригада, но хлопцы где-то загуляли, или просто не захотели выйти и мы, вдвоем взялись выгружать вручную «пульман» (большой четырехосный вагон) – 60 тонн спрессованного минерального удобрения. Лопатой никак не получается, нужно было долбить ломиком, а потом разрыхленную массу выбрасывали на кучу возле дверей. Работа спорилась, пока были свежие силы, но дальше становилось все тяжелее. С одного и другого конца вагона каждую лопату нужно было нести к дверям, чтобы бросить на кучу. Пробовали выбрасывать через окошки, но они были высоко, под самым потолком. Немного побросали и руки до того заболели, что не было сил поднять лопату. Но как ни было нам тяжело, за 14 часов, т.е. до 4-х часов ночи, мы выгрузили вагон. Посидели, отдохнули немного на свежем воздухе и хотели уже идти домой, но вспомнили, что бригадир просил прийти выгрузить и второй восемнадцатитонный вагон.

- Ну, что, Володя, выгрузим и этот вагон? – спросил я. Володя ответил: «Якщо в мішках, то вигрузимо». Мы открыли вагон и обрадовались, что удобрение было в мешках. Несмотря на

то, что мы были уставшими, но работа пошла быстро и до семи часов утра мы выгрузили и этот вагон. Итого: за 18 часов выгрузили 78 тонн удобрения!

Утром бригадир забегал, засуетился, чтобы найти грузчиков и закончить разгрузку. Пришел на рампу (место выгрузки вагонов) и глазам своим не верит – вагоны разгружены! Когда я пришел с работы домой, не знаю, как Володя, но у меня все ребра, руки и ноги до того болели, что я три дня не мог прийти в нормальное состояние.

Но более всего обидно было, что нас обидели с оплатой: выплатили не в двухкратном размере, как положено, а заплатили, как за урочное время.

Хочется еще вспомнить один эпизод из нашей совместной работы, когда мы столярничали. В столярном цеху, в связи с неполадками, отключили электроэнергию и возник вопрос: что делать, идти домой и ничего не заработать, или вручную, хотя что-нибудь, но заработать. Вот мы и взялись за дело. Я долбил вручную дыры в дверных брусках, шириной 11 см., а Володя зарезал в поперечных брусках шипы и за 8 часов он зарезал сто шипов, а я продолбил сто дыр. Много это, или мало, может определить только тот столяр, кто сам работал вручную. Пишу об этом не для хвастовства, но для того, чтобы показать, каким упорным трудом приходилось добывать средства для содержания семьи.

После окончания бухгалтерской школы, мы с Галочкой решили поехать, как говорят, на богатые села в Дубновский район, куда меня пригласили застройщики изготовить им столярку – окна, двери и кое-что из мебели. А Галочке предоставилась возможность пожить в тихой и спокойной сельской обстановке и насладиться красотами сельской природы, подышать чистым и свежим воздухом и беззаботно провести время. Прекрасная сельская природа, летняя пора, на улице солнечно, тепло, с полей ветер доносит запах созревающих хлебов, а рядом старый, дремучий лес; вокруг – фруктовые сады – все сказочно-прекрасно, живи, работай и за все благодари Бога. Жили мы в амбаре, здесь же было и мое рабочее место, немного поодаль стояла наша кровать. Приятный запах соснового смолистого материала и стружки наркотически действовали на нас: стоит добраться до постели и моментально засыпаем, как убитые. Да еще плюк с тому, действовала и усталость после упорного дневного труда.

Просыпался я чуть свет, как только становилось светло в амбаре, сразу схватывался, молился и приступал к работе, а Галочка продолжала спать, пока хозяйка не позовет завтракать. Она не могла мне ничем помочь в моей работе, но я был рад ее присутствию рядом, мне было очень приятно, когда она сидела у моего верстака, рассказывала о чем-либо, я слушал и работа спорилась в руках. А то еще запоет псалом – аж сердце радуется! Спойет, а потом, с улыбкой, говорит: «Ты работай, а я своим присутствием буду тебя вдохновлять». И действительно, вдохновляла, работалось легче и быстрее. Но, когда ей надоест «вдохновлять», тогда брала какую-нибудь посуду и шла в лес, бродила по лесу до усталости, собирала землянику и приносила мне, а хозяйка давала сметану и мы имели к обеду прекрасный десерт.

Так проработал я все лето: то у одного хозяина, то у другого, у третьего и, когда приобрел хорошую репутацию столяра, то люди из дальних сел приезжали за мной и давали заказы на столярку. Очень хорошо, что у меня было много заказов и я мог хорошо заработать, но плохо было то, что за все лето ни одного дня (кроме воскресенья) не было отдыха – все время работа и работа. Я уподобился тому евангельскому богачу, который получил хороший урожай в поле и у него возникла проблема: куда собрать этот урожай? Подобное получилось и у меня. Урожай большой, за лето я заработал тонну пшеницы, погрузил на попутную машину и отправил в Броды. Хозяину дома, где мы жили понадобилась наша комната и нам пришлось искать по счету уже пятую квартиру в Бродах. Привез зерно, а вот куда его девать? Наконец, нашли квартиру в стареньком доме одного бедного хозяина, туда разгрузили зерно и начали оседлую жизнь.

Моя Галочка, 11 ноября, в 4 часа дня, отправилась в роддом, а в восемь вечера, я с букетом цветов спешил к ней, чтобы поздравить с благополучным рождением нашей

первенницы-дочурки. Какая это была радость для нас! Дочку мы назвали по имени украинской поэтессы Лэсей. С появлением в доме ребенка, появились у нас новые заботы и проблемы. Во-первых, привез их из роддома, а в квартире холодно, сколько ни топи – все равно до утра остывало, приходилось подтапливать и ночью. С трудом удавалось натопить так, чтобы можно было искупать ребенка. Окна были одинарные, везде щели, все кругом выдувает, а зимы тогда были суровые. И так в этой квартире мы ютились почти два года. Мешки с зерном и мукой лежали на кухне, развелось масса мышей, погрызли мешки, везде лазят, все грызут, какой-то кошмар. Там, на рыночной квартире крысы не давали покоя, а здесь – от мышей отбоя нет.

Однажды Галочка поставила на подоконник, в прохладное место, стакан молока, чтобы за ночь не прокисло. Утром я торопился на работу и решил выпить это молоко. Отпил с полстакана и заметил на дне стакана что-то темное. Когда я рассмотрел получше, оказалось, что в стакане утонувшая мышь. Поставил стакан на место, позвал Галочку и говорю ей:

- Вот я выпил полстакана молока, но там на дне что-то темное, посмотри в стакан, что это?

Когда она посмотрела, ей стало нехорошо. Глядя на меня, спросила:

- И как, не вызвало оно у тебя рвоты?

- Нет, ничего, все нормально.-ответил я.

Вот и такое бывало, пишу об этом потому, что это – сенсация. Наверное, никому в жизни еще не приходилось пить молоко с такой «холодушкой».

Найти хорошую квартиру в Бродах, даже частную, было большой проблемой, а тем более получить государственную. За три с половиной года нам пришлось шесть раз сменить жилье. Возникли трудности с устройством на бухгалтерскую работу и мне пришлось с 16 января 1950 г. поступить в Бродскую МТС (Машино-тракторная станция) на должность заведующего складом. Кроме того выполнял некоторые сложные сварочные работы по реставрации машин: наваривал зубья на шестеренки для магнетто и другие детали, а также приходилось восстанавливать деревянные детали сгоревшей молотилки.

Кроме основного оклада, за другие работы мне платили по нарядам, получалось неплохо, но хотелось лучше. И как-то, в беседе с нашим механиком, я узнал, что в Архангельской области, где работает его брат на лесопильном заводе, хорошие заработки и он предложил мне поехать и договориться за работу. Посоветовался я с Галочкой и она согласилась, чтобы я съездил и разузнал все подробно, а потом будем решать, как поступить. Чтобы как-то компенсировать дорожные расходы, мы решили по дешевке закупить яблоки, чтобы там продать. Упаковали их в большой ящик и отправили по билету в Архангельск. Перед отъездом, в половине декабря, синоптики передали, что в Архангельске было 14 градусов мороза. Теплой одежды и обуви у меня не было и я поехал в демисезонном пальто, на ноги обул керзовые сапоги, на голову фуражку и отправился в далекий, холодный край. По пути, не доезжая ста километров до Архангельска, я сделал остановку в поселке, где жил брат механика, чтобы узнать насчет работы. Пока доехал, мороз усилился. А багаж мой, яблоки, уехали в Архангельск. Выскочил из вагона, на улице холод, полно снега, я бегом направился в магазин. Около магазина и в магазине полно собак, к прилавку стояла большая очередь, люди громко разговаривали, шумели, кто-то заспорил с продавцом. Посмотрел я, есть ли продукты, присмотрелся к ценам, узнал, как пройтти мне по нужному адресу, поблагодарил и отправился на поиски.

На улице стемнело и мне пришлось долго блуждать по поселку, пока нашел нужный дом. Хозяйка заперла дверь и улеглись спать. Что же делать, куда деваться? Начал стучать в дверь. К двери подошел хозяин, я объяснил, кто я и откуда, извинился и он впустил меня в дом. Посреди дома стояла большая обогревательная печь, а рядом лежала куча метровых чурок и, когда печь остывала и в комнате становилось прохладно, хозяин поднимался ночью и подбрасывал в печь дровишки. Перегородки между комнатами были не до самого потолка, так что тепло равномерно распространялось по всем комнатам. Познакомились, передал от брата привет,

рассказал о цели моего приезда. За время нашей краткой беседы хозяйка быстро приготовила мне поесть и так, как время было позднее, легли спать. За дорогу я сильно устал и только лег, сразу же уснул крепким сном, спал, как после бани. Утром пошел с хозяином посмотреть производство. Отошли немного за поселок, смотрю, на окраине леса, среди деревьев, под открытым небом установлены две пилорамы, циркулярные пилы; вся территория завалена досками, обрезками, вокруг на поле полно снега и мороз, наверное, до двадцати градусов. Посмотрел я на всю эту обстановку и даже не стал расспрашивать о заработках, потому что такая работа, с такими условиями мне не подходила.

Мастер сразу понял меня без слов и не стал даже спрашивать моего решения. И так, основной вопрос был решен; осталось ехать в Архангельск, продать яблоки и можно будет возвращаться домой. Мастер по дороге домой, проходя мимо магазина, рассказал мне одну историю, которая произошла в их поселке, Указывая на магазин, он сказал: «В этот магазин, однажды ночью, пробрался старый медведь. Видно он вышел из леса, зашел в поселок искать пищу и подошел к магазину. Разбил стекло, залез в продуктовый отдел, опрокинул прилавок, стеллажи, все разбросал, ища себе лакомство. И самым вкусным лакомством для медведя оказался мед, которого он наелся вдоволь. После вкусного «угощения» он еще долго бродил по улицам поселка. Потревоженные собаки подняли страшный лай, проснулись люди, некоторые выбежали на улицу и увидели страшного зверя – лесного гостя. От неожиданности испугались, а он спокойно, не обращая внимания ни на людей, ни на лай собак. Подался в лес. Это было его первое посещение поселка, видимо этот визит ему понравился и после он еще пару раз наведывался к магазину, но вооруженный сторож отгонял его выстрелами».

Вечером, простившись с хозяевами и поблагодарив их за гостеприимство, я отправился на вокзал, немного подождал поезда и поехал в Архангельск. Утром получил багаж и нужно было везти яблоки на рынок, чтобы продать их, но вот вопрос: как их доставить? Вес был около пятидесяти килограммов. Выручили меня два мальчика. Они катались на салазках и я попросил их отвезти мой ящик на рынок, они охотно согласились подзаработать, погрузили и направились через реку Северную Двину на другой берег. Река широкая, наверное, около двух километров, но мы ее быстро пробежали, чтобы согреться, потому что было очень холодно, мороз поднялся свыше 30 градусов. Меня настолько пробрал холод в моей не по сезону одежде, что я весь дрожал.

И вот я на базаре. Подтянул ящик под прилавок, а сам прошел рядами посмотреть и узнать цену на яблоки. Познакомился с соседями по прилавку, открыл ящик и ахнул – все мои яблоки превратились в косточки! Тут я сразу понял, что меня постигла неудача – заработка никакого не будет. Пришлось продавать по самой низкой цене, даже и весы не стал брать, пользовался соседскими. А когда весы были заняты, продавал на штуки, как-нибудь, лишь бы сбыть. Дежурный милиционер все прохаживался между рядами, а потом подошел ко мне и потребовал паспорт, посмотрел, откуда я приехал и потребовал справку о том, что яблоки из моего сада, что я не спекулянт. На его требование я ответил: «Справки у меня нет, я не знал, что такая справка нужна, но у меня в паспорте указано, что я являюсь уроженцем села Великие Сады. Это может служить доказательством того, что я имею свой сад». Он улыбнулся, а потом строго сказал:

- В нашем портовом городе без прописки жить нельзя, через 24 часа вы должны отсюда уехать.

- Хорошо.- ответил я.

Оставалось еще немного яблок, а покупателей уже не было, тогда я раздал бедным, просящим милостыню и, спасаясь от холода, побежал на трамвайную остановку, вскочил в трамвай, но в трамвае оказалось тоже не теплее, чем на улице. Пассажиры подозрительно поглядывали на меня, что я так легко одет. Добрался на вокзал, сел и легко вздохнул: здесь я обогрелся и в приподнятом настроении решил телеграммой поздравить своих родителей с Новым годом и удивить их телеграммой из Архангельска. Потом купил билет и, ожидая поезда,

заялся подсчетом от продажи яблок. Получилось, как я и предполагал: вместо заработка – десять рублей убытка, плюс стоимость проезда. Но зато увидел северный край, в том числе и древний город Вологду, где пришлось делать пересадку и было время погулять по городу. Приехал домой, моя Галочка очень обрадовалась моему благополучному возвращению, а вот результатом поездки я не мог ее порадовать: ни работой, ни выручкой от продажи яблок. Рассказал ей все подробно о поездке и мы успокоились от мысли о переселении на север.

Прошло, как раз пару недель, перед Рождеством, я решил поехать к родителям, провести их, узнать о здоровье, о жизни, о новостях в селе и поздравить их с наступающим праздником Рождества Христова. И когда я приехал, они очень обрадовались моему приезду и рассказали, как они испугались, когда получили мою телеграмму из Архангельска.

- Ми зразу подумали, як же він туди потрапив, не інакше, як засудили і відправили на “білі ведмеді”.-сказала мама.

Я хорошо понимал их тревогу и переживания за сына и сказал:

- Не было бы такой телеграммы из Архангельска, то теперь не было бы такой радостной встречи.

В продолжение беседы пришлось мне все подробно рассказать о своей поездке в Архангельск, как я туда попал, какие цели я преследовал. Они внимательно и с любопытством выслушали, немного посмеялись, развеялись их тревожные мысли и успокоились. Я подумал: как хорошо, что я приехал и все рассказал им, ведь они все время беспокоились и переживали, не зная ничего о судьбе сына.

Работа в МТС оказалась для меня тяжелой: слишком большая нагрузка и ответственность, даже по воскресеньям и ночами, когда работали трактора и комбайны, меня вызывали на работу и, в случае какой-либо поломки, чтобы выдать со склада нужную деталь. Иной раз даже и из собрания вызывали и идти было необходимо. Если не пойдешь, то сразу могли обвинить в срыве посевной, или уборочной кампании, короче говоря, могли «пришить» политику саботажа и я решил уволиться. В сентябре 1950 года я поступил в Бродскую автотранспортную контору, куда приняли меня на должность газо-электросварщика, но фактически я выполнял работу вулканизаторщика автокамер. Это была грязная и малооплачиваемая работа. Имея документ с отличием об окончании бухгалтерской школы и, чтобы не забыть то, чему учился, я решил искать работу в конторе.

С этой целью, в августе 1951 года я уволился из автобазы, переехал в г.Дубно и сразу же, в сентябре, устроился на должность старшего бухгалтера Ремстройконторы. Зарплата была небольшая, всего 450 обесцененных послевоенных рублей, но выгода была в том, что горсовет предоставил нам старую двухкомнатную квартиру. Здесь я проработал месяцев шесть и из треста поступил приказ перевести меня на должность главного бухгалтера. Добавили к зарплате еще 50 рублей, а Галочку оформили рядовым бухгалтером. Согласно инструкции не разрешалось, чтобы в подчинении гл.бухгалтера работали прямые родственники, но это необходимо было сделать, чтобы она могла получить декретные. И вот, 5 апреля 1952 года в нашей семье очередная радость: родился сыночек и мы назвали его Петей.

Галочка после декретного отпуска больше не работала, няньчила детей. А когда дети подросли и предоставилась возможность оформить их в детский садик, она поступила работать в контору Литейно-механического завода, в начале на должность кассира, потом все время переводили ее с одной должности на другую, по прихоти директора, но об этом подробно будет дальше.

В те послевоенные годы, жители города имели возможность бесплатно получить земельный участок под застройку дома. Мы с Галочкой посоветовались и решили взять и себе участок, с таким расчетом, чтобы в будущем, по нашим возможностям строиться.

Возможностей, как таковых, у нас практически не было. Галочка получала зарплату меньше моей, никаких сбережений мы не имели, наши родители тоже не могли нам помочь, а на

стройку нужны были немалые средства. Но я все же не терял надежды на Божие благословение для постройки собственного дома. Я рассчитывал на получение ссуды в банке и на приобретение кое-каких строительных материалов по государственным ценам на производстве. Моя Галочка сразу была согласна строиться и мы выбрали хороший участок в саду возле механического завода. Но вот приехала ее мама, мы познакомили ее с нашими планами, а она, видя нас, как говорится «голых и босых», стала отговаривать от стройки и Галочка начала склоняться на ее сторону. Долго мне пришлось убеждать и доказывать им, что, с Божьей помощью, помаленьку построим и будем жить в своем доме, не придется больше мыкаться по чужим квартирам. Видя мою настойчивость и мой энтузиазм, они в конце-концов согласились.

Я хорошо знаком был с инженером горкоммунхоза, он временно имел право изготавливать застройщикам проекты домов. Я обратился к нему с просьбой изготовить мне хороший проект, но, к сожалению, он уже был лишен этого права; но он предложил мне черновик проекта своего дома. Мне он понравился, я поехал в Ровно, там мне скопировали этот проект и, таким образом, имея проект, я имел возможность начать строительство. Поехал в село, чтобы показать родителям проект моего будущего дома. Татко посмотрел и сказал:

- Гарний план, подібний до поміщицького палацу, але за що ж ти його будуватимеш? Я тобі нічим допомогти не зможу.

- На вашу помощь я не рассчитываю.-ответил я ему.-буду помаленьку строить сам.

Хорошо, что татко одобрил мой проект, а дальше нужно было самому мозговать, ведь надеяться не на кого: раз взялся за дело, приходится делать. Кто-то подсказал мне, что в селе Семидубы один чешский переселенец дешево продает на снос большой кирпичный сарай. Я заинтересовался и решил разузнать и, если недорого, договориться за покупку. Приехал, посмотрел. Сарай был метров восемнадцать по длине, девять с половиной шириной, крытый цементной черепицей, потолок был кирпичный, сделанный сводиками (полукругло), на рельсах. Эта половина сарая была предназначена для скота, а в другой половине была большая печь для сушки хмеля. Балки и потолок были деревянные, почти весь сарай был сложен на глиняном растворе. Спросил хозяина о цене, он ответил: шесть тысяч четыреста рублей, это по оценке финотдела. Продолжая, он сказал:

- У мене був купець, але що ж, коли в нього не було грошей.

Я подумал: если бы ты знал, что и я такой же безденежный покупатель. Но он знал, что я работаю бухгалтером, значит – деньги должны быть. Говорю хозяину:

- Хорошо, я согласен купить ваш сарай, только давайте заключим договор, на каких условиях я буду покупать

Хозяин ответил, что согласен, но что я еще должен буду доплатить финотделу тысячу рублей, так как хозяйство, которое он оставил в Чехии, дешевле полученного здесь. Я предложил: давайте договоримся, на какой день мы съездим в ваш район, я подготовлю и дам вам тысячу рублей, вы рассчитаетесь с долгом и будете иметь право на продажу. Финотдел заверит наш договор и мы сможем приступить к делу.

Поскольку мне трудно было собрать такую сумму денег, то я предложил записать в договоре, что плачу половину стоимости сразу и приступаю к разборке, а вторую часть суммы – в конце разборки. Он согласился на такие условия. Назначили день поездки в финотдел и тут у меня начались хлопоты: где же найти тысячу рублей? Они нужны были на определенный день, ведь, если не будет денег, то хозяин ждать не будет, продаст кому-нибудь другому. Нужно было выйти из этого затруднительного положения, поторопиться. Я решил идти в отпуск. Подал начальнику заявление, он подписал. Я насчитал себе четыреста рублей отпускных, шестьсот одолжил в кассе взаимопомощи и, таким образом, эта проблема была решена. Составил договор, поехали в финотдел, все оформили и я был спокоен, что сарай будет мой. Для того, чтобы приступить к работе, необходимо было уплатить еще две тысячи двести рублей. Опять возникло затруднение: где же взять такие деньги? Пришлось обратиться к таким же братьям-

застройщикам, как и я, только к более денежным. Хотя и неудобно было кланяться, но ничего не поделаешь, положение заставляет, приходится просить и унижаться. Зашел к одному, к другому брату и прошу: одолжи, сколько можешь. Брат отвечает: «а, если я одолжу тебе, а в это время они мне самому понадобятся?» Отвечая, говорю: если тебе понадобятся, тогда я займу в другом месте и отдам тебе. И таким путем я смог приобрести некоторую сумму, но было маловато и я продолжал искать. А хозяин сарая беспокоился: намеченный срок прошел, а я к нему даже не являюсь. Пришлось ехать к нему извиняться, просить продолжить срок. Так прошло еще пару недель. Я все же собрал остальную сумму, уплатил и приступил к разборке. Каждый день после работы ездил на велосипеде на разборку сарая, татко тоже помогал мне в разборке, а ночью дежурил. Однажды случилось, что татко отсутствовал и, среди белого дня, колхозный бригадир подъехал, погрузил сотню штук черепицы и увез. Своими силами я не смог справиться с такой большой работой, пришлось нанять колхозников себе в помощь. До разборки сарая, почти каждый вечер брал ломик, кирку (мотыгу) находил в городе оставшиеся старые фундаменты, после снесенных, разрушенных домов, ковырялся допоздна, а потом добытый камень увозил на свой участок. Иной раз, проходя мимо меня, кто-либо из знакомых, или сотрудников, спрашивали: «Вы, что, Владимир Поликарпович, золото ищите?» Отвечаю: да, может быть и попадется какой-нибудь еврейский клад. Мне было очень неудобно, ведь другой бухгалтер дал бы команду рабочим и они навезли бы, за счет производства, столько материала, сколько нужно, но, чтобы не идти на такую нечестную сделку, я старался сам добыть необходимое своими собственными силами, кроме нескольких машин песка.

Прошло пару недель, разборка была закончена и, чтобы приступить к вывозке материала, необходимо было произвести полный расчет, а для этого опять нужны деньги. Пришлось мне посоветоваться с прорабом /он был еврей/. Я рассказал ему все подробно о своих проблемах, показал ему проект дома и спросил: сколько же нужно кирпича на постройку такого дома, чтобы мне знать, сколько я смогу продать из имеющегося у меня кирпича другим застройщикам? Он посмотрел на меня, улыбнулся, а потом сказал: «У тебя еврейская голова! Как она попала хохлу. Правда, не зря говорят: где прошел хохол, еврею делать нечего». Потом он подсчитал и сказал: «На твой дом, если строить в полтора кирпича, пойдет 24 тысячи». Значит, шесть тысяч штук кирпича я могу продать! Нашел покупателей на кирпич и на три тысячи штук черепицы и под этот материал взял у них деньги, а часть одолжил у братьев и – эта проблема для меня была решена.

Для вывоза материалов я взял из Ремстройконторы доверенность, заключил с автобазой договор и она, по госцене, за сорок восемь ходок перевезли весь мой материал, а также материал моих покупателей. Так что по моим подсчетам, весь материал на дом, с учетом разборки и перевозки сарая, обошелся мне не больше полутора тысяч рублей.

Еще, почти за год до покупки сарая, я хотел из того камня, который я наковырял, до зимы залить фундамент. Нанял односельчанина, он вырыл под фундамент траншеи, но до морозов мне не удалось это осуществить и вырытые траншеи остались до весны. Весной земля разморозилась и траншеи начали постепенно обваливаться и, в конце-концов засыпались землей. Весна окончилась, а все оставалось так же. Рабочие литейного завода и соседи, проходя мимо и глядя на мою работу, говорили: «Вот бедные люди, начали, а дальше ничего не делают, видимо не рассчитали свои силы и возможности».

А когда машина за машиной начали завозить материал и завалили весь участок и началась стройка, то у людей мнение переменялось и заговорили по-другому: «Да что им строиться, у него богатые родители, а она – чешская переселенка, привезла золото, поэтому им легко строиться».

Наняли хорошую бригаду каменщиков и они, за две-три недели сделали фундамент, небольшой подвал и стены до самого карниза. А когда у нас кончился запас извести, они, воспользовавшись моментом, нанялись к другому застройщику и к нам больше не вернулись.

Пришлось мне самому браться за незнакомое для меня дело – положить карниз и фронтон. Но самым сложным делом было выложить полукруглый проем для окна с дверью для выхода на балкон мансарды, но я старался все это сделать до зимы, возвести крышу и накрыть.

Мой дядя работал в торговле главным бухгалтером. По его распоряжению, без наряда, мне отпустили шифер для покрытия дома, так что и в этом проблемы не было. Но в это время, на работе у меня с начальником начались постоянные конфликты. Он решил, что, коль он мне выписал на стройку кое-какие материалы по гос.цене, то я буду идти ему на уступки и покрывать его всякие махинации, но я ни на какие сделки не соглашался. Наоборот, я неоднократно предупреждал его за незаконные распоряжения в отношении денежных средств. Но он все равно приказывал мне подчиняться. Я вынужден был на его распоряжение писать свое объяснение, что выполнить его не могу, поскольку оно противозаконно. Но он на это не обращал внимания, говоря: я беру все на себя и приказывал выполнять все его распоряжения, ставя на них свою подпись. Я выполнял приказания, но, когда нагрянула ревизия, ему пришлось заплатить большую сумму денег. Не желая попасть в неприятность, еще до ревизии, я решил уволиться и серьезно заняться стройкой. К тому же, нанимать строителей и платить каждому в три-четыре раза больше, чем я зарабатывал в конторе, мне было не выгодно. Я подал заявление на расчет, начальник с удовольствием его подписал. Но, когда я попытался получить материалы по выписанной мне накладной, он приказал кладовщику не выдавать их мне.

Итак, в конце сентября 1953 года я освободился от государственной работы и занялся стройкой, подрабатывая в то же время на частных заказах.

Банк выдал мне десять тысяч рублей ссуды, со сроком погашения на десять лет. Деньги выделял в процентном отношении к выполненным работам. Галочка продолжала работать на заводе, получая около четырехсот рублей в месяц зарплату, дети были в детском садике. Мама выкормила нам теленка, татко продал его для погашения наших долгов. И так, помаленьку, мы рассчитались с долгами и продолжали стройку. Татко, вдвоем с дядей Остапом, целую неделю распускали балки на стропила продольной пилой вручную. Это был тяжелый труд для стариков, но этим они оказали нам большую помощь.

На второй год стройки я изготовил все окна и двери, кроме чердачных помещений, а в октябре 1954 года закончился двухгодичный срок, определенный на постройку дома и горсовет заставил нас освободить государственную квартиру и перейти в свой, не законченный еще, дом. Окна были одинарные, еще не застекленные, земля в комнатах промерзшая. Я в двух комнатах застеклил окна, поставил металлическую печку-буржуйку и начал обогревать. Земля постепенно замерзла, но полы настелить мне пришлось на сырую землю и так мы перезимовали.

Хорошо было заниматься своим строительством и подрабатывать на частных заказах, но власти преследовали таких «халтурщиков», которые не работали на государственной работе и даже привлекали их к уголовной ответственности за тунеядство, т.е. живущих за счет чужого труда. Такая угроза висела и надо мной, необходимо было куда-либо устраиваться на работу. И вот однажды, зашел ко мне мужчина пожилого возраста, с портфелем в руке, представился директором Вербского торфопредприятия и сказал, что ищет себе бухгалтера. Он знал, что я уволился из Ремстройконторы и нигде не работаю, потому и предложил мне работу в своем предприятии. Я долго не соглашался, так как ездить на работу нужно было в с.Студянку, а это расстояние от г.Дубно километров 25, или же нужно было переселяться туда на жительство. Слушая мои доводы, он начал предлагать мне любые условия, вплоть до того, что я смогу находиться дома, заниматься своей стройкой, работы в бухгалтерии сейчас совсем мало. В основном, сейчас строятся жилые дома, служебные здания и идет разработка торфяных полей, так что не обязательно находиться на рабочем месте. Если нужно будет сделать какие-либо перечисления,- сказал он,- или получить деньги, я заготовлю поручение, чек, зайду к вам, вы подпишете, пойдете с кассиром в банк, сдадите поручение, получите деньги. Так, что вы только

изредка в течение месяца будете наведываться в контору, а в конце месяца нужно будет несколько дней поработать на месте в конторе.

Такие условия меня вполне устраивали и я согласился. Сразу же поехал в Киев в Укрторфтрест, оформился и с 1 августа 1954 года был зачислен на работу. И хотя оклад был небольшой, но я уже считался служащим госпредприятия и одновременно мог свободно заниматься своими личными делами, а иногда даже мог и подработать на стороне. Так проработал я больше семи месяцев, но по семейным обстоятельствам пришлось уволиться. Несмотря на то, что я совсем мало проработал на этом предприятии, трест успел утвердить меня на должность главного бухгалтера. Уволился я в марте 1954 года. Главной причиной моего увольнения было то, что мою Галочку Мехзавод отправил на два месяца в Киев, в Институт повышения квалификации и мне одному пришлось оставаться на хозяйстве и нянчить детей, водить их в детский сад, готовить пищу, топить печки, стирать, одним словом – все домашние заботы легли на меня. Трудно мне пришлось эти два месяца без хозяйки, но все же я справился с такой нагрузкой, мы выжили, а я с тех пор стал больше понимать и ценить женский труд в домашнем хозяйстве.

По возвращении Галочки я продолжал заниматься домашними делами и подрабатывать на частных заказах и только с 1 января 1956 года поступил на работу на Литейно-механический завод газосварщиком шестого разряда. На этом заводе я проработал больше двух с половиной лет, пока не заболел плевритом, а потом и туберкулезом первой стадии. Причиной заболевания явилась чрезмерная нагрузка вредной для здоровья работы. Правда, никто не заставлял меня так крепко работать в рабочее время, да еще и сверхурочно, но заставляло само положение: нужны были деньги рассчитаться с долгами и для окончания стройки, на постройку сарая с гаражом и на погашение ссуды в банке. Строительство нашего дома, до полного его окончания длилось более десяти лет. Вспоминаю, как в первые дни моей работы, я производил сварку каких-то бочек, казалось бы совсем легкая работа, по сравнению со столярной. Я проработал дневную смену и никакой усталости не почувствовал; проработал еще всю ночь – тоже чувствовал себя хорошо и работал дальше. Бочку за бочкой откатывал в сторону и только к вечеру почувствовал усталость. Но, в общей сложности, без отдыха, я проработал 38 часов.

На завод начали поступать тонкие алюминиевые трубы и трехмиллиметровые большие листы. Из этого материала нужно было что-то изготавливать и мы решили из трубок делать стеллажи для столовых, а из листов алюминия – большие и малые мармиты (тазы, обрамленные трубкой для поддержания тепла и разогрева в них пищи). Для этих работ необходимо было применять газосварку, а в то время еще никто в нашем городе не знал, как сваривать алюминий, а мне приходилось в Германии заниматься этим и теперь я решил взяться за сварку алюминия.

Для этой работы нужно было применять соответствующий флюс (жидкость, состоящую из нескольких различных химикатов), их можно было купить в магазине реактивов во Львове. Пришлось ехать покупать, а чего не было в продаже – доставал в институте. И так я начал сваривать алюминиевые детали для стеллажей. Расценку за сварку вначале я определял сам – сколько говорил, столько и платили. Бывало, зайду в свой цех, заряджу большой стационарный аппарат и давай «жарить» эти трубки. За смену навалю их целую кучу. Нормировщик приходит в конце смены, считает и, видя большой объем сделанной работы, начал сам определять мне расценки, постепенно снижая их. Я знал, что начальство будет всячески препятствовать мне заработать, ведь такова была советская система, да и для этого тоже была причина, о которой разговор пойдет дальше, но я не обращал на то особого внимания. Подал заявление на рационализаторское предложение, и так, как администрация была в этом заинтересована, то они с охотой приняли. Сконструировал себе для сборки и сварки стеллажных полок соответствующее устройство и работа у меня пошла гораздо быстрее.

Несмотря на низкие расценки, заработок мой был неплохим. Чтобы более эффективно использовать свое устройство, я выходил на работу с раннего утра и работал до позднего вечера.

Когда об этом узнал директор, то заставлял меня после смены уходить домой, не работать сверхурочно, т.к. это запрещалось законом.

От завода мы жили совсем близко, через дорогу и я всегда, в любое время мог пробраться в свой цех и работать, сколько угодно. Подобное было и с изготовлением мармитов. Мне тоже пришлось применить свою рационализацию, за что получил вознаграждение. Я их сваривал в урочное и в неурочное время и, когда срезали расценки, я все равно нашел выход. Если слесарь, оказавший мне помощь при сварке, раньше равнял углы мармитов, прижимал стыки и придерживал, пока я заделаю схватку, а потом нужно было ждать, пока он подравняет следующий, то теперь его делом было равнять и подклёпывать углы так, чтобы стыки плотно сходились. Я ставил их по несколько штук так, чтобы удобно было сваривать. Схватки я не делал, чтобы при нагреве не расходились кромки и не увеличивалась щель, для этого я начинал варить не от днища, а сверху. И так, пока я сварю, он за это время подготовит другие. На работу я брал с собой будильник, чтобы установить время на сварку одного мармита и установил такое короткое время, что если где-то замедлил, то трудно было наверстать, поэтому и заработок мой был довольно приличный. Кроме меня на заводе больше газосварщиков не было. Когда некоторые сварщики увидели, что у меня хороший заработок, то начали просить директора, чтобы определиться в мой цех и научиться варить алюминий. Я долго отговаривался, ссылаясь на то, что не смогу снабдить флюсом, ставил и другие причины, потому что я знал: если научу кого-нибудь, тогда я буду не нужен и меня постепенно выживут. В отношении флюса у меня особых проблем не было, потому что я научился варить без флюса. Чтобы не открыть свой «секрет», флюс ставил для близира, в случае, если кто зайдет, тогда я им пользовался. Но, сколько я ни сопротивлялся, а в конце-концов пришлось уступить и взять ученика, который, после моего увольнения продолжал работать на моем месте.

За время моей работы на заводе мне приходилось делать и другие работы, даже возглавлять бригаду слесарей, которые впоследствии давали на меня клеветнические показания корреспонденту газеты для ложной статьи. Этой своей статьей корреспондент хотел, по указанию кэзэбистов очернить меня и тем опровергнуть похвальную статью инженера завода, который писал обо мне, как о хорошем работнике, выполняющим задание свое на двести процентов. Причиной тому, почему для КГБ понадобилась клеветническая статья было то, что я всегда свидетельствовал о Боге своим сослуживцам, но особенно их обозлило мое свидетельство в больнице. Мне жаль было смотреть на бедных больных грешников, которые ничего не знали о Боге, находясь в тяжелой болезни и переживании за свою жизнь, а некоторые приходили в отчаяние, видя умирающих рядом людей. Я старался утешить их, хотел указать им путь спасения, путь к Богу, Который может и хочет спасти каждую скорбящую душу.

Находясь в такой среде, видя многих страдающих и умирающих людей, Господь Духом Святым побудил мое сердце с дерзновением и безбоязненно свидетельствовать во всеуслышание о Боге, о Его любви в несчастному грешнику, не обращая внимания на последствия за проповедь в запрещенном публичном месте. Имея при себе Библию, чтобы не быть голословным, я громко прочитывал основные места Писания. Это привлекало внимание не только находящихся в палате больных, но также и медперсонал и особенно любопытных студентов-практикантов из медучилища, которые толпились у открытой двери и внимательно прислушивались к каждому сказанному слову. В нашей палате лежал один ярый атеист – преподаватель истории в Культпросветучилище, по фамилии Курносенко. Он не мог быть равнодушным к моему свидетельству о Божией любви и о Его чудном спасении. Он вступал со мной в диспут, сразу старался переубедить меня, но почувствовал свое бессилие противостоять Слову Божию. Тогда он пришел в ярость, ему было унижительно выглядеть бессильным против Библии перед стоящими в дверях студентами и он начал запрещать мне, требуя прекратить религиозную пропаганду. В конце-концов, видя, что я продолжаю свои беседы с больными, он попросил заведующего больницей, чтобы меня перевели в другую палату.

Не прошло и нескольких дней, как в газете появилась его большая статья о моем поведении в больнице, о том, как я «честно» работал на немцев и что свою веру считаю самой правильной, что занимаюсь агитацией не только на заводе, но и в больнице не даю людям покоя, что, на самом деле я обманщик, обманывал свою бригаду и т.д. И вот, после такой статьи начальство завода не могло решить, как со мной поступить. Ведь они хорошо знали, что никаким обманом я не занимался, но пришел удобный момент наказать меня. По указанию КГБ, администрация завода решила уволить меня, но как и по какой статье? Предложили мне подать заявление об увольнении, так как по состоянию здоровья работать на газосварке я не мог. Я просил их перевести меня на другую, менее вредную работу, или в контору, но вместо того, чтобы удовлетворить мою просьбу, в июле 1958 года меня уволили, в связи с продолжительной болезнью. Врачебная комиссия определила мне на первый год вторую группу нетрудоспособности, а Собес (социальное обеспечение) назначил мне пособие в размере 600 руб. в месяц и у меня получился вынужденный отпуск. Чтобы не проводить время праздно, я решил заняться рыбалкой. Купил для этой цели все необходимое, но сосед помешал мне осуществить мои планы. Он предложил мне работу: изготовить ему столярку в новом доме. Отказаться я не мог и взялся за дело. Отдыхать на свежем воздухе и ловить рыбку было уже некогда.

1 августа 1956 года у нас в семье появилась еще одна доченька – Олечка. Это для нас была большая радость, радовались с нами и наши друзья. Спустя несколько месяцев мы повезли нашу доченьку к нашему бывшему пресвитеру и большому другу нашей семьи – Корсуню Илье Федоровичу в г.Броды, чтобы он и над нашим третьим ребенком, вместе с церковью, совершил молитву о благословении Олечки на ее дальнейшую жизнь. Ведь жизнь каждого человека переплетается то радостью, то скорбями и различными переживаниями: сегодня мы радуемся благополучию и увеличению нашей семьи, материальными благами, а на завтра – плачем и скорбим. Так определено Богом, чтобы человек в благополучии не забыл своего Создателя. Он допускает, а иной раз и посылает скорби, дабы человек понимал свою полную зависимость от Господа и отрадно, когда эти жизненные уроки усваиваются нами и только тогда они приносят пользу. Псалмопевец испытал в своей жизни и видел многочисленные дела Божии, потому и говорит: «...отверзаешь руку Твою – насыщаются благом, сокроешь лице Твое – мнутятся...»(Пс.103:28-29).

Однажды я пришел с работы и Галочка подала мне письмо от тети Гани из Омской области, куда она была сослана властями с двумя детьми. Оно было краткое, но очень печальное. Вот, примерно, его основное содержание:

«Дорогой мой племянник Володя, я переживаю великую скорбь: похоронила Ростика, я через некоторое время умерла и Раечка, такое большое горе постигло меня, и сама я все время болею и скорблю. Я здесь проработала уже девять лет, до окончания срока пребывания моего здесь остается один год и начальство, видя мое горе, проявило ко мне милосердие и отпускают меня досрочно. Если можешь, приезжай за мной и прими меня в свою семью».

Получив такое письмо, мы, долго не раздумывая, пришли к решению, что нужно ехать и забрать тетю к себе. Но сначала этот вопрос необходимо было решить с нашими родителями, узнать, какие у них намерения, возможно они захотят переехать к нам и доживать свою жизнь с нами. Когда мы спросили у родителей и передали им тетину просьбу, они ответили, что будут доживать в родном селе, а в отношении тети Гани – решайте сами, это ваше дело. Вопрос обсуждался всесторонне, никаких препятствий не было и нужно было торопиться, потому что начинались осенние дожди, холода и слякоть, а дорога дальняя, не менее пяти тысяч километров поездом. Помолились с Галочкой, попросили Божьего благословения на предстоящий путь, попрощались и я отправился в неведомый, далекий путь. Долго пришлось добираться до Омска, но, слава Богу, доехал благополучно. До района проехал автобусом по раскисшему чернозему, а дальше пришлось пару километров пройти пешком по колени в грязи. Это был самый короткий,

но и самый трудный участок пути. Но я шел все ближе и ближе приближаясь к намеченной цели, предвкушая радость встречи после долгих лет разлуки и пережитых стольких трудностей и страданий.

Трудно описать и передать радость нашей встречи: слезы радости полились из глаз тети, при виде меня, в моих объятиях она ощутила сыновью любовь и ласку, которых была лишена и, прижимаясь к моей груди, продолжала плакать, ладонью утирая слезы. Долго пришлось мне ее успокаивать, утешать, но поняв, что я жалкий утешитель, предложил ей в искренней молитве обратиться к Господу за Его утешением и поддержкой.

И только после молитвы, поднявшись с колен, она получила сердечное успокоение. Теперь уже, не по письмам, а воочию увидел их хижину, где многие годы они ютились, посмотрел на обстановку и недоумевал в себе: как можно было жить в таких условиях?! И не удивительно, что Раечка заболела туберкулезом и не выжила до освобождения.

После краткой беседы мы поужинали и так, как я был сильно уставшим после дороги, тетя предложила мне отдохнуть. На следующий день мы пошли на кладбище, совсем маленькое, не огороженное, далеко за поселком в поле. Могилки заросли травой, кое-где кресты на могилах, а кое-где конусные тумбы с пятиконечной звездой, а на некоторых только холмики земли и больше ничего. Тетя провела меня помаленьку между могилами и подвела к памятнику своих детей. Она начала объяснять мне, с каким трудом и как долго пришлось ей хлопотать у директора совхоза и перед профсоюзом, пока получила разрешение, за свои деньги, сварить небольшой металлический памятник. Постояли немного, вспомнили их короткую жизнь и трагическую смерть сына, предсмертные страдания дочери и пошли обратно. Пройдя немного, еще раз оглянулись и... ушли навсегда.

Не осталось там ни родственников, ни друзей, кто бы мог отнести на могилки букетик цветов, или посадить кустик роз. Пройдет пару десятков лет – все заростет, памятники разрушатся. Но придет время и Господь воскресит Своих избранных чад для вечной жизни с Ним. В своих новых, неземных телах дети Божии будут созерцать Его славу, об этом Иисус молился Своему Отцу в Ев. от Иоанна 17:24 и мы, верующие, глубоко верим, что так будет. Больше того, Христос говорит: «Побеждающему дам сесть со Мною на престоле Моём...»(Отк.3:21). Апостол Павел, не желая оставить верующих в неведении об умерших, будучи руководим Духом Святым, очень ясно написал, как произойдет восхищение верующих и встреча с Господом, где будем с Ним всегда. Дальше он советует скорбящим детям Божиим: «Итак, утешайте друг друга сими словами»(1 Фес.4:13,16-18).

Много хотелось бы писать о нашей вечности, рассуждать о ней. Предвкушая радость вечного общения с нашим Господом, как бы забываешь все невзгоды и тяготы земного пути, укрепляешься и ободряешься чудными Словами Божиих обетований. Итак, буду дальше вспоминать и писать о своем жизненном пути, которым вел меня Господь.

Возвратясь в тетину хижину, она спаковала в ящик кое-какие свои вещи, а к вечеру подъехал на повозке один брат и отвез нас в район на станцию. Брат помог сдать багаж, распрощались, поблагодарили брата и уехали в родные края. Бог благословил наш путь и мы благополучно прибыли домой, где с радостью встретили нас Галочка и детки. Познакомились, поблагодарили Господа за благополучие в пути и попросили у Него благословения на пребывание тети в нашей семье. Тетя благодарила Бога и нас, что Он расположил наши сердца принять ее, как родную мать. Скоро она освоилась и привыкла к нашей семье, сроднилась с нами и была нам, как мать, а также любящей бабушкой для наших детей, а особенно Олечке, которую она няньчила почти с пеленок. Оля чувствовала эту любовь бабушки и, при малейшей обиде со стороны братика и сестрички, с плачем бежала к бабушке, держась за животик и жаловалась, что Петя, или Лэся ударили ее в животик. Тогда бабушка хватала розгу и наказывала обидчиков, хотя ничего похожего там не произошло. Старшие дети возревновали, что бабушка больше внимания уделяет Оле и, что за малейшее Олино хныканье им перепало.

и они, а особенно Петя, старался подразнить бабушку: специально затронет Олю, она заплачет, а бабушка за розгу – и за ним, а он ходу! В таких случаях иной раз и нам приходилось вмешиваться в конфликты и приводить ко всеобщему миру в семье.

Долгие годы тетя разыскивала своего сына Анатолия, который погиб в Германии в концлагере, об этом мне рассказал один из находившихся вместе с ним в одном лагере, но тетя не хотела верить, или просто не могла поверить и смириться с тем, что сына ее нет. И когда потеряла всякую надежду на встречу с сыном, начала разыскивать своих родственников – двух сестер и брата, с которыми сорок лет тому рассталась и за все время не имела никакой связи. При каких обстоятельствах они расстались, мне не известно, но предполагаю, что тетя вышла замуж за чеха в Западную Украину, а остальные члены семьи остались в Киевской области. Ей хотелось найти своих родных, рассказать о прожитой жизни, повидаться, поделиться своим горем и вот, спустя столько лет, тетя нашла своего брата.

Не знаю, какой была их встреча, но думаю, что не очень радостной, а может быть и совсем холодной. Возможно он подумал, что тетя будет просить у него приюта, чтобы при нем доживать старость, но, когда он узнал, что она была репрессирована, как бендеровка и никаких сбережений у нее нет, то тем более не намерен был приглашать ее к себе, т.к. не усматривал в том никакой выгоды, а неприятностей не избежать от семьи и от властей. Тех людей, которые оказывали какую-либо помощь «врагам народа», изменникам родины (в последнее время советской власти их стали называть инакомыслящими), власти старались во всем и везде ущемлять и брат тети пришел к выводу, что лучше всего – подальше от такой родни, отправить ее в село к сестрам. Тетя, видя такое холодное отношение брата, взяла у него адреса сестер и поехала к ним, но когда она приехала к сестрам, то и здесь встретила трудности: сестры не узнали ее и тете нужно было доказать, что она – их родная сестра. И только, благодаря тому, что тетя имела при себе семейную фотографию, она смогла доказать свое родство с ними. После такой «радостной» встречи с сестрами и нескольких дней общения с ними, она вернулась домой и рассказала нам, какая встреча была у нее с потерявшимися родственниками и о том, что сестры приглашают ее к себе на жительство. Этим приглашением она была очень обрадована и решила посоветоваться с нами, не будем ли мы обижаться, если она уедет к сестрам. Видя ее желание быть вместе со своими, что мы могли сказать? «Это ваше личное дело, как вы решите, так и будет,- сказали мы ей,- а обижаться на вас мы не имеем права, а наоборот, сердечно благодарим за вашу большую помощь нам. Еще мы желаем сказать вам: если вы не уживетесь там, то приезжайте к нам, мы всегда будем рады принять вас и помочь вам в ваши старческие годы. Мы постараемся предоставить вам полный покой и отдых, вы уже свое отработали, так что мы вас с миром отпускаем и да благословит вас Господь.

Мы хорошо понимали тетю, она прожила у нас уже лет 5-6 и ей надоело в нашей шумной, суетливой семье и, несмотря на то, что она была очень привязана к Олечке, все же ее тянуло в село к своим сестрам – старушкам, где, как ей казалось, ее ждет более спокойная жизнь: пасти коров, дышать свежим сельским воздухом, копаться в огороде да и молочка свежего попить всегда можно вдоволь. Вся эта сельская жизнь представлялась ей в розовых тонах, но она не учла самого главного, а именно: там не было живой Церкви, которую она могла бы посещать, вместе с верующими прославлять Бога, получать подкрепление и духовный рост, иметь друзей – сестер и братьев по духу. Ведь духовное родство для истинного христианина гораздо дороже, чем плотское. У христиан одни мысли, одни стремления к исполнению воли Божией, к чистоте и святости, чтобы своей жизнью достойно прославлять Бога и стремиться к вечности.

Итак, пришло для тети желанное время для переселения. Отправили мы ее на вокзал, сдали вещи в багаж, простились с ней, пожелали благополучного пути и она уехала к своим сестрам. Через некоторое время получили от нее пару писем, из которых узнали, что она не очень довольна своим переселением, а когда прошло еще месяца полтора, она сама приехала к нам, чтобы рассказать о своей горемычной жизни и просить нас взять ее обратно в нашу семью, если

придет такая необходимость. Она получила наше согласие, что мы, в любое время готовы принять ее и поехала обратно с тем, чтобы перейти к другой сестре, пожить у нее, может быть там ей будет лучше. Но, к сожалению, она и там не нашла лучшего: та же пьяная компания, бесконечные застолья, непристойные и пошлые разговоры с руганью, мирские песни и все это в чаду папиросного дыма и алкогольного смрада. Пили все наповал – и мужчины, и женщины, и дети, даже маленьких внуков приобщали к своей компании, а те старались подражать своим родителям, чтобы не отставать от них. Очень трудно было тете привыкать к жизни в такой среде. Она попробовала свидетельствовать им о Христе, призывать их к покаянию, но все старания ее были тщетны. Слово Божие ими не принималось. Отступили от Господа не только молодые люди, воспитанные советской властью в атеизме и безбожии, но также старики и старухи, стоящие на пороге перехода в вечность. Все настолько очерствели душой и удалились от Бога, что не желают даже думать о вечности, о том, что им придется предстать пред Господом и дать отчет за всю, прожитую в грехах жизнь.

Тетя пожила у них месяца три-четыре, попробовала, как жить с неверующими родственниками, посмотрела на все это беззаконие и решила возвращаться обратно к нам в Дубно. Здесь она имела еще с юности, хороших друзей. Как только уверовала, познакомилась с сестрой и братом Лебедевыми. Он, до обращения к Богу и присоединения к церкви Евангельских христиан, учился в православной духовной семинарии. Он усердно изучал Библию и, когда его уже должны были посвятить на служение, одели в священнические одежды и хотели приступить к акту самого посвящения, то задали ему некоторые вопросы, а потом давали наставление, как он должен будет толковать людям Священное Писание. Тогда он сказал:

- Разрешите мне так толковать Библию, как она написана – ничего не отнимая и ничего не прибавляя.

Услышав эти слова, «духовные отцы» сразу же приказали снять с него священнические одежды и он, нисколько не жалея, покаялся, принял святое по вере крещение, присоединился к Евангельской церкви и начал везде проповедовать Евангелие. Его многие знали, как хорошего и верного работника на ниве Божией. Слово Евангелия чрез него распространялось по многим селам нашего района. Дубновская Евангельская церковь в те далекие тридцатые годы, избрала его на пресвитерское служение, где он и трудился до прихода советской власти.

Во время пребывания тети в нашей семье, еще до ее выезда к сестрам в Киевскую область, она была членом Дубновской, вновь образовавшейся церкви Евангельских христиан-баптистов. За это короткое время она приобрела себе еще и новых друзей и они все были очень рады ее возвращению, потому что вновь пополнилась их певческая группа, в которой тетя была ведущей певицей. Старушки-сестры, когда-то бывшие хористки, любили между собой общаться: пели старинные христианские гимны, рассуждали над Словом Божиим, беседовали, вспоминали свое прошлое, молились и, насладившись сладким общением, расходились по домам. По приезде, спустя пару дней, тетя сразу пошла проведать семью Лебедевых, где узнала о постигшем их горе. Брат Михаил любил ходить в лес и собирать грибы, он был большим знатоком в этом деле. Пошел, насобирал грибов, принес домой, жена вкусно их приготовила. Покушали сами и угостили соседскую девочку. Но оказалось, что грибы были отравлены химикатами и вот все, кто ел эти грибы, попали в больницу, кроме девочки. Долго врачи боролись за их жизнь, но безрезультатно. Первой умерла хозяйка, а Михаил все успокаивал себя. Что выживет, не умрет. Но не успели похоронить жену, как и он скончался и пришлось в один день хоронить обоих Лебедевых, выжила только дочь.

Печальная весть о их трагической смерти быстро разошлась по всей округе и в назначенный день похорон люди начали съезжаться на погребение всем известных брата и сестры Лебедевых. Власти хорошо знали, что у верующих людей похороны всегда бывают многолюдными и народ длинной колонной сопровождает покойника на кладбище. Вся эта похоронная процессия

своим громким пением духовных гимнов и музыкой духового оркестра оглашают улицы города и людей все больше и больше присоединяется к шествию. Коммунистическим властям это очень не нравилось, а особенно, когда звучала проповедь Слова Божия, которое в такой кладбищенской обстановке сильно действует на сердца людей и, слыша призывы к покаянию, люди умиляются сердцем, каются перед Богом и отдаются Ему на служение. Городские власти усматривали в этом большую опасность для своей идеологии и чтобы не допустить такой массовой христианской «агитации», решили устроить похороны через неверующих сыновей покойных. Вызвали сыновей и приказали им, чтобы верующие свой религиозный обряд совершали в доме покойных, а не на улице и не на кладбище, чтобы никакой агитации и пения не было. Сыновья, чтобы не лишиться своей работы (один работал учителем, а другой врачом), покорно согласились выполнить это распоряжение властей. Жалко и больно было смотреть на сыновей, которые с детства воспитывались в христианском духе, а потом, ради приобретения престижной профессии оставили Господа, попали в руки атеистов и теперь не смогли выполнить своего сыновьяго долга – похоронить своих родителей по-христиански, как должно. Под конец краткого служения во дворе, для сопровождения похоронного шествия, прибыл из музыкальной школы детский духовой оркестр, руководство похоронами перешло в руки сыновей и представителей городских властей. Верующие сделали, что могли и разъехались по домам. И так тетя лишилась своих самых близких друзей, с которыми дружила много лет, делилась своим горем, когда осталась вдовой, а потом и потерей пятерых детей. Вместе с дорогими друзьями она склонялась на колени и в Боге находила утешение в своих скорбях, а теперь она лишилась их.

Вспоминаю еще один эпизод из нашей жизни, в связи с чем тете пришлось пережить сердечный приступ. Наш дом был еще не окончен, но мы построили уже и сарай на три отделения: в первой части предназначено было место для летней кухни и ванной, во второй – для топлива, а в третьей части для свиней. Для покрытия кровли приобрели железо, его нужно было красить черным лаком. Лак был густой, его необходимо было подогреть и для этой цели я изготовил из алюминиевого листа большую ванну, а место выбрал в доме на балконе. Чердачные помещения были еще не закончены, там лежали доски и я решил на этих досках раскладывать для сушки окрашенное железо. Поставил ванну на кирпичи, налил краски и начал кочегарить, подкладывая щепки, бумагу. Только намерился окунуть в ванну листы, как вдруг на поверхности краски появились синие огоньки, а через пару секунд вспыхнуло пламя и поднялся большой столб дыма. Ветер раздувал пламя и гнал его в открытый оконно-дверной проем под крышу, нужно было, рискуя здоровьем, а возможно и жизнью, принимать срочное решение. Рядом со мной никого не было, кто бы мог помочь мне поднять ванну и перебросить ее через перила балкона на землю. Но, слава Богу, рабочие завода увидели пожар, сообщили в контору Галочке и рабочие вместе с некоторыми сотрудниками прибежали мне на помощь. Я, стоял на балконе, командовал подавать мне ведрами песок и только песком удалось немного притушить пламя, а потом я, будучи в рукавицах, ухватил раскаленную, с догорающим лаком ванну и с большим трудом перекинул ее через перила на землю. Когда тетя узнала, что на балконе пожар и может загореться весь дом, она, от испуга, не знала, за что хвататься, как спасти вещи. От волнения ее схватил сердечный приступ и она, с пустыми руками выскочила во двор, села на табуретку и, держась за сердце, ждала помощи. Галочка тоже не знала, что делать: то ли помогать тушить пожар, то ли спасти тетю. Кто-то из рабочих проявил инициативу: вызвал городскую пожарную команду и машину скорой помощи, но к их приезду было уже все в порядке: пламя потушено и тете стало легче, да и мы все легко вздохнули. Слава Богу, что на этом все закончилось, а ведь могло быть гораздо хуже! Пожарники залезли на чердак, все тщательно осмотрели, особенно обратили внимание на почерневшие доски от пламени и от дыма, обо всем подробно расспросили, составили акт, оштрафовали на десять рублей и уехали, так что эта наука, на сей раз, обошлась мне совсем дешево.

А вот Евангельской общине села Хорупань, которую я посещал с первых дней моего уверования, подобная наука обошлась слишком дорого: до тла сгорел молитвенный дом по их халатности. Некоторые члены определились в соседние общины, другие повыезжали в города и так, село осталось без молитвенного дома и без Евангельской церкви. В чём же выразилась их бесхозяйственность и халатность?

В молитвенном доме не было капитальной обогревательной печи и на зиму ставили на середине зала металлическую печку, а труба от печки проходила через потолок и крышу. Возле металлической трубы на потолке было плохо заизолировано и вот, в зимний воскресный день во время собрания хорошо натопили, совершили служение, закрыли дом и разошлись по домам. Некоторые верующие, пройдя от дома два-три километра, оглянулись, увидели, что горит молитвенный дом, побежали тушить, но было уже поздно: деревянный дом вспыхнул, как спичка, весь покрылся пламенем, успели снять со стены и вынести только тексты. И все это – из-за небрежного отношения братьев! Конечно, случаи бывают разные, но если бы каждый христианин делал все так, как написано в Слове Божиим: «И все, что делаете, делайте от души, как для Господа...»

(Кол.3:23), то можно было бы избежать такого большого ущерба для церкви. Таких примеров можно привести много, для предупреждения других от подобных случаев, но лучше всего такие уроки усваиваются, когда человек научится на личном опыте.

Однажды, теплым осенним днем мы дома занимались хозяйскими делами: я залез на яблоню и обрывал яблоки, а Галочка делала уборку во дворе и выкапывала георгины, тетя сидела на скамейке и няньчила Олечку, а Лэся с Петей и с соседскими детьми бегали по улице.

Вдруг прибежала к нам соседка и с волнением говорит: «Бегите скорее, вон там (она указала рукой на дорогу) ваш Петя попал под машину, но, слава Богу, он остался живой!» И пока я соскочил с яблони, Галочка, в страхе и волнении побежала в указанном направлении, а навстречу ей мужчина несет плачущего и искалеченного Петю. Он оказался очевидцем происшедшей трагедии и рассказал нам, как все это произошло. Какой-то колхозник, на машине, вез капусту на железнодорожную станцию, а дети, перед машиной перебежали дорогу и вот, ваш мальчик не успел перебежать, его сбила машина и водитель даже не остановился.

Не теряя ни минуты времени, мы повезли его в больницу, где в это время дежурил наш брат – заведующий хирургическим отделением, Новицкий Иван Карпович. Он осмотрел Петю, у него оказался бедренный перелом ноги. Иван Карпович сделал все необходимое и, утешая нас, сказал, что пройдет недельки две и ваш Петенька опять будет бегать. Петя плакал, не хотел сам оставаться в больнице, но мы кое-как уговорили его и уехали домой. И правда, слава Богу, все обошлось благополучно.

А вот еще одна неприятность, которая постигла нашу семью. И на сей раз мы с Галочкой тоже были заняты работой, но только не во дворе, а на чердаке. Там мы заканчивали строительство двух чердачных комнат. Я обивал досками стены, а Галочка мне помогала. За стуком молотка и громким разговором мы не слышали, как в кухню с детворой зашла группа цыган. Тетя, видя такое наглое нашествие, послала Лэсю сказать нам, чтобы мы спустились и помогли ей избавиться от незваных гостей. Мы быстро сошли вниз и увидели в кухне такую картину: тетя, облокотясь на кухонный очаг, стояла у двери, охраняя вход в спальни, куда все время пытались пробраться шумные цыганчата. Тетя говорила, что цыганки настойчиво предлагали ей свои услуги – погадать на картах, предсказать ей дальнейшую судьбу, а также просили что-нибудь дать им, но тетя не пошла на их уговоры и продолжала стоять, не отходя от печки, охраняя вход в комнаты. Когда мы зашли, цыгане притихли и одна за другой, с детьми, вышли на улицу. Тетя успокоилась и мы пошли продолжать свою работу. Вечером понадобилось сбегать в магазин, купить кое-что для приготовления ужина. Галочка зашла в зал, чтобы взять деньги, открыла шкаф, проверила свою сумочку, куда положила все свои отпускные – восемьдесят рублей. Но, к сожалению, денег там не оказалось. Тогда мы поняли, что нас

обокрали цыгане, а тетя начала рассуждать: как они могли туда зайти и украсть деньги? Ведь я все время стояла у печки и наблюдала за ними. Подумала немного, а потом сказала: «Они меня заговорили! Стали перед дверями в зал и за их широкими юбками ничего не было видно, а ведь с ними были дети. Я услышала скрип двери и заметила, что дверь чуть приоткрылась и крикнула им: закройте дверь! Они закрыли и в этот момент, видимо, незаметно, ползком, пробралась туда цыганка, сделала свое дело и таким же образом выползла обратно».

С тех пор прошло пару недель и я вздумал одеть в воскресенье на собрание свой новый, очень дорогой костюм. Открыл шкаф, снял с вешалки пиджак, а брюк нет. Тщательно поискал, но все напрасно – я их больше не видел. Встретился мне брат Глинский Степан, наш недалекий сосед, он как раз проходил мимо нашего дома и я рассказал ему, как нас обокрали цыгане. Он с удивлением выслушал и говорит:

- Ты знаешь, в прошлое воскресенье я был на толкучке и там цыган продавал брюки. Я взял в руки, посмотрел и подумал: ну, точно такие, как твои, из серого клетчатого материала, и отдал ему обратно. Ах, если бы я знал, что это твои брюки, то я не отдал бы их ему!

Вот такая неприятная история произошла у нас с цыганами и этот урок обошелся нам гораздо дороже.

Тетя Ганя, несмотря на свою болезнь и преклонный возраст, всегда старалась посещать богослужения и активно участвовала в прославлении Господа пением и в молитвах. С каждым днем ее силы ослабевали; сердечная астма затрудняла дыхание и, в конце концов она слегла в постель. И вот однажды, ранним утром, находясь еще в постели, в проходной спальне я услышал стон и непонятные слова тети. Я разбудил Галочку и говорю ей: иди, что-то тетя хочет сказать тебе. Она зашла к ней, тетя увидела ее и говорит своим слабым голосом: «Я хочу, чтобы Володя зашел». Галочка вышла, зашел я, тетя увидела, что дверь осталась приоткрыта и говорит мне: «Закрой дверь». Я закрыл дверь и она, обращая ко мне, сказала шепотом: «Убей меня, мне очень тяжело, не будет ни тебе греха, ни мне». «Тетя,- говорю я ей,- ведь это же грех, давайте будем молиться, чтобы Господь удалил от вас такие нечистые мысли».

Услышав такие страшные слова, я пришел в ужас: как сатана преследует душу за не раскаянный грех, как настойчиво он борется, стараясь в последнюю минуту, на смертном одре погубить несчастную! Он посылает ей тяжкие и невыносимые страдания, чтобы она возропала на Бога и тем похулила Его Святое Имя для вечной своей гибели. Этой цели дьявол стремился достичь у Иова, через его жену, которая, некогда, во время его ужасных физических и душевных страданий, сказала ему: похули Бога и умри!(Иов.2:9). Особенно же он преследует тех верующих, кто однажды, будучи верующим, пошел ему на уступку и вступил с ним в контакт, в чем-то уступил и таким образом согрешил перед Богом и нарушил Его волю. А таких примеров очень много и среди верующих людей, не знающих Писания и через это попадающих в его сети. И это случается, в основном, во время телесных и душевных страданий, когда страдает человек и никто из людей не в силах ему помочь. И тогда он обращается за исцелением к тем, которые обладают сатанинской силой и получает от них какую-то временную помощь. Но проходит некоторое время и человек попадает еще в худшее состояние, не зная, что с ним происходит и впадает в страшное отчаяние.

Есть и те, которые обращаются к волшебникам, к различным гадалкам, шептунам, а потом и сами стремятся овладеть этой сатанинской силой и с этой целью вникают во всякие черные и белые магии и многое другое. Господь в Своем Слове говорит через Моисея Своему народу:»Не должно находиться у тебя... прорицателя, гадателя, ворожеи, чародея, обаятеля, вызывающих духов, волшебников и вопрошающих мертвых, ибо мерзок пред Господом всякий, делающий это...»(Втор.18:10-11). Много можно было бы писать об этом, приводить жизненные примеры и тексты из Писаний о Божьем запрете и возмездии за пренебрежение к Его заповедям. Коснулся же я этой темы в связи с тем, что подобное искушение постигло нашу тетю и в нем она не устояла, а дала место врагу. И вот, в результате, постигло ее невыразимое, страшное горе на

жизненном пути. Очень неприятно писать об этом, боюсь быть судьей многострадальной матери, переступившей уже порог вечности, но, просматривая ее жизнь, мы извлекаем себе большой урок, дабы не давать места дьяволу.

Я уже напоминал, что когда тетя осталась вдовой с пятью детьми и переживала тяжкое горе, к ней во двор зашли цыганки и навязались кинуть ей на карты, предсказать ее будущую судьбу и она не устояла в этом искушении. Сделанный и не раскаянный первый грех повел за собой второй и, еще более страшный: в семье появилось желание заглянуть в черную магию и все это, а может быть что-то еще заставляет меня думать, что все это вызвало гнев Божий и явилось причиной столь многих страданий.

Враг души человеческой в последнюю минуту, на пороге перехода в потусторонний мир подошел к смертельно страдающей нашей тете, пытаясь лишить ее вечного спасения. Подходя к концу этого повествования, считаю своей обязанностью, предупредить всех, читающих эту трагическую историю, не шутить с дьяволом, не обращаться к нему за помощью для исцеления от болезней, за предсказанием вашей судьбы, помня о том, что его услуги обойдутся вам очень дорого. Он борется с Богом – Создателем человека, за каждую человеческую душу, чтобы поработить ее, лишить вечного спасения, приобретенного Господом нашим Иисусом Христом в тяжких мучениях на Голгофском кресте. Человек, отвегнувший Его спасение и вступивший в контакт с дьяволом, добровольно отдает свою душу в его распоряжение для вечного мучения. Христос говорит, что дьявол приходит, как вор только для того, чтобы украсть, убить и погубить /Иоан.10:10/. И так прошел еще один день страданий нашей тети и она отошла в вечность. Церковь совершила траурное богослужение у нашего дома, с участием духового оркестра, который сопровождал траурную процессию исполнением духовных гимнов всю дорогу до кладбища. На кладбище продолжалось служение и брат Саша Назарук, в своей проповеди, сказал такие слова: «Сегодня мы хороним нашу сестру, которая имела два мужа и пятерых детей. Все они погибли и теперь хоронить и оплакивать ее некому; и самым близким, позаботившимся о ней, оказался племянник».

Святой апостол Иаков задает вопрос: «...ибо что такое жизнь ваша?» И тут же дает ответ: «пар, являющийся на малое время, а потом исчезающий»/Иак.4:14/. Похоронили тетю Ганю на Дубновском кладбище, это было теплым весенним днем 1966 года. Она прожила у нас больше восьми лет и умерла в возрасте семидесяти лет. Прошло несколько лет после смерти и в нашем селе Садах появился молодой человек, лет сорока пяти. Он нашел родство тетиного мужа, а моего дяди Федора и объявил себя сыном покойной, Анатолием, которого долгие годы разыскивала тетя. Родственники и соседи расспрашивали его, присматривались к нему и, хотя с тех пор, как Анатолий отавил свое родное село прошло около тридцати лет и даже хорошо знавшие его могли призабыть, но все-таки можно было бы узнать: он ли это. Но сколько они ни присматривались к нему – ничего подобного, никакого сходства с Анатолием не нашли. По возрасту он был гораздо моложе Анатолия и еще, соседи хорошо помнили, что у Анатолия оставался на лице шрам от ожога, когда он при помощи спички заглядывал в танковый бензиновый бак, пары бензина вспыхнули и ему сильно обожгло лицо, а у этого лицо было чистое. Начали его спрашивать, кого он знает из родства, он назвал неуверенно несколько имен, а остальных – забыл, ссылаясь на то, что был контужен до такой степени, что даже забыл свое имя. И только спустя некоторое время, ему как бы просветлело, возвратилась память, что он Анатолий и он решил разыскать свою маму, свое родство и с этой целью приехал в Сады. Из сельсовета позвонили в Дубно на мехзавод к Галочке и сообщили ей такую радостную новость и что Анатолий направляется к нам, чтобы мы приготовились к встрече. Галочка оставила работу, прибежала домой обрадовать меня приездом моего двоюродного брата, которого так долго разыскивали и считали погибшим в концлагере. Мы очень обрадовались такой вести, но сразу пришла в голову мысль: как жалко, что тетя не дожидая до этой радостной встречи с сыном. Ну, что ж, такова воля Божия, будем встречать и радоваться сами.

Через часик после звонка явился к нам во двор этот мужчина. Я посмотрел на него и сразу понял, что это какой-то аферист, просто жулик и обманщик. Поздоровались рукопожатием, как с чужим и пригласили в дом, не подавая вида о нашем разочаровании, что вместо встречи с двоюродным братом, встречаемся с подлым человеком, который задумал обмануть бедную женщину. Наверное, он узнал, что тетя умерла и надеялся, что у нас остались ее вещи и средства, которыми он хотел воспользоваться и с этой целью он встал на этот путь обмана.

Войдя в дом, мы, выражая свое сожаление, сказали ему: очень жаль, что ты не застал в живых «свою маму», она давно умерла. Мама долго разыскивала тебя да так и не дождалась... За обедом мы рассказали ему о ее страдальческой жизни, о похоронах, а после обеда предложили посмотреть тетины старые семейные и похоронные фотографии. Он смотрел их довольно безразлично, не выражая ни сожаления, ни тоски. В нашей беседе с ним мы расспросили его все подробно, как и когда он вернулся из Германии, где и как он живет. И он начал сочинять свою длинную, запутанную историю, как его контузило во время бомбежки, как он попал в Москву на лечение и после лечения начал соображать, появилась память и он вспомнил, что когда-то жил где-то на Украине. И вот, возвращаясь, в поезде познакомился с девушкой, на которой женился и сейчас живу недалеко от Ровно в селе Грушвица. У меня есть семья, свое хозяйство, закончил он.

Внимательно и терпеливо мы выслушали его и после всего я сказал ему:

- Хорошо, что ты остался жив и не погиб и мы имеем эту встречу в нашем доме, но я хотел бы побывать у тебя, посмотреть, как вы живете, познакомиться с твоей семьей.

- Пожалуйста, приезжай, - сказал он.

Я расспросил, как найти его дом в селе. Он подробно объяснил мне и я, спустя несколько дней сел на мопед и поехал проведать семью «брата». Расстояние небольшое, всего километров 35. Доехал благополучно до села, но в селе пришлось долго бродить с мопедом по грязи, спрашивать людей, где живет Анатолий, но никто не мог мне ответить, говорят, что такого мы не знаем. Когда я рассказал, почему ищу его, охарактеризовал его личность и то, что он выдает себя за моего двоюродного брата, пропавшего без вести и, по его объяснению, он живет где-то в конце села, только тогда соседи сказали мне, что таким обманщиком в нашем селе может быть никто другой, как только Иван, он живет вон там (указывая рукой), в конце улицы. Я направился в указанном направлении, зашел в дом, поздоровался с хозяйкой и спросил, где хозяин. Она указала мне на дверь в комнату и, не успев я подойти к двери, как дверь открылась и я увидел своего «брата». Он пригласил меня в комнату. Чтобы жена не слышала наш разговор, он плотно закрыл дверь и мы начали беседовать. Он, стараясь не смотреть мне в глаза, начал опять повторять свою придуманную историю. Я задал ему несколько вопросов из семейной и юношеской жизни, на которые он не смог ответить и я решил, что пора заканчивать наше свидание, не утруждать его своими вопросами и возвращаться скорее домой. Мне жаль было смотреть на этого бедного грешника, пустившегося на путь обмана, с целью получить тетины «вещи», пригодные только на утиль.

Его жена, наверное, знала о его поездке к нам, догадывалась, с какой целью я посетил их дом и готова была извиниться за своего мужа, но он постарался скорее провести меня через кухню, чтобы я не вступил с ней разговор. За все время наших встреч он не назвал меня по имени, а я, тем более, не мог назвать его Анатолием. Он провел меня через сельскую грязь и я, прощаясь с ним, решил строго обличить его за обман и предложил ему покаяться в грехах. Он опустил глаза, выслушал и, не сказал ни слова. Больше говорить было не о чем, мы расстались с ним навсегда.

У нас возник вопрос: откуда он мог знать тетю, где она жила и что у нее пропал без вести сын Анатолий? И я пришел к выводу: тетя несколько раз посещала в его селе евангельское богослужение, познакомилась с верующими, рассказала им о своем горе. Это, по всей

вероятности, дошло до Ивана и он решил воспользоваться этой тетиной историей в своих корыстных целях – представиться Анатолием.

Подобная история у нас произошла еще с одним молодым человеком, назвавшим себя братом по вере. Это было вечером, он зашел к нам и сказал, что он верующий, приехал в гости к своему брату, который живет в селе Озеряны и что его нет дома, и что он решил поехать в Дубно поискать верующих, чтобы переночевать. Спросил людей, - сказал он, - мне указали на один дом. Я зашел и спросил хозяйку: а где живут верующие, которые интересуются музыкой? И эта сестра направила меня к вам. Я скрипач и мне интересно общаться с музыкальными людьми.

Мы радушно приняли его, предложили переночевать у нас, побеседовали, расспросили, откуда он, где и кем работает. Он рассказал, мы выслушали его и я принял его за брата, нисколько не сомневаясь, но Галочка потом тихонько шепчет мне: «Я ему не доверяю. Он говорит, что работает на тяжелой физической работе, а ты посмотри на его изнеженные руки, по ним не видно, что он рабочий».

То было такое время, когда нужно было остерегаться подобных людей. КГБ преследовало верующих и всячески старалось проникнуть в среду верующих, узнать церковные тайны, кто печатает литературу, кто распространяет ее и многое другое и для этой цели, под видом верующего брата засылали своих работников. После угощения и краткой беседы зашли в комнату, куда, через некоторое время начали собираться к нам братья для определенной беседы и я представил им брата-гостя. Друзья познакомились с ним, поговорили и должны были приступить к деловому разговору. Вдруг гость, как-то несмело, обратился к нам с просьбой помочь ему с билетом, рассказал, как он приехал к своему родному брату, который мог бы ему помочь, но он куда-то уехал и вот приходится обращаться к вам, братья.

Продолжая, он сказал, что живет во Фрунзе и что на билет ему нужно 40 рублей, но мне, - сказал он, - хотя бы доехать до Запорожья, там живет мой отец и я заеду к нему, а он возьмет мне билет до Фрунзе.

Братья, видя его скромность, поговорили между собой и решили взять ему билет до самого конца, а кто-то из братьев еще добавил: «Ведь брату нужно дать еще и на пропитание в дороге». Конечно, - согласились братья. Кто-то спросил его: «Брат, а сколько суток тебе придется быть в дороге?» «Пять суток. - ответил он. «А сколько тебе нужно в дороге на пропитание?» «Да, братья, вы не беспокойтесь, мне лишь бы на билет, а без еды как-нибудь обойдусь, а если вы можете дать мне и на пропитание, то мне на день хватит одного рубля». И в этом он проявил свою скромность и еще больше расположил к себе братьев. А пресвитер поместной церкви Левценюк Анатолий сказал ему: «Брат, завтра брат Володя даст тебе на дорогу 10 рублей и сорок на билет – всего 50, хватит тебе?» «О, конечно, спасибо вам, братья, за вашу помощь, что вы выручаете меня из беды».

Когда он вышел на улицу, мы за это время переменили наше решение. Братья сказали мне: «Ты ему денег на руки не давай, а проводи его на вокзал, купи ему билет, посади в вагон, а десятку дашь на дорогу, тогда мы будем уверены, что он не обманул нас и не использует эти деньги на что-то другое».

Друзья разъехались по домам, а мы помолились и легли спать. Утром гость продолжал спать сладким сном. Галочка говорит мне: разбуди брата, потому что завтрак уже готов и нужно завтракать. Разбудил его и говорю:

- Позавтракаем и я провожу тебя на вокзал, куплю билет, посажу в поезд, распрощаемся с тобой до новой встречи, если Богу будет угодно.

Сели завтракать, а у него даже аппетит пропал от услышанных слов. Раздумывая, он поел немного и говорит: «Меня не нужно провожать, зачем вас беспокоить, я сам куплю билет и уеду». Потом добавил: «Мне нужно еще заехать в Озеряны и взять свой чемодан, оставленный у соседей брата». В ответ я сказал: «Тогда давай возьмем прямой билет, а чтобы тебе не заезжать

за чемоданом, я съезжу “Вяткой” и привезу, здесь недалеко, километров 25, вот тебе бумага, напиши, чтобы предъявителю этой записки отдали чемодан”. В ответ он сказал: “Да нет, они не поверят и не отдадут!”

Выходя на улицу, даю ему шлем и говорю: “Раз такое дело, давай, садись со мной на “Вятку” и вдвоем съездим за чемоданом”. “Брат,-говорит он,- я боюсь ехать на “Вятке”, мне один инспектор ГАИ сказал, что пятьдесят процентов дорожных происшествий бывает связанных с ездой на мотоциклах”. “Тогда давай сходим к брату Анатолию и решим с ним эту проблему, он живет недалеко, вон в том переулке, последний дом слева, ты иди, а я подъеду потом”.

Он пошел, а я проехал по другой дороге и к его приходу успел рассказать Анатолию и брату Павлику всю ситуацию. Когда подошел “брат” гость, мы пригласили его в дом и начали обличать его за обман. Мы предупредили его, что такой путь приведет его к гибели. Но он не пожелал выслушать нас до конца и пошел в контрнаступление. Вместо того, чтобы принять обличение и извиниться, он начал обвинять нас, говоря: “Какие вы верующие, когда я попросил у вас помощь, то ваше дело помочь, а куда я употребляю ваши деньги – это мое дело, на билет, или на что другое”.

После выслушанного, мы сказали: “Обманщикам мы не помогаем!” Он разозлился, вышел и подался в город, а там зашел к одному брату и, не знаю, как он к нему подошел, но факт тот, что обманным путем получил у брата некоторую сумму. Вот такая неприятная история произошла с нашим “братом-гостем”.

Среди различных неприятностей, переживаний, неудач и чрезмерной житейской суеты, первое место мы всегда уделяли общению с церковью, с братьями и сестрами, совместно прославляя нашего Господа Иисуса Христа. Для проведения богослужбных собраний, мы собирались три раза в неделю в частном доме. Дубновская церковь, в начале ее открытия, была по численности небольшая, но постепенно увеличивалась, за счет прибывающих на жительство, в основном молодых, из соседних сельских общин. Мы с Галочкой, с первых дней нашего переселения из г. Броды в Дубно, сразу вступили в члены поместной церкви и принимали активное участие в служении, в нуждах церкви. Мы вдвоем пели в хоре – Галочка сопрано, а я тенором. Мне было очень приятно, когда моей жене поручали исполнение сольных партий, у нее был чудесный голос. Я не гордился этим, но благодарил Бога, что Он подарил мне такую одаренную помощницу и, что этот дар она посвятила Господу, а не для мира сего. Кроме служения в хоре я также принимал участие в служении Словом, как в местной церкви, а также посещал другие общины и там всем свидетельствовал о любви Божией, о том, как Он встретил меня на грешном пути, остановил, призвал на Свой путь и сделал Своим дитем и в корне изменил мою жизнь.

Несмотря на запреты властей посещать с хором и проповедями Евангелия другие церкви, мы старались больше повиноваться Господу и Его повелению: идти проповедовать Евангелие всей твари, Для спасения многих душ /Мар.16:15-16/, и Господь нас обильно благословлял в этом труде.

Очередным горем, постигшим нашу семью, было сообщение о смерти Галочкиного отца, а моего тестя Марцина Амоса Семеновича, это случилось осенью 1954 года. Как-то, совсем неожиданно, мы получили письмо от незнакомого отправителя, но по обратному адресу сразу было понятно, что письмо от заключенного. Сердце Галочки тревожно забилося, предчувствуя беду. Когда мы открыли и прочитали письмо, сердца наши переполнились печалью, Галочка залилась слезами и мне долго пришлось ее утешать и успокаивать, ссылаясь на то, что таковая воля Божия. И только тогда она немного утешилась, когда мы в горячей молитве обратились к Господу за утешением, ибо Он Сам сказал: «Я, Я Сам утешитель ваш»(Ис.51:12). Это сообщение о преждевременной (по человеческому определению) кончине отца мы приняли, как от Господа, Который определил каждому человеку времена, сроки и пределы его обитания

(Д.Ап.17:26). В своем письме заключенный кратко написал, что Амос вышел из бани, прошел метров 20, упал и умер от кровоизлияния. Больше подробностей никаких не было, заключенный надеялся скоро вернуться из лагеря домой, дал свой адрес, чтобы приехать к нему и он обещал рассказать все подробно. Но, к сожалению, у нас такой возможности не было. Так, что о смерти отца нам мало что известно, а вот о его жизни и семье мне Галочка много рассказывала и я считаю своим долгом, хотя вкратце, описать кусочек этой истории нашему поколению.

Амос Семенович и его жена Варвара Милентьевна работали вначале сельскими учителями, переезжая из одного села в другое, куда направлял их Отдел народного образования. А со временем, в г.Умань, купили себе дом, переехали туда, там жили и работали. Это в Киевской области.

Отец имел высшее образование и работал директором средней школы (десятилетки), а мама в 1918 году, закончила 5 классов Тульского епархиального училища и преподавала в начальных классах. В течение длительной работы в школе, она повысила свои педагогические знания и в 1938 году удостоилась получить аттестат на звание учителя начальной школы. Так они продолжали работать по своей педагогической профессии до немецкой оккупации. А когда, во время оккупации, возник вопрос об избрании Бургомистра (мэра) города, то Амос Семенович, пользуясь высоким авторитетом у горожан, как почетный житель, был избран на эту должность. В городе находились лагеря для военнопленных, которые были переполнены, военнопленные жили там в ужасных антисанитарных условиях, страдая от холода, голода и вспышек различных инфекционных болезней и от этого массово умирали. По ходатайству мэра и городской общественности, немецкие власти отпускали из лагеря домой некоторых военнопленных украинцев. И для отбора таких людей немцами создавалась соответствующая комиссия во главе с бургомистром; они шли в лагеря к начальству и, проходя вдоль строя лагерников, спрашивали, есть ли в строю украинцы. Каждому хотелось каким-либо путем освободиться из плена и, когда стало известно, что украинцев будут освобождать из лагеря, то многие русские, желая воспользоваться такой возможностью, объявляли себя украинцами. С теми, кто откликнулся на вопрос, украинец ли он, вступали в разговор на украинском языке, чтобы, задавая им некоторые вопросы, удостовериться, что они действительно украинцы. Русским трудно было ответить по-украински без акцента, их сразу можно было определить, что они не украинцы, но с такими старались много не разговаривать. Достаточно было сказать, хоть на ломаном украинском несколько слов и их записывали украинцами и отпускали домой.

Уклоняясь несколько от темы, я невольно представляю себе, как обидно было тем военнопленным, которые по национальности были украинцами, но обрусели, не желая в свое время изучать и пользоваться своим родным языком, а теперь не могли доказать своей национальности, чтобы получить освобождение. Таких обрусевших украинцев есть очень много и в настоящее время. Тех, которые отреклись от своего родного материнского и отцовского языка и начали «подхалимничать перед старшим братом», стыдись произнести слово по-украински.

В настоящее время, когда Украина стала независимой, таким гражданам Украины приходится изучать украинский государственный язык, на что они очень болезненно реагируют и готовы отказаться от независимости, лишь бы держаться за руку «старшего брата».

Как больно родителям, бабушкам и дедушкам смотреть на своих отпрысков, потерявших свою национальность, пренебрегших своим родным языком. Это – грубое неуважение к своим родителям и своему народу. Чтобы понять друг друга, родителям приходится подстраиваться, разговаривая со своими детьми и внуками. Пишу это потому, что сам переживаю подобное и испытываю горечь и разочарование. Эти свои воспоминания я вынужден писать, ради некоторых внуков, не наученных родителями родному языку, на чужом для меня, русском языке. Хотя особенно обижаться на моих детей за то, что они не научили внуков пользоваться своим родным языком, не приходится, потому что им пришлось жить в Эстонии, где украинских

школ не было, даже и самим родителям приходилось общаться с окружающими людьми по-русски.

Может быть кто-либо из читающих эти строки захочет обвинить меня в национализме, в нетерпимости к русским, или другим национальностям, это будет не верно, ибо любящий свой народ, научен Богом любить и другие народы, созданные по образу и подобию Божию (Быт.1:27). Добрым примером любви по отношению к своему народу является Моисей. Народ Израильский постоянно раздражал Господа своим неповиновением Его заповедям. Господь прощал, миловал, часто наказывал, но, когда народ сделал великий грех перед Богом, сделавши себе золотого тельца для поклонения ему, как богу – чаша гнева Божия переполнилась. Пришел критический момент в жизни народа Божия, когда ярость гнева Его должна была излиться на народ.

И тогда Моисей обратился к господу с ходатайственной молитвой следующего содержания: «Прости им грех их. А если нет, то изгладь и меня из Книги Твоей, в которую Ты вписал»(Исх.32:32). Здесь мы так ярко видим, насколько Моисей любил свой народ! Он осмелился пред святостью Божией ходатайствовать за тяжко согрешивших, негодных людей, дабы загладить их грех, даже ценой своей вечной участи. О, дал бы Господь и нам достигать такой любви, которая заставила бы и нас ходатайствовать перед Богом за свой многострадальный, грешный народ, который попрал Завет Божий, отверг Иисуса Христа, как своего Спасителя и многие годы, даже донныне, поклоняется различным идолам: богатству, золоту, славе, различным спорт-кино-звездам и многому другому. Читая и слушая о проблемах Украины таких, как недоедание, низкие заработки, безработица и проч.- все эти обстоятельства должны побуждать нас к проявлению любви и сострадания к своему народу на деле, как материально, а тем более духовно, в ходатайственной молитве перед Богом, чтобы Господь услышал и обратил многих на путь спасения, чтобы простил нашему народу отступление и богоборчество и излил на Украину свои благословения.

Следующим человеком, мужем Божиим, который не был безразличен к своему народу, а наоборот, крепко любящим его, является великий Апостол Павел. Он пишет в своем послании к Римлянам 9:14 так: «Истину говорю во Христе, не лгу, свидетельствует мне совесть моя в Духе Святом, что великая для меня печаль и непрестанное мучение сердцу моему: я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти, то есть, израильтян». Апостол в этих кратких словах высказал всю свою великую любовь, всю печаль и непрестанное мучение сердца за свой родной израильский народ, которому принадлежит слава и усыновление Божие, а между тем, они отвергли Сына Божия, предали Его на страдания и лишили себя Его благословений. Павел, предвидя их будущее, готов был сам быть отлученным от Христа. Лишиться спасения, страдать и мучиться угрызениями совести тогда, когда они «воззрят на Того, Которого пронзили и будут рыдать о Нем, как рыдают об единородном сыне, и скорбеть, как скорбят о первенце» (Зах.12:10), Лишь бы избавить от этого свой народ. Вот так апостол Павел любил свой народ, свою нацию, что ради их спасения согласен был пожертвовать своим личным спасением. Я желал бы, чтобы каждый, читающий эти библейские примеры, научился так любить своих людей, свою родину, как любили мужи Божии.

Когда человек рождается в этот мир, первым объектом его любви становится мама, потом отец, братья, сестры, а потом, по мере своего возрастания эта наша любовь постепенно распространяется и на окружающих нас. Со временем, возрастом, мы начинаем любить свое село, или свой город, а потом и свою страну, свой народ и это естественно и закономерно. Потом, встретившись с Господом и узнав из Его Слова о Небесной Родине, нам хочется молиться и заботиться о состоянии того места, того города и страны, в которой мы живем, дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную (Иер.29:7 и 1 Тим.2:2). Где бы человек ни жил в чужой стране и в каких бы хороших условиях ни находился, но он никак не может привыкнуть к этой, чужой для него стране, к ее культуре, быту, окружению. Он долгое время не может

избавиться от ностальгии по прошлому – его непрестанно влечет родина, хочется к своему народу, туда, где родился, где провел свое детство, юность. Эти чувства к своей родине и своему народу заложены в человеке самим Богом и не только в человеке, но и в мире животных мы наблюдаем подобное: инстинкт, заложенный в них Творцом, заставляет, например, рыб, за тысячи километров возвращаться на место своего рождения, чтобы там воспроизвести потомство. Каждый из нас видел, как осенью, стаи птиц, длинным ключом, тоскливо курлыча, отлетают на зимовку в теплые края с тем, чтобы весной опять вернуться в родные края. И их возвращению весной мы радуемся, как дети, когда видим аистов, диких гусей, уток – первых провозвестников весны и тепла. Это напояет нашу душу сладкой тоской по нашей небесной Родине, куда стремится наша душа.

Еще мне вспоминается случай, происшедший в нашей семье. Однажды, еще в детстве, татко сказал мне: «Спіймай нашого кота». Я с удивлением спросил: «Зачем тебе кот?» татко ответил: «Мы відвеземо його на багаті села, бо він передушить всіх наших курчат, дивись, як мало вже їх лишилось від цього розбійника». Вместо «богатых сел» мы завезли нашего кота в Дубно, в расчете на то, что городская жизнь придется ему по душе. Но, к нашему удивлению, пока мы справились в городе со своими делами и приехали домой, наш кот уже был дома, ожидая нас. А ведь мы же его везли в мешке за 12 километров от дома!

Рассуждая о любви к своему народу и своей земной родине, я незаметно уклонился от начатой темы и теперь хочу вернуться к ней и продолжить историю моего тестя Амоса Семеновича. Не знаю, сколько сотен, а может быть и тысяч военнопленных удалось ему освободить из лагеря, но за эти действия он чуть не поплатился своей жизнью. Немцам такая работа бургомистра по освобождению пленных не понравилась, тем более, что он, по своему усмотрению освобождал не только украинцев, но также и из других национальностей, тех, кто мог, хотя бы несколько слов произнести по-украински. Наблюдая за его действиями, у немцев появилось подозрение, что бургомистр коммунист и они решили с ним расправиться. Посадили тестя в тюрьму и хотели расстрелять, но семья, общественность города, которая избрала его на этот пост, ходатайствовали за его освобождение и спустя три месяца его освободили.

Но эти три месяца пребывания его в тюремных условиях, довели его до крайнего истощения, и, если бы продлился этот срок, то он не выдержал бы и умер от голода. Выйдя на свободу, он опять устроился на педагогическую работу и работал до отступления немцев. Фронт продвигался все дальше и дальше на Запад и тесть решил с семьей переехать подвойей в Румынию к дедушке. Семья состояла из шести человек: он, жена и четверо детей – три дочери и сын-инвалид Анатолий. Самой меньшей дочери Наташе было в то время годика два с лишним, Людмила – 1925 года рождения была угнана на работы в Германию, а самая старшая Галина, 1923 года рождения. У дедушки прожили они недолго, сложившиеся обстоятельства, в связи с приближением фронта заставили наших беженцев двигаться дальше на Запад. Путь этот для них был совсем неведом, ехали куда-нибудь, лишь бы подальше от линии фронта. Проехали всю Румынию, Венгрию и направились дальше в Австрию.

Проезжая эти страны, часто останавливались на отдых, на ночлег. Местное население их радушно принимало, проявляя к ним глубокое сочувствие. Помогали продуктами. Предоставляли свои пастбища для их лошадей. Это сердечное расположение и сочувствие местных жителей, совсем незнакомых им людей, помогало им преодолевать их нелегкий путь беженцев. Местами они проезжали вдоль реки Дуная, наслаждаясь прекрасной природой, о чем с восторгом потом мне рассказывала Галочка. После долгих дней скитаний по незнакомым и чужим дорогам, они приехали в прекрасную страну Австрию и там у одного фермера устроились на работу и работали у него до окончания войны. Местность, где они временно проживали, оказалась занятой советскими войсками и, когда началась организованная отправка наших людей на свою родину, то возник вопрос: что же делать, куда деваться? Остаться в Австрии – власти не разрешают, возвращаться отцу с семьей в Умань – это значит подвергнуть

себя участи быть осужденным на долгие годы сталинских лагерей. Мама, видя переживания отца, советовала ему не возвращаться домой, а как-нибудь пробраться на территорию, занятую американскими войсками и добиваться выезда в Америку. Но отец не согласился и заявил категорически: «Я вас не залишу, де ви будете, там і я з вами. Як зі мною поступить влада – не знаю, але я готовий прийняти покарання і тому усі разом будемо повертатися на Україну».

Благополучно, всей семьей, вернулись в Умань. В их доме поселился какой-то кэзэбист и на их просьбу освободить дом он совершенно не реагировал, а наоборот, недовольствовался за беспокойство. Семья вынуждена была поселиться в своем саду и жить под палаткой. Некоторые соседи, рискуя иметь от властей неприятности, старались, по возможности, чем-нибудь помочь в их нуждах. Отец, не ожидая ареста, решил сам явиться в КГБ с повинной, рассчитывая на смягчение наказания, другого выхода не было. Ему хотелось, чем скорее, освободиться от тяжелых переживаний и, когда он пришел в КГБ, его сразу же арестовали. Начались допросы, обвинение за сотрудничество с немцами в занимаемой им высокой должности, за национализм. Отец, в свое оправдание, говорил, что немцы судили его, как коммуниста, а вы обвиняете меня в национализме и, если бы не ходатайство городской общественности, то меня бы расстреляли.

- Какой ты коммунист? Если бы ты был коммунистом, то никакое ходатайство тебе не помогло бы, тебя пустили бы в расход и на том конец, а раз выпустили тебя, значит ты – националист.

Во время следствия вызывали дочерей, обещая им, что они могут смягчить меру наказания, или помочь отцу выйти на свободу, при условии, что они дадут подписку на сотрудничество с КГБ, а это значило: быть у них в полной зависимости. Для этой цели им даже разрешили свидание с отцом, чтобы сообщить ему, что есть возможность ему освободиться. Но, когда они спросили отца, как им поступить, то отец ответил:

- Ни в коем случае не соглашайтесь и не ступайте на предательский путь.

Дочерям было очень жаль отца и маму, которая сильно переживала и хотела бы, чтобы отец был на свободе, но услышав отцовский совет не идти на удочку КГБ и что отец готов мужественно нести наказание. Они успокоились.

Состоялся закрытый суд, т.е. военный трибунал, на котором не разрешили присутствовать ни жене, ни детям. Никто из семьи не знал, на какой срок был осужден их отец и только спустя пару лет, стало известно, что срок очень большой – 25 лет сибирских лагерей. Продержался он в тех ужаснейших условиях всего девять долгих лет и отошел из этой многострадальной земли в потусторонний, небесный мир.

Но КГБ на этом не успокоилось, они всячески старались склонить дочерей на сотрудничество с ними и начали выискивать и на них обвинения. Вызывая на допрос Галину, обвиняли ее, что она, якобы, участвовала на каком-то немецком параде и несла транспарант. Для подтверждения обвинения, ей показали фотокарточку с парада. Людмиле угрожали за ее религиозное убеждение, она в Германии уверовала и вернулась домой баптисткой, посещала евангельские богослужения. В принципе, посещать собрания баптистов ей не запрещали, а наоборот, советовали ходить и доносить им сведения о жизни церкви. Все попытки привлечь их к сотрудничеству оказались напрасными, но дальнейшая их жизнь в родном городе Умани в таких условиях – без жилья и тяжелая работа на заготзерно – были невыносимыми и им пришлось искать другое место жительства. Этим местом оказался город Броды, Львовской области. Здесь они получили скромное жилье: дочери работали в конторе на счетной работе, а мама в сельской местности учительницей.

Письма от отца получали очень редко, долгое время от него не было вообще никаких известий, возможно он опасался, чтобы своими письмами не усугубить положение семьи и не подвергнуть их преследованиям. Отец был осужден в 1945 году (точной даты я не знаю). Первое письмо из лагеря, которое сохранилось у меня и по сей день, датировано 5.1.1947 г. из Молотовской области, г.Чусовая. Во втором своем письме от 21.П. он выражал свое

беспокойство о семье, старался утешить, дать совет, как преодолевать жизненные трудности, а о себе писал: «Я до цього часу не гублю надії на зустріч з вами, це мене підтримує, цим я живу, в розпач не впадаю, хоч самі знаєте, як я мушу виглядати».

Из последних слов этой цитаты ясно, что его состояние было очень тяжелым: больной, истощенный, но в сердце его еще теплилась надежда на встречу и эта надежда его поддерживала. В дальнейшей переписке с отцом, верующие дочери в своих письмах просили, чтобы он покаялся перед Господом в своих грехах, принял Иисуса своим личным Спасителем и жизнь свою вручил Ему. Спустя некоторое время, в следующем письме, они конкретно спросили его о его убеждении, так как до этого они не знали, в каком отношении он был с Богом. Отвечая на их вопрос, он, в своем письме от 18.Ш.48г. написал: «Ви обидві у своїх листах домагаєтесь від мене відповіді на хвилюючі питання моїх переконань. З листів моїх вам повинно бути видно, що ваші погляди цілком поділяю, вітаю їх, радий за вас». Дальше он пишет, что, если бы вы хотели каких-то формальных подтверждений моих убеждений, то это не нужно, ритуалам я никогда не придавал значения. “Галочка пише, що не помічала раніше за мною ніяких ознак, що могли б свідчити про мої переконання. Це звичайне явище, в наших умовах так прийнято, а особливо раніше й по відношенню до дітей”.

Последующим текстом своего письма отец старается объяснить дочери, что, если бы были заметны проявления его религиозного убеждения, то меня, - писал он, - давно не было бы среди вас, поэтому этого не нужно было, да и необходимости в этом не было. Продолжая письменное подтверждение своего убеждения, что он принадлежит единому Творцу, он дальше писал: «Зараз я також надаю домінуючого значення змістові переконань, Єдиному Творцю належу з вами, Йому Одному подяка за наше буття, Він один керує і направляє наше життя. Інших переконань не маю і форма виявлення переконань не важить багато. Зараз, в цю хвилину раннього ранку всі мої найкращі почуття звертаю до Всевишнього Господа, щоб Він дарував Свою ласку моїй любій доні Галочці і всім вам. Будьте здорові, цілую вас, ваш батько”.

Такое сердечное свидетельство отца о своем убеждении, о том, что и он принадлежит Единому Создателю и что его надежда только на Господа, очень обрадовало верующих дочерей. Перед Ним он излагал свои нужды, в Нем находил утешение, ожидая Божьей милости на выздоровление своей любимой дочери от ее болезни и надежду на встречу с семьей, о чем он писал в следующем письме 6.У.48 г. «Непокоїть мене часто Галочка, але я вірю і надіюсь, що Бог дасть їй здоров'я і я побачу ще її щасливою і здоровою, як і всіх вас, мої рідні”. Он очень любил Галочку. Она много рассказывала мне, сколько удовольствия получала она, сколько радости, когда отец брал ее с собой на охоту и, как после дневной усталости сладко отдыхала. Несмотря на обстоятельства, в которых жил отец, не имея общения с церковью и не получая духовного подкрепления, он был твердым в уповании на Бога.

Единственным другом отца был верующий брат-узник, живший вместе с ним, который много свидетельствовал ему о любви Божией, призывая его к покаянию. В результате, отец уверовал в Господа Иисуса Христа и обрел в Нем жизнь вечную. Вот цитата из его письма к дочери Люсе от 10.П.49 г. “Умови життя віри моєї не можуть змінити, хоча будь вони які”. Слава Богу, вселившему в него такую непоколебимую веру в Божие Всемогущество, при любых обстоятельствах сохранить Ему верность. С каждым днем отец укреплялся в Господе, радуясь, что его обстоятельства подействовали познанию и принятию Сына Божия своим личным Спасителем. Он писал: “Серце болить, душа змучилась, але віра невмируща підтримує сили, надія живе...”

Из письма к жене 20.УШ.49 г. Он прекрасно знал материальные трудности и переживания жены и, не имея возможности помочь ей, утешить и ободрить ее, он, в своей молитве обращался за помощью к Богу, как скорому Помощнику в бедах. Выражая свою заботу о семье, он пишет жене 20.1У.50 г.: «Радий за вас і прошу Бога, щоб дав тобі сили до краю знести цей важкий хрест випробування». И последняя весточка от отца была 3.У1.54 г. Это было

поздравление моей Галочке с днем ее рождения. Очень жаль, что наша встреча с ним не состоялась, но такова была воля Божия, чтобы встреча наша не была временной, на земле, но в вечности, в небесных обителях Божьего рая, где разлук больше не будет никогда, где не будет слез и горя, а вечная радость с Господом и со всеми святыми, искупленными Его драгоценной кровью. Вот краткая биография нашего дорогого отца, описанная мною. Прах его покоится где-то в далекой Сибири и ожидает звука трубы Божией и гласа Архангела.

Следующее горе нашей семьи – это смерть моего родного отца Поликарпа Павловича. Он умер 26 ноября 1956 года, в возрасте 63 лет от порока сердца. Похоронен в его родном селе Великие Сады. По человеческому рассуждению, смерть его была преждевременной, но таково Божие определение, так Он судил, так назначил – каждому свое время на земле.

Мама Галины, а моя теща Марцин Варвара Милентьевна прожила 64 года и умерла в 1968 году от страшной, мучительной болезни – заболевание крови. При вскрытии, в черепе, была обнаружена большая дыра- эта болезнь разъедала, дырявила кости, причиняя больному невыносимо тяжкие боли и страдания, так что переход нашей мамы в потусторонний мир был очень тяжелым, но она, с Божьей помощью, с терпением переносила все эти страдания. За год до смерти она покаялась, посещала евангельские богослужения, готовилась вместе с внучкой Лэсей принять крещение, но, к сожалению, ее планы не осуществились, она опоздала вступить в завет с Господом. Враг души посылал ей различные сомнения, он внушал, что Господь не простил ее и, когда Галочка, в последний раз посетила ее в больнице, уже на смертном одре, мама тихонько, своим слабым голосом спросила ее: «Скажи мені, Галочко, Господь усякий гріх прощає?» И когда она услышала в ответ подтверждение из Слова Божия: «Если исповедуем грехи наши, то Он, будучи верен и праведен, простит нам грехи...» И еще «...Кровь Иисуса Христа, Сына Его очищает нас от всякого греха...» – лицо ее просияло. Они молились, мама со слезами исповедовала свои грехи и получила полную уверенность, что Господь простил ее. Она обрела мир с Богом и сердечную радость. Ей уже не страшен был переход в вечность, ибо она приготовила себя к встрече со своим Спасителем.

В страшных страданиях, но со спокойной душой, она ожидала своей кончины и освобождения от недуга плоти. Прошло пару дней по возвращении Галочки домой в Дубно и мы получили сообщение о смерти мамы. Она завещала, чтобы похоронить ее тело в Дубно. Ее желание мы исполнили: состоялся многолюдный похорон. Богослужение было во дворе нашего дома и на кладбище. Оно сопровождалось пением хора и игрой духового оркестра в составе 24-х музыкантов. Большим похоронным шествием провожали мы нашу дорогую маму в последний путь; хор пел траурные гимны, на смену им вступал мощный духовой оркестр, оглашающий город траурными мелодиями. Впереди шествия – дети и молодежь несли майские цветы, венки и в таком сопровождении, вопреки запретам городских властей, направлялись на кладбище. Свой долг перед мамой, перед Богом и перед людьми мы исполнили; остались самые хорошие воспоминания о ней, как о хорошей матери, теще и учительнице, которая всю свою жизнь посвятила воспитанию детей.

Дольше всех из наших родителей прожила моя мама, она умерла 7 мая 1980 года в возрасте около 90 лет. Через год после смерти мамы, наша семья понесла еще одну утрату: умер мой старший брат Ананий, который прожил всего 62 года. Жизнь человека на земле скоротечна, она быстро проходит и Ап.Иаков в своем послании пишет: «...ибо что такое жизнь ваша? Пар, являющийся на малое время, а потом исчезающий» (5:14). А особенно она быстро проходит, когда человек постоянно занят работой, в постоянной суете.

Вот так быстро и не заметно проходило и мое время. Пролетело 8 лет с тех пор, как я вынужден был уволиться из Ремстройконторы. За эти годы, кроме бухгалтерской работы на Вербском торфопредприятии, я работал еще газосварщиком на Литейно-механическом заводе. А когда бывший начальник РСУ уволился и эту должность занял наш местный житель – прораб Олейник Владимир, он пригласил меня на работу столяром. Я проработал столяром пять с

половиной лет, потом четыре с лишним года работал бригадиром малярной бригады, так что до 1971 года я проработал в этой организации, с некоторыми перерывами, включая и бухгалтерскую работу. почти 12 лет. Потом еще по тем же специальностям мне приходилось работать в других организациях, а также по договорам производить ремонт школ и частные заказы – делал людям трафареты. Последним местом моей работы в Дубно был сахарный завод. Там я числился сезонным рабочим. Проработал пару сезонов и в жизни моей сложились так обстоятельства, что необходимо было уволиться с работы, распрощаться с Дубно и уехать на жительство в Эстонию. Прожили мы в Дубно 25 лет.

В первые годы после войны многие жители сел, спасаясь от колхозов, оставляли свои родные села, переезжали в города, строили собственные дома и жили спокойной жизнью. Верующие люди, пользуясь законом свободы вероисповедания, регистрировали в частном доме церковь Евангельских христиан-баптистов и проводили свои богослужения. Но со временем, при наличии тех же законов, атеистическая власть начала смотреть на верующих, как на религиозных фанатиков, людей заблудившихся, отсталых, мешающих строительству светлого будущего в стране Советов – коммунизма. И стали верующие, как и при Апостоле Павле, язвой общества. Любыми путями, любыми методами и способами коммунисты взялись за перевоспитание христиан, объясняя свои дискриминационные действия тем, что в коммунистическом государстве не может быть двух идеологий – атеистической и религиозной, капиталистической. Эта дьявольская работа проводилась повсеместно и особенно в тех городах, где было много верующих, которые активно участвовали в распространении Слова Божия.

Таким опасным регионом оказалась наша Ровенская область. В ней насчитывалось более десяти тысяч верующих – баптистов и пятидесятников. Свою работу атеисты проводили на предприятиях, среди рабочих коллективов, в учреждениях; везде устраивали «уголки атеиста», где в своих стенных газетах всячески критиковали и чернили верующих. В газетах и журналах печатались антихристианские статьи, называя верующих людей мракобесами, фанатиками, приносящими своих детей в жертву и много других, порочащих верующих статей, много различной клеветы и грязи незаслуженно выливали на лучших граждан своей страны, примерных работников, примерных родителей, преданных и послушных детей. Телевизор тоже был орудием в их руках для атеистической пропаганды, с целью разрушить в сердцах людей веру в Бога, заглушить проповедь Евангелия и всякое богопочитание. Даже и в больницах, где страждущие люди в своих болезнях склонны искать помощи в Боге, атеисты и здесь старались воздействовать на умы больных людей. С этой целью они в каждой больнице в вестибюле, в комнате отдыха, на видном месте устанавливали стенд с атеистической литературой, называя это место «уголком атеиста».

Если больной, отправляясь в больницу, берет с собой Евангелие и там, по возможности, читает ее и проводит беседы с людьми на духовную тему, то таким больным строго запрещали это – проводить, так называемую религиозную пропаганду; их преждевременно отправляли домой. Это испытал я на себе. За такую «деятельность» меня, больного, слабого, с повышенным РОЭ до 50, отправили домой на амбулаторное лечение. Особенная антиевангельская работа проводилась в школах над детскими душами, прививая им атеистические взгляды, принуждая насильно вступать в безбожные организации. Тем, кто не желал быть членом комсомола, дорога в высшие учебные заведения была наглухо закрыта. Детям строго запрещалось посещать богослужения, требовали от служителей церкви ставить в дверях диаконов церкви, которые не допускали бы детей входить в молитвенный дом. А если были такие «нарушители» порядка, то представители власти изгоняли таковых из руководства церкви. И эту позорную и греховную работу руководство церкви брало на себя.

Больно и жалко было смотреть на таковых, с позволения сказать, служителей, которые со страхом и трепетом перед наступающими атеистическими властями на церковь, шаг за шагом отступали от истин Божиих, подчиняясь указанию властей. Много можно писать о всех

беззакониях и о преследованиях верующих людей, но я хочу, хотя коротко коснуться тех моментов из жизни, которые связаны непосредственно со мной в деле защиты проповеди Евангелия и всего дела Божия.

Долгие годы некоторые верующие молча вздыхали и понемного отступали от учения Иисуса Христа и со страхом думали: а что же будет дальше? Другие усердно молились, просили у Бога защиты от наступления сатанинских сил на Церковь Божию. И вот, однажды вечером, зашел в наш дом пожилой брат и вручил мне фотокопии первого послания братьев Инициативной группы по духовному пробуждению в СССР, датированное августом 1961 года. Это братское послание было вызвано Инструктивным письмом для руководства в церквях, оно было тайным и рассылалось союзом ВСЕХБ (Всесоюзный Совет евангельских христиан-баптистов) только для старших областных пресвитеров, для внедрения их в жизнь церквей. В этом письме было дано указание, чтобы крещение молодежи в возрасте от 18 до 30 лет запретить и свести к минимуму, испытательный срок до крещения устанавливался не менее трех лет, запрещались церковные оркестры, молодежные собрания, хоры, посещения других церквей, сестерские молитвенные группы и много-много других запретов. Все это делалось с той целью, чтобы низложить Церковь нашего Господа Иисуса Христа, Которую Он создал посредством Своих мученических страданий и смерти на Голгофском кресте.

Все эти потуги безбожных властей разрушить Церковь были напрасны, ибо Сам Христос сказал:...»Я создам Церковь Мою и врата ада не одолеют ее» (Мф.16:18). Церковь Христова, вдохновленная Духом Святым на борьбу с атеизмом, выстояла, несмотря на суровые преследования, тюрьмы и лагеря. Многие верующие возревновали о деле Господнем и вышли на защиту своих братьев и сестер. Другие же стояли в стороне, присматриваясь, что же будет дальше, а не утвержденные в вере души, не бодрствовали в молитвах, оставили Господа и ушли в мир. Народ Божий вопиял к Богу о защите и глубоко верил в Его победу над врагом душ человеческих, разоряющих Храм Божий. Верили слову Ап.павла, который, будучи движим Духом Святым, написал в своем послании Коринфской церкви такие слова: «Если кто разрушит храм Божий, того покарает Бог, ибо храм Божий свят, а этот храм, вы»(1 Кор.3:17). И, хотя атеистической власти не удалось полностью разрушить храм Божий, но за их злодеяния над верующими и за не утвержденные души, в которых они разрушили веру в Бога, им пришлось дорого заплатить.

Некогда Ангел Божий, Посланник Неба, сказал Деве Марии: «у Бога не останется бессильным никакое Слово»(Лк.1:37). Пришла пора возмездия Божия и вся большая коммунистическая империя была разрушена в бывшем СССР. Началась широкая евангелизация, в результате чего сотни тысяч граждан бывшего союза уверовали в Господа Иисуса Христа и приняли Его своим личным Спасителем. Широко открылась дверь для массового ввоза из христианских стран духовной литературы; миллионы Библий и Новых Заветов были доставлены для изголодавшихся духовно жителей атеистической страны. Верующие начали проводить многолюдные евангелизационные собрания на стадионах, в дворцах спорта, клубах, театрах, в учебных заведениях, в тюрьмах, на городских площадях, где десятки тысяч народа собирались слушать благую весть Слова Божия. Многие, слыша о великой любви Божией, умилялись сердцами и отдавались на служение Господу. Такая работа продолжается и по сей день и, хотя в меньшей мере, но она будет продолжаться до определенного Богом времени многим во спасение, а другим – во свидетельство. Ибо Слова нашего Господа должны исполниться: «И проповедано будет сие Евангелие Царствия по всей вселенной, во свидетельство всем народам и тогда придет конец»(Мф.24:14). Так что пророчество бывшего правителя Союза Никиты Сергеевича Хрущева и многих других о том, что через двадцать лет Библию можно будет найти только в музее, не сбылось и то, что они сеяли 70 с лишним лет, сегодня народ щедро пожинает. Сеяли вражду против Бога, против Его учения, против народа Божия и всего святого, вливая в сердца молодого поколения жестокость, вражду, предательство, и сегодня результаты

налицо: страна погрязла в хаосе, ею владеет преступный мир, различные мафии, бандитизм, наркомания, грабежи, убийства и многие другие страшные пороки. Народ в страхе и ожидании: а что же будет дальше? Христиане и многие, читающие Слово Божие еще и еще раз убеждаются в том, что оно верно и все, написанное в нем полностью исполняется: «Что посеет человек, то и пожнет, а поэтому Господь предупреждает людей через слова Ап. Павла: «Не обманывайтесь, Бог поругаем не бывает...» (Гал.6:7).

Многие верующие в нашей стране прошли тяжелый путь испытаний в страданиях за верность Богу. Родителей, за религиозное воспитание своих детей и активную религиозную деятельность, лишали родительских прав, их судили, а детей развозили по детским приютам. Тысячи верных служителей Божиих были брошены на долгие годы в тюрьмы и лагеря; некоторые из них отсидели, а вернее отработали на каторжных работах в суровых сибирских и северных лагерях по несколько сроков – по десять, двадцать и больше лет.

Однажды в Риге на вокзале нам пришлось встречать брата-старца, труженика на Ниве Божией; он разъезжал и проповедовал Евангелие. Личности брата мы не знали, нам сообщили, что к нам из Бреста едет очень старенький брат. Ему 116 лет и его такого-то числа необходимо встретить на железнодорожном вокзале. Братья сказали, каким поездом его отправили, в каком вагоне, охарактеризовали внешность брата, что он с большой бородой и что в руках у него сумка и назвали его фамилию. Вот мы стоим у вагона и ждем своего незнакомого дедушку, которому нужно будет помочь выйти из вагона. Все выходят, тащат свои вещи и вот видим: вышел какой-то бородатый с двумя чемоданами, а за ним две женщины. Они отошли в сторонку и женщины спросили дедушку, есть ли у него знакомые в Риге, он ответил, что знакомых у него нет. Тогда я подошел к нему и спросил его фамилию и когда он назвал свою фамилию, я говорю ему: «Мы вышли вас встречать». Он обрадовался, что не придется ему ночевать на вокзале, мы поприветствовали брата и я, обращаясь к нему, говорю: «Давайте свои вещи, я понесу их». Только я наклонился, чтобы взять чемоданы, а он сказал мне: «Это вещи вот этих женщин, я только помогал им вынести их из вагона». Это нас очень удивило, что он, будучи в таком преклонном возрасте, смог еще оказать помощь своим попутчикам.

На другой день мы пригласили брата на богослужение и он, как служитель баптистской церкви, участвовал в служении Словом и вместе с местным пресвитером совершали хлебопреломление. В связи с тем, что власти нас преследовали и не давали возможности проводить собрания по квартирам, верующие вынуждены были собираться где-нибудь на природе. И на сей раз, несмотря на осенний прохладный день, собрание было на лесной поляне. Сюда братья подкатали старые, полусгнившие бревна, которые использовали для пожилых вместо скамеек, поставили раскладной стол, за которым на скамейке сидели братья-служителя. Посреди молодых сидел наш дорогой гость. После торжественного собрания начались приветствия и каждый из нас ждал момента, чтобы подойти к гостю, приветствовать его и послушать рассказ о его долгой скитальческой жизни. Мы с удивлением слушали и смотрели на него, как на пришельца с потустороннего мира – он еще при царе Николае II был осужден на многие годы за проповедь Слова Божия и носил кандалы царского режима. А потом, и при советской власти, за активную религиозную деятельность его осудили и отправили в суровые северные лагеря и он работал на строительстве Беломор-Канала. Пришлось пройти брату длинный, многострадальный путь: в общей сложности он пробыл в лагерях 35 лет, неся безропотно свой крест, страдая за своего Господа. Господь и в тех трудных условиях сохранил его жизнь, даровал ему здоровье, силу и, смотря на его физическое состояние, на его внешность, никто не мог бы сказать, что ему 116 лет и что он отбыл такой длительный срок лагерей.

Второе место по стажу пребывания в заключении занимает наш дорогой брат, верный служитель Божий – Храпов Николай Петрович, который несколько раз был судим за проповедь Евангелия и общий срок его заключения составил 28 лет суровых лагерей. Незадолго до своего освобождения, находясь в тех ужасных условиях, он отошел к своему Небесному Отцу, во имя

Которого переносил тяжкие страдания и до самой кончины, неся свой крест, был верным служителем Бога. Я хорошо помню его проповедь в г. Дедовск, Московской области, в конце 1960 года, записанную на магнитофонную ленту, которую мне подарили друзья. Темой его проповеди был стих из Евангелия от Матфея 10:38 – «И кто не берет креста своего и следует за Мною, тот недостоин Меня». Исполненный Духом Святым, он говорил со слезами и с такой силой, что многие братья и сестры, слушающие эту проповедь, глубоко осознали свое низкое духовное состояние, покаяться и первыми вышли на борьбу в защиту Евангелия против вмешательства властей во внутренние дела Церкви. Много я слышал от братьев о страдальческом пути брата Николая Петровича, читал первый том его книги «Счастье потерянной жизни» и мне очень хотелось с ним встретиться лично, увидеть его, познакомиться и более подробно расспросить о его лагерной жизни. И такая возможность мне предоставилась и не только где-то встретиться, а иметь его дорогим гостем у себя дома в г. Дубно.

Николай Петрович от юности посвятил себя всецело на служение Господу. И даже тогда, когда кончался срок его длительного заключения и он, после долгих страданий мог спокойно жить дома в кругу своей семьи, поправить свое пошатнувшееся здоровье и помочь жене в воспитании детей, он не поступил так. Совесть его побуждала его помочь изнемогшим братьям в борьбе за истину Христову. Ему редко и мало приходилось бывать дома и уделять время для домашних забот. Хорошо помню, как однажды вечером к нам зашли два брата: с одним из них я был хорошо знаком, много раз видел и слышал его на братских подпольных всесоюзных деловых общениях, которые всегда продолжались всю ночь до рассвета, после чего совершали молитву, прощались друг с другом и незаметно разъезжались по домам. О, это были незабываемые, дорогие минуты святого общения, на которых, в первую очередь были духовно-назидательные проповеди, а потом, в докладах братьев освещался весь ход событий в борьбе с восставшим атеизмом и о защите дела Божия, о пробуждении многих, духовно уснувших братьев и сестер и даже целых общин, а также о покаянии грешников, приходящих к Богу. На таких общениях особо ощущалась любовь друг ко другу, единодушие, сплоченность. Каждый присутствовавший получал вдохновение смело действовать во имя Бога и готов был положить душу свою за братьев. О такой любви Христос сказал, что это самая высокая любовь, больше и выше ее нет (Иоан. 15:13). Этим знакомым мне братом был Батурин Николай Георгиевич. Он представил нам своего друга и, когда мы услышали его фамилию, то изумились и очень обрадовались, что можем принимать у себя такого гостя. Это был Николай Петрович Храпов, о котором мы много слышали и которого очень хотели видеть. И вот наше желание исполнилось – брат был желанным и дорогим гостем в нашем доме. Целый вечер, допоздна, продолжалась наша беседа. Братья интересовались жизнью церкви в нашем городе, о ее преследованиях властями, после чего Николай Петрович рассказал нам некоторые эпизоды из своей страдальческой жизни. Свой рассказ он начал с прибытия в г. Магадан, где в пересыльном лагере заключенных распределяли в различные отдаленные места на золотые прииски. Уже в Магадане пришлось испытать брату страшные условия лагерной жизни, а особенно крепкие северные морозы. И как ни трудно было, но они согласны были оставаться на месте, лишь бы не этапироваться дальше в такой страшный мороз.

Через несколько дней пребывания в пересыльном лагере поступила команда собираться в дальнейший путь. На этап вывели очень много, наверное около тысячи человек: кто с котомкой за плечами, а кто с чемоданом. Одеты-обуты кое-как, каждый ежится от холода, ожидая команды. Вокруг конвоиры с собаками, все одетые в шубы, в теплых валенках. Еще раз сделали перекличку, выдали сухой паек, громко объявили порядок, которого все должны строго придерживаться: шаг вправо, шаг влево – стреляем без предупреждения. В пути не растягиваться и не отставать от колонны.

Последовала команда и вся колонна тронулась в далекий, неведомый путь. В первые дни заключенные как-то держались, старались придерживаться порядка, но силы с каждым днем

слабели и люди, спотыкаясь, еле-еле передвигались вперед. Наверное никому в голову не приходила мысль убежать, рискуя жизнью, потому что, если бы даже и удалось убежать, то все равно не уйдешь далеко: в тайге погибнешь от холода и голода. Некоторые не выдерживали тяжести сурового пути и, обессиленные до предела, падали в изнеможении. Их конвоиры, при помощи прикладов, насильно поднимали, толкали и заставляли идти. В этом им помогали овчарки. Конвоиры отпускали их на несчастных, обессиленных отстающих в пути заключенных. Тех, кого невозможно было поднять и заставить идти дальше, пристреливали на месте, трупы их валялись по дороге и служили пищей диким зверям.

Многие обмораживали лица и конечности, потому что трудно было бороться с лютыми северными морозами.

Продолжая свой рассказ, Николай Петрович говорил, что приходилось идти по пару суток без отдыха, пока находили какой-нибудь лагерь с пустыми бараками, где можно было остановиться на ночлег для краткого отдыха. Мы не знали, куда нас ведут, сколько дней, или недель нужно еще идти, чтобы достичь конечной цели. Свою жизнь я всецело вручил в руки Господа, просил у Него силы, чтобы укрепил меня на этом суровом пути и помог безропотно пронести свой крест. Шли очень долго и, наконец-то дошли до места, где расположен был наш лагерь. Но, к сожалению, не все, вышедшие из Магадана достигли места назначения: многие стали жертвой этого длинного и тяжелого пути. Весь пройденный нами путь, - продолжал Николай Петрович, - составил около восьмисот километров.

Дальше он рассказал нам об условиях лагерной жизни, о работе на золотых приисках.

Среди прибывших заключенных было много таких, которые подавали апелляции и ждали отмены судебного приговора. Их поселили в отдельные бараки, на работу не водили, они сидели и ждали освобождения. Всем же остальным зачитали инструкцию о порядке и дисциплине в лагере, на работе и на следующий день погнали на работу. После работы, при входе в зону, производилась тщательная проверка и, если у кого-либо находили кусочек золота, то таких заключенных заносили в список смертников и эти списки вывешивались на видном месте в лагере, на стенке, чтобы каждый видел и знал, что за воровство ожидает суровая расправа.

Расстрел этих обреченных проводили в ночное время. Бывало, спишь и, сквозь сон, слышишь гул тракторных моторов в карьере и среди этого гула слышны редкие выстрелы. Так производилось исполнение смертного приговора высшим лагерным начальством. Те, кого увозили ночью из состоящих в этом списке, обратно не возвращались.

Однажды ночью меня и еще нескольких заключенных подняли по тревоге. Мы быстро собрались, вышли на улицу, где стояла грузовая машина. Нам скомандовали садиться в кузов и повезли в неизвестном направлении. Проехали пару километров остановились. Рядом работал мощный бульдозер, выворачивал большие глыбы мерзлого грунта, расширяя карьер для добычи золота. И когда нам скомандовали сойти с машины и подойти ближе к карьере, мы увидели страшную картину. Бульдозерист наткнулся своим бульдозером на большую братскую могилу бывших заключенных, куда сбрасывали тела замученных, расстрелянных и умерших от различных эпидемических заболеваний несчастных узников советского режима. Нам приказали грузить эти замерзшие трупы на машины, вывозить куда-то дальше и сбрасывать в овраг. Всю ночь мы занимались этой страшной работой, а в голове сверлила мысль: сегодня мы ворочаем эти мерзлые тела, а завтра, может быть, и нас постигнет такая же участь.

О, сколько наших братьев погибло в тех суровых краях! Они покоятся там, зарытые в вечной мерзлоте Севера, ожидая звука последней трубы Архангела. Сколько жен, матерей отцов и детей не дождалось своих дорогих! Об этом знает Один Господь Бог.

Когда идешь с работы, нужно было тщательно самому проверить свои карманы, потому что были случаи, когда кто-нибудь нарочно бросит тебе в карман крупницу золота, с целью отомстить за что-нибудь и ты, не проверив карманы и ничего не зная, мог подвергнуть себя

смертельной казни. Очень трудно было выжить в тех тяжелых условиях: лютые холода, морозы доходили до 60 градусов по Цельсию, скудная пища, тяжелая работа – все это приводило людей до полного физического и морального истощения, появились болезни и многие погибали.

В лагере находились люди разных профессий. Одни старались скрыть свое прошлое, кем они были и за что попали в заключение, другие же, наоборот, рассказывали о своей жизни все подробно, желая таким путем облегчить тяжесть своих страданий. Одним из таких заключенных был человек из Западной Белоруссии. В то время эта часть Белоруссии была под Польшей. Советы засылали в западные области Украины и Белоруссии своих агентов-коммунистов организовывать подпольную коммунистическую партию. И когда в Белоруссии на коммунистов началось сильное гонение, этот человек, будучи секретарем одной партийной ячейки, решил пробраться через границу и искать убежища в Советском Союзе. Но, к сожалению, он глубоко ошибся: вместо предоставления ему политического убежища и оказания ему искреннего сочувствия, как гонимому своему единомышленнику, его отправили в северный лагерь и он попал по пословице «Туда, где Макар телят не пасет». На границе его поймали, посчитали его за польского шпиона, посадили в тюрьму и долго допрашивали, применяя различные советские методы пыток. И как он, бедный, ни доказывал, что он в Белоруссии был секретарем коммунистической ячейки, и что заставило его бежать – ему не поверили. Никакие доказательства ему не помогли, его осудили, как шпиона и дали ему десять лет заключения, с отбытием в северных лагерях. И когда выводили его из зала суда, то один офицер сказал ему: «Тебя судили не за шпионаж, а за то, что ты, как секретарь, в трудные часы гонений оставил на произвол своих членов, а сам бежал. Ты должен был до конца быть со своими коммунистами, и если нужно страдать, то страдать вместе, а если пришлось бы умирать – то тоже вместе. Вот за это тебя и судили».

О другой, подобной истории Николай Петрович рассказал следующее: бывший военный, прошел весь ужас войны с немцами, защищая свою родину. Он был в звании полковника и вот, по ложному доносу, по клеветническому обвинению, он попал на скамью подсудимых. Судил его военный трибунал, присудил длительный срок, с отбыванием в северных лагерях. Лишили его звания и всех воинских наград, отняли у него офицерскую форму и отправили на «белые медведи». Находясь в заключении, он сильно возмущался беззаконием, существующим в судебных органах, ругал власти за то, что его, ни в чем не виновного, так строго осудили. Жена его, видя такую несправедливость, крайне обиженная, решила ходатайствовать перед властями об освобождении своего мужа.

Неизвестно, сколько он отсидел и как долго жена добивалась справедливости, но факт, что она все же добилась его освобождения. Ее вызвали в Москву в соответствующие органы, вернули все его воинские награды, офицерское обмундирование и она с радостью отправилась в лагерь за своим мужем. Как она добралась в этот далекий северный край, Николай Петрович нам об этом не говорил, а может быть и сам не знал. И вот, после долгой разлуки настала долгожданная, радостная встреча. Когда жена и начальник лагеря предложили ему одеть офицерскую форму, он в гневе, с возмущением отверг и не захотел одевать ее. Начальник извинялся, уговаривал, стараясь успокоить его тем, что допущена была ошибка и что ему, невиновному человеку пришлось пережить столько физического и морального страдания. Страдать за вину гораздо легче, чем страдать безвинно, а сколько таких?!

Еще помню рассказ Николая Петровича. «Как-то привезли к нам в лагерь здорового молодого человека. Послали его ко мне в забой и мы вместе работали. Он рассказал о своей жизни, о том, что был капитаном на подводной лодке. И вот на него поступило в органы какое-то ложное донесение, его судили и на долгие годы отправили на эти каторжные работы. Со мной он проработал всего-навсего три месяца. За эти три месяца от такого здоровяка остался один скелет, он не выдержал этих тяжелых условий каторжного труда и в расцвете лет умер.»

Время приближалось к полуночи, а Николай Петрович продолжал рассказывать нам о всех ужасах лагерной жизни и мы, затаив дыхание, внимательно слушали каждое его слово и сердца наши наполняло глубокое сострадание к нашим братьям и сестрам, безвинным страдальцам, прошедшим это тяжкое горнило испытаний за преданность Господу.

В последнем эпизоде лагерной жизни брат рассказал нам о трагической кончине заключенных, которые подали на реабилитацию и жили в отдельном бараке. Неизвестно, сколько времени пришлось им ждать освобождения и решения Верховного суда, но все же они дождались – решение было положительным. Они очень обрадовались, что наконец-то их освобождают из под стражи и начали мечтать о возвращении домой, предвкушая радость встречи со своими. Но, к сожалению, случилось непредвиденное: начальство лагеря объявило их свободными, снабдили их сухим пайком, продуктовыми карточками и они были готовы отправиться в обратный суровый и дальний путь. Из барака их выселили, т.к. туда на их место поселили других заключенных. Мороз усиливался и они решили задержаться на некоторое время, пока спадет мороз. Их поселили в зимней палатке, которая обогревалась металлической печкой. Тепла было недостаточно, чтобы обогреть всю палатку; около печки немного чувствовалось тепло, а дальше от печки было очень холодно.

Прошло несколько дней и заключенные обворовали их: забрали продукты, продуктовые карточки и эти люди оказались в безвыходном положении – голодные и холодные. Видя их бедствие, говорил Николай Петрович, - я начал бить тревогу, что люди погибают от голода. Но куда я ни обращался, никто из начальства не обращал никакого внимания. Я тогда обратился к заведующему продуктовым складом, с которым мы были в дружеских отношениях, объяснил ему положение этих несчастных и просил его помочь им, Христа ради. Отвечая, он сказал: «Николай, как я могу им помочь? Я могу без разрешения дать только один ящик консервов, но что это для стольких людей?»

Некоторые из них дошли до такого состояния, что им уже не хотелось кушать, они позамерзли в полном смысле слова, их нужно было немедленно везти в больницу, спасти их жизнь. Подогнали машину и мы погрузили их, как дрова. Привезли в больницу, занесли их в теплое помещение, поставили их, прислонив к стенке. И они, постепенно замерзаясь, падали на пол и умирали. Из четырнадцати привезенных душ выжил только один львовский украинец, он смог кое-что рассказать о своей жизни, о том, что у него есть девушка, которая ждет его, чтобы пожениться. Прошло еще пару дней, он взялся писать ей письмо, в котором сообщал, что его оправдали и освободили, чтобы она ждала его приезда и они поженятся. Успел ли он отправить письмо, или нет, но факт тот, что после того, как его разморозили, он прожил всего две недели и умер. По свидетельству Николая Петровича такие люди, после сильного обморожения, не выживают.

В заключение нашей беседы, перед отходом на ночной отдых, мы преклонили колени, братья вознесли горячие молитвы к Богу за наших узников, за тружеников на ниве господней и за все дело Божие. Это была первая и последняя наша встреча с дорогими братьями. Через некоторое время мы узнали, что Николая Петровича опять арестовали. Николай Петрович Храпов прожил 68 лет, из них 28 лет в его жизни поистине, были трудными и тернистыми: тюрьмы, ссылки, лагеря, порой невыносимые условия, но Господь поддерживал своего преданного служителя от дня 17 марта 1914 года до 6 ноября 1982 года, когда Сам Иисус, Которому он преданно и верно служил на земле, сказал: «Взойди сюда!...» Его тело было доставлено из места заключения в г.Ташкент и там состоялся многолюдный похорон. Из многих мест страны съехались друзья, чтобы проводить брата в последний путь и выразить соболезнование семье дорогого труженика Божия. Он навсегда остался в нашей памяти, как верный слуга Христа. Апостол Павел, испытавший узы и побои, дает нам повеление от Духа Святого: «Поминайте наставников ваших, которые проповедовали вам Слово Божие и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их»(Евр.13:7).

Хотелось бы назвать и вспомнить имена многих братьев-наставников наших, прошедших таким же страдальческим путем, которые не только проповедовали Слово Божие, но на деле доказали свою верность господу, как в страданиях, так и в повседневном хождении пред Ним. Брат Батурин Николай Георгиевич, который много лет своей жизни провел в тюрьмах и лагерях: пять сроков, полученных им, составляют 25 лет и все это за активный труд в деле духовного пробуждения среди баптистского братства. За эти годы длительного пребывания в тех ужасных условиях лагерной жизни, здоровье его было сильно подорвано, но, выйдя на свободу, несмотря на болезнь, он продолжал свой труд в Союзе Совета Церквей. Здоровье его с каждым днем ухудшалось и 4 октября 1988 года, на 61-м году оборвалась нить его скитальческой земной жизни. Он мог смело сказать, подобно апостолу Павлу: «Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил, а теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия, в день оный...» (2 Тим. 4:7-8). По рассказам очевидцев, около трех тысяч верующих собралось на похоронное служение, чтобы провести в последний путь нашего дорогого, многострадального брата.

Возвращаясь к вышеупомянутому антиевангельскому «Инструктивному письму», хочется коснуться того, как оно было воспринято поместными церквями и какие действия вызвало среди нашего братства.

Когда мы с некоторыми братьями прочитали это письмо и обращение «Инициативной группы по пробуждению и созыву чрезвычайного съезда церковью ЕХБ, мы пришли в ужас: до чего докатилось наше братство! Оказывается, что среди наших братьев, стоящих во главе Союза, а также некоторых, подвластных им, так называемых областных старших пресвитеров, появились люди, которые изнутри, своими же руками, начали разрушать общины нашего евангельско-баптистского братства, путем внедрения в жизнь церковью этого порочного письма и нового положения для церковей. Один брат из видных деятелей евангельского движения, еще в начале нашего столетия, сказал: «Тысяча внешних врагов не так опасны для церкви, как один внутренний». Многие верующие, ознакомившись с текстом письма хорошо поняли, что враги дела Божия проникли во внутрь церкви и пришла пора стать в проломе за истину Божию против всякого вмешательства властей во внутрицерковную жизнь.

С одной стороны, такие вести были довольно неприятными, волнующими искренних верующих, что мы оказались в таком плачевном состоянии, а с другой стороны – нас радовало то, что Господь воздвиг многих братьев на борьбу против внутренних и внешних врагов Евангелия. Члены нашей поместной Дубновской церкви стали перед проблемой: что делать? Поддержать движение за истину Божию, или стоять в стороне и наблюдать, что же будет дальше? А может быть занять враждебную позицию? Откликнуться на братский клич: стать в проломе для защиты наших детей от посягательства безбожников на их души и для защиты всего дела Божия, но это не так просто. Это значит – подвергнуть себя многим неприятностям со стороны властей, вплоть до лишения свободы.

Не хочу вдаваться в подробности этих бурных событий, но факт тот, что в нашей церкви, на этой почве произошло разделение, как и во многих других евангельско-баптистских общинах нашей страны. Меня и еще двух братьев – Мосейчука Гришу и Мандзюка Павла за то, что мы восстали против издателей «Инструктивного письма» руководство церкви объявило отлученными. И только, спустя пять лет, увидев свою ошибку и, по совету ВСЕХБ с нас сняли отлучение, даже без моего присутствия.

Некоторое время мы посещали воскресные утренние богослужения, но видя недоброжелательное отношение к нам, мы вынуждены были совершать вечерние богослужения в доме брата Гриши, а со временем совсем перестали посещать молитвенный дом. На протяжении семи лет проводили собрания у брата Гриши. Он сын бывшего председателя сельсовета, которого убили бендеровцы и поэтому к нему было снисхождение местных властей и нас меньше беспокоили. Потом начались гонения и мы собирались по квартирам. Наша новая

отделенная церковь быстро возростала численностью, а также крепла духовно. Часто нас посещали видные братья- проповедники, служителя, стоящие во главе нашего пробужденного братства.

В первые годы борьбы и происшедших во всей стране разделений общин, власти молча смотрели и ждали, что разделение в баптистском братстве произведет разрушение и ослабление всего баптистского движения. Но со временем убедились в обратном, о чем писал одесский корреспондент в своем «Блокноте агитатора». Вот его цитата: «Мы думали, что разделение в баптизме пойдет на разрушение, а оно идет на укрепление». Несмотря на разногласия, иной раз доходившие до споров и даже, в некоторых случаях, до вражды к тем, кто порочил дело восставших за пробуждение всего народа Божия, Господь все же Свое дело совершал – началось пробуждение, многие молодые и старые люди обращались с покаянием к Богу и, таким образом, образовалось много новых церквей.

В начале движения образовалась «Инициативная группа по созыву чрезвычайного съезда Евангельских христиан-баптистов». В нее вошли служители, в числе которых были Крючков Геннадий Константинович и Прокофьев Алексей Федорович. Этих двух братьев направили в канцелярию ВСЕХБ для собеседования с братом Каревым Александром Васильевичем и с другими стоящими во главе братьями по вопросу съезда. Брат Карев на предложение братьев, сказал: «Братья, поймите, я этого сделать не могу». Он прекрасно понимал положение народа Божия и свое бессилие противостоять органам КГБ в их вмешательстве в дело церкви через Союз ЕХБ и знал, что за неподчинение органам его снимут с занимаемой должности и опять отправят в заключение, в ссылку.

Спустя несколько лет, братья все же добились съезда. Он был не таким, каким должен был быть, поэтому наши братья на нем не присутствовали.

Как-то проездом наш старенький брат Шлендер Роман посетил своего старого друга Карева Александра Васильевича и задал ему вопрос: "«Скажи, Александр Васильевич, как ты думаешь, все ли, сделанное нашим братством является плохим, или и есть что-то доброе?» «О, нет,- сказал он,- они нам много помогли! Власти накинули на нас стальную сеть и мы не могли из нее вырваться, а они помогли нам разорвать ее».

Когда братья получили от Карева такой ответ, то решили сами организовать Оргкомитет по созыву чрезвычайного съезда ЕХБ» и всю ответственность за ходатайство возложить на «Оргкомитет». Массово начали распространяться призывы Комитета, чтобы все верующие присоединялись к ходатайству перед органами власти. В правительство посыпались ходатайства и различные жалобы от верующих граждан.

Вместо положительных ответов, начались репрессии. Повсеместно воздвигали гонения на всех активистов этого движения. Наряду с письмом к властям, верующие начали писать обличительные письма во ВСЕХБ и, вследствие этого, положение между верующими сильно усугубилось: одни поддерживали Союз, другие – Оргкомитет. И когда КГБ обрушилось на наше братство и начались судилища, то на этих судилищах свидетелями для обвинения братьев, КГБ старались использовать некоторых поместных служителей ВСЕХБ. Один старший областной пресвитер разослал пресвитерам поместных общин циркулярные письма, в которых было написано: «Прошу, до 12 декабря 1963 года предоставить мне списки всех религиозных групп в вашей местности, которые незаконно собираются, в противном случае будете отвечать перед уполномоченным» и в конце письма: ваш брат такой-то и подпись.

Прочитав такое письмо, можно ли было назвать такого человека братом? Для чего собирать подобные сведения? Разве он не знал, какие меры власти будут применять к верующим, собирающимся на богослужения вне сферы влияния ВСЕХБ?

Оргкомитет всячески старался призвать руководство Союза к сотрудничеству, постоянно писал им увещательные и обличительные письма – но все было напрасно, основная масса была на их стороне, а они предпочитали не подвергать себя опасности гонений и,

наоборот, начали в своих письмах осуждать дело Оргкомитета за неподчинение власти и прочее. Трудно было поднять людей на борьбу за истину, потому что за многие годы относительной свободы, предоставленной властями, хотя эта свобода умещалась в очень узкие рамки, верующие люди духовно ослабели. Одни довольствовались тем, что разрешалось: есть молитвенный дом, проводятся собрания, хоть как-то – ну и ладно, а что касается детей и подростков, которых просто выгоняли из богослужебных собраний, то на это некоторые верующие не обращали внимания и говорили: «Это ничего, дети только мешают в собраниях, их можно воспитывать и дома, пока вырастут».

Как больно было слышать из уст пресвитера слова: «Какая польза из того, что при Польше в Ровно дети ходили в собрание, посещали воскресные школы, а где они теперь? Все ушли в мир». Вот так пастырь заботился об овцах своего стада. Этим своим высказыванием он давал нам понять, что нечего водить детей в собрание и этим подвергать себя излишним неприятностям, все равно они уйдут в мир.

Одна сестра рассказала нам о том, как ей пришлось однажды посетить церковь в Киеве на Ямской улице. Она жила в селе под Киевом, где не было общины и не проводились собрания. У нее было двое детей-подростков, которых она воспитывала в христианском духе. Когда ей представилась возможность поехать в Киев, она взяла с собой и детей, чтобы вместе побыть на богослужении. Войдя в молитвенный дом, они привлекли на себя внимание диакона церкви, смотревшего за порядком. Он подошел и сделал сестре замечание, что она не должна приводить в собрание детей, власти запрещают, - добавил он. Сестра начала просить его, чтобы не препятствовал детям побыть в собрании и он проявил великодушие, посадил их в углу за ширмой, где они пробыли все собрание и, радуясь тому, что могли хотя слушать, возвратились домой. Прошло пару недель, дети опять попросили маму взять их на собрание, но на сей раз с ними поступили более строго. Присутствие в собрании детей заметили служителя, сидевшие на возвышенности за столом, диакон заметил их беспокойство, что нарушается указание властей и предложил детям выйти на улицу. Мама со слезами начала умолять не выгонять детей. Диакон, возмущенный тем, что эта сестра уже второй раз нарушает порядок, не обращая внимания на ее просьбу, поступил «по закону» и выдворил детей из собрания. Мама, выходя и вытирая слезы, обратилась к старейшинам, служителям церкви и сказала: «Братья, скажите, пожалуйста, если бы между вами был Христос, вы выгнали бы меня с детьми на улицу? Вот в том-то и вся беда заключается, что между вами нет Христа».

Можно было бы привести множество примеров и вопиющих фактов отступления верующих от истины Божией, о предательстве, о бесконечных спорах среди верующих, которые приводили ко вражде друг с другом, но писать об этом неприятно и очень больно. Больно было смотреть на то, когда брата-отца и сестру-мать судят, детей у них отнимают, а другие спокойно стоят в стороне, не желая возвысить свой голос в защиту единоверцев, или, хотя бы помолиться за таковых. А некоторые вообще говорили: «Пусть бы сидели спокойно, не сопротивлялись и не восставали против власти».

Были различные толки в народе Божиим: одни одобряли тех, кто стал в проломе, другие осуждали, третьи старались всячески помочь: вместе плакали, вместе радовались успехам, дарованным от Господа. Слово Божие говорит: «Вы тело Христово, а порознь – члены, посему, страдает ли один член, страдают с ним все члены, славится ли один член, с ним радуются все члены»)1 Кор.12:26-27). Второе место Писания напоминает каждому верующему: «Помните узников, как бы и вы с ними были в узах, и страждущих, как и сами находитесь в теле»(Евр.13:3). Христос говорит: «Нет больше той любви, как если кто душу свою положит за друзей своих»(Иоан.15:13).

Итак, объединяясь в братской любви, чувствуя свою ответственность перед Богом и друг перед другом и побуждаемые Духом Святым не считаться с плотью, а совершать славный труд во имя Бога, истинные дети Божии ставали в проломе и отстаивали дело Божие.

Прошло около десятка лет такой трудной борьбы пробужденного народа Божия и враг позавидовал успехам и посеял разногласие между братьями, стоящими во главе пробужденного братства, вследствие чего произошло разделение. Возникли общины свободных церквей, независимых ни от какого союза, которые продолжали и продолжают борьбу за чистоту Евангельского учения.

Думаю, что уже пора конкретно коснуться моментов, связанных непосредственно с моей жизнью и с жинью моей семьи. Стоять в стороне и быть безразличным к происходящему, к незаконным действиям властей я не мог и поэтому стал активным участником в защите Истины и в деле пробуждения в народе Божиим. Поместная церковь, вопреки всем атеистическим законам, запрещающим свободу проповеди Евангелия, посылала нас, братьев-проповедующих и мы с ревностью разъезжали по окружающим селам и проповедовали Слово Божие, призывая грешников к покаянию.

Однажды мне пришлось быть в моем родном селе на похоронах дяди Остапа, мужа моей тети Татьяны. После совершенного служения «за упокой раба Божьего» в православной церкви, все люди, выйдя во двор, направились на кладбище, расположенное рядом с церковью, сопровождая покойника к месту захоронения. Церковный батюшка, зная меня, как евангельско-баптистского проповедника, предложил и мне у гроба сказать проповедь. Я обрадовался этому предложению, ведь я сейчас смогу своим односельчанам засвидетельствовать о любви Божией. После погребения все родственники покойного и соседи, вместе с батюшкой и диаконом пошли на траурный обед, который готовится из специальных традиционных блюд и, конечно же, с выпивкой. Присутствовать на таких обедах, даже и у родственников нам, верующим, запрещено и поэтому я не пошел. Это вызвало у многих православных недовольство и обиды. Увидя огорчение, я все же решил пойти на обед с той целью, чтобы найти близкие контакты, хотя бы с некоторыми односельчанами, для духовной работы над их душами, дабы указать им путь спасения. Мне, как гостю, предложили сесть рядом с батюшкой, а за ним сидел диакон и мы имели возможность в нашей беседе наметить план некоторых мероприятий для совместной работы по духовному пробуждению села.

Молодой, энергичный батюшка, недавно принявший приход в нашем селе, был не удовлетворен духовным состоянием своих прихожан: очень мало людей посещали церковные службы, а молодые почти совсем не ходили в церковь. И батюшка, ревнуя об улучшении посещения церкви прихожанами, решил пригласить наш евангельский хор для совместного служения в одно из воскресений. Его предложение понравилось и диакону Ковальчуку Емельяну, который внимательно прислушивался к нашему разговору. Он еще в своей молодости, будучи семейным человеком, очень интересовался Библией. В те времена в нашем селе начиналась евангелизация и некоторые люди заинтересовались новым учением и посещали евангельские собрания в соседнем селе. Моя верующая тетя рассказывала мне, что однажды Емельян тоже решил пойти послушать и посмотреть, как штунды молятся. Но жена узнала о его намерении и, будучи противницей, всячески препятствовала и не разрешала ему. Но он настоял на своем и, вопреки ей, направился в собрание. Тогда она ухватила своего маленького ребенка и побежала бегом за ним, желая вернуть его домой. Емельян на ее крик не обращал внимания и продолжал поспешно идти к намеченной цели, чтобы не опоздать на собрание. Пробежав за мужем около километра, она все же догнала его на горе Пешачей и категорически потребовала, чтобы он вернулся домой, но он не подчинился. Тогда она, еще раз окликнув его, положила ребенка на землю, а сама вернулась домой. Емельян, видя свое безвыходное положение, поднял ребенка и вернулся домой. После неудачной попытки побывать на собрании, он полностью подчинился жене и уже никогда больше не пытался идти в собрание, чтобы не нарушать семейный покой. Враг души, в лице его жены, победил! Он заглушил его добрые сердечные желания и Емельян продолжал идти своим греховным путем, но имея способность к пению, он занимал в церкви должность диакона, а также и регента хора.

В первые послевоенные годы его избрали секретарем сельсовета и за то, что он участвовал в сборе средств бендеровцам, его и многих других, засудили на десятилетний срок лагерей. Находясь в лагере, он познакомился там с верующими, осужденными по религиозным мотивам и они научили Емельяна петь евангельские гимны. Они ему очень понравились и он, выйдя на свободу и будучи вновь восстановлен на диаконское служение, научил своих хористов, во время похорон, петь эти гимны. Поэтому, он полностью был согласен с предложением батюшки о проведении совместно с баптистами воскресного богослужения. Это была наша предварительная беседа и мы не могли конкретно договориться потому, что этот вопрос нужно было решать мне с нашим церковным братским советом. Возвращаясь домой в Дубно, мое сердце было переполнено радостью, что в моем родном селе представляется возможность в православной церкви петь евангельские гимны и проповедовать Слово Божие.

Для решения этого вопроса мне необходимо было советоваться не только с нашими братьями, но также и с Ровенскими братьями, поскольку для осуществления этой миссии нужен был более сильный хор, Ровенский. Услышав такое заманчивое предложение, хористы Ровенского хора очень обрадовались и с радостью откликнулись на приглашение батюшки, несмотря на расстояние, которое составляло около 60 км. Мне, как организатору этого посещения, пришлось несколько раз ездить в село к батюшке и конкретно согласовать время и обговорить все детали предстоящего нашего посещения.

В беседе с ним я предупредил его, что за наше посещение его ждут неприятности от властей и от вышестоящего духовенства. На это он сказал: «Никакой неприятности мне не будет и я никого не боюсь, а если и обвинят меня за нарушение закона и церковного порядка, то я отвечу, что это экуменическое движение, которое я провожу в жизнь церкви». Для предстоящего совместного служения батюшка назначил воскресенье, с которым совпадал какой-то православный праздник. Обсудили весь ход служения: начало служения, какие псалмы будет петь наш хор и сколько, как будут чередоваться хора, сколько времени нам будет отведено, где будем занимать место. Обо всем нужно было подробно договориться, чтобы во время служения не было никакой заминки. Он объяснил, что служение начнется в десять часов утра – сперва утренняя, а потом обедня. Спросил меня, есть ли у нас хвалебные гимны? Я ответил, что да, есть и он предложил спеть их на утренней, после пения церковного хора.

- Место для вашего хора будет на левом клиросе, а наш хор займет правый клирос. Во время обедни вам будет дана возможность больше участвовать песнопением и в проповеди. Было бы хорошо, если бы кто-либо из вашей молодежи рассказал пару духовных стихотворений, я очень люблю их слушать.- сказал батюшка.

Продолжая рассуждать о предстоящих торжествах, он сказал, что о приезде гостей на праздник объявит в церкви, чтобы узнало все село и чтобы побольше людей пришли в церковь. После обсуждения всех этих вопросов, мы перешли на другую тему – к догматическим духовным вопросам Слова Божия, в которых у нас различные понятия. Первым был вопрос крещения. Для этого я прочитал пару мест из Евангелия: «Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа» (Мф.28:19). Это повеление самого Господа Иисуса Христа. Он, перед Своим вознесением дал ученикам наставление, что прежде, чем крестить человека, его необходимо научить Слову Божию, чтобы он знал, что такое крещение, для чего оно совершается, чтобы он крестился сознательно, по вере. Кроме того, человек должен покаяться в своих грехах. Когда в день Пятидесятницы народ Израильский слушал проповедь апостола Петра, то они умилились сердцем и спросили его и прочих апостолов: "«то нам делать, мужи братия? Петр же сказал им: покайтесь, и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа...»(Д.Ап.2:37-38). Обращаясь к батюшке, я спросил его: «Скажите, пожалуйста, на чем вы основываетесь, когда крестите маленьких детей, ведь их нельзя научить и ждать от них покаяния, они не способны дать обещания Богу доброй совести, а в этом и заключается вся сущность этого акта».

Он внимательно выслушал меня и не стал доказывать, на чем они основываются, а откровенно и спокойно ответил мне:

- Поликарпович, я знаю, что православное духовенство совершает крещение не по Слову Божию и я с этим тоже не согласен, но, вместе с тем, ничего не могу изменить – так наши предки приняли от духовных отцов и так оно продолжается до сего дня.

Возражая ему, я сказал:

- У меня для вас есть добрый совет: оставить православие, покаяться и пойти евангельским путем.

На это он ответил:

- Я останусь без работы, а на моем содержании жена и двое детей.

Вторым вопросом нашего рассуждения был вопрос поклонения иконам, на которых изображен Бог Отец, лица Которого никто никогда не видел, но люди рисуют, а батюшка посвящает и прихожане кланяются им – вымыслу и издепию рук человеческих, как Богу. А заповедь Божия запрещает нам и говорит: «Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху и что на земле внизу, и что в воде ниже земли, не поклоняйся им и не служи им, ибо Я Господь, Бог твой...» (Исх.20:4-5).

Подумал батюшка и сказал, что на христианском соборе (назвал год и место, где проходил собор) было вынесено духовенством строгое запрещение поклоняться иконе, как Богу и всякий поклоняющийся, подлежал анафеме (проклятию). Но прошли столетия и церковь узаконила поклонение иконам и оно остается в силе и по сей день.

Жалко было смотреть на священника, который знал истину Божию, но ради служения, ему предоставленного и ради материальной выгоды и авторитета, он не решился идти евангельским узким путем. Время в беседе прошло быстро и нужно было возвращаться домой, но по пути я решил проведать мою родную сестру Веру, она – хористка в православной церкви и мне хотелось, по секрету, рассказать ей о моей беседе с батюшкой. Сестре понравилось, что я навожу с батюшкой контакты, она внимательно выслушала меня, а потом, с удивлением, сказала: «Нам батюшка говорил, що на свято будуть гості, тільки не сказав, звідки. Ми думали, що хор буде з сусіднього села Птичі».

Я говорю ей: «Это он имел в виду нас, так что мы будем вашими гостями». Прихожане услышали, что у них будут гости и некоторые из тех, кто побогаче, приняли на себя заботу приготовить угощение, в том числе и самогон, чтобы получше угостить гостей. Уходя от Веры, я предупредил ее, чтобы она никому не говорила о нашем предстоящем посещении.

Времени до поездки оставалось немного и действовать нужно было оперативно. Не теряя времени, я поехал в Ровно, чтобы сообщить братьям о результатах нашей беседы. Приехал я как раз на спевку, все хористы, увидев меня, с любопытством ожидали моего сообщения с Великих Садов. Выслушав мой рассказ, хористы обрадовались, что впервые представляется небывалая и неслыханная возможность для них: петь в православной церкви. Все ободрились, регента подобрали хвалебные гимны и тут же начали готовиться к предстоящему служению. Мы сразу договорились о встрече с ними в Дубно и о транспорте, которым будем добираться в село. В Дубно доехать не составляло никаких проблем: автобус был большой, хористы свободно расположились в салоне и благополучно приехали. А вот, как добираться дальше? В Сады идет только один маленький автобус, а народа много; каждый хотел бы побывать в церкви и послушать и посмотреть, ведь подобного еще не бывало. Первыми вошли хористы, а потом начали тесниться, кто как мог. Некоторые Дубновские верующие решили добираться своим транспортом. И вот автобус довез нас в Малые Сады, а дальше нужно было километра два пройти пешком. Все вышли из автобуса, нас оказалось 56 душ, с нами ехали два милиционера и мы подумали, что они осведомлены, с какой целью мы приехали и могут воспрепятствовать нам провести богослужение. Но оказалось, что они местные жители и просто приехали в гости к своим родителям.

Нам нужно было торопиться и мы решили идти напрямик, через поля. Не доходя до церкви, в долине, остановились, совершили молитву, прося у Бога благословения на наше участие в служении. Потом я рассказал, как нужно вести себя, поскольку служение, уже началось, чтобы подойдя к двери не топтать ногами, очищая обувь от снега и грязи, зайти нужно тихонько и хористам ждать приглашения, а потом занять свое место. На назначенное время мы не успели, но утрення еще не началась. Людей было совсем мало. Среди них я увидел свою старенькую, согнутую маму; она передвигаясь помаленьку при помощи палочки и, подходя к иконам святых, целовала их и кланялась им.

Батюшка увидел, что гости идут и идут, и что им и края не видно, и как-то немного растерялся, позвал меня и говорит: “Якже буде? Вас так багато, ви там на крилосі не поміститесь”. Я в ответ ему сказал: “Хористов душ тридцять, а все остальные – члены нашей церкви, они приехали послушать, посмотреть и вместе прославить Господа”. Он сразу же предложил хористам пройти на левый клирос и началась утрення служба. Должен был участвовать церковный хор в служении, а в хоре всего два хориста и регент, но потом понемногу хористов добавилось и служба продолжалась более торжественно. Время было ограничено и наш хор на утренней не участвовал, но к обедней подошли люди и весь зал был заполнен. Парафияне смотрели на нас в недоумении, потому что все гости для них были чужие, но как только среди хористов заметили меня, сразу поняли, что это за люди и кто привел их в церковь. Лампады и свечи таинственным своим светом освещали иконостас и царские врата(стенка, вся обвешенная иконами в золотом обрамлении, а посреди широкие, двухпольные позолоченные двери с крестиками и к ним прикреплены иконы, а над ними висит на лентах красивая икона Божьей Матери с Младенцем на руках). Вся эта красота – аромат курений лампад и свечей наполнили весь храм и приводили сердца к благоговению, но не перед живым Богом, а перед ликами святых!

Прежде, чем начать обедню, батюшка обратился к собравшимся и сказал: «Сьогодні нас відвідали гості, вони – віруючі, тільки по другому називаються, але це не заважить нам, щоб разом прославити Бога і я дуже радий і вдячний за їх відвідини». В сопровождении местного хора началась обедня. Народ, стоя, в благоговении слушал, время от времени осеняя себя крестным знамением, но некоторые мужчины сильно заволновались, а особенно церковный староста, Он вызвал нескольких человек на улицу посоветоваться, что же делать, штунды на клиросе заняли место!

После пения хора батюшка дал знак рукой, что подошел наш черед. Регент сориентировался быстро: раздал песенники, назвал номер псалма и уже готов был задать тон, как вдруг подбегает староста, злобно выхватил у регента песенник, требуя воздержаться от пения и не нарушать порядок служения. Затем, оставив хор, в сильном гневе подошел и начал тушить лампы и свечи, а потом обратился к публике и громким, раздраженным голосом скомандовал:

- Люди, розходьтесь, бо нічого не буде!

Люди с удивлением смотрели на происходящее, слушали, но никто не выходил, все стояли и ожидали, что же будет дальше? Дядя Карпо, муж моей тети, на старости пожелал заслужить спасение и почти каждое воскресенье посещал церковь и был церковным прислужником: ставил, зажигал и тушил свечи, подносил батюшке все, что нужно было ему во время службы. В момент создавшегося шума, он стоял за «царскими вратами» и наблюдал. Батюшка, не обращая внимания на все происходящее и на негодование старосты, и на то, что потушены лампы, посмотрел на нас, что мы растерянно стоим и опять предложил петь. Дядя увидел, что мы готовимся петь, подошел ко мне и, касаясь пальцем моей груди, тихим, спокойным голосом сказал: “Володька, прошу, не співайте, ми відповідаємо перед владою”.

В тот момент подошел батюшка, обратился к дяде и с негодованием сказал ему:

- Сьогодні я тут господар, а ви будете завтра!

В такой ситуации петь было невозможно, ведь это не мирские песни, которые поются на улице, а духовные гимны во славу Божию и батюшка, видя такое положение, решил смирить негодующих. Он обратился к своим прихожанам и начал им разъяснять и убеждать их, что все мы – христиане, веруем в Троицу и являемся народом Божиим, детьми Небесного Отца и что мы должны любить друг друга, независимо от деноминации и вероисповедания. Продолжая свою речь, он привел пример:

- Мандрівники, котрі звершували довгий шлях через пустелю, там де на дорозі зустрічається небезпека і різні труднощі, коли зустріли подібних до себе мандрівників, або подорожуючих людей, вони з любов'ю вітали їх, радіючи зустрічі і ділились з ними куском хліба і запасом води. Ось так і ми повинні поступати на нашій земній християнській шляху: адже ми всі – мандрівники і подорожні в небесну Країну. На всіх нас чигає небезпека, та різні скорботи і, щоб пройти цей шлях, ми потребуємо допомоги один одного. Ми повинні ділитися духовним хлібом та водою. Якщо хто спіткнувся і впав на дорозі, потрібно допомогти піднятися і все це ми повинні чинити з любов'ю. Сьогодні наші гості прибули до нас, не дивлячись на погану погоду, на грязь, проїхали таку далечинь, щоб разом прославити Господа, розділити з нами свої духовні запаси, підбадьорити нас і разом радіти в присутності нашого Господа. А ви, замість того, аби проявити любов і гостинність, запалились гнівом, показали себе не як християни, а як невиховані, які прийшли з вулиці. Хіба можна так поступати, називаючись християнами?»

Все внімательно слухали, затаив дихання. Долго он обличал своих прихожан, даже нам самим было как-то неудобно слушать, что из-за нас пришлось им принять такое строгое обличение. Казалось, люди поняли свою ошибку, успокоились и слушали продолжение обедней службы Божией. Наш хор спел христианский символ веры «Верую». Во время пения вся публика как бы замерла, слушая стройное пение хора. На многих лицах было видно глубокое удовлетворение: ведь люди слушали в исполнении хора знакомые всем слова: «Верую в Единого Бога...» И так, чередуясь, хор за хором, наши хористы спели еще несколько псалмов и подошло время заканчивать обедню. Батюшка, обратившись к публике, сказал: «А тепер, дорогі парафіяни, дамо більше місця для наших гостей, а ми будемо уважно їх слухати».

Мне первому, как бывшему жителю этого села, пришлось выступить с проповедью Слова Божия и, прежде, чем проповедовать, я обратился к односельчанам с исповедью, прося у них прощения за мое богоборчество, за борьбу против верующих села. Я сказал:

- Дорогі мої односельчани! Я прожив серед вас свої дитячі і юнацькі роки і ви знаєте моє безбожне життя, знаєте мою настирливу агітацію проти Бога і проти вас. Бувши секретарем комсомольської організації, я, в деяких юнацьких серцях погасив іскорку віри і любові до Бога, яка ледь жевріла у їхніх серцях. Вони довірилися мені, пішли за мною, відвернувшись від Бога, від всього чистого і святого. Але Господь Бог проявив до мене, грішного, Свою велику ласку: зустрів мене на моїй грішній дорозі, зупинив мене, щоб я не загинув. Він показав мені дорогу до спасіння і я щиро, у сльозах покаявся перед Ним. Він простив мене, подарував серцю радість і спокій, і сьогодні, користаючись можливістю стояти перед вами, я щиро прошу вас – простіть мене, як блудного сина...»

После своего краткого исповедания я прочитал соответствующее место Священного Писания, вкратце остановился на прочитанном, призывая присутствующих к полной отдаче себя Господу. Среди присутствующих, облокотившись о палку и вытирая рукой слезы, стояла сторбленная, совсем уже дряхлая, моя мама. Она вытирала слезы радости, радуясь тому, что ее сын пропал и нашелся, убежал от Господа, а теперь стал Его последователем. Хор спел еще псалом и после псалма вышла сестра рассказать стихотворение. Она рассказывала красиво, выразительно, с глубоким чувством о страдании Господа Иисуса Христа. Публика внімательно слухала, но некоторые между собой о чем-то перешептывались и, как потом выяснилось, люди осудили, что женщина осмелилась встать на возвышенность перед «царскими вратами», куда

женщинам входить строго запрещается. Но это было по нашему незнанию и сестра не была предупреждена. Батюшка, когда я договаривался с ним о всех подробностях нашего участия в служении, не предупредил меня, можно ли туда пойти девушке, он только высказал свое желание послушать стихотворение. Но этим нашим поступком мы нарушили порядок и вызвали негодование некоторых прихожан. Пришлось батюшке еще раз успокаивать людей и мы, видя такое возмущение и недовольство, хотели заканчивать служение. Я подал знак батюшке, что нужно кончать, а он настаивает, что служение продолжить. Был спет псалом и после псалма прослушали вторую проповедь и уже нужно было заканчивать. Батюшка, призывая к молитве, сказал:

- А тепер, дорогії парафіяни, будемо молитись, хто як вміє.

Он прошел через открытые «царские врата» в «Святое святых», склонился у престола, мы преклонили колени, а весь народ стоял и первый, громким голосом, произнес евангельскую, не заученную, а своими словами, молитву, батюшка.

В своей молитве он излагал глубокую благодарность Господу за служение, за посетивших друзей, просил у Бога прощения за тех, кто своим негодованием нарушал служение. Он долго продолжал молиться и в конце, мы дружным голосом повторили за ним «Аминь». Заключительную молитву совершил наш брат и, поднявшись с колен батюшка обратился к нам и от имени всех своих прихожан выразил нам сердечную благодарность за наше посещение и сказал:

- Я запрошую вас і на другий раз, щоб ви відвідали нас, а що ви на те скажете?

Кто-то из хористов ответил: «не треба», а все остальные промолчали. Во время приветствия батюшка пригласил нас к себе на обед, мы поблагодарили за приглашение и поспешили домой.

Прошло несколько дней, рабочие Ремстройконторы узнали о нашем посещении и с негодованием напали на меня, спрашивая:

- Що ти там наробив у Садах, що в Дубно, через тебе зняли благочинного?

В ответ им я сказал, что ничего страшного, батюшка пригласил наш хор для совместного служения и мы удовлетворили его просьбу.

- О, нет,- зашумели рабочие,- мы все знаем, вы подкупили батюшку, дали ему триста рублей и он пошел на эту сделку!

Другие говорили, что штунды насильно ворвались в православную церковь и там проводили свое собрание. Эта ложная молва разнеслась по всей Ровенской области и даже во Львове заговорили о таком беспрецедентном событии, происшедшем в Дубновском районе. В результате нашего посещения, под воздействием властей, отстранили от должности благочинного в Дубно и батюшку в Садах. Целый год он был только хористом, а потом дали ему приход в селе Смордва. Узнав о его отстранении, я поехал к нему, извинился и сказал, что мы желаем оказать вам материальную помощь. Он поблагодарил за наше расположение, но от материальной нашей поддержки отказался, сказав:

- І так балакають, що ви мене підкупили, у мене тесть священник і він, якщо потрібно, допоможе нам матеріально.

На протяжении года прихожане старались проявлять заботу о его семье, снабжали продуктами и всем необходимым. Прошло несколько месяцев после посещения православной церкви и я решил проведать своего больного дядю Карпа, который запрещал нам петь в церкви. И вот при нашей встрече в беседе был затронут вопрос нашего посещения. Это вызвало у него гнев и негодование и он сказал:

- Володька, коли б я мав право, то за ваш поступок я порозбивав би вам лоби!

Я подумал: как хорошо, что такие люди ограничены в правах!

При нашей ревности о деле Божиим мы старались делать все возможное для пробуждения грешников и ободрения детей Божиих. Для обслуживания похорон, кроме хора,

организовали духовой оркестр, в котором и я играл 7 лет, устраивали молодежные собрания, создавали подпольные детские воскресные школы, а также разъезжали по селам для посещения общин и для бесед с неверующими. Мне приходилось совершать много дальних и даже очень далеких поездок по городам Союза, с целью свидетельства в поездах о любви Божией и проповедовать по церквам Слово Божие. Пришлось также поехать, чтобы разыскать и посетить своих старых друзей, с которыми вместе были в Германии в суровые военные годы. Я очень благодарен своей жене, что она мне никогда не препятствовала в поездках на дело благовестия, а наоборот, благословляла на труд. Каждая такая поездка приносила мне большое удовлетворение и духовное подкрепление. И всякий раз после моего приезда домой Галочка просила меня рассказать ей все подробно: как было в дороге, где бывал, как собрания, кого встречал из друзей и этот мой рассказ иной раз длился до поздней ночи. Бывали поездки и по личным делам.

У меня был хороший приусадебный участок и сад и необходимо было, после сбора урожая, ехать продавать яблоки, груши, причем везти туда, где можно было продать подороже. Иной раз приходилось дополнительно покупать в Садах еще фруктов и отправлять на попутных машинах, или отгружать на поезд и ехать продавать. Продавал я в Луцке, в Ленинграде и Москве, в Харькове, в Белгороде, а также в Архангельске и в Эстонии в г.Валга. В Америке такое занятие называют бизнесом, а в нашем Союзе это называлось спекуляцией и за это строго наказывали, но так как у меня такие поездки были не частыми, то Бог хранил меня от неприятности.

Однажды, в 1972 году, я решил посетить своих старых друзей в Алма-Ата – семью Володи и Дины Требушных. Путь из Дубно в Казахстан до Алма-Ата был длинным, пришлось преодолеть расстояние в пять тысяч километров. Но будучи движим любовью к друзьям и предвкушая радость встречи, я не остановился перед трудностями пути, собрался и поехал. И, как всегда, время в пути я старался использовать для беседы с людьми на духовную тему, свидетельствуя им о любви Божией и о Его спасении. Выезжая из Москвы, в одно купэ со мной сели трое интеллигентных пассажиров: две женщины и мужчина. Некоторое время ехали молча, присматриваясь друг к другу, а потом разговорились, познакомились. Оказалось, что я не ошибся, это действительно были интеллигентные люди – инженер со своей женой, наверное занимавшей высокую должность и вторая женщина оказалась профессором Алмаатинского медицинского института. В нашей беседе я сказал, что еду в Алма-Ата посетить своих друзей, у которых большая семья – пятнадцать душ детей. Услышав это, профессор с удивлением сказала:

- О, ваши друзья, наверное, баптисты, потому что в наше время большие семьи, в основном, у баптистов.

И так, слово за слово и беседа перешла на духовные темы. Беседовали много, особенно вечерами, когда пассажиры ложились спать и нам никто не мешал, а может быть еще и потому, что мои собеседники свободнее себя чувствовали при такой беседе. В нашем диспуте возникали такие вопросы, на которые им было трудно ответить и они предпочитали беседовать вечерами, в отсутствие других пассажиров и эти беседы продолжались до поздней ночи. Я всячески старался убедить их принять спасение во Христе, указывал им на преимущество верующих людей в этой, земной, жизни и тем более в вечности. Они беседовали спокойно и сдержанно и мне неприятно было, когда профессор сделала мне замечание, поучая меня, как лучше расположить собеседника к разговору для того, чтобы его убедить. Она сказала:

- Вы в беседе очень строгий и лицо ваше принимает суровый вид, а вам следовало бы быть более мягким, говорить с улыбкой.

Я улыбнулся в ответ и сказал:

- Как я могу говорить с улыбкой с вами о таких серьезных вещах, как я могу улыбаться, когда вижу, что вы идете опасным безбожным путем и с каждым днем приближаетесь к страшной и вечной гибели? Ведь в нашем разговоре речь идет о спасении вашей души, а это –

самый главный вопрос в жизни каждого человека, от решения которого зависит ваша будущность, где вы будете проводить вечность: с Богом, или с дьяволом? Вот почему я говорю серьезно, а если я буду говорить вам улыбаясь, вы подумаете, что я шучу и что сам не верю в то, что говорю. Но я убежден и твердо верю в слова Христа, что «небо и земля пройдут, но Слова Мои не пройдут»(Мф.24:35).

Профессор подумала, а потом сказала:

- Да, я работаю среди больных людей в больнице и наблюдаю за поведением верующих и неверующих и особенно при смерти. Неверующие, когда умирают, находятся в каком-то страхе, они как бы хватаются руками за жизнь, на их лицах отражается глубокая тоска и безнадежность. При помощи различных современных медицинских приборов мы наблюдали за нервной системой их организма и сравнивали с умирающими верующими людьми и обнаруживали совсем противоположные результаты: верующие умирают спокойно, у них отсутствует страх, лица их спокойны и отражают надежду на что-то прекрасное, неведомое нам.

Продолжая нашу беседу, я спросил своих собеседниц:

- А как вы думаете, наблюдая за кончиной верующих и неверующих, почему у одних спокойный переход, а другие в страхе, чем это объяснить?

- Да, это очень интересно,- говорит профессор,- я думаю, что верующие, умирая, верят в какую-то загробную жизнь и что они будут вечно жить в раю, а неверующие так не понимают и не верят в такие сказки.

- Для того, чтобы не бояться смерти, нужно искренне раскаяться пред Богом в своих грехах, примириться с Ним, всецело довериться Ему и Его Слову, а Он говорит: «...верующий в Меня, если и умрет, оживет... Я воскрешу его в последний день» (Иоан.11:25 и 6:40). Это не сказки и не какая-то человеческая выдумка, или фантазия, а это Истина Божия, которая обязательно исполнится, ибо Он сказал: «Небо и земля прейдут, но Слова Мои не пройдут» (Мф.24:35). «Только в Боге успокаивается душа моя» (Пс61:2), к такому выводу, после многих переживаний пришел псалмопевец и царь Давид. Этот покой и мир от Бога так необходим человеку в повседневной жизни, а тем более на пороге в потусторонний мир и верующий человек приобретает этот мир и покой, когда в своей жизни полностью доверяется Господу. Неверующими людьми, при кончине их жизни, овладевает страх и ужас, потому что у них нет надежды на будущность, впереди – беспросветный мрак и тьма неизвестности. Но, в связи с тем, что в человека заложена частица Бога, т.е. его душа, как мы называем, то и у неверующего появляется сознание того, что Бог есть, пред Которым придется предстать, как пред грозным и праведным Судьей и дать отчет за всю свою прожитую жизнь.

Трудно объяснить объяснить терзание и мучение их души,- продолжал я,- но думаю, что у них пробуждается совесть, которая заставляет их сознавать и понимать, что они остались обманутыми дьяволом, действующим через безбожников. Пробужденная совесть призывает их к покаянию, но нет силы, так как дьявол крепко держит свою жертву, заглушая в ней последнюю, крошечную искорку богоискания. О, если бы грешник, хотя бы в последний момент своей жизни мог обратиться с раскаянием к Богу, подобно разбойнику, висящему на кресте, который еле-еле произнес своими запекшимися устами слова, обращенные к Иисусу: «Помяни меня, Господи, когда придешь в Царствие Твое», и он тут же услышал в ответ: «Истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю» (Лк 23:42).

В вагоне наступила полнейшая тишина, люди все спали, инженер, наш собеседник, тоже похрапывал, а я с женщинами, вполголоса, продолжали беседу. Я так желал им яснее указать путь к Богу. Они внимательно слушали, задавали много различных вопросов, на которые я давал им ответы и, как мне казалось, я убедил их. Но, к моему сожалению, к концу беседы, когда время перевалило за полночь, на мое предложение покаяться и принять Господа своим личным Спасителем, они ответили:

- Мы благодарим вас за интересную беседу, но вы нас не убедили и мы остаемся при своем мнении.

На эти их слова я выразил им свое сожаление и сказал:

- Это ваше право, ваш выбор, вы можете принять Господа и в Нем получить мир и покой своей душе здесь на земле и жизнь вечную со Христом. Вы также вправе отвергнуть Его любовь и в страхе отойти в вечность, чтобы потом предстать перед Грозным Судьей для вечного осуждения, чтобы услышать страшный приговор Божий: «...Идите от Меня, проклятые в огонь вечный, уготованный дьяволу и ангелам его» (Мф.25:41). Место страшного мучения, как повествует Слово Божие, уготовано Богом не человеку, а дьяволу и ангелам его, но не раскаянный грешник, ожесточивший свое сердце против Бога и исполняющий волю дьявола, добровольно подвергает себя одной участи со своим господином.

В заключение своей беседы я сказал:

- Свой долг перед Господом и пред вами я исполнил. Чтобы не быть виновным в вашей гибели, я рассказал о любви Божией к вам, указал и путь к Нему, а остальное зависит от вас самих. И еще раз прошу вас, воспользуйтесь милостью Божией. И, если вы сегодня упорствуете в своем черством сердце сделать этот решительный шаг, чтобы правильно решить свою вечную участь, то вспомните эту нашу беседу, хотя бы на смертном одре, когда вам будет очень тяжело, в агонии своих предсмертных страданий воззовите в глубоком раскаянии к Богу и Он, в Своей безмерной любви простит вас.

На эти мои слова профессор с улыбкой сказала:

- О, нет, когда я буду умирать и мне будет очень тяжело, я буду иметь при себе ампулу яда, проглочу ее и – наступит конец страданиям.

- Очень печальное ваше состояние, вражья сила настолько завладела вашим сознанием, что вы готовы прежде времени умертвить себя, но только не смириться перед Богом и не попросить у Него прощения. Мне вас очень жаль и я буду молиться, чтобы Господь освободил вас из сатанинских оков и дал вам покаяние. Ведь жизнь человека со смертью не кончается. Апостол Павел говорит, что «человек по упорству своему и не раскаянному сердцу, сам себе собирает гнев на день гнева и откровения праведного суда Божия» (Рим.2:5). Итак, не упорствуйте, «...покоритесь Богу, противостаньте дьяволу и убежит от вас», ибо «страшно впасть в руки Бога живого!» (Иак.4:7 и Евр.10:31). Да благословит вас Господь сделать правильный выбор, кому служить – Богу, или дьяволу.

Поезд наш приближался к Алма-Ата, мы простились, с пожеланием друг другу всего наилучшего и разошлись по своим путям. Я благодарил Бога за то, что Он послал мне людей, которым я мог много свидетельствовать о Его любви и просил Его возродить посеянное семя в их сердцах для жизни вечной. О, сколько подобных поездок Господь помог мне совершить в моей жизни и проводить беседы на мою любимую тему о любви Божией к человеку и о Его вечном спасении. Моими собеседниками и слушателями были разные люди: одни только слушали, не вступая в разговор, другие возражали и даже угрожали вызвать милицию, чтобы привлечь меня к ответу за активную религиозную агитацию. По существующим законам в то время, за такую деятельность судили на три года лагерей. Третьи же собеседники, слушая Слово Божие, умилялись сердцами, сознавая свою вину, калялись перед Господом, молились и принимали Его спасение. Господь побуждал меня на дело благовестия – нести людям благовестие, чтобы погибающий грешник, услышав слово о спасении, мог принять любовь и милость Божию. И я с радостью старался совершать этот труд, несмотря на запреты властей и на трудности пути. В этом славном и благословенном Господом труде я испытывал большое удовлетворение, а особенно тогда, когда Слово Божие достигало сердец слушающих – одним во спасение, а другим во свидетельство.

Я радовался, что Господь и меня употреблял, хотя и в незначительной мере, в Своем великом деле провозглашать милость Божию, что Он вложил в мое сердце Свои чувства и

жалось к погибающим грешникам, научил плакать с плачущими и радоваться с радующимися во Христе Иисусе о дарованном спасении.

А теперь немного о нашей встрече с моими дорогими друзьями Требушными – Володей и Диной, после длительной, 28-летней разлуки, к которым мне пришлось совершить такой утомительный, дальний путь: проехать через необозримые, знойные, песчаные пустыни Казахстана. Трудно мне выразить на бумаге ту радость и те чувства, наполнившие наши сердца при встрече. Ведь это была встреча с теми друзьями, с которыми вместе пришлось переживать смутное военное время, много опасностей и, вместе с тем, много радостей и счастливых минут христианского общения. Для встречи были приглашены наши старые друзья, но, к сожалению, по различным причинам, они не смогли приехать. Приехала только Шура Кравцова со своей мамой-старушкой, на день раньше меня.

Много беседовали, вспоминая пройденный путь, делились радостями и переживаниями. На вечер хозяева пригласили своих местных друзей – братьев и сестер для совместного общения, чтобы вместе поблагодарить и прославить Господа, подкрепиться Его Словом, вспомнить все Его милости и щедроты, а также разделить братскую трапезу любви.

Помню, как на наше общение прибыла родная сестра Дины Люба, со своим больным мужем. Он был в таком состоянии, что даже сидеть не мог от сильной боли в позвоночнике, но, несмотря на такой тяжкий недуг, он все же пожелал быть вместе с нами, чтобы разделить радость общения. Он лежал на диване, смотрел на нас, сидящих за богато накрытым столом и радовался вместе с нами. Друзья нам много уделили внимания. Но самое активное участие в нашем общении принимал брат Виктор Васильевич Горелов, старший пресвитер по Казахстану.

На следующий день Дина возила нас на хутор к своему брату Шиве Пете посмотреть его хозяйство, звероферму, где он выращивал голубых песцов, а также пойти в горы, чтобы полюбоваться их красотой и величием. Сразу, через дорогу от дома, у подножия горы была роща урюка; на деревьях и под деревьями – полно плодов. Насобирали немного, поели и направились в горы, с трудом поднимаясь все выше и выше. Нам хотелось достичь вершины горы, чтобы с высоты зреть красоту окружающей местности. На небе собирались черные дождевые тучи и мы не успели подняться на вершину ближайшей горы, как вдруг на нас полились обильные потоки дождя и нам пришлось бегом добираться до дома Пети. Я впервые оказался на таких горах и мне легче было подниматься, чем спускаться с горы. В этом кроссе первое место заняла Дина: она, как серна, бежала легко и свободно, нам страшно было смотреть, казалось, если, не дай Бог, упадет, то разобьется. Но, слава Богу, все обошлось благополучно. Жена Пети угостила нас вкусным борщом с бараниной. Поблагодарив за обед, за гостеприимство, мы распростились, Петя проводил нас на автобус и мы отправились обратно в город.

Вечером мы посетили молитвенный дом, побыли на богослужении, где насладились чудесным пением хора, слушали проповедь Слова Божия. Все было так торжественно-прекрасно! Время в гостях пролетело быстро, на следующий день сестры должны были улетать. И в этот вечер, до поздней ночи, мы провели время в беседах и воспоминании о прошлом и наметили план для нашей следующей встречи в более обширном масштабе. Организовать эту встречу было поручено мне и мы решили, если Господь позволит, провести ее в следующем году, т. е. В 1973 году в городе Дубно, в моем доме. Утром проводили сестер в аэропорт, попрощались, пожелали благополучного пути и возвратились домой, а на другой день отправился в обратный путь домой и я.

Дома с нетерпением ожидала меня семья. Мы, как всегда, поблагодарили Господа за благополучие в пути и я начал подробно рассказывать о поездке и о том, как Бог благословил меня и они, слушая, радовались особенно тому, что на следующий год предстоит такая встреча в нашем доме. Организацию встречи я начал заблаговременно. В своих письмах я сообщил многим друзьям о предстоящей встрече, приглашая их прибыть такого-то числа по моему

адресу и принять активное участие. Долго велась переписка по поводу встречи и в каждом своем письме друзья выражали одобрение и единодушную заинтересованность в этой встрече.

Не каждому была возможность осуществить свое желание: прибыть на общение, каждый был связан с работой, некоторым пришлось отпрашиваться, а Володя Требушной, ради поездки, решил уволиться с работы, лишь бы иметь встречу со своими старыми друзьями из разных городов. Из Москвы приехал брат Яков Якименко со своей дочуркой Мариной, с Житомирской области Павел Петренко, из Киева Петренко Саша со своей женой Надеждой и сыном Сашей, из Ростова-на-Дону сестра Ольга Вовк и пожилой брат Гавриил, а также сестра Зина Кутькова из города Рубежное, Луганской области; приехала сестра Шура Кравцова, с Алма-Аты – Требушные Володя с Диной и ее подружка Лиза. Из местных друзей был брат Онуфрий с женой Ниной, ну и вся наша семья.

Всего собралось нас с детьми девятнадцать душ. Одиннадцать из нас – это друзья, спаянные переживаниями и трудностями суровых военных лет в Германии, где мы сроднились в единую христианскую семью. Встреча была особенно трогательной: встречались, как самые родные и близкие люди. Мы приветствовали друг друга с великой радостью святым целованием. Моя Галочка, приветствуя друзей, смотрела с удивлением на нас, с какой любовью встречаются друзья, прошедшие вместе горнило страданий, пережившие страх и ужас войны, голода, лишений, где на каждом шагу нас подстерегали опасности и даже смерть. И она сказала:

- О, если бы теперь была такая любовь среди молодежи, как между вами, но к сожалению, ее нет. Современная молодежь не дорожит друг другом и не стали бы искать друг друга, после такой долгой разлуки, как это делаете вы. Для этого необходимо было пережить беду, ибо только в беде познаются настоящие друзья, так говорит народная пословица. Но еще ценнее, когда не беда объединяет нас, а любовь Божия, при любых обстоятельствах и в любом возрасте она влечет нас к общению друг с другом.

Некоторые из нас не виделись друг с другом 28 лет и каждый представлял себе встречу с такими же, какими были в молодости, но прожитые годы наложили на нас свой отпечаток.

К приезду друзей у нас было все приготовлено для обильного угощения. Как приятно было смотреть, когда все заняли места за столами и, прежде всего, вознесли Господу благодарственную молитву за охрану нашей жизни, за дарованную возможность встречи, за благополучие в пути, за то, что житейские заботы не потушили в наших сердцах той первой христианской любви к Богу и друг к другу. Попросили благословения на предстоящие дни нашего общения, просили Господа благословить и тех друзей, которые не смогли прибыть на наше торжество; просили благословения и на пищу. Спели псалом «Дорогие минуты нам Бог даровал», хозяйка пожелала всем приятного аппетита и приступили к угощению.

Целыми днями мы беседовали на различные темы, рассуждали над Словом Божиим, над причинами разделения в нашем баптистском братстве и в этом вопросе у нас были разногласия, но мы, любя друг друга, старались сохранять мир между собою. Познакомились с теми гостями, которые не были с нами в Германии. Вспоминали пережитое во время войны, говорили о наших семьях, воспитании детей в христианском учении и о многом другом. Делились трудностями и скорбями, пережитыми в годы разлуки, посетили собрания церковью ВСЕХБ и СЦ, выражая тем уважение друг ко другу. Потом мы записывали на магнитофон свои пожелания, некоторые пели псалмы, другие рассказывали стихотворения на память нашему пресвитеру, бывшему в Германии Ликсону Эдуарду Казимировичу. Много пели во славу нашему Господу, в общем – кассета была полностью записана и она была бы хорошим подарком нашему служителю, но, к сожалению, я не успел ее размножить и при обыске ее у меня забрали.

Сестры много времени уделяли для приготовления пищи, чтобы было что подать на столы для такой большой семьи. Много фотографировались во дворе, возле дома, на балконах, а также и в фотосалоне, старались побольше нафотографироваться, чтобы надолго осталась память о такой чудесной встрече и нам и нашим детям и тем друзьям, которые не смогли

приехать. Я заказал больше, чем 150 штук фотографий и разослал по всем адресам, всем друзьям и еще много осталось. Якименко Яков и еще кто-то из братьев взялись копать огород. Яков по сей день живет в Подмосковье, в сельской местности, имеет свое хозяйство, любит копаться в земле и не привык попусту проводить время, вот и у меня нашел себе занятие.

Одним словом, характеризуя наше общение, можно сказать, что оно проходило непринужденно, свободно, каждый чувствовал себя, как дома, домашняя суэта осталась далеко позади, а здесь в кругу друзей – одно наслаждение. Мы с Галочкой, приглашая друзей, рассчитывали, что они пробудут у нас, хотя бы дней десять и не смели спрашивать их, каким временем они располагают, чтобы не разочароваться их ответом, но, несмотря на то, что мы этот вопрос не затрагивали, прошло всего два дня и некоторые начали, извиняясь, отпрашиваться, ссылаясь на свои срочные дела. Пришлось отпустить их с молитвой и с самыми наилучшими пожеланиями домой. Они, простившись с нами, уехали.

Сколько ни наслаждались общением и все казалось недостаточно; много осталось невысказанного, хотелось подольше продолжить общение, но у каждого семья, заботы, дела, хлопоты, каждый уже рвался домой, чтобы окунуться в житейские заботы и суету. Таков удел наш – жителей земли, все это нам присуще. И вот прошел еще один денечек нашего общения и настал час расставания, друзья отправлялись домой. Тяжело расставаться с дорогими друзьями, но ничего не поделаешь, пока мы живем на земле, встречи и расставания будут сопровождать нас всю жизнь. Кому-то необходимо было спешить на работу, Требушные спешили потому, что им предстояла свадьба – выдавали замуж свою старшенькую Верочку. Итак, наше общение подошло к концу. Некоторые друзья купили билет, чтобы приехать к нам, а на обратный путь средств у них не было, пришлось помогать. Но мы были очень тронуты их огромным желанием встречи с друзьями, несмотря на бедность и отсутствие средств на дорожные расходы. Мы с Галочкой благодарили Бога, что Он благословил нас не только в духовной жизни, но также богато наделил и материальными благами так, что мы могли помочь нашим друзьям. У нас оказался один лишний бабинный Литовский магнитофон «Аидас» и мы подарили его семье Оли Волк. Она с радостью и благодарностью приняла и увезла его своим сыновьям. Очень приятно, когда можешь чем-то поделиться с ближним. Сердце наполняется радостью, что поступая так, исполняешь волю Божию, приобретая друзей богатством неправедным и тем самым собираешь себе богатство на небе.

Итак, пришло время прощания и одному Богу ведомо, встретимся ли мы когда-либо еще на земле, или нет, но основное то, чтобы нам некогда встретиться в небе у ног нашего дорогого Спасителя Иисуса Христа, Который сроднил нас Своей святой пречистой кровью. Там уже разлук больше не будет, будем всегда вместе, будем во веки веков петь вечное «Аллилуйя» нашему Богу.

С такими пожеланиями, прощаясь друг с другом, мы склонили колени и в искренних, сердечных молитвах поблагодарили Господа за то, что Он помог нам осуществить нашу встречу, благословил наше общение. Провожая их в обратный путь, мы всех предали попечению Господню. Это, воистину, были сладкие и не забываемые дни в нашей жизни.

На всю жизнь запомнилась мне еще одна моя поездка, встреча и общение с новыми братьями, только не в доме молитвы и не в домашних условиях, а в тюремной камере. Это было 15 мая 1966 года, как раз в день съезда комсомола. Совсем неожиданно кто-то из друзей передал нам секретное сообщение о поездке нашей всесоюзной евангельской делегации в Москву к правительству, чтобы изложить свои жалобы на преследования и беззакония, творящиеся над верующими повсеместно властями и чтобы потребовать соблюдения закона о свободе вероисповедания.

Братья вечером срочно собрались для обсуждения этого вопроса и для решения, кто же поедет. Уходя на беседу, я сказал жене:

- Не знаю, кто осмелится ехать. Если никто не изъявит желания, то придется ехать мне. Согласна ли ты благословить меня в эту поездку?

Она подумала немного и сказала: «Согласна, если нужно, езжай». На беседу собрались самые активные братья. Долго обсуждать этот вопрос было некогда, потому что в этот же вечер нужно было отправляться в путь. Помолились и сразу же пресвитер церкви, брат Левценюк Анатолий Максимович вкратце объяснил причину и важность поездки, а потом спросил:

- Братья, кто готов поехать и перед властью защищать дело Божие?

Несколько минут длилось молчание, братья поглядывали друг на друга, некоторые начали высказывать свои причины, препятствующие им ехать. Ведь каждый из нас хорошо понимал, что дело связано с опасностью лишиться свободы и вряд ли удастся благополучно вернуться домой. Наблюдая такое, как бы безвыходное положение, я встал и сказал: «Если нет желающих ехать, то поеду я, хотя и я тоже на работе». В ответ на мое заявление кто-то сказал: «Правильно, брат Володя, ты всегда едешь на братские совещания, знаешь братьев, все ходы-выходы, езжай, а мы будем о тебе молиться».

Пресвитер сказал, что нужно послать двоих братьев. Тогда поднялся мой друг и односельчанин Онуфрий Биляк, которому я некогда указал путь ко Христу, находясь с ним в Германии. Он сказал: «Я тоже поеду». Итак, проблема была решена, совершили коленопреклоненную молитву, прося у Бога благословения на наш предстоящий путь и братья, простившись с нами, отпустили нас с миром.

Придя домой, я быстро собрался, Галочка приготовила все необходимое на дорогу, торопясь, немного поел, помолились, попрощались и я побежал на автобус, а вдогонку мне долетели слова жены: «До скорой встречи!» Я оглянулся. Она стояла на ступеньках крыльца, приунывшая и махала мне рукой на прощанье. Онуфрий раньше меня прибыл на вокзал, мы еще немного подождали поезда, сели в вагон и поехали. В Киеве еще добавились друзья, ехали молча, каждый думал, как произойдет наша встреча с правительством, как примет нашу делегацию Брежнев. Легли спать, а уснуть никак не могли: тревожные мысли не покидают, не дают спать. Но под утро я все же немного уснул и проснулся уже подъезжая к Москве. Быстро собрались и, когда поезд остановился, на перроне духовой оркестр заиграл марш. Слушая музыку, мы пришли в недоумение: неужели братья для нас организовали такую встречу? Но когда мы вышли и посмотрели на публику, то сразу поняли, что это встречают комсомольцев, прибывших на съезд.

В пути киевляне предупредили нас, чтобы никуда не расходиться, сидеть на Киевском вокзале и ожидать следующего распоряжения. Зашли в зал ожидания, смотрим с удивлением – там полно наших – и знакомых и не знакомых друзей. Расположились и мы невдалеке от книжного киоска, я посидел немного и чувствую, что меня охватывает дрожь: нервная система возбуждена до предела, никак не могу успокоиться. Я встал, подошел к киоску, купил газету и взялся читать, чтобы хоть немного прийти в себя и успокоиться. Но смотрю в газету и ничего не вижу; мой взор был больше направлен на наших братьев. Смотрю и думаю: неужели у всех так дрожат колени, как у меня? Потом пододвинулся ближе к Онуфрию и тихонько говорю ему: «Не знаю, что случилось со мной, что я весь дрожу и никак не могу успокоиться. А как ты? И в ответ слышу: «И я тоже». Кто-то подошел к нам и шепнул: «Скоро за нами должны прийти сопровождающие и тогда пойдем дальше, а пока сидим на месте».

Друзья одни сидят, а другие прохаживаются по залу, но каждый сам по себе, не подходя к другим, как будто все чужие и не знают друг друга. Мы сидим, поглядывая на дверь в ожидании, когда же войдет провожатый, стараясь скрыть свое волнение. Говорят, что фронтовики, перед тем, как идти в атаку, напрягаются нервами до предела, а вступив в сражение, успокаиваются. Подобно такое же происходило и с нами до тех пор, пока не начались конкретные действия. Наверное, больше часа пришлось нам ожидать. Мы с облегчением вздохнули, когда, наконец, в дверях появились знакомые мне две Киевские молодые сестры -

Вера и Маша. Они незаметно дали нам понять, чтобы мы следовали за ними и тогда мы все, один за другим вышли и пошли в метро. Проехали до какой-то кольцевой станции и там нужно было ожидать следующей команды. Сестры поехали в разведку, а через некоторое время вернулись и мы отправились опять, приближаясь к назначенной цели. Немного проехали в обратном направлении, вышли из метро и пошли за сестрами. Издали заметили на тротуаре у какого-то здания толпу людей и нам стало ясно, что это наши братья и сестры. Подойдя ближе, мы слышали, как брат громким голосом, стоя в толпе, зачитывал какой-то документ. Было слышно, как кто-то громко кричал сердитым голосом, требуя прекратить чтение, другие требовали продолжать читать, не обращать внимания, нам нужно знать, что там написано.

Мы ускорили ход и влились в среду братьев. Прислушиваясь, мы поняли, что читается заявление Леониду Брежневу от всей нашей делегации. Оно было всеми одобрено, никаких изменений и дополнений не последовало. Для наведения порядка появилось несколько милиционеров, но пока им не поступило никакой команды, они стояли в стороне и наблюдали.

Из дальнейшего разговора с тем чиновником, который настойчиво требовал прекратить чтение, выяснилось следующее: на заданный ему вопрос «кто вы?» – он громко ответил: «Я министр Государственной безопасности Семичастный и требую разойтись от правительственного дома, в противном случае к вашим организаторам будут приняты самые строжайшие меры. Кто у вас старший?»

Стоящие вокруг братья в один голос ответили: «У нас нет старших, мы все старшие». Он и другие, подошедшие к нему переодетые кэбэбисты хорошо понимали, что самое малое общественное дело не может быть без организатора, а тем более, собрать больше 500 человек – это не так просто, должен быть кто-то руководящий, старший. Среди нас были те братья, которым было поручено выступить от имени всей делегации в защиту нашего евангельского братства, но это нужно будет сделать тогда, когда делегация будет принята правительством. Тех братьев, которые активно участвовали с ними в разговоре и требовали встречи с Брежневым, они и считали их организаторами этой делегации и в этом, отчасти, они не ошиблись. В разговор с министром вступило несколько братьев – члены Совета Церквей – Николай Батурин, Петр Румачик и очень энергичный брат, пресвитер Житомирской церкви Даниил Виноградский. После нескольких минут разговора, Семичастный, убедившись, что народ не подчиняется его распоряжению, но настойчиво требует встречи, возвысил голос и, обратившись ко всем собравшимся, сказал:

- Леонид Ильич вашей делегации здесь принять не может, вам нужно пройти к правительственной приемной, где вы сможете изложить свои жалобы и получить на них ответ.

Среди собравшихся послышался шум: одни согласны были пойти, а другие – нет. Но большинство делегатов прислушивались к мнению более опытных братьев, которым было поручено вести все дело. И вот эти братья, обращаясь к присутствующим, спросили: «Что будем делать, пойдём к приемной, или нет?» Многие громко откликнулись: «Пойдем!»

Стоять дальше у правительственного дома и добиваться встречи с Брежневым было бесполезно и поэтому вся делегация направилась к приемной. Нервы успокоились, дрожь перестала и я был рад тому, что удостоился быть соучастником делегации, борющейся за права верующих. Пройти нужно было совсем недалеко и мы очутились в каком-то переулке у тыльных дверей правительственной приемной. Растянулись на тротуаре вдоль здания, стараясь не нарушать порядок, не загромождать улицу. Стояли спокойно под лучами палящего майского солнца и терпеливо ожидали, когда же вызовут наших братьев на прием. Находясь в таком ожидании, один брат-старик с длинной бородой патриаршего вида, обратился ко всем и громким голосом сказал:

- Братья и сестры! Вот мы уже долго стоим у дверей приемной и нас не вызывают. Обратимся с этой нуждой к Господу, помолимся!

Прекратились разговоры, наступила тишина и каждый, кто громко, а кто втиши, вознесли нашу общую молитву, нашу нужду к Богу, а в конце произнес заключительную молитву брат-старец. Все ободрились и, если до молитвы кем-то обладал страх и робость, то теперь они почувствовали приток свежих сил и безбоязненно продолжали добиваться приема властей. Вздуродраженным людям нехватало терпения долго стоять на одном месте и они начали толпиться у дверей, а особенно тогда, когда кто-либо из чиновников появлялся в дверях, чтобы успокоить взволнованную толпу, обещая скорого приема. Подъехали пара машин милиции офицерского состава, появились кэгэбисты в гражданской одежде, они старались вступить с нами в разговор, чтобы узнать, с какой целью мы приехали.

Наши старшие братья советовали нам не вступать с ними в разговоры на эту тему, а если говорить, то только на духовную тему, свидетельствовать им о Божьей любви, призывать их к покаянию. Среди них и среди наших братьев были фотографы, они несколько раз фотографировали нас, чтобы эти фотографии послужили уликой против нас. Кэгэбисты фотографировали, чтобы иметь вещественное доказательство для обвинения некоторых делегатов; братья фотографировали, чтобы оставить память для истории, а присутствовавшие корреспонденты имели свою цель.

Вечером подошли к нам московские братья и сообщили, что о нашей делегации уже передавала английская радиостанция «Би-Би-Си» вечером, значит были и такие, которые успели и туда сообщить. Появление в таком тихом переулке столько народа было само по себе неординарным явлением и многих привело в недоумение, а особенно чиновников в соседнем доме напротив. Они, как увидели столько собравшихся, раздвинули шторы на окнах, предохраняющие от дневной жары, стояли и с любопытством смотрели и тоже старались сфотографировать такое, из ряда вон выходящее событие. Милиционеры все время прохаживались по дороге, наблюдали за порядком и, когда против двери собиралось много людей и загромождали проезжую часть дороги, они требовали освободить.

Вдруг прозвучал громкий голос какого-то брата: «Братья и сестры! Успокоимся и будем слушать Слово Божие». Все притихли, наступила тишина и брат очень громко читал, а мы все внимательно слушали. После чтения другой брат объявляет: «А теперь, дорогие друзья, станем реже, сдвинемся по тротуару в одну и другую сторону и совершим пред Господом коленопреклоненную молитву о нашей нужде, помолимся!»

Народ раздвинулся, длина колонны удвоилась и весь тротуар был занят молящимися. Проходящие люди обходили нас по дороге. Во время молитвы кэгэбисты и прохожие подходили к нам ближе, стараясь помешать молитве, стыдили нас, особенно молодых девушек, говоря: «Как вам не стыдно, такие молодые склоняетесь на тротуаре и молитесь какому-то Богу? Эх, вы!»

В тот день мы все пребывали в посте. Несколько раз на протяжении дня братья приглашали к слушанию Слова Божия и молитве стоя, а также совершали и коленопреклоненную молитву, не обращая внимания на насмешки. Находились и такие парни, которые подбегали к молодым молящимся, хватали их под руки, стараясь поднять с колен, но все эти попытки помешать нам были напрасны. Нашими действиями работники приемной были сильно возмущены, несколько раз они выходили к нам. Вначале они успокаивали нас, что скоро вызовут на прием, а под конец рабочего дня усиленно уговаривали нас переехать куда-либо в другое место – в их клуб и там они устроят нам прием. Для переезда они обещали бесплатно предоставить нам свой транспорт, лишь бы мы дали свое согласие, но братья не пошли на эту хитрую уловку. Мы сразу поняли, что они любыми путями хотя от нас избавиться. Применять к нам физическую силу они пока не решались, не хотели создавать лишнего шума, хотели использовать другой прием, но для этого необходимо было добиться нашего согласия. И когда министр Семичастный на этом особенно настаивал, братья ответили, что на это предложение должно быть решение всей делегации, а поэтому братья, обращаясь ко всем, спрашивали:

«Братья и сестры, что вы скажете на предложение министра, согласны вы переезжать в клуб, или нет?»

Все, в один голос ответили: «Нет!» «Значит, будем оставаться на месте?» Прозвучал громкий ответ: «На месте!» Мы были готовы на все, ведь мы понимали, что они будут вынуждены применить к нам суровые меры. У нас появилась мысль, что они могут перекрыть в переулке движение и с одной стороны будут подгонять автобусы, насильно грузить и увозить для особого «приема». Но этого, слава Богу, не произошло, они этот удобный шанс пропустили.

Весь день, с самого утра, мы требовали встречи только с Брежневым и ни с кем другим, но нам отвечали, что он не может нас принять, потому что улетел в Китай. И тогда мы согласились на прием в государственной приемной. Московские братья сообщили нам, что они видели Брежнева, что он никуда не улетел. Наши старшие братья вошли в приемную, попросили разрешения воспользоваться служебным телефоном и начали звонить в некоторые государственные инстанции сообщая, что всесоюзная делегация баптистов весь день стоит у приемной, в ожидании приема, но в приеме нам отказывают, просим срочного вашего вмешательства. После предпринятого, к нам, стоящим у дверей, доносились бессчетные звонки: чиновники с раздражением что-то отвечали, перезванивались, но к сожалению, на прием нас так и не пригласили.

Итак простояли весь день под стенкой на жаре, рабочее время закончилось, служащие ушли, а мы продолжали стоять под наблюдением милиции и кэгебистов. Поскольку все были голодные и уставшие, то братья решили с чтением Слова Божия и общей молитвы закончить пост. Кто-то прочитал Слово, совершили коленопреклоненную молитву, поблагодарили Бога за прожитый день, за Его охрану, попросили у Него сил и мудрости для дальнейшей нашей борьбы. Местные братья – Якименко Яков, Румачик Петр и многие другие, а также некоторые сестры хорошо позаботились о нас. Они доставили нам на ужин колбасу и батоны, а для ночлега на тротуаре целый тюк газет «Вечерняя Москва». Я разостлал у стены свой плащ, друзья свалили сюда продукты и начали резать колбасу и батоны, делать бутерброды и раздавать. Поблагодарили Бога за посланную через друзей пищу, попросили благословения, поужинали и начали готовиться ко сну. У нас было братское решение: с места никуда не уходить, быть всем вместе до следующего дня, чтобы с самого утра продолжить порученное нам церквями дело.

Хорошо, что друзья принесли нам для подстилки газеты, чтобы не ложиться на тротуарную пыль. Мы подостлали их, пожелали друг другу спокойной ночи и улеглись на отдых, кто как: кто имел сумочку, портфель, или другие какие-нибудь вещи, ложили их под голову и начали дремать. Тротуар, накаленный солнцем, способствовал некоторым быстрому засыпанию, а любители романтики перешептывались, смеялись, потому что никому из нас не приходилось ночевать на тротуаре, а тем более в Москве. Лежим на тротуаре и, хотя очень жестко, но, несмотря на это, так и хочется запеть еще с юношеских лет знакомую песню: «Широка страна моя родная, много в ней лесов, полей и рек; я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек».

Ответственные братья между собой договорились, чтобы поочередно, всю ночь дежурить, чтобы, как некогда сказал народный комиссар обороны Климент Ворошилов «враг не застал нас врасплах». Братья подозревали, что для КГБ не составляло никакого труда осуществить свой замысел ночью: оцепить нас, сонных, подогнать автобусы и увезти в тюрьму. Вот почему необходимо было охранять, чтобы они не застали нас врасплах. Некоторые друзья тоже не спали, просматривали газеты, другие прохаживались с кэгебистами, свидетельствуя им о Боге. По всей вероятности среди нас были и корреспонденты, интересующиеся нашим делом, которые также вступали в разговор с друзьями. За всей этой людской массой наблюдали два офицера из МВД.

Так прошло около часа, еще некоторые не успели заснуть, как вдруг пошел дождик. Так не хотелось подниматься, но ничего не поделаешь, нужно подниматься и скатать убежище от

дождя. Кто-то из сестер, довольная приключением, воскликнула: «Друзья! На стан Израильский пролился обильный дождь!» Все молодые братья и сестры со смехом рванули с места и побежали в подъезды ближайших домов, занимая место в лестничных клетках. Нас, душ тридцать, вбежали под арку, но прилечь здесь было нельзя, так как проезд был вымощен булыжником. Мы присели под стенками и дремали, ожидая утра. После дневной жары и усталости можно было довольствоваться и таким отдыхом, если бы при этом еще можно было крепко уснуть, то все было бы «О,кэй». Только мы вздремнули, как почувствовали: что-то изредка падает нам на головы и на плечи. Кто-то из братьев, кому это уже стало невтерпеж, поднялся и в темноте ночи ему удалось обнаружить в чем дело. Оказалось, что под потолком, на карнизе, ночуют голуби и с высоты гадят нам на головы. Деваться некуда, пришлось отодвинуться подальше от стен и так, сидя на булыжниках, продремали до рассвета. Одни продолжали еще сидеть, дремать, другие же вышли в переулочек и прохаживаясь, беседовали друг с другом, а два брата тихонько, но стройно запели чудесный псалом, который запомнился мне на всю жизнь:

Я нуждаюсь в Тебе, мой Спаситель,
Я желаю всегда быть с Тобой.
Ты, Господь, мой любимый Учитель,
Упованье мое и покой.
Я жду Тебя, люблю Тебя,
Мне трудно на пути.
Без Пастыря-Хранителя
Я не смогу идти.

Мне было очень приятно, спустя несколько лет встретиться с одним из этих братьев. Нам пришлось жить с ним в одном городе, это был искренний христианин, проповедник Ваня Броварец. Этот богатый, по своему содержанию псалом с прекрасной мелодией глубоко коснулся моей души, я нашел слова этого псалма и теперь мы его поем с женой под гитару во славу Господа. И всякий раз, когда я пою этот псалом, мне вспоминаются те далекие годы борьбы и испытаний, вспоминаю то московское утро 16 мая 1966 года, день, в который продолжая добиваться приема, нам пришлось пережить много неприятностей.

Это было прекрасное утро. Солнышко на небосводе поднималось все выше и выше и своими теплыми и ласковыми лучами касалось нас всех, опять собравшихся в переулочке у двери приемной. Представители власти в лице офицеров МВД уже были на своем посту И, когда мы опять попытались занять весь тротуар, стать по одну и по другую сторону дверей, то милиция не разрешила нам. Приказали занять тротуар только по одну сторону двери, подальше от выхода. Это нас насторожило.

День начали чтением Слова Божия и благодарственной молитвой, просили у Бога благословения и на предстоящий день. За это время приемная наполнилась служащими и начался их трудовой день. Мы простояли час, полтора и никто, кроме милиции, на нас не обращал никакого внимания, никто нами не интересовался и не вызывал нас. Продолжать стоять было бессмысленно, необходимо было предпринимать какое-то новое решение, не ожидая, когда вместо приема по нашему делу начнут применять другой «прием» -- с насилием и побоями, грузить в автобусы и отправлять в тюрьму. По всей нашей колонне было передано тихонько друг другу братское указание такого содержания: «После чтения Слова совершим коленопреклоненную молитву и, поднявшись с колен, сразу двинем к правительственному дому, к Брежневу». Милиция и кэгэбисты, наверное предполагали, что такое может случиться; они стояли перед нами с тем, чтобы преградить нам путь. Но, когда мы двинули прямо на них, они растерялись и не в силах были противостоять бегущей толпе. Первыми бежали три крепкие, молодые сестры-сибирячки, а я бежал вслед за ними, Майор, в сильной ярости, выхватил из кобуры пистолет и бежал за нами, чтобы остановить нас. Мы побежали на улицу, по которой

интенсивно двигался транспорт. Водители автомашин, увидев, что бегут люди, хотели остановиться, но майор жестом показывал, чтобы транспорт не останавливался, чтобы таким образом преградить нам путь. Машины все же остановились и дали возможность всем перебежать на Старую Площадь. Не останавливаясь, мы побежали дальше, к брежневской приемной. Сестры первыми добежали и ухватились руками за ручку двери, но за ними подбежал майор, ухватил сестру и попытался оттянуть ее от двери, но она вырвала руку, резко взмахнула ею и закричала: «Именем Иисуса Христа повелеваю тебе: отойди от меня, сатана!» Он остановился, оглянулся и увидел, что все бегут и уже приближаются к цели.

Когда все столпились у двери, некоторые друзья заметили, как на этажах приемной, на окнах открывались шторы и люди с любопытством посматривали на нас, недоумевая, что происходит у дверей. Тут же появился министр Семичастный и другие высокие правительственные чиновники, опять начали уговаривать нас ехать для приема в клуб. Братя опять обратились ко всем делегатам за согласием и в ответ прозвучало: «Нет!» Тогда министр обратился лично к нам и сказал: «Пусть поедут с нами ваши старшие, которых вы выберете и мы выслушаем ваши жалобы и все дело утрясем. Согласны вы на это? Доверте им ваше дело, ведь всех вас мы не можем принять, вас много, а места у нас мало».

Опять прозвучал дружный ответ: «Нет! Мы не согласны». Когда министр получил такой ответ, терпение у него лопнуло и речь его изменилась. Он строго и категорически еще раз спросил нашего согласия пойти на этот компромисс и, услышав вторично «нет», строго заявил: «Я даю вам еще десять минут для размышления. В противном случае я вызову рабочих из нескольких заводов и вас сотрут в порошок».

На этот ультиматум все смело воскликнули: «Мы готовы!» Друзья шепотом передали друг другу: стоять плотно и крепко держаться за руки, а особенно стоящим в первом ряду. Когда мы оглянулись кругом, то оказалось, что мы оцеплены солдатами внутренних войск и КГБ, а также многих других гражданских лиц, которые помогали держать блокаду, хотя никто из нас не пытался убежать из этого кольца. По нашему тротуару проход был закрыт с двух сторон. Люди на перекрестках переходили на другую сторону проспекта, останавливались и с любопытством наблюдали издали на нас, ожидая, что же будет дальше. Там были наши и иностранные корреспонденты, они старались заснять все на кинокамеры, но милиция запрещала им. Прошло несколько минут и в нашем оцеплении появилось примерно десятка три молодых, крепких мужчин. Все они были одеты в новые черные комбинезоны, только без головных уборов. Милицейских фуражек они не могли одеть, а гражданских некогда было подбирать, потому что им нужно было торопиться на выполнение срочного задания. Мы сразу же определили, что это переодетые милиционеры, под видом заводских рабочих, которые должны были «стереть нас в порошок». Это была хитрая маскировка с той целью, чтобы, при расправе с нами милиции не попасть в чей-либо объектив фотоаппарата, или кинокамеры в милицейской форме и не скомпрометировать себя. Вот они и оделись в гражданскую форму, чтобы меньше позориться.

Обстановка с каждой минутой накалялась: все были на взводе. Кагебисты начали подгонять автобусы и тем самым закрыли нас от объективов журналистских кинокамер. Среди делегатов были разные люди: мужчины и женщины, молодые и старые, а также инвалиды на протезах.

Вдруг прозвучала команда министра Семичастного – «взять!» Переодетые здоровилы, как дикие хищные, звери накинулись на верующих людей, на наших девушек, начали тянуть их за руки, за волосы и кого удалось вырвать из передних рядов, швыряли в открытую дверь автобуса. Сестру Веру первую вырвали из рядов и бросили в автобус, закрыв дверь, но она выпрыгнула через окно на другую сторону автобуса и опять вбежала в наш строй, в тыльные ряды.

Итак, несмотря на наше сопротивление, они разрывали наши ряды и, с побоями, вталкивали в автобусы. Наполненные автобусы куда-то отправляли, а пустые подъезжали для погрузки. Если кто-то хотел вырваться из этого кольца, то «заводские ребята» и содаты не пропускали, чтобы никто не убежал. Некоторым все же удалось вырваться из окружения. Пока не дошла очередь до меня, я наблюдал, с какой яростью они издеваются над безвинными, обиженными людьми. Вместо того, чтобы выслушать людей, они учинили над ними такую зверскую расправу. Я видел, как один пожилой мужчина, стоящий в оцеплении, до такой степени пришел в ярость, что вскочил на головы людей, выпучил глаза от бешенства и лез по головам, желая пробраться к нам в середину для издевательства.

Минут через двадцать, как началась погрузка в автобусы, подошла и моя очередь. Ко мне прибежали два парня в черном, ухватили за руки и потащили. Потом подбежал еще третий и крикнул: «Куда вы тащите его, это же наш!» Одним мельком посмотрел на меня и сказал: «Да где же он наш?» И тогда вдвоем рванули меня за руки, а третий – кулаком в шею раз, второй, третий и – швырнули в открытую дверь. Я чуть было не упал но братья поддержали. Автобус наполнили до отказа и отправили нас неизвестно куда. Некоторым девушкам, по их просьбе, на светофоре водитель открыл дверь и им удалось забежать в магазин, но кэгэбисты, сопровождающие нас на легковой машине, заметили, забежали в магазин, забрали сестер и следующим автобусом доставили на место. В пути друзья выбрасывали все документы, чтобы КГБ не использовало их для обвинения. Некоторые такие бумаги кэгэбисты подбирали.

Везли нас долго и, наконец, привезли к большим воротам. Дежурный открыл и мы оказались во дворе старого конского завода. Здесь милиция обучалась конному спорту. Сюда привезли всех остальных наших друзей. А в последнем автобусе привезли даже и те вещи, которые были потеряны, или забыты при погрузке в автобусы: не съеденные батоны, женские сумочки, туфли, потерянные какой-то сестрой – все трофеи были доставлены на конный двор. Всех арестованных мы насчитали 436 человек, кроме тех, которым удалось сбежать со Старой Площади. Все были уставшие, голодные, но бодрые духом. Каждый чувствовал себя борцом за права верующих, за свободу проповеди Евангелия. Только брат Бузынный, старик, из Николаева, сидел под забором и по его лицу можно было определить, что он от чего-то страдает. Когда подошли к нему братья и спросили, в чем дело, он ответил, что чувствует боль в ребрах, наверное перелом. Много попало Ровенскому брату Василию Кондратюку, он – инвалид войны, без обеих ног, на протезах. И когда началась суматоха при погрузке, кольцо оцепления начали сужать, применяя силу, он упал и его сильно потоптали, но, слава Богу, ребра остались целыми. Мне попало три сильных удара в шею, но это не повлияло на мое здоровье, а наоборот, произвело ободрение. А вот брату Батурину нанесли материальный ущерб: оторвали рукав от пиджака, но пока мы находились в ожидании дальнейшего этапирования, сестры произвели ремонт. Думаю, что никто не остался обделен, каждому попало: кому больше, кому меньше.

Для общего ободрения и, чтобы развеять у некоторых уныние и грустные мысли, брат Даник обратился и сказал: «Братья и сестры! Давайте споем псалом: «Мы бодрей на жизненном пути пойдем, если будем доверять Иисусу». И как только мы начали петь, все почувствовали приток свежих сил. Я удивился, когда увидел, как энергично Даник управлял нашим сводным хором. Ведь до этого я никогда не видел и не знал, что он такой способный регент, а может быть обстоятельства открыли у него этот талант, который до этого был закопан.

Дневная жара спадала, день склонялся к вечеру и нас должны были куда-то отправить, кого временно, а кого и на долгие годы. Вдруг на конный двор приехало какое-то начальство и скомандовало нам построиться по двадцать человек, для отправки в другое место. Каждую группу везли отдельно, поэтому, при постройке группы каждый старался попасть со своими с одного города, или области. В нашей двадцатке были, в основном, братья из Ровенской и Волынской областей. Недолго нам пришлось стоять в строю, подъехал автобус и нас увезли в тюрьму.

Как потом мы узнали, нас привезли в Лифортговскую Тюрьму, предназначенную для политических заключенных, подведомственную КГБ. В камеру под номером 213 поместили нас четверых: двое из Ровенской области и двое с Волынской. Прошло час времени, открылась «кормушка» (окошко для подачи пищи) и охранник спросил: «Кушать будете?» «Нет!» Кормушка хлопнула и закрылась, охранник пошел дальше по коридору, спрашивая в каждой камере, будут ли кушать. Но везде слышен был один и тот же ответ: «Нет»

-Что такое, все как сговорились, - отходя от камер, в недоумении пробурчал охранник. Да, охранник был прав. Мы, находясь на конном дворе, приняли решение продолжать пост до следующего утра и этого решения все придерживались. Камеры в советских тюрьмах многим известны: некоторые лично испытали, другие знают по рассказам заключенных. Здесь отсутствуют самые элементарные человеческие условия: вместо матраса – дощатый щит, ни стола, ни табуретки. В углу – открытая «параша» (ведро-туалет). Все сделано так, чтобы заключенный запомнил на всю жизнь, что такое советская тюрьма. Не даром заключенные оставляют после себя надписи: «Кто здесь был, тот не забудет, а кто не был, тот побудет».

После дневной усталости «сражения» и всех пережитых мытарств, очень хотелось отдохнуть. Совершили молитву перед сном и только улеглись, хотя и без матраса, но быстро начали засыпать, вдруг открывается дверь, входит охранник и спрашивает: «Кто из вас Бороденко Владимир?» Я откликнулся. Он скомандовал мне следовать за ним и повел на допрос. После допроса сняли отпечатки пальцев и сфотографировали для оформления дела. Итак, всю ночь поочередно вызывали братьев и сестер для допроса и проведения всех, связанных с этим, процедур.

Работы у кэзэбистов было очень много, так что они не успевали сами справиться с нею в определенный срок. Им пришлось поднять по тревоге себе на помощь следователей из других областей. На следующую ночь добавилось приезжих «работников», эта ночь была гораздо беспокойнее первой: все время вызывали на допросы. Следователи сами не спали и нам не давали. На другой день, после завтрака, к нам в камеру забежал молодой человек в гражданском костюме и сходу, указывая пальцем на брата Костю, спросил его: «Ты откуда?» «Из Здолбунова,- ответил Костя.

- А как твоя фамилия? И сам же отвечая на свой вопрос продолжал,- Александрук, твой старший брат Василий живет в Польше?

- Да, в Польше,- подтвердил Костя.

И так, поочередно, переспросил волынских братьев и напоследок спросил меня:

- Как твоя фамилия?

- Бороденко,- отвечаю я. И вдруг он восторженно поднял руку и с удивлением говорит:

- Володя из Дубно?!

Это было сказано с таким радушием, как будто бы он встретил своего самого лучшего друга.

Я сразу понял, что это Ровенский следователь и что теперь он более подробно расскажет следственным органам, что представляет собой Володя из Дубно. После такого дружественного визита следователя, следовало ожидать чего-то нового и оно вскорости произошло. В этот же день меня перевезли в новую, в другую тюрьму. Я было обрадовался, думал, что отпустят домой, но к сожалению, оказался в старой Бутырской тюрьме. Сюда свезли всех, по определению КГБ, самых активных и «опасных» людей для общества. Остальных арестованных братьев и сестер отпустили домой. Здесь должна была решаться наша дальнейшая судьба – предстояло получить «заслуженную» меру наказания.

В Бутырке нас сразу завели в суд. После недолгого ожидания, в зал суда вошел судья и два заседателя. Кэзэбисты нам скомандовали встать, мы встали и судья зачитал: «Согласно Указу Президиума Верховного Совета РСФСР от 15.11.1962 г. подсудимый Бороденко Владимир

Поликарпович. 1923 года рождения, за посягательство на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции и народных дружинников, осужден на 14 суток".

В течение часа нас осудили всех: кому 15 суток, а кому меньше, каждый получил свое. В суде не было ни обвинителя, ни защитника. Судила нас «тройка», это было только название суда, судили так, как в тридцатые годы: судьбу человека решала пресловутая «тройка ЧК». Разница только в том, что в те годы тройка выносила смертный приговор, или приговор на долгие годы суровых лагерей. Нам же, по сравнению с теми страшными временами, наказание было очень легким, да и решение у тройки уже давно было готово: «За посягательство на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции и народных дружинников». После суда повели нас в камеры. Предварительно, до распределения по камерам, нас разместили в боксах. Это очень маленькая камера, размером меньше одного квадратного метра. На стенах из, цементного раствора, сделан крупный, острый набрызг, так что прислониться к стене было невозможно. Такой бокс рассчитан на одного человека, но нас, за недостатком боксов, сажали по три человека – двое теснились на скамеечке, а третий стоял.

Вдруг в какой-то камере раздался крик и сильный стук в дверь. Охранник открыл дверь, оказалось, что одному из братьев, из-за недостатка воздуха стало плохо. Слышно было, как охранники, торопясь, переводили его в другое место. В полночь начали производить индивидуальный обыск: каждый заключенный раздевался догола, одежду, обувь и все свои вещи ложил на стол, охранники тщательно проверяли, после чего отдавали только обувь и одежду, а все другие вещи оставляли в кладовой. Прошедших обыск распределяли по камерам. В нашу небольшую камеру натолкали 30 душ. Мы расположились, кто как мог: кто на железных кроватях, вмонтированных в бетонный пол, а кто просто на цементном полу. Вместо матрасов – решетчатые деревянные щиты – все так же, как и в Лефортовке. На следующий день водили нас в баню, а после бани разделили на две камеры по 15 душ. Кормили очень скудно: утром чай и 200 граммов ржаного хлеба, один кусочек сахара. В обед – каша овсяная на животном жире, вечером тоже чай, только без сахара и 200 граммов хлеба.

По сравнению с той пищей, что мне давали в немецком лагере, эта тюремная пища казалась хорошей. Итак, вспоминая худшие свои времена, легче было переносить настоящее. Почти целую неделю нас ни разу не выводили на прогулку, но мы настойчиво этого требовали и, наконец, добились своего. Прогулка проходила во дворе, в нескольких метрах от дверей тюрьмы. Во дворе были построены шлакобетонные клетки с высокими стенами, размер каждой клетки – 20-25 м², а сверху, вдоль клеток, мостик охранника. Охранники прохаживались по мостику и зорко смотрели за заключенными, чтобы кто-нибудь не передал в другую клетку какую-либо записку, или что-либо другое. Двери клетки крепко запирались, прогулка длилась не более получаса: подышали немного чистым, свежим воздухом и опять в душную, смрадную камеру.

Но братья не унывали: беседовали, рассуждали над Словом Божиим, молились и даже пели, подобно Павлу и Силе, только нашими слушателями были охранники, которые наблюдали и слушали молча до тех пор, пока не услышали пения, а тогда стучали в дверь, требуя прекратить пение.

Каждую ночь, поочередно, кого-нибудь из нас вызывали на допрос, стараясь больше собрать материала и, несмотря на то, что мы были уже осуждены, допросы не кончались. Кэбгэбисты удивлялись организованности нашего оповещения и на допросе спросили одного брата: «Как вы так организованно могли собраться от Дальнего Востока до Прибалтики?» Брат, вместо ответа, задал ему встречный вопрос: «А как вы организованно колотите нас от Дальнего Востока до Прибалтики?»

На допросах старались засыпать вопросами, не давая опомниться и, если допрашиваемый допускал какую-либо ошибку, они тут же старались присовокупить это к

обвинению, чтобы дополнить меру наказания. Многие наши братья тогда были осуждены на два-три года лагерей, в том числе и мой друг Якименко Яков и его сестра Мария. Следственные органы пытались проникнуть во все подробности нашего евангельского движения. Когда следователь вызвал меня на допрос, он интересовался стоящими во главе братьями и задавал много вопросов, на которые я отказывался отвечать. Вначале допроса он всегда старался расположить меня к откровенной беседе: спокойно задавал вопросы о семье, о работе, но потом повышал тон и переходил к более строгому и конкретному разговору: как я расцениваю их деяния и многое другое. Он старался убедить меня, что многие сведения о преследовании верующих, распространяемые инициативной группой, являются лживыми.

- Вот возьмите,- говорит он,- для примера один хотя бы случай в г. Кулунде с Николаем Хмарой. О нем распространили слухи, что когда его везли во время сильного мороза на допрос, то он обморозил руки и ноги и что на допросе над ним сильно издевались и, в конце концов убили. Ведь все это выдумка и ложь, чтобы очернить советскую власть перед американцами, вот они и ухватились за фотографии, якобы казненного Хмары и печатают в своих газетах и пишут длинные статьи. Скажите, кому это выгодно? Как вот вы смотрите на такие клеветнические действия Барнаульских верующих и всей инициативной группы?

Отвечая ему на это, я сказал:

- Я верю тем печальным сведениям, которые распространились по всей стране и даже за границей потому, что на этом документе стоит сто двадцать подписей наших Барнаульских верующих, так что я полностью им доверяю. А в отношении того, что эти компрометирующие власть документы попали за границу и там печатаются, это работа тех людей, которые получают за это деньги.

Убедившись, что с меня ничего не выжмешь, следователь в конце допроса сказал: «Возможно мне придется с вами встретиться», потом вызвал охранника и тот отвел меня в камеру. Всякий раз, когда кто-то возвращался с допроса, то все, находящиеся в камере собирались в угол, подальше от двери и расспрашивали все подробности допроса, чтобы знать, как отвечать, чтобы не попасть впросак и не оказаться предателем братьев.

Итак, срок наказания миновал, наступил ожидаемый день освобождения. Неожиданно вызвали меня и еще некоторых друзей, выдали наши вещи, а также выдали и справку следующего содержания: Справка выдана гражданину Бороденко Владимиру Поликарповичу, 1923 года рождения, что он, в период с 17 мая по 31 мая 1966 года отбывал арест в подразделении п/я ИЗ-48/2 УООП Мосгорисполкома, в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 15.11.1962 г. «Об ответственности за посягательство на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции, народных дружинников».

В коридоре я встретил хорошо знакомого мне брата из г. Дедовска Румачика Петю и некоторых других. Всех нас «черным вороном» (машина для перевозки заключенных) развезли по вокзалам. Меня доставили на Киевский вокзал как раз к отправлению поезда, посадили в вагон и через несколько минут поезд отправился. В поезде я чувствовал себя как-то неловко: грязный, в помятом костюме, заросший и, вдобавок к тому, голодный, но вместе с тем был рад, что освобожден от надзирателей, бесконечных допросов и что скоро состоится долгожданная встреча с семьей. Разглядывая по вагону, к моему удивлению, в конце вагона я заметил милиционера и подумал, что он случайно попал со мною в один вагон. Так и получилось: милиционер проехал несколько станций и вышел. «Ну,- думаю,- значит я не ошибся в своем предположении» Но, когда в вагон вошел другой милиционер, тут уж мои мнения изменились: все это не случайно, тем более, что он сел через купэ напротив и все время изредка, незаметно, поглядывал на меня. Я сразу понял, что меня сопровождают. Наверное сопровождающий меня милиционер, при своем выходе, незаметно указал своему сменщику, за кем он должен наблюдать.

На протяжении всего пути, через каждую сотню-полторы километров, охрана менялась и предпоследняя смена охраны была возле Львова, на ст.Краснэ. На этой станции мне нужно было сделать пересадку на Дубно. Вышел я из вагона и сразу направился в буфет, чтобы покушать. Купил кое-что, занял место у стола, помолился, прося у Бога благословения на пищу, покушал и хотел выйти. Подошел к дверям, попробовал открыть – двери оказались закрытыми. В этот момент ко мне подошел милиционер, который, во время моего ужина прохаживался, посматривая на меня. Он пригласил меня пройти за ним. Здесь же рядом была комната милиции и мы вошли. Сидящий за столом начальник пригласил меня сесть и сказал: “Пожалуйста, отдохните до прихода поезда, здесь спокойней, чем в зале”.

Спросили меня, почему я был в Москве, почему арестовывали и куда еду. Я сижу, дремаю, а они между собой о чем-то разговаривают и, когда я прислушался, то понял, что как будто начальник посылает лейтенанта в Здолбунов в командировку. На дорогу из сейфа достает пистолет, набой, одним словом готовится в дорогу. Начальник дает ему какие-то поручения. Когда я вкратце рассказал им, что еду в Дубно, лейтенант сказал: “Хорошо, поедем вместе, мне тоже надо ехать в том направлении”. Они боялись, чтобы я не исчез из их поля зрения, потому что им дано распоряжение доставить меня домой, вот потому они и завели меня в свой кабинет и держали до прихода моего поезда. Перед приходом поезда мы вышли на перрон для посадки в вагон. Тут же, через пару минут подошел поезд и мы уехали.

Сидели мы в одном купэ. Я обратился к нему и сказал: “Как хорошо, что у меня есть охрана, охраняли от самой Москвы до Краснэ. Я беспокоился, что дальше придется ехать одному без охраны, а оказалось, что у нас, все-таки хорошая и гуманная милиция и вполне оправдываются слова Владимира Маяковского: “Моя милиция, меня бережет”. Я благодарю вас, что и вы побеспокоились о моей безопасности и сопровождаете меня в Дубно, а там, наверное, тоже найдутся заботливые милиционеры, которые меня встретят и доведут домой”.

Лейтенант, улыбаясь, старался доказать, что он просто попутчик, а не охранник и, когда мы приехали в Дубно, я подал ему руку, поблагодарил за оказанное внимание и пожелал ему счастливого обратного пути. Вышли, а у вагона уже стоял милиционер, принявший меня под свою охрану и предложил мне идти с ним в их дежурное помещение.

Когда мы вошли, начальник строго посмотрел на меня, принял важный вид, предложил сесть и начал допрашивать. Я посмотрел с пренебрежением и подумал: что ты меня пугаешь, я еще не таких видел и не испугался. На улице послышался гул автомобиля и через пару минут вошли два милиционера и я с удивлением увидел, что сопровождать меня приехал мой двоюродный брат Федор Бороденко, Начальник, узнав, что моя фамилия тоже Бороденко, спросил Федю, указывая на меня рукой: “Это твой родственник, или однофамилец” Феде признать меня своим родственником было как-то неудобно, ему выгоднее было отказаться от такого брата, который из-за своей веры в Бога и своими действиями постоянно вызывает недовольство и возмущение властей, и он назвался однофамильцем.

Предложили мне садиться в “черный воронок”, чтобы доставить меня домой, Расстояние от вокзала до моего дома совсем близкое, километра два и через пару минут воронок остановился на дороге против моего дома. Меня высадили и я подошел к калитке, тихонько открыл ее и, войдя во двор, остановился. О,какая очаровательная картина представилась моему взору! Предраассветная красота неба, вокруг мертвая тишина, все спит, а цветущий сад разливает свои пьянящие ароматы. Вокруг полно зелени: огородные цветы, кусты расцветшей сирени – все так прекрасно, хотелось присесть на скамеечке, чтобы подышать чистым, свежим воздухом, насладиться ароматами цветов и красотой окружающей природы. Но скоро рассвет, нужно как-то тихонько забраться в дом, чтобы не потревожить семью и хотя немного соснуть и отдохнуть после всех мытарств, пережитых мною за эти полмесяца.

Двери закрыты, окна тоже, через форточку не залезть. Стучать и будить – не желательно, что же делать? И я решил залезть на яблоню, а с яблони спуститься на крышу дома и по жолобу

пройти к окну чердачного помещения и через приоткрытое окно залезть в чердачную комнату, а потом спуститься на первый этаж. Так и сделал. Только когда открывал окно, нечаянно стукнул и от этого стука проснулась Галочка и страшно испугалась. Потом она мне рассказала:

- Смотрю, кто-то заросший и страшный лезет ко мне в окно и я сильно испугалась, ведь я сразу не узнала тебя.

Я не предполагал, что она с детьми в чердачных комнатах, оказывается, они боялись быть внизу и перешли на чердачное, надеясь, что здесь безопаснее.

Когда эти несколько минут страха прошли, потом настала всеобщая радость: проснулись дети, выбежали, с радостью бросились ко мне. Объятыя, приветственные поцелуи, дом наполнился радостью – папа вернулся! В наш дом пришло небывалое, радостное, предрассветное майское утро! Потом мы все склонились на колени и в сердечных молитвах благодарили Бога за проявленную к нам милость, за то, что Он сохранил и меня, и всю семью и даровал опять быть всем вместе. Я немного рассказал о своей поездке, о приключениях, а Галочка рассказала о своих переживаниях и волнениях за время моего отсутствия. Под утро я уснул, дети пошли в школу, Галочка на работу, а я продолжал спать сладким сном, отсыпался за все недоспанные ночи.

Поездка нашей делегации в Москву вызвала сильное возмущение и ярость органов КГБ во всей нашей стране, потому что произошло что-то доселе небывалое: как же баптисты сумели так организованно приехать в Москву и требовать встречи с правительством, добиваясь своих прав? Все это было для них непонятно: как могли они так “опростоволоситься” и допустить такой ляпсус в своей работе?! Почему никто из них не смог предвидеть такой “криминал” и своевременно помешать в организации такого “сборища”, о чем стало известно не только во всей нашей стране, но и за рубежом?! Да, это был большой минус в их работе, приведший к таким неприятностям, хлопотам и материальным затратам для погашения баптистского “мятежа”. Многие тогда лишились насиженных мест и должностей.

Наши Дубновские кэгэбисты тоже забеспокоились, сильно вознегодовали на наши “внезаконные” действия, за участие наших делегатов в этом “сборище”. Вдобавок ко всему, как они посмели посылать от имени церкви правительству телеграмму с таким ультимативным требованием: “Просим немедленно освободить арестованных наших делегатов”?

Много пришлось пережить и моей жене и деткам за эти тревожные дни. Тревога овладела также и сердцами многих семей наших делегатов. Гнев кэгэбистов больше всего обрушился на мою Галочку. Она рассказывала, как ее, по несколько раз вызывали на допрос в КГБ. Вначале всячески уговаривали, чтобы она каким-то образом воздействовала на меня, чтобы я оставил этот путь, который может привести к худшему всю нашу семью. Они советовали оставить не зарегистрированную церковь, которая все время нарушает советское законодательство о религиозных культах, пишут бесконечные жалобы, ходатайства за каких-то не известных им людей. Лучше идти в общину ВСЕХБ,- говорили они,- и жить так, как живут все – тихо и спокойно и никто вас не будет беспокоить, ведь мы не запрещаем вам молиться, молитесь на здоровье.

Долго они уговаривали и убеждали Галочку, надеясь достичь своей цели, но все их старания склонить ее к компромиссу были напрасны. Видя ее твердость и непоколебимость в решении и впредь идти избранным путем – путем борьбы и страданий с народом Божиим, они начали угрожать, говоря:

- Мы знаем, почему вы так себя ведете. Вы не из-за убеждения поддерживаете эту группу раскольников, а просто, чтобы отомстить власти за своего отца, которого судили за сотрудничество с немцами.

Потом, в доказательство того, что он все знает об ее отце, достал из ящика стола фотографию отца и показал ей с тем, чтобы еще больше причинить боль душе.

- Когда я увидела фото,- говорила Галя,- мне так больно стало: сразу же перед моими глазами всплыла вся картина его многолетней, страдальческой лагерной жизни. О, как он хотел выйти на свободу и хотя бы перед своей кончиной увидеть всех нас, увидеть внуков, вместе пожить и порадоваться в Господе. Но мечты и желания его не сбылись: он не вынес тяжелых условий лагерной жизни и ушел от земных страданий к Господу. А теперь, когда прошло столько лет, злые люди стараются ранить душу, угрожают, шантажируют, лишь бы добиться своей цели!

На заводе, где она работала, люди смотрели на нее по-разному: одни сочувствовали, вместе с ней переживали, утешали, другие, может быть даже злорадствовали и все это нужно было переживать. Братья нашей церкви, когда узнали о нашем аресте, решили немедленно послать правительству телеграмму с просьбой о нашем освобождении. Эта телеграмма на телеграфе была принята, но к правительству она не попала, а попала в местные органы КГБ. Братьев начали вызывать на допросы, угрожать, что за подобные действия могут быть плохие последствия. А когда начальник почты пригласил меня сделать ремонт в его квартире, я воспользовался возможностью и задал ему вопрос: почему ходатайственная телеграмма верующих о моем освобождении не попала по назначению, а попала в КГБ? Он улыбнулся и сказал, что все телеграммы к правительству проверяются органами и они решают, какие можно послать, а какие задержать; это не моя вина, такой закон.

- Да,- говорю ему,- в нашей стране много таких, которые поступают по пословице: “Б,ють і плакати не дають”.

Весть о моем аресте дошла и в Ремстройконтору, где я работал. Весь коллектив интересовался, что же будет со мной: выпустят, или осудят. Начальника моего КГБ, наверное, заблаговременно проинформировало, как со мной поступить после моего приезда. Моим оправдательным документом была справка, выданная Московским судом, что сделанный прогул не по моей вине и эту справку я должен был предъявить своему начальнику, но этот документ оказался компрометирующим и обвиняющим меня в посягательстве на жизнь, здоровье и достоинство милиции и народных дружинников. Я помню, как меня колотили, но как я “избивал” милицию и дружинников и как посягал на их жизнь – такого не помню! Вот насколько советские правозащитники способны из человека сделать верблюда и тогда попробуй докажи, что ты – не верблюд; никакие справки тебе не помогут! Хотя выданная мне справка является документом, характеризующим личность верующего человека, она подписана начальником подразделения почтового ящика ИЗ-48/2 УООП Мосгорисполкома, скреплена гербовой печатью. Кто же не поверит такому документу? Этим они хотели скомпрометировать меня перед рабочим коллективом, показать им, что я не христианин, а самый настоящий преступник, посягающий на жизнь представителей власти.

И когда я предъявил начальнику справку в присутствии некоторых служащих, он прочитал ее и все рассмеялись и подвергли ее критике, потому что люди хорошо знали верующих, испытали и советскую власть и знают, что она построена на лжи и обмане. Но, несмотря на то, что прогул был сделан не по моей вине, начальник решил строго выполнить указание КГБ и не допустить меня к работе. Мне пришлось целый месяц добиваться восстановления на работе. Много раз обращался я в горисполком по этому вопросу, но все – безрезультатно, они бессильны были помочь, потому что все зависело от КГБ, нужно было ждать от них дальнейшего указания.

Местные власти всячески старались дать мне почувствовать свое сильное влияние, чтобы образумить меня и заставить прекратить свое активное участие в религиозной деятельности. В конце концов мне надоело ходить к этим чиновникам с челобитной, унижаться и просить милостыни и я решил действовать по-другому. Я конкретно и решительно заявил председателю райисполкома:

- Если вы не можете помочь мне восстановиться на прежней работе, тогда мне придется искать духовную работу. В церкви нужны освобожденные от производственной работы люди. Работы на ниве Божией очень много, что ж, пойду проповедовать Евангелие, а трудящийся достоин пропитания, Бог нас не оставит, Своих работников Он щедро вознаграждает.

Услышав от меня такое заявление, он сказал:

- Не волнуйтесь, все будет улажено, я переговорю с Олейником, вашим начальником, так что завтра пойдите к нему и он вас допустит к работе.

Начальник обрадовался положительному решению хозяев города и поручил мне возглавить бригаду маляров-штукатуров, потому что без тебя,- сказал он,- бригада свой план за май месяц не выполнила, заработки снизились, среди рабочих возникает недовольство, так что берись за дело, хватит гулять.

И вот я взялся наверстывать то, что было упущено: наладилась работа, повысился заработок и, как будто бы все были довольны. Но оказалось, что я ошибся: один рабочий позавидовал мне, что мой заработок оказался выше его, он хотел получать столько же, сколько и я. У нас бригадирских не платили, а просто присваивали на разряд выше – вот и вся причина разницы в заработках. Это его недовольство стало достоянием прессы и некоторых работников атеизма, которые все время что-нибудь выискивали компрометирующее верующих, искажая по своему факты, чтобы очернить особенно тех, кого они считали организаторами раскольников. Для этой цели они решили раскритиковать меня в наглядной агитации – размалевали по всем правилам в стен-газете “Ёж” и эту листовку вывесили на людном месте, в парке. Туда клеили карикатуры на разных антиобщественных элементов – нарушителей порядка: хулиганов, пьяниц, воров – для порицания перед людьми. Кто-то из братьев, увидев эту карикатуру, сказал мне:

- Ты знаешь, що тебе вивісили на “Їжак”?

Я сразу не поверил, но когда пришел, то увидел, как карикатурщик изобразил мою бригаду. Он нарисовал, как бригада стоит у окошка, а кассир выдает деньги. Я получил первый и с пачкой денег, довольный и улыбающийся, отхожу от кассы, а рабочие получают по пару бумажек и недовольные, с кислым видом уходят в сторону. Под карикатурой было написано: “Бороденко В.П. работает в РСУ. Набрал себе бригаду из низкоквалифицированных рабочих с тем, чтобы себе больше получать, обманывает рабочих и т.п.” Получалось, как будто бы я имею право набирать рабочих, присваивать им по своему усмотрению разряды и проч. Таким правом я не обладал. Когда приходили устраиваться на работу верующие, они просились в мою бригаду, начальник направлял их ко мне учениками малярной профессии, а потом присваивали им разряды и так мы работали. Но я должен признаться, что руководить и работать с бригадой было очень трудно, несмотря на то, что бригада состояла из верующих людей.

Не желая быть объектом нападения для атеистов на данном производстве, хотя от их клеветы трудно уберечься на любом месте работы, я все таки решил уволиться из РСУ. Начальник уговаривал не уходить, он ценил меня, как работника за высокие показатели в выполнении производственных планов, дважды в приказах объявлял мне благодарность, один раз наградил денежной премией, но, несмотря на его ко мне положительное отношение, мне пришлось уволиться.

В августе 1971 года я распрощался с Ремонтно-строительным управлением (бывшей Ремстройконторой) и около года работал на частных заказах, меня такая работа вполне устраивала. Но власти позавидовали моим заработкам и всячески старались заставить меня устроиться куда-нибудь на производство, чтобы постоянно иметь меня под своим контролем. С этой целью меня несколько раз вызывали в горсовет, требуя немедленно трудоустроиться, назначали мне сроки, но я на это не реагировал. И вот мое дело передали в милицию. Вызвали меня и поставили вопрос ребром: или будешь работать, или будем судить за тунеядство (это значит —жить за счет других). Тут мне пришлось подумать. Хотел устроиться агентом по сбору

фотографий у населения для изготовления портретов, но власти, предвидя мою цель – намерение выполнять сразу две работы, т.е. собирать фотографии и заодно, по возможности, свидетельствовать о Боге, по указанию КГБ, запретили принимать меня на эту работу. Тогда я решил пойти на самую низкую и вредную работу – в кочегарку, топить котлы для обогрева городских квартир. Я усматривал, что на такой работе у меня будет много свободного времени и я смогу подзарабатывать на стороне, а также будет время и для духовной работы. Некоторые наши братья уже работали в котельных, они были в курсе, где больше платят, а где меньше, хорошо знали условия работы и хотели мне помочь где-нибудь устроиться. Дали мне адреса, где нужны были кочегары и я отправился на поиски места работы. Обошел шесть организаций и – везде отказ.

После очередного отказа в одной из организаций, я сказал директору:

- Вы расклеили по городу объявления о том, что вам требуются кочегары?

- Да, нам нужны кочегары, но вас принять не можем.

- Так что же я должен делать? Власти города обязали меня устроиться на работу, вам нужны кочегары, а вы меня не принимаете?

- Я вас хорошо понимаю, но поймите и вы меня, ведь этот отказ не от меня исходит...

- Последним объектом моей попытки устроиться кочегаром был Райком партии.

Практически надежда на положительный ответ равна была нулю, но я все же решил испробовать и, хотя бы узнать, чем здесь будут мотивировать свой отказ.

Кто-то из друзей посоветовал мне идти сразу не в отдел кадров, а зайти в котельную, поговорить с кочегарами, узнать условия работы, посмотреть и после этого уже идти оформляться. Воспользовавшись этим добрым советом, я зашел в котельную. Хотя кочегар был незнаком мне, но рассказал все подробно.

- Работа очень хорошая, - сказал он, - котел маленький, бросил пару лопат угля, завел будильник, чтобы через часа два позвонил и ложусь спать. Когда будильник зазвенит – встаю, подкинул угля и так до самого утра. При приеме на работу начальство особенно обращает внимание, чтобы рабочий не оказался пьющим, так что, если ты любишь выпить, то на работу тебя не примут. Условия работы хорошие: отработал зиму, и все лето свободен, можно идти на «халтуру», а стаж идет за целый год, так что давай, устраивайся и будем вместе работать. Потом подберем себе еще третьего напарника и тогда будем работать в три смены.

В конце нашей беседы, чтобы не опоздать, мы поторопились пойти в отдел кадров, но, к сожалению уже было поздно, рабочий день кончился. Открыт был только кабинет главного бухгалтера и мы решили предварительно переговорить с ним. Только мы вошли и кочегар еще не успел представить меня, как бухгалтер

узнал меня, назвал по фамилии: поздоровались, он предложил присесть и говорит:

-А я вас знаю, вы же когда-то работали в Ремстройконторе бухгалтером. А я, в этом же доме, через стенку, работал в горсовете. Ну, как жизнь, как семья, где вы теперь работаете и как с вашей верой, еще не оставили своего убеждения?

- Слава Богу,- отвечаю ему,- у меня все хорошо, все здоровы, вместе всей семьей славим Бога. Одно только плохо, что меня, как верующего, нигде не принимают на работу. Советские законы, записанные в конституции на меня не распространяются, Закон гарантирует всем гражданам право на труд и свободу вероисповедания, а я сегодня лишен права трудиться.

Он выслушал меня и с удивлением сказал:

- Да этого не может быть, чтобы кого-то из верующих у нас не принимали на работу! Какая может быть разница – верующий ты, или неверующий, лишь бы только хорошо работал. Ведь у нас все верующие работают. Они хорошие работники, честно и добросовестно работают, не тратят времени на перекуры, не выпивают, их можно ставить в пример другим.

- Очень приятно слышать, что вы такого хорошего мнения о верующих и вы в своей оценке не ошибаетесь, потому что мы научены Словом Божиим: «Все, что делаете, делайте от

души, как для Господа, а не для человек» (Кол.3:23). Так же понимают и некоторые товарищи-чиновники, но вынуждены идти против своей совести. Они отказывают в устройстве на работу верующим, чтобы избавить себя и администрацию от излишних хлопот; ведь потом на них вышестоящими инстанциями возлагается обязанность перевоспитать верующих. Некоторые начальники кадров, не стесняясь, прямо заявляют: несмотря на то, что верующие не пьют, всегда трезвы и хорошие работники, но мне гораздо лучше принять пьяницу, чем верующего. Перевоспитанию они не поддаются, а скорее сами перевоспитывают наших людей, заражают рабочий коллектив своей религиозной пропагандой, а потом вина ложится на отдел кадров. Вот почему нам и приходится некоторым верующим отказывать в трудоустройстве. К этим «некоторым», лишенным права на труд, принадлежу и я. Ведь это же вопиющее беззаконие! Я обошел шесть организаций, где нужны были кочегары и – везде отказ. А милиция и горсовет требуют немедленно трудоустроиться, иначе угрожают судом за тунеядство и отправкой в карьер на каменоломни. И вот я решил «попытать счастья» в райкоме. Не в кабинете, а в котельной, надеясь, что здесь проявят ко мне гуманность.

Бухгалтер, человек пенсионного возраста, культурный, рассудительный, внимательно выслушал меня и сказал:

- Здесь вас примут на работу, потому что нам нужно два кочегара. Вот только, как быть с вашей верой?- сказал он шутя,- ведь и здесь могут испугаться, что вы сагилируете весь райком.

Посмеялись, поговорили и в конце он посоветовал прийти к нему завтра с заявлением и трудовой книжкой. Он пообещал вместе со мной пойти в отдел кадров и походатайствовать о моем трудоустройстве.

На другой день, к моему приходу, на прием к секретарю райкома уже образовалась длинная очередь. Стоять в общей очереди было бесполезно, можно было отстоять весь день и не попасть на прием. Я подумал, что мой вопрос не обязательно решать первому секретарю райкома, ведь это функция начальника отдела кадров. По совету главного бухгалтера я зашел к нему, мы вместе пошли в кабинет начальника отдела кадров, бухгалтер представил меня, как хорошо знакомого ему человека, желающего работать кочегаром.

- Хорошо,- сказал начальник,- вы напишите заявление, возьмите трудовую книжку и приходите ко мне завтра.

Я ответил, что все это у меня уже готово, пожалуйста, вот вам мой документ и заявление. Взглянув на мое заявление, он как-то сконфузился, растерялся и спросил меня:

- Ваша фамилия Бороденко?

- Да, там написано.- ответил я.

А бухгалтер все стоит и слушает, что же будет дальше? Начальник с моими документами побежал к первому секретарю за советом – что же со мной делать? Через несколько минут возвращается и говорит:

- Вы извините, но мы вас принять на работу не можем. Нам действительно нужен был кочегар, но так, как я несколько дней отсутствовал, то за это время секретарь сам принял уже человека на работу.

- Но я знаю, что вам нужно было два кочегара.- сказал я.

- Извините, мы вас принять не можем.- последовал ответ.

Вышли мы и я говорю бухгалтеру:

- Как видите, здесь та же советская власть, все то же, о чем я вам говорил.

Он пожал плечами и мы разошлись.

Но я все же на этом не успокоился и на следующий день пришел на прием к первому секретарю, как к высшей власти района, поговорить с ним о моих проблемах и высказать ему все незаконные действия по отношению к верующим и ко мне лично. Народа было немного, долго ждать не пришлось. Подошла моя очередь и я зашел на прием. Рассказал ему все подробно: в какие организации я подавал заявления, и что там были вакантные места, но нигде

не принимают, потому что я верующий. И вот, узнав, что вам нужны кочегары, я пришел и подал заявление, в надежде, что здесь-то уже наверняка должны строго и неукоснительно соблюдаться советские законы, гарантирующие право на труд всем гражданам, независимо от их вероисповедания. Но, к сожалению и моему глубокому разочарованию и здесь я получил очередной отказ в трудоустройстве и пришел к выводу, что и здесь преобладает геноцид к верующим и, что советские законы правдивы и гуманны только на бумаге, а на деле – полнейшее беззаконие. Скажите мне, пожалуйста, что я должен делать, к кому мне обращаться, ведь у меня семья, которую необходимо кормить, одевать и обувать.

- Не волнуйтесь, вы хотите работать кочегаром? Вот вам адрес, идите в Строительно-монтажное управление и вас там примут на работу. Говорю, что я уже там был и мне ответили отказом.

Раздраженным голосом секретарь сказал:

- Какой дурак сказал вам, что не примет вас на работу? В негодовании поднял трубку, позвонил в ту организацию, а потом повторит: Идите туда, вас обязательно примут.

Выйдя от секретаря, я заметил, что очередь к нему на прием значительно увеличилась, некоторые смотрели на меня с досадой, что я так долго пробыл на приеме и, наверное, подумали, что я какой-то начальник и решал с ним производственные проблемы.

И вот я опять оказался в отделе кадров упомянутой организации с той же просьбой, но на сей раз по устному направлению «Первого». Начальник выслушал меня, позвонил в райком и я услышал традиционный для меня ответ: «У нас для вас работы нет».

В коридоре встретил знакомого инженера, рассказал ему, что ищу работу и что везде получаю отказ. Он знал меня, как хорошего строителя и сказал:

- Нам нужны маляра и если вы согласны на эту работу, то я сейчас зайду в отдел кадров, договорюсь и вас примут. Подождите минуту здесь.

Через несколько минут он вышел и по его виду можно было понять, что его ходатайство безуспешно. Подошел, извинился, что помочь не может, я поблагодарил его и решил, что на этом поиски работы можно считать законченными. Не теряя времени, я опять начал принимать частные заказы не только, чтобы прокормить семью, но мне очень хотелось приобрести автомобиль «Жигули», не отставая от других.

Власти, видя, что мне выгодно работать по договорам – производить ремонт школ, а также частные заказы и что без их трудоустройства я не пропаду, позавидовали и решили остановить меня – запретить мне заниматься частными заказами, или же запротестировать на какую-нибудь работу, лишь бы связать меня с производством и не дать мне возможности «халтурить».

Прошло немного времени, меня опять вызвали в милицию и спросили, почему я не работаю? Я ответил, что работаю больше, чем нужно.

- Да, мы знаем, что ты халтуришь, но ведь мы предложили тебе искать производственную работу. Смотри, если не устроишься работать на производство, будем судить за тунеядство.

- Какой из меня тунеядец,- ответил я,- я ведь не живу за счет других, а работаю своими руками. Что же мне остается делать, если на производство меня нигде не принимают, боятся, чтобы я своей агитацией не увлек их с безбожного пути.

- Если так, то мы поможем тебе трудоустроиться.

Набрал какой-то номер телефона и спрашивает начальника: «Слушай, тебе нужны в твой доротдел рабочие ремонтировать дороги? Вот у меня в кабинете сидит молодой мужчина, он не курящий, не пьющий (видимо этим желая дать понять, что я верующий).

Вопреки моим ожиданиям, ответ последовал положительный и он сказал мне:

- Вот тебе работа, иди и устраивайся.

Я подумал и сказал: «Зачем мне такая работа – ворочать щебенку, когда у меня столько специальностей? Спасибо вам за проявленную заботу, но я сам постараюсь найти себе работу по

специальности. Думаю, что найдутся добрые люди, которые не побоятся религиозной пропаганды и предоставят мне возможность трудиться.

И такими добрыми людьми оказались работники отдела кадров Дубновского сахарного завода. Здесь меня приняли на работу в августе 1974 года. Работа была сезонная и я проработал два сезона, а в свободное время выполнял частные заказы и это меня вполне устраивало. 1 января 1976 г. я уволился. Эта работа была моей последней производственной работой в Дубно. Хорошо помню, как однажды под вечер, возвращаясь с работы, у калитки своего дома я с удивлением увидел «бобика» (так называли автомобиль УАЗ), в машине сидел шофер. Я сразу сообразил, что к нам приехали не желанные «гости».

Войдя в кухню, я увидел двух незнакомых мужчин, которые что-то громко требовали. Встревоженная Галочка, увидев меня, пошла мне навстречу из комнаты в кухню. За ней последовали и «гости». Галочка объяснила мне, что они приехали забрать наш магнитофон. Я, засучивая рукава, чтобы мыться, спрашиваю ее:

- Какой магнитофон?!

Жена посмотрела на меня в недоумении. Она надеялась (как потом мне объяснила), что я выгоню нахалов, посягающих на нашу собственность. Но я, отнюдь, не собирался этого делать, ведь я же христианин. Но с возмущением я обратился к ним:

- Кто вы такие? Какое вы имеете право врываться в мой дом и забирать мои вещи без санкции прокурора?

- Нас послали городские власти привезти ваш магнитофон, чтобы послушать записи, а потом вернуть,- объяснили они в ответ. Сегодня в доме культуры состоится вечер, на котором обязательно присутствие всех верующих и нам приказано доставить туда Галину Амосовну и вас с вашим магнитофоном, так что, пожалуйста, идите в машину.

Пришлось нам, вместе с магнитофоном, садиться в машину.

На втором этаже дома культуры весь большой зал был заполнен городской партийной атеистической публикой. Многих верующих насильно доставили на это сборище; некоторых, как и меня, с магнитофонами. Мы стояли в вестибюле, при открытых дверях в зал, а некоторые находились в соседней комнате, откуда можно было слышать и кое-что видеть в зале. Это зрелище было организовано по приказанию подполковника, областного начальника КГБ, который и руководил всем этим спектаклем. Вся безбожная публика с нетерпением ожидала начала зрелища, некоторые из них были подготовлены к выступлению против верующих.

Мы думали, что кэгебисты вызвали нас на диспут и готовы были дать отчет в своем уповании, но цель их была иная. Видя свое бессилие в борьбе с верующими, которые безбоязненно выступали в защиту дела Божия против незаконных действий властей, чинимых над верующими, они решили настроить против нас общественность города. Для этой цели и было организован этот спектакль: поиздеваться над нами публично, запугать, а некоторых, по решению общественности, предать суду.

Первым, с обвинительной речью, выступил подполковник КГБ, так как он был организатором и главным нашим обвинителем. Вначале его речь была более-менее спокойной, но минут через пять-десять он пришел в такую ярость, что на него было страшно смотреть, казалось, что все демонические силы вселились в него. Он, как хищный зверь, готов был всех нас растерзать на куски! Своей «речью» он возбуждал в присутствующей аудитории ненависть к верующим, нагнетая обстановку, он кричал на весь зал:

- Вы знаете, что это за люди? Это – мракобесы, они только прикрываются религией, как будто верующие, а на самом деле они бендеровцы, они помогали немцам уничтожать наших людей, издевались над ними, их руки – в крови!

Публика, слушая, все больше загоралась ненавистью, некоторые уже были готовы выступить, но он никак не мог остановиться. Для сохранения порядка и предотвращения возможного

мятежа со стороны неверующей публики, в зале и вестибюле прохаживались милиционеры и переодетые кэгэбисты.

Некоторые из них имели особое задание: выводить кое-кого из верующих на сцену, как неисправимых фанатиков. Подполковник громко, по списку, зачитывал фамилии и имена тех верующих, которых им нужно было вызвать на сцену и представить собравшимся для насмешек и оскорблений. И вот вывели нескольких братьев. Публика зашумела, слышались насмешки, укоры. Организатор спектакля возвысил голос и начал успокаивать публику: «Товарищи, граждане, успокойтесь, я вполне понимаю ваше возмущение, я и сам крайне возмущен такими людьми в нашем советском обществе. Они заражают библейскими баснями наших людей, калечат своих детей, забивают им головы своей религией. Их дети отстающие, затурканные, в школе отстают в учебе. Родители им запрещают вступать в пионеры, носить пионерские галстуки, а старшие их дети категорически отказываются вступать в комсомол».

Одна еврейка и еще несколько безбожников злостно выкрикивали:

- Забрать у них детей! Лишить их родительских прав!

Потом подключились и другие: «Их судить надо!» В зале стоял невероятный шум, все возбуждены были до предела.

Кто-то догадался, что у оратора от такой длинной и возбужденной речи, наверное, пересохло в горле и принес стакан воды и поставил на трибуну. Подполковник кивком головы поблагодарил догадливого сотрудника, отпил глоток воды, оглянулся назад, увидел, что на сцене есть место, зачитал некоторые фамилии и приказал дежурным милиционерам ввести их на сцену. Когда я услышал, что вместо меня вызвали мою Галочку, мое сердце сильно встревожилось и я подумал: ведь у нее большое сердце, сможет ли она вынести такое глумление над ее чистой совестью? Лучше бы вызвали меня, я имел бы возможность высказать всю правду, открыть пред людьми все беззаконие, которое власти творят над нами, верующими, но почему-то на мое место вызвали мою жену. Наверное, так нужно было, потому что своим выступлением я вряд ли сумел бы им доказать, а себе самому мог бы здорово повредить и домой вернулся бы не раньше, чем через три года. Такой срок давали для большинства наших братьев, которые защищали дело Божие и добивались справедливости.

Жалко и больно было мне смотреть на Галочку. Она стояла впереди бледная, покачиваясь, еле держась на ногах. А оратор все продолжал поливать верующих грязью.

- Вот, смотрите на этих молодых людей, они фанатики, своих детей приносят в жертву. Вы, наверное, читали в газете, что одна мать на Полесье из таких вот верующих, убила свою дочь и принесла ее Богу в жертву. Подумайте только, что творят эти люди, называющие себя верующими!

Публика от этого заявления опять угрожающе и возмущенно зашумела, а некоторые, не имея терпения, пока оратор закончит свою речь перебивали его, но он удерживал их, желая привести свое выступление к концу. Опять начал называть некоторые фамилии, имена, требуя выйти вперед, всячески угрожая и пороча их, как только мог.

Подошла очередь и моей Галочке. Она, бедная, еле держалась на ногах. Кэгэбист долго обливал ее грязью, поносил ее, представил публике, как дочь бывшего немецкого бургомистра (мэра) города Уманя.

Несмотря на все это, - продолжал он, - мы проявили к ней гуманность, дали ей возможность работать в конторе на литейно-механическом заводе, а она стала активной баптисткой и, вопреки советским законам о запрете религиозной пропаганды, увлекла некоторых работников завода в свою секту. Детей своих воспитывает в религиозном духе, водит их на собрания баптистов и не разрешает детям вступать в комсомол.

И так он продолжал порочить ее доброе имя, как искренней христианки и примерной труженицы завода. Весь рабочий коллектив завода знал ее, как хорошую, порядочную женщину; она умела вести себя в коллективе, разговаривать с людьми по-христиански, в выдержанном и

спокойном тоне. Кто бы ни обращался к ней с каким-либо вопросом, или с просьбой – у нее всегда хватало терпения спокойно выслушать, объяснить и, по возможности, помочь. За эту ее доброту и уважение к другим она заслужила уважение и пользовалась авторитетом среди сотрудников. Она никогда никому не жаловалась, что ей платили самую низкую зарплату, ибо понимала, что все это делалось по указанию органов КГБ и никакой обиды к администрации завода у нее не было. Работала на разных должностях, проработала на этом заводе 23 года. И вот теперь, находясь на этом сборище и терпя такое над собой надругательство незаслуженно, слушая такое поношение на верующих, ее больное сердце не выдержало: она, вдруг, резко пошатнулась, потеряла сознание и упала.

В зале наступила тишина. Одни при этом сочувственно вздыхали, другие же – наоборот, когда рядом стоящие братья кинулись ее поднимать, кто-то из безбожников крикнул: «Так ей и надо! Не поднимайте, пусть лежит!»

В это время я был в вестибюле. Услышав, что произошло с женой, я кинулся в комнату, откуда был выход на сцену, чтобы помочь ей, но милиционеры меня не пустили к ней. Один из них сказал: «Мы и без тебя с ней справимся».

Народ уже устал от этого «представления», в зале духота, нечем дышать, но, несмотря на все, после происшедшего смятения, подполковник продолжал руководить сборищем. Он вновь, нагнетая обстановку и накаляя страсти, побуждал людей выступать и высказывать свое мнение к верующим, которые не подчиняются власти и нарушают советские законы. Выступлений их я не слышал, потому что ушел в комнату, где на диване, в полубессознательном состоянии лежала моя Галочка. Она была бледная, уставшая и еле была в состоянии промолвить ко мне пару слов:

- Не беспокойся, Володя, слава Богу, мне уже лучше. Плоть ее все еще была слаба, но дух бодр. Я благодарил Бога за то, что издевательства безбожной толпы не смогли поколебать твердости ее веры и в дальнейшем она оставалась верна своему Господу.

На несколько минут я вышел в вестибюль и посмотрел в зал. Впереди на сцене стоял брат Куница Николай. Его обвиняли в том, что он с отцом, якобы, хотели принести в жертву свою мать. Николай пытался объяснить, что все это выдумка и ложь, что у них возник маленький семейный конфликт. Но, сколько он ни пытался высказаться, ему не дали. И не только ему, но и всем верующим за весь вечер никому не разрешили сказать ни одного слова в свое оправдание. Толпа опять зашумела, послышались возгласы: «Таких судить!» И, поскольку общественность требует передать дело Николая в суд, подполковник дал команду милиционерам отправить подсудимого в КПЗ (камера предварительного заключения). Подошли два милиционера, наложили руки на свою жертву, вывели и увезли по указанному адресу. Так закончился вечерний атеистический спектакль, предназначенный для городской общественности.

XXXXXXXXXXXX

Хочется вкратце коснуться дальнейшей судьбы Николая и его неверующего отца. Следствие велось больше месяца и во время следствия оказалось, что и отец был соучастником в покушении на жизнь жены, с целью принести ее в жертву. Арестовали и отца. И вот, находясь в камерах, в ожидании суда, они никогда бы не подумали, что их мелкий, семейный конфликт достигнет слуха органов власти, попадет к прокурору и они используют этот конфликт, чтобы опорочить верующих и строго наказать Николая, как активного проповедника Евангелия.

Отец Николая был спокойным, уравновешенным человеком. Мать же, наоборот, была психически больная. И вот однажды, как стало известно из рассказа сына, между родителями возник спор. Мать сильно разозлилась, схватила утюг и ударила отца по голове. Травма оказалась опасной, пришлось везти в больницу, чтобы там отцу оказали медицинскую помощь. Наложили скобки и вернулись домой. Прошло некоторое время и мать опять налетела на мужа и поколотила его. Он же, зная ее психическое расстройство, не стал связываться, чтобы дать ей «сдачи». Сын услышав шум, поспешил отцу на помощь. Оба они старались успокоить разбушевавшуюся мать, но она впала в такую ярость, что они двое не могли с ней справиться и решили положить ее на кровать и привязать ее к кровати, чтобы она успокоилась. Лежать привязанной ей надоело и она начала просить, чтобы ее развязали. Отец и сын спросили, будет ли она еще драться, она пообещала, что не будет и с этим условием ее отвязали. Тут она выбежала на улицу и начала кричать, что сын с отцом хотели принести ее в жертву. Кто-то из соседей подсказал ей, или она сама сообразила бежать с этой жалобой в милицию, а те охотно ухватились за такую «сенсацию», передали дело в прокуратуру, а кэзэбисты решили использовать его, как основной аргумент, порочащий верующих, на своем вышеупомянутом судилище. Мама увидела, что она натворила, до чего дошло дело и начала хлопотать об освобождении: обращалась и в милицию, и к прокурору, но все старания ее были напрасны.

Пришел день суда, зал наполнили зрители. Враги христиан злорадствовали, были довольны, что достигли своей цели. Верующие же, пришедшие разделить горе безвинных людей, глубоко им сочувствовали, возмущаясь беззаконием властей. Жаль было смотреть на мать, как она, бедная, терзалась, слушая свои показания против своего единственного сына и против мужа. Совесть ее проснулась и заговорила в ней так, что она без конца терзалась и мучилась. Она выкрикивала, требуя освободить подсудимых, своим поведением она нарушала порядок и судья потребовал вывести ее из зала суда. Она стучала в дверь, бегала под окнами и никак не могла успокоиться. Я сидел в зале суда, наблюдал все это и подумал: какое страшное мучение совести придется переживать тем нераскаянным грешникам, которые предавали невинных христиан на ужасные страдания, на мученическую смерть! О, это ужасно! Угрызение совести ожидает не только предателей, но и всех нераскаянных грешников, к которым Бог, может быть долгие годы, стучит в сердца через проповедь Слова Божия, желая пробудить их от греховного сна, спасти от вечной гибели. Но они, пренебрегая Его любовью, подвергают себя вечному осуждению.

Для многих сознание своей греховности и необходимость в покаянии придет слишком поздно. Подобно этой бедной матери, которая поняла свой неразумный поступок слишком поздно и, несмотря на ее слезы и активную защиту адвоката, к сожалению, положение изменить было невозможно – судьбы, после краткого совещания вышли, все в зале встали и судья торжественно зачитал решение суда: Именем советского закона Николая осудили на три года лагерей, а отца на год.

Вот так советский режим мог невинного человека превратить в преступника, состряпать «дело» и отмерить максимальный срок наказания. По этому поводу в народе бытует поговорка: «был бы человек, а дело найдется» и это действительно соответствовало этой поговорке; это был главный фактор советского правосудия, а особенно в отношении к людям верующим.

Хорошо помню нашу первую встречу с благословенным Богом евангельским миссионером, братом Ярлом Николаевичем Пейсти. Это было летом 1965 года, еще до нашей поездки с христианской делегацией в Москву на прием к Л.И. Брежневу.

Мы много слышали его прекрасных проповедей по радио и нам очень хотелось увидеть его лично, познакомиться с ним, рассказать о нашей духовной жизни и ее проблемах. И вот, после длительного ходатайства наших братьев перед властями о разрешении на его приезд в нашу страну, он, наконец, получил это право, но только не как миссионер, а просто как турист, без права выступать с проповедью. И когда к нам в Дубно дошла весть о том, что брат Пейсти

прибыл в Москву и в определенный день приедет в Киев, то наша поместная церковь решила послать своих представителей на встречу с высоким гостем и дорогим братом. В эту делегацию вошли три брата: Гриша, Онуфрий и я. Прибыв в Киев, мы сразу направились в канцелярию ВСЕХБ, чтобы узнать время прибытия Пейсти, Леоновича и других сопровождавших их братьев. Во время короткого посещения канцелярии, старшие братья союза затронули вопрос о разделении в церквах и в беседе сразу поняли, что мы не поддерживаем их взглядов и на наш вопрос о времени приезда гостей, уклонились дать точный ответ.

В канцелярии присутствовал областной пресвитер по Ровенской области, брат Радчук Петр. Он вышел за нами и по секрету сообщил нам, в какое время и каким поездом приедут наши долгожданные гости. Мы несказанно обрадовались нужной информации и поспешили в молитвенный дом на Ямской улице. В связи с тем, что должны были приехать и американские гости, народа собралось столько, что все не поместились в зале и многие стояли во дворе. Войдя во двор мы увидели многих знакомых мне братьев и сестер и, не ожидая конца собрания, тихонько сообщили им о приезде гостей и, что после собрания сразу же нужно добираться на железнодорожный вокзал, так как время прихода нужного поезда приближалось.

Чтобы не вызвать подозрения милиции, мы решили до прибытия поезда ждать на пригородном вокзале. Там разместились друзья, которые приготовили поздравительные открытки, личные письма и некоторые документы нашего отделенного братства для передачи Ярлу Николаевичу. Когда оставалось 10 минут до прибытия Московского поезда, мы все собрались на перроне. Подошел поезд, вышли братья и здесь произошла радостная встреча с теми, которых так много слушали с проповедями по радио, но никогда не видели. Наши друзья первыми подбежали приветствовать гостей и вручить то, что было подготовлено. В сторонке стоял старший пресвитер по Украине брат Мельников с женой и не имели возможности из-за многолюдства подойти к гостям. Желая обратить на себя внимание, он громко сказал: «Я вас встречаю от имени ВСЕХБ!» А наши братья и сестры, услышав такое официальное, гордое заявление, громко воскликнули: «А мы вас встречаем от имени гонимого братства!» Окружили гостей, подхватили их под руки и повели на привокзальную площадь к предварительно заказанным такси.

Гости отправились на Крещатик в гостиницу «Дніпро», братья за ними, а брат Мельников с женой взяли такси и поехали в гостиницу «Интурист», а когда там гостей не оказалось, они поехали их искать тоже в «Дніпро». Наши друзья до приезда Мельникова успели ближе познакомиться с гостями, кое-что рассказали брату Пейсти и узнали номер его комнаты. На другой день утром Киевские братья нашли нас и поручили нам, к десяти часам утра поехать в гостиницу встретиться с братом Пейсти и познакомить его с жизнью нашего гонимого братства. Нам никогда в жизни не приходилось пользоваться гостиницей и, придя туда, мы немного смущались, не зная, как вести себя, как пользоваться лифтом (ведь у нас в Дубно такой техники еще не было). Не желая выглядеть «серенькими дяденьками с периферии», решили посидеть в вестибюле и немного присмотреться. Я купил в киоске польскую газету, сел на диван подальше от своих братьев и заложил ногу на ногу, воображая себя иностранцем, и стал читать газету, незаметно временами посматривая по сторонам.

Швейцар в своей служебной форме с лампасами, как генерал, прохаживался по вестибюлю, поглядывая в мою сторону и изучая меня. Я поднялся и, не решаясь подниматься в лифте, пошел по ступенькам. На четвертом этаже нашел 620-ю комнату, но она оказалась закрытой. Я сошел вниз, где мои братья сообщили мне, что Ярл Николаевич зашел в гардеробную. Здесь мы остановились и стали ждать его выхода.

Советские служащие, и особенно швейцары, были хорошо проинструктированы кэзбистами, за кем нужно смотреть, подслушивать разговоры, особенно следить за теми, кто общался с иностранными туристами. Но, несмотря на все это, мы имели возможность обменяться несколькими словами и, возможно, наша беседа продолжилась бы, но у дверей

появились братья из ВСЕХБ, Пейсти извинился и поспешил в свой номер, чтобы собраться для поездки с братьями в их канцелярию. Он вошел в лифт – и я за ним. Мне хотелось наедине решить с ним некоторые вопросы и, когда мы с ним вышли, я извинился и попросил уделить мне несколько минут. Присели в вестибюле и заговорились так, что он забыл за ожидающих его братьев. Вспомнив, он вскочил с места, я поблагодарил его, мы договорились о следующей встрече, я еще раз извинился и по лестнице сошел вниз. Братья были недовольны, что им пришлось долго ждать.

Мы вышли и пошли сообщить братьям о нашей беседе, радуясь тому, что, хотя кратко, но все же беседа состоялась. Мои братья уехали домой, а я оставался в Киеве еще целую неделю, чтобы провожать потом братьев-гостей до Бреста.

На следующий день, по нашей договоренности, я опять имел с братьями встречу в гостинице, в нижнем вестибюле. Сидели мы за столом у окна и, посматривая на улицу, беседовали на интересующие нас темы. Швейцар увидел нас и, по долгу своей службы, захотел подслушать наш разговор. Он, прохаживаясь, останавливался около нас сначала вдали, а потом все ближе и ближе. Затем, без всякого стеснения, остановился совсем рядом, заложил руки за спину, повернулся к нам спиной и так стоял, будто бы рассматривая содержимое газетного киоска, а сам искоса посматривал и прислушивался к нашему разговору. Мы сразу же разгадали его маневр и брат Пейсти, кивком головы, указывая на подслушивающего, дал нам понять, что нужно перейти на другую тему. Во время беседы я спросил их, когда они будут уезжать, каким поездом и номер вагона с тем расчетом, чтобы и себе взять билет в тот же вагон. После беседы я опять пошел к нашим Киевским братьям сообщить о нашей беседе, о дне и часе отъезда гостей, а также о моем намерении сопровождать их до самого Бреста.

Братья обрадовались моему решению уделить внимание гостям и иметь возможность для более подробных бесед с ними. Они предложили мне средства для угощения братьев — все было предусмотрено. Осталось мне поехать в городскую кассу предварительной продажи билетов, чтобы купить билет, но прежде я еще раз пошел в гостиницу, но на сей раз удача не сопутствовала мне. У гостиницы стояли наши сестры Вера и Маша и ожидали возвращения братьев. Когда братья подъехали, сестры начали беседовать с ними. Я прошел мимо них туда и обратно и не стал подходить, ждал, когда братья освободятся и войдут в гостиницу.

Сестры, после беседы, проходя мимо меня, незаметно шепнули: «Будьте осторожны: за вами следят, лучше уходите». Я сразу не поверил им, но все же, не спеша, шел с ними не оглядываясь. Они же утверждали, что нас преследуют двое молодых мужчин и Вера сказала Маше:

- А ну-ка, Маша, посмотри, где эти кэгэбисты?

- Идут за нами,- оглянувшись, ответила Маша.

Мы прибавили шагу и пошли по Крещатику. Они увидели, что мы удаляемся от них и зашагали быстрее. Сестры, видя такую ситуацию, поспешили отойти в сторону, а я вошел в подземный переход и бегом перебежал на другую сторону улицы. Забежал в Универмаг, прошел через торговый зал и, изредка оглядываясь, вышел в другую дверь. Потом зашел в следующий магазин и, убедившись, что преследователи потеряли меня из вида, я пешком направился в предварительную кассу. Купил билет, но, к сожалению, в другой вагон. Билет в тот вагон, в котором ехали братья, мне не дали.

Когда я встретился с сестрами, то они мне рассказали, как преследовавшие меня кэгэбисты побежали за мной в подземный переход и выбежав оттуда, остановились, осмотрелись и направились в Гастроном.

- Мы, когда увидели, что они побежали за вами,- говорили сестры,- чтобы вас поймать, то мы очень беспокоились и переживали. Нас осуждала совесть за то, что мы оставили вас одного, но, слава Богу за благополучный исход.

На вокзале собралось очень много нашей молодежи с цветами и подарками, они пришли проводить гостей. Брату Пейсти вручили прекрасный букет цветов, Леоновичу подарили балалайку, а третьему брату-англичанину, сопровождавшему их, вручили на дорогу большой пирог.

Я стоял в тамбуре соседнего вагона, наблюдал всю картину проводов, радуясь в душе, что Киевские друзья так дружно, с любовью, безбоязненно пришли на вокзал и уделили дорогим гостям столько внимания. Присутствовали на проводах и два старших брата из канцелярии ВСЕХБ, но за многолюдством они не смогли подойти, стояли в стороне и наблюдали. Они выделялись тем, что во время пения псалмов не снимали своих головных уборов, наверное посчитали это для себя неприличным, а может быть им неприятно было слышать гимны, повествующие о страданиях христиан в северных лагерях? Кто знает, время было злое и лукавое.

Вдоль вагона выстроились милиционеры и не допускали провожающих подходить близко, мотивируя свой запрет «заботой», чтобы кто-либо не попал под поезд. Поезд тронулся с места, некоторые молодые еще немного пробежали вдоль вагона, помахали руками на прощанье. Уходя из тамбура в вагон, братья заметили меня и весело улыбнулись, а через несколько минут брат Пейсти пришел искать меня, чтобы пригласить в ресторан поужинать вместе. Народа в ресторане было много, но мы нашли в углу столик, под которым были сложены ящики. Здесь нам было очень неудобно, но другого, лучшего места не нашлось. Пока мы пристраивались поудобнее, Ярл Николаевич, опередив меня, заказал ужин и, когда все было подано, мы, сидя помолились, чтобы не привлекать к себе излишнего внимания и приступили к трапезе. Ужиная, мы тихонько беседовали между собою. Брат англичанин после ужина, не понимая нас, ушел на отдых, а мы продолжали сидеть, попивая чаек, лишь бы продлить общение и больше побеседовать и, хотя кое о чем рассказать брату – о положении верующих, поднявшихся на защиту дела Божия.

Еще во время ужина к нам подошел наш брат Саша Назарук. Он тоже присоединился к нашему ужину и дополнил беседу о проблемах нашего братства. Наша беседа и чаепитие продолжилось до двенадцати, т.е. до закрытия ресторана. Потом мы встали, поблагодарили Бога за пищу и за такое приятное общение с нашими гостями. Саша распрощался, т.к. ему необходимо было сойти раньше, а я следовал с гостями до города Бреста. Не доезжая до Бреста, брат Пейсти опять пришел звать меня в ресторан на завтрак, а после завтрака нужно было уже собираться, поезд прибывал на станцию Брест. Я простился с братьями и, выйдя из вагона, увидел большую группу верующих – Брестской молодежи, которые пришли на свидание с гостями, Гости наши были очень рады, что и в Бресте их так радушно встречают, но, к сожалению, эта встреча была очень краткой: братья, простившись, поспешили в таможенню.

По совету братьев, я оставил им свой «дипломат» (чемоданчик), в котором были магнитофонные кассеты, а сам отправился на автовокзал. Они должны были приехать меня провожать и привезти мои вещи. Это было нами предусмотрено, чтобы не попасть в неприятность. Когда мы ужинали в ресторане и беседовали, то за нами наблюдали кэбисты и я понял, что свою «работу» они доведут до конца. И в этом я не ошибся. Хотя я сам и не замечал, но друзья, пришедшие меня провожать, подсказали мне, что за мною охотятся двое мужчин, переодетых в гражданскую одежду. Заметив мое сомнение, братья отозвали меня в сторонку и, незаметно, указали мне на этих двух парней. Оказывается, когда я стоял в очереди за билетом, то один из них стоял за мной и прислушивался, куда я заказывал билет, а второй,- сказали братья,- вон тот, в серой кепке, стоит у дверей и все время за вами наблюдает. Вот, давайте, испытайте,- продолжали они,- давайте пойдём в зал ожидания и вы увидите, что они последуют за вами.

Мы прошли в зал, заняли скамейку, сидим, разговариваем и незаметно смотрим за их поведением. И вдруг один из братьев говорит:

- Вот они уже здесь стоят и смотрят, куда же мы делись.

Мы посидели еще немного, встали и пошли в кассовый зал. И они за нами. И когда мы всей группой, стоя у стены разговаривали, один из них подошел к дежурному капитану милиции и, очевидно, не желая себя выдать, передал свое «дежурство» капитану МВД. Я стоял спиной к залу и не обращал на них внимания, но друзья наблюдали за ними.

- Капитан быстрым шагом идет к нам.- сказал один из друзей.

Я продолжаю стоять, как ни в чем не бывало. Вдруг капитан подходит ко мне, берет «под козырек» и говорит: «Разрешите провести вас в кабинет начальника вокзала».

Я последовал за ним, а друзья – за мной. Он открыл кабинет и войдя, закрыл дверь изнутри. Потом пригласил меня сесть и начал допрашивать. Первый вопрос ко мне был: «С какой целью вы приехали в Брест?» На это я ответил, что цель моего приезда – посмотреть город, крепость. Рабочие нашего производства организованно приезжали на экскурсию, а я тогда не смог приехать, а вот сегодня мне такая возможность предоставилась,- ответил я.

- А откуда приехали, где живете?

- В Дубно,- отвечаю.

- А где это Дубно?

- В Ровенской области.

Он потребовал предъявить паспорт, посмотрел и сказал:

- Значит, цель вашего приезда, посмотреть город?

- Да,- сказал я.

- Ну, тогда извините, вы свободны.

Когда я вышел, то увидел, что друзья мои стояли и переживали, ожидая меня. Я рассказал им о допросе, они обрадовались, что все обошлось, проводили меня на посадку и сказали, что охотившиеся за мной, давно исчезли. Вручили мне дипломат, посадили в автобус, я поблагодарил, попрощался и автобус отправился на Дубно, за 250 км. от Бреста. Господь благословил мой путь и я благополучно прибыл в свою семью, где меня с нетерпением и тревогой ожидали мои дорогие. Мы вместе поблагодарили Бога, радуясь встрече. Было много о чем рассказывать им, они внимательно слушали, а особенно моя Галочка. Она всегда просила меня рассказывать ей все до мельчайших подробностей, от начала и до конца и, слушая, она, как бы сопереживала вместе со мной все неудачи и радовалась удачам.

Хочется вкратце вспомнить еще один эпизод того времени. Это произошло во Львове, на Погулянке. Однажды Львовские верующие решили провести евангелизационное собрание на лоне природы, куда были приглашены проповедники, хористы из других церквей и Брестский духовой оркестр. Многие верующие приехали в субботу и вечером мы провели молитвенное богослужение на квартире одного брата, на котором были вознесены горячие молитвы к Богу, прося у Него благословения на предстоящее воскресное собрание. После собрания братья решали организационные вопросы. Для проведения воскресного собрания было выбрано прекрасное место. Но утром, прежде чем направлять туда людей, некоторые братья поехали в разведку и сообщили, что там ожидает нас наряд милиции, чтобы помешать нам осуществить намеченное мероприятие. Пришлось, на ходу, менять место. Собрались мы в загородном лесопарке «Погулянка». Народа собралось много, около тысячи человек, все в радостном настроении ожидали начала собрания. Задержка была за духовым оркестром. Они, оказывается, долго блуждали, пока нашли место нашего собрания и когда, наконец, мы увидели их приближающихся, все обрадовались и ободрились.

Еще до начала нашего собрания начала стекаться группами веселая, разгульная безбоязненная молодежь, направленная органами КГБ и милиции, чтобы помешать проведению собрания. Собралось их очень много, столько же, как и нас. Они принесли с собой гитары, магнитофон, мячи и расположились рядом с нами. Вели себя развязно: включили свою шумную музыку, полуобнаженные начали плясать, играть в мяч и подняли невообразимый шум так, что

братьям пришлось их не однократно успокаивать. В помощь им подключилась невдалеке стоящая от нас танковая воинская часть и, несмотря на то, что у них был выходной день, танкистам дана была команда завести танковые двигатели, чтобы глушить наше собрание.

Местные братья-служителя поручили руководить богослужением брату Иосифу Бондаренко, который недавно побывал с группой делегатов на приеме в правительстве по вопросу дискриминации и гонения верующих. Иосиф предложил всем верующим подойти ближе, стать плотным кольцом и окружить детей и пожилых верующих. Хор и проповедники. Приглашенные к участию в служении, стали в центре, а снаружи, по краям кольца были поставлены молодые, сильные физически братья для наблюдения за порядком и охраны от возможных хулиганских проявлений со стороны неверующих. Таким образом образовался стан народа Божия, в котором должно было прославиться Имя Господне.

В начале служения совершили молитву, прося у Бога благословения на предстоящее богослужение и на Его защиту от богопротивников, замышляющих помешать нашему собранию. Затем был пропет христианский гимн «Друзья, взшло светило и правды и добра», эту же мелодию проиграл и духовой оркестр. Все ободрились и казалось, что каждый был готов стоять до конца в проломе за дело Божие. Прошло с полчаса времени и вот приехали пару машин милиции. Они вышли из машин, подошли к нам ближе и стояли, слушая и присматриваясь к выступающим с проповедями. Постояли немного, а потом потребовали прекратить собрание и разойтись, но физической силы не применяли. Видя наше неповиновение их приказу, вызвали машину, оснащенную мощными рупорами и магнитофоном с записью шумной эстрадной музыки и включили ее на всю мощь, заглушая нас. Глушение было настолько сильным, что продолжать служение стало бессмысленно и невозможно: танки ревели, безбожная масса молодежи неистовствовала – плясали, пели, но больше всех глушили рупоры, а милиционеры стояли улыбались, довольные, что добились победы в борьбе с «врагами коммунизма».

Братья бегали к машине, просили прекратить глушение, но все было безрезультатно – слуги добросовестно выполняли приказ своих хозяев. Видя такое положение, Иосиф возвысил голос и сказал:

- Блюстители порядка! Просим вас, прекратите ваше умышленное глумление, в противном случае вся эта публика отправится в город и устроим собрание на самой большой площади города!

За первым разом «блюстители порядка» не среагировали на это заявление и просьбу. Тогда Иосиф еще громче повторил эти слова и они прекратили глушение. Затем Иосиф обратился к шумящей публике, подняв высоко руку с какими-то бумагами и громко заявил:

- Если вы успокоитесь и не будете мешать нам проводить служение и будете внимательны, то я в конце собрания расскажу о моей встрече с Правительством.

Некоторые успокоились, подошли поближе и слушали. Но было несколько человек ярых безбожников, которые дальше «не могли терпеть такой религиозной пропаганды» и, возможно, с холодным оружием в карманах пытались пробраться в стан народа Божия и напасть на служителей. Братья предвидели, что подобное может произойти и, когда возникло несколько таких попыток, то наша сильная охрана воспрепятствовала им и не допустила нарушить ход служения. Но одному из них все-таки как-то удалось пробраться вглубь стана, братья во время заметили и преградили ему путь. Когда же он приложил усилия, чтобы пробраться к Иосифу, возможно со злым намерением, его взяли и вытокнули за стан. Его товарищи выступили ему на помощь, поднялся шум и суматоха, дело доходило до потасовки. Братья начали щелкать фотоаппаратами, чтобы запечатлеть истинных нарушителей порядка, им это не понравилось, они кинулись отнимать фотоаппараты. Кто-то из наших крикнул капитану милиции:

- Эй, вы, блюстители порядка! Что вы стоите и смотрите безучастно? Приведите бесчинствующих к порядку, это же ваша прямая обязанность!

Неохотно, но все же подошли и успокоили мятежников. После маленького вынужденного перерыва, служение продолжилось дальше: пел хор, играл оркестр, звучала проповедь Слова Божия – все шло своим чередом, даже шумевшая толпа выдохлась, успокоились и затихли, а мы продолжали славить Господа за дарованную победу над сатаной и его темными силами зла.

Время собрания приближалось к концу, время подошло начинать вторую часть – трапезу любви, которую львовяне приготовили и давно уже должны были доставить сюда, но по не известной причине где-то задержались. Иосиф, после собрания, громко объявил народу просьбу местных братьев – не расходиться, а подождать обеда. Но, если наш обед арестован в пути, тогда придется нам разойтись голодными, но пока будем ждать. Прошло несколько минут и прибыла одна машина с продуктами, а другую машину с компотом и лимонадом милиция все же задержала и не допустила.

Пока друзья «накрывали столы» на раскатанном бумажном шпалере, к братьям и Иосифу, стоящему среди проповедников, начали подходить неверующие с различными духовными вопросами и с просьбой рассказать о встрече с правительством. После краткой беседы он обратился к публике и сказал:

- У нас уже стол накрыт и мы всех приглашаем к обеду, даже и тех, которые нас глушили, они тоже потрудились и проголодались. И, хотя наш компот арестован – будем кушать всухомятку.

Только несколько душ осмелились подойти, а основная масса стояли и наблюдали: что же будет дальше?

Совершили молитву и уселись на травке вокруг длинного стола, а некоторые начали с поспешностью угощаться стоя. И во время обеда пару раз к нам подходили кэгэбисты в гражданском и настойчиво требовали, чтобы Иосиф подошел к ним. Но мы, зная их злые намерения, не разрешили ему выходить к ним и в ответ на их требования Иосиф сказал, что ему некогда выходить и продолжал кушать. Они зло смотрели на нас, но применять силу не решались. Мы хорошо понимали их намерение: схватить Иосифа, когда будем идти, а поэтому, продолжая кушать, тихонько посоветовались и решили не отлучаться и его одного не оставлять, но сопровождать до трамвая. Так и сделали.

После обеда поблагодарили Господа за все, взяли Иосифа под руки в среду группы братьев и направились в город. Кэгэбисты всю дорогу, со всех сторон подходили, ища удобного момента схватить Иосифа, но им так и не удалось осуществить свой коварный замысел. Мы подошли к трамвайной остановке, несколько наших групп уехали, мы же не захотели больше делиться и так, как не могли даже спаренным трамваем уехать все вместе, то решили добираться в центр пешком. Зашли в переулок, переодели Иосифа в синий плащ, я надел ему на голову свою вельветовую зеленую шляпу и продолжали путь. Мы направились на центральную улицу и, вдруг, нам путь преградили восемь мотоциклов и несколько легковых автомобилей с милицией. Они не разрешили выходить нам на центральную улицу, а направили идти глухими переулками, чтобы там напасть на нас и арестовать. Нужно было опять возвращаться на трамвайную остановку. Дождались почти порожнего старенького трамвая, сели и уехали. Иосиф занял переднее место и ни с кем не разговаривая, как будто бы он совсем не из нашей компании и нас не знает, одел темные очки и, не снимая зеленой вельветовой шляпы, посматривая через окно трамвая, вместе с нами направлялся в центр города.

На следующей остановке к нам в трамвай вошли те двое кэгэбистов, которые все время нас преследовали. Они прошли по вагону, ища Иосифа, но не узнали его и вышли «не солоно хлебавши». С нами ехал верующий солдат со своим отцом, инвалидом войны, они присутствовали на нашем собрании. Его там увидели кэгэбисты, говорили с ним и сообщили в военную комендатуру. И вот, обогнала нас военная машина, в кузове которой сидели человек пятнадцать солдат-кэгэбистов. Они остановили трамвай, командир подошел и приказал солдату выйти. Он вышел, а за ним следом соскочил на одной ноге и его отец. Их посадили в кузов и

увезли. Бедный солдат немного переживал, зная, что придется претерпеть наказание за участие в собрании, вряд ли выручит его и отец-инвалид.

Подъезжая к центру, мы посоветовались с Иосифом и предложили ему, что мы все выйдем на следующей остановке и разойдемся в разные стороны, чтобы сопровождающая нас милиция не знала, вышел ли ты, или нет. А ты, с двумя братьями выйдешь на предпоследней остановке. Сокращая свое повествование, хочу сообщить, что, несмотря на все старания кэзэбистов поймать Иосифа с помощью милиции, которая ожидала его в центре на конечной остановке, а потом на автостанции, чтобы схватить его – им это не удалось. Господь чудесным образом и на сей раз сохранил Своего служителя и избавил от рук преследователей. Но пришло время, когда его все же взяли и осудили. На суде ему приурочили и этот случай к его обвинению.

О, сколько повсеместно, за эти десятилетия было сильных гонений и преследований, воздвигнутых безбожными властями на верующих, сколько пришлось пережить детям Божиим за верность Ему! Можно было бы написать сотни томов, какой ценой отцы и матери отстаивали своих детей от пагубного влияния атеизма, защищая и отстаивая дело Божие! Возможно наши христианские историки и опишут все эти испытания, постигшие христиан нашего времени для грядущих поколений, осветят всю тридцатилетнюю историю борьбы нашего евангельско-баптистского братства. Разные толки были и будут среди верующих об этой борьбе и каждый дает свою оценку, но самую правильную и точную оценку даст в свое время Бог, Который записывает все наши деяния в Свою Памятную Книгу. Он оценит эту борьбу, что было по Его воле, а что было и по воле человеческой.

С каждым днем власти все более ужесточали преследование нашей не зарегистрированной церкви. Они сильно восстали на брата Гришу за предоставление своего дома для проведения богослужений и мы вынуждены были собираться по квартирам. Собрания наши часто нарушались милицией: Они внезапно врываются в квартиры, где проходило служение, старались разогнать нас, штрафовали хозяина квартиры на большую сумму, всячески угрожали. Они начали проводить обыски у некоторых передовых наших братьев, одним словом – собирали материалы для суда. Меня, как одного из главных организаторов подполья, некоторое время не беспокоили, наверное с той целью, чтобы вызвать ко мне недоверие и подозрение со стороны наших братьев. Но долго и мне ждать не пришлось, пришла и моя очередь. Помню, как сейчас, зимой, на рассвете, в семь часов утра, 8 января 1976 года кто-то постучал в дверь. Галочка была на кухне и поспешила открыть. Оказалось, что нас “посетила” милиция и двое мужчин в гражданском, это были понятые. Они шли на работу, но их задержала милиция, чтобы они присутствовали, как свидетели, при обыске. Они были нашими недалекими соседями. Жена сразу поняла, что будут проводить обыск и сообщила мне. Я в то время находился в спальне и что-либо прятать было уже поздно, успел только схватить Библию и Песенник и сунуть в карманы, как в комнату вошел старший лейтенант и предъявил мне санкцию на обыск в доме и в надворных постройках. Санкция была выдана областным прокурором Булгаковым, старшим советников юстиции. В постановлении на обыск было написано, что в Ровно следователь, ст.лейтенант милиции Систук занимался рассмотрением дела № 377 “О нарушении правил о валютных операциях Малиновской Е.А., нигде не работавшей и занимавшейся продажей золотых монет царской чеканки”.

Принимая во внимание, что по месту жительства Бороденко Владимира Поликарповича, проживающего в г.Дубно, ул.17 Сентября,128 могут находиться деньги и ценности, принадлежащие Малиновской, производится настоящий обыск.

В связи с делом этой женщины, которой я никогда не знал, следователь решил “поискать ее золото в нашем доме”. Под этим предлогом, во время обыска у нас была изъята духовная литература, бюллетени Совета родственников узников, журналы, блокноты духовного

содержания, послания Совета Церквей ЕХБ, магнитофон, кассеты и всё то, на основании чего можно было сострять уголовное дело. Когда я заявил им, что у нас нет никаких золотых ценностей, они все же приступили к своему злему делу. Начали все выбрасывать из шкафов, тщательно проверять. Составили акт, в который записали все то, что было изъято. Когда же наткнулись на Олину шкатулку с “Золотыми стихами” из Евангелия, то ст. лейтенант заулыбался и сказал: “А вот и золото, полная шкатулка, а вы говорили, что золота нет”.

Во время обыска наружная дверь была закрыта и никому не разрешалось входить и выходить в дом и из дома. Всего изъято было 74 наименования и 52 штуки больших магнитофонных лент и кассет. Жаль было терять то, что многие годы приобреталось и что ценилось больше, чем материальные ценности. Но особенно жаль было памятной записи на кассете общения многих старых друзей, проводившегося в нашем доме. Это была для меня очень ценная запись; на ней были записаны выступления каждого из наших друзей: одни оставили на память прекрасно исполненный гимн, другие рассказывали стихотворения, пожелания – все это было неповторимо и прекрасно и для нас было очень больно расставаться с этим.

Обыск длился весь день и, хотя золота, которого они и не искали, не нашли, но зато нашли “нелегальщину”: Библии, песенники, законно напечатанные в Москве, одним словом – забрали все. Рабочие, шедшие с завода, увидели, как милиция погрузила свои трофеи на машину и пошли среди людей различные толки: одни говорили, что у Бороденка набрали пару мешков литературы, другие сочиняли еще что-либо. Даже пустили молву, что у нас была забрана разная аппаратура, подпольная радиостанция, через которую я имел связь с Америкой и многое другое. Люди с любопытством ожидали, что же предпримут власти к такому “шпиону”? Ждать от кэббистов объективного и справедливого решения своего вопроса мне тоже было бесполезно, скорее всего нужно было сушить сухари, потому что дальше терпеть меня на свободе они не станут. Материала, чтобы меня осудить по их неписанным законам было уже предостаточно.

Некоторые авторитетные братья-служителя, узнав о моем положении, во избежание судебного процесса, посоветовали мне выехать в Прибалтику. Дополнительной причиной моего выезда еще послужили трудности в устройстве на работу не только мне, но и моим детям, а также и некоторые разногласия в поместной церкви. Поскольку я не нес пресвитерского служения, а был только проповедником, я решил прислушаться совета братьев, основываясь на Словах Иисуса Христа из Евангелия от Матфея 10 гл.23 ст.: “Когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой”. По поводу моего решения в церкви были разные толки: одни братья осуждали, не желая отпустить нас, другие были не против нашего выезда.

В Дубно мы прожили 25 лет, активно участвовали в жизни церкви: я служил Словом, а также с Петей участвовали в духовом оркестре, пели в хоре, Галочка была солисткой. В этом городе у нас было много друзей, знакомых; много было пережито благословенных дней, а также было немало горьких и скорбных дней, которые мы делили с нашими дорогими, близкими сердцу, друзьями. Вместе с ними мы все приносили в молитвах наших к Господу и Он всегда посылал Свою помощь, поддержку и благословения. Но вот все это неожиданно прервалось, Бог приготовил для нас другой путь, другие условия жизни и мы стали готовиться к переселению в другую республику. Жена моя в этом вопросе была солидарна со мною; этот вопрос мы вместе решали на коленях пред Господом. Конечно, жаль было расставаться с церковью, с друзьями, а также жаль было оставлять свой большой, уже обжитый, прекрасный дом, построенный с такими огромными трудностями. Жаль было и нашего молодого, плодоносного сада, в котором были различные сорта яблок, два сорта груш, вишни, кусты винограда, смородины, крыжовника – все это, с большой любовью, было выращено своими руками. Дом наш был кирпичный, размером 10X9 м. с мезонином, общей полезной площадью 110 кв2, состоящий из 5-ти комнат, в том числе зал – 20 м2. Две спальни было в чердачном помещении, с выходом на фасадный балкон; на второй балкон выход был из коридора. Была кухня, два коридора, веранда и подвал.

Жилая площадь составляла 78 м². Все было прекрасно спланировано и построено своими руками. Дом обогревался водяной системой, топили углем. К дому был подведен и водопровод.

С нашей человеческой точки зрения казалось – все было прекрасно устроено, все условия для того, чтобы жить, радоваться, пользуясь всеми этими благами, которые не все еще имели в то время, благодарить

Бога, воспитывать деток в послушании и страхе Божиим. Но мы предполагаем, а Бог располагает. Мы часто строим наши планы и лелеем их в душе, но Господь предусматривает о нас другое, нечто лучшее. Он помещает нас в такие обстоятельства, где бы мы научились полностью повиноваться Его святой воле и часто Он в этих обстоятельствах переплавляет нашу веру, как золото, путем огненных испытаний, дабы приготовить нас к вечности и для этого очистить от всяких плотских примесей, ведь в Обители Его не войдет ничто нечистое.

И вот Господь положил мне на сердце переселиться, по примеру некоторых наших, во главе стоящих братьев – Дмитрия Минякова, Иосифа Бондаренко и других – в Прибалтику, там было более спокойно. Поехал я к Иосифу в Ригу, поговорил с ним, рассказал ему о своих планах переселиться, где-то устроиться на работу, купить дом. Он внимательно меня выслушал и посоветовал остановиться в городе Огре, недалеко от Риги. Просматривая объявления о продаже домов, я обошел многие улицы, присматривался к домам, но все они оказались мне “не по карману”, слишком дорогие и мне пришлось ехать в соседнюю республику Эстонию, в пограничный с латвией город Валгу.

В Валге я познакомился с некоторыми братьями и они посоветовали мне обратиться в строительную организацию, где принимают на работу, с предоставлением жилья. И вот я поехал по указанному адресу в Строительно-монтажное управление. Начальник посмотрел мою трудовую книжку, увидел, что у меня много профессий и вызвал заведующую отделом кадров. Спросили, имею ли я жилье, посоветовались и дали согласие принять меня на плотницкую работу, с предоставлением квартиры в общежитии. Назначили срок, когда я должен прибыть на работу, что в случае моего опоздания, договор будет расторгнут.

С этими новостями я поспешил обратно в Дубно, чтобы посоветоваться с семьей и решить конкретно вопрос переселения. Галочка с нетерпением ожидала моего возвращения из “разведки”. Когда я приехал, то подробно рассказал ей, как живут наши братья в Валге, как приняли меня, рассказал о культуре и быте эстонского народа. Но основной новостью было то, что меня принимают на работу в строительную организацию, с предоставлением жилья. Галочка обрадовалась такому известию, вместе обсудили этот вопрос всесторонне, поблагодарили Господа за благополучие в пути и за Его чудную заботу о нас, за благорасположение ко мне начальника, а также и за семейное согласие в данном вопросе.

Так, как время для сборов было ограниченным, пришлось сразу браться за дело: провел технический осмотр своего “Жигуля”, подготовил все необходимое, снялся с паспортного учета, выписался и был готов уезжать. Но, когда о моем выезде узнал наш молодой брат Вася Манзюк, которого власти без конца преследовали и угрожали, то он тоже решил ехать со мной и мне пришлось его подождать.

И вот утром, 10 марта 1976 года, мы с Васей простились со своими семьями, совершили молитву, прося Божьего благословения на наш предстоящий путь, на наши, остающиеся пока семьи, и отправились в неизвестный дальний путь. Дорога была очень опасной – местами сплошной лед, особенно в Болоруссии, в лесах. Там были глубокие ледяные колеи и приходилось ехать со скоростью не более 30-40 км.в час. Но, когда въехали в Литву, а потом в Латвию, здесь дороги были хорошо очищены и мы продолжали свой путь уже с нормальной скоростью. Ехали без отдыха всю ночь через города: Луцк, Ковель, Брест, Слоним, Вильнюс, Паневежис и к шести часам утра мы въезжали в предместье Риги.

Проезжая Литву, мне впервые пришлось пережить неприятное ощущение от наезда на зайца. Бедняга, не успел перебежать дорогу: свет от фар машины ослепил его и он попал под

колеса. Покалеченный, отбежал немного от дороги в снег и в предсмертной агонии сильно пищал. Я остановился, чтобы осмотреть машину, а Васю послал искать зайца. Слышно, что пищит, а где – никак не найти. А, когда нашли, заяц уже был мертв. Вася бросил зайца на заднюю седушку и мы, довольные трофеем и предвкушая вкусное жаркое, поехали дальше.

Напряженная поездка и бессонная ночь дали себя знать и сон овладел мною настолько, что дальше ехать было опасно и мы, несмотря на холод, решили немного передохнуть, сидя в машине.

Подремали часа полтора и, почувствовав холод, ободрились. Пока в городе еще не было интенсивного движения транспорта, поторопились проехать. Это было прекрасное солнечное утро и мы любовались Латышской природой: с двух сторон скоростной дороги росли красивые, пушистые сосны, ели; воздух свежий, пропитанный хвойным ароматом и мы, несмотря на холод, приоткрыли стекла машины, чтобы на полную грудь подышать этим здоровым, целебным воздухом.

Наша родина осталась далеко позади. Вот уже проехали последний латышский городок Стренчи, а дальше – пограничный районный городок Валка и за ручейком, сразу же начинается эстонский районный городок Валга. Перед Валкой съехали на обочину, времени было десять часов утра, мы достали свои пожитки, чтобы подкрепиться. Позавтракали, поблагодарили Господа за благополучие в пути, попросили благословения на предстоящий день и, проезжая Валку, направились в Валгу к уже знакомому мне брату Овчинникову Николаю. Он радушно принял нас. Мы предложили хозяйке свой трофей – зайца, чтобы она к обеду приготовила жаркое. Но, к сожалению, жаркое кушать нам не пришлось. Долго чистили машину после зайца – вся седушка покрылась шерстью. Заяц оказался большой и старый. Когда Вася закончил уборку, мы сразу, не отдыхая, поехали в контору для оформления на работу. После оформления нас направили в общежитие. Здесь нам предоставили хорошую комнату – чистенькую, теплую, выдали постель, спецодежду. На общей кухне готовили себе еду. Всеми этими благами мы были очень довольны. Правда, возникла проблема с гаражом, негде было ставить машину, но со временем и этот вопрос решился. Пару дней отдохнули после дороги и 15 марта вышли на работу. Повезли нас автобусом в село, в расстоянии 20 километров от города, кончать плотницкие работы в новом жилом доме.

Работой мы были довольны, заработок хороший, но, когда закончили этот объект, нас перевели на пилораму, где нам пришлось туговато. Я решил подать заявление на расчет, так как начальником был нарушен наш договор о предоставлении мне работы по специальности.

Прошло две недели, начальник вызвал меня и начал уговаривать, чтобы я остался, пообещал перевести на малярные работы и дать двухкомнатную квартиру в общежитии. Предложил подождать, не спешить увольняться. Я позвонил Галочке, рассказал ей о моем намерении вернуться, рассказал об обещании начальника и в конце спросил ее совета, что мне делать? Возвращаться, или ехать за ней?

- О, нет! – сказала она, - оставайся на работе, приезжай поскорее, отвезем вещи и уедем, наконец, из этого Дубно, где нам столько пришлось пережить.

Дети решили пока оставаться на месте. Лэся в то время была уже замужем за Манзюком Виктором, у них уже была двухлетняя дочурка Мируся, она родилась 1 июня 1974 года. Оля закончила в Ровно бухгалтерскую школу, а Петя вояжировал по стране в поисках работы по душе и счастья.

Галочка уволилась с работы, снялась с учета и ждала меня, чтобы ехать в Валгу. За мое короткое пребывание в Валге я познакомился с верующими баптистской церкви, заимел хороших друзей и, когда они узнали, что я хочу ехать обратно в Дубно, то усиленно упрашивали меня оставаться, потому что в церкви была нужда в проповедниках и хористах. Итак, поскольку все советовали мне оставаться в Валге, я дал свое согласие начальнику работать и дальше, но

только при условии, что мне будет предоставлена работа по специальности и двухкомнатная квартира.

- Мне необходимо, хотя бы две недели для переезда,- сказал я. Я должен съездить за семьей.

- Хорошо,-сказал начальник,- даю две недели отпуска за ваш счет, езжайте, привозите семью, а квартира вам давно готова, занимайте и живите.

Поехал в Дубно, проведая и простился с друзьями, с мамой и с родными в Садах, посетил некоторые церкви. Пробыл с недельку, а потом погрузил в пятитонный контейнер мебель, пианино, вещи, ящиков двадцать яблок и груш и отправил на товарную станцию. В тот же день попрощались с детьми, помолились, прося у Господа благословения для остающихся детей и на наш предстоящий путь и на “Жигулях” отправились в путь. Для Галочки это был долгожданный и счастливый день, когда она, впервые за 23 года, отработанных в конторе Литейно-механического завода, смогла свободно вздохнуть от долгой, изнурительной работы. Почувствовав душой такую свободную, ни от кого не зависящую жизнь, ее сердце преисполнилось радостью. Мы ехали всю ночь, нигде не отдыхая и к утру, не доезжая 30 км. до Слонима, немного заблудились. Мы так увлеклись красотой окружающей нас природы Белорусских лесов, что проехали нужный нам поворот и пришлось возвращаться. А вокруг очаровательная майская красота! Чуть забрезжил рассвет, потом начало подниматься солнышко, запах свежей зелени, чистый, прозрачный воздух и весенняя теплынь и – непередаваемо-очаровательная трель соловья! Все так сказочно-красиво, что сердце невольно, в священном трепете склоняется пред Творцом, хочется бесконечно благодарить Господа за всю красоту Его чудесных творений.

Я смотрел на свою Галочку, как она, улыбаясь, радовалась и восторгалась этой красотой, как будто впервые увидела такую прелесть. И вдруг она громко, из глубины восхищенной души запела сольную партию из псалма “Воспойте песню” – “Как прекрасна природа, Бог все сотворил! Красотою небесной все Он озарил! И на небе ярко звездочки горят, и солнце и луна блестят!”

О, какое счастье, когда человек способен в природе видеть Бога – Создателя вселенной и воздавать Ему славу и хвалу! И как печально, что многие люди не видят в творении Творца и не желают видеть и прославить Его.

С преисполненными радостью сердцами и под впечатлением все новых, прекрасных окружающих пейзажей, увиденных нами в пути, мы к вечеру благополучно добрались к месту дальнейшего нашего земного обитания – в г.Валгу. Комендант общежития вручил нам ключи от квартиры и так, как оставалось еще пару дней отпуска, мы хорошо отдохнули, прошлись по магазинам, увидели изобилие продуктов на полках магазинов, купили все необходимое и начали обустраиваться на новом месте.

В указанный начальником день я вышел на работу. Начальник сдержал свое обещание и послал меня на объект в село производить малярные работы. Несколько дней ездил один, а потом Галочка сказала:

- Знаешь, Володя, мне скучно одной оставаться дома. Я хочу ездить с тобой на работу помогать тебе.

Мне было очень приятно услышать от нее такие слова – быть рядом со мной. И мне будет отраднее и веселее, да и работа у нас пойдет быстрее. И так вместе ездили на работу, а когда объект был закончен, нам предоставили работу в городе. Кроме малярной работы мне предложили еще настилать полы сверху специальной древесно-волокнистой папкой. Я настилал, а Галочка прибывала. Чтобы было мягче, обмотала колени тряпками и так наловчилась владеть молотком, что у нас работа спорилась и я был очень доволен.

Вначале Галочка ощущала сильную боль в правом плече. Еще живя в Дубно, она не могла поднять даже кострюлю с водой. Но, когда начала шпаклевать стены, рука постепенно

разработалась и боль прошла. В конце месяца мастер, начисляя зарплату и подводя итог моего выполнения плана, предложил мне оформить на работу и жену.

- Ваш заработок,- сказал он,- и выполнение плана не реальны для одного человека. Кто же может выполнить план больше, чем на 200%? Это не реально, вы ведь вдвоем работаете.

Обсудили с Галочкой эту ситуацию и она подала заявление для оформления ее на работу. Работали вместе, но наряды мастер заполнял каждому отдельно. На жену я записывал больше выполненной работы, так как ей через полтора года предстояло выходить на пенсию, а для начисления хорошей пенсии необходим был соответственно и заработок высокий. Себе же я записывал чуть больше 100%, чтобы не потерять аккордной оплаты. Вот так вместе мы трудились в Валге.

Прошло некоторое время и мы вступили в члены поместной русской баптистской церкви. Регент хора, брат Василий Федорович Белов, пожилой, но активный в деле Божиим брат, пригласил нас в хор и был очень доволен, что приобрел хорошую солистку в лице моей супруги Галины Амосовны. Братья предложили мне участвовать в проповеди Слова Божия, богослужения проходили поочередно в эстонском молитвенном доме – дважды в воскресенье и два раза на неделе. По воскресениям мы часто выезжали с хором в посещения в другие церкви: в Ригу, Тарту, Псков, Печоры, а также изредка, а особенно на праздники жатвы ездили в далекий старый русский город Дно. Транспорта у братьев хватало, дороги, по нашим стандартам были хорошие, бензин недорогой – едьте, посещайте, лишь бы было желание трудиться для Господа, да и власти здесь меньше преследовали, чем на Украине. Обычно мы ездили в посещения после нашего утреннего собрания. Собрание кончается, мы, не заезжая домой, садимся в машины и едем в Ригу. Там собрание начиналось с часу дня и за два часа мы свободно преодолевали расстояние в 150 км. и успевали на собрание. После трехчасового собрания возвращались в Валгу на вечернее собрание. Приятно было совершать такие поездки, они навсегда запечатлелись в моей памяти и, вспоминая их, как бы вновь переживаешь давно минувшее.

* * *

Однажды весной, при посещении Рижской церкви, брат Иосиф Данилович Бондаренко предложил нам с Галиной поехать с ихним хором в Карелию, в город Петрозаводск, куда они были приглашены сестрой Лаурой и братом Хауком на их бракосочетание. Мы обрадовались такому приглашению и договорились в определенный день ожидать их, когда они будут проезжать через соседний городок, там присоединиться к их колонне и вместе направляться в Петрозаводск. Долго нам пришлось ожидать на указанной бензозаправке и только в час ночи подъехали рижане – большой автобус и шесть легковых машин, наша была седьмая. Весь транспорт был заполнен, было не меньше 80-ти душ. Заправили машины, покушали сами и, с Божьей помощью отправились в путь. К утру мы были на подступах к Ленинграду. Нашли хорошее место и решили сделать привал. Я прилег в травке, чтобы немного вздремнуть, а некоторые братья начали собирать сухие ветки для костра и жарить шашлыки. Прошло наверное часик времени, Галочка будит меня и зовет к завтраку. Смотрю, на травке расстелена длинная полоса шпалера и на ней разложена разнообразная пища: колбаса, хлеб, сало, бутылки лимонада и каждому по шашлыку с луком. Попросили благословения и приступили к трапезе. Сразу взялись за шашлыки, но кто ни возьмет в рот, попробует и молча откладывает и посматривает на соседа, как он будет “угощаться”. Те, кто жарили шашлыки, молчали и с улыбкой наблюдали, что же будет дальше? И вдруг поднялся хохот: эти шашлыки есть было невозможно, так как мясо везли в автобусе, где было очень тепло, оно протухло, и шашлыки получились “с душком”, да настолько, что невозможно было их взять в рот. Иосиф Данилович, проходя вдоль стола со связкой отличной московской колбасы в руках и с ножом, приговаривал: “Кто поел шашлык, тому в добавок даю коласы”.

Передохнули немного, подкрепились и поехали дальше. К вечеру прибыли в предместье Петрозаводска. Иосиф с братьями отправились в разведку к пресвитеру поместной церкви, а мы на стоянке в природе принялись натягивать брезент для шалаша и, не успев расстегнуть брезент, как прибыли из разведки братья с сестрой Верой, нашей переводчицей с финского и предложили всем ехать ночевать к Вере, чтобы не вызывать подозрения милиции и органов КГБ. Пришлось 20 км. возвращаться обратно. Прибыли на указанное место и, кто успел – заняли место в доме, а остальным пришлось ночевать в транспорте, при закрытых стеклах от назойливых комаров, которые через самую малюсенькую щель ухитрились проникать во внутрь и не давали покоя. Когда мы пробудились, солнышко было уже высоко. Встали и пошли к речке умываться. Вода в речке коричневого цвета, но чистая и мягкая, как с мылом. После все собрались, совершили общую молитву и направились в город. Сочетание молодой пары проходило в маленьком молитвенном доме. Народа собралось много, зал был переполнен, многие толпились на улице у открытых окон. В зале духота неимоверная, каждому хотелось увидеть жениха – финского евангельского миссионера Хаука, трудившегося в то время на духовной ниве в Канаде, известного многим по радиопередачам, а также и сестру Лауру. Спустя несколько лет после их свадьбы они вместе вели христианскую радиопередачу “Семья Каратаевых”. Тяжело было молодой паре выстоять в такой духоте, на обозрении всей публики. Друг жениха, рижский брат Валерий Жакевич стоял рядом с ним и аккуратно платочком, время от времени, вытирал пот с лица жениха.

После сочетания и поздравлений нас пригласили в ресторан на брачный пир. К нашему приезду столы были накрыты и обслуживающий персонал ресторана ожидал своих клиентов. Во время пира звучали прекрасные христианские мелодии; поочередно играли два эстрадных оркестра – рижский и московский – хор пел чудесно. В адрес молодых было высказано много поздравлений и пожеланий. Хотелось, чтобы и неверующие люди увидели и услышали, как весело, без алкоголя, проходит христианская свадьба. Я с одним братом вышел на улицу и, обращаясь к прохожим, предлагали зайти в зал, говоря:

- Пожалуйста, зайдите, послушайте евангельское пение. Только сегодня, завтра не будет.

Душ пятнадцать успели пройти в зал до появления дежурного, который стал у дверей и не пропускал никого посторонних, и здесь была проявлена бдительность КГБ. Они знали об этой свадьбе, что иностранец женится на нашей девушке, проявили гуманность и не мешали нашему торжеству.

В обратный путь отправились в этот же воскресный день. Ехали не спеша, останавливались на пути, любовались природой. Некоторые братья купались в озере, отдыхали, фотографировались и на другой день к вечеру прибыли домой.

Проехав тысячу километров, я почувствовал сильную усталость и уже на подъезде к Валге, начал дремать. Рядом сидящий брат заметил, что машина виляет по дороге и немедленно принял меры, чтобы разбудить меня. Он брызнул водой мне в лицо, я сразу очнулся, а он говорит:

- Не пугайся, это я навожу резкость.

И так, при благословении и охране Господней мы благополучно добрались домой. Вот такое мое краткое воспоминание нашей поездки в Петрозаводск на свадьбу наших друзей Лауры и Хани Хаука.

Прошло с полгода, мы окончательно адаптировались в новой республике, привыкли к ее народу, культуре, обычаям. Эстонцы вежливы, культурны и терпеливы к грубым, бескультурным проявлениям русскоязычного населения, к их хамству. Нам здесь понравилось и мы пригласили переселиться сюда своих детей. Первыми приехали Лэся с Витей и Мирусей. Петя со своей женой Валею и Оля пока оставались в Дубно, а спустя полгода переехали и они. И так – вся семья наша опять в сборе, устроились на работу, получили квартиры и жили, ни в чем не ощущая нужды. Молитвенный дом был рядом. Посещали собрания, пели в хоре, я

служил Словом. Все мы, радуясь, прославляли Бога. Оля приняла крещение. Только с Петей и Валею были у нас проблемы. Собрания они посещали изредка, по большим праздникам. Петя связался с веселой компанией, любил выпить, “красиво” провести время, что в результате привело его к печальным последствиям. Нам было очень больно смотреть на его поведение, на его пьянки. Сколько было увещаний, наставлений, сколько было пролито материнских горьких слез, сколько было вознесено молитв к Богу, но результатов никаких, враг накрепко сковал его своими оковами и ослепил глаза. Но мы все-таки не теряли веру и надежду на его покаяние.

Прошел год-полтора после переселения наших детей и нашу семью посетило большое горе. На работе со мной произошел несчастный случай. Это случилось в суровую зиму, 15 февраля 1979 года, в сельской местности, километров 40 от города. Бригада строителей, в том числе и я, были направлены на строительство школы-интерната. С утра мороз в этот день поднимался до 35 градусов Цельсия. На таком холоде работать было невозможно. Ребята расположились в теплом перевозном вагончике, специально предназначенном, как подсобное помещение на строительстве объекта, засели вокруг длинного стола и играли в домино, а некоторые в карты. Кое-кто из ребят зашли в помещение для сушки мокрой одежды, сидели и дремали, ожидая потепления.

Несмотря на холод, я сразу приступил к своей работе. Мне дано было задание заколачивать на третьем этаже, в коридоре над и под окнами дыры специальной древесной плитой. Для этого я решил сделать себе за окном соответствующую площадку. Приоткрыл вверх оконную раму, подпер двумя брусками, выдвинул в окно две четырехметровые доски, концы сколотил поперечной доской и двумя стойками подпер в потолок. На выдвинутых концах настелил площадку – две доски прибил, а одну оставил не прибитой, перил тоже не сделал. Забил дыры у одного окна и после обеда перешел к другому. Прибил над окном одним гвоздем плиту, вижу, что неудачно, необходимо было поджать вверх и прибить другим гвоздем, чтобы не было щели. Поджимая, стал на конец не прибитой доски – и пошел вниз головой.

Над дверями, на нижнем этаже, был бетонный козырек и, падая, мне стукнула мысль, что из-за меня мастер и прораб будут иметь большую неприятность. Вторая мысль была: как бы не удариться головой об козырек. Помню, что я упал на землю ногами, а потом перевернулся на спину, попытался вскочить на ноги, подняться, но упал и потерял сознание. Очнулся я в снегу на земле. Смотрю, рядом со мной лежит моя шапка, карандаш, а примерно за метр от меня вижу в снегу отпечаток головы и кровь. Попробовал согнуть ноги – сгибаются, руки тоже, попробовал мышцы на ногах, а они стали совсем мягкие, как тряпичные. Я сразу понял, что у меня, наверное, перелом позвоночника, а кровь на снегу – из раны на голове, от удара о бетонный козырек.

Попробовал подняться – никак не получается. Полежал немного, опять пробую встать, хватаюсь за кустик и понял, что мне не подняться и продолжал лежать дальше. Вижу, соседка-эстонка несет дрова из сарая, кричать неудобно, да и не поймет она меня. Вдруг слышу:

- Дядя Володя, приехал автобус, ждем вас, поторопитесь!

Узнав голос, говорю: “Миша, иди сюда, я упал и не могу подняться, помоги мне.

Он подбежал, попробовал поднять меня, но не смог и побежал за ребятами. У соседки они взяли лесенку, положили меня и принесли в вагончик и так на этой лесенке положили меня на стол. А боль была настолько сильной, что терпеть не было мочи. Я попросил ребят вытащить из под меня лесенку, но боль не утихала. Помощник мастера поехал в соседнее село, чтобы позвонить в город и вызвать машину скорой помощи. Время тянулось мучительно медленно, боль усиливалась и я почувствовал, что поднялась температура. У стола собрались рабочие, все сочувствовали, видя мои нечеловеческие страдания. С трудом сняли с правой ноги сапог, чтобы посмотреть, нет ли на поломанной ноге открытой раны и кровотечения. А Миша, с которым я некоторое время вместе работал, стоял возле меня и, как бы вместе со мной, переживал мою боль и утешал меня:

- Потерпи, вот уже скоро подъедет скорая помощь и облегчит твою боль.

Время ожидания казалось для меня бесконечным. Страшные боли парализовали все тело, казалось, что не выдержу. Только через час приехала скорая. На носилки положили мерзлую доску, на эту доску положили меня, погрузили в машину и повезли в больницу. Мише поручили сообщить моей жене о случившемся со мною и он, как мне потом рассказала Галочка, не знал, как рассказать, чтобы не сразить ее этой трагической вестью. Но, как он ни старался, с какой осторожностью ни заговаривал, Галочка сразу почувствовала, что со мной произошло что-то страшное и, не медля, с дочерьми, отправились в больницу.

Пока меня привезли, они уже были в больнице и с тревогой и печалью ожидали приезда скорой. Очень тяжелым для меня оказался этот 40-километровый отрезок пути, который мог бы стать для меня последним, потому что сильные боли и тряска в машине, на мерзлой доске, без единого обезбаливающего, измучили меня до предела. Теперь, оглядываясь на прошлое, сам удивляюсь и поражаюсь, как я мог выдержать такие нечеловеческие страдания! Только милосердный Господь, Который был все время рядом со мной, поддержал и дал мне необходимых сил, терпения и сохранил мою жизнь для определенной Своей цели, чтобы приготовить меня к вечности.

В больнице, при помощи жены, меня осторожно раздели и сразу же отправили на рентген. Положили на стол и я, вспотевший, так и прилип к столу. Когда понадобилось подвинуть меня ниже, или выше, одна медсестра тянула меня за ноги, а другая толкала в плечи, или наоборот. И все это делалось грубо, без обезбаливающих уколов и причиняло невыносимые страдания. Здесь же, в рентгеновской комнате, на мою поломанную ногу наложили гипс, после повезли в палату, сделали необходимые уколы, подключили под систему с физраствором, а врач, тут же, не медля, позвонил в г. Тарту, в центральную хирургию при мединституте, чтобы меня срочно оперировали.

Галочка, протеревшись со мной, вытерла слезы, забрала одежду и уехала с дочерьми домой. “Когда я поднималась дома по лестнице в нашу квартиру,- говорила она мне потом,- до того стало тяжело, и печально на сердце, что я залилась слезами и не видела ступенек, по которым поднималась на свой этаж и еле-еле поднялась. А войдя в квартиру, я упала на колени и в горячей молитве возвала к Богу, чтобы Он дал мне сил воспринять случившееся, как из Его руки, чтобы Он Сам снял с меня эту страшную печаль и утешил меня”.

На другой день пришел в больницу проведать меня мастер и, как я его понял, он был сильно обеспокоен тем, что не провел со мной своевременно инструктаж по технике безопасности. Он прихватил с собой журнал и предложил мне в нем расписаться, чтобы этим выгородить себя и избавить от неприятностей и ответственности за свою халатность. Я, понимая его положение, расписался с тем, чтобы избавить его от неприятности. Он пообещал, что, когда дело дойдет до разбирательства, то комиссия поможет мне и не оставит в обиде.

Чуть позже пришла моя скорбящая Галочка. Она, зная, что меня будут отправлять в Тарту, принесла теплое одеяло, чтобы потеплее укутать меня при транспортировке. Подъехала машина скорой помощи, меня положили в машину, со мной сели сопровождающие меня Галочка и врач. В Тарту, первым делом, сделали пункцию, после чего отправили меня на операцию позвоночника и только через 4 часа я очнулся в реанимации. Это была страшная палата: отовсюду слышались тяжелые стоны больных и тихий шум аппаратов, поддерживающих жизнь больных, находящихся в критическом состоянии. В эту палату ложили тех больных, которые находились в безнадежном состоянии и вот сюда попал и я. Невыносимую боль ощущал я, когда, через каждые 3 часа меня поворачивали с одного бока на другой. Это делали медсестры. Они, кроме лечебных процедур, еще и кормили меня, как ребенка.

После операции, на второй день, приехала ко мне Галочка с Олей. Вошли, посмотрели на меня, в каком я состоянии и Галочка, еле удерживаясь от слез, сразу же вышла в коридор, а

Оля оставалась около меня. Я спросил Олю, почему мама вышла, позови ее. Когда она вошла, я в бреду, говорю ей: “Ты там передай Луцким братьям...” и мысль оборвалась, а потом добавил: “что я уже не смогу быть...”

У нас в Союзе не разрешалось заходить в палату к тяжелобольным, но им разрешили на несколько минут зайти ко мне. Уходя от меня, попрощались, пожелали выздоровления и уехали.

Тяжело было переносить страшные боли, видеть, как увозят умерших, накрытых простыней и, мимо воли являлась мысль: сегодня их увозят, а завтра, возможно, вывезут и меня. Такие мысли я старался отгонять от себя, возлагая свою надежду и упование на Господа. Я утешался только Им и верил, что Он пошлет мне исцеление и продлит мою жизнь.

Особенно тяжело было ночами: от боли невозможно уснуть, а если и вздремнешь, то снятся страшные кошмары, от которых сразу же просыпаешься в поту. Как-то вздремнул я днем и мне приснилось, что моя кровать стоит только на двух ножках на перекладинке, положенной через ручеек, казалось, что кровать вот-вот опрокинется в воду. Я от страха пробудился, очнулся и спрашиваю медсестру:

- Скажите, пожалуйста, моя кровать стоит на всех четырех ножках?

Она удивленно посмотрела на меня, улыбнулась и ответила:

- Да, на всех четырех.

Когда лечащий врач, профессор Тик, через две недели увидел, что мое состояние улучшается, он дал указание поместить меня в палату на втором этаже и я почувствовал себя бодрее. А врач, утешая меня, говорила:

- Бороденко, все будет хорошо, только не теряйте юмора!

В моей палате лежали одни эстонцы, я их не понимал и из них мало кто хотел общаться на русском. Но, имея Библию, я читал ее и рассказывал другим. Когда прошло пару месяцев, у меня появилась надежда, что я скоро выйду из больницы и нужно будет опять проповедовать, и я начал составлять темы проповедей. Беседовал на духовные темы с некоторыми из медперсонала, Галочка привезла мне магнитофон, радиоприемник и я имел возможность и здесь питаться духовно, слушая кассеты и радиопередачи. Так проходило время день за днем.

Прошло месяца полтора с тех пор, как на ногу наложили гипс, повезли меня на рентген и оказалось, что нога сложена неправильно, пришлось ее ломать, складывать заново и опять накладывать гипс. Процедура эта довольно неприятная, но, благодаря тому, что в ноге потеряна чувствительность, боли я почти не ощущал. У меня оказался редкостный перелом: раздвоение пяточной кости и хирург оставил у себя мои снимки, чтобы воспользоваться ими при чтении лекций студентам.

Прошло еще некоторое время и меня начали готовить к повторной операции на позвоночнике. Необходимость операции мотивировалась тем, что позвоночник, на старости лет, ослабевает и не сможет выдерживать тяжести тела. Для этого необходимо было на позвоночник наложить металлические пластины. Но перед операцией опять нужно было делать пункцию. Здесь же в палате, меня согнули в дугу и шприцем с большой иглой, пробивая позвоночник, вытягивали мозговую жидкость. Первый раз получилось удачно: попали между позвонков, врач вытягивал, а сестра помогала, стараясь побольше вытянуть этой жидкости для анализа. А второй и третий раз не получилось, игла за каждым разом попадала в кость.

Мне очень не хотелось идти на повторную операцию, я всячески доказывал, что мой позвоночник и так выдержит и окрепнет без операции, что я хочу уже начинать ходить на костылях, а вы предлагаете мне операцию и, что после операции опять придется ставить мне катетер, от которого я еле избавился. Но, как я ни отпирался, в конце концов пришлось признать доводы врачей обоснованными и согласиться на повторную операцию.

Однажды произошел такой юмористический казус: был врачебный обход больных и группа врачей зашла в нашу палату. Они остановились у моей кровати и профессор Тик,

делавший мне операцию, подошел ко мне, подал руку, поздоровался и весело улыбаясь, спросил:

- Ну, Бороденко, как твои дела?

Отвечая, говорю: “По-прежнему”.

К моему удивлению они все рассмеялись и пошли дальше, а я тихонько спросил соседа-эстонца, почему они рассмеялись? Он ответил: “Они поняли, что твои дела, как у Брежнева”.

Тогда и мне стало смешно, что мы не поняли друг друга. Несмотря на улучшение моего здоровья, мне было очень тяжело лежать. Лежал я на мягких подушках, чтобы не было пролежней, но все равно бока сильно болели. Мне не разрешалось даже лежа облокотиться, только заметит врач – и сразу замечание:

- Бороденко, это вредно, так нельзя.

Наконец подготовка была закончена и наступил день моей повторной операции. Опять повезли меня в операционную на нижний этаж, где все уже было приготовлено к операции. После четырехчасовой операции я очнулся в послеоперационной палате. Пару дней все было хорошо, болей почти не ощущал, а потом началось: поднялась высокая температура, сильные боли не давали покоя, опять поставили катетер, начался сильный озноб и, в добавок ко всему, у меня совершенно пропал аппетит, даже появилось отвращение к пище. Почти две недели я ничего не мог поднести ко рту – пища вызывала рвоту и вот тогда я, как говорится, “дошел до ручки”.

На протяжении почти всего времени пребывания в больнице, мне ежедневно вливали по два литра физраствора, вводили плазму, в результате чего кровь сделалась темной и настолько густой, что невозможно было набрать в шприц.

Однажды помню, медсестра подошла ко мне сделать некоторые процедуры, а у меня в этот момент началась страшная лихорадка, озноб, я попросил не беспокоить меня, а набросать на меня побольше одеял, чтобы мне согреться. Немного успокоился и уснул. Не знаю, сколько прошло времени, как, вдруг, вскочил от сильной боли и сидя на кровати, начал кричать: “Помогите мне!”

Больные не могли понять, что со мной случилось? Мой крик о помощи услышали медсестры. Они прибежали на помощь, спрашивая:

- Что случилось?

Я увидел, что в вену руки подключена система с физраствором и, обращаясь к медсестрам, настоятельно требовал отключить капельницу, считая, что такое критическое состояние исходит от нее. Не переставая, я повторял: “Уберите капельницу!” Они смотрели на меня, не зная, что делать. Позвали доктора. Она, в недоумении увидела, что я сижу, опустив ноги. Подошла и, успокаивая, положила меня. Я обратился к ней с той же просьбой, повторяя несколько раз подряд: “Доктор, уберите капельницу! Уберите капельницу!”

В капельнице почти ничего не осталось, они отключили ее и ушли, но мое состояние было крайне тяжелым: я не знал, что со мной творится, что мне делать? Рядом стоял радиоприемник, я включил его на всю мощь, чтобы обратить к себе внимание и вызвать врача. Прибежали медсестры и начали меня успокаивать, говоря:

- Бороденко, не беспокойтесь, врач здесь, только сейчас ее вызвали в другую палату. И мы здесь, не волнуйтесь, все будет хорошо.

Поставили мне термометр и ушли. Прошло минут десять, я подал термометр соседу и спросил:

- Какая у меня температура?

- Больше сорока.- ответил он.

И это тогда, когда я уже почувствовал себя немного легче. Потом, рассуждая о происшедшем, я пришел к выводу, что, наверное у меня была предельная температура, момент самых тяжелых телесных страданий и что моя жизнь была “на волоске”. Я пережил кризисный

момент борьбы организма с болезнью, наверное тогда я был на грани перехода в потусторонний мир – я не почувствовал, когда мне втыкали иглу, подключая капельницу в вену и делая другие процедуры. Но Бог, по Своей любви и милости, сохранил мою жизнь и продлил время моего обитания на земле для определенной Своей цели, за что я Ему сердечно благодарен.

Постепенно мои силы крепли; кто-то предложил мне пить минеральную воду “Вярскую” для аппетита. Когда я стал пить эту воду, действительно у меня появился аппетит, я начал понемножку кушать и с каждым днем чувствовал прилив новых сил.

Дважды в неделю, несмотря на 60-километровое расстояние, меня посещала моя любимая жена Галочка. Она привозила мне минеральную водичку и всякую вкуснятину – свежие помидорчики, огурчики, но основное, своим посещением она проявляла ко мне свою любовь и сочувствие и вселяла надежду на скорое выздоровление и возвращение домой. Посещали меня и некоторые друзья из нашей церкви, приехал также проведать наш старый друг – пресвитер Львовской церкви – Корсунь Илья, он в нашу бытность в Бродах был пресвитером Бродской церкви. Когда он узнал о случившемся со мной, он молился о моем выздоровлении, молились многие друзья, которым Галочка сообщила, том числе и Ярл Николаевич Пейсти поддерживал нас своими молитвами и для нашего утешения по радио из их студии прозвучал псалом, который ободрил и утешил нас. Я благодарил Бога за услышанные молитвы и за друзей, которые разделили наше горе.

Многие, узнав о случившемся, в своих письмах выражали нам глубокое сочувствие. Некоторые выдержки из таких писем мне хочется привести на этих страницах:

“Дорогі наші брат Володя і сестра Галя, ми коротко чули, що на вас впало велике горе. Ми вам співчуваємо від всього серця і молимося що дня, щоб брат Володя видужав і щоб не усумнився в вірі і надії на Бога. Вся наша община звернулась однодушно в молитві до Спасителя, щоб Він допоміг Володі і тобі, Галочко, все перенести. 5.3.79 р. Цілую вас – Тамара, Ваня і діти. М.Ровно.

А вот выдержка из письма дорогого друга нашей семьи Ильи Федоровича Корсуна. В свое время он был близок к нашей семье: он преподавал Галочке крещение, я одно время жил у него на квартире, а потом он считывал нас с Галочкой. И вот теперь он прислал нам слова утешения и сочувствия: “Дорога у Христі, пригнічена горем, Галю! Про ваше, таке несподіване, як ви пишете випробування, ми вже знали з вашого листа, який був надісланий до Дубна бр.С.Ковальчуку... А цей останній ваш лист трохи нас заспокоїв тим, що Бог дав вам сили так, без нарікання, все сприйняти. З вашого листа бачу, що операція пройшла, а все дальше в Його Святих руках. А то, що Володя уже в палаті попросив Біблію, то також нас обрадувало. Володі від нас щире побажання: виздоровіти тілом і міцніти духом. Ваші в Нім – Ілія, Галя. Львів, 7.3.79 р.

Получили также письмо с выражением сочувствия и от семьи, выехавшей из Вагли в Германию: «Мир вам дорогое семейство Бороденко! С христианским приветом – сестра Лукс. Дорогая сестра Галина! Получила твое письмо, да, тяжело было читать, но вместе с тяжестью была и какая-то радость: а ведь все же жив остался! О, чудная Божья рука хранила его и мы верим, как Он наложил эти раны, так Он их уврачуе. Крепитесь, милые, не падайте духом, мы молимся за вас и особенно за бр.Володю, чтобы Бог его уврачевал. Передали Пейсти вашу просьбу, не знаю, в какой день, но слушайте в субботу и во вторник программу «Песнь хвалы». В девять часов вечера. Я вкратце описала ему выдержки из твоего письма. Целую, Нелли. Привет Володе от нас всех».

Не забыла нас в нашем горе и сестра Дина Персиянова из Киевской церкви. Она когда-то жила в Дубно и вместе с Галочкой работали вместе на одном заводе. Галочка много свидетельствовала ей о Боге, она покаялась, и за это, можно сказать, лишилась семьи: муж развелся с ней, дети, получили высше образование, старались переубедить маму, но, когда увидели твердость ее убеждения, отреклись от нее. Они боялись, чтобы из-за верующей матери

не лишили их хороших должностей. Она написала: «Дорогая моя сестра в Господі Галочка! ... Не сходить Володя з думки. В п'ятницю вся церква молилась, бо Володя не так давно був, багато тут друзів читали твій лист, обіцяли молитись. Брат пресвітер Ніколай Величко в своїй молитві звертався до Бога з такими словами: "Дай, Господи, щоб Володя ще більше побачив Твої милості, щоб небесний Лікар облегшував болі івилічив рани брата Володі. Ваша найменша сестра Діна"».

Получили также письмо от наших старых друзей из города Рубежного Кравцовых Шуры и Маруси, с которыми вместе пришлось переживать невзгоды военных лет в Германии. Соболезнуя нашему горю, сестра Шура писала: "Очень жаль, бр. Володи, и мы сочувствуем и соболезуем ему и всем вам в этой скорби, постигшей вашу семью. Пусть Сам Господь, Который допустил вам это испытание, поможет и перенести его, будем молиться об этом. А мы ожидали Володю: вот, приедет к нам на своей машине, чтобы еще нам вместе порадоваться, но, как видно, Бог другое предусмотрел. Дорогой брат Володя, мы желаем тебе от Господа полного выздоровления, духовной бодрости, радости, терпения и скорого выхода из больницы и после всех этих твоих страданий, хочется видеть твое лицо радостным и довольным, пусть во всем этом поможет тебе Господь".

А вот еще строки из письма родной сестры Галочки Люси из г. Нарва: "Дорогая Галочка! Одержала твоего сумного листа і не можу висказати словами, що лежить у мене на душі. Але Йому все відомо, Господь все це допустив, нам би дав сили все перенести і дякувати, бо то все для нашої пользи. Так, великим чудом Господь залишив Володю в живих, адже така висота, та ще і на таку мерзлу землю. Ви завжди у моїх думках і благаннях на колінах перед Господом, особливо за Володю, щоб Він допоміг і облегчив йому все перенести. Господь Володю укріпить і загоїть болючі рани і допоможе йому ще більш ревно Йому служити. Оставайтесь з Господом, любляча вас Люся".

Казалось бы, что уже достаточно писать обо всех выраженных нам сочувствиях друзьями и приводит выдержки из их писем, но разве можно не упомянуть имен тех, которые своим сочувствием искренне разделяли наше горе и поддерживали нас в своих молитвах. Они скорбели вместе с нами, а потом и радовались, что Бог услышал молитвы и сохранил мою жизнь и подарил здоровье. Вот, что писали об этом друзья Сергей и Тоня Ковальчуки из Дубно: «... Минулу неділю отримали радісного листа від вас, що брат Володя іде на поправку. Після вечірнього зібрання затримались усі і я зачитав вашого листа. Потім брат Яков Андрійович закликав усіх до молитви і всі щиро, зі сльозами дякували Богу за Його милосердя, а також ще разом просили, щоб Він закінчив цю справу і підняв Володю на ноги, щоб ми ще могли бачити його в себе за кафедрою».

Никто из друзей, узнав о случившемся со мною, не остался равнодушным к нашему горю, каждый стремился утешить и ободрить нас. Вот одна из моих многих сестер, с которыми пришлось мне во время войны вместе быть в немецком лагере, вместе переживать голод и тяжелый, изнурительный труд на авиазаводе – Полина Обозная. Она писала из Харькова: «Дорогие, сегодня я получила вашу печальную весточку. Я очень обеспокоена и разделяю вашу скорбь. Как только прочла письмо, сразу же пала на колени и за вас вознесла мольбы к Отцу. Пусть вас, дорогие, утешит то, что у Господа вы на важном учете, коль Он имеет с вами дело и пусть подумают о себе те, которые дерзнули в дни вашего посещения Господом, в дни печали судить вас».

И последнее, уже не выдержки, а почти полностью, хочу поместить на страницах своей книги текст письма наших дорогих и тоже старых друзей из Алма-Аты Требушных Володи и Дины. С ними я познакомился во время войны в Германии, вместе пережили ужасы войны и радость освобождения, вместе с ними мы находились в пересыльном лагере перед отправкой на родину. Сестра Дина начала свое письмо для моего утешения соответствующими стихами Слова Божия: «Но человек рождается на страдание, как искры, чтоб устремляться вверх!» (Иов.5:7).

«Не радуйся ради меня, неприятельница моя! Хотя я упал, но встану; хотя я во мраке, но Господь свет для меня. Гнев Господен я буду нести, потому что согрешил пред Ним, доколе Он не решит дела моего и не совершит суда надо мною; тогда Он выведет меня на свет и я увижу правду Его. И увидит это неприятельница моя и стыд покроет ее, говорившую мне: «Где Господь Бог твой?»» (Мих.7:8-10). «Наказания Господня, сын мой не отвергай и не тяготись обличением Его» (Прит.3:11). И посл. Евр.12:5-10 – Дорогие наши друзья в Господе, приветствуем вас любовью нашего неизменно любящего Спасителя. «Любить – это с ближним, как с другом и братом, делить его горе, мученье...» Наконец получили ваше долгожданное письмо, на 8-е получили открыточку от Маши Броницкой, в которой она пишет, что подходит праздник «Весны», но душа повержена в скорбь, горе постигло семью христиан: Володя в тяжком состоянии, упал с 3-го этажа и все. Такое краткое сообщение было достаточно для того, чтобы и нам присоединиться и разделить ваше горе. А разделенное горе – полгоря (та кто-то сказал). И немедленно мы обратились с ходатайством к нашему Отцу и просили: «Помилуй, облегчи и перевяжи раны». И вот, получив ваше письмо, наша скорбь утрачивает ту силу и почему? Вы же, скорбящие, утешаете нас. Чем? Тем, что мы видим, что вы поистине дети Его, а это видно из того, как вы восприняли Божие прикосновение и видим, что вы на правильном пути, а потому верим, что Отец не замедлит с ответом. Немножко меня огорчило (скажу откровенно), что диавол все-таки смог бросить на вас тень того «как считают другие». Милые, прошу вас, пусть никто и ничто вас не смутит, ищите только лица Его. Я очень рада, что не встретила в твоём письме слова «почему, зачем?», но наоборот, вы приняли это за любящую руку Хирурга и, если извлечете из ничтожного драгоценное, то спасу тебя, говорит Господь.

Володя, дорогой брат, я пишу это все не только тебе, но вам с Галей, потому что вы одно, и знаю, что твои страдания – это страдания и Гали. Молю Бога моего, чтобы страдания во плоти твоей, Володя, достигли нужной цели, а именно: очищения души... Дан.11:35. «Жизнь есть огромная мастерская, в которой душа готовится для Нового Неба и новой земли». Страдания делают нас мягкими. Одного христианина спросили: «отчего ты так мягок?» «Оттого я мягок, что много меня мяли». И разве мы не испытали того, как страдание делает нас снисходительнее к другому, воспитывает чуткость к чужому горю, понимание души человека? И оно же готовит нас для труда. Марцинковский говорит: «...в частности, телесные страдания могут способствовать нашему нравственному освобождению, ибо – «страдающий плотью перестает грешить» (1 Пет.4:1). И как рука хирурга наносит боль телу, не имея цели наказания, то и рука Божия не имеет этой цели, но наоборот, и потому Он может и сострадать нам, потому что Сам прошел весь путь человеческого страдания. И это нынешнее твое страдание, которого, быть может, ты страшишься – оно впишет новую черту красоты в твою душу, в твой образ, оно чеканит твой идеальный облик «по образу Бога» – только перенеси его! (Марцинковский).

И еще радует меня то, что, если страдает один член, то страдает с ним и все тело и это вижу из слов Маши Броницкой. Итак, дорогие, да утешит вас Господь Своим утешением! Сегодня имеем пост с моливой с друзьями, поделим вашу скорбь вместе и будем о ней помнить. Итак, дорогие, не унывайте, Володя, крепись!»

И вот, наконец, пришел тот радостный день моего возвращения в Валгу, но, к сожалению, не домой, как мне хотелось, а в больницу, где пришлось пролежать еще больше месяца. Всего же в больницах, с моими переломами, я провалялся четыре с лишним месяца.

Наступила прекрасная весна, зазеленели деревья, после зимней спячки пробуждалась вся природа, расцвели ранние цветы и, как хотелось мне подойти к окну, чтобы посмотреть на всю эту красоту и вдохнуть полной грудью чистого весеннего воздуха, напоенного ароматами весенних цветов и молодой зелени. Мне казалось, что я сразу выздоровею. Но это были только, пока, мечты и неосуществимые желания – вставать я еще не мог, лежал пластом и терпеливо ожидал определенного Богом времени.

Помню, как везли меня на машине скорой помощи из Тарту в Валгу. Со мной ехал один инвалид эстонец, его везли домой в село. И когда приехали к месту его назначения, прежде чем высадить его, нужно было сперва снять меня. Носилки со мной поставили на травку и так мне было хорошо на душе: вокруг зелень, веял теплый, весенний ветерок. Так хотелось жить и без конца дышать этим свежим воздухом, любоваться красотой природы! В этот миг я сердечно благодарил моего Господа за то, что Он продлил мою жизнь.

И вот я опять в Валговской больнице. Здесь мне было отраднее: ежедневно, даже по несколько раз на день, меня посещали дети, жена и некоторые братья и сестры нашей церкви.

Спустя месяц с небольшим, меня привезли домой на носилках, подняли на третий этаж, занесли в квартиру и здесь-то, наконец, я почувствовал и понял, что значит домашний уют и забота любимой жены. Пользуясь костылями, я ежедневно, понемногу, пробовал прохаживаться по длинному коридору общезития, чтобы укреплялись ослабевшие мышцы ног.

Однажды утром Галочка принесла мне таз с холодной водой, а в чайнике стоял кипяток – я готовился умыться. Налил в таз горячей воды, чайник поставил на пол и, разговаривал с Галочкиной сестрой Наташей. Затем прислонился ногой к чайнику и не чувствовал ожога, так как чувствительность в ногах была потеряна. Ошпарил ногу до кости и в течении двух месяцев пришлось врачу-хирургу приходить и лечить мою обожженную ногу. Вторая беда постигла меня на брачном пире, во время принятия пищи я почувствовал, что моя правая рука перестала действовать. Попытался поднять стакан – не могу и даже ложку не могу поднять. Обеспокоенные приехали домой, я попробовал писать – не получается. Это неприятное явление очень беспокоило нас, Галочка позвонила врачу, рассказала ей о случившемся. Врач спросила: сразу ли перестала действовать рука, или постепенно?

- Постепенно, - ответила жена.

- Значит, это не паралич, не беспокойтесь все пройдет, - успокоила нас доктор. Это просто глубокое воспаление суставов и сухожилий.

Много раз пришлось ей посещать и лечить от моего недуга. Как хорошо, что лечение у нас в союзе было бесплатным.

С первых дней моего выхода из больницы началась волокита с оформлением государственного пособия по инвалидности. С оформлением пенсии проблем не было, хотя до пенсионного возраста, т. е. до 60-ти лет мне не хватило больше пяти лет, но, поскольку я потерял трудоспособность, мне определили, на два года, первую группу инвалидности и на основании документов назначили пенсию. На протяжении нескольких месяцев, кроме пенсии, никаких доплат за инвалидность и жене за уход не было и мне пришлось по этому вопросу, с письмом, обратиться к начальнику нашей организации. В ответ он написал: «Вы не подчинились указанию мастера, грубо нарушили технику безопасности и никакой доплаты вам не положено».

Получив такой ответ, я обратился за разъяснением этого вопроса в редакцию газеты «Труд». Я подробно описал происшедший со мной несчастный случай, написал, что мастер не проводил со мной инструктажа по технике безопасности, написал, как он приходил ко мне в больницу, чтобы я расписался в журнале и как ответил начальник на мою просьбу.

А в конце своего письма спросил: имею ли я право на доплаты по инвалидности ири случившемся со мною.

Прошло недели две и по письму ко мне приехала комиссия из редакции и с ними три представителя из профсоюзной организации нашего треста. Расследовали все тщательно и решили дело в мою пользу. В тот же вечер пришли ко мне мастер с прорабом и начали упрашивать меня отказаться от своего ходатайства, потому что их признали виновными в несчастном случае и сумму доплаты, а также жене за уход, будут высчитывать из их заработка. Успокаивая их я сказал:

- Наверное не вы, а производство будет доплачивать. Но они тут же возразили мне, говоря:

- Члены комиссии сказали нам: сколько будет жить инвалид, вы будете ему платить, только суд должен определить виновность каждого из вас, так что платить придется нам троим, инженер по технике безопасности уволился и работает где-то в другом месте, его, конечно, найдут, но и даже, если эту сумму разделят на троих, все равно нам будет трудно выплатить такие деньги. Ведь у каждого из нас семья, дети, их нужно прокормить, а у нас зарплата меньше, чем у рабочих, вот и посчитайте, что нам остается.

Я был готов пойти на некоторые уступки, но они хотели добиться моего полного отказа, а этого сделать я не мог, потому что для дальнейшего лечения мне нужны были средства. Видя свое посещение безрезультатным, они ушли с негодованием. Через пару дней передали из конторы:

- Пусть Галина Амосовна берет мешок и приходит в контору за деньгами.

Так, что контора выплатила задолженность за все прошлые месяцы, всего тысячу двести рублей.

Кроме доплат к пенсии, производство вынуждено было обеспечить меня транспортом. По закону мне была положена мотоколяска, стоимостью тысячу рублей, но я имел возможность, почти без очереди, купить по льготной цене автомобиль и я купил «Запорожец», с ручным управлением, а стоимость мотоколяски, по решению суда, мне выплатили. По истечении семи лет эксплуатации, машина считалась изношенной, отслужившей свой срок и я имел право, на таких же условиях, купить новый «Запорожец», или «Москвич», а старую машину мог продать члену семьи, или за мизерную плату сдать ее обратно в магазин. И только тогда, по предъявлению документа о сдаче или дарственной, я мог покупать другую – две машины иметь не разрешалось. Воспользовавшись этим указом, я передал старую машину Оле, а себе купил новую. А вообще-то купить машину в Союзе было большой проблемой: во-первых, десяток лет нужно было копить деньги, во-вторых, стоять долгие годы в списках очередности и, в-третьих, когда все же ты купил машину, вызывают власти и спрашивают: где ты взял деньги? И тогда начинают копаться в твоих доходах и расходах и, хотя делали так не со всеми, а с некоторыми, но каждый покупатель подвергал себя подозрению со стороны властей, и возможной тщательной проверки.

Без личного транспорта мне было очень трудно, пришлось бы сидеть дома, поэтому мы были очень рады и счастливы, что имели такую машину и каждый раз имели возможность поехать в собрание, выехать на природу, поехать на посещение в другие церкви в других городах. Без счета раз ездили на Украину, даже один раз ездили на лечение в Крым. Разъезжали с Галочкой, куда хотели: на содержание машины и на бензин денег у нас хватало. Вот так мы с Галочкой, пользуясь инвалидским «Запорожцем», беззаботно, в свое удовольствие, проводили пенсионные годы.

Каждый год, на протяжении пяти лет, я ездил на реабилитацию в специальную бесплатную лечебницу для инвалидов в город Хапсалу, в Эстонии, на заливе Балтийского моря. Срок пребывания в этой лечебнице был рассчитан на 24 дня. Было скучно все время находиться в лечебнице и я решил найти дом молитвы баптистов. Я расспросил местных инвалидов, где он находится и в воскресные дни ездил на богослужения, где получал духовное подкрепление. А однажды, по приглашению пресвитера, мне пришлось проповедовать, с переводом на эстонский, Слово Божие в собрании. В следующий раз мы были с ним вдвоем на пооронах одной русской сестры-старушки и так, как он спешил на другие похороны, то мне поручил самому руководить служением. За эти годы моего лечения в Хапсалу я старался многим больным свидетельствовать о Боге, а иной раз доходило до дискуссий с некоторыми ярыми безбожниками. Почти каждый раз, когда я ехал на богослужение, я искал желающих поехать со мной, послушать проповедь Слова Божия, прекрасное пение хора и некоторые больные ездили

со мной до тех пор, пока об этом не узнал главный врач. Я делал это не стесняясь и не таясь. В воскресный день, во время завтрака, обращаясь ко всем, я спрашивал: кто желает быть мне переводчиком, пожалуйста, поедem со мной к баптистам на собрание. И под таким предлогом иной раз мне удавалось завезти грешника на богослужение и я благодарил Бога, что и в таких обстоятельствах мог что-то делать во имя Господа.

Однажды в теплый, солнечный день я предложил некоторым молодым поехать со мной на природу и они с удовольствием согласились. Мы поехали в лес, нашли прекрасную поляну, где решили расположиться для отдыха. Вначале молодежь бродила по лесу: собирали землянику, а я готовился к проведению беседы на духовную тему. Из машины я вынул брезентовый чехол, которым накрывал машину, расстелил на травке и, спустя некоторое время, когда они устали бродить, пригласил занять место на брезенте и с кратким предисловием начал с ними беседу о Божьей любви к грешнику, о Его спасении. Это для них была очень интересная беседа, потому что они впервые услышали Благоую весть о Боге. Они очень внимательно слушали, задавали много вопросов, на которые я давал ответы на основании Слова Божия. Примерно через два часа, как раз к ужину, мы приехали обратно. Все были довольны проведенным временем на лоне природы. Кто-то из моих собеседников рассказал другим о нашей поездке на природу и о беседе. Об этом стало известно главврачу, которая не пропустила без внимания это мероприятие и решила принимать ко мне соответствующие меры воздействия, для пресечения подобных действий. Для этого она вызвала меня в свой кабинет и сказала: - Мне стало

известно, что вы организовали поездку в лес, где проводили с нашей молодежью религиозную беседу и агитировали их в секту баптистов. Вы нарушаете установленный режим дня, нарушаете дисциплину, выезжаете за пределы нашей территории да и других увозите, занимаетесь религиозной агитацией. На вас жалуются, что вы прокручиваете на магнитофоне религиозные кассеты и нарушаете покой больных. Здесь у нас партийная организация и мы не позволим вам заниматься религиозной работой. Поедете домой и там будете агитировать. Я вас предупреждаю: если не прекратите свои действия, то я преждевременно отправлю вас домой. Я знаю все, мне неоднократно доносили о вашем посещении по ул. Комсомола 24, что едете туда не сами, а везете других. Ведь вы на стационарном лечении и выходить за пределы больницы не разрешается.

В свое оправдание я вкратце сказал:

- Агитацией я не занимаюсь, но как верующий человек, считаю своим долгом свидетельствовать о любви Божией всем, тем более тем, которые интересуются и спрашивают меня. В отношении нарушения мною установленного порядка и моего посещения молитвенного дома, хочу сказать: если будет запрещено всем выходить в город, то и я не буду выезжать. А, поскольку многие идут гулять в город, ходят в магазины, идут в кино, то и я еду в молитвенный дом слушать Слово Божие. Каждый идет туда, куда влечет его сердце.

Особенно в дискуссию с ней я не вступал, зная, что из этого никакой пользы не будет, а только повредит мне в дальнейшем моем последующем лечении.

После окончания срока моего пребывания, уезжая домой, я подал заявление, чтобы меня поставили на очередь для следующего лечения. Главврач приняла заявление и, спустя пару месяцев, я получил ответ: "У нас нет мест, большая очередь, так что лечитесь амбулаторно". Этого и следовало ожидать. И только, через несколько лет, весной 1992 г. после ухода с должности недоброжелателя-главврача, мне удалось побывать у них на лечении.

Несмотря на долгие годы лечения в больницах, в лечебнице в Крыму, в Хапсалу и амбулаторно в поликлинике, я на всю жизнь остался, по определению советской врачебной комиссии, инвалидом второй группы.

Благодарю Господа, что, хотя при помощи палочки, мог передвигаться по комнате, а иной раз и выйти на улицу, немного погулять на свежем воздухе, для меня это было большим счастьем. С течением времени, силы мои понемногу возвращались ко мне, я чувствовал, что

могу ходить, а потом Господь помог мне и укрепил настолько, что я смог ездить на машине даже и на дальние расстояния.

Еще хочется вспомнить нашу с Галочкой поездку на отдых и лечение в Крым. Это была слишком далекая для меня поездка: больше двух тысяч километров в одну сторону. Поехали мы в половине сентября, в так называемый “бархатный сезон”, в 1980 году. Галочка предлагала ехать поездом, она опасалась, что мне, инвалиду первой группы, не так давно вышедшему из больницы, будет тяжело справиться с такой дальней дорогой. А мне хотелось прокатиться на своем новом “Запорожце” и я убедил ее; она, в конце концов согласилась, только с условием: не спешить, ехать осторожно, не больше пятисот километров в сутки.

Был теплый осенний день. Приготовили все необходимое в дорогу, совершили молитву на предстоящий путь, простились с детьми и внуками – и направились через Псков на Ленинградскую трассу. Выехали на трассу, на стоянке отдохнули, пообедали и поехали дальше, пока спидометр покажет 500 км. нашего пути. По этой дороге мы ехали впервые, ехали не спеша, осматривая проезжаемые нами города, села, любовались окружающей природой, а особенно садами с созревшими фруктами – все так чудесно! Крестьяне копошились в огородах, убирали урожай, срывали фрукты с деревьев, а подростки и старики при дорогах пасли своих коров, держа их на длинных веревках. Старикам тяжело было стоять и они носили с собой стульчики, чтобы можно было, время от времени, присесть и немного отдохнуть.

На колхозных полях гудели трактора, готовили почву к посеву озимых, а картофелеуборочные машины убирали картофель. Почти весь народ был занят осенними работами, только некоторые слабые старушки сидели на скамеечках у дороги и по дешевке торговали фруктами, овощами и другими продуктами, необходимыми для проезжающих туристов. А когда проезжали лесные поселения, там встречали других торговцев – мальчишек, с полными лукошками грибов. Некоторые нанизывали грибы на толстые нитки, цепляли на длинную палку и поднимали их над собой, чтобы так привлечь внимание проезжающих. В некоторых селах, где протекала река, или были водоемы, мы видели большие стада домашних гусей и уток, а когда темнело, они так важно, не торопясь, строем расходились по своим дворам и иной раз приходилось останавливать машину и ожидать перехода пернатых пешеходов. Но хуже всего было, когда перегоняли через дорогу колхозные стада коров. Тут уже приходилось глушить мотор надолго и смотреть в оба, чтобы корова не подошла и не боднула рогом машину, бывало и такое. Теперь, находясь в Америке, мы можем быть спокойны, когда мчимся по фрифвэю, надеясь, что подобного не произойдет.

Вот так, не спеша, проезжая и осматривая окружающие села, я вспоминал свое село Великие Сады, где в таком же труде, в повиновении родителям прошли мое детство и юношеские годы...

Вот и проехали запланированные километры, стало темнеть и мы решили заночевать. Подъезжая к населенному пункту, мы заметили у дороги, среди кустов, машину и людей, остановившихся на ночлег. Здесь и мы пристроились рядом, покушали, помолились, разложили седушки и улеглись спать. Утром проснувшись, поговорили с нашими соседями. Оказалось, что они киевляне и мы вместе направились до Киева, а там наши пути разошлись. Проезжая Дарницу, мы не могли не заехать к нашим друзьям Петренкам Саше и Наде, девичья фамилия которой была Редько. С ней мы познакомились во время войны в Германии. Они обрадовались нашему неожиданному приезду. Мы много беседовали, вспоминали прошлое, особенно жизнь в немецких лагерях, все те ужасы, которые пришлось нам некогда переживать. Переночевали у них две ночи, поблагодарили, простились и утром отправились дальше. Доехали до Запорожья, начало темнеть, необходимо было где-то пристроиться на ночь. Поскольку наш путь лежал через село наших, тоже старых друзей, и тоже Петренковых Алеши и Гали, мы решили доехать до ихнего села Каменское и у них заночевать, чтобы и с ними встретиться и разделить радость общения. Проехали километров 15 и вот перед нами – большое село Каменское. Остановились и

спросили прохожего мужчину: где живет Петренко Алексей? Но он развел руками и сказал: “Не знаю”. На улице людей уже не было, видно все уже отдыхали. Постучались мы в один дом, в котором горел свет, а потом в другой и вот нам отвечают:

- Здесь недалеко живет Петренко Володя, это его брат, а где живет Алексей, мы не знаем.

К счастью, нам встретился один мужчина, который подробно объяснил, как попасть к Алеше. Мы поблагодарили и по указанной им дороге подъехали прямо к дому Петренко. Остановились у закрытых ворот и, не выключая фар, засигналили. Я приоткрыл дверь и громким, приказным тоном крикнул к стоящим во дворе Алеше и его тестю Денису:

- Відкривайте ворота!

Они в недоумении и растерянности спросили:

- А хто там такий, що в таку пізню пору турбує нас, та ще й вимагає відкрити ворота? – спросил Алеша.

- Альоша, та що це ти, не впізнаєш своїх?

Алеша, узнав мой голос, с радостью поспешил к нам, торопясь. Открыл ворота и пригласил заезжать во двор. Выйдя из машины, мы приветствовали друг друга, радуясь такой неожиданной встрече. Хозяин пригласил нас в дом, мы поблагодарили вместе Господа за ниспосланную встречу, потом Галя, жена Алеша, быстро приготовила нам ужин. За ужином беседовали и, поскольку время было уже позднее, помолились и пошли на отдых. Планировали побыть у них хотя бы полдня, чтобы отдохнуть, поговорить, вспомнить нашу жизнь в Германии, но, к сожалению, наши планы рухнули. Утром Алеша разбудил нас и сказал:

- Якщо ви хочете сьогодні їхати далі, то вам треба поспішати, бо насувається велика хмара і як піде дощ, то вам від нас на виїхати: наша глина як розкисне, то прийдеться вам чекати декілька днів, доки підсохне. А якщо ви можете у нас побути пару днів, то просимо дуже, тоді можете відпочивати далі.

Услышав такое предупреждение, мы вскочили, как по тревоге, нам нужно было торопиться, потому что уже начал накрапывать дождик. Быстро собрались, позавтракали, за все поблагодарили, помолились на дорогу, распростились и уехали на Симферополь, а дальше – на Евпаторию.

Прибыли на место, разыскали нужную лечебницу. Когда поехали оформляться, то нам сказали, что инвалидов первой группы, без опекуна, на лечение не принимают. Но, благодаря тому, что со мной была жена и свой транспорт, меня приняли. Наняли жилье, нашли баптистский дом молитвы, познакомились с верующими и началась курортная жизнь: днем лечил плоть, а вечером и в воскресные дни посещали богослужения и укрепляли душу.

В свободное время мы с Галочкой разъезжали по Крыму, любовались его красотами и знакомились с его достопримечательностями. Везде мы встречались с верующими, посещали богослужения и разделяли радость общения. Наши очень хорошие друзья жили в сельской местности, имели прекрасный приусадебный участок, фруктовый сад. Часто после собрания они приглашали нас к себе в гости, мы так подружились, что жаль было расставаться. Когда, после лечения, мы заехали к ним попрощаться, то они загрузили наш «Запорожец» ящиками с фруктами, виноградом и овощами.

В конце нашего пребывания в Крыму, мы получили очень тревожное письмо от Лэси, в котором она сообщала, что наш Петя попал в больницу, приезжайте домой и больше никаких подробностей. Когда мы уезжали, он был совершенно здоров, поэтому мы были в недоумении: что случилось, почему он оказался в больнице? Все это для нас было загадочно и не ясно. Однако, эта весть сильно нас встревожила и только в Боге искали мы успокоения. Помолились и все предали в Его руки.

При выезде из Крыма, в Симферополе, на автотрассе прошли техническое обслуживание машины и в обратный путь отправились по новому маршруту. Проехали Новую Каховку и, не

доезжая Херсона, заехали к брату-старцу, бывшему узнику, осужденному за отказ от военной присяги. Он отбывал срок с многими братьями, среди которых был брат Дмитрий Миняков, а рядом с их лагерем был женский лагерь, где находились верующие сестры, с которыми они вместе собирались и проводили богослужения. Брат много рассказал нам о лагерной жизни, о духовном труде среди заключенных, о покаяниях, а также и об их освобождении. Перед ужином, заканчивая свой рассказ, брат пригласил нас к молитве и мы, вместе с ним и его женой, поблагодарили Бога, что Он даровал сил ему и братьям выстоять в их тяжелых испытаниях, остаться верными Господу и благополучно вернуться домой. Поблагодарили также за встречу и за посланную пищу. После ужина продолжили нашу беседу. Я рассказал ему, как живут верующие в нашем городе. Брат особенно интересовался братом Миняковым, который в то время жил в Валге. Рассказали мы ему и о своей жизни, о своей семье, о наших радостях и скорбях. За нашей беседой вечер полетел незаметно и мы, после молитвы, с пожеланием друг другу приятного сна, спокойной ночи, разошлись на отдых. На следующий день после завтрака, за все поблагодарили, простились с братом и сестрой, брат благословил нас в дальний путь и мы, минуя Херсон, взяли направление на Николаев и дальше на Белую Церковь. Перед городом стемнело, нужно было где-то заночевать. Стоянку искать было некогда, нас одолела усталость и мы остановились на КП (Контрольно-пропускной пункт), съехали на обочину и расположились на ночлег. Рядом вышка дежурного, милиция дежурит всю ночь, место надежное и безопасное. Ящики с фруктами были хорошо закрыты брезентом на багажнике. Покушали при свете фонарей и, как всегда, разложили сидушки, укрылись и уснули сладким сном.

Под утро почувствовали холод. Я вышел из машины и глазам своим не поверил: брезент на ящиках весь белый от мороза! Мы еще немного подремали, пока солнышко поднялось и обогрело воздух и —опять в путь. Нам нужно было ехать до Житомира, там, на 23 октября, планировалось братское общение служителей автономных баптистских церквей и мне было поручено представлять нашу Валгасскую церковь. Нам хотелось приехать на денек раньше назначенного срока и мы решили выбрать самый кратчайший путь. Посмотрели по дорожному атласу и решили ехать напрямик, по проселочным дорогам. И вот мы поехали напрямик. За два-три часа проехали порядочный отрезок дороги и, если бы дальше была такая же дорога, можно было бы дальше ехать смело, но мы приехали на такую дорогу, что и вперед нельзя проехать и назад возвращаться слишком далеко. И тут нам вспомнилась украинская поговорка: «Хто простує, той вдома не ночує», Мы расспросили местных жителей и они нас утешили, что такой плохой дороги на нашем пути немного, километров пять-шесть, а там дальше через село будет шоссейная дорога. А другой, лучшей дороги у нас нет,-сказали они.

Мы немного ободрились и – вперед, добираться до шоссейки по раскисшим дорогам украинского черноземья. С трудом добрались в село. Здесь дорога была выложена булыжником и нам стало веселее: все же не грунтовая, а шоссейная. Немного прибавили газку и наш «Запорожец» так затрясло, казалось, что сейчас он рассыпется вдребезги! А дорога – ухаб на ухабе. Стали ехать медленно, со скоростью не более 20 км.в час. Хотя и было досадно, но Галочка, ободряя меня, с улыбкой говорила:

- Нічого, Володю, що дорога погана, яюсь помаленьку проїдемо, але хоч побачимо українські села!

Проехали много сел: и богатые, и бедные, со старыми “шевченковскими” хатками, изрядно покосившимися, построенными из бревен, с соломенными крышами, с маленькими подслеповатыми окошками. Почти все дома побелены известью, а фундаменты подведены сажей. Около некоторых хат, под заборами, построенные, так называемые по-украински присьбы, покрашенные желтой глиной. Во дворах чистенько, перед окнами цветут мальвы. У каждого хозяина от дороги забор, под забором скамейка. Все напоминало нам старину, воспетую в стихах и былинах старыми кобзарями. Так жили наши деды, прадеды сотни лет тому назад; так же живут их правнуки сегодня – почти ничего не изменилось.

В Житомир мы приехали во время, переночевали у друзей, а на следующий день я побыл на братском общении, встретился со многими друзьями, которых давно уже не видел. В воскресный день побыли на богослужении и уехали домой. Ехали через Минск, на Вильнюс и Ригу. По пути посетили семью одного из наших старых друзей, тоже Петренко Павла Павловича. Это уже третья семья наших друзей, по фамилии Петренко, которых мы посетили за время нашего путешествия.

Последнюю ночь в дороге мы ночевали перед Вильнюсом, просто у дороги, где мы обычно ночевали, когда ехали в Дубно. Место неплохое, только шумно: всю ночь гудят самолеты, машины, но так как мы были сильно уставшими, то спали хорошо. Утром на рассвете, пока в городе было немного транспорта, мы проехали Вильнюс и взяли направление на Валгу. Оставалось проехать еще 500 км. и мы – дома. Через пять часов езды мы миновали Ригу, проехали еще пару часов и благополучно, с Божьей помощью, достигли цели – конечного пути назначения – Валгу, где с нетерпением нас ожидали наши дети и внуки. Весь наш путь составил около пяти тысяч км. Хотя, после пройденного лечения заметного улучшения здоровья я не ощутил, зато остались приятные воспоминания от пребывания в Крыму, от встречи с друзьями, от всей увиденной нами красоты. Дети и внуки радовались нашему приезду, но еще больше обрадовались привезенным нами фруктам и винограду.

Петю мы нашли уже поправившимся. После операции и лечения он чувствовал себя нормально, но стыдился рассказать нам, что с ним произошло. Обо всем подробно нам рассказала Лэся. Оказалось, что в одной из квартир в общежитии была пьянка. Туда зашел Петя, он тоже был выпивший и среди выпивших, как обычно, завязался спор и дело дошло до драки. Четверо накинулись на Петю, свалили на пол и начали избивать ногами. В результате он почувствовал сильную боль в животе.

- Мы,- говорила Лэся,- вызвали машину скорой помощи. Врачи, видя его состояние, предложили ему ехать в больницу на операцию, но Петя не согласился и дал расписку об отказе от операции. Пришлось врачам насильно забрать его в больницу и прооперировать, иначе бы неминуемо наступила смерть. Когда разрезали живот, оказалось, что у него порваны кишки и содержимое попало в брюшину, пришлось промывать брюшную полость. И только, благодаря усилиям врачей и проявленной к нему милости Божией, он остался живой. Слава Господу за услышанные наши молитвы, действительно, Он – скорый Помощник во всех наших бедах!

Но случившееся не образумило нашего Петю. Прошло немного времени и он опять оказался в одной веселой компании. Изрядно выпили и пошли с “другом” прогуляться в парк. В парке на скамейке сидел инвалид-эстонец и пил пиво. “Друг” Пети подошел к нему и бесцеремонно потребовал: “Отдай мне пиво!” Эстонец возмутился наглостью хулигана и ответил: “Пойди в магазин, купи себе и пей!” Возмущенный отказом “друг” толкнул эстонца, тот упал на скамейку и повредил себе ребра.

Виновного арестовали, а Петя оставался на свободе. Об этом инциденте мы ничего не знали. Он устроился на работу на комбикормовый завод, проработал две недели и вдруг его вызвали на допрос по делу “друга”. Мы заметили, что Петя что-то переживает и спросили его: что случилось? Тогда он нам рассказал обо всем происшедшем. После второго вызова к следователю Петю арестовали и началось судебное разбирательство. Сколько Петя ни доказывал свою непричастность к этому преступлению – ничего не помогло. В итоге – невинный Петя, за чужой проступок, получил 5 лет, а виновник случившегося, ранее судимый и отсидевший 7 лет, получил следующий срок – 7 лет.

Много огорчений доставил нам наш сын Петя, который отверг узкий путь следования за Христом, а избрал себе широкий путь мира сего, путь греха. Неприятно и больно вспоминать, но пришлось, хоть вкратце вспомнить кое-что из его греховной жизни, ибо это боль и переживания всей нашей семьи, а особенно мамы, которая непрестанно страдала, глядя на его разгульную жизнь.

Мы всей семьей, как и прежде, продолжали молиться и просить Бога, чтобы Он сохранил Петю и остановил его на погибельном пути, чтобы Господь повел его таким путем, который бы заставил его обратиться к Господу и в своей нужде, в безвыходном положении воззвать к Нему с искренним раскаянием и принять Его своим личным Спасителем. И этот путь страданий у него начался в 1981 году, в 29-летнем возрасте, в Таллинских лагерях. Находясь там, он имел много времени для размышления о своей греховной жизни, о родительских наставлениях, призывающих его к покаянию и к обращению к Богу. Эти мысли начали его тревожить; Дух Святой начал Свою работу над ним.

О своих переживаниях и размышлениях он писал нам в письмах, из которых мы узнавали, что происходит в его душе. Мы радовались и благодарили Бога за проявленную милость к нашему блудному сыну, принимая это, как ответ на наши долголетние молитвы. Для подтверждения хочу привести здесь некоторые выдержки из его писем.

Вот строки из его письма к маме: "...постараюсь изложить тебе то, о чем я думаю, о чем рассуждаю. Времени для этого предостаточно. Самый важный вопрос, естественно, о жизни. Вспоминаю ушедшую жизнь и думаю о будущей. Говорят, что человек перед смертью, за короткое время, может вспомнить всю свою жизнь. Не знаю, так ли это на самом деле, но я десятки раз должен был бы вспомнить. Вспоминается прошлая жизнь и в больнице, но, когда человеку делается лучше – забывается намерение быть лучшим и не тратить времени зря. И вот теперь тоже есть время думать, думать трезво, не спеша. На свободе все не хватает для этого времени, да и нет желания. Всегда был готов ответ: чему быть, того не миновать, что будет всем, то и мне и т.д. Итак, что же было до того? Была детства золотая пора, после детства была еще пора, когда у человека начинается переломный возраст. Вот тут-то и начало меня ломать. Началась какая-то двойная жизнь: с одной стороны желание жить так, как жили вы с отцом, а с другой стороны – прелести свободной жизни. Постепенно я и привык к веселой жизни, но все же то, что слышал от вас с отцом, не забылось. Изредка вспоминал, в основном, когда бывало тяжело и старался опять не думать. Даже хотелось быть еще хуже, чем был на самом деле. Это я понял совсем недавно. А сколько я заставлял переживать тебя и отца! Сколько всяких претензий было к вам, моим родителям. По-моему, вы были виноваты в том, что я так живу, виноваты все и вся, только не я. Не ценил я то, что надо было ценить. Цену тебе и отцу я знаю сейчас и мне хорошо от того, что я могу, хотя на бумаге, написать вам об этом. Я знаю, что ты мне всегда все прощала, потому что верила в то, что я рано или поздно, все равно буду таким, как ты хочешь и я благодарен тебе за это. Тебе, моему самому дорогому и любимому человеку среди людей. Я это говорю тебе от всей души и от всего сердца.

Также хочу просить прощения за все у отца. Я был несправедлив к нему и мне сейчас очень стыдно за это. За всякими мелочами я не мог, или не хотел видеть всю доброту и заботу его. Не знаю, чего именно мне не хватает, чтобы просить прощения у Главного, но я верю, что очень скоро это произойдет, не знаю, когда, что обязательно так должно быть и так будет, когда я буду знать и понимать, кто я и для чего рожден человек. Как я себе представляю будущую жизнь? Не могу сказать, поскольку я еще не все понял. Во всяком случае, думаю, что будет жизнь богаче духовно, чем я могу себе представить. Ах, как я не могу описать тебе все, что я переживаю! Мне бывает так хорошо, что об этом писать почему-то боязно. Кажется, что для того, чтобы иметь такие мысли и понимать жизнь, хотя бы настолько, на сколько я понимаю ее сейчас, можно быть лишенным свободы на срок больший, чем у меня. Но, чтобы все-таки нам быть еще вместе, сделать в жизни главное..."

"Здравствуйтесь, дорогие мои родные, а также друзья! Сейчас раннее утро, 4 июля 1982 года, воскресенье. У меня появилось желание написать вам письмо, хочу, чтобы все вы прочли его вместе. Друзей, конечно, всех не собрать. У меня сегодня большая радость и эту дату я запомню на всю жизнь. Сегодня я понял очень ясно и отчетливо, что такое счастье. Счастье на бумаге я бы выразил формулой: это – вера + надежда + любовь. Это настолько мне ясно, как то,

что сейчас утро. Хорошее время, правда? Ясно и то, что, если какой-либо составной части не будет, то не будет и самого счастья, а лишь одна иллюзия. Мама, ты помнишь, что я тебе писал, что мне чего-то нехватает для полного счастья? Теперь я знаю: нехватает любви. Я верю и надеюсь, что настанет тот миг, когда любовь придет, как поется: "...все мусор без любви". Хочется так быстрее почувствовать счастье, какое оно. То, что зависит от меня, я стараюсь выполнять, а то, что не в моих силах – придет, не замедлит. Все произойдет тогда, когда надо. Друзья, друзья, забывать нам друг друга нельзя. Желаю всех благ”.

“...Мама, твое письмо пришло как раз в то время, когда я зашел в своих мыслях в очередной тупик и искал выхода. Как бы тебе объяснить? Мне представляется сейчас дорога, по которой я иду, примерно так: вот свернул я с того широкого пути, по которому шел для того, чтобы выйти на другую сторону, по которой идешь ты. Нахожусь на проселочной тропинке, которая соединяет две дороги и с самого начала попал в лабиринт. Долго петляя, заходил в тупики, но не терял надежды, что выберусь и, в конце-концов, выберался. Появилась вера в то, что дойду до намеченной цели. Тогда появился впереди другой лабиринт: вера, как бы поколебалась. Но вспомнил, что не я первый иду и, что есть Путеводитель и Инструкция о всех этих лабиринтах. В свое время мне предлагали ее прочесть, но я отказался, так как не думал, что мне это пригодится. Осталось пожалеть об этом и вспоминать, что я в свое время слышал от людей об этих лабиринтах. Ведь они прошли это и знают. И так я прошел несколько таких лабиринтов, веря в то, что я смогу попасть на желанную дорогу, продолжая идти, не теряя надежды, что смогу прочесть и Инструкцию, чтобы больше не попадать в тупики. Ну, а пока иду, медленно, с остановками, но стараюсь идти, пока время позволяет. Вот так, примерно, можно объяснить мое теперешнее состояние. Знаю, что ты меня поймешь”.

А вот еще строки из письма ко мне: “Отец, твое письмо я получил 5 июля. Это письмо, думаю, не забуду. Я перед тобой во многом виноват, не понимал я тебя, да и не стремился к тому, чтобы понять. Прошу, прости, верь, что сейчас я тебя очень хорошо понимаю и мне не хочется, чтобы ты думал, что в чем-то виноват передо мной. Я понимаю и чувствую свою вину перед тобой. Ты всегда был прав в главном. В общем, отец, надеюсь в будущем у нас не будет недоразумений, а полное понимание друг друга”.

Читая эти выдержки из Петиных писем, как совесть осуждала его за свои поступки, за пренебрежение родительскими советами отдать свое сердце Господу. И вот, только находясь в этих трудных обстоятельствах, он начал сознавать свою вину. Душа его стремилась к полному освобождению от греховных цепей, к раскаянию не только перед нами, но и перед Богом, Который продолжал нежно стучать в его сердце. Размышляя о Боге, он испытывал проблески радости новой жизни и начал другим свидетельствовать о Боге, но дьявол всячески ему препятствовал, прежде всего тем, что его самого не допускал отдаться Господу, покаяться и довериться Ему вполне. Свидетельствуя другим, он сам был еще на расстоянии от благодати Божией. За свое свидетельство, врачами лагеря, он был признан шизофреником и отправлен в Ленинградскую психбольницу, где ему пришлось находиться более двух лет. Признать человека шизофреником и лечить его – это был один из советских методов борьбы с верующими и политически ненадежными, или, как их называли, инакомыслящими.

Прошли долгие, томительные годы Петинского заключения и, наконец, пришел долгожданный день его освобождения. Судя по письмам, в которых он радовал нас своим приближением к Богу, мы надеялись увидеть его новым человеком, но, к сожалению, полной перемены в нем еще не произошло. Опять влекли его те же веселые компании, собрания, как и прежде, посещал изредка, мало читал Слово Божие – все это нас настораживало, беспокоило и мы продолжали усиленно молиться о нем. Много беседовали с ним, старались, как могли отвлечь его от плохих компаний.

Однажды нам сообщили, что в Бресте будет проходить большое евангелизационное служение и мы решили повезти туда нашу молодежь, а также пригласили и Петю. Он

согласился и мы, вместе с рижанами, целой компанией – колонной машин – направились в Брест. Это был осенний, прохладный, слякотный день; моросил дождь со снегом, дорога была скользкая и опасная и, притом, дальняя, проехать предстояло километров 900. Но, слава Богу, доехали благополучно. Было многолюдное собрание – прекрасно пел хор, провозглашались богодухновенные проповеди Слова Божия, призывающие грешников к покаянию. Обильное Божие благословение изливалось на всех присутствующих, прозвучали первые призывы к покаянию. Вначале поднялось несколько душ, а потом все больше и больше людей начали подниматься на площадку к кафедре для совершения покаяния. В течение нескольких минут заполнилась вся площадка, в основном, молодыми людьми. Я внимательно смотрел с молитвой на всех выходящих и в душе ожидал, что вот-вот и мой сын выйдет с покаянием, но, к сожалению, этого не произошло. Полились слезные молитвы грешников о покаянии, братья-служителя в своих молитвах просили Божьего благословения на эти молодые души, пожелавшие отдать себя Господу.

Сколько я ни оглядывался назад, желая увидеть Петю, но, несмотря на его высокий рост, я его не видел. И только дома, спустя несколько дней после поездки, он рассказал нам, какая борьба происходила в его душе, когда он услышал призыв Божий из уста брата-служителя Божия Иосифа Бондаренко.

- Я хотел было выйти с покаянием,- говорил он,- но какая-то невидимая сила удерживала меня. Дальше стоять на месте я не мог и, вместо того, чтобы идти вперед к кафедре, эта сила повлекла меня назад, на улицу, за двери дома. Зайдя за угол дома, я закурил папиросу, чтобы приглушить пробудившуюся во мне совесть.

Служение продолжалось, звучали призывные гимны, проповеди, стихотворения, ощущалось веяние Святого Духа на сердца людей. Петя сидел в последнем ряду, опустив голову и, наверное, размышлял над услышанным. И вот – опять призыв. Люди потянулись к кафедре, я в таком же молитвенном состоянии смотрел в конец зала. И как я обрадовался, когда я увидел в конце образовавшейся очереди из подходящих к кафедре, своего несчастного, блудного сына Петю. Он с волнением подошел к кафедре, упал на колени и в своей слезной молитве воззвал к Богу, прося у Него милости прощения. Прислушиваясь к его молитве, я радовался и благодарил Бога, что Он услышал наши молитвы и молитвы многих наших друзей.

О, как обрадовалась мама, когда я рассказал ей о Петинем покаянии! Она, приветствуя, обливала его слезами радости. Несмотря на то, что после его покаяния он немного изменился, но мы, наблюдая за ним, видели, что в нем еще не произошло полного духовного переворота и мы не переставали за него молиться.

Спустя немного времени после покаяния, он устроился на работу шофером в Новгородской области и там, среди искушений не устоял, опять совершил преступление – продал машину дров. Потребовали уплатить стоимость дров в сумме 27 рублей, он заплатил, но дело все равно было передано в суд и суд присудил ему год тюрьмы. Это происходило как раз в то время, когда здоровье мамы начало сильно ухудшаться и, умирая, она очень жалела, что еще в последний раз не смогла лично повидаться с ним и поговорить к его сердцу.

Одно горе прошло, настигло нашу семью другое горе. В сентябре 1981 года, неожиданно скоропостижно умер, в тридцатилетнем возрасте муж нашей Лэси – Витя. Осталось без отца четверо малых деток: Мируся, Веня, Рита и Виталик. Самой старшей Мирусе было 8 лет, а наименьшему Виталику – полгода. Это было тяжелое испытание и переживание для нас и для всех наших друзей, которые искренне сочувствовали нам. Но особенно тяжелой была утрата для Лэси; скорбь безутешная, непередаваемая. Наши старания утешить ее были жалкими, пока она не смирилась с волей Божией, приняла этот удар, как посещение ее Богом и всецело доверилась Ему, полагая свое будущее в Его Отцовские любящие и милосердные руки. И только тогда обрела она покой и утешение своему измученному сердцу. Вот таким путем, путем страданий и

скорбей Господь проводит нас, Своих детей, чтобы приблизить к Себе, испытать нашу верность Ему и приготовить нас для вечности.

Кто-то сказал, что страдания для души, как горнило для золота, чтобы очистить его от всех посторонних примесей. После огня золото сияет своим неповторимым блеском, так и наша душа в жизненных страданиях очищается от всяких греховных наслоений и приобретает ту кристальную чистоту, которая является драгоценностью в очах Божиих.

Пять лет пришлось Лэсе одной воспитывать своих деток. Очень тяжело было ей, на протяжении этих долгих лет одиночества, тяжело и материально, но особенно морально. И когда в Валгу приехал брат Василий Мусорин, у которого, в силу сложившихся обстоятельств, семья распалась и он остался одиноким, на его предложение стать отцом ее детям, а ей – мужем, Лэся согласилась. Они зарегистрировали свой брак и живут дружной семьей и по сей день. Мы, как родные и некоторые верующие дрезвя, как могли помогали Лэсе по хозяйству, но эта помощь не могла восполнить утрату мужа.

Каждый из нас, проживши определенный отрезок времени жизни, может сказать, что вся жизнь человека переплетается радостями и печалью, удачами и разочарованиями, взлетами и падениями. И, если бы человек знал, что ждет его впереди на жизненном пути, то он был бы очень несчастным и жалким, многие, наверное, не захотели бы жить. Но, слава Богу, что Он сокрыл от нас нашу земную будущность и счастливы мы, когда свою жизнь вручаем всецело в Его руки и во всем доверяем Ему, как любящему Отцу и Создателю.

Вот так и в нашей семье: скорбные годы Господь сменял в радостные, подобно, как и в природе: после суровой зимы наступает прекрасная теплая весна, а затем жаркое лето, под лучами которого все оживает к новой жизни. И наша семья, переживши столько горя, суровых житейских бурь, согретая лучами Божией любви и милости, постепенно тянулась к новой жизни.

Таким радостным событием, изменившим нашу печаль в радость, был прохладный октябрьский день 1983 года. Это был день, когда наша Оля и Миша Винс заключили брачный союз и сочетались для семейной жизни. Все служение в доме молитвы было посвящено бракосочетанию молодых. Сочитывал их Василий Данилович Бондаренко, пресвитер баптистской церкви из города Елгава. Молитвенный дом был переполнен членами поместной церкви и гостями, прибывшими на брак. После сочетания и прочих церемоний все направились к дому жениха на брачный пир, где была специально устроена палатка для брачного пира. В палатке уже были накрыты столы с различными яствами. Все приглашенные заняли места за столами и под звуки эстрадных мелодий принялись за трапезу. Брачное торжество продолжалось долго, все были довольны, - и молодые и гости. Но, вдруг, у входа в палатку, появилась запыхавшаяся соседка из нашего дома и, не желая нарушить праздничного торжества, подзвала меня и встревоженно сказала:

- Володя, горит ваша квартира. Горит что-то на балконе, вызвали пожарных, возможно огонь уже проник и в квартиру, поедьте скорее! Пожарники хотели ломать дверь в квартиру, но я сказала им: не ломайте, сейчас я привезу хозяина и он откроет. Пожарные машины уже сбили пламя на балконе.

Это тревожное сообщение услышали вокруг стоящие, братья передали эту весть друг другу, а потом и всем гостям и сразу же несколько автомашин помчались в город к нашему дому на помощь в сложившейся ситуации. До нашей квартиры было 4 км. и, пока мы доехали, машин с пожарниками уже не было, остались только залитые водой следы от колес пожарных машин, а на земле у дома, догорал мой чехол от «Запорожца». Слава Богу, все обошлось сравнительно благополучно: сгорело только то, что было на балконе и частично был поврежден и балкон. Я открыл дверь, а в квартире полно дыма, который проник через дверную щель над горевшим порогом. Треснуло в балконной двери нижнее стекло. Мы с облегчением вздохнули, поблагодарили Бога и вернулись на брачный пир, где с волнением ожидали нас гости. Особенно волновался мой шурин Анатолий Марцин, приехавший из Львова. Он успел купить кое-что из

вещей в наших магазинах и уходя на бракосочетание, поставил их на балконе. Я советовал ему оставить вещи в комнате, на балконе могли стащить, но он не послушал моего совета и сделал по-своему. Выходя из дома, я незаметно, забрал вещи с балкона и поставил их в комнате под столом. Когда он услышал, что на балконе все сгорело, а следовательно сгорели и его вещи, он встревожился. А когда мы приехали домой, я говорю ему:

- Не хотел меня послушать, теперь вини сам себя.

- Ну, что ж,- ответил Толя,- бывает и хуже. Почесал затылок, тяжело вздохнул и, отойдя от стола, заметил свои вещи и радостно воскликнул: а, вот они под столом!

Нашел то, что считал пропавшим. И здесь уместно подметить, что в жизни человека очень часто меняются обстоятельства: сменяется печаль радостью и – наоборот. В один день мы пережили радость и тревогу и этим наглядным примером подтверждаются слова великого мужа Божия, псалмопевца и царя Давида: «вечером водворяется плач, а на утро радость» (Пс.29:6).

Вначале молодожены жили вместе с нами в одной квартире. Но, прошло время и в семье Винсов родился первенец Павлушка. Он стал нашим пятым внуком и мы очень радовались его появлению. Бабушка Галя любила нянчиться с ним, но, к сожалению, в связи с ее болезнью, ей это стало уже не под силу. В нашей двухкомнатной квартире уже стало тесновато всем и у молодоженов возникла проблема с жильем. Подумали-помечтали и решили строить собственный дом. Такое решение и меня обрадовало, ведь строительство - это моя стихия и я был рад, что смогу поехать на стройку, посмотреть, а возможно смогу и чем-либо помочь, или хотя бы посоветовать. И для меня наступит какое-то разнообразие в жизни, хотя трудиться, как прежде, я уже не мог. Тешил себя мыслью, что пройдет пару лет и дом будет построен, приятно нам будет ездить к ним в гости, отдохнуть около своего дома после шума городской многоэтажки, покопаться в огороде, погулять с внуками во дворе. Такие размышления, а особенно необходимость в жилье, побуждали нас братья за дело серьезно. Хотя физически помочь я был не способен, но вдохновлять на труд и немного помочь средствами я мог. Взяли за городом хороший участок, рядом с рощей, вдоль простирался луг, вокруг зелень, птички поют, в общем – все так чудесно!

Я предварительно начертил план дома, размером 12x10 м., состоящего из 5-ти комнат, большой кухни, прихожей и прочих вспомогательных помещений. Выехали на участок, разбили колышки и Миша, как посмотрел, что дом будет таких больших размеров засомневался, в силах ли он будет осуществить такое строительство и предложил:

- Знаешь, татку, это все на мои руки. Если бы ты был здоров, мог бы помочь мне, тогда можно было бы строить и такой большой дом, а самому мне этого не осилить.

Пришлось мне чертить другой план, размером 10x9м. Этот план был приемлемым и, получив необходимые документы, мы приступили к строительству. Прошел год-полтора, за это время возвели стены из кирпича, крышу и накрыли. Миша занимался своими работами: ложил внутренние простенки, настилал чердачное перекрытие, подбивал потолки, проводил электропроводку, водяное отопление, утеплял изнутри специальной плитой наружные стены. Одним словом – работы было непочатый край. Отец Миши изготовил столярку, а я взялся было за внутренние и отделочные работы; начал их с подгонки и навески окон, потом перешел на штукатурку стен и шпаклевку потолка. Закончил с этими работами и приступил к настилке полов, прибавал плинтуса, наличники, белил потолки, красил окна, двери. Я рад был, что рядом со мной была моя Галочка, она видела, как трудно и тяжело давалась мне эта работа и старалась, хотя чем-нибудь помочь. Она подавала мне нужный материал, инструмент, подносила доски, шпаклевала плиты для подбивки потолка, убирала мусор, словом – делала, что могла.

Но пришло время, когда она почувствовала, что силы ее слабнут, слегла в постель и на стройку больше не приходила. Строительство дома приближалось к концу. Миша с отцом обкладывали дом снаружи белым силикатным кирпичом, а я продолжал отделочные работы: клеил обои, шпаклевал и красил полы. И так, при помощи Галочки и Божиим благословением я

сделал, казалось, совсем непосильные для меня работы и торжественно вручил ключи хозяину. Работа эта для меня была действительно непосильной, с большими трудностями, пристраиваясь, как мог, штукатурил стены сидя, потолки шпаклевал и белил со стола, придерживаясь за перыла, прибитые к нему, но я был рад, что мог помочь детям не только средствами, а также и физически.

Общими усилиями, с помощью Божией, построили прекрасный дом со всеми удобствами: с подвалом, котельной, местом для топлива, для овощей – все было предусмотрено. Во дворе, Миша со своим братом Ваней, вырыли колодец, откуда, при помощи электронасоса, вода поступала в дом, а также на поливку огорода и теплицы.

Рядом с домом Миша начал строить гараж и летнюю кухню с финской баней. В огороде посадили яблони, вишни, кусты смородины; перед домом цвели розы и разные цветы. Все было сделано добротнo, по-хозяйски. Наконец-то исполнилось наше желание: гостить у детей в их собственном доме, вместе с ними посидеть во дворе, дышать свежим воздухом, наслаждаться пением птиц, но особенно приятно было вечерами слушать чарующие трели соловья. А как хорошо было пойти с внуками, а их было уже трое – Павличек, Лидочка и Ванечка – в огород полакомиться клубничкой, малиной. Бывая у детей, я отдыхал и душой и телом.

Хотелось помочь также и Лэсе и мы с Галочкой постоянно ездили к ним, помогали, как могли, смотрели за детьми. С большим трудом построили теплицу. Я пригласил братьев, огородили участок вокруг забором, в подвале забетонировали полы, утеплили потолок. Вася в гараже под домом вырыл яму для осмотра машины, я навез из развалин старых домов кирпича. При помощи Лэси и внуков, которые подавали мне кирпич и раствор обмуровал яму. Потом привез старого цинкового железа и из него сделал два одиннадцатиметровых желоба на крышу. Братья-строители приехали целой бригадой и установили их на место. Тяжело мне было в моем положении трудиться на таких работах. Пока все закончил, очень устал, но зато, глядя на плоды своего труда, получал моральное удовлетворение. Потом еще поехал в лес, выкопал две елочки, привез и посадил их на краю газона, чтобы дети и внуки, глядя на эти елочки, вспоминали деда.

Наконец, все заботы и хлопоты – позади: все хорошо устроились, и Леся теперь не была одинокой. В лице Васи она приобрела верного друга и отца деткам. И Оля с Мишей хорошо устроились в своем уютном гнездышке. Теперь – живи и радуйся. Но очень верно кто-то сказал: «Не всегда так Будет». И меня, вместо отдыха и покоя ожидало огненное испытание.

Моя дорогая Галочка болела. Она постоянно жаловалась на боль в сердце, на головную боль и другие недомогания. Переживала она, переживал и я, Но однажды она сообщила мне нечто, чем особенно меня встревожила. Оказывается, она уже давно скрывала свой недуг, не хотела опечалить меня, думала, что все обойдется. Но, когда скрывать дальше стало невозможным и опасным, она сказала мне, что у нее на правой груди есть небольшая, внутренняя подозрительная опухоль. Эта весть поразила меня и сильно встревожила и, как всегда, в своей горячей молитве мы принесли эту нужду к Господу, всецело положились на Его волю. Эта болезнь, повидимому, была результатом всех, перенесенных ею скорбей и переживаний, начиная с юных лет. О, сколько ей, бедной, пришлось пережить в случившемся со мной! Сколько страданий и горя причинил нам Петя, сколько ею было пролито слез, сколько бессонных ночей, а потом еще смерть Вити и оставшиеся сиротки-внуки! Все это тяжким бременем легло на ее слабые женские плечи и, в конце-концов подорвало ее здоровье. Силы ее с каждым днем слабели, здоровье ухудшалось. Нужно было принимать какие-то меры и мы поехали с ней на консультацию в онкодиспансер в г.Тарту. Там определили рак груди. Лечилась она сначала в больнице, потом дома принимала различные фармацевтические лекарства и народные средства, но все было безрезультатно – улучшения не наступало. Пришлось соглашаться на операцию. В Эстонии оперироваться Галочка не хотела, так как находиться в больнице среди эстонцев, не зная их языка, было трудно и она пожелала поехать на операцию в г.Дубно, на Украину, там были знакомые врачи, свои люди, свой родной язык. Радужно

приняли Галочку, провели соответствующую подготовку к операции, удачно прооперировали, после чего еще некоторое время она проходила курс лечения под наблюдением хорошего, опытного врача и только после почти двухмесячного пребывания в больнице мы с ней вернулись в Валгу.

Не могу не вспомнить о наших хороших Дубновских верующих друзьях, которые много раз посещали ее в больнице, иной раз целыми группами. Однажды я решил сосчитать ее посетителей и насчитал более 50 душ. Они приносили ей свежие овощи, фрукты, ягоды, клубнику и различные деликатесы. Я расстилал на травке одеяло, все садились и Галочка угощала нас принесенной ей разной вкуснятиной. После беседы и пожеланий скорого выздоровления, расходились по домам. Посещали ее также и рабочие завода, где она когда-то работала. Все посещения ободряли ее, рассеивали грустные мысли и она не унывала. Я все время находился в Дубно, два-три раза на день навещал ее и так пролетело время нашего пребывания и лечения в родном городе. Дети и внуки с нетерпением ожидали возвращения бабушки; Миша в нашей квартире сделал ремонт, Оля все вымыла, вычистила, чтобы маме было приятно выдеть заботу о ней ее детей.

Постепенно здоровье мамы поправлялось, силы крепили и она опять могла выполнять свою домашнюю работу и в церкви также могла опять занять свое место в хоре. Ездили с хором в посещение в другие общины и было отрадно и радостно, казалось, что все горе миновало. Под наблюдением врачей и дополнительным амбулаторным лечением она чувствовала себя удовлетворительно.

Но прошло два года и здоровье ее резко ухудшилось. Опять поместили в больницу, применяли различные медикаменты, но все было безуспешно. По несколько раз в день я посещал ее, утешал, а сам, с болью в душе смотрел, как она, с каждым днем таяла, как свечка. Она тоже чувствовала, что подходит время ухода и готовилась к вечности. Кончился курс лечения и ее выписали домой. Она почти потеряла аппетит, а со временем и совсем перестала кушать. Тело ее покрылось какими-то пятнами. Врач, утешая, говорил, что это аллергия. Но мой друг-медик Василий Данилович Бондаренко, неоднократно посещавший нас, не скрывая говорил, что это признаки распада телесных клеток и теперь на ее выздоровление нет никакой надежды.

Крайне истощенная, сильно исхудавшая, она не унывала, но всецело доверялась Господу; и, хотя плоть постепенно увядала, но дух ее был бодр. После последнего пребывания в больнице, Лэся взяла маму к себе. Она ухаживала за ней, всячески заботилась. Мама, незаметно утирая слезы, смотрела на своих детей и внуков, с которыми ей предстояла разлука и, обращаясь к Господу, в своей тихой молитве просила на них Его благословения, просила силы и на свой переход в потусторонний мир, в Божьи обители. Она предавала всех нас Его благодати.

Несмотря на тяжелое состояние здоровья мамы, нам приходилось много времени уделять окончанию строительства Мишиного дома, ему нужно было уже освобождать занятую ими квартиру. По окончании дома Оля взяла маму к себе, а я поспешно занялся ремонтом своей квартиры, потому что Галочка, чувствуя свою близкую кончину, хотела быть вместе со мной в нашей квартире, в тишине и покое. До ее переселения я успел отремонтировать кухню, коридор, ванную и туалет. Старался сделать все наилучшим образом: все покрасил, почистил и хотел уже браться за комнаты, но не успел. Вася привез Галочку и, как ребенка, на руках вынес ее из машины на второй этаж в квартиру и осторожно положил на кровать. Она глубоко вздохнула, предвидя свою скорую кончину, посмотрела вокруг на кровати и поняла, что это место – последнее место ее пребывания на этой скорбной, политой и ее слезами земле. Я старался сделать для нее все возможное: приготовить какую-либо пищу по ее желанию, да и дети кое-что приносили, но к сожалению, кушать она уже не могла. Когда-то ее любимой пищей был украинский борщ, но теперь и эту перетертую пищу ее организм уже не принимал, а за

несколько дней до смерти она могла проглотить только несколько капель воды, но и эта вода вызывала у нее сильную рвоту.

Видя ее состояние и ее близкий переход в вечность, я обратился к ней и сказал:

- Дорога моя Галочко, дорога дружино і мама! Дні твого земного життя підходять до кінця і прийдеться переступити поріг до потустороннього, вічного, радісного життя, де Сам Бог зітре всяку сльозу, де смерти вже не буде, ані смутку, ані крику, ані болі. Наш Господь Ісус Христос залишив для людини Свою обітницю. Він сказав: “Хто Мені служить, хай іде той за Мною і де Я, там буде і Мій слуга”. Твоя мандрівка по земній долині скоро закінчиться, твоє служіння Господу також завершилось. Ти вже не в силі прославити Його своїм голосом, піснями, якими ти прославляла Його на протязі сорока одного року. Сьогодні ти можеш тільки, поки ще б’ється твоє серце в грудях, прославити Господа в своїй сердечній молитві за дар спасіння, за весь пройдений шлях, на якому Він посилав Своє благословіння в радостях, печалях і різних переживаннях. А тепер, дорога моя, готуйтесь тобі вінок праведности, тому що і ти, з молодих років полюбила Його прихід, віддалася Йому на служіння. Чого око не бачило, і вухо не чуло, і на серце людині не приходило, те Бог приготував тим, хто любить Його. А зараз, зберися з своїми останніми силами, сповни свої бажання у цей передсмертний свій час, і ще раз, на прощання, скажи до серця Петі. Нехай допоможе тобі в цьому Господь”.

Петя в эти предсмертные минуты мамы, отбывал свой второй срок заключения. Этот ее последний призыв его к покаянию, ее прощальные слова ко мне и к детям, ее последнюю молитву я записал на магнитофон. Приставил микрофон ближе к ее устам и она, напрягая все свои силы, с остановками и задыхаясь, пропела весь псалом «Ближе, Господь, к Тебе». Передохнув немного, она в первых своих словах, со слезами, обратилась к Пете:

- Так, Петрусь, мій час пробив. Дякую Богові, що Він так хранив мене в житті, благословляв, коли трудно було, давав сили, тепер – все закінчено. І найбільший мені смуток від того, що я не можу бути з тобою разом і не знаю... Я хочу вірити, що буде наша зустріч, але це в великій мірі залежить від тебе, як ти приймеш, як ти проаналізуєш своє життя. Ти знаєш, скільки милості Він тобі явив, які Він відкриття тобі давав, можна було б плюздріти. А чому ти принебріг усім, чому ти те все залишив? Бог знає. І от тепер, в останній свій час я не можу з тобою говорити, тільки думаю, що всі мої балачки, все те було надарма, воно не дійшло до тебе. Мені дуже шкода, що я не змогла відкрити тобі ту всю красоту, те все життя у Христі і надію на майбутнє. Для чого ти все те принебріг? Що ти надбав за той час? Тільки ще дякувать Богові, що Він береже життя твоє. Він не хоче смерти грішника, Він хоче, щоб і ти покався і прийшов до Бога. Я тобі цього бажаю, тобі і Нелі, яка виросла, не знаючи нічого. Ти повинен показати, ти повинен навчити, ти повинен її привести, так написано, щоб в кінці кінців ми могли бути разом і ми могли б з тобою зустрітися там, де нема вже ні плачу, ні горя, ні сліз, а тільки вічна радість у Христі. Хотілося б ще щось сказати, але ж я в останній своїй молитві прошу, щоб Господь Сам відкрив твоє серце і проговорив до тебе, і хочеться мені сказати: до побачення, сину!

Дорогий мій Володя! Дякую Богові за те, що Він послав мені такого друга, з яким прожили 40 років. Боже мій дорогий! Я так часто була несправедлива до тебе, прости мені. За всі ті благословіння, за всі ті піддержки, які я мала, зашиту в тобі. І тепер, коли ти залишаєшся один, уповай на Господа, Він не залишить, Він знає і ніколи не помиляється і те, що я думала, що я тобі буду в великій пригоді и все. А ось тепер видно, що я не можу нічого дати і приношу тебе до ніг Господа і прошу, щоб Він опікувався тобою, щоб Він тобі допомагав, щоб Він тишину и спокій давав тобі з дітьми, щоб ви могли прожити ще до того часу, коли ми зустрінемося з тобою. Хай же Бог благословить тебе, дорогий мій.

Діточки, ви смиряйтеся, не дратуйте друг друга, татка. Більше приділяйте уваги своїм дітям, щоб їх виховати для Господа. Залишайтеся з Господом, дорогі мої, до зустрічі.»

Галочке было уже очень трудно говорить, каждая фраза, каждое слово произносилось с перерывами, сил у нее уже не оставалось и она закончила свой прощальный монолог. После

этого я, в утешение, прочитал ей из Библии о той чудной, прекрасной вечности, которая ожидает всех искупленных, где Сам Бог будет Богом их. «И отрет Бог всякую слезу с очей их и смерти не будет уже, ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло» (Отк.21:4). Внимательно выслушала она эти дорогие слова и лицо ее как бы просияло. Она стерла со щеки застывшую слезу и спокойно вздохнула, а потом мы вместе поблагодарили Бога за Его чудные обетования.

Целыми днями и ночами мы дежурили, ни на минуту не отходя от ее постели. Нужно было часто давать ей пить, поворачивать с бока на бок. Я дежурил днем, а на ночь приезжала Лэся. Галочка ела совсем немножечко, почти ничено, но ощущала сильную жажду. Каждая ложечка пищи, каждая капелька воды, попавшие в желудок, как я уже говорил, вызывали у нее сильную рвоту. Последние два дня она уже даже и воды не принимала, только просила смачивать губы мокрым тампоном и жадно старался всосать хоть капельку воды для утоления жажды и – опять начиналась рвота.

Ранним утром 14 января 1989 года она попросилась на горшок. Я тихонько приподнял ее, опустил на горшок и ждал, когда можно будет поднять ее на кровать, но она молчала. Начал поднимать, оказалось, что она была тяжелее обычного. Смотрю, а у нее глаза стали какие-то мутные, если бы еще минуту – она бы умерла. Я с большим трудом приподнял ее, положил, она что-то силилась сказать, жестикулировала рукой, но я ничего не мог понять и только потом догадался, что она хотела повыше поднять подушку, потому что ей тяжело было дышать. Около восьми часов утра пришла врач, наша сестра Валентина Карловна, сделала ей укол, но было уже поздно...

Вдруг послышался стук в дверь. Я открыл и увидел перед собой незнакомого молодого мужчину с букетом роз. Он спросил меня: «Здесь ли живет Галина Амосовна, я хочу ее видеть».

Я ответил ему: «Да, здесь, - и пригласил его войти в зал, а потом сказал ему, - к сожалению, вы опоздали и увидеть ее не сможете, она умирает.

Мужчина опечалился, глубоко вздохнул и начал мне рассказывать, как он знает Галину Амосовну и что побудило его посетить ее.

- Меня зовут Игорь. Я вместе с вашим Петей отбывал срок в Таллинском лагере. Он мне рассказывал о своей маме, говорил, что она глубоко верующая. Я заинтересовался этим, Петя дал мне адрес и у нас завязалась переписка. Она отвечала мне на все мои вопросы и, кроме того, присылала мне посылки. И вот я, освободившись из лагеря, решил приехать и лично познакомиться, поблагодарить за ее доброту и внимание ко мне. Пожалуйста, возьмите эти розы и поставьте у ее гроба.

Да, очень печально, что так получилось, но вместе с тем, очень приятно, когда эти и многие другие добрые дела сопровождали мою дорогую Галочку в иной мир, к Богу.

Хоронили Галочку 21 января 1989 года. Похороны были многолюдные: многие друзья из разных мест съехались, чтобы проводить ее в последний путь и разделить нашу скорбь. Получили также множество телеграмм, в которых друзья выражали нам свои соболезнования.

Гроб был установлен в молитвенном доме. Состоялось траурное богослужение, после которого похоронное шествие направилось к нашему дому. Здесь у дома служение продолжилось, а потом автобус с телом покойной, в сопровождении колонны автомашин, отправился на кладбище за город. После краткого служения на кладбище тело было предано земле, на могилу возложены венки и все вернулись опять в молитвенный дом, где разделили с нами хлеб печали.

Итак, далеко от родной Украины, на эстонском кладбище, остались рядом две дорогие могилки – двое дорогих нашему сердцу – зять Витя и моя горячо любимая жена Галочка, с которой я прожил в супружеской жизни 41 год. От жизни, которую мы прошагали вместе с Галочкой, остался лишь увядший букет, в котором были прекрасные цветы: любовь, радость, мир, уважение, сострадание, терпение, кротость, взаимопонимание и другие. Были в этом букете

и острые колючки терний житейских скорбей, неудач, печалей и различного рода переживаний. Установленные на могилках мраморные памятники еще долго будут напоминать нашим друзьям, оставшимся в Эстонии о Вите и Галине Амосовне, с которыми вместе трудились, славили господу, вместе делили горе и радость.

В те годы, когда я остался пожизненно инвалидом, я старался не унывать, старался глубже окунуться в духовный труд, проповедовать Слово Божие, призывать людей к покаянию. Для этой цели я решил приготовить и распространять магнитофонные кассеты духовного содержания. Уже в 1981 году, а затем и в 82 у меня было записано на кассеты девять программ на различные темы. В Советском Союзе тогда всякая активная религиозная деятельность была под запретом. За нарушение этого закона строго наказывали, но, несмотря на их угрозы, я решил распространить тысячу таких кассет, и, если это мне удастся, - думал я, - то не обидно будет и отсидеть пару лет. Этот труд во имя Господа я совершал безвозмездно: покупал кассеты, записывал на них программы и за ту же цену продавал желающим. Распространял их во многих церквях различных городов страны. Для этой цели ездил в Алма-Ату, Фрунзе, Чимкент, а также по пути заехал и в Ташкент. В этих поездках я имел возможность познакомиться со многими верующими, во многих церквях принимать участие в проповеди Слова Божия, посмотрел многие города, испытал летнюю азиатскую жару. Но основное то, что в таких дальних поездках я имел возможность в поездах свидетельствовать пассажирам о любви Божией. Очень трудными были для меня такие поездки, сломанный позвоночник давал себя чувствовать постоянно, но я с палочкой, при Божьем водительстве и помощи преодолевал эти трудности. Бог чудно благословлял меня: посылал благополучие и Свою охрану в распространении кассет и в свидетельстве о Божием спасении так, что в течение двух-трех лет я написал и распространил тысячу кассет своих программ и пару сот других.

Я благодарил Бога за то, что Дух Святой побудил меня взяться за этот труд и, что, под Его охраной я смог быть участником своим незначительным трудом в винограднике Господнем.

Кроме распространения кассет я также посещал старых своих друзей, с которыми во время войны, в далекой Германии, пришлось разделять радость и горе. Некоторые из друзей не понимали меня, когда я приезжал к ним. Видя мое состояние, они говорили: "Чого той Володя, такий нещасний каліка, роз'їжджає? Сидів би вдома і не томив би себе".

Неприятно было мне слышать такие рассуждения, но несмотря на то, кто, что и как обо мне думает, я продолжал действовать и дальше по побуждению своего сердца, зная, что побуждение на всякое доброе дело исходит от Духа Святого. Он и посылал мне силу преодолевать все трудности пути, давал радость и удовлетворение в моем труде.

Вот одно из многих моих посещений, которым хочу вкратце поделиться на страницах книги моих воспоминаний. Это было посещение нашего брата, а моего друга Алеши Петренко, о котором я уже не раз вспоминал. При встрече нам было о чем поговорить. Мы вспоминали далекое прошлое, говорили о настоящем, рассуждали о будущем. Еще, будучи в Германии, я узнал, что он с детства любил писать христианские стихи. Он с сожалением говорил мне, что во время пожара в их доме сгорело очень много рукописей его стихотворений. Когда из Германии он писал письма маме, которую очень любил и много о ней рассказывал, как об истинной христианке, он старался писать письма в стихотворной форме. Вспоминая свою жизнь дома, он писал:

Мама, родная моя,
Был час, я дома жил,
Но днями, что умчались
Я мало дорожил.

Когда вернулся домой, то несмотря на свою занятость на работе и в домашней суете, он продолжал писать. Писал каждую свободную минуту: на работе, в поезде, поскольку его работа была связана со многими поездками, и к моему приезду у него накопилось очень много стихов. Его супруга Галина Денисовна, женщина очень хозяйственная и ей не нравилось его увлечение музыкой; она считала это напрасной тратой времени, которое можно было употребить для занятий по хозяйству. Алеша рассказывал:

- Залезу, было, на чердак, чтобы никто не мешал мне писать, или куда-нибудь в другое место, подальше от глаз жены и только начну писать, слышу, зовет: «Альоша, де ти? Потрібно йти на город, все позаростало зіллям, а скоро потрібно буде корову виганяти на пашу!»

И куда бы я ни спрятался – все равно находила меня и всегда поручала мне работу, лишь бы отвлечь, как она считала, от бесполезной писанины.

Он не считал себя поэтом, или писателем, а просто свои мышления старался излагать в стихотворной форме. Вот как он говорит об этом сам:

Я не поэт и не писатель,
На это дар не получил,
Но хорошо, что мой Создатель
Меня мышленью научил.

И то, что в сердце рассуждаю,
Не позабыть, не утерять,
Когда придет, я поспешаю
В тетради этой записать.

Пройдут года, умчится время
И может быть когда-нибудь,
Кто-то из знающих спасенье
Прочтет с тетради что-нибудь.

Прочтет и скажет: то писалось
Из сердца, полного скорбей,
И нам для памяти осталась
Лишь тень от жизненных ветвей.

Подумает: всегда, бывало,
На этом жизненном пути
Друзей полно, а близких – мало,
А то и вовсе не найти.

Мышление у него было богатое и очень развито. Писал он на различные темы, но в основном, писал для своих детей и своим близким друзьям. В своих стихах он выражал тоску своей души, ее томление, стремление к лучшему, чистому и святому.

В предисловии к своему первому сборнику стихотворений, который озаглавлен «Несозревшие нивы», он писал: «Путь моей жизни лежал по оврагам, по сугробам, по хорошим долинам: шел и по каменистым дорогам, часто ранившим мои ноги, я спотыкался и падал. Но Господь, Который всегда шел рядом со мной, поднимал меня и вел дальше вперед.

Сознавая свое бессилие в борьбе со грехом, свои согрешения и падения, под воздействием Духа Святого он всегда спешил в глубоком раскаянии к Богу, прося у Него сил для дальнейшего пути.

В одном из стихотворений он изливает свои чувства следующими словами:

Творец небес, Творец всего
К Тебе в молитве обращаюсь:
Ты дай и мне от Твоего,
Но прежде Ты прости, я каюсь...
Ты постоянно нежно звал,

А я, живя в греховной тине,
Твой зов, Господь, не понимал,
В земной скрываясь паутине.

Ты знаешь все, ведь Ты же Бог,
Ты можешь исцелить больного
От ран греховных и тревог,
От наслоения земного.

Я сознаю свое паденье,
Что я грешил, я сознаю.
От малoverья, от сомненья,
Не понимал Твою любовь.

А Ты все ждал и ждал годами,
Что, наконец, к Тебе приду,
И сердцем, жизнью, не стихами
Перед Тобой, как сын, паду.

Припоминаю, сколько раз
Ко мне Ты нежно прикасался.
То не слова и не рассказ,
Тобою часто исцелялся.

В тот миг отраднй исцеленья
Я, как умел, благодарил...
Порой другим на удивленье
Об исцеленьи говорил.

И так несчетно раз бывало:
То падал, то опять вставал;
В душей моей охладевало
И я смущенно тосковал.

Другим, наверное, казался
Таким, как надо бы и быть,
Ведь я таил, не признавался,
Да и нелегко себя открыть.

А я, хотя тот зов и слышу,
Но приподняться не могу;
Духовно еле-еле дышу
И это правда, я не лгу!

И вновь в берлогу возвращался,
Хоть был я вымытой свиньей,
Потом молился, признавался,
Порою плакал пред Тобой.

И думал: долго-ль это будет,
Придет ли этому конец?
Но все же верил: не забудет
Меня мой любящий Отец.

Но вот сегодня, Боже, вновь
Любовью Ты меня коснулся,
И эта вечная любовь
Будила, чтобы я проснулся.

И все же сердцем ожидаю,
Чтобы Ты стал моим Врачом,

Тебе, Господь, себя вручаю,
Чтобы Ты вел меня потом.

Кроме стихотворений Алеша писал аллегорические сочинения духовного содержания и рассказы. Когда я увидел такой громадный его труд, его духовный клад, я предложил ему все эти отдельно записанные стихи собрать в одну книгу.

- Да я и хочу это сделать, но у меня не хватает времени,- сказал он мне.

Жаль мне было его труда, чтобы он не затерялся на отдельных листиках и я решил ему помочь. У него, кроме записанных на бумаге, было еще и несколько кассет с его стихотворениями, и все это я забрал с собой в Эстонию. С кассет переписал на бумагу, а где не мог разобраться, ездил несколько раз к нему уточнять, а потом с черновика напечатал на машинке, сделал переплет и у меня получилось 6 книг с 317 стихотворениями. Я был рад, что смог это сделать и вручить Алеше пару книг его стихов, одну оставил себе, а остальные раздал близким нашим друзьям.

Несколько десятков его стихотворений я напечатал на украинском языке, но это была только какая-то часть из того, что нужно было сделать. Алеша, когда увидел, как хорошо получилась книга, благодарил меня за оказанную помощь и просил не дать пропасть и остальным его рукописям. Он открыл мне свои тайники, где были спрятаны от КГБ и недобрых людей его черновики. Здоровье его было подорвано, силы ослабевали и он просил меня, если его постигнет смерть, чтобы я забрал на хранение и для напечатания его рукописи. Он повел меня к одной своей верующей соседке, где был спрятан чемодан с его рукописями, познакомил меня с ней и сказал:

- Якщо зі мною щось станеться і мене не стане, то віддай мою валізку для цього брата.

Потом повел к себе в сарай, открыл дверь и показал за дверью свой тайник. Хотел показать еще один тайник на чердаке дома, но я ему сказал, что посмотрю в следующий раз.

Очень сожалел Алеша за чемоданом с рукописями, который у него кто-то украл. Я посочувствовал ему и подумал: сколько нужно было иметь энергии, сколько нужно было времени, чтобы столько написать! А сколько он бы мог написать полезного, если бы имел для этого соответствующие условия. Действительно, Алексей Павлович Петренко был ревностным и верным тружеником на ниве Божией; он был не только поэтом и писателем, но и одаренным проповедником Слова Божия. Он утешал скорбящих, врачевал больных духовно, а также помогал и больным физически. С юношеских лет он познавал и изучал целебные свойства различных растений и потом, с помощью различных сборов трав, корней целебных растений помогал приходящим к нему больным людям от всевозможных заболеваний. Многие пользовались его фитотерапией и получали облегчение в своих болезнях, а многие и излечивались.

Когда моя Галочка заболела, то и ей он готовил лекарства из различных трав, давал разные советы, так как он много пользовался и медицинской литературой. Все это он делал безвозмездно, во имя Бога и для Его славы.

Как сообщил мне его сын Леонид, он был членом Украинской медицинской ассоциации. Почему я пишу о нем в прошедшем времени тогда, как он еще, слава Богу жив? К сожалению, так пишу потому, что он больше уже не может трудиться. Сейчас, когда я пишу эти строки, он находится в тяжелом состоянии, болезнь сразила его и Алексей Павлович готовится к своему, может быть, скорому переходу в Небесные обители, к Отцу Небесному. Мне очень жаль, что я не могу исполнить его просьбу, еще раз проведать его, ободрить и утешить Словом Божиим и сказать последнее «До свидания, до встречи в Небесах».

Вспоминаю те, недавние годы, когда после долгих лет преследования верующих наступила в стране так называемая перестройка, а затем, с распадом безбожного Советского Союза пришла долгожданная свобода для обширной евангелизации бывших республик нашей страны. Начало этой свободы было где-то в 1987-88 годах. Мне с Галочкой, несмотря на ее

слабое здоровье после операции, приходилось бывать на больших евангелизационных собраниях, где присутствовало по несколько тысяч людей.

В связи с моей инвалидностью я был свободен от работы на производстве и мог, по желанию посещать евангелизационные собрания в любое время и в любом месте. Возможно, что это было заложено в Божьих планах, чтобы посредством травмы освободить меня от производственной работы, а использовать для духовного труда. В этом вопросе у верующих было двоякое мнение: одни говорили, что моя инвалидность – это наказание за какой-то грех, другие утверждали более конкретно: за то, что побоялся гонений и оставил в Дубно свою церковь и переехал в Эстонию. Что бы ни говорили люди, но я знаю и верю, что так было нужно. Если в моей жизни, или в жизни любого христианина случается какое-то горе, то все это служит к его же благу и к славе Божией. Не только тогда, когда Господь совершает чудо исцеления, но даже при наказании за грех христианин сперва не понимает. Почему это с ним случилось и начинает анализировать свою жизнь, обращается с покаянием к Богу и воздает Ему славу. У Бога случайностей не бывает, Он хочет путем случайностей, как мы их называем, достичь в нас Своей цели – спасения души.

Первым нашим таким торжеством была встреча в Таллине с братом Билли Греймом в то время, когда он впервые приехал в Союз и получил разрешение посетить некоторые баптистские церкви в Москве, Ленинграде, Таллине и Новосибирске. На такую встречу в Таллин было приглашено 2 тысячи верующих из эстонских баптистских церквей. Милиция пропускала только по пропускам, а кто опоздал – оставался за дверью молитвенного дома. Мы впервые переживали радость такого большого, благословенного Богом собрания. Приятно и радостно было увидеть и приветствовать такого известного труженика на ниве Божией, о приезде которого так много и долго молились.

Вторым торжеством верующих в Таллине было евангелизационное богослужение во дворце спорта, где присутствовало около семи тысяч душ. Служением руководили братья Иосиф Бондаренко и Виктор Гамм, пением обслуживали Рижский хор и Луцкий мужской хор, а также принимал участие в служении духовой оркестр. Все служение прошло под непосредственным руководством Духа Святого, побудившего сотни грешников выйти с покаянием и отдать свою жизнь на служение Господу.

На одном из таких богослужений в Риге, которое проходило на большом стадионе, собралось больше 20 тысяч народа. На такие многолюдные собрания братья приглашали видных служителей из других стран. Приезжал Ярл Николаевич Пейсти, Виктор Гамм; из Америки приезжали астронавты Ирвин и Дюк, а также многие глашатаи Слова Божия и из нашей страны. Сколько радости мы испытывали, когда перед нашими глазами сотни грешников выходили для покаяния перед Господом, посвящая жизнь свою Ему на служение. Служения сопровождалось многолюдными хорами, духовыми и струнными оркестрами, раздаванием Библий, Евангелий и другой христианской литературы – все было так торжественно и волнующе радостно! Люди, изголодавшиеся духовно за 70 лет безбожия, тянулись к живому Хлебу – Слову Божию и спешили утолить духовную жажду у Источника воды живой.

Народ благодарил Бога за услышанные молитвы, за то, что Бог даровал такую свободу для проповеди Евангелия. Многие годы, переживая гонения, тюрьмы и лагеря мы молились и просили этой свободы, но находясь в таких обстоятельствах, у многих из нас не хватало веры, мы сомневались и думали: неужели может произойти такое, что мы сможем еще свободно собираться и проповедовать на городских площадях? Но Господь в Своей любви и милости к нам и в Своем Всемогуществе сделал несравненно больше того, о чем мы просили и о чем помышляли (Еф.3:20). И когда, наконец, пришла эта долгожданная свобода, то некоторые служителя, сознавая свое бессилие, говорили, что мы не способны и не готовы проводить такие многолюдные собрания, евангелизировать такую громадную страну. Иисус Христос сказал: «...без Меня не можете делать ничего» (Иоан.15:5), и когда народ Божий обратился в сердечной

молитве к Господу по Его же повелению: «Итак, молитесь Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву свою»(Мтф.9:38), то Он услышал и побудил сердца многих братьев выйти для труда на ниву Божию.

Такие многолюдные евангелизационные собрания проходили во многих городах бывшего Союза. Для проповеди Слова Божия использовали городские стадионы, дворцы спорта, залы учебных заведений, общественные дома. Власти открыли двери тюрем и лагерей, чтобы и заключенные услышали весть о любви Христовой. Воистину, это была наглядная победа над атеизмом: вся их семидесятилетняя атеистическая работа была перечеркнута. Люди, блуждающие во мраке атеизма и безбожия увидели истинный Свет и потянулись к Нему.

Мы с Галочкой имели возможность побывать на таком большом евангелизационном собрании в городе Бресте, где собралось не менее четырех тысяч людей. Собрание проходило на площади перед молитвенным домом. Принимал участие на этом собрании и приглашенный гость – дорогой брат Ярл Пейсти с супругой, сестрой Пирко. Всех прибывающих гостей встречал духовой оркестр. Сестра Пирко тоже обратилась с приветственным словом к собранию; она тоже много молилась о том, чтобы в нашу страну пришла эта желанная свобода для проповеди Евангелия. Ныне, когда я пишу эти строки, уважаемая сестра Пирко уже лично благодарит Иисуса за услышанные ее молитвы, так как в 1994 году она отошла к своему Господу, Которому посвятила на служение всю свою жизнь.

Служение сопровождалось пением многолюдного хора и игрой духового оркестра и Господь обильно благословил это служение: около 200 душ обратились с покаянием к Богу. После служения гостям был приготовлен обильный обед. Мне было очень приятно, через 24 года опять встретиться с дорогим братом Пейсти, вспомнить нашу первую встречу в Киеве, когда мы не имели возможности даже по-братски побеседовать.

Теперь, живя в Америке, мне есть о чем вспоминать и благодарить Господа за те благословенные евангелизационные собрания и за всех тружеников, которые и по ныне продолжают этот славный труд, пробуждая наш народ к новой жизни, к жизни во Христе Иисусе.

Еще хочется вспомнить свою, самую дальнюю, поездку, уже без Галочки – она уже отошла в свой вечный дом. Путешествие мое было на Дальний Восток в город Благовещенск-на-Амуре. Расстояние от Эстонии до Благовещенска – около 9 тысяч километров. Цель моей поездки заключалась в том, чтобы свидетельствовать людям о любви Божией и распространять духовную литературу, а также посетить знакомых верующих и вместе с ними прославить Господа. Поскольку путь был очень далек, то пришлось запастись в большом количестве духовной литературой и продуктами питания. Для этого я имел с собой тележку, на которую погрузил ящик с литературой, мешок с необходимым в дороге, кулек с продуктами, а большую сумку с литературой взял на плечи. И так, меня в «полном боевом» провожали Оля, Миша и внуки в далекий путь для труда на ниве Божией. В Москве встретили меня мои друзья – супруги Якименковы Яков и Нина. Они предложили мне сделать остановку, чтобы побыть у них дома, переночевать, а потом отправляться в дальнейший путь. Я смогу отдохнуть перед такой дальней дорогой, да и поговорить у нас есть о чем: вспомнить былое, обменяться новостями.

Я обрадовался такому предложению, поехал к ним, где мы имели возможность вместе молиться, вспомнить совместные скитания в Германии и радоваться нашей встрече. Несмотря на то, что я больше всех посещал их семью, но каждая наша встреча с ними приносила мне много радости, духовного подкрепления и Божьего благословения. Яша был и по ныне остается одним из моих самых искренних и верных друзей. И, хотя мы теперь очень далеко друг от друга – живем на разных континентах – но до сих пор поддерживаем, правда изредка, письменную связь и молимся друг за друга.

На другой день Яков с Ниной благословили меня в путь, пороводили на вокзал, снабдив необходимым запасом продуктов для дальнего путешествия. Войдя в свой вагон, я был

несколько разочарован: вагон оказался купейный. И не только мой вагон, но весь состав состоял из купейных вагонов. Я подумал, что это, в какой-то мере, усложнит мою работу по распространению литературы и бесед с пассажирами. Расположившись в купэ, после краткого знакомства с соседями, я открыл свой ящик, вынул несколько различных брошюр и Евангелие и разложил их на столике. Все пассажиры с удивлением посматривали, что же это я делаю? Видя их любопытство, я предложил им ознакомиться с литературой. Разглядывая книги, они стали задавать мне вопросы и у нас завязалась оживленная беседа. При этом дверь купэ была открыта и наша беседа на духовную тему привлекла внимание других, интересующихся этим вопросом. Меня начали приглашать в соседние купэ, я с удовольствием принимал приглашения. И так, за первый день пути мне удалось провести беседу и распространить литературу почти во всех купэ моего вагона.

В последующие дни, поле своего труда я начал расширять – пошел и по другим вагонам. Для этого я нагружал в сумку литературу и, проходя из вагона в вагон, стучался в каждую дверь купэ и предлагал воспользоваться бесплатной духовной литературой, получить древнейшую и, вместе с тем, новейшую Книгу всех книг – Библию, или Евангелие. Такой работой мне было бы легче заниматься в плацкартных вагонах, там слушали бы все, а здесь некоторые пассажиры не желали впустить меня в свое купэ, не желали, чтобы я беспокоил их своей «религиозной пропагандой».

Войдя в купэ, я первым делом рекламировал свою литературу, прочитывал некоторые стихи из Евангелия, изъяснял их, убеждая слушателей, что Бог, через эту святую Книгу откроет вам вашу будущность. И те, которые вначале не были расположены к беседе и к приобретению литературы, заинтересовавшись, просили подарить им такую книгу. Почти в каждом купэ нужно было применять свой, отличный от других, метод для расположения пассажиров к беседе. Это происходило, в основном, в зависимости от состава собеседников и их интеллекта. Пассажиры по-разному смотрели на меня: одни принимали меня, как евангельского проповедника, или просто как распространителя духовной литературы и охотно приглашали к себе в купэ, чтобы получить какую-нибудь книгу, послушать что-то новое, доселе не слыханное, а другие с негодованием закрывали передо мной дверь. За время этого длинного пути я успел обслужить семь вагонов и меня радовало то, что я встречал многих людей, с жадой слушающих Слово Божие. Умиляясь сердцем, они с благодарностью и с большим интересом принимали духовную литературу. Это вдохновляло меня и побуждало не сидеть у окошка, смотреть и любоваться природой, а идти из вагона в вагон и нести людям Благовест Евангелия.

Приятно и радостно было, когда официант сообщил своим сотрудникам о моей работе и повара ресторана попросили прийти к ним в ресторан и рассказать им о Боге, подарить Библию и другую христианскую литературу. И, хотя мне было очень нелегко с палочкой, с сумкой за плечами пробираться через тамбура не менее десяти вагонов, но, несмотря на эти неудобства и трудности я с радостью пошел к ним по их просьбе. О, как они радовались и благодарили Бога и меня за такие подарки! Ведь они впервые держали в своих руках Библию, эту Святую Божию Книгу, о Которой когда-то рассказывали им бабушки и дедушки. Беседуя с ними, я старался ответить на все их вопросы, которых они задавали множество, особенно на прочитанное мною место из Евангелия от Иоанна и видно было, что Слово Божие, как доброе семя, падало на взрыхленную Духом Святым сердечную почву.

Несмотря на длинный, шестисуточный путь, время для меня проходило быстро. Я настолько был занят своим трудом, что, когда поезд прибыл на станцию Белогорск, где наш вагон отцепляли от состава, я оказался далеко от своего вагона и не успел вернуться, как вагон отцепили. Мне пришлось искать его и хорошо, что его еще не успели угнать далеко в тупик. Там мы простояли всю ночь и только под утро отправились на Благовещенск. Оставалось проехать

до цели еще последнюю сотню километров. Пассажиры продолжали спать, а я сидел у окна и сквозь утренний туман всматривался в дальневосточный пейзаж и на восходящее солнышко.

На вокзале меня встретил бр. Игорь, сын моих друзей Требушных. Он посадил меня на свой мотоцикл и мы помчались по городским улицам к его дому. Дороги были плохие, мотоцикл пригал по ямам и ухабам, я боялся, что по такой дороге Игорь потеряет меня и крепко держался. Доехали мы благополучно. За два дня моего пребывания у них я имел возможность много беседовать о деле Божиим, о его личном труде в поместной церкви, а также на миссионерском поле в их местности, поскольку он был сотрудником нашей Ровенской баптистской миссии «Свет Евангелия». Потом побывал у них на богослужении, участвовал в служении Словом, познакомился с некоторыми братьями, с жизнью их церкви, узнал о проблемах, связанных с расширением их молитвенного дома. Братья много рассказывали из истории Благовещенской церкви, в которой насчитывалось полторы тысячи членов, об их служителях, в том числе о первом пасторе церкви Петре Григорьевиче Винсе, который умер в сталинских лагерях, разделив участь многих братьев-узников за проповедь Евангелия. Рассказали мне и о первом дальневосточном баптистском Союзе, центром которого был Благовещенск. Слушая, я подумал: да, были и в нашей стране верные Богу служители, которые прошли свой тернистый путь тюрем, лагерей, ссылок и остались верными и непоколебимыми в своем уповании. Они оставили нам добрый пример для подражания и, дал бы Господь нам и нашему поколению силы, чтобы «... взирая на кочину их жизни, подражать вере их». (Евр.13:7)

В свободное время один из молодых братьев послужил нам своим транспортом и братья познакомили меня с достопримечательностями города, ездили к пограничной с Китаем большой реке Амур, откуда, на противоположном берегу, был виден китайский город, который во время наводнения подвергался сильному бедствию.

И так пролетело два дня моего пребывания в Благовещенске и, поскольку срок моего льготного билета кончался, мне пятнадцатого мая необходимо было отправиться в обратный путь на Валгу. На обратную дорогу брат Игорь пополнил мой оскудевший запас книг, а его супруга Лена снабдила меня продуктами питания на дорогу. Я поблагодарил за гостеприимство, совершили молитву, проводили меня на вокзал, распрощались и вот я —опять в пути.

Опять знакомство с пассажирами, беседы, раздача литературы, а в свободное время сидел у окошка и любовался красотой необъятных сибирских просторов. Проезжали мимо бурных рек, лесов, гор.

Ландшафт местности все время менялся: местами, многие сотни километров ехали через дикие степи, потом проезжали вдоль знаменитого, воспетого в песнях и сказаниях, славного озера Байкал. С восхищением смотрел я на его чистые, прозрачные воды.

Но вот на пути нас встретило непредвиденное: проезжая мимо леса, наш поезд местами наткнулся на лесные пожары. Там, где путь пролегал дальше от леса, машинисты нашего длинного состава не снижали скорости, опасность пожара нам не грозила. Но вдруг подул сильный ветер и пламя огня охватывало все больше и больше пространства. Впереди нас, за крутым поворотом неслись из леса густые клубы черного дыма. Машинисты, предвидя опасность, сбавили скорость и мы на тихом ходу приехали на станцию Чита. Поезд стоял долго, пассажиры волновались и негодовали, ожидая сигнала отправления, но вместо сигнала, по радио объявили тревожное сообщение: сильный лесной пожар быстро перемещается по направлению к городу, город в опасности! В связи с приближением беды, приказано всем пожарным командам, электрикам быть готовыми к борьбе со стихией.

Наш поезд постоял еще с полчаса и дали сигнал для отправления. Когда мы отъехали немного от города, нашим глазам предстала жуткая картина – горел город Чита. Горели частные дома, горел лесопильный завод; большие ярусы железнодорожных шпал горели, как спички, горело все – производственные и жилые здания, склады. Порывистый, сильный ветер моментально перебрасывал пламя с одного дома на другой, пожарные не успевали гасить пламя,

люди в панике беспомощно бегали между домами. Медленно проезжая, мы увидели, как за короткое время пожаром был охвачен весь частный сектор города. Тревожно и грустно стало на душе после увиденного и неожиданно пришла мысль: как страшны стихии природы и как беспомощен и жалок человек в борьбе с ними!

Господь чудно благословил мое путешествие, послал мне здоровье и силы и я благополучно прибыл домой. Итак, за двадцать дней я проехал 18 тысяч километров и, как всегда в пути, ощущал усталость, но Господь укрепил меня и я благодарил Его за то, что Он определил и мне труд в Своем винограднике.

В своих воспоминаниях хочу вернуться еще к тому времени, когда в Советском Союзе началась свободная проповедь Евангелия и для этой работы нужны были Евангелия отдельных евангелистов и другие духовные брошюры и трактаты. Государственные типографии в то время таких заказов не принимали, но эстонские власти были более лояльны к верующим и я, будучи сотрудником Ровенской баптистской миссии «Свет Евангелия», решил попытаться заказать в Валгасской типографии тысячу штук Евангелий от Иоанна и тысячу трактатов.

Типография без разрешения республиканского уполномоченного по религиозным культам не решалась принимать такой заказ, нужно было ехать в Таллин за разрешением. Долго пришлось ждать приема и, когда подошла моя очередь, я зашел, передал в письменном виде свою просьбу. Уполномоченный сказал:

- А зачем на вашу церковь десять тысяч? Хватит вам двести штук.

Я начал просить его и убеждать и, в конце концов он раздобылся и подписал разрешение на тысячу штук Евангелий от Иоанна и на тысячу трактатов. Неприятно и обидно было возвращаться домой с таким результатом, но я тешил себя мыслью, что может быть удастся договориться с рабочими и они, имея это разрешение, напечатают нужное мне количество. Но директор и мастер цеха были люди партийные, противники дела евангелизации. Опасаясь друг друга и, чтобы не потерять работу, не стали рисковать.

Прошло несколько времени, бывшего уполномоченного уволили и я решил опять поехать за разрешением на 10 тысяч экземпляров, но на сей раз я прихватил с собой гостинчик. Пошел к нашему брату-пасечнику Левценюку Николаю и попросил на дело Божие литровую банку меда. Он посмотрел на меня с удивлением и спросил:

- А для кого мед и куди?

- Уполномоченному.- отвечаю. Нам нужно заказать в типографии десять тысяч экземпляров Евангелий от Иоанна, ведь это же дело Божие и думаю, что без гостинца нечего к нему соваться, а мед будет самым хорошим и приятным гостинцем.

Николай понял важность дела, налил в банку меда, пожелал мне удачи и я опять покати в Таллин уже к новому уполномоченному. Его резиденция находилась в большом здании старинной постройки. Поднявшись лифтом на 4-й этаж, посигналил к секретарю, она поспешно открыла дверь. Я доложил ей о себе, откуда и по какому делу. И не успел я попросить разрешения зайти к уполномоченному, как он через открытую дверь своего кабинета услышал наш разговор и вышел мне навстречу. Я представился, он поздоровался со мной за руку и с улыбкой пригласил меня в кабинет и предложил садиться. Я поблагодарил, сел, а сумку с медом поставил рядом и начал излагать свою просьбу. Показал ему Евангелие от Иоанна, на котором был штамп бывшего уполномоченного, с пометкой – 1000 штук и его подпись, скрепленная гербовой печатью. Когда он выслушал мою просьбу увеличить тираж на десять тысяч, то пришел в недоумение и сказал:

- А зачем вам такое большое количество, вы что, думаете евангелизировать весь Советский Союз? Я не могу подписать такое количество, чтобы удовлетворить вашу просьбу. Для нашей республики вполне хватит тысячу штук, ведь у нас русских баптистских церквей совсем мало и, если подписать вам десять тысяч, то вы на каждом углу улиц будете стоять и каждому прохожему совать свое Евангелие.

-Мы, верующие, заботимся не только о наших церквях, - ответил я, но также и о неверующих, а таких русских безбожников в

Эстонии очень много и наш долг – указать им путь к спасению, а для этого нужны Евангелия.

Я заметил, что он немного смягчился в разговоре и тогда, прерывая разговор по делу, говорю ему:

Извините, чуть было не забыл, я привез вам гостинчик. Наш брат пасечник передал вам банку меду, пожалуйста, возьмите.

- О, нет, нет, спасибо, я ваш подарок не возьму, мне не надо.

- Вы не подумайте чего-либо,- убеждаю я его,- я просто хочу сделать доброе дело, ведь написано в Евангелии: «Делайте добро всем».

- Если вы хотите делать добро,- говорит он,- то, пожалуйста, выйдите на улицу и делайте.

Наш диалог на этом закончился, он посигналил секретарю, секретарь вошла, он попросил ее принести печать и штамп, перечеркнул написанное на последней странице Евангелия число 1000, поставил штамп и написал 10000, подписал, поставил печать и вручил мне. Я с радостью взял свой заказ, сердечно поблагодарил его, пожал ему руку, он проводил меня до двери и я, со своей банкой меда уехал домой, радуясь тому, что дело сделано и мед остался. Хотел отдать его хозяину, но Николай сказал:

- О, залишіть його собі і пийте чай.

Каждый раз, когда я открывал банку с медом, я вспоминал его историю.

Долго пришлось ожидать, ходить в типографию, напоминать, корректировать, но все же заказ мой был выполнен и я был рад, и не только я, но и руководство миссии, когда я привез им такое большое количество Евангелий и 15 тысяч трактатов. Директор миссии Сергей Васильевич Тупчик, видя мой успех в деле печатания литературы в Валге, предложил мне сделать еще один заказ на некоторую духовную литературу. Я охотно согласился, подобрал несколько брошюр и трактатов и поехал в типографию узнать, примут ли они еще один заказ. Директор типографии, молодая, симпатичная эстонка охотно выслушала меня, но на сей раз, в связи с дефицитом бумаги для печатания, кроме визы республиканского уполномоченного потребовала еще конкретного решения этого вопроса с местным уполномоченным и согласования с председателем райисполкома – можно ли дефицитную бумагу использовать для печатания духовной литературы.

К уполномоченному дорогу я знал хорошо, поехал к нему. Он был в отпуске, я обратился к заместителю, представился, что я с Валгаской русской баптистской общины, изложил свою просьбу. Он любезно выслушал меня и задал вопрос:

- Скажите, пожалуйста, там в Валге произошли разделения среди баптистов и теперь там три ваших баптистских общины: есть зарегистрированная община ВСЕХБ, Совета Церквей и Автономная. Вы с какой, с зарегистрированной?

- Мы с Автономной,- отвечаю я ему,- подали заявление на регистрацию, но это дело пока еще не доведено до конца.

- Да, нужно закончить с регистрацией,-сказал он.

Я подал ему десяток образцов нашей литературы, он особенно не рассматривал, все их проштамповал, подписал, поставил печать и, оформляя все это, сказал:

- Да, теперь в отношении регистрации никаких проблем нет и никто в ваши дела вмешиваться не будет. Вот, например, в Раквери пресвитер баптистов где-то «споткнулся», его исключила церковь, а те, которые остались на его стороне, во главе с ним, назвали свою группу «Баптисты седьмого дня», подали на регистрацию и что ж, у нас свобода, придется регистрировать.

Оказалось, что заместитель более расположен к верующим, беспрепятственно подписал все мои образцы, я поблагодарил и в хорошем настроении уехал домой. Но, когда я приехал и обратился к местному уполномоченному и к председателю райисполкома за разрешением на

использование для наших нужд дефицитной бумаги, здесь опять возник вопрос о дооформлении регистрации церкви, что могло быть препятствием для положительного решения моего вопроса, но все же разрешение я получил. Все было оформлено, а когда дошло дело до печатания, оказалось, что бумаги нет и директор сказала:

- Бумаги у нас нет, ищите бумагу, тогда будем печатать.

Я обращался со своим заказом в другие районные типографии, но ответ был везде тот же. Пришлось искать бумагу на мебельной фабрике. С трудом удалось упросить начальника по снабжению и он выписал семьсот килограммов за наличный расчет. Бумага была низкого качества, непригодная для печатания, слишком толстая, но я заранее договорился в прачечной поменять на тонкую. Все это было связано с определенными трудностями: нужен был транспорт, грузчики, да и грузить вручную два рулона, весом по триста пятьдесят килограммов – это было не так просто. С Божьей помощью и при Его благословении все было преодолено. Я трижды давал заказы на печатание и мне удавалось заказать шестьдесят тысяч экземпляров духовной литературы.

Пятьдесят тысяч было напечатано и отправлено в миссию, а десять тысяч, в связи с моим выездом так и остались не выполненными.

Вот с таким трудом вначале евангелизации приходилось добиваться и печатать в наших условиях необходимую духовную литературу. А когда духовная литература начала массово поступать из других стран, необходимость в этом отпала.

А сколько сложнее было печатать литературу подпольно, в годы, когда были жестокие преследования верующих, сколько за это святое дело пострадало наших братьев и сестер!

Вот один из примеров печатания подпольно и преследования органами КГБ наших печатальщиков. Я уже выше упоминал о том, почему и как образовалась подпольная типография издательства Совета Церквей «Христианин». Для ее работы необходимо было найти соответствующее и безопасное место. Найти такое место было очень сложно и, если и находили, то все равно, рано или поздно кэзэбисты выслеживали, находили такие издательские точки, конфисковывали имущество, бумагу, напечатанную литературу и другие материалы, а рабочих арестовывали, судили и заключали в лагеря на срок не менее, как три года. Все сведения о преследованиях верующих, о их арестах, лишении родительских прав и отнятых у родителей детей, а также о конфискации имущества быстро распространялись через христианский женский «Совет родственников узников» по многим церквам бывшего Союза.

Одной из таких печальных новостей было известие об аресте работников типографии и конфискации всего имущества на нашей типографии в Латвии, в районе Цесиса. Место типографии было строго засекречено, о нем знали только несколько человек: руководство Совета Церквей и те, кто был непосредственно связан с ее работой. Верующие люди, получая Евангелия на русском и украинском языках с пометкой «Напечатано в издательстве «Христианин» и распространяется бесплатно, продаже не подлежит», радовались, благодарили Бога, что наконец-то заработала наша христианская типография, о чем мы мечтали и так долго молились.

Распространялись разные слухи среди верующих о том, как кэзэбисты обнаружили эту типографию, как и сколько было арестовано ее работников и где было место нахождения типографии и только после моего переселения в Эстонию, беседуя с близкими к этому делу людьми, я более правдоподобно и подробнее узнал, что же и как произошло. Кроме беседы братья предложили мне поехать и посмотреть то место и тот дом, где печаталась духовная литература. Я весьма обрадовался и в один прекрасный, теплый, летний вечер братья повезли меня показать это, можно сказать, историческое место работы и ареста работников типографии.

Это самый красивый район Латвии, его называют Латвийской Ривьерой. Вот в этом прекрасном районе, на опушке старого елового леса, в доме бывшего богатого латышского крестьянина, братья руководства издательства нашли место для работы типографии. Подобные

подпольные типографские точки были и в других республиках Союза. Дом большой. Двери были не закрыты, мы свободно открыли, зашли в кухню, а потом братья, присвечивая спичками, повели меня в одну комнату, в другую, а когда показали мне третью, большую комнату, то сказали:

- Вот комната, в которой проводились все работы. Здесь стояла самодельная печатная машина, здесь делали переплет книг.

Потом повели меня еще в какой-то коридорчик, где была дыра на чердак, куда братья, после упорного дневного труда забирались на отдых. Там также был выход в лес, этим выходом они пользовались в свободное время, идя в лес на прогулку. Выйдя во двор, мы пошли к амбару и к сараю. Братья остановились у сарая и рассказали, что этот сарай печатники использовали, как складское помещение для бумаги и других материалов.

Осмотрев все, мне казалось, что я, как будто бы побывал в каком-то музее и увидел старые исторические строения и приспособления, где происходило что-то особо важное.

Да,- подумал я,- этот дом и это место действительно важное перед Богом и перед людьми, потому что здесь печаталось Слово Божие. Здесь, если я не ошибаюсь, работали два молодых брата и три сестры, которые, рискуя личной свободой, совершали этот святой труд во имя Бога. Здесь их арестовали, потом судили и дали им по три года лагерей и они были отправлены на тяжелый каторжный труд.

Братья, несмотря на то, что время было уже около полуночи, повезли меня к хозяйке этого дома. Она одна боялась здесь жить и переехала к детям в соседнее село. Она и ее сын нам много и подробно рассказали в дополнение к тому, что мне уже было известно, более точно, поскольку они были всему тому свидетелями. По национальности семья их была из немцев, она и дети были верующие, а муж не верующий, но был расположен к верующим и особенно к тем, которые боролись за истину. Когда они переселились из Казахстана в Латвию, их поселили в конфискованном, или просто брошенном, выше упомянутом доме и, когда братья обратились к нему с просьбой предоставить им комнату для типографии, он согласился, на что мало кто согласился бы и из верующих. Место у него было очень удобное: далеко от дороги, за лесом, близких соседей у них не было и, вдобавок ко всему, он работал на тракторе с прицепом и мог помочь в доставке бумаги.

Бумагу братья приобретали на Рижской бумажной фабрике и грузовой машиной доставляли в определенное место, откуда хозяин, при помощи печатника, грузил на прицеп и завозил в сарай. Когда начала распространяться наша литература, власти забеспокоились и начали искать, откуда она исходит. По бумаге, в которую якобы был добавлен какой-то химикат, кэгэбисты узнали, что она изготовлена на Рижской фабрике. Из этого сделали вывод, что и типография находится где-то в Латвии, недалеко от Риги. Так ли это, или нет, но факт остается фактом: кэгэбисты употребили все усилия и технику на розыски опасного подполья, выпускавшего крамолу. Для этой цели они задействовали даже вертолеты и хозяйка рассказывала, что три дня над их лесом кружили вертолеты, после чего кэгэбисты прибыли на хутор.

Когда они подъехали к лесу, то встретились с ее мужем, он на тракторе ехал на работу. Остановили его и предложили ему вернуться домой, говоря:

- У нас украден мотоцикл и мы подозреваем, что он находится у вас, поэтому и едем к вам делать обыск.

Деваться было некуда, пришлось подчиниться их приказу и вернуться домой. Когда они приехали во двор, в тот момент кто-то из братьев, находясь в кухне, через окно заметил неожиданных гостей, один из которых был в чине подполковника. Он первый вошел в дом, а за ним последовали другие. Прятаться, или убежать в лес через тыльную дверь было уже поздно, брат зашел в цех к работающим и ничего не подозревавшим друзьям и сказал:

- КГБ здесь, пойдемте на кухню.

Все вышли на кухню, подполковник объявил их арестованными и приказал немедленно собираться к выходу. Братья и сестры знали, когда шли на этот труд, что их могут постигнуть тюрьмы, лагеря и они были готовы на такие страдания, но, когда это случилось, они сильно встревожились и перед выходом попросили разрешения помолиться. Молясь, они благодарили Бога за труд, который успели совершить, за Его благословения, за здоровье и дальнейший свой земной путь предавали в Его же руки. После молитвы спели псалом «Буря, Господь, завывает», а в это время кэгебисты делали обыск, составляли акт на конфискацию всего принадлежащего типографии: печатную машину, краску, десять тысяч не переплетенных Евангелий на украинском языке. В сарае нашли три тонны бумаги. Осматривая самодельную печатную машину, они были удивлены простотой её конструкции, но, когда присутствующие здесь ихние специалисты попробовали печатать на ней – оказалось не так-то просто. И как они ни пробовали пустить ее в ход – никак не получилось. Их любопытство и интерес к такому изобретению простых, малообразованных (так они смотрели на верующих), заставило позвать одного из наших печатников, чтобы он открыл секрет, как включить машину.

Да, еще хочу не упустить один интересный момент. Когда работникам печати был объявлен арест и они не пытались ни убежать, ни сопротивляться, один из кэгебистов выстрелил подал сигнал и со всех сторон леса начали выползать, находящиеся в облаве вооруженные кэгебисты. И так, как я уже упоминал выше, всех осудили на три года, в том числе и хозяина дома.

Время перевалило далеко за полночь, мы поблагодарили сестру за информацию, совершили молитву, предавшись благодати Божией, простились и, под впечатлением услышанного, уехали домой.

Наша Ровенская миссия «Свет Евангелия» усматривала необходимость в повышении знаний членов по «Миссиологии». Руководство миссии пригласило из США для преподавания таких знаний профессора Денверской семинарии, брата Раймонда Пригодича. С ним приехала его супруга сестра Вера; она американка русского происхождения и приехала она, как переводчик на эти занятия.

Первый двухнедельный семинар проходил километрах в двадцати от Киева, в селе Ворзель, в молитвенном доме, где пресвитером трудится брат Франц Антонович Шумейко, он и был основным организатором семинара. Из многих городов Украины съехались братья на эти занятия, желая приобрести необходимые знания в работе среди неверующих. Тридцать молодых студентов, посланников церквей, ежедневно и упорно, по строгому распорядку дня, занимались. Удостоился быть студентом и я – самый старший из всех по возрасту. Все было организовано на высшем уровне: мы были на полном обеспечении Ворзельской поместной, небольшой церкви. Сестры-повара три раза в день кормили нас вкусной пищей, а на десерт подавали ароматные, сочные яблоки и груши, за что мы им были сердечно благодарны.

К восьми утра все братья приезжали из своих квартир в церковь, дружной семьей садились за длинный, установленный во дворе стол, совершали молитву и приступали к завтраку. Занятия начинались в 8 часов и продолжались 4 часа. Затем обед, полчаса перерыв и опять занятия до 6 часов. После ужина будущие миссионеры отправлялись кто куда: одни в сосновый бор, посреди которого было небольшое озеро и, любуясь красотой природы, отдыхали, беседовали с людьми; другие шли в дом для престарелых, где совершали богослужения, призывая людей к покаянию. И так – изо дня в день.

Одним словом, студенты старались теорию занятий увязывать с практической работой, предвкушая радость и Божии благословения в предстоящем труде на ниве Господней. На воскресный день братья пригласили из дома престарелых людей, а также жителей села на евангелизационное собрание, которое проходило на берегу вышеупомянутого озера, среди сосен, издающий живительный аромат. Служение сопровождалось пением хора поместной церкви, а также общим песнопением. Братья-проповедники поочередно выступали с

проповедями Слова Божия. В этом служении, с помощью переводчика, участвовал и наш профессор брат Пригодич. Богослужение закончил пресвитер поместной церкви. Он в своем заключительном слове обратился с призывом к покаянию и, под воздействием Духа Святого несколько душ обратились к Господу.

Двухнедельные занятия пролетели для нас очень скоро, наступил день расставания. Друзья обменялись адресами, телефонами, на прощание совершили благодарственную молитву, попросили у Бога благословения на свой миссионерский труд и, тепло распрощившись друг с другом, разъехались по домам. На память о нашем семинаре мы все сфотографировались, сердечно поблагодарили нашего профессора и переводчиков за преподанные уроки, вручили им скромные памятные подарки.

Второй подобный двухнедельный семинар проходил с 21 августа по 1 сентября 1989 г. в г.Ровно, в большом школьном зале. Сюда были приглашены со всего Союза около 150 представителей церквей. Принимали участие в семинаре и некоторые новообращенные из преступного мира, они проявили особенную ревность, желая больше знать о Господе и свидетельствовать о Нем другим.

Для проведения семинара, кроме профессора Пригодича и его супруги Веры, приехал еще один профессор с супругой; он преподавал нам уроки по Герменевтике (правильное составление проповеди). Занятия продолжались по восемь часов ежедневно; на обед нас возили в городскую столовую заказным автобусом. Все расходы взяла на себя миссия.

По окончании семинара были проведены экзамены и выданы соответствующие документы на право совершать миссионерский труд. Каждый из нас получил памятную цветную фотографию студентов семинара с нашими преподавателями. Совершили благодарственную молитву, предавая свой предстоящий труд водительству и руководству Божию, простились друг с другом и разъехались.

Многие братья и сестры, получив теоретическую подготовку для миссионерской работы и чувствуя побуждение от Духа Святого на этот, так необходимый труд, отправились в разные уголки нашей страны: одни уехали на Дальний Восток, другие в суровую Якутию, на Камчатку, в Уссурийск; поехали в такие места, где люди никогда еще не слышали о Боге, о Его любви к грешному, погибающему миру, о спасительной жертве Иисуса Христа. Некоторые остались в Европейской части Союза, а брат из Луцка Николай Миронюк отправился для совершения труда в старинный русский город Вологду. Некоторые братья работают в ближайших регионах, в своей местности, создавая новые Евангельские общины.

Только в первые годы существования миссии, с 1989 по 1991 годы сотрудниками Миссии «Свет Евангелия» было организовано по всей стране около 40 евангельских церквей и десятков миссионерских станций, откуда во все концы бывшего Союза распространяется благая весть Евангелия и множество духовной литературы.

Очень приятно и радостно было читать Информационный бюллетень и журнал «Свет Евангелия», издаваемые Миссией, которые публиковали сообщения о благословенном труде наших миссионеров на обширной ниве Божией.

Руководство Миссии ежегодно организовывало миссионерские конференции, на которых, после духовно-назидательной части, они отчитывались за работу Миссии, как духовную, а также и за материальные средства и намечали план для дальнейшей, более обширной работы для Господа. Первая такая конференция состоялась в Ровно, в Ровенском Доме молитвы. Зал был переполнен. Присутствовали не только члены Миссии, но и многие жертвователи поместной церкви и других церквей области, а также служители и представители соседних областей. Народ слушал благословенные Богом проповеди служителей, их призывы к труду на Господних миссионерских полях. Многие братья и несколько сестер вышли вперед и изъявили свое желание стать участниками в этом святом труде. Руководитель Миссии брат Тупчик Сергей Васильевич призвал всех к молитве и каждый из пожелавших совершать труд,

преклонив колени пред Господом, в своих искренних, сердечных молитвах просили благословения и духовных сил для исполнения их благих намерений. В конце служения был объявлен сбор средств для миссионерской работы, после чего заключительную молитву совершил пресвитер поместной церкви брат Бахур Владимир Петрович, прося Господа благословить предстоящую миссионерскую деятельность.

Через год вторая конференция состоялась в г. Киеве, в большом актовом зале Торгово-экономического института. Сюда были приглашены около 600 делегатов, в основном, миссионеров, сотрудников Миссии, а также некоторых зарубежных гостей, среди которых был широко известный и любимый всеми дорогой брат, радиомиссионер Ярл Николаевич Пейсти с сыном и миссионер Виктор Гамм. Очень приятно было встретиться со многими братьями, с которыми вместе учились на семинарах. Прошло немного времени и мы вновь встретились, уже не как студентты, а как миссионеры, прибывшие отчитаться и поделиться опытом своей работы. На этой двухдневной конференции мы слышали благословенные проповеди наших гостей и руководящих братьев Миссии, много было радостных сообщений с обширных миссионерских полей нашей страны. Конференция сопровождалась общим пением гимнов, а также выступлением певческих групп; все было прекрасно организовано и благословенно Господом. Мы всем были обеспечены: гостиницами, ресторанами, куда нас отвозили на заказных автобусах. Проблем не было ни в чем, за что все сердечно благодарили Господа и организаторов конференции.

Последний курс по обучению миссионерской работе я прошел в Москве, в прекрасную летнюю пору 1991 года, в школе Билли Гремма, в большом Дворце спорта. Каждая церковь выдвигала своих делегатов в эту школу, а для обеспечения их всем необходимым, направляли средства в кассу ВСЕХБ, а также оплачивали их транспортные расходы.

Как нам стало известно, рент дворца спорта и все остальные расходы по школе взяла на себя миссия Билли Грема и, возможно, небольшое участие принял и ВСЕХБ. По количеству подаренных Библий и по количеству учебников, розданных участникам школы, Билли Гремм сказал, что он приготовил таких подарков пять тысяч, но многим не хватило. Это значит, что участников было больше и пришлось еще дополнительно готовить подарки. Все делегаты школы были обеспечены жильем: одни в общежитиях университета и других учебных заведений, другие – в гостиницах, куда подъезжали заказные автобусы и отвозили нас в столовую на завтрак; после завтрака, на 9 часов на занятия, потом на обед и на ужин. Столовая была очень большая, двухэтажная, обслуживающий персонал справлялся со своими обязанностями блестяще – за час успевали покормить больше пяти тысяч человек!

Пища была обильная и вкусная и это уже в то время, когда московские продовольственные магазины были полупустыми. Мы все удивлялись такому изобилию. Автобусы курсировали постоянно – одних привозили, а других отвозили. Сесть в автобус было не так просто, люди, в основном, были молодые, никакого порядка не соблюдали, создавали толчею, одним словом – автобусы брали штурмом. Я, как инвалид, стоял в сторонке, упершись в забор и наблюдал всю эту картину, думая: как нехватает нашей христианской молодежи культуры христианского поведения, чтобы быть светом и примером для мира! Печально было смотреть, а ведь это – лучшие члены церквей, им выпала честь поехать на учебу, чтобы в дальнейшем трудиться в виногранике Господнем и приводить души ко спасению. Наблюдая, я пришел к выводу, что некоторым из них еще много нужно учиться у ног Христа.

Не хочу умолчать, чтобы не быть объективным, о тех братьях-студентах, которые всячески старались соблюдать порядок при посадке, но, к сожалению, им это мало удавалось.

Занятия проходили целую неделю с 9 утра до 5 вечера. Начинались занятия молитвой и назидательной проповедью Слова Божия, после чего читались лекции, как нести людям свет Евангелия. Во время перерыва пели гимны, как общие, а также и хоровые, в сопровождении симфонического оркестра. Особенно духовно насыщенное было последнее воскресное

собрание; на нем участвовали самые сильные в Слове служителя, а в заключение произнес вдохновляющую на труд проповедь, с переводом на русский язык, брат Билли Гремм.

На эти торжества съехались, кроме московского, несколько евангельских хоров и оркестров. Очень хорошо помню Киевский хор. Все хористы были одеты в форму – желто-голубые одежды, как мужчины, так и женщины, изготовленные в форме нашей больничной пижамы, только свободные и с широкими рукавами. Служение длилось несколько часов; хоры и оркестры все время чередовались между собой, изредка вся публика поднималась на ноги и все совместно пели хвалебные гимны во славу Божию за все те благословения, которые Он ниспослал нам в эти дни, за преподанные уроки, за открытую дверь для благовестия Святого Евангелия.

После заключительной проповеди и молитвы были розданы магнитофонные кассеты: одна с проповедью Билли Гремма, а другая – с песнями харизматического уклона. Кроме того, каждому студенту был вручен красиво выполненный, на хорошей бумаге, памятный лист с большой надписью «Школа Билли Гремма».

Кроме основных дневных занятий были и вечерние занятия, беседы на различные духовные темы в отдельных небольших залах. Некоторые ездили смотреть фильм «Джонни», словом – каждый избирал себе занятия по своему усмотрению. Для желающих быть на таких занятиях выдавались визитки, на которых была записана тема занятий. Каждый класс имел свой номер и место его нахождения. И так, за неделю каждый желающий мог побыть на всех таких занятиях. Все это было предусмотрено организаторами школы, чтобы и вечернее время использовалось плодотворно. Брат Билли Гремм однажды, под конец своих занятий, извинился и сказал, что его пригласил для беседы кто-то из правительства (я уж не помню кто), он совершил молитву и отправился засвидетельствовать о Христе во главе стоящим. В тот же вечер его беседа транслировалась по радио и телевидению в Москве так, что многие слушали эту беседу и узнали весть о любви Божией.

Когда после занятий мы возвращались в свои корпуса общежитий, то братья, каждый вечер, организовывали здесь же на улице, евангелизационные собрания, длившиеся часто до 10-11 часов вечера. Мы, старики, ляжем спать, а на улице еще долго слышно пение христианских гимнов. Я был рад и благодарен Богу за то, что Он давал мне силу, посылал желание и возможность бывать на многих таких христианских мероприятиях, на которых я многому научился – как жить и трудиться для Господа.

Как я уже упоминал выше, моим самым любимым трудом было разъезжать, распространять духовную литературу, свидетельствовать людям о Боге, посещать христианские общины и проповедовать Слово Божие. Но, будучи членом, я должен был заниматься в своей церкви чем-то конкретно, поэтому руководящие братья Миссии, в связи с состоянием моего физического здоровья, предложили мне, еще до поездки в Москву, открыть выездную христианскую библиотеку в городе, где я жил и организовать, хотя бы две детские группы воскресной школы в общеобразовательной русской школе. Это поручение было для меня непосильным, но, слава Господу, при Его благословении и братской помощи были организованы три детские и одна взрослая группы для воскресных занятий.

Для этого я обратился в Эстонский районный отдел народного образования, чтобы получить разрешение на это мероприятие. Заведующий радушно принял меня, выслушал мою просьбу. Я предъявил ему документ, дающий мне право на проведение духовных занятий, выданный миссионерским обществом «Свет Евангелия». Он посмотрел, даже не стал его читать и сказал:

- Я разрешаю вам организовать в наших русских школах такие занятия. Я позвоню директору, вам только нужно будет пойти к нему в школу и согласовать с ним этот вопрос.

Я поблагодарил его и направился к выходу, но он остановил меня и сказал:

- Думаю, что во второй русской школе вам не разрешат проводить такие занятия, потому что там все учителя – ярые коммунисты.

- Попробуем договориться,- ответил я и выйдя, направился к директору первой девятилетней школы.

Встретил я ее в коридоре, представился, кто я и по какому делу пришел. Она пригласила меня в свой кабинет и, когда я изложил ей свои планы, она нисколько не возражала, а наоборот, одобрила мое намерение преподавать такие уроки, чтобы нам, общими силами, дать детям нужное нравственное воспитание.

- Но для этого,- сказала директор,- нам с вами нужно заключить договор, оставьте мне ваши данные, я составлю договор, секретарь отпечатает его в двух экземплярах – один мне, другой вам и тогда сможете проводить свои занятия. Затем еще добавила: мы можем вас законно оформить, как преподавателя и вы будете за свои уроки получать вознаграждение.

- Нет,- возразил я,- денег мне не надо, это дело Божие, преподавать детям уроки я буду бесплатно, за это меня вознаградит Бог.

Через пару дней я пошел подписать договор, чтобы можно было приступить к занятиям. Директор приветливо встретила меня в коридоре, пригласила в кабинет, прочитала договор и предложила мне его подписать.

- Извините.- сказал я,- такой договор я подписать не могу.

- А почему? - удивленно глядя на меня, спросила она.

- Потому, что вы написали во втором пункте, что я обязуюсь, при проведении занятий излагать детям историю христианства и не увлекать их ни в какую религию. Мне, как сотруднику Миссии поручено проводить духовно-нравственную воспитательную работу, а это значит, что прежде всего детей нужно привести к Богу, преподавать им Библейские уроки и когда они будут верующими, тогда будут и нравственно воспитаны.

Кончая наш краткий диалог, я предложил ей изменить этот пункт договора и в конечной редакции договор звучал так: Школа обязуется: 1. Предоставить школьное помещение для проведения уроков нравственно-духовного воспитания каждое воскресенье с 10.00 до 12.00. 2. Помещение предоставляется бесплатно. Представители миссионерского общества «Свет Евангелия» обязуются: 1. Проведение занятий разрешается представителям, имеющим специальное свидетельство миссионерского общества «Свет Евангелия». 2. При проведении занятий преподавать чисто-библейское учение. 3. При проведении занятий содержать школьное помещение в полном порядке, при нанесении материального ущерба обязуется его возместить.

Договор был составлен и подписан 5 декабря 1990 года. В нашей поместной Автономной церкви возник вопрос: организовывать ли воскресные занятия и в других школах г. Валги и в соседнем Латышском городке Валка, сможем ли справиться с такой нагрузкой? А может быть ограничиться только одной школой?

По этому вопросу у нас были разные мнения: одни опасались брать на церковь такую нагрузку, ссылаясь на то, что для проведения занятий у нас нет соответствующих документов из Миссии, а в договоре указано, что без такого документа преподавать уроки не разрешается; другие же, посматривая друг на друга, молчали, не зная, как поступить и что сказать. Мое мнение в этом вопросе было такое: распространить наши воскресные занятия во всех русских школах нашего города, а также и в Валке.

Слушая возражения некоторых братьев, что у нас некому будет проводить такую большую работу, мне пришлось убеждать братьев и даже настоять на своем. Я сказал, что найдутся братья и сестры, которые помогут мне в этом труде, а если и нет, то я один возьмусь за это и верю, что Господь поможет и благословит меня в этом начинании. Братья, видя мою настойчивость, согласились, чтобы в каждой школе организовать воскресные занятия с неверующими детьми.

Вдохновленный такой поддержкой братьев в моих благих намерениях, я решил пойти в РайОНО города Валка. Заведующий принял меня, внимательно выслушал и сказал:

- Для преподавания в школе библейских уроков, необходимо пройти специальную подготовку, получить соответствующий документ, а тогда – пожалуйста. Такую учебу, желающие заниматься с детьми проходят у нас в Риге. После трехмесячной подготовки в этой школе выдается свидетельство за подписью пастора и диакона церкви, а без такого свидетельства вы преподавать у нас не можете.

- Это верно, ваше решение правильное,- сказал я,- потому что, не зная человека, какого он убеждения, какое учение он будет преподносить детям, допускать нельзя. Но у меня такой документ есть, только он выдан не Рижским духовенством, а Евангельской Миссией «Свет Евангелия» и, чтобы получить такой документ, нужно было учиться не три месяца, а гораздо дольше.

Я подал ему свой документ, в котором было написано: Свидетельство № 253. Настоящим удостоверяется, что Бороденко Владимир Поликарпович является сотрудником Миссионерского общества «Свет Евангелия» и в соответствии с Уставом общества проводит работу, с целью духовно-нравственного возрождения людей». В конце подпись руководителя Миссионерского общества Тупчика, скрепленная печатью. Дата выдачи 10 сентября 1990 года.

Заведующий внимательно прочитал и спросил:

- А какой вы веры, католической, или православной?

- Нет, я протестант,- ответил я, зная, что латыши в основном протестанты – лютеране.

Он посмотрел на меня, подумал и сказал:

- Пожалуйста, вы можете заниматься, идите к директору школы и договаривайтесь конкретно.

Подав мне руку, пожелав успеха и я направился к директору школы, чтобы заключить с ним договор. На прием к директору долго мне ждать не пришлось. Он пригласил меня в кабинет, я представился, кто и по какому делу пришел. Я объяснил, что цель моих занятий – указать детям путь к Богу, воспитать их в христианском учении, привить им добрые христианские нравы, чтобы дети стали лучшими в своем поведении, в учебе, а это можно достичь только через учение Иисуса Христа.

Беседуя с ним, я почувствовал его благорасположение к верующим. Будучи членом компартии, директор был воспитан в атеистическом духе. О вере в Бога, о Его любви к грешнику он ничего не знал. В беседе у него возникло много духовных вопросов, которые беспокоили его, появилось желание иметь личную Библию, изучать ее, чтобы больше узнать об истинном пути Божиим для человека. В конце нашей откровенной беседы, он сказал:

- Я очень рад тому, что вы, через Евангелие желаете помочь нам воспитывать наших школьников. Они настолько непослушны и балованы, что часто бывают не управляемыми, возможно уроки нравственности помогут им хоть немного исправиться.

На следующий день директор созвал учителей для обсуждения этого вопроса и предложил мне прийти через пару дней за результатом. Вопрос был решен положительно. Напечатали договор по имеющемуся у меня образцу. Подписан он был 19.12.90 г. Можно было приступить к занятиям. Директор очень удивился, когда я отказался от платы за уроки. Убеждая меня, он сказал:

«А почему бы вам не воспользоваться теми средствами? Ведь у нас по школьной программе предусмотрены такие занятия и на это выделены средства, так что вы имеете право получать их»

Я ответил ему то же, что и директору эстонской школы: преподавать детям религию – это дело Божие и это мы будем делать бесплатно, во имя Бога, награда нам будет от Него.

Директор отдал распоряжение всем руководителям младших классов сообщить детям о предстоящих воскресных занятиях, которые будут проводиться в актовом зале с 10.00 до 12.00 и чтобы приглашали всех желающих.

Сперва мы начали проводить занятия в Эстонской школе. Для этого нам пришлось, в сопровождении директора, пройти по всем классам и пригласить детей на торжественное открытие воскресных Библейских занятий. В помощь для проведения этих занятий я пригласил пресвитера нашей церкви Загайнова Анатолия Ивановича и его сына Петра. Детей собралось душ сорок; все с большим интересом посматривали на стол, заваленный христианской детской литературой и с нетерпением ожидали начала занятий. После краткого предисловия пресвитер предложил всем встать для молитвы. Дети, стоя, слушали молитву и с улыбкой, поглядывая друг на друга, недоумевали: ведь еще так недавно им говорили в школе, что Бога нет и молиться запрещалось, а тут вдруг пришли какие-то дяди и предложили молиться. Все это было для них ново и непонятно. Но, когда им был задан вопрос, желают ли они посещать воскресную школу, где смогут много узнать о Боге, Создателе вселенной, о первых людях, некогда живших в раю, о Иисусе Христе, Который был распят на кресте, они почти все, в один голос, ответили, что желают.

На первом двухчасовом занятии мы немного познакомились с детьми, составили списки. Оказалось 38 школьников, желающих посещать наши уроки. Потом мы рассказали им, как будут проходить занятия, прочитали немного из Детской Библии, предложили для чтения некоторые детские духовные рассказы, совершили молитву и разошлись.

Спустя две недели, занятия начались также в Латышской средней школе и детей было столько же. В основном, мне приходилось одному проводить занятия. Иной раз приглашал сестру Загайнову Риту, пианистку, для обучения детей пению псалмов, но в большинстве – пели без пианино. Очень трудно было справляться с такими большими классами, но постепенно количество детей начало убавляться. Некоторые православные родители запретили своим детям посещать такие уроки, где преподает баптист и не учит детей креститься, а у некоторых просто пропал первоначальный интерес, приходили изредка, предпочитая лучше погулять.

Оставалась у нас в Валге не охваченной вторая средняя школа, где весь преподавательский персонал состоял из коммунистов. Туда я направил брата Петра Загайнова, бывшего ученика этой школы. До этого времени он уже закончил Рижский Медицинский институт и работал в городской больнице врачом. Когда он обратился к директору за разрешением, чтобы в школе проводить библейские уроки, то она, хотя и неохотно, но все же дала свое согласие. И так, во всех трех школах были организованы воскресные занятия, которые посещали и некоторые родители.

Кроме этого я решил пойти к заведующей детским садом, чтобы договориться с ней проводить занятия со старшей группой. Она с удовольствием разрешила и для занятий с малышами я пригласил Загайнову Леночку, так что в семье Анатолия Ивановича я нашел себе добрых и безотказных помощников.

В нашей церкви также была организована воскресная школа для взрослых и для проведения этих занятий нам нужно было помещение и так, как молитвенного дома у нас не было, то пришлось проситься в бывший дом пионеров, теперь его переименовали в «Школу по интересам». Когда я обратился с этой нуждой к директору и предъявил ей свой документ на право проведения Библейских занятий, она согласилась и разрешила для этой цели использовать спортивный зал. По довольно доступной цене составили договор рента и эта, сложная для нас проблема, была решена.

Каждое воскресенье, зимой и летом, утром я грузил в свой «Запорожец» два ящика с духовной литературой и ехал к восьми часам на богослужение, а после, на десять часов ехал проводить занятия в Первой Валгасской школе и после двухчасового занятия направлялся, к 12 часам на занятия в Латвийскую русскую школу. Только после 2-х часов, на половину третьего я

возвращался в Валгу, но не на обед домой, а в дом пионеров, где ждала меня группа взрослых посетителей воскресной школы. Воскресный день был у меня настолько загружен, что я чувствовал себя сильно уставшим физически и только, придя в молитвенный дом на вечернее богослужение, я мог расслабиться, отдохнуть и затем спокойно слушать Слово Божие.

Духовная литература вызывала у детей, а также и у взрослых большой интерес и я, каждый раз, под конец занятий, выдавал им книги, записывая каждую книгу в формуляр читателя. Евангелия от Иоанна и некоторые трактаты раздавал детям для личного пользования, а взрослым дарил Библии. Всех своих школьников я всегда приглашал на вечернее богослужение, а особенно на Рождественский праздник и те, которые приходили, получали подарки и своим посещением привлекали других. Кому было далеко и кто не знал, где собрания, за теми мне приходилось ездить, чтобы все желающие могли побыть на собрании, посмотреть, как проходят христианские богослужения, послушать и познакомиться с верующими детьми. Мне приятно и радостно было смотреть на них и слушать, как они вместе со всеми пели псалмы и, больше того, некоторые из них покалялись, желая служить Господу.

Вспоминаю, как однажды в летнюю пору, во время каникул, мне удалось организовать поездку со старшими детьми на богослужение в Ригу. Они впервые попали на такое большое собрание, внимательно слушали, а когда прозвучал призыв к покаянию, то многие вышли и покалялись. Среди них были и девять душ моих школьников. Это была большая радость для всей церкви, а особенно для меня. Я благодарил Бога, что посеянные мною семена Слова Божия дали всходы.

Кроме работы в воскресных школах мне было поручено Миссией организовать христианскую выездную библиотеку и для этой цели я получил из Миссии большое количество духовной литературы. Были у меня и свои книги, которых я много получал из-за границы, которыми я пополнял библиотеку и распространял их среди населения, в чем испытывал большое удовлетворение. Каждую неделю, выезжая с книгами два-три раза на многлюдную автобусную остановку у Почтамта, я устанавливал две витрины, на которых раскладывал книги, чтобы привлечь внимание каждого проезжающего и проходящего.

Многие люди, а особенно молодые, проявляли большой интерес к духовной литературе. Иной раз группами подходили, чтобы подобрать себе интересующую их книгу и записаться читателем нашей библиотеки. Одному мне стало тяжело управляться с обслуживанием всех желающих и я попросил в помощь себе брата Юру Содому. Он с удовольствием откликнулся и нам вдвоем стало гораздо легче. Юра смотрел за витринами, подбирал читателям книги, а я записывал в карточки. Со временем Юра начал обслуживать выездную библиотеку вдвоем со своей женой Ритой; она всегда была готова чем-то послужить Господу, а я решил организовать еще одну библиотеку «на дому», чтобы охватить больше людей, заинтересовать их чтением духовной литературы. Все новые книги поступали в нашу Миссию из Германии, из издательства «Свет на Востоке», так что проблемы с книгами у нас не было. Каждый раз, когда я ехал на Украину, я заезжал в Миссию и получал книги для наших библиотек, а также Миссия выделяла литературу для светских школьных библиотек, для сел и городов. Во время одной из таких поездок на Украину я принял активное участие в создании уголков христианской литературы в таких библиотеках. Библиотекари и директора школ охотно шли мне навстречу в создании таких уголков с надписью «Христианская литература», когда я вручал им по накладной эти книги, они удивлялись такому большому количеству книг: Библий, Евангелий, Детских Библий, Пятитомников для детей и много других и все это - бесплатно.

« Как это так? Ведь за эти книги кто-то заплатил, а вы даете нам даром? »

« Да, это очень ценные книги,- сказал я,- а цена их уплачена верующими людьми, чтобы вы получили их бесплатно, читали и узнали о великой любви Божией к вам, о спасении в Иисусе Христе».

За несколько дней моего пребывания на Украине в трех сельских библиотеках и в Дубновской городской библиотеке, были выставлены на полках, на видном месте наши книги с соответствующей над ними надписью. Я не знаю, пользуются ли по сей день нашими книгами, или, может быть их разобрали и не вернули обратно, а может быть эти полки пополнились новыми книгами, но я, по совету Миссии, пользуясь их литературой, во имя Бога сделал то, что мог.

По возвращении в Валгу с большим количеством книг, я сразу взялся за обслуживание людей христианской литературой по квартирам. Библиотечные формуляры в нужном количестве я получал в Эстонской библиотеке, они никогда не отказывали мне, так что в этом проблем не было. Этой работой я занимался, в основном, в вечернее время, когда люди возвращались с работы домой, с шести-семи часов и до девяти, а иной раз и дольше. Я наполнял свою миссионерскую сумку книгами, брал формуляры, садился в «Запорожец» и подъезжал к пятиэтажкам, где в основном жили русские и украинцы. Я заходил в каждый подъезд, звонил в каждую квартиру и предлагал им свои книги.

Жильцы по-разному откликались и реагировали на мои звонки: одни, услышав звонок, сразу открывали дверь, приглашали войти, а другие предварительно спрашивали, кто такой и зачем. « Я библиотечный, принес вам христианские книги». Тогда они смело открывали, приглашали войти в комнату, но я, дорожа временем, при первом посещении, старался долго не задерживаться.

Интерес к литературе в большинстве проявляли матери и дети. Они подбирали себе книги, я записывал их в карточку. Расписываясь в получении, некоторые спрашивали: « А куда мы должны будем эти книги сдавать?» Я отвечаю: « После назначенного срока я сам приду к вам, заменю их на новые. Хочу посоветовать вам: когда вы будете читать их, у вас, естественно, возникнут вопросы от прочитанного. Вы постарайтесь запомнить, или записать их, чтобы при следующей нашей встрече я мог вам ответить на ваши вопросы»

Но встречались и такие жильцы, которые, услышав, что я предлагаю для них религиозную литературу, с негодованием кричали через полуоткрытую дверь: « Нам не нужны ваши баптистские книги, у нас есть что читать!» – и захлопывали передо мною дверь.

Особенным моим желанием было обслужить духовной литературой моих соседей – жильцов дома, в котором я жил. В доме было около 80-ти квартир, в которых жили эстонцы, украинцы, русские и, казалось бы, был хороший участок для духовной работы. Но, к сожалению, в нашем доме было очень мало людей, интересующихся духовной литературой, поэтому я решил в каждую семью подарить Евангелие от Иоанна на русском языке, а эстонцам – на эстонском. Подобрал удобное время, когда люди пришли с работы и взялся за евангелизацию – стал разносить по квартирам Евангелия. Многие охотно принимали подарок, благодарили, некоторые просто принимали, так как отказаться было неудобно. С нашими русскоязычными людьми было проще: раз открыли дверь, значит можно войти, не обязательно ждать дополнительного приглашения. Заходишь в коридор и объясняешь, по какому делу пришел. К такой нашей простоте понемногу начали привыкать и эстонцы. Но вот встретился мне один из наших эстонских жильцов, которому не понравилась моя простота. Когда он открыл мне дверь, я извинился и предложил ему подарок, но он отказался его принять. В связи с отказом у нас завязался разговор. А, поскольку мне было тяжело стоять на ногах в коридоре, я переступил порог, уперся в стенку и готов был продолжать свое свидетельство о любви Божией. Вдруг этот молодой человек, перебивая меня, с негодованием произнес:

« Я вас не приглашал войти в коридор, выйдите!»

Ну, что ж, пришлось извиниться и уйти. Рассуждая о происшедшем, я пришел к выводу, что причиной его негодования было его нежелание слушать мое свидетельство о Боге и отвечать на заданные ему вопросы, это его раздражало и поэтому он предложил мне освободить коридор.

Но бывало и еще хуже. Случай, о котором я хочу вспомнить, произошел на пятом этаже соседнего дома. Когда я подошел к дверям квартиры, то услышал веселый, шумный разговор. Я позвонил, в коридор вышла хозяйка. Она знала цель моего прихода и позвала свою подругу, которая интересовалась нашей литературой. Здесь же на площадке, беседуя с ними, я снял с плеча свою сумку, а соседка, видя, что мне тяжело стоять, вынесла стул, я сел и начал подбирать им книги.

Пьяный хозяин, не дождавшись своей хозяйки, догадался, в чем дело, со злостью рванул дверь и увидел, что его жена держит в руке несколько брошюр. Он подскочил к ней и начал отнимать. Как она ни сопротивлялась, он все таки вырвал брошюры и бросил вниз по лестнице. Расправившись с ней, он с руганью ринулся на меня, но жена и соседка сумели удержать его. Он потом еще раз кинулся ко мне, пытаясь прорвать оборону, но женщины оказались сильными, нападение не удалось, он еще немного пошумел и с руганью ушел. Женщины извинились за это хулиганство, хозяйка собрала разбросанные брошюры и, опасаясь нести их к себе в квартиру, отдала соседке для совместного чтения.

Разные люди по-разному воспринимали духовную литературу: одни с большим интересом вникали в прочитанное, стараясь больше узнать о Боге, о спасении. У них возникали различные вопросы и мне приятно было отвечать на них и проводить с ними беседы.

Каждый раз, принося на обмен книги, я имел возможность беседовать с читателями, больше знакомиться с ними, узнавать их отношение к Богу, к Его Слову. У таких читателей дверь для меня всегда была открыта, они радовались моему посещению и я, замечая у них такую заинтересованность Словом Божиим и расположение ко мне, не считался с трудностями подниматься по ступенькам на этажи, с палочкой в руке и с сумкой на плече, потому что я знал, что меня ждут те, которые жаждут слышать Слово Божие. Другие читатели были менее заинтересованы и неохотно брали литературу. Иной раз приходилось упрашивать их взять что-нибудь почитать. А были и такие, которые, возвращая старые книги, новых не брали, ссылаясь на то, что им некогда читать.

Поле для моего труда было обширное, я обслуживал жильцов духовной литературой не только в соседних пятиэтажках, но также почти все дома семей военнослужащих. На моем участке было 8 многоквартирных домов, в которых проживало более 200 моих читателей. Всего же читателей наших библиотек, вместе с детьми, было около шестисот человек. Распространяя христианскую литературу и приглашая читателей на богослужения в молитвенные дома, мы считали, что число посетителей увеличится. Но сделать им этот шаг было очень трудно и нам пришлось искать другой метод для привлечения их в общество верующих.

С этой целью мы периодически устраивали для наших читателей, в бывшем доме пионеров, христианские конференции. Заблаговременно расклеивали по городу объявления о предстоящей конференции, а также я старался потелефону сообщить читателям о предстоящем мероприятии, так что все желающие могли присутствовать, слушать библейские уроки и получать ответы на свои вопросы. Кроме конференции, для этих же наших читателей была организована вышеупомянутая воскресная школа. Те, которые стеснялись посещать молитвенный дом, каждое воскресенье приходили на занятия в школу. В непринужденной обстановке, просто, по-семейному они могли слушать о великой любви Божией, о спасении грешников. Посреди зала ставили два- три стола, садились кругом, у каждого была Библия, песенник, некоторые имели тетради для заметок. Кому не хватало места у стола, те садились во втором ряду, вместе с приглашенными певцами и другими посетителями.

Занятия начинались молитвой и общим пением. Уроки строились по определенной библейской теме, во второй части были вопросы и ответы, каждый мог задавать вопросы на любую тему. Изредка занятия прерывались для общего пения, в сопровождении пианино и всегда кончались молитвой.

Несмотря на усталость, я радовался результатам своего, благословенного Богом, труда, когда некоторые из моих студентов изъявили желание посещать богослужения в молитвенном доме. Там они покаяться, приняли крещение и стали активными членами церкви.

Но, к сожалению, такая бурная и обширная работа в школах и среди населения длилась у нас только один год. По некоторым причинам нам было отказано в дальнейшем ренте школы по интересам. На следующий учебный год в Эстонии проводить наши воскресные занятия нам запретили, мотивируя тем, что у них имеются специально подготовленные преподаватели, которые будут преподавать только историю христианства и не «втягивать» детей в какую-либо религию. Так, во всяком случае, мне заявила директор школы и, при этом сделала мне замечание, что я на своих уроках старался привлечь детей в свои баптистские церкви. Она сказала:

- Хотя я и не присутствовала на ваших уроках, но, проходя по коридору, я останавливалась у дверей вашего класса и слышала ваши ответы на заданные детьми вопросы.

На это замечание я ей ответил:

- Согласно нашему договору, я должен был проводить уроки на основании Библии. Я не мог вопреки учению Христа учить чему-то другому, как принято у людей, ибо тогда был бы виновен перед Богом. Если Оксаночка задала мне вопрос, когда и как человек может принимать крещение, то я ей ответил так, как написано в Евангелии. Так, что нарушения ни пред вами, ни пред Богом я не сделал.

Дальше доказывать ей не было смысла, раз у них вышел такой закон, следовательно нужно было детей направлять в воскресные школы при молитвенных домах и встречаться с детьми у школ, при обмене книг, куда я в определенные дни привозил литературу. Для этой цели я сделал в своем «Запорожце» настил на всю машину, где аккуратно раскладывал для витрины книги, а остальные в ящиках ставил на пол и на сидушки. Для удобства производить записи в карточках, я сделал на руль столик (щиток), а на машину ставил большой щит с крупной надписью «Христианская библиотека». Это была, в полном смысле, выездная, передвижная христианская библиотека.

Для обслуживания школьников я подъезжал к школе, а вообще-то моим любимым многолюдным местом была площадь у продовольственного магазина перед нашим домом, куда после рабочего дня съезжались многие покупатели и я имел возможность обслуживать желающих и духовной пищей.

Еще хочется кратенько вспомнить об одной из самых лучших моих учениц, девочке шестого-седьмого класса по имени Оксанка. Она больше всех интересовалась Евангелием. Обо всем, что было для нее непонятно, она никогда не стеснялась спросить и всегда регулярно посещала занятия. Когда прекратились воскресные занятия в школе, она в числе других девочек, стала посетителем воскресной школы при молитвенном доме, а также интересовалась и всегда посещала собрания верующих. Мне приятно было посетить ее дома, принести ей новые книги, познакомиться и побеседовать с ее мамой и сестрой, которые были воспитаны в атеистическом духе и были членами коммунистической партии. И мама и сестра были культурными и образованными людьми, обе работали в школе преподавателями. Личная жизнь у каждой из них сложилась неудачно, поэтому они полностью разочаровались в людях, оставшись вдовами при живых мужьях, разочаровались в человеческих громких и высокопарных идеях. Это были женщины, как говорят в народе, «обиженные судьбой»; они стояли на распутье, не зная, как жить дальше, как найти смысл жизни и успокоение души. Думаю, что не ошибусь, если скажу, что для них первым свидетелем о любви Божией к людям, о смысле жизни и верном жизненном пути была для них их Оксаночка – ученица воскресной школы, которая детской верой приняла в свое сердце Господа. Однажды на занятиях она с радостью и вполне серьезно заявила мне:

- Владимир Поликарпович, я хочу уже принять крещение и быть членом церкви.

Это радостное для нее время пришло, мечта ее осуществилась, но к сожалению, не в нашем присутствии, в это время мы были на Украине.

А вот старшая сестра ее Диана со своей подругой, грузинкой Мананой обратились к Господу еще во время нашего жительства в Валге. Когда мы с женой вернулись из поездки на Украину, они посетили нас дома и с большим восторгом, с сияющими лицами, войдя в квартиру, заявили:

- Вы можете нас поздравить: мы покаялись, теперь изучаем Слово Божие и готовимся принять крещение. Нам трудно было расстаться со всем тем, к чему мы привыкли за столько лет жизни в мире – с золотыми украшениями, с красками. Но, когда мы покаялись, Бог даровал нам сил оставить это все ненужное и сейчас нас ни сколько не тянет ко всем тем греховным излишествам.

- Когда я пришла с покаянием к Богу,- говорила Диана,- и склонила колени для молитвы, слезы залили мои глаза, смыли с лица краску и я с тех пор больше не крашусь и, находясь среди верующих, чувствую себя, как в родной семье, совсем свободно.

Прошло некоторое время, мы опять поехали на Украину и несколько времени не виделись со своими подопечными, а когда вернулись, то сразу же поехали в собрание. Наши друзья, в ожидании начала собрания сидели во дворе за столом, и, когда увидели нас, Диана с Оксаночкой, подбежали к нашей машине, радостно приветствовали нас и тут же сообщили приятную новость: они приняли крещение и участвуют в служении Господу. Мы сердечно поздравили их, пожелали обильных Божиих благословений в их новой, христианской жизни.

Мама Дианы и Оксаны и их подруга Манана, еще некоторое время колебались, смущались, им не хватало решимости и силы воли разорвать дьявольские оковы. Но, когда они в искренней молитве обратились к Господу, Он дал им победу и, как потом нам стало известно, они теперь тоже являются детьми Божьими.

Да, для меня это было большой радостью и наградой за мои труды, как говорит псалмопевец:

«Сеющие со слезами, будут пожинать с радостью»(Пс.125.5). Сеяние Слова Божия без слез, т.е. без упорного труда – сказал мимоходом несколько слов соседу, или кому-либо о Боге и на том успокоился, как будто бы свое дело сделал – и когда это посеянное Слово, возможно и даст свой плод, то такой сеятель не ощутит той радости, которую переживает сеющий со слезами и многими молитвами. Особенную радость в своем труде получает только тот, кто, видя погибающих грешников, не жалеет ни сил, ни времени, спешит к несчастному, чтобы указать ему путь спасения, постоянно посещает его, молится о нем и всячески заботится о его душе. Такой сеятель, принесши снопы свои в житницу Божию, вправе ожидать награду от Господа.

Несмотря на то, что я был загружен духовной работой по месту жительства, меня тянуло на Украину благовествовать в родных краях. Мне очень хотелось проводить духовные беседы в больницах и особенно в Дубновском Онкодиспансере, где больные, в основном, были обречены. Жаль было смотреть на этих бедных, несчастных людей: они были грустными, не имеющими ни малейшей надежды на выздоровление. Некоторые из них были мне знакомы с тех пор, как в этой больнице лечилась моя Галочка и я ежедневно, по несколько раз на день, посещал ее здесь. Среди больных были и молодые люди, но в основном – пожилые и больше женщины. Некоторые по несколько раз приезжали на лечение, но к сожалению, все старания врачей вылечить их были напрасны. Люди умирали, отходили в вечность, не примирившись с Богом. Поэтому Господь и побуждал меня ехать к ним, чтобы засвидетельствовать им о любви Божией к ним, о спасении и жизни вечной в Иисусе Христе.

Чтобы проводить в больнице постоянно такую работу, необходимо было иметь разрешение от главного врача. Главный врач любезно принял меня, он был знаком со мной, знал, откуда я приехал, поскольку мне не однократно приходилось обращаться к нему во время

лечения Галочки. Но, когда я обратился к нему за разрешением проводить в палатах с больными духовные беседы, он подумал и сказал:

- Вы баптист, а у нас лежат люди разных вероисповеданий и ваши беседы не всем понравятся и это вызовет, возможно, недоразумения между вами и скажется отрицательно на здоровье больных, а это не желательно. Вы можете такие беседы проводить в вестибюле и под навесом перед зданием, там стоят скамейки с местами на пару сот людей. На улице тепло, поэтому проводите свои беседы с нашими больными, это будет, в какой-то мере, отвлекать их от постоянных тяжелых переживаний и послужит к улучшению их самочувствия.

Вдохновленный такой моральной поддержкой главврача, я решил ежедневно проводить с больными беседы на духовные темы и особенно в воскресные дни, когда люди меньше были заняты лечебными процедурами. О своих планах я объявил после собрания в доме молитвы, церковь одобрила мое благое намерение и в помощь мне, для проведения собрания, поехали многие желающие молодые хористы и проповедники. Многие больные вышли послушать проповедь Слова Божия, послушать пение евангельских гимнов, присоединиться к молитвам верующих о ниспослании Господнего благословения на их выздоровление – все это было, как целительный бальзам на их измученные души. А в конце собрания, в нашей беседе они получали ответы на волнующие их вопросы. И так почти каждое воскресенье в этой больнице проводились такие собрания.

В рабочие дни, а иной раз и по воскресеньям, в помощь себе я приглашал прекрасную детскую группу певцов, состоящую из пяти детей двух родственных семей, проживающих в 25 км. от Дубна в с.с. Студянка и Мартыновка. Я приезжал за ними, родители благословляли и охотно отпускали их на такую миссионерскую деятельность и они, теснясь в моем «Запорожце» с большой радостью ехали со мной на труд. Бывали дни, когда мне одному, без помощников, приходилось в определенное время проводить такие встречи с желающими слушать Слово Евангелия. В течение этих нескольких собраний, я мог определить, кто и на сколько заинтересован Словом Божиим и с такими душами я имел индивидуальные беседы, или же в небольшой группе и некоторые из них, с искренним покаянием в своих молитвах обратились к Господу.

Находясь, можно сказать, в родном городе, я старался с целью благовестия, посещать и другие больницы города, а также в поселке Смыга. Несколько раз я имел беседу с людьми в доме престарелых. Среди них были инвалиды, люди не полноценные, умственно отсталые, но, когда я читал им Евангелие, они внимательно слушали и на лицах их отражалось удовлетворение от услышанного.

Везде, где я посещал, а также и на городских улицах, желающим раздавал литературу духовного содержания, Евангелия, а некоторым и Библии. Помню одну из многих моих поездок для распространения литературы в городок Почаев, в расстоянии 75 километров от Дубно. В этом городе был большой старинный действующий мужской монастырь. Из разных концов страны сюда съезжались и сходились, с котомками за плечами, паломники исповедаться и получить успокоение для души. Одни шли в храм на поклонение, другие —чтобы что-то продать, купить. Некогда мой отец рассказал мне легенду: когда этот монастырь строился, то сами камни катились на стройку. «Когда тебе придется когда-либо,- говорил мне отец,- посетить Почаев, то ты увидишь у дороги много больших камней. По окончании стройки монастыря, эти камни оказались лишними. Они остановились на своем пути и стоят так до сего дня».

Еще другую, подобную легенду о Почаеве я слышал от него: «Когда храм уже был построен, на Украину мощной лавиной хлынули турки и татары. Никто и ничто не могло преградить им путь: город за городом, селение за селением они покоряли под свое владение; сопротивлявшихся – без пощады убивали, многих мужчин, женщин и детей угоняли в плен. И вот, когда они подошли к Почаеву и хотели уничтожить монастырь, завладеть им и ограбить, тут-то завязалась жестокая битва. Турки и татары на своих быстрых конях и пешие, вооруженные

луками и копьями, с большим криком поднимались в гору, на вершине которой возвышался монастырь с позолоченными куполами. На оборону монастыря выступили монахи и все население города, а также находившиеся в это время здесь паломники. Но они не могли противостоять силе и напору турецко-татарской орды. Тогда духовенство – священники, монахи, с сильным воплем о защите монастыря воззвали к Покровительнице Марии, Матери Божией. Она услышала их молитву и с огненным мечом выступила на защиту монастыря. Вражеская орда с бешеной яростью, приближаясь к оборонительной стене, пускали тысячи стрел, но Покровительница своим огненным мечом возвращала стрелы и ими поражала врагов».

Эта легенда уже сотни лет передается из поколения в поколение; о ней пишут книги, художники рисуют картины и многие люди воспринимают легенду, как исторический факт.

Для распространения литературы, в почаев поехал со мною мой друг Дубенецкий Петр Васильевич. Въезжать посетителям за ворота на территорию монастыря монах-привратник не разрешал, но мне, как инвалиду удалось упротить его и мы въехали. Машину поставили в сторонке у дорожки, а сами пошли осматривать храмы. В одном из храмов собралось много паломников. Среди них было много львовян – членов народного национального движения «Рух», они вступили в разговор со священником, задавая ему вопросы:

- Почему церковное служения совершается не на родном, понятном украинском языке, а на словянском, который почти никто не понимает?

- Славянский язык для души, а украинский только для разума,- отвечал священник.

Руховцы, будучи членами Православной Авто-кефальной церкви, были возмущены таким ответом. Батюшка, видя их возмущение, решил уйти. Люди, не отставая, пошли за ним. Он вынужден был остановиться во дворе, в кругу паломников, чтобы отвечать на их вопросы. Слушая его ответы, я тоже решил возразить ему и сказал:

- Батюшка, я не согласен с вашим ответом, что славянский язык для души, а украинский только для разума. Разве душа может воспринимать то, что ей не понятно?

Бесцеремонно прерывая меня, он спросил:

- А вы кто, какого убеждения?

- Я христианин,- уклоняясь от прямого ответа, сказал я.

- А, вы баптист?

Все вокруг негодуя, зашумели и на том закончился мой «диспут» и мы ушли дальше осматривать достопримечательности храма. Куда ни зайдешь – везде полно народа, жаждущего слышать Слово Божие, жаждущего спасения. Одни участвовали в служении, другие в углу храма исповедовали священнику свои грехи, третьи стояли в очереди к священнику, который совершал молитву за упокой душ усопших. За такую службу каждый давал свои пожертвования на храм. Некоторые уставшие старушки сидели во дворах храмов, вынимая из котомок свои запасы и кушали, запивая холодной водой. У дорожки были расставлены лотки, киоски, куда подходили паломники, чтобы купить крестик с позолоченной цепочкой, иконку и потом все это несли к священнику, чтобы он совершил обряд освящения. За такую услугу тоже нужно было платить три рубля.

В киосках продавали религиозную литературу, картины обороны монастыря от турецко-татарской орды и другие культовые предметы. Все делалось и продавалось за деньги, но паломники не считались с деньгами, платили за совершение различных религиозных треб, в надежде получить какое-то успокоение для души. В память посещения монастыря покупали культовые предметы и с приятными впечатлениями отправлялись в свой обратный далекий путь.

Люди были очень удивлены, когда рядом с продающими свои изделия, мы с машины начали бесплатно раздавать нашу духовную литературу. Люди большой толпой окружили наш «Запорожец» и мы, через открытые дверки, во все стороны «обслуживали» духовно изголодавшуюся толпу. Я был рад, что своим большим запасом трактатов, брошюр мне удалось

удовлетворить многих людей, которые, отталкивая друг друга, протягивали руки, чтобы что-либо получить. Раздавая свои запасы, я все время просил их: только, пожалуйста, осторожно, не поломайте мне дверки.

Вдруг ко мне протиснулись две женщины и, протягивая руки к машине, с сердечной просьбой, громким голосом сказали:

- Отец, отец, благословите нас!

Я, услышав просьбу, дал им по несколько брошюр, а вот, как их благословить, я был озадачен: осенять крестным знаменем, по-православному обычаю, я воздержался, надеясь, что, получив брошюры, они уйдут. Но не тут-то было: они и не думали уходить, но опять обращаются ко мне со словами:

- Батюшка, благословите нас, мы приехали издалека, с самого Урала, благословите нас, батюшка!

Я посмотрел на Петра Васильевича, а он на меня. Обратившись к ним я сказал:

- Да благословит вас Сам Господь в вашей жизни и в вашем пути.

Их лица явно выражали неудовлетворенность моим благословением. Не сказав больше ничего, они отправились в путь.

Несколько раз я приезжал в Почаев, раздавал литературу и некоторые местные жители уже знали меня и знали, с какой целью я приезжал. Однажды я привез много Библий на украинском языке. Каждому хотелось получить ее и люди теснились у дверей моей машины, чтобы воспользоваться возможностью получить ценный подарок. Раздавал я всем желающим. Подошли ко мне несколько студентов православной семинарии и попросили Библии. Я дал им, они поблагодарили и ушли в свое общежитие, а через несколько минут некоторые из них вернулись, отдали Библии назад и сказали, что это штундистские Библии, а не православные. Сколько я ни старался убедить их, что в мире существует только одна Библия, переводы могут быть разные, но содержание одно и то же, независимо от того, на каком языке напечатана Библия. Несмотря на мои доводы они остались при своем мнении. Но друзья их, более сведущие, убедили сомневающихся, что никакой разницы нет и они опять прибежали, чтобы забрать обратно свои Библии, но некоторые из них опоздали – подарки приняли те, кто не сомневался.

Приезжая на Украину, в родную местность, я проводил духовную работу не только среди взрослого населения, но также и среди детей, стараясь использовать всякую возможность, чтобы донести свет Евангелия в семьи номинальных христиан. Для этой цели, еще до создания христианских библиотек, у меня были встречи с детьми и с некоторыми из их родителей. Сначала мое знакомство произошло со школьниками, которые у дороги на лугу пасли скот, птицу, а другие устраивали различные игры и, когда проезжая, я видел такую большую группу детей, то останавливался на обочине дороги и всех приглашал к себе. Они, с любопытством, собирались вокруг машины, я брал Детскую Библию, все усаживались вокруг меня на травку. Я открывал книгу с цветными рисунками и с первых страниц объяснял им доселе неизвестную историю создания вселенной. Дети с большим интересом слушали, рассматривали картинки, спрашивали о непонятном. Я, отвечая, смотрел на них и радовался, что их детские сердца являются доброй почвой для посева семени Слова Божия. На нас не могли не обратить внимания некоторые родители, бабушки и они, с таким же любопытством, как и их дети, незаметно подходили к нам и ничего не говоря, прислушивались к нашей беседе, а потом одна из них сказала:

- Слушайте, діти, добре, то будете знати, Хто все створив, бо вас у школі вчили, що світ сам з'явився.

По окончании такой беседы, я раздал детям для чтения детские книги до следующей нашей встречи. Мамы, бабушки слышали все сказанное детям и, когда увидели книги, то сами заинтересовались нашей литературой, читали ее и передавали другим. Такие занятия с детьми

православных родителей я проводил в двух селах, по дороге в Великие Сады, в селе Кривуха и в Малых Садах.

Молва о моих периодических библейских занятиях быстро распространилась по этим селам и когда я встретился с депутатом сельсовета села Кривуха, она познакомилась со мной, узнала, что я верующий и провожу полезные духовные занятия, одобрила мои действия и пожелала успеха в моем труде. Пользуясь такой возможностью и поддержкой депутата, для большей заинтересованности детей, я несколько раз привозил вышеупомянутую группу детских певцов. Они были рады участвовать в таких занятиях, познакомиться с неверующими детьми, научить их петь детские христианские песни, рассказать им, как они своим пением, стихотворениями и духовными рассказами прославляют Бога. И когда мы приезжали такой большой группой, дети со всей улицы собирались в удобном месте у дороги, рассаживались на траве и после краткого знакомства, начинали наше занятие.

Бабушки и мамы детей, как и при первом моем посещении, не оставляли нас без внимания: они с любопытством подходили к нам, садились на длинную скамейку и слушали нашу беседу, Перед началом и в конце занятий я всех приглашал к молитве, предлагал детям склонять колени, а бабушкам слушать молитву стоя. Неверующим детям было как-то непривычно склонять колени на молитву, да еще у дороги, где проезжают машины и все смотрят, но, преодолевая стыд, они все же склонялись и все вместе повторяли за мной молитву “Отче наш” потом молился кто-либо из верующих детей своими словами, а в заключение молился я. Очень интересно было детям слушать Библейские рассказы, вместе петь духовные песни и в конце занятий получить для личного пользования Евангелие и другую духовную детскую литературу.

Несколько раз, во время школьных каникул я организовывал такие групповые встречи с детьми в упомянутых селах, уверен, что эти встречи запомнятся им на всю жизнь.

Однажды местные дети села Малые Сады помогли мне организовать в одном доме беседу на духовную тему с их родителями, бабушками и соседями. Жители села изголодались по Слову Божию и мне было очень приятно беседовать с ними, вместе почитать Евангелие, помолиться, увидеть на их лицах удовлетворение от нашей встречи и от рассуждений о великой любви Бога к погибающему грешнику. К сожалению такая встреча, по некоторым причинам больше не повторилась.

Испытывая неудобство проводить занятия с детьми на улице, я обратился к депутату в селе Кривуха с просьбой предоставить нам место для занятия с детьми в сельском клубе. Депутат была согласна, но сама решить этот вопрос конкретно опасалась, потому что некоторые родители, - сказала она, - подняли в селе шум, что вы приезжаете, занимаетесь с детьми, чтобы забрать их себе. Я ответила им, что никуда он их не заберет, разве он повезет ваших детей в Эстонию? Вот поэтому я не хочу брать на себя ответственность, хочу быть подальше от неприятностей, люди и так уже говорят, что я пошла в штунды. Об этом негодовании людей уже знает председатель сельсовета, так что вам придется за разрешением ехать в село Иванье, пусть она решает сама.

Ехать было недалеко, километров около десяти и я поехал. В селе я расспросил, где дом председателя, подъехал к воротам дома, остановился на дороге и пошел в дом. Войдя, пожелал доброго дня, извинился за беспокойство, представился, кто я и по какому делу. Она выслушала меня и сказала:

- Я чула про вас, що у Кривусі проводите свою роботу, щоб наших дітей зтягнути до баптистів. Цього робити я вам не дозволю, наші люди православні і вони проти того, щоб ви проводили з їхніми дітьми заняття.

Сколько я ни старался доказать ей, что моя цель не – увлечь куда-либо ваших детей, а рассказать им о Боге, о Его любви, увлечь и заинтересовать их Словом Божиим, Евангелием.

И, хотя разрешения на проведение в клубе занятий я не получил, но я был рад, что имел возможность засвидетельствовать ей о Боге, указать путь к спасению и призвать и ее к покаянию. Но, поскольку у меня была предварительная договоренность с зав.клубом, чтобы, по случаю непогоды один раз собраться в клубе, то все дети в определенное время собрались под навесом этого здания, в ожидании заведующей, чтобы она открыла помещение клуба. Но, к сожалению, она не пришла. Мы обратились к уборщице, которая убирала зал и объяснили ей, что у нас имеется устное разрешение от заведующей на проведение в клубе Библейских занятий и просили ее разрешить войти в зал. Она долго не соглашалась, но школьники упростили ее, мы вошли и провели наше последнее прощальное занятие, на котором я дал им нужные наставления и пожелал, чтобы они читали Евангелие, молились и всем сердцем любили Бога. Еще несколько раз я приезжал на Украину и каждый раз, проезжая через эти села, по дороге в мои родные Великие Сады, я встречал этих детей, сидевших у дороги и на лугу, пасущих своих коров и гусей. Я останавливался, а они, увидя меня, с радостью бежали ко мне, чтобы получить новую книгу и узнать о моих певцах, с которыми они крепко подружились.

Когда я был лишен возможности заниматься духовной работой в этих селах, то мне пришлось искать другое место. Этим местом был большой детский лагерь, расположенный на лесной поляне, среди прекрасной природы, в душистом еловом бору. Сюда привозили на оздоровление детей из зараженной зоны Чернобыля. На территорию лагеря вход посторонним был запрещен, но, когда я подъехал и объяснил, что мне необходимо иметь встречу с заведующей лагерем, сторож, по ее разрешению, пропустил меня проехать к ней. Она увидела мою инвалидскую машину и, будучи в хорошем настроении, с улыбкой вышла ко мне навстречу. Я рассказал ей о моем желании иметь встречу с детьми, чтобы побеседовать с ними и вручить им подарки – духовную литературу.

- Пожалуйста,- сказала она,- беседуйте с ними, это для них будет очень интересно, вы много прожили и у вас есть о чем рассказать. Потом посмотрела в машину на ящики с брошюрами и спросила,- а мне тоже будет подарок?

- Для вас и для ваших сотрудников у меня есть в подарок Книга Библия, Которая говорит о том, что было, что есть и что будет.

- О, я давно хотела достать такую книгу,- с радостью воскликнула она.

Я вынул из ящика несколько Библий и вручил ей. Она сердечно поблагодарила за подарки и ушла в свое помещение.

Пока я беседовал с заведующей, вокруг моего «Запорожца» собралось много детей, которые с любопытством заглядывали в машину, в ожидании что-то получить. Но прежде, чем раздавать подарки, я решил ближе познакомиться с ними и провести краткую беседу, так как им предстоял послеобеденный отдых – мертвый час. Они внимательно слушали Евангельские повествования, задавали различные вопросы и мне приятно было отвечать им, потому что в этих вопросах проявлялся большой интерес к познанию Бога.

После беседы я спросил их: верят ли они в Бога? Почти все дружно ответили: «Да, мы веруем!» А некоторые еще добавили: «И моя мама и папа верующие и я верующая и хожу в собрание».

- Ну. Раз вы дети верующие, а те, которые еще не верят, я думаю, что и они станут верующими, поэтому я привез вам хорошие подарки – книги и, если вы пожелаете их получить, то поочередно, не толпясь, подходите ко мне.

Дети хлынули к открытой дверке машины и я с опаской подумал: хотя бы не поломали дверки машины. Заведующая увидела и вышла навести порядок; она уговаривала детей не толпиться, книг хватит для всех.

Каждый протягивал руку и просил: «Дайте мне, дайте мне!» Было так, что одну и ту же книгу хватили несколько рук и каждый тянул к себе. Я решил проехать в другой конец лагеря, чтобы немного освободиться от такого натиска, но оказалось, что, пока я проехал медленно

вокруг по дорожке, не успел еще доехать, как дети прибежали напрямую и все уже ожидали моего приезда. Дети этого заезда через пару дней должны были отправляться домой и каждому хотелось привезти домой из лагеря какой-нибудь подарок, поэтому не удивительно, что они так толпились.

После раздачи литературы я пожелал детям благополучного возвращения домой, помахал на прощанье рукой. А когда подъехал поблагодарить заведующую, то она попросила, чтобы я и в дальнейшем посещал их лагерь и своим посещением вносил посильную помощь в воспитании детей.

Следующее мое посещение имело цель провести в лагере богослужение. Для этого я привез свою детскую группу певцов, а также приехали и их родители. Собрание проходило на природе, среди деревьев, под навесом летнего павильона. Служение сопровождалось детским пением духовных гимнов; на нем присутствовали не только дети, но также весь обслуживающий персонал лагеря. По окончании собрания детям была роздана детская литература. На этом моя миссионерская работа на Украине среди неверующих детей была закончена.

Во время моих последующих посещений родного края, братья из руководства Миссии предложили мне своим транспортом оказывать помощь брату в поездках по селам с демонстрацией христианского фильма «Иисус». Этот фильм в те годы в бывшем Союзе был очень популярен и заказов на его демонстрацию поступало очень много. Почти в каждое село, где был сельский клуб, люди приглашали приехать, желая увидеть историю земной жизни Иисуса Христа. И в определенное число, по очереди, несмотря на погоду, или непогоду; в грязь и слякоть – хочешь не хочешь, а нужно было ехать. Потому что были собраны люди, предупрежденные заранее, задолго до нашего приезда. Они ждали, чтобы посмотреть то, чего еще никогда не видели. После тяжелого дневного труда, уставшие, зачастую по грязным и темным дорогам, люди добирались в клуб увидеть необыкновенный фильм и получить духовную пищу для души. Обычно такое мероприятие начиналось в 8, а иной раз и 9 часов вечера и длилось до 12, а то и до пол-первого ночи. Потом мы отвозили в Миссию аппаратуру и только после этого, где-то часа в два ночи, добирались домой измученные и уставшие.

Сколько братьям, и отчасти мне, пришлось объездить с этим фильмом сел, чтобы как-то пробудить в уснувших духовно людях веру в Бога и интерес к чтению Библии! Делали все, что могли во имя Бога, не считались с временем и трудностями, но, к сожалению, люди по-прежнему оставались черствыми и глухими к принятию истины Божией. Люди смотрели, ахали, возмущались жестокостью палачей; некоторые утирали слезы от жалости к Голгофской Жертве, увиденной в фильме, но увиденное не принесло им никакой пользы – сердца людей оставались закрытыми. Сколько людей посмотрели этот фильм, но думаю не ошибусь, если скажу, что ни одного грешника он не привел к покаянию, ибо на страдания Иисуса Христа нужно смотреть не плотскими очами, но очами души, очами веры и только тогда грешник способен будет увидеть всю глубину Его страданий и Его любви к падшему человеку. Только Дух Святой, коснувшись сердца, заставляет грешника задуматься и приводит его к раскаянию.

Помню, как однажды, после демонстрации фильма в селе Рачин, я отвез своего сотрудника в Ровно, а сам возвращался на ночлег в Дубно. Время было час ночи. На подъезде к Дубновскому КП (контрольный пункт дорожной милиции), убавил скорость до 40 км. Издали вижу, что на правой стороне дороги стоят два милиционера ГАИ (Государственной автоинспекции), они остановили нарушителя. Вдруг одному из них понадобилось перейти через дорогу в сторожевую будку и он, не замечая, что моя машина рядом, дошел до половины дороги, и когда заметил машину, резко отскочил назад, а я хотел объехать его с тыла и он чуть было не попал под машину. Благодаря его напарнику, который ухватил его за руку и выхватил чуть ли не из под машины. Он упал на асфальт. Слава Богу, он остался жив, но я услышал

сильный удар бампером и подумал, что перебил ему ногу. Проехав метров 20, я остановился. Ко мне подбежал милиционер и сердито крича, потребовал права, а потом закричал:

- Ты что, хочешь, чтобы я пустил по тебе очередь из автомата? Как едешь, почему превысил скорость и не остановился?

Оправдываться я не стал, все равно бесполезно, а положив руку на сердце, виновато сказал: «Виноват я, товарищ сержант, как-то так получилось...»

Он рванул из рук права и поспешил к пострадавшему. Подняли его, а я не знал, что мне делать. Постоял немного и подумал: если пострадавшего нужно будет доставить в больницу, то это сможет сделать водитель задержанной машины, а мне, инвалиду, это не под силу. Просить милиционера, чтобы отдал права – тоже было бесполезно. Итак, переживая о случившемся, я направился в город, все время оглядываясь назад, не везут ли пострадавшего. На ночлег я заехал к своему другу Ковальчуку Сергею Ивановичу, рассказал о случившемся, Сергей со своей женой Тоней посоветовали мне немедленно ехать в больницу и провести медицинскую экспертизу, чтобы милиция не обвинила меня в том, что я был в нетрезвом состоянии и не подвергла суду.

В больнице мне пришлось вкратце рассказать о случившемся дежурному врачу. Врач выслушала и сказала, что без требования милиции мы не можем проводить экспертизу. Для выяснения дела она позвонила на КП и спросила, что там произошло? Потом сказала, что пришел мужчина и просит провести экспертизу, что я должна делать?

В ответ передала мне требование милиции, чтобы я немедленно приехал к ним на КП и когда я подъехал, то увидел, что у стенки сторожевой будки сидел пострадавший с забинтованной головой. Выйдя из машины, я подошел к нему и сказал:

- Виновный прибыл.

Он посмотрел на меня и сказал:

- Що ж ви так їхали і не дивилися? Через вас я міг вже не повернутись додому і більше не побачити своїх дітей. Я не знаю, що з вами робити, передавати діло в суд, чи так якось залагодите? Потрібно подумати, поки що сідайте в машину і почекайте, бо ми зайняті.

Проезжал польский автобус с пассажирами. Они остановили его и предложили водителю съехать на обочину и заночевать, во избежание аварии, так как водителю необходимо отдохнуть.

Потом шутя добавили: «Если будет для нас бутылка Шампанского, то уедете». Зашли за угол, чтобы я не видел и ждали, пока водитель удовлетворит их намек.

Молодая полячка, весело улыбаясь, вышла из автобуса с бутылкой в руках и, подходя к ним сказала:

- Шампанского у нас нет, а водки – пожалуйста!

Получив желаемое, милиционеры подобрали: сразу же миновала угроза возможной аварии и с добрыми пожеланиями отправили пассажиров автобуса в дальнейший путь. Потом задержали еще какую-то грузовую машину и предъявили водителю свои претензии. Ему тоже для расчета пришлось идти за угол и только тогда он смог уехать. Не зря один советский юморист сказал, что в нашей стране милиция Госавтоинспекции пасется на асфальте. Это точно, я сам был свидетелем, наблюдая за этим «выпасом».

Наконец подошла очередь для решения и моей проблемы. Долго они что-то говорили между собой, а потом пострадавший позвал меня и опять начал повторять сказанное. Я тогда конкретно сказал ему, что готов компенсировать нанесенный мною ущерб вашему здоровью, только скажите, сколько – 50 рублей, или 100?

Он опять пошел за советом к своему напарнику и через пару минут вернулся, чтобы получить выкуп. Я сказал, что мне предстоит дальний путь в Эстонию, а в дороге нужны деньги и предложил ему для выкупа 50 рублей, вместо ста. Он взял деньги, отдал мне права, я поблагодарил и еще раз извинился. Они нашли в кустах отброшенный кусок пластмассового

бампера от моего «Запорожца» и отдали мне. Я обрадовался и поблагодарил Бога, что все благополучно закончилось, а ведь могло быть гораздо хуже...

Возвращаясь к пропущенному описанию отдельных моментов из моей жизни и из жизни нашей семьи, хочу вспомнить 1988 и 1990 годы. В те годы, по ходатайству христиан, гонимых советскими властями, широко открылась дверь для эмиграции в США, Канаду, Израиль и в Австралию. Многие баптисты и пятидесятники начали оформлять документы на выезд из СССР. Для эмиграции в любую из этих стран нужен был спонсор той страны, назвавший себя родственником, который взял бы на себя ответственность помочь бедному гонимому «родственнику», позаботиться о нем и на первых порах обеспечить всем необходимым. Казалось бы, что трудно в чужой стране найти такого родственника, который решился бы быть спонсором и все же такие сострадательные ближние находились. Но вот, как найти спонсора-родственника, которого вообще не существовало? Но это оказалось совсем простым делом: нужно было только набрать номер телефона к одному из заграничных доброжелателей, продиктовать ему свои необходимы для этого данные и, через недельку-другую получаешь юридически оформленный вызов от несуществующего родственника.

Такой вызов, после смерти Галочки, постарался достать мне мой зять Вася. В нем была изложена вначале просьба к советским властям, примерно такого содержания: «Я, Хаим Исаакович Цукерман, проживаю в Израиле по такому-то адресу и вызываю к себе в Израиль на постоянное место жительства своего родственника Бороденко Владимира Поликарповича, проживающего в Эстонии в г. Валга, по ул. Уус, 8 кв. 19. Дальше Хаим в своем вызове выразил готовность обеспечить меня жильем и всем необходимым, а в конце, заранее поблагодарил наших властей за гуманность и отзывчивость. Все это было подписано и скреплено гербовой печатью.

Все получилось, как в сказке: какой-то неизвестный мне еврей назвался моим родственником и согласился быть моим спонсором. Осталось только обратиться в ОВИР, оформить документы и можно было уезжать в Израиль, или любую упомянутую страну. Для оформления в Эстонии такого документа, не обязательно требовался оригинал, могла быть и копия вызова и другие дополнительные документы. Так, что некоторым друзьям, не имеющим вызова, можно было взять любой вызов, подклеить список своей семьи, сделать копию и – получался полноценный документ. И таким путем, из одного вызова можно было сделать несколько, на разные фамилии. Не знаю, почему власти не контролировали подобные нарушения и разрешали выезд по таким поддельным документам, я и по сей день не могу ответить на этот вопрос. Думаю, что эстонцы были рады, чем скорее, избавиться от русскоязычного населения, а в других республиках атеистические власти хотели освободиться от верующих, против которых велась постоянная моральная и физическая война. А больше всего в этом, повидимому, была воля Божия, чтобы освободить народ Божий от жестоких преследований в стране атеизма. Вот почему сотни тысяч верующих людей, покидая свои родные, обжитые места, уезжали, как беженцы, в чужие, далекие и неизвестные края.

Я был категорически против выезда и не хотел давать своего согласия на их эмиграцию, но по просьбе Галочки, не препятствовать Лэсе с семьей выехать и, чтобы не было обид, я пошел на уступку и согласился отпустить их с миром. Несмотря на то, что у них уже был вызов из Америки и неоднократно этот вопрос обсуждался, когда понадобилось оформлять документы и конкретно решать: ехать, или не ехать, у них и у их друзей, желающих эмигрировать, появилось сомнение и они решили посоветоваться с теми друзьями, которые уехали раньше.

Для этого душ десять интересовавшихся этим вопросом собрались в доме Лэси и позвонили к друзьям в Америку. Чтобы разговор могли слышать все собравшиеся, Вася к телефонной трубке подключил радиокolonку и начались разговоры. Привожу здесь эти переговоры: «Алло, мама, - спросил сын Феликс, - это ты? «Нет, пожалуйста, одну минутку, вы хотите маму?» Вася: А Маша где?» Кто-то ответил: «Маша здесь». Вася:» Машу дайте! Маша,

привет, ну, как, американцы? Слушай внимательно и отвечай на вопросы». Маша: «Отвечаю». Вася: «Ты нам письма писала?» Маша: «Написала, всем до единого, каждой семье». Вася: «Понял. Но вот тут друзья спрашивают стоит ли ехать, уже на взводе все». Маша: «Все на взводе? Документы подавали?» Вася: «Да». Маша: «Если подавали, то едите, а если не подавали, то не надо». Вася: «Если не подавали, то не надо?» Маша: «Да». Феликс: «А почему?» Маша: «Много есть «но». Вася: «Ну, понятно, так, дальше. Пенсию матери дают, или нет?» Маша: «Пенсию? Вопрос еще не решился, но что-то будет». Вася: «А работу вам дали, или нет?» Маша: «Работу? Нет, мы сейчас на гособеспечении». Вася: «А до какого времени?» Маша: «Ну, примерно, в течение год – полтора». Вася: «Как вы себя духовно чувствуете?» Маша: «Та, ничего». Вася: «Церковь есть баптистская? Маша: «Маленькая очень, двадцать пять членов». Вася: «Ну, а Валера доволен, или нет?» Маша: «Дать ему трубку?» Вася: «Нет, нет, подожди, ты говори ты». Маша: «Валера недоволен». Вася: «Ну, а как вас приняли в общине, хорошо, или нет?» Маша: «Хорошо приняли». Вася: «Ну, а теперь общее впечатление рассказывайте». Маша: «Не то, что ждали». Вася: «Не то, что ждали?» Маша: «Не то, что ждали». Вася: Ну, может быть вы просто еще не утряслись?» Маша: «Ну, конечно, есть много таких причин, но как сказал брат Тимченко – не Божий рай». Вася: «А что Содомы молчат, Коля Левценюк спрашивает». Маша: «Ой, я не знаю, с Содомами у нас немного нелады. Что у Коли с документами?» Вася: «Делают, делают. Рассказывай, маша», Феликс: «Рассказывай что». Маша: «Первое – это жилье, очень дорогое жилье, проблема большая». Феликс: «Так, дальше». Маша: «Дальше, но за этим сказано много: все очень дорого, надо большую пенсию получать, чтобы хорошо жить, надо быть американцем». Вася: «Мы тебя поняли, конечно». Маша: «Валера хочет говорить, будете с ним говорить?» Феликс: «Слушай, вы там можете двигаться куда, или только в одном месте жить?» Маша: «Сейчас Валера ответит, не знаю». Вася: «Валера, где вас поселили?» Валера: «Нас поселили в бараках». Вася: «А как название села?» Валера: Брайт, но это Сакраменто». Вася: «Это окраина, а само село?» Валера: «Брайт – шесть улиц». Вася: «Ну, Валера, скажи, пожалуйста, твое впечатление откровенно». Валера: «Шокирован». Вася: «Шокирован?» Феликс: «Чем?» Валера: «Как лягушка упал». Феликс: «Как лягушка упал?» (все громко засмеялись). Феликс: «Ты же можешь переехать в город жить?» Валера: «А мы же в городе». Феликс: «Как же в городе? Ведь ты говоришь шесть улиц». Валера: «Шесть улиц, а дальше пошли городские улицы, мы пешком уже были в городе». Вася: «Значит, пособие вам дают на год-полтора?» Валера: «Пособие, если ты не устроился на работу, можешь получать не год-полтора, а и больше». Вася: «А на работу они будут помогать устроиться, или самому нужно искать работу?» Валера: «Да, они будут помогать. Мы сейчас получаем, на советские деньги, примерно шестьсот рублей». Вася: «Валера, а как твое здоровье, желудок проверили, или нет?» Валера: «Никому я не нужен здесь». Вася: «Никому не нужен? Ясно». Феликс: «Слушай, если платят на советские шестьсот рублей, почему говоришь плохо?» Валера отвечает родному брату: «Плохо потому, что я за сто восемьдесят снял квартиру, сейчас это самая гибкая плата, так в этой квартире не знаю, выдержу ли я полгода». Феликс: «Слушай, а там отопление есть?» Валера: «Газ природный». Феликс: «Ну и все удобства есть: вода горячая, что еще надо?» Валера: «Да, но твоя квартира выглядит на много интересней». Феликс: «Моя выглядит интересней?» Валера: «Да, твоя».

В комнате возник всеобщий бурный смех, потому что дом Феликса имел очень неприглядный вид, он купил его всего за тысячу рублей. Дальше говорит Феликс: «Ты нас шокируешь, мы собираем документы, чтобы ехать а ты нас шокируешь». Валера: «Да я сам шокирован!» Вася: «Английский учите?» Валера: «Не знаю, как его учить. Надо учить американский язык, английский не подходит, английский только пишется, а разговаривать нужно по-американски». Феликс: «А как это по-американски?» Валера: «Совсем звучание другое». Феликс: «Ох ты!» Русских много там?» Валера: «Вот мы, три семьи приехали». Феликс: «Слушай, мне ехать, или нет?» Валера: «Слушай, дома здесь все, как у нас

кооперативные гаражи. Возьми и посмотри на кооперативные гаражи, вот такой вид домиков». Вася: «Валера, в общине – русские? И как давно они приехали?» Валера: «Они давно приехали, уже по сорок лет живут». Вася: «А как они к вам относятся, с состраданием?» Валера: «Они говорят, что, когда они приехали – им хуже было, они на лошадях ездили, а вы приехали, вам хорошо». Феликс: «Слушай, но в город можно ехать жить?» Валера: «Пожалуйста, живи, рент надо дорого платить». Феликс: «Слушай, а участок можно взять себе, купить участок?» Валера: «Я денег таких не сумею иметь, чтобы купить участок». Феликс: «Ну, это ты, а если я буду работать, то что, не смогу участок купить?» Валера: «Это будет, но неизвестно когда». Феликс: «Был бы ты сейчас здесь, ты уехал бы, или нет?» Валера: «Ты знаешь, трудно сказать, пожалуй что может быть и нет». Вася: «Ну, ладно, Валера, на сегодня заканчиваем, а то нам придется много платить» (Бурный смех в зале). Валера: «Слушай, меня шокировали больше всего дома, ведь я думал: приеду в Нью Йорк, а здесь попал»... Феликс: «Слушай, это в селе, а в городе?» Валера: «Да и в городе они тоже гибкие такие». Вася: «Валера, заканчиваем, мы еще тебе позвоним, ложи трубку, а то шесть рублей минута...» Валера: «Слушай, Коля еще тебе хочет что-то сказать». Коля: «Привет друзья!» Вася: «Привет! Это ты? Скажи что-нибудь, слушаем тебя внимательно». Коля: «Знаешь, вкусы и цвета у друзей разные». Вася: «Как твое впечатление?» Коля: «Я доволен, потому что перспектива очень большая. Через два года, ну, как сказать, в рассрочку можно иметь свой дом, машину будешь иметь через два-три месяца, можно иметь. Обеспечение очень хорошее, голодать не будешь никак». Вася: «Очень приятно, до свидания, Коля, заканчиваем, ложи трубку».

Друзья выслушали такую информацию: один брат отозвался отрицательно, а другой – положительно, посмеялись немного, как же так? У беженцев, проживших в одной и той же местности, в одинаковых условиях, а впечатления сложились разные? Еще долго братья сидели, рассуждали и решили не обращать внимания на Валерино нытье, а серьезно готовиться к эмиграции, в Америке хуже не будет. И первым в этой группе, самым смелым и активным оказался мой зять Вася. Может быть потому, что теперь ему терять было нечего, как говорит пословица: гол, как сокол.

Ведомственный дом сдал, мебель отгрузил Пете в Запорожье, а все остальное раздали бедным верующим. Сами необходимые вещи спаковали в два чемодана, каждому из детей дал в руки инструмент: кому мандолину, кому скрипку, а сам – гитару на плечо, чемоданы в руки и – «Атайга!» (досвидания) Эстония!

Был прохладный сентябрьский день 1990 года, когда мы с друзьями провожали Васю, Лэсю и их семью в дальний, неведомый путь. Ехали они поездом через Польшу, Чехию, через Вену, столицу Австрии и прибыли в Италию, в город Рим, где проходили медкомиссию и другие фильтрационные пункты американских консулов. И только через три месяца 11.12 1990 года они прилетели в Америку.

Миша с Олей оформляли документы на выезд в Германию, куда вызывали их родители; Лэся также и их вызывала в Америку и за ними оставался выбор, куда ехать. Они решили: откуда раньше придет вызов – туда и ехать.

Теперь пришлось и мне думать, как быть: оставаться на старости одному без детей, без внуков не хотелось. Ехать в Запорожье к Пете – тем более не решался и пришел к выводу: если Миша с семьей будут ехать в Америку, значит нужно ехать с ними и мне. Лэся постаралась включить меня в Олин вызов и вскорости, получив этот документ, мы начали готовить различные бумаги, нужные для эмиграции.

Будучи инвалидом, в возрасте 67 лет и испытав три года одиночества, я начал задумываться: как быть дальше? Остаться одиноким дальше, самому снабжаться продуктами, готовить себе пищу, стирать, заниматься уборкой и проч., или искать себе помощницу? По этому вопросу у меня были разные мысли: не хотелось подпасть под осуждение людей, что в таком возрасте задумал жениться, а оставаться одному – тоже плохо. Некоторые мои друзья

советовали оставаться так, как написано в Слове Божиим: «...остался без жены – не ищи жены»(1 Кор.7:27). Дальше апостол Павел указывает на причину, почему он советует оставаться без жены. Потому, что женатый человек много заботится о мирском, о семье, как угодить жене и меньше заботится, а может быть и совсем не заботится, и забывает угождать Господу, оставляет свой духовный труд и, бывает, полностью погружается в земную суету. Такая суетная жизнь моя давно миновала: прошли те годы, в которые нужно было много заботиться вырастить, воспитать и обеспечить всем необходимым семью, помогать и заботиться о жене, о ее здоровье, взаимно нести все тяготы семейной жизни. Пришла пора, когда я не в силах заботиться сам о себе и еще раз я пришел к выводу и к согласию со Словом Божиим: «... не хорошо быть человеку одному».(Быт.2:18) Плохо одному в молодые годы, а тем более в старости, да еще и инвалиду. Екклесиаст, в четвертой главе своей книги, начиная с восьмого стиха по двенадцатый, подробно изъясняет, почему не хорошо быть человеку одному. Вот одно: (10-й стих) «...если упадет один, то другой поднимет товарища своего. Но горе одному, когда упадет, а другого нет, который поднял бы его».

А такое со мной бывало не раз: бывало, иду зимой в магазин через заснеженную, скользкую площадь, да еще сильный ветер дует, упаду, а поднять некому и долго приходится подниматься, чтобы встать на ноги. Много можно было бы приводить отрицательных примеров одинокой жизни, но мне кажется, что один из самых существенных факторов – это подавляющее чувство одиночества, когда не с кем словом перемолвиться, поделиться своими мыслями, радостями, переживаниями, не с кем почитать вместе Слово Божие, помолиться; одним словом – не хорошо.

Суждения по этому поводу бывают разные: одни люди на женитьбу старого, овдовелого мужчины смотрят отрицательно, подвергают осуждению. Другие же – наоборот. Но я думаю, что более правильно в этом вопросе может судить тот, кто пережил одиночество. А вообще-то, решение этого щекотливого вопроса, на мой взгляд, строго индивидуально, исходя из личных своих понятий и обстоятельств.

Некоторым людям, овдовевшим в пожилом возрасте, в решении этого вопроса возникают определенные трудности; особенно, когда умирающая жена просит мужа оставаться одиноким. Бывает так, что дети запрещают отцу вторично жениться. Тогда, ради мира в семье, ему приходится оставаться одному. Но моя Галочка, когда умирала, предвидела трудности моего одиночества, очень сожалела и советовала мне жениться. Также и Лэся, в одном из своих писем из Америки, давала мне совет:

- Татку, добре було б, коли б ти оженився, щоб хто-то тебе доглядав.

Так, что по поводу женитьбы у меня никаких препятствий не возникало, но возникла другая проблема: где найти такую сестру, которая была бы согласна выйти замуж за старика-инвалида и взять на себя обязанности жены-няни? Это было довольно сложно. И эту свою проблему я поручил Господу и с терпением ожидал от Него ответа. Три года я испытывал одиночество, справлялся со всеми трудностями, а утешение и подкрепление находил только в Боге.

Всецело я был погружен в духовный труд, этим я жил. Я радовался приобретением душ для Господа И так, незаметно пролетели годы моего одиночества.

Некоторые мои друзья – служители церквей, к которым я обращался по вопросу женитьбы, зная мою нужду, старались помочь мне. И вот однажды, от пресвитера Ровенской церкви ЕХБ Олейника Василия Ивановича, я получил очень короткое письмо: « Срочно приезжай ко мне, мы нашли тебе сестру, с которой я хочу тебя познакомить».

Для выяснения я решил созвониться с Васей и узнать более подробно о предстоящем знакомстве. Отвечая мне, Вася сказал:

- Я жду тебя, приезжай. Сестра очень хорошая, духовная, работает в Миссии, поет в хоре, ухаживает за престарелыми больными, одним словом – такая, как ты хотел.

Этой новости я очень обрадовался и, не теряя времени, начал собираться в дорогу. Приехал на железнодорожный вокзал, купил билет, зашел в вагон и занял свободное место у окна. Посматривая через окно на осенние красоты природы, на золотые и багряные деревья, я размышлял о предстоящей встрече с неизвестной мне сестрой. Вспоминал многих сестер-вдов, которым я делал предложение и, к сожалению, не нашлось той, которая дала бы свое согласие. А если кто-либо и соглашался, то возникали другие препятствия для положительного решения этого вопроса. И приходилось соглашаться: значит – не моя, значит – не от Господа, и ждать дальше.

В таких размышлениях и в беседах с пассажирами как-то быстро пролетело время и вот я у Василия Ивановича. Он со своей женой Аней радостно встретили меня, так как надеялись, что их забота обо мне не будет напрасна. Сколько я ни спрашивал их, кто же та сестра, с которой они хотят меня познакомить, они не отвечали, старались держать в секрете и, вместо ответа на мой вопрос не однократно повторяли:

- Сестра – настоящая христианка и она тебе обязательно понравится.

Вася набрал номер ее телефона и позвонил. Ответила ее мама и сказала, что она уехала в Синельниково к своей сестре Лизе и приедет через два дня.

О, какими длинными показались мне эти два дня ожидания! Аня, глядя на меня и слушая мои высказывания и мое сомнение в отношении предстоящей встречи, ободряла меня. Но я все-таки размышлял: как же это можно было, зная, что я приеду, уехать из дому? Что же это за невеста такая?

Аня объяснила мне, что Вася не дозвонился к тебе, хотел предупредить тебя, чтобы ты попозже приехал, так что ты уж извини,- говорила Аня,- подождешь немного, а встреча состоится обязательно.

Продолжая свой разговор, она рассказала мне, как ее верующие подруги по работе, зная мою нужду, все вместе на работе обсуждали мою проблему и решили переговорить с сестрой Надей Щавлинской, надеясь, что она даст свое согласие. И вот, после беседы с ней, она дала свое согласие на встречу и мы вызвали тебя, поскольку ты просил помочь тебе найти невесту и,- добавила Аня,- Надя, якобы не против выйти за тебя замуж, так что не волнуйся, сиди и жди ее приезда и встречи.

Сидел и думал, в мыслях перебирал всех хористок, кто же такая Надя Щавлинская? Как она выглядит? Среди хористов я никого не помню из сестер пожилого возраста. Наверное она, подумал я, еще молодая, поскольку не выделяется среди молодых сестер. Тогда она не подойдет мне по возрасту. Все это было для меня большой загадкой...

Но вот прошли, наконец, дни томительного ожидания, Вася созвонился с ней и получил приглашение на встречу. Мы направились на первое свидание с невестой.

Прибыли по указанному адресу и, когда поднялись на второй этаж, навстречу нам вышла Надя, ее дочь Галя и ее мама. Переступая порог, хотя он был и невысокий, но я споткнулся на нем и чуть было не упал. Невеста сочувственно посмотрела на меня и, не сказав ни слова, пригласила в квартиру. Мы все зашли в зал, расселись, несколько минут уделили для предисловия, а когда пришел ее сын Володя Прилепа, Василий Иванович совершил молитву и мы перешли к конкретному вопросу. Кратко объяснив свое положение, трудности одинокой жизни, я затем обратился к Надежде Викторовне с предложением быть моей помощницей. Она внимательно выслушала, но на мое конкретное предложение ответить сразу не решилась, начала ссылаться на некоторые причины: на свои болезни, на свое давление и проч. На это я сказал:

- У меня тоже давление, это не беда, будем лечиться, будем вместе принимать таблетки

Вторая причина – это труд в церкви – посещение и уход за больными, она была в группе милосердия. Если выйти замуж,- говорила она,- нужно будет оставить свою группу милосердия, молитвенную группу, хор, оставить свою церковь, семью и выехать в Эстонию.

- В этом,- сказал я,- нет никакой проблемы, у нас в Валге есть церковь, есть молитвенницы, есть хор – труда хватит. А в отношении больных, то они есть везде. А если вы станете моей женой, то у вас отпадет необходимость ходить по квартирам больных, а будете иметь стационарную работу по уходу за мужем-инвалидом, а это гораздо лучше.

Она прекрасно понимала мое положение, что мне трудно одному и по своему христианскому сознанию и доброму, милосердному сердцу готова была дать свое согласие, но решила спросить своих детей и маму, какое их мнение по этому вопросу, нет ли возражений с их стороны и готовы ли они отпустить ее?

Никаких препятствий и возражений со стороны детей и мамы не было, наоборот, все они, а особенно сын, будучи служителем церкви в селе Городок, советовал маме не отказывать брату и стать ему няней, ведь брат много потрудился для Господа, он просил Господа даровать ему помощницу, Господь услышал его и ответил: Он привел его в наш дом и можем ли мы противиться воле Божией?

По человеческому рассуждению, кажется, можно было бы на этом поставить точку и назначить день бракосочетания, но для нас христиан, необходимо было все это еще раз принести Господу, чтобы быть уверенными, есть ли в этом Его святая воля? Для этой цели мы решили пребыть вместе в посте и молитве, чтобы получить ясный ответ от Господа в решении столь важного для нас вопроса.

Рассматривался этот вопрос и на церковном братском Совете, потом было объявлено на членском собрании. Никаких возражений ни откуда не последовало – ни со стороны семьи, ни со стороны церкви и мы это приняли, как положительный ответ на наши молитвы.

12 декабря 1991 года мы зарегистрировали наш брак в Валгасском бюро ЗАГС (бюро записей актов гражданского состояния), а 14 декабря в моей квартире в Валге состоялось наше бракосочетание.

В то время наша Автономная община прекратила свое существование, в связи с эмиграцией многих членов. Некоторые уехали в Германию, а некоторые в Америку. Выехал в Америку и наш пресвитер Загайнов Анатолий Иванович. Пришлось мне обратиться к служителям других церквей, чтобы нас сочетали, но, к сожалению, по некоторым причинам, ни один не откликнулся на мою просьбу. Тогда пришлось сыну Володе считать маму, хотя это не совсем по правилам, но другого выхода у нас просто не было.

На скромном служении нашего бракосочетания присутствовало более 20 человек – самых близких наших родственников и друзей. После служения была трапеза, во время которой друзья пели, рассказывали стихотворения и оставили нам свои пожелания на грядущие дни совместной жизни. Весь этот памятный вечер прошел в скромной семейной обстановке. На следующий день гости разъехались по домам а у нас началась новая семейная жизнь.

Кажется, все это было так недавно, а между тем скоро будет 4 года, как мы странствуем по жизненному пути вместе, делим радости и печали, болезни и переживания, а переживаний было немало, особенно трудно было согласиться с тем, что нет уже нашего сына Володи... Это было страшное горе, но слава Господу, Он причиняет раны и Он врачует их и в этом тяжком испытании Он дал сил не усомниться и смириться с Его святой волей и в терпении ожидать славной встречи у ног Христа.

Незадолго после свадьбы я получил из Американского посольства пакет бланков, которые необходимо было заполнить для оформления на выезд в Америку. Все это нужно было делать в срочном порядке и в марте ехать в Москву в американское консульство на собеседование, так что хлопот было очень много: нужно было собирать различные справки, снимать копии с документов и все нужно было делать с переводом на английский. Бланки и письма прислали только на меня и на семью Винсов. Возникла проблема, как включить в список мою супругу Надежду Викторовну. Когда подошел срок для собеседования, то мы все вместе

поехали в консульство и там получили для Надежды нужные бланки, заполнили их, сделали перевод на английский, сдали служащему и проблема эта была решена.

Народа было столько, что консулы не успевали принять всех во время и вынуждены были продлить свой рабочий день. Мы сидели в ожидании и очень переживали: дадут ли нам статус беженца, или нет, потому что Винсы решили: будет статус – едем в Америку, а если не будет – едем в Германию. Они почти одновременно получили вызов от родителей Миши из Германии и этот статус должен был быть для них ответом от Господа, какова Его воля, куда им выезжать. Ждать нам пришлось очень долго, пока подошла и наша очередь на собеседование.

И вот мы у консула. Он сразу же предупредил нас: « Вы должны говорить правду и только правду и, если вы готовы на это, то поднимите правую руку». Он задал каждому из нас по несколько вопросов: когда уверовали, почему эмигрируем, ведь теперь за веру преследования прекратились; были и некоторые другие вопросы и на все эти вопросы каждый индивидуально давал ответ. Так, как рабочее время давно кончилось, то он нас особенно долго не задерживал и мы, уходя от него, не знали, будет ли у нас статус беженца, или нет. Он сказал нам выходить на улицу и там ожидать, пока вынесут нам документы. Ни в офисе, ни на улице никого из посетителей уже не было, остались мы одни и с волнением ожидали результата собеседования. Прошло минут двадцать, вышел какой-то чиновник, вручил нам документы и ушел. Мы, не отходя с места, при свете осветительного уличного фонаря начали разбираться и очень обрадовались, когда прочитали, что нам определен статус беженца. Поблагодарили Бога за Его благословение и с преисполненными радостью сердцами поторопились на ночной отдых к нашим друзьям Якименковым, у которых мы остановились. На следующий день прошли медицинскую комиссию и с хорошим настроением уехали домой в Валгу.

В двадцатых числах апреля на мое имя из посольства США, от консула пришло письмо, в котором было написано, что мне и членам моей семьи разрешен въезд в США на постоянное жительство. В связи с этим, для оформления въездных документов необходимо было предоставить заграничный паспорт и здесь – опять проблема. Надежда из Ровно выписалась, а в Валге прописаться русскоязычным было уже практически невозможно. Для этого нужно было писать заявление в спецкомиссию по делам иммиграции и эта процедура могла протянуться с полгода и закончиться безрезультатно, так как не прописанной Надежде органы власти выдать заграничный паспорт не могли. И вот для прописки нам пришлось искать другие пути-лазейки. Здесь сыграл свою роль для начальника паспортного стола небольшой презент – всего одна банка немецкого, душистого, растворимого кофе – и проблема была решена. Начальник, без ведома высшего начальства оформила временную прописку и таким образом Надежда, имея временную прописку, получила заграничный паспорт. В консульство были доставлены заграничные паспорта, поданы дополнительные данные для оформления въездных документов в США и нам оставалось только ожидать извещения о дне и часе нашего вылета. Билеты на самолет мы тоже заказали.

10 июля мы получили телеграмму о том, что из Вашингтона поступили наши въездные документы и нужно было опять, уже в третий раз, ехать в Москву, чтобы забронировать места на вылет ориентировочно, за месяц до предполагаемой даты вылета и мне пройти переосвидетельствование у доктора. Это извещение нас немного смутило: возник вопрос, в чем же дело? Ведь медкомиссию я прошел и было все нормально. Они видели, что я инвалид, почему же понадобилась повторная? Это было для нас загадкой. Когда мы с Надеждой приехали в СПЭЙТ, то увидели многих инвалидов и больных людей, которым, как и мне необходимо было пройти повторную комиссию. Каждый из нас очень переживал: а вдруг не разрешат по инвалидности, или по болезни ехать в Америку, или же задержат вылет на длительное время?

Пока я ожидал своей очереди, я наблюдал за одной парой престарелых людей. Старушка очень волновалась, она страдала гипертонией. Несколько раз она уже принимала таблетки, но, когда в очередной раз пошла на комиссию, то совсем, бедняжка, приуныла – оказалось, что

врачи ей не разрешили вылет, было очень высокое давление, ей предложили лечь в стационар на лечение, а ведь у них уже были билеты на руках, завтра вылет, а ее не допускают. О, как она, бедная, переживала, как они с мужем упрашивали, чтобы им разрешили лететь вместе с детьми, но все было напрасно. Долго стояли они у окошка начальника, просили, убеждали, рассказывали о своем безвыходном положении; ведь они во Львове продали свою квартиру и возвращаться им было некуда. Они рассчитывали в этот же день улететь, а получилось так, что дети улетят, а им придется оставаться...

Глядя на них, я подумал: не дай Бог, чтобы со мною случилось подобное! В таком раздумье я незаметно начал глотать таблетки. Сперва глотнул одну, а спустя немного времени проглотил и вторую, опасаясь, чтобы давление резко не понизилось.

Наконец вызвали и меня. К моему удивлению у меня даже не измеряли давление. Спросили, как мои ноги, спина, сколько могу пройти пешком, если понадобится и признали меня годным к транспортировке. Мы подождали еще немного, пока нам вручили инструкцию, в которой было указано, что наш вылет из Москвы в США назначен на 6 августа 1992 года. Номер рейса ДЛ-031 из Аэропорта Шереметьево-2 в 13.00, а ниже были указаны другие предписания, касающиеся перелета.

С благодарностью Господу, что все прошло благополучно и что закончены все мытарства по оформлению документов, мы уезжали домой.

По приезде домой начались сборы в далекий, не известный край – Америку. Необходимо было распродать все свое хозяйство, а кое-что раздать, затем обменять рубли на доллары. Нужно было еще съездить на Украину попрощаться с родственниками, с друзьями, а времени оставалось мало. Проблема была с продажей мебели, гаража, а Мише, кроме всего этого нужно было продать дом. У людей не было денег, а у кого и были на книжке – сберкасса не выдавала большую сумму, а только незначительную. Приходилось людям с ночи стоять на улице в очереди у дверей сберкассы, чтобы хотя небольшую сумму выхватить. Предстояла денежная реформа: обмен обесцененных рублей на эстонскую валюту, на кроны, двенадцать рублей за одну крону. Так, что пришлось продавать все совсем дешево, лишь бы иметь хотя немного с собой денег.

Некоторые эстонцы ждали и надеялись, что при бегстве русских из Эстонии им все их имущество останется за бесплатно, так оно, отчасти и получилось: пришлось оставлять дом или бесплатно, или поселять кого-либо знакомых только с тем, чтобы они присматривали за домом. Некоторые просто заколачивали окна и двери и уезжали, не считаясь ни с чем, только бы подальше уехать от надвигающейся нищеты.

Оставшееся время до нашего вылета пролетело очень быстро, хотелось на прощанье провести многих родных и друзей, попрощаться, но, к сожалению, за недостатком времени некоторым так и не пришлось сказать «до свидания». Но, несмотря на столь ограниченное время, нам удалось, во время двухнедельного пребывания в Ровно, с помощью Володи и его «Нивы» побывать и проститься с родством Нади в Костополе, побывать в моем родном селе Великие Сады и проститься с моей старшей сестрой Верой, с племянниками и их детьми с другими родственниками и соседями.

Возвращаясь в Ровно, с горы Пешачей я оглянулся и еще раз, может быть последний, посмотрел панораму своего родного села, в котором прошли мои детские и юношеские годы и невольно пришла мысль: наверное, больше я тебя уже не увижу. Но больше всего меня печалило то, что жители моего села и особенно мои родные остались глухи к Слову Божию, а ведь им так много было засвидетельствовано о Христовой любви к погибающему грешнику!

В Ровно мы имели возможность посетить баптистские церкви, попрощаться с верующими и с их добрыми напутствиями и благословением Господним, спустя пару дней собрались в путь – сперва на Валгу, а затем и на Москву. Володя погрузил на прицеп к «Ниве» наши вещи, мама приготовила скромный прощальный обед, пришли родственники, друзья,

вместе пообедали, совершили коленопреклоненную молитву, попрощались с мамой и невесткой Катей и поехали на Эстонию. Володя и Галя сопровождали нас в Москву на аэропорт, откуда мы должны были отправляться на свое новое место жительства в Америку. Мама и Катя еще долго стояли и смотрели нам вслед, махали на прощанье руками, пока наша машина не скрылась за поворотом. Надя смахнула слезы и погрузилась в раздумье, как бы предчувствуя, что видит маму на земле последний раз.

Некоторое время мы ехали молча, каждый думал о своем: сколько было пережито здесь в родных краях и хорошего, и не совсем, но все-таки расставание с родиной нелегко дается; невольно щемит и ноет сердце: а что же будет там, что нас ждет на чужой, неведомой земле, среди чужих совершенно людей? Но утешала мысль, что Господь обещал везде быть с нами, а с Ним – везде хорошо и легко, что и там найдем близких и дорогих, омытых кровью Христа братьев и сестер, что у нас, христиан, такая большая родня по всему свету и это согревало душу. Радовало и предвкушение скорой встречи с детьми и внуками, за которыми я уже здорово соскучился.

Ехали по знакомым, наезженным дорогам, проезжали украинские города и села – все такое близкое и родное сердцу и все это приходится оставлять. Почему так? Ведь Бог Творец даровал нашему народу богатейшие урожайные земли со всеми, заложенными Богом богатствами, с реками, лесами, с прекрасной природой, а народ живет материально бедно, а некоторые даже нищенствуют. Невольно тревожит вопрос: почему на нашей земле нашим народом пролито столько крови? Почему наш народ находился постоянно в порабощении у других, как ни один народ в мире? Опустошительные нашествия на нашу Украину производили монголы, турки, татары, шведы, поляки, литовцы, французы, австрийцы, немцы, но больше всех угнетали Украину русские «старшие братья». Каждому из упомянутых завоевателей хотелось завладеть и пользоваться неисчислимыми богатствами Украины. Где же искать ответ на этот вопрос? В чем причина?

Размышляя, я пришел к выводу, что жизнь каждого человека, жизнь семьи, народа, страны в целом – зависит от Божьего благословения, а Его благословение – от нашего к Нему отношения, насколько мы чтим Его, насколько послушны и верны Ему, насколько исполняем Его Святую волю. На страницах Библии мы находим хорошие примеры. Когда Израильский народ грешил, Бог отнимал Свое благословение, а когда сознавал свой грех, свое отступление от Господа и каялся – Бог прощал и снова обильно благословлял. Слава Господу, что без пролития крови, без единого выстрела наша Украина стала свободной от коммунистической безбожной власти и наш народ массово начал с покаянием обращаться к Богу, а коль есть покаяние, будет и благословение. Хочется верить, что для нашей многострадальной Украины еще придут светлые и радостные дни...

Километр за километром мы все дальше и дальше удалялись от родного края. По обеим сторонам дороги простирались колхозные поля, на которых комбайны убирали хлеба; на убранных уже полях стояли большие стога соломы, трактора готовили почву для посева озимых.

В разговорах между собой, в рассуждении о прошлом и неизвестном будущем мы проехали последние украинские села и незаметно подъехали к границе с Белоруссией. Пограничники остановили нас, поверхностно осмотрели наш багаж, спросили, что везем, куда едем и пропустили, с пожеланием благополучия в пути.

Проехали Белоруссию, Литву, Латвию и к утру приблизились к Эстонии. На каждой границе нас задерживали, проверяли более, или менее строго, даже требовали дать список вещей, а вот на границе с Эстонией, благодаря знакомству нашего Валгасского брата с пограничниками, нас пропустили без проверки.

Почти целую неделю мы прожили в Валге, продавали, а потом раздавали не проданные вещи, нужное упаковывали и готовились к отъезду. Последний раз посетили богослужения,

сначала в одной, а потом в другой церкви, попрощались с друзьями и на следующий день утречком на рассвете погрузили оставшиеся вещи, совершили молитву на предстоящий путь и отправились на Москву. Выезжая, мы получили на таможенном пункте пропуск на наши вещи для предъявления пограничникам, так что, подъезжая к Пскову мы беспрепятственно проехали границу с Россией.

Семья Винсов и провожающие нас Петя с Нелей, подруга Оли Валя Дорофеева ехали в Москву поездом, а мы и провожающие Алеша и Таня Бандуры и Ваня Винс – машинами. К двум часам ночи мы прибыли в аэропорт Шереметьево-2 как раз к назначенному времени. Вскорости началась регистрация пассажиров на наш рейс. Согласно таможенной декларации, каждый член семьи имел право провезти пятьдесят долларов, а если было больше, то необходимо было иметь документ, подтверждающий приобретение валюты в банке. Такой документ я имел и всю сумму – 1200 долларов я записал в декларацию. Когда проходил таможенный досмотр, мне предложили выложить деньги для проверки. Несмотря на наличие нужного документа, таможенники решили конфисковать у меня деньги. Пришлось всем – и нам и провожающим, стоящим за барьером – крепко поволноваться. Оказалось, что мой банковский документ не имеет юридической силы, так как выдан не русским банком, а эстонским. Долго таможенники присматривались к нему, передавая друг другу и не знали, как поступить с моими деньгами, пока не вызвали своего начальника. Он проверил документ, выслушал мое объяснение, что деньги законно приобретены, что я инвалид и что эти деньги мне необходимы для приобретения автомобиля. Он вошел в мое положение, проявил гуманность и отдал деньги. А вот две большие картины, свернутые в рулон – память от моих друзей – не пропустили, так как для их вывоза у меня не было разрешения Министерства культуры.

Распрощавшись с провожающими, мы направились в зал ожидания. Все мы были сильно уставшие: сутки не спали, волновались, как бы благополучно добраться до аэропорта, ведь тогда уже банды встречали тех, которые ехали в аэропорт, да и в аэропорту пришлось немало поволноваться и, вдобавок ко всему, изрядно проголодались. Решили поискать и купить что-либо покушать. В одном конце здания аэровокзала нашли буфет. Обрадовались, что людей немного и стали в очередь. Очередь быстро продвигалась, но когда мы подошли к выдаче – оказалось, что брать было нечего; выдавали на каждого покупателя по два жареных яйца и по два малюсеньких кусочка ржаного хлеба. Ну, что ж, слава Богу и за это. Перекусили немножко и вернулись обратно в зал ожидать посадки в самолет, в котором надеялись утолить свой голод всякой американской вкуснятиной, которую предложат нам, полуголодным на борту авиалайнера «ДЕЛТА» милые стюардессы. И вот подошло время, к часу дня подрулил к накопителю и наш самолет и мы, с чувством радости и тревоги, один за другим, строго соблюдая очередность, начали заполнять салон самолета; каждый занимал свое, определенное ему билетом место.

Прошло с полчаса, посадка была закончена и вскорости наш воздушный корабль поднялся в небесные просторы, взлетая все выше и выше, набирая нужную высоту. Не успели мы еще как следует оглядеться, посмотреть в последний раз через иллюминаторы на оставшуюся внизу полуголодную и неприветливую Москву и вот уже стюардесса прикатила к нам коляску с различными блюдами и напитками. Такой еды мы еще никогда не пробовали и к такой сервировке не привыкли и, не удивительно, что мы растерялись и не знали, как нам приступить к еде и с чего начинать. Но помаленьку разобрались что к чему. Через пару часов опять подвезли горячий обед и так кормили нас обильно всю длинную дорогу – от Москвы до Нью-Йорка и до Сиэтла. В Нью-Йорке у нас была пересадка, пришлось немного подождать самолета на Сиэтл. В Сиэтл прилетели в десять часов вечера по местному времени. Здесь нас торжественно, с цветами, встретили наши дорогие Вася, Лэся с детьми и новые друзья, которых мы еще никогда не видели, но которые стали нам близкими и любимыми. Момент встречи Вася заснял на кинокамеру. Встречать Мишу с Олей приехали их давние друзья Дима и Люба

Ягольниковы. Во время этой радостной встречи меня постигло неприятное искушение: вдруг я вспомнил о своей сумочке с деньгами, оглянулся —нет! Сердце ёкнуло, заняло, что делать?! Оказалось, что я забыл ее в самолете, который должен был через минуту-две взлететь и отправиться на Портланд. Это сообщение всех ошарашило и встревожило; Веня с Мишей вскочили, как по тревоге и побежали к самолету искать сумочку, в которой находилось все наше состояние.

Мы с волнением ожидали их возвращения, переживая, найдут ли они сумочку, а может уже самолет успел взлететь? Но, слава Богу, через минут десять они радостные вернулись и вручили мне мою пропажу. Все с облегчением вздохнули и поблагодарили Бога за то, что Он вывел нас из этого искушения. Веня с Мишей рассказали, что, когда они подбежали к самолету, то посадка была уже закончена и самолет должен был отправляться, но когда я,- говорит Веня,- заявил стюардессе о нашей потере, она не разрешила нам заходить в салон, а узнала от нас место, где должна была быть сумочка и сама пошла искать. Через несколько минут вынесла и отдала ее нам. Мы сердечно поблагодарили и подумали: если бы это случилось в нашей стране, то вряд ли мы нашли бы свою потерю, но ведь мы – в Америке!

Так, что с первого дня нашего пребывания в Америке мы поняли, что эта страна далеко отличается от нашей: люди здесь честные и культурные. Успокоившись от неожиданного потрясения, погрузили вещи в машины и отправились к детям – Васе и Лэсе. Лэся изсканно, по-американски накрыла стол – наставила всевозможных яств, к которым мы не привыкли, а также изобилие различных фруктов, бананов, апельсин др. Мы совершили благодарственную молитву Господу за благополучие в пути, попросили у Него благословения на нашу предстоящую жизнь на новом континенте и, после двухлетней разлуки, опять, дружной семьей уселись за семейным столом. Так началась наша новая, уже американская жизнь в далекой, чужой, но такой приветливой и благословенной Богом стране, где было такое изобилие всего необходимого для нормальной жизни. В этой гуманной стране Америке мы, по милости Божией, совсем не заслуженно, получили полное материальное обеспечение и медицинское обслуживание. И, хотя со временем у Надежды и возникли некоторые проблемы с медициной, но и в этом власти проявили гуманность и милосердие к нам и покрыли все наши долги в сумме около тринадцати тысяч долларов.

Со временем и этот вопрос решился в нашу пользу: Надежда, по состоянию здоровья имеет теперь бесплатное медицинское обслуживание и денежное пособие.

Больше года привыкали мы к новой и непривычной для нас американской жизни, постепенно адаптировались в новых для нас условиях, но депрессия и по сей день, вот уже четвертый год, не оставляет нас, да и вряд ли, когда-нибудь от нее освободимся. Но, как бы там ни было, все же к хорошей жизни и в чужой стране легче привыкать, чем к плохой жизни и нищете в своей родной Украине.

Наше обеспечение, по сравнению с другими людьми, является очень скромным, по американским меркам считается ниже уровня бедности, но мы и этим довольны, т.к. привыкли жить и в скудости и считаем себя богатыми, потому что ни в чем не имеем нужды, а еще можем и другим помочь. Мы на двоих получаем 709 долларов и нам этих средств хватает на все необходимое. Правда, много средств поглощает жилье, но слава Богу, остается еще и на другие расходы. Мы приобрели дешевенький, маленький автомобиль, без которого практически здесь невозможно обойтись, а тем более мне, ведь автомобиль – это мои ноги. Общественного транспорта здесь мало, все люди обеспечены своим транспортом, в каждом доме не один, а несколько автомобилей. Здесь это не предмет роскоши, как принято считать у нас, а необходимость, без автомобиля ты просто привязан к дому – ни на работу, ни в магазин, ни к доктору, ни в церковь. Автобусы рейсовые ходят очень редко, практически ими мало кто пользуется.

Мы верим, что в нашей иммиграции и вообще в иммиграции наших людей была воля Божия, чтобы в это трудное для наших людей время мы могли помочь нашим близким. Сотни тысяч тонн одежды, обуви и продуктов питания ежемесячно, а может быть и чаще наши беженцы и эмигранты отправляют посылками в помощь своим родным и многим бедным в своей стране, а также помощь и средствами. Думаю, что только этим мы, верующие, оставившие широкое поле духовного труда в нашей стране можем оправдать свою эмиграцию и перед Богом и перед людьми.

Есть ли в мире еще где-либо такая страна, чтобы принимала столько беженцев, эмигрантов на гособеспечение, молодые семьи – на два-три года, а старых людей пожизненно? Другой подобной страны я не знаю, где без трудового стажа, незаслуженно, обеспечивали бы даром всем необходимым.

Живя в этой стране, пользуясь ее благами, мы вспоминаем свою страну, где материальная жизнь была нелегкой, но зато духовная жизнь верующих людей гораздо богаче. Здесь в Америке много христиан различных деноминаций, множество молитвенных домов, но, к сожалению, они полупустые и, хуже того, есть дома, которые полностью закрыты. Некоторые члены церкви выехали в другие города, старички вымерли, молодежь очень мало посещают церкви, охладевшие члены перестали ходить на богослужения и общины самоликвидировались. Один из таких баптистских молитвенных домов в городе Сиэтле был продан гомосексуалистам. Плачевное состояние! Там, где некогда прославлялось имя Божие, там теперь оно хулится. А сколько по всей Америке есть подобных молитвенных домов, потерявших свое прямое назначение, один Бог знает... Но, как бы там ни было, несмотря на духовное охлаждение в церквях, на упадок морали, особенно среди молодежи, несмотря на все это, Америка все же называется христианской страной. И благодарение Богу и гуманным ее законам, мы и миллионы обездоленных людей из многих стран, преследуемых и гонимых своими властями за свои религиозные убеждения и политические взгляды, нашли в этой стране убежище себе и своим семьям. Так, что мы лично и наши семьи приняли свое переселение в Америку, как проявление к нам милости Божией.

Господь благословляет нас не только материальными благами, но Он благословляет и нашу духовную жизнь. Это благословение заключается в том, что Господь Своєю любовью объединяет нас друг с другом и создает Свои церкви, где дети Божии имеют возможность на своем родном языке прославлять Бога.

В нашей церкви служение проходит, в основном, на украинском языке. Наша церковь называется Первая Украинская церковь ЕХБ г. Аубурна. Церковь растет, в основном, за счет вновь прибывающих верующих из Украины, а также и за счет подрастающих детей верующих родителей. Есть у нас хороший хор, струнный и духовой оркестры, одаренные молодые служители и проповедники, которые проводят воскресную и языковую школы, где учат детей родному языку, так что мы живем полноценной христианской жизнью, придерживаясь тех порядков и традиций, которые были в нашем братстве на Украине.

Своих молитвенных домов иммигранты пока не имеют, приходится арендовать у американцев, за что платим много.

Но, наряду с хорошими сторонами материальной и духовной жизни, у нас имеются проблемы с изучением английского языка: очень трудно в пожилом возрасте усвоить, хотя бы разговорную английскую речь и этот языковый барьер не позволяет нам общаться с нашими соседями-американцами. Вот мы уже два с половиной года живем в доме для престарелых, среди американцев. Так хочется подеться с ними радостью спасения, рассказать им о любви Божией, но, к сожалению, у нас для этого нехватает нужного набора слов. Хотя за эти годы и постигли первые «азы» английского, но это очень и очень мало для общения с американцами; при разговоре забываешь и то, что выучил и знал хорошо – «старческий склероз».

Теперь часто вспоминаем те годы, когда мы жили на Украине, в Эстонии и везде, куда бы ни поехал, в любую республику – везде можно было общаться с людьми, свидетельствовать им об иисусе Христе, несмотря на запреты властей. Такой возможности мы теперь лишены и об этом очень сожалеем. Теперь нам поехать на свою родную Украину не просто, хотя и можно на короткое время, но такая поездка связана с многими затратами и трудностями. Для более длительного пребывания в гостях на своей родине необходимо иметь украинское гражданство. И вот мы с Надеждой решили приобрести украинское гражданство и по этому вопросу обратились в украинское Консульство, в надежде, что особых проблем не будет, так как мы с деда-прадеда являемся коренными украинцами. Но, когда я позвонил в консульство и изложил свою просьбу, мне был задан вопрос, сколько времени прошло с тех пор, как мы приехали в Америку? Через несколько дней Консул прислал нам для заполнения соответствующие бланки, в которых нужно было ответить на некоторые вопросы и первым из них – когда выехал с Украины? Тогда я вторично позвонил Консулу и объяснил ему, что я выехал не с Украины, а из Эстонии, где прожил 16 лет.

- Тогда, извините, вы потеряли свое гражданство и помочь я вам ничем не могу.- ответил Консул.

- А как в отношении моей жены? – спросил я,- ведь она в Эстонии прожила всего полгода.

- Но ее заграничный паспорт выдан тоже в Эстонии, а для того, чтобы получить украинское гражданство, необходимо, чтобы заграничный паспорт был украинским.

Получив такой отказ я понял, что мы остались без земного гражданства: в украинском нам отказали, а американского, не зная языка – мы тоже не получим. Но это нас особо не волнует, важнее всего, чтобы не потерять небесного гражданства, это является самым главным и самым важным, чтобы оказаться записанными в той стране, которую приготовил Бог любящим Его. Как бы то ни было, но, рассуждая над несправедливостью человеческих законов, становится грустно и обидно: человеку, родившемуся на Украине, коренному украинцу, которого превратности судьбы забросили в чужую страну, отказано в украинском гражданстве. А ведь сколько есть таких, которые защищали интересы своей Украины, добивались свободы от порабощения «старшим братом», были судимы, отправлены в сибирские лагеря и там погибли, а оставшиеся в живых теперь не имеют права возвратиться в свою свободную страну и быть ее гражданами.

Живя в Эстонии я помню, когда эта маленькая страна получила независимость, то ее власти всем ссыльным, вернувшимся в Эстонию, вернули гражданство и они пользовались всеми правами страны. Власти были заинтересованы, чтобы вернуть и собрать ото всюду всех своих единокровных эстонцев, рассеянных по холодной Сибири и из других ссыльных мест Союза в свою родину, чтобы приютить их, обогреть и приласкать по-матерински, дать им почувствовать, что они окружены заботой своего народа. Такое отношение эстонских властей к своим соотечественникам можно сравнить с отношением отца из Евангельской притчи о блудном сыне: отец ожидал возвращения своего сына и, когда он вернулся – это было большой радостью для отца; он с весельем и ликованием принял его в свой дом, одел в лучшие одежды и в знак сыновства надел перстень на руку его. Разница только в том, что блудный сын сам, пренебрежительно, оставил свой отцовский дом, а эстонцы были насильно репатриированы со своей родной земли на тяжелые работы в сибирские края, так, что они тем более заслужили быть с любовью принятыми своим народом обратно.

Но, к сожалению, наша Украина, все еще управляемая старыми партократами, проводит тот же курс: репрессированным украинцам и приравненным к ним сейчас не просто добиться украинского гражданства, не так, как в других демократических странах. Взять, к примеру, Германию: немцы, которые родились в бывшем СССР и там прожили всю свою жизнь, эмигрируют в Германию и там их принимают, дают им немецкое гражданство и в первые годы

эмиграции выплачивают им компенсацию за оставленное в Союзе имущество, за те земли, которые у них, или у их родителей были конфискованы колхозами.

Или взять, хотя бы бывший Союз, когда в 1952-53 г.г. под воздействием советской пропаганды среди украинских эмигрантов в Аргентине многие люди возвращались в свои родные города и села и власти сразу же, беспрепятственно давали им гражданство и предоставляли все условия для нормальной жизни.

Очень неприятно и больно было читать статью в украинской газете «Свобода» об одной диссидентке, которая отбыла длительный срок заключения на Дальнем Севере и после отбытия срока ее, как опасного человека для советского общества, выдворили с Украины в США. Когда Украина стала свободной демократической страной, она решила, после нескольких лет скитаний на чужбине добиваться у украинских властей воссоединения с мужем, который живет в Киеве и имеет свое жилье. Долго она ходатайствовала, обращалась в украинское консульство, пару раз слетала на Украину, там добивалась возвращения – но все осталось безрезультатным. Несмотря на то, что она украинка, родилась на Украине. Но прошло больше пяти лет пребывания в чужой стране, причем, не по своей воле, она лишилась права на украинское гражданство. Разрешили ей всего-навсего на два-три месяца приезжать к мужу в гости и она вынуждена была изучать английский язык, чтобы приобрести американское гражданство. Подобных примеров много, думаю что их не стоит больше приводить, я итак отошел от основной темы – от описания наших впечатлений об Америке.

Хотя мы никуда далеко от своего Аубурна не выезжали и не так уж много чего видели в Америке, чтобы, хотя частично описать жизнь, культуру, обычаи американцев, природу нашего штата и многое другое, но и сейчас уже можно было бы написать об этом целую книгу. Я же хочу выразить наше впечатление всего в нескольких словах: Америка богатая, благословенная Богом, христианская страна, с большим многонациональным населением, с высокой культурой и высоко развитой наукой и техникой. Как и в каждой стране, так и здесь есть негативные стороны, но в основном, люди вежливые, культурные, приветливые, всегда улыбающиеся, готовые помочь в любой нужде.

Как бы ни была жизнь прекрасной, но пока мы живем на этой греховной земле, нас постоянно преследуют скорби, болезни и другие различные неудачи и переживания. Они нас не покидали ни на Украине, ни в Эстонии и в Америке мы от них не скрылись.

Прошло 4 месяца после нашего приезда в Америку, не успели еще, как следует оглядеться, порадоваться в семейном кругу с Васей и Лэсей, как вдруг, по телефону, поступило нам тревожное, весьма краткое сообщение о том, что сын Надежды Володя Прилепа трагически погиб в автомобильной катастрофе, сможем ли мы прибыть на похороны? Мы были убиты горем, особенно Викторевна. Она, как мать единственного сына долго, до изнеможения, рыдала и никак не могла успокоиться. Но когда мы в искренней, горячей молитве обратились к Господу, Он послал нам облегчение в нашей безмерной скорби. Быть на похоронах мы не смогли, по причине слабого здоровья и отсутствия средств, так что только, благодаря телефонной связи мы смогли узнать о всех подробностях катастрофы и о похоронах.

Катастрофа произошла на трассе Ровно-Луцк. Володя и с ним еще двое мужчин возвращались домой. Был сильный гололед и, подъезжая к Ровно, на небольшом подъеме, Володя пошел на обгон. Навстречу ехал груженный «КАМАЗ» Володиного «Запорожца» начало носить и он, не успев закончить обгон, попал под этот «КАМАЗ», в результате чего все трое погибли. Похороны совершались 25 декабря 1992 года. Четыре дня ожидали возвращения его сестры, Надиной дочери Гали, которая находилась в то время с миссионерской группой в далекой Чите. Галя так и не сумела добраться во время, т.к. с транспортом в России были большие проблемы: самолеты не летали по графику, из-за недостатка горючего, а поездом очень далеко и она смогла приехать только на второй день после похорон. Самыми близкими покойного на похоронах была его безутешная супруга Катя и бабушка Анна Матвеевна.

На траурное богослужение и на проводы в последний путь всеми любимого, дорогого брата и верного служителя Божия собралось, как нам потом сообщили и мы увидели на кинокассете до полутора тысяч народа. Его провожала вся церковь села Городок, в которой он был пресвитером и регентом, Ровенская церковь, в которой Володя с детства воспитывался в истине Божией, принял крещение и благословенно трудился среди молодежи. Похоронным служением руководил пресвитер Ровенской церкви брат Владимир Петрович Бахур; в проповедях участвовали пресвитеры: областной пресвитер брат Крешук Борис Степанович, Гарбузюк Александр Романович, Олейник Василий Иванович, Тупчик Сергей Васильевич и многие другие. Тело Владимира Константиновича Прилепы, до дня славного Воскресения покоится на кладбище в с. Городок, на его могиле установлен мраморный памятник – дар достойному, любимому мужу, сыну, брату и внуку. Это мизерная человеческая награда по сравнению с той, которая ожидает его у Господа на небесах.

Прошло после похорон 9 месяцев и пришло еще одно печальное известие — отошла к Господу мама Анна Матвеевна. Бог даровал достичь ей глубокой старости и отозвал в Свои обители на 85-м году жизни. Нелегкую жизнь прожила Анна Матвеевна. В 62 года она овдовела. Муж ее Щавлинский Виктор Кононович всю свою сознательную жизнь посвятил служению Господу. В свои молодые годы он ревностно благовествовал на Полесье, пешком из села в село нес людям спасительную весть о любви Христовой. Часто в таких миссионерских путешествиях его не было месяцами и все домашние дела, забота о детях, все хозяйство тяжелым бременем лежало на плечах Анны Матвеевны. После войны Виктор Кононович нес служение областного пресвитера по Житомирской области и в 1946 году был осужден властями на 7 лет лишения свободы и 5 лет поражения прав, отбывал заключение в Мордовских лагерях. В 1953 году был реабилитирован, вернулся домой с подорванным здоровьем, но еще 12 лет нес служение старшего пресвитера по Черниговской, а потом и по Сумской областям. В 1965 году, по состоянию здоровья вышел на пенсию, а в 1972 году, в возрасте 70 лет отошел в вечность.

Много пришлось пережить нашей семье, когда мы получили неприятное известие о том, что Петя наш опять попал в тюрьму. Как потом стало известно из его писем, он не признал предъявленных ему обвинений, но тем не менее, суд признал его виновным и осудил на полтора года лишения свободы, с отбыванием срока в лагере с. Катериновка, Ровенской области. Все его ходатайства перед прокуратурой об освобождении были напрасны. В этих лагерях, в тяжелых условиях, он начал серьезно размышлять о своей греховной жизни, о своем покаянии пред Господом, вспоминать и родительские наставления, их молитвы и принял разумное решение – сделать решительный шаг к искреннему примирению с Богом.

Мне было очень жаль сына, было очень больно, что более девяти лет он провел в заключении. Мы продолжали молиться за него, не теряя надежды, что придет время и Господь остановит его и обратит на путь спасения. И вот это время пришло. Читая Евангелие, которое было ему передано, он начал делать первые, робкие шаги по пути веры, свои мысли излагал в письмах и мы благодарим Бога, что Дух Святой вел его к покаянию.

Вот некоторые выдержки из его письма от 8.11.1993 г. «Добрый день дорогой татко, Надія Вікторівна та вся моя рідня... Ти радиш мені ще раз переглянути своє жалюгідне життя... Як батьки, ви почали мене виховувати так, як вчить Христос. Дякую вам з мамою, я з дитинства знав про Христа, та про Бога... На жаль, в теперішній час ти прийшов до висновку, що твій син живе жалюгідним життям. Я з тобою не погоджуюсь і заявляю, що життя моє – чудове. До недавнього часу було воно і у моїх очах жалюгідне. Це тому, що я був сліпий, а сліпота, як фізична, так і духовна закриває очі... Так, я був кротом, який боявся світла. Зараз я відчуваю велику подяку Богу за те, що Він дає прозріття... Як мені не згадати мою любу маму, яка завжди вірила, що я прийду в кінці кінців до Бога. Розумію зараз, як їй важко приходилось. Коли вона бачила мене у стані нерозумного, блудного сина, вона терпіла, любила, бо пам'ятала, що просила мене у Бога...

Мама була моєю совістю, яка тривожила мою душу. Коли зло затопляло мене, я не раз хотів, щоб вмерла моя совість, моя мама. Думка та бажання – речі серйозніші, ніж ми про них думаємо. Тому я знаю, що винен у смерті моєї коханої мами... Залишила вона цю землю, своє тіло. Зараз вона радіє за мене і славить Бога. Любов, яку вона мала від Бога і яку віддала нам, своїм дітям, тобі і всім людям, що оточували її... Не раз і не два смерть дихала мені у спину. Сліпота не давала мені того бачити. Життя – школа: Вчитель в ній Христос. Не хотілося йти до цієї школи, поки Вчитель не відізвася на моє прохання і не відповів на моє запитання: для чого ця школа?

“Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный». Як цьому навчитися? Він відповідає: “Придите и научитесь от Меня”... Знаєш, татку, прислів'я: »В семье не без урода». У нашій сім'ї честь бути уродом випала мені. Але уродом, якому Бог дав початковий інтелект, щоб міг мислити. Я це зрозумів зараз дуже ясно. Не зміг я ужитись у нашій сім'ї, коли відчув себе не таким, як ви... Мамина любов зв'язувала нас, ні у кого з нас не було такої любові безкорисної, як у мами... Ось такі думки заставили мене знову повернутись до свого життя минулого і знайти причину, чому я такий?.. Попросив у Вчителя, щоб Він показав мені де і в чому я спіткнувся. Мало по малу, з Його допомогою, я зрозумів, що мені на той час було неясно... Він сказав: “Я есмь Путь и Истина”. “Познаете Истину и Истина сделает вас свободными”. Слова Його я читаю відкритими духовними очима, відчуваю Його присутність у собі. Він завжди був поряд. Багато хотілось би і вам всім сказати, але краще, ніж говорить Слово, я не зможу...Взагалі, мені зараз дивно, як то можна не бачити у творінні Творця? Він навкруги нас і в нас самих. Ну, а тепер я стою перед всіма вами, перед всіми рідними і знайомими і прошу у всіх вас прощення за зло, яке причинив вам вільно, чи не вільно своїми діями, чи думками. За те, що осуджував всіх вас. За все прошу простити мене. Особливо вину свою відчуваю перед тобою, татку. Прости. За все вдячний вам. Обід ні на кого у мене нема. Коли будете разом, то заспівайте пісню, яку я дуже люблю “Не покину я вас, не забуду”. Всіх вас люблю і міцно цілую. Залишайтесь з Богом. Петро”.

Приятно было нам получить весточку о нашем Пете и из Дубна, от пресвитера церкви, брата Анатолия Максимовича Левценюка. Он в своем письме писал нам: "Декілька днів тому назад я одержав лист від Петра з тюрми, він в Катеринівці, Сарненського району. Дуже віруюче письмо написав, хоча коротеньке. Просто сповідався перед нами і сім'єю Мосійчуків”.

Судя по Петиним письмам, можно сделать вывод, что Дух Святой, через чтение Святого Евангелия, пробудил его к новой жизни, он примирился с Богом и стал новым человеком. Пережив такую чудную перемену в своей жизни, он смело написал нам: «заявляю, що життя моє – чудове!» Его обращение к Господу успокоило и утешило наши сердца, что наш блудный сын вернулся в дом Отчий, за что мы сердечно возблагодарили Бога.

Несмотря на то, что Петя продолжал отбывать свой срок в тех тяжелых лагерных условиях, но он нашел себе утешение в Господе и смело начал свидетельствовать заключенным о любви Божией. Господь ответил на его молитвы и подарил ему сыночка Антошу, так что на свидания к нему Неля приезжала уже не одна, а вдвоем с маленьким Антошей. Петя благодарил Бога и, прижимая сыночка к своей груди, радовался, что Господь благословил его наследником. Они с Нелей с нетерпением ожидали его освобождения, предвкушая радость совместной семейной жизни. Никто из них не мог предвидеть, что это их свидание и встреча на этой земле была последней...

После своего обращения к Богу, как потом нам стало известно из рассказов некоторых заключенных, Петя начал свидетельствовать о Боге. Врачи признали его больным шизофренией и отправили на лечение в Запорожскую область в психбольницу.

Как его там лечили, какие применяли методы – нам неизвестно, но жене свидания с ним не давали, передач не принимали и, примерно, через три месяца его, крайне истощенного, избитого, с изуродованным лицом, полуживого, под строгим конвоем отправили опять в

Катериновку. Прошло пару недель его пребывания в Катериновке, как вдруг, 21 сентября 1994 года, Галя нам по телефону сообщила печальную новость, что умер Петя. Вышеупомянутые подробности о нем нам стали известны после его похорон. Ехать на похороны мы не смогли. Всю заботу о похоронах, по нашей просьбе, поручили пресвитеру Ровенской церкви брату Олейнику Василию Ивановичу и моей родной сестре Лене. Мы были очень благодарны Господу, родным и друзьям – Марцину Анатолию Амосовичу, Олейнику В.И. Назаруку Александру и всей церкви, принявшей участие в похоронах нашего сына. Тело его покоится под мраморным памятником на кладбище в пос. Молодежном, в окрестностях Ровно.

Очень печально и больно, что в расцвете лет, в возрасте 42 года наш Петя отошел в потусторонний мир к Господу, но вместе с тем, нас радует, что, как ни долог и труден был его путь к покаянию, но Господь не лишил его Своей милости и принял его, как раскаявшегося блудного сына в Свой небесный Отчий дом. Вот такими, если нужно, скорбными путями. Господь, любя грешников, спасает от вечного ада и приводит в Свои чудные обители рая.

Не могу умолчать еще об одной милости Божией, проявленной лично ко мне. Однажды, в летнюю пору, мы с Надеждой решили поехать на лечебное озеро Сооп-Лэйк, в расстоянии около трехсот километров. Приготовили все нужное для десятидневного пребывания на озере и в полуденную жару отправились в путь. Выезжая из нашей долины, в которой расположен наш городок Аубурн, мы все выше и выше поднимались в горы.

Вокруг прекрасная, очаровательная горная природа; скоростная трасса проложена между высоких скалистых утесов с одной и с другой стороны, склоны гор покрыты еловым лесом, а вдали от дороги виднелись голые вершины, некоторые из них покрыты снегом, который не таял круглый год. Внизу между гор протекает быстроводная река, на берегу которой можно было изредка увидеть туристские домики и дома отдыха. Воздух чистый, насыщенный кислородом и ароматом хвои, дышится легко-легко, все прекрасно, как в красивой сказке.

Проехали миль пятьдесят, поднялись на перевал, спустились вниз и перед нами – красавица Колумбия большущая река Америки. Только проехали через мост на противоположный берег, через несколько миль началась знойная, рыжая пустыня, покрытая высохшей травой «перекатиполе» и кустами верблюжьей колочки. Пустыня похожа на нашу Казахстанскую. А когда подъехали ближе к Сооп-Лэйку, на пути стали встречаться сельскохозяйственные фермы, поливные поля с богатым урожаем зерновых и овощей. И так, любуясь придорожным пейзажем, к вечеру мы прибыли к месту назначения в поселок Сооп-Лэйк. Здесь мы нашли хороших верующих друзей, которые приютили нас, предоставив нам жилье. На другой день с утра мы отправились на озеро и принялись усердно лечить свои недуги и набираться здоровья. Вода в озере, как мыльная, даже пенится, она содержит в себе 17 минералов по таблице Менделеева, очень соленая, плотная. Кроме мелких водяных блошек в озере нет никакой живности. Говорят, что в такой воде легко плавать.

Викторовна предпочитала больше быть в воде, она чувствовала, что водичка помогает ей, дает облегчение. Когда выходила из воды, то обмазывалась грязью, ложилась на горячий целебный песок и лежала до следующего погружения в воду. Я не любитель купаний, плавать не умею, залезу по колени в воду, сяду, побарахтаюсь и при помощи палочки, спотыкаясь, выходил на травку, ложился на коврик и загорал. Надежда звала меня в воду, но я предпочитал оставаться на траве. Когда же она, накупавшись, вышла, чтобы обсохнуть на солнышке, я решил самостоятельно, без ее помощи залезть в воду и попробовать плавать. Надежда настойчиво запрещала мне одному идти в воду и хотела мне помочь, но я категорически отказался, пренебрег ее помощью и пошел в воду один. Немного посидел в воде, а потом решил попробовать плавать. С палкой я не расставался. Держась за ее конец, я пустился «вплавь». Хорошо и легко было плыть! Руками упираюсь в пещаное дно, передвигая вперед туловище, я начал сильно взбалтывать воду ногами и мне казалось, что я могу плыть.

А что, если попробовать на глубине? Наверное, там тем более легко, вода удержит меня на поверхности. Жена лежала на солнышке, может быть даже вздремнула под воздействием какого-нибудь целебного минерала, а я, плененный успехом в плавании, удалялся от берега. Навстречу мне моторные лодки и ветерок поднимали небольшие гребешки волн. Проплыв еще немного, я вдруг потерял дно: туловище мое погрузилось в воду, ноги поднимаются кверху, а волны заливают лицо. Что делать? Рядом никого нет, кричать не могу – вода попадает в рот, захлебываюсь, еще немного и я пойду ко дну. Но даже если бы и кто-то был рядом, недалеко от меня, то не обратил бы особого внимания, подумал бы, что дед просто нырнул на дно за лечебной грязью. Барахтаясь в воде и борясь за жизнь, в голове промелькнула мысль: вот и пришла моя кончина... Я мысленно обратился за помощью к Богу и тут вспомнил, что в правой руке у меня палка и, хотя я держал ее сантиметров десять-пятнадцать от конца, но этого было достаточно, чтобы упереться на нее и поднять выше голову. С Божьей помощью, упираясь на конец палки, я помаленечку выбрался из опасной зоны и, глубоко вдыхая воздух после испуга, «поплыл» на четвереньках к берегу.

Когда я рассказал Надежде о происшедшем со мной, то она укорила меня за непослушание, а я пришел к выводу, что иной раз и жена бывает права и нужно прислушиваться к ее советам.

Еще об одном важном, значительном и приятном событии хочется рассказать прежде, чем я закончу мои воспоминания. Это радостное событие произошло в моей жизни уже на американской земле.

Миновало больше половины столетия с той поры, когда в начале Второй мировой войны судьба разлучила меня с моей двоюродной сестрой Женей, дочерью тети Харитины. Узнав о том, что она была угнана немцами на работы в Германию, я много думал о ней и беспокоился, что ей, такой молодой, неопытной и незащищенной девушке будет очень трудно переживать все мытарства чужбины, будучи оторванной от родных и близких и даже не иметь письменного общения с ними. Но Бог не лишил ее Своей милости и на чужбине. Он даровал ей доброе и отзывчивое сердце и окружающие люди любили ее и старались, хоть отчасти скрасить ее одиночество, помочь и защитить ее. Женя была на редкость красивой. Своей миловидностью и добротой она пленила сердце молодого белоруса Миши, также заброшенного с родителями военной суматохой в чужую страну. Господь даровал им взаимную любовь друг ко другу и они объединились для семейной жизни, чтобы вместе преодолевать все трудности и лишения, разделять радость и горе земного странствования. Бог благословил их жизнь, сохранил во всех опасных моментах и помог им, если я не ошибаюсь, в 1948 году благополучно эмигрировать в США.

Очень не просто было вначале молодым эмигрантам приживаться на новом континенте; приходилось много и тяжело работать, платили тогда очень мало. Но, с Божьей помощью, преодолев все трудности, обжились, приспособились к новым условиям и начали помалу вставать на ноги. Женя с Мишей воспитали троих прекрасных детей —двух дочерей и сына; дали детям высшее образование. Теперь уже дети имеют свои семьи, так что дедушка и бабушка имеют возможность не только в старости отдыхать, но и радоваться внучатам.

Когда мы, по приезде нашем в Америку, созвонились с ними, они очень обрадовались и изъявили желание посетить нас, мы с нетерпением ожидали долгожданной встречи. Время ожидания тянулось бесконечно долго, но вот, наконец, настал этот радостный момент нашей встречи. О, это не забываемый день! Всею семьей мы поехали в аэропорт встречать дорогих гостей. Вот самолет подруливает к месту высадки пассажиров. Сидце невольно стучит сильнее: какая же она теперь, моя дорогая сестричка Женя? Ведь со времени нашей встречи прошло долгих и трудных 52 года, которые наложили свой отпечаток на каждого из нас. Узнаю ли я ее? Наконец появились и они – Миша, Женя и их дочь Кэти. Пролетевшие годы, конечно же, оставили свой след, но Женя и теперь ослепительно-прекрасна и по-своему привлекательная.

Такая же очаровательная, милая улыбка, такая же доброта в глазах, кажется, что за это время, с годами она стала еще более красивой. И так, по милости Божией, летом 1993 года, после долгой разлуки мы встретились с Женей на американской земле, и не только с ней, но и с Мишей и Кэти, которых еще никогда не видели, ощутили теплоту родственных отношений и сердечных объятий. Много беседовали, делились пережитым в суровые военные годы; вспоминали наше детство, свою Украину, родное село, родство и благодарили Бога за все Его милости, за чудную и желанную встречу на этой земле.

Быстро пролетели дни свидания. Женя и Миша много рассказали нам о своих мытарствах, которые пришлось пережить, о всех трудностях жизни на чужбине; рассказали, что после всего, теперь у них спокойная, обеспеченная жизнь, имеют свой хороший дом, машину, пенсию и все необходимое. Дети устроены хорошо – имеют все, кроме одного: не имеют живой и спасающей веры в Иисуса Христа, в Его драгоценную Жертву, хотя всю жизнь являются прихожанами православной церкви в своем городе, Миша поет в церковном хоре и еще имеет какую-то должность и довольны тем, что имеют. Пробовали мы с ними говорить о спасении, о живой и спасающей вере, но Миша никак не расположен к таким разговорам, даже воспринял не совсем дружелюбно. Ну, что ж, как Слово Божие говорит: «Если же и закрыто благовествование наше, то закрыто для погибающих, для неверующих, у которых бог века сего ослепил умы, чтобы для них не воссиял свет благовествования о славе Христа...» (2 Кор.4: 3-4).

Но мы молимся за них, чтобы Господь коснулся их и просветил очи сердца их, и открыл им путь спасения.

И вот настал час расставания, нашим дорогим необходимо возвращаться домой в штат Миннесоту, на расстояние от нас около 3-х тысяч км. С грустью и сожалением проводили мы всей семьей дорогих и близких нашему сердцу Женю, Мишу и Кэти в аэропорт. Встретимся ли еще на земле, ведь наша жизнь уже близится к закату... И так хотелось бы встретиться с ними некогда у ног Христа и никогда больше не разлучаться. Господь да услышит наши молитвы и проявит к ним Свою милость. Хочется верить, что они примут спасающую благодать в свои сердца.

Господь еще мне подарил одну встречу с Женей и Мишей. Это было, когда они отмечали свою Золотую Свадьбу. И вот на этот торжественный юбилей они пригласили и нас и мне Господь помог, с дочерьми Лэсей и Олей побывать у них в гостях.

Итак, заканчивая книгу своих биографически изложенных воспоминаний, хочу обобщить весь пройденный жизненный путь краткими библейскими словами, некогда высказанными великим мужем Божиим, пророком Самуилом: «... до сего места помог нам Господь» (1 Цар.7:12). Глубоко сознаю свою полную зависимость от Господа, что только при Его благословении я смог пройти через все житейские трудности и невзгоды и сохранить верность Ему, слава Господу! Он даровал мне прожить 72 года. В родном селе, до выезда в Германию, я прожил более 19 лет, в Германии – 3.5 года и полтора года служил в советской армии в Литве. По возвращении домой я еще один год прожил в родном селе Великие Сады, потом 3.5 года в г.Броды, Львовской области. Дольше всего я жил в г. Дубно. Ровенской области – 25.5 лет. а более 16-ти лет жил в Эстонии. г.Валга. Теперь, по милости Божией, вот уже более 3-х лет живу в Америке. Не знаю, сколько еще Господь продлит мое странствование в этой земной юдоли, это только Ему известно, думаю, что осталось совсем немного тернистой дороги и я достигну тихой, желанной небесной пристани вечного обитания с моим дорогим Спасителем, Который приобрел меня Своею Жертвой в Свою собственность.

Несмотря на то, что в моем жизненном букете были не только душистые розы, но и колючие тернии, я всегда и везде чувствовал руку Божию, которая вела меня через житейские невзгоды. Мой добрый Пастырь никогда не оставлял меня одного: в радости и в скорбях, в труде и болезнях Он всегда был рядом. На всем моем жизненном пути Он был для меня лучшим Другом, Наставником и путеводной Звездой, слава Ему за все, Аминь.

Подобно псалмопевцу и царю Давиду, с радостью и глубокой благодарностью я сегодня могу воскликнуть: « Межи мои прошли по прекрасным местам и наследие мое приятно для меня. Благословлю Господа, вразумившего меня...» (Пс.15:6-7).

Я сердечно благодарен моей дорогой жене Надежде Викторовне за то, что она взяла на себя корректировку книги и весь машинописный труд и, в результате нашей совместной двухгодичной работы и при Божьем благословении, по желанию детей и внуков – была написана эта книга.

Слава Господу за все, Аминь!